This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY ORGANIZED 1891

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

ПУТЕВЫЯ
ВПЕЧАТЛѢНІЯ

ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ

НА СѢВЕРѢ И ЮГѢ

А. МИЛЮКОВА.

Milükov, A. P.
3687
910
M-60
1505
.55

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА И ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.
1865.

DK 450
M5

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 30 Мая 1864 года.

НАПРАВЛЕНО
В ОБМЕННЫЙ ФОНД
БИБЛИОТЕКИ
АКАДЕМИИ.
2021
27.

Въ типографіи Рогальскаго и К°.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОЧЕРКИ ФИНЛЯНДІИ.

ПЕРВАЯ ПОѢЗДКА.

		стр.
I.	Шлиссельбургъ	1
II.	Коневецъ и Валаамъ	13
III.	Сердоболь. — Пугойсъ	22
IV.	Свиной-Хребетъ	36
V.	Нейшлотъ	45
VI.	Рандасала	57
VII.	Сенъ-Микель. — Сайменскій-каналъ	67
VIII.	Иматра	80
IX.	Выборгъ. — Mon-Réros	90

ВТОРАЯ ПОѢЗДКА.

I.	Фридрихсгамъ	101
II.	Кайзоля. — Ляхтисъ	112
III.	Тавастгусъ	120
IV.	Таммерфорсъ	131
V.	Водопадъ Кюро	141
VI.	Кивиніеми	150
VII.	Або	161
VIII.	Гельсингфорсъ	171
IX.	Окрестности Гельсингфорса. — Свеаборгъ	183

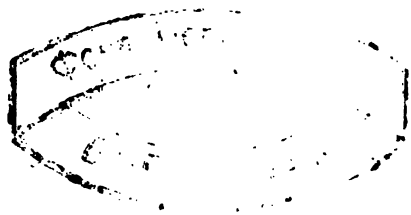
ПО ОБѢ СТОРОНЫ АЛЬПОВЪ.

I. Недѣля въ Женевѣ . . . . . .
II. Мой переходъ черезъ Альпы . . . . . .
III. Миланъ . . . . . .

АѲИНЫ И КОНСТАНТИНОПОЛЬ.

I. Корфу . . . . . .
II. Лепантскій-заливъ . . . . . .
III. Коринѳскій-перешеекъ . . . . . .
IV. Пирей. — Пріѣздъ въ Аѳины . . . . . .
V. Акрополь . . . . . .
VI. Пниксъ и Ареопагъ. — Тюрьма Сократа . . . . .
VII. Храмы Тезея и Юпитера . . . . . .
VIII. Новый городъ . . . . . .
IX. Университетъ. — Арсакеонъ . . . . . .
X. Гротъ-нимфъ . . . . . .
XI. Патисія . . . . . .
XII. Архипелагъ. — Дарданеллы . . . . . .

XIII. Золотой-Рогъ . . . . . .
XIV. Курбатъ-Бэйрамъ . . . . . .
XV. Изнанка Константинополя . . . . . .
XVI. Ая-Софія . . . . . .
XVII. Топханское гулянье. — Сладкія-Воды . . . . .
XVIII. Мечети и тюрбе . . . . . .
XIX. Дервиши . . . . . .
XX. Атмейданъ. — Цистерны . . . . . .
XXI. Безестенъ . . . . . .
XXII. Стѣны и кладбища . . . . . .
XXIII. Стамбульскія бани . . . . . .
XXIV. Больной и врачи . . . . . .
XXV. Босфоръ . . . . . .



ОЧЕРКИ ФИНЛЯНДІИ

(1851 — 1852 г.)

ПЕРВАЯ ПОѢЗДКА

I.

Шлиссельбургъ.

Давно хотѣлось мнѣ видѣть Финляндію. Въ наше время ѣздить по Европѣ пріятно; но тамъ все извѣстно вамъ, какъ въ знакомомъ саду, гдѣ вы знаете каждую дорожку. Финляндія, напротивъ, похожа въ этомъ смыслѣ на дикій лѣсъ, о которомъ вы слыхали однѣ таинственныя сказки, и куда входите безъ составленныхъ заранѣе впечатлѣній. Туристы не проникали въ нее далѣе Иматры и гельсингфорсскихъ купаленъ.

Желаніе мое исполнилось: поѣздка наконецъ состоялась.

Ничто такъ не важно въ путешествіи, какъ выборъ товарищей. Ни дурныя дороги, ни грязные трактиры, ни скверная погода не въ состояніи такъ отравить поѣздки, какъ случайный товарищъ, съ которымъ у васъ нѣтъ ничего общаго во взглядѣ на цѣль и планъ путешествія, на дорожныя потребности и желанія. Въ этомъ отношеніи поѣздка моя сложилась удачно: мы ѣхали втроемъ, всѣ одинаково здоровые и веселые, съ однимъ гастрономическимъ и эстетическимъ вкусомъ, и въ тоже

время съ разными оттѣнками въ идеяхъ. А когда у васъ мало поклажи, много любопытства и веселости, да сверхъ того порядочный запасъ элементовъ для спора и бесѣды—поѣздка обѣщаетъ немало удовольствій.

Въ ясное іюньское утро пріѣхали мы къ Смольному монастырю, на пристань шлиссельбургскаго парохода. Комета дымилась. На палубѣ пестрѣли по обыкновенію дамскія шляпки и неизбѣжныя военныя фуражки. Въ девять часовъ пробилъ послѣдній звонокъ, и пароходъ отвалилъ отъ пристани.

Съ обычными салютами шляпъ и бѣлыхъ платковъ поднялся онъ вверхъ по Невѣ,—и вотъ по берегамъ рѣки, особливо по лѣвому, начали показываться огромныя строенія, прорѣзанныя въ нѣсколько этажей сотнями оконъ и дымящіяся исполинскими трубами — clochers de l'industrie, какъ говоритъ Барбье. Съ часъ тянулся передъ нами этотъ мануфактурный Невскій-проспектъ, эта безконечная улица фабрикъ и заводовъ. Многіе изъ нихъ щеголяютъ даже архитектурными претензіями, особенно зданія фарфороваго и чугуннаго заводовъ—и наконецъ Александровская-мануфактура. Но можно ли назвать фабрикою этотъ городокъ, съ его пятью тысячами жителей, съ его садами и дачами, съ его шумомъ и дѣятельностью? Это Бирмингамъ въ миніатюрѣ... Здѣсь явилась первая паровая машина въ Россіи.

Когда мы поровнялись съ мануфактурою, поклонники преферанса раскинули уже на палубѣ зеленый столикъ, и какой-то тузъ, въ сюртукѣ съ бобровымъ воротникомъ, вышелъ изъ каюты съ двумя колодами картъ. Онъ распечаталъ ихъ съ ловкостью, которой позавидовалъ бы самъ Боско: обертки разлетѣлись съ громомъ пистолетнаго выстрѣла, и карты дождемъ посыпались на столъ.

— Браво! закричалъ кто-то: это салютъ мануфактурѣ.

— А что̀, господа: не выпить ли за ея процвѣтаніе?

— Прекрасно! шампанскаго!

Вино явилось, и не смотря на раннее утро, тостъ за благоденствіе Александровской-мануфактуры отозвался передъ ея стѣнами. Благодаря этому обстоятельству, я вспомнилъ, что здѣсь работаются карты на всю Россію.

Черезъ нѣсколько минутъ на правомъ берегу показалась Рыбацкая-слобода, а за нею селеніе нѣмецкихъ колонистовъ, съ чистенькими домиками, обнесенными палисадникомъ. На берегу играли дѣти, въ цвѣтныхъ платьицахъ и соломенныхъ шляпкахъ. Это лѣтніе петербургскіе гости, которыхъ выпустили сюда на два мѣсяца, какъ птичекъ, изъ душныхъ столичныхъ клѣтокъ.

Между-тѣмъ пассажиры безпрестанно обращались къ шкиперу съ вопросомъ: скоро ли будутъ пороги?

— Вотъ пороги! сказалъ наконецъ шкиперъ.

— Гдѣ? гдѣ?

Онъ указалъ на рѣку.

Всѣ надежды туристовъ разлетѣлись въ пухъ. Невскіе пороги не только не похожи на Нарвскій водопадъ, но ихъ нельзя и замѣтить, если не покажутъ. Они лежатъ почти на половинѣ пути изъ столицы въ Шлиссельбургъ, недалеко отъ мызы Пеллы, и съ перваго взгляда совсѣмъ не страшны. На берегу виднѣются разсѣянные камни и падаются незамѣтно въ самую рѣку; только быстрое теченіе, крупная зыбь и небольшіе всплески показываютъ опасность этого мѣста. Но для судоходства оно очень чувствительно: суда стоятъ иногда вблизи пороговъ по нѣскольку дней, выжидая благопріятнаго вѣтра и не отваживаясь переступить черезъ эту невидимую, но опасную грань. Какъ-будто въ утѣшеніе наше, наканунѣ большая

барка съ дровами попала на камни. Когда мы проходил мимо, она была въ самомъ незавидномъ положеніи: сере дина, упираясь въ подводные камни, выдавалась наверх а края опускались въ воду, и она отчаянно скрипѣла какъ будто умоляя о помощи. Подлѣ нея стояли двѣ больш лодки, и рабочіе съ пѣснями перегружали на нихъ дрова

За порогами самое замѣчательное мѣсто—Островки Высокій берегъ, готическія башни, красивый домъ, при крытый свѣжею зеленью — все это отражается въ заливѣ замкнутомъ небольшими зелеными островами. Это лучше мѣсто на всемъ протяженіи невскихъ береговъ. Наконец на низменномъ островѣ, какъ будто прямо на водѣ, по казались желтоватыя стѣны Шлиссельбургской-крѣпости а за ними синѣло темной полосою Ладожское-озеро.

Мы шли отъ Смольнаго-монастыря ровно шесть ча совъ. А давно ли случалось, отправляясь изъ Петербург на народной лодкѣ, пріѣзжать въ Шлиссельбургъ при не благопріятной погодѣ на другія сутки! Но знаете ли вы что̀ такое народная лодка?

Подлѣ Невскаго-монастыря есть двѣ пристани, н которыхъ вы найдете нѣсколько большихъ, патріархальнс грязныхъ лодокъ. Онѣ ходятъ по назначеннымъ дням въ Новую Ладогу и Тихвинъ. Лодка раздѣляется обыкно венно на двѣ половины: назади устроена небольшая семей ная каюта для особыхъ наемщиковъ, а въ передней част помѣщаются прочіе пассажиры. Въ каютѣ тянутся во кругъ деревянныя лавки изъ голыхъ досокъ, а подъ па лубой нѣтъ ничего, кромѣ грязнаго пола. Вы пріѣзжает на пристань, спрашиваете — идетъ ли лодка и есть л мѣсто? Хозяинъ торопливо снимаетъ шапку и вѣж ливо отвѣчаетъ, что мѣста есть и лодка сей-часъ отпра вится. Вы уговариваетесь въ цѣнѣ, даете задатокъ, при

казываете перенести на лодку свою поклажу и отпускаете лошадь. Лодка еще пуста.

Проходитъ часъ. Вы начинаете скучать, спрашиваете, скоро ли отправятся? Лодочникъ, уже не снимая шапки, но съ прежнимъ спокойствіемъ отвѣчаетъ опять—*сей часъ*; и опять проходитъ цѣлый часъ, а вы не видите еще ни малѣйшихъ приготовленій къ отъѣзду. Остается одно изъ двухъ: отыскать извощика, бросить задатокъ и уѣхать съ пристани, или запастись хорошенько терпѣніемъ и ждать еще часа два или три. Но вотъ ковчегъ начинаетъ понемногу наполняться, и скоро наполняется до такой степени, что въ немъ, какъ говорится, негдѣ пасть яблоку. Въ переднемъ отдѣленіи мужички разстилаютъ свои кафтаны, складываютъ котомки и располагаются плотными рядами, безъ промежутковъ, какъ бутылки въ ящикѣ, съ тою разницею, что ихъ не перекладываютъ соломою. Можете представить, какія удовольствія ожидаютъ васъ на пути, хотя вы и заняли мѣсто въ каютѣ, гдѣ можете даже шевелиться, не опасаясь сломать реберъ, если только не забыли взять съ собой подушекъ. Наконецъ пассажиры, или—какъ говорятъ здѣсь—сѣдоки собрались, лодочникъ въ третій разъ напился чаю, на лодку втащили лошадь, которая должна будетъ тянуть ее, и вы переправляетесь на другую сторону Невы. Раздается громкая команда лодочника: «молись, ребята!» Всѣ разомъ встаютъ, снимаютъ шапки и молятся на кресты Невскаго-монастыря. Вы двинулись. Но не прошло часа, лодка останавливается у брандвахты, для предъявленія накладной, въ которой означено—откуда и куда слѣдуетъ судно, и гдѣ въ особой графѣ, подъ печатнымъ титуломъ *Названіе клади*, крупно и четко написано: *съ пассажирами*. И накладная не ошибается. Стоитъ заглянуть во внутренность лодки, чтобы

увѣриться, какъ прилично и мѣтко это выраженіе: здѣсь пассажиры въ самомъ дѣлѣ могутъ быть названы кладью, также какъ негры на невольничьемъ кораблѣ. Но вотъ вы миновали грозную заставу, лошадь высажена на берегъ, и лодка пошла на бичевѣ. Длинная веревка привязывается однимъ концемъ къ верхушкѣ шеста, величаемаго мачтою, а другимъ къ хомуту тощей клячи, на которую сажаютъ мальчишку лѣтъ десяти или двѣнадцати. Эта ползучая машина, въ половину лошадиной силы, тянетъ лодку до мѣста назначенія. Можете представить, какъ это идетъ скоро! Замѣтьте еще, что на встрѣчу вамъ безпрестанно попадаются суда, или вы сами обгоняете большія барки, которыя тянутся лямкою, то-есть людьми, и разумѣется еще медленнѣе. Всякій разъ бичеву на лодкѣ ослабляютъ, спускаютъ подъ встрѣчное судно, потомъ опять натягиваютъ, и эти остановки случаются на одной верстѣ по нѣскольку разъ. Иногда бичева, по неосторожности лодочника, зацѣпляется за какую-нибудь барку или за другую бичеву, и тогда надъ вашей каютою раздается бѣшеный топотъ и оглушительный крикъ бородатаго капитана: «засòрило! засòрило!» Этимъ воплемъ, съ приправою необходимыхъ ругательствъ, дается знать погонщику, чтобы онъ торопился отстегнуть веревку отъ хомута; иначе лодка можетъ опрокинуться или стащить въ воду свою четвероногую машину и съ кондукторомъ.

Верстахъ въ четырехъ отъ пороговъ есть деревня Щербинка. Тутъ лодка останавливается передъ харчевнею, и сѣдоки передняго отдѣленія спѣшатъ къ вожделѣнному обѣду. Вы принуждены терпѣливо ждать, покуда накормятъ весь этотъ караванъ, начиная съ командира судна до его измученной клячи. Черезъ два-три часа вы пускаетесь далѣе. Послѣ обѣда публика передней каюты

замѣтно оживляется: начинается круговая пѣсня или любимая русская сказка про плутоватаго батрака и его бородатаго хозяина. За десять верстъ до Шлиссельбурга вы останавливаетесь еще разъ, и наконецъ ваше многострадальное плаваніе приходитъ къ вожделѣнному концу. Вотъ какъ у насъ путешествовали по Невѣ, отъ Рюрика до г. Вышинскаго, которому вздумалось составить первую кампанію невскаго нароходства.

Видъ Шлиссельбурга, со стороны Невы, не дуренъ. Налѣво тянется берегъ, поросшій мелкимъ лѣсомъ, направо обширный заливъ и по берегу его масса городскихъ строеній, а прямо на низменномъ островѣ — небольшая крѣпость, омываемая сѣрыми водами Ладожскаго-озера. Но картина эта отличается какимъ-то мрачнымъ колоритомъ, оттого ли что она сама по себѣ печальна, или потому, что пробуждаетъ можетъ быть горькія чувства въ душѣ.

Островъ, на которомъ построена крѣпость, назывался встарину Орѣховымъ, какъ говорятъ потому, что берега его покрыты были густымъ орѣшникомъ. По имени острова и самый городъ получилъ названіе Орѣшка, а у шведовъ Нотенбурга; Петръ I, овладѣвъ городомъ и считая его ключемъ ко всему прибалтійскому краю, назвалъ его Шлиссельбургомъ.

Положеніе Орѣховаго острова, при истокѣ Невы, было особенно важно въ то время, когда Новгородъ торговалъ съ нѣмцами и боролся съ Швеціею. Орѣшекъ сдѣлался поэтому настоящимъ яблокомъ раздора между сосѣдями. Но я не намѣренъ утомлять читателей разсказами о томъ, какъ эта крѣпость переходила нѣсколько разъ отъ русскихъ къ шведамъ. Разскажу лучше объ одной дѣтской игрѣ, не лишенной историческаго смысла,

которую вы можете и теперь видѣть на любой изъ шлиссельбургскихъ улицъ. Эта игра называется «въ Орѣшекъ.» Дѣти собираются обыкновенно толпою и раздѣляются на двѣ партіи, на два враждебныя войска. Одни занимаютъ высокій берегъ какой-нибудь канавы, край широкой лужи или большой камень — въ чемъ нѣтъ недостатка на городскихъ улицахъ — и это Орѣшекъ. Другіе отходятъ прочь, потомъ понемногу начинаютъ приближаться и съ шумомъ нападаютъ на крѣпость. Они толкаютъ, стаскиваютъ своихъ противниковъ и стараются занять ихъ мѣсто. Когда имъ удастся это, они кричатъ хоромъ: «мой городъ Орѣшекъ!» Тутъ роли перемѣняются: побѣдители должны теперь защищаться, а выбитая изъ воображаемой крѣпости толпа приступаетъ къ ней до тѣхъ поръ, пока не отниметъ потеряннаго мѣста и, въ свою очередь, не закричитъ: «мой городъ Орѣшекъ!» Эта дѣтская игра, исполненная простодушной сатиры, лучше всякихъ лѣтописей даетъ понятіе объ исторіи Орѣшка.

Впослѣдствіи Шлиссельбургу суждена была другаго рода извѣстность. Еще въ 1718 году крѣпость сдѣлалась мѣстомъ заточенія одной узницы. Евдокія, первая жена Петра, уличенная въ участіи по дѣлу несчастнаго сына своего, царевича Алексѣя, заключена была въ Шлиссельбургъ и девять лѣтъ провела въ башнѣ, обращенной окнами на Ладожское-озеро. Но мысль сдѣлать Шлиссельбургскую-крѣпость постоянной темницею принадлежитъ, кажется, Миниху. Какъ главный производитель работъ по Ладожскому-каналу, онъ часто бывалъ въ Шлиссельбургѣ. Тогда-то, вѣроятно, обдумывая низложеніе врага своего Бирона, онъ назначалъ ему тюрьму за этими мрачными стѣнами. Грозный регентъ провелъ годъ въ одной изъ башенъ замка.

Мы отправились въ крѣпость на казенномъ катерѣ. Лишь-только онъ вышелъ на середину невскаго рукава, на крѣпостной стѣнѣ раздался громкій крикъ часоваго: «катеръ идетъ!» и повторился другимъ часовымъ въ самой крѣпости. Этимъ крикомъ дается знать комендапту о прибытіи кого нибудь изъ города.

Шлиссельбургская-крѣпость стоитъ при самомъ выходѣ Невы изъ Ладожскаго-озера. Желтоватыя стѣны ея замыкаются по угламъ круглыми башнями, съ красными кровлями. Эти массивныя башни ограждены бастіонами, осыпанными булыжникомъ и сверху обложенными дерномъ. На сѣверо-восточной сторонѣ крѣпостныя стѣны нѣсколько выше: это замокъ, отдѣленный отъ крѣпости рвомъ, съ перекинутымъ черезъ него мостикомъ. Съ крѣпостной стѣны видъ мраченъ и дикъ: съ одной стороны городъ съ мелкими домами, прорѣзанный каналомъ, по которому тянется длинная вереница мачтъ; съ другой — обширный заливъ Ладожскаго-озера, и на свинцовыхъ водахъ его стаи судовъ, бѣлѣющихъ подобно чайкамъ. Тишина прерывается только боемъ крѣпостныхъ часовъ, да плескомъ волнъ, шумящихъ по камнямъ. Крѣпостной соборъ выстроенъ недавно, и въ немъ нѣтъ ничего замѣчательнаго. Подлѣ церкви, съ восточной стороны, возвышается довольно обширная продолговатая насыпь, на которой недавно начали разводить садъ. Это общая могила русскихъ и шведовъ, падшихъ при взятіи крѣпости.

Самый городъ, или форштадтъ, расположенъ на лѣвомъ берегу Невы. При первомъ взглядѣ на планъ города, нельзя не замѣтить его выгоднаго положенія. Построенный на одномъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ сѣверной Россіи, Шлиссельбургъ омывается съ сѣвера широ-

кой Невою, съ востока — заливомъ Ладожскаго-озера, и перерѣзывается двумя устьями канала, соединяющаго столицу съ внутренними губерніями. Но если вы полюбуетесь счастливымъ положеніемъ города, зато самая постройка его вамъ не понравится. Грязныя, по большей части немощеныя улицы, маленькіе, ветхіе деревянные домики, неживописно окрашенные временемъ въ однообразный темно-сѣрый цвѣтъ — производятъ непріятное впечатлѣніе. Нѣтъ ни гостинаго двора, ни публичнаго сада; только по береговой дамбѣ Ладожскаго-канала тянется бульваръ, обсаженный тощими рябинками. Такимъ образомъ, кромѣ шлюзовъ, въ городѣ нѣтъ ничего замѣчательнаго.

Шлиссельбургскіе шлюзы, которыми Ладожскій-каналъ сообщается съ Невою, принадлежатъ къ числу важнѣйшихъ сооруженій въ Россіи. Старый четырехъ-камерный шлюзъ открытъ былъ въ 1832 году, ровно черезъ сто лѣтъ послѣ прорытія канала. При постоянномъ усиленіи навигаціи число проходящихъ по каналу судовъ до того увеличилось, что принуждены были прорыть другое устье канала, и на немъ возникли новые двухъ-камерные шлюзы. Сквозь эти гранитныя ворота проходитъ ежегодно не одинъ десятокъ тысячъ судовъ. Странное положеніе Шлиссельбурга! Поставленный при устьѣ Ладожскаго-канала, въ самомъ отверстіи золотаго рога нашей внутренней торговли, онъ не извлекаетъ изъ того ни малѣйшей выгоды. Вся промышленность его состоитъ въ одной ловлѣ сиговъ, да и тѣхъ онъ не ѣстъ, а отсылаетъ въ Петербургъ.

Что касается до климата, то въ этомъ отношеніи Шлиссельбургъ ни въ чемъ не уступаетъ Петербургу: сѣверо-восточные вѣтры, дующіе съ Ладожскаго-озера

съ честью выдерживаютъ соперничество съ своими балтійскими собратами, такъ хорошо извѣстными жителямъ столицы. Но говоря о шлиссельбургскомъ климатѣ, нельзя забыть здѣшнихъ мошекъ, единственное самобытное произведеніе мѣстной почвы. Извѣстный туристъ XVII вѣка Олеарій говоритъ въ своихъ запискахъ: «Въ Нотенбургѣ насъ очень безпокоили мошки, изъ породы извѣстной подъ именемъ parausta: ихъ было такое множество, что онѣ помрачали дневной свѣтъ, и ни на минуту не позволяли намъ открыть глаза». Съ перваго взгляда это выраженіе кажется преувеличеннымъ, какъ и многіе разсказы новѣйшихъ путешественниковъ. Но кто жилъ въ Шлиссельбургѣ, тотъ согласится, что Олеарій правъ. Въ наше время, когда берега озера осушены каналомъ и многія болота уничтожены, мошки эти появляются еще въ иные годы въ такомъ множествѣ, что городскіе дома, улицы и деревья покрываются цѣлыми тучами насѣкомыхъ, а канавы наполняются ими иногда вершка на два и болѣе. Вѣроятно, это зависитъ отъ какихъ-нибудь особенностей климата.

Проходя отъ пароходной пристани къ гостинницѣ, я замѣтилъ одинъ новенькій домъ, какого-то неопредѣленнаго цвѣта, и мнѣ показалось, что онъ какъ-будто покрытъ пухомъ, трепещущимъ отъ вѣтра. Подхожу ближе — и что же? Домъ недавно былъ выкрашенъ, и къ свѣжей краскѣ пристали милліоны мошекъ, такъ что не осталось малѣйшаго уголка, не покрытаго этой живой штукатуркою. Множество мошекъ, прилѣпясь только краями крыльевъ, еще билось и трепетало.

Мы остановили прохожаго старика, тащившаго ветхую рыболовную сѣть.

— Что, дѣдушка, всегда у васъ такъ много мошекъ?

— Годъ на годъ не приходитъ, отвѣчалъ онъ — но неча слава Богу!

— А что же вамъ въ этомъ добрѣ?

— Какъ что̀!

— Да на что̀ онѣ вамъ?

— Какъ на что̀! Коли мошки много, то и рыбы в волю.

Я порадовался, что бѣдные шлюшинцы на самом непріятномъ произведеніи своей почвы построили добру примѣту.

Не смотря на близость къ столицѣ, въ Шлиссел бургѣ сохранился еще національный костюмъ. Мы видѣл какъ горожанки шли въ церковь, въ шелковыхъ сараф нахъ, обшитыхъ золотымъ галуномъ, въ кокошникахъ повязкахъ, низанныхъ жемчугомъ и украшенныхъ фол гою. Но говорятъ, кокошники убываютъ замѣтно съ ка дымъ годомъ, и постепенно замѣняются платочкомъ, че цомъ, а наконецъ и шляпкою. Меня увѣряли, что в одной изъ шлиссельбургскихъ улицъ открылся даже ма газинъ съ вывѣскою: *Модесъ этъ Робесъ*. Но, признаюс я самъ этого не видалъ.

II.

Коневецъ и Валаамъ.

На шлиссельбургской пристани, рядомъ съ невской Кометою, дымился другой пароходъ, мрачный и закоптѣлый. Надъ черными колесами его виднѣлась надпись: Валаамъ. Это угрюмый пустынникъ ладожскихъ водъ, плавающій по суровому озеру, отъ Шлиссельбурга до Сердоболя. Въ шесть часовъ вечера пассажиры собрались на пароходъ, и колеса его зашумѣли. Медленно обогнулъ онъ печальныя стѣны крѣпости, какъ-будто неохотно выбрался въ озеро, и вдали, на Кошкиномъ-мысѣ, показался угрюмый, черный маякъ. Передъ нимъ стояло много судовъ, выжидая попутнаго вѣтра.

Пройдя мысъ, пароходъ вышелъ въ открытое озеро, и башни Шлиссельбургской-крѣпости начали тонуть вдалекѣ. Чѣмъ далѣе, тѣмъ картина становилась однообразнѣе: водная пустыня раскидывалась обширнѣе, рамы ея опускались ниже, наконецъ городъ скрылся, крестъ соборной колокольни блеснулъ послѣднимъ лучемъ и исчезъ. Со всѣхъ сторонъ виднѣлась вода, и только налѣво тянулась темная полоса западнаго берега, низменнаго и

лѣсистаго. Шумъ пароходныхъ колесъ, да тяжелые однообразные удары машины нарушали мертвую тишину.

Съ закатомъ солнца вѣтеръ началъ усиливаться, изъ крупной зыби образовалось волненіе. Пароходъ стало качать. Когда стемнѣло, вѣтеръ скрѣпчалъ еще болѣе; качка сдѣлалась довольно сильною и неправильною: волны, разбиваясь о грудь парохода, крупнымъ дождемъ орошали палубу. Большая часть пассажировъ перебралась въ каюту.

Нигдѣ у насъ не случалось мнѣ видѣть такого пестраго, разнохарактернаго общества, такой смѣси одеждъ, лицъ и нарѣчій, какъ на ладожскомъ пароходѣ. Тутъ вы встрѣтите представителей всевозможныхъ сословій: богомольцы съ созерцательными лицами, монахи, подпоясанные черными ремнями, туристы съ дымящимися сигарами, финны съ своимъ невозмутимымъ спокойствіемъ— все это представляетъ картину любопытную. Французскія фразы перемѣшиваются съ чухонскимъ языкомъ и съ русскими народными поговорками. Когда я спустился на нѣсколько минутъ въ каюту, она была совершенно полна. Въ одномъ углу двое молодыхъ людей, развалясь на подушкахъ, читали въ полголоса Monte-Cristo. Напротивъ ихъ сѣдой старикъ, съ патріархальной бородою, окруженный тремя или четырьмя богомолками, съ ногъ до головы закутанными въ черное, разсказывалъ о подвижничествѣ какого-то соловецкаго затворника. Посерединѣ стоялъ зеленый столикъ, и двое купцовъ нетерпѣливо постукивали картами по сукну, въ то время какъ третій хлопоталъ всучить кому-нибудь изъ пассажировъ четвертую карточку.

Между-тѣмъ на палубѣ картина была живописная: озеро кипѣло, вѣтеръ срывалъ пѣнистыя вершины волнъ

и далеко уносилъ ихъ брызги. На кормѣ парохода, у компаса, горѣла свѣча, отбрасывая яркій свѣтъ на лоцмана, сѣдаго старика съ длинной бородою, развѣваемою вѣтромъ.

Озеро бушевало всю ночь, и пароходъ шелъ медленнѣе обыкновеннаго. Каждыя десять минутъ бросали лотъ. Недостатокъ въ дровахъ заставилъ насъ измѣнить курсъ и зайдти въ Чортову-Лахту. Этотъ заливъ—лучшая пристань на всемъ западномъ берегу озера: высокіе лѣсистые берега закрываютъ его отъ всѣхъ вѣтровъ. Здѣсь заготовляются въ большомъ количествѣ дрова для Петербурга. Сильный туманъ принудилъ насъ простоять здѣсь болѣе трехъ часовъ, не смотря на то, что до Коневскаго острова не оставалось и семи верстъ, и звонъ монастырскихъ колоколовъ долеталъ до парохода. Утренній чай и легенды о Чортовой-Лахтѣ сократили для насъ эту скучную стоянку.

Наконецъ туманъ мало-по-малу разсѣялся; но сѣрыя облака застилали еще небо, и крупная зыбь волновала озеро. Въ десять часовъ мы вышли изъ Лахты, и передъ нами забѣлѣла ограда Коневскаго-монастыря, на берегу лѣсистаго острова.

Коневскій островъ лежитъ во сто десяти верстахъ отъ Шлиссельбурга. Основаніе монастыря относится къ концу XIV вѣка, когда пустынникъ Арсеній пришелъ сюда съ Аѳонской-горы. Финскіе язычники, обитавшіе на ближнемъ берегу, пасли обыкновенно на островѣ свои стада, и въ благодарность духамъ, покровителямъ скотоводства, каждое лѣто приносили жертву на одномъ большомъ камнѣ и оставляли подлѣ него коня. Преданіе утверждаетъ, что оттого камень, на которомъ совершались жертвоприношенія, названъ Конемъ-камнемъ, а

послѣ и самый островъ получилъ названіе Коневца. сеній, поселясь на островѣ, разорилъ языческій алт совершилъ молитвы надъ камнемъ и освятилъ это кое мѣсто.

Пароходъ остановился на якорѣ, въ нѣсколькихъ женяхъ отъ пристани, устроенной передъ самымъ м стыремъ. Въ нѣсколько минутъ монахи перевезли н на берегъ въ монастырскихъ лодкахъ. Все строеніе монастырѣ новое, и любитель старины не найдетъ з ни одной древности. Послѣ шведскихъ набѣговъ лѣла одна природа, да старые обычаи монастыр жизни.

Мы хотѣли видѣть Конь-камень, и намъ дали водника. Дорога шла черезъ Святую-гору, гдѣ строенъ скитъ съ небольшой церковью. Это едва не лучшее мѣсто на всемъ островѣ. Полюбовавшись стоположеніемъ этой пустыни, пошли мы къ Коню-ка который лежитъ въ сѣверо-западной части острова, далѣе версты отъ монастыря. Проводникъ вывелъ на узкую тропинку, которая извивалась между высок соснами и, разсѣянными въ дикомъ безпорядкѣ, гра ными камнями, лѣпилась по обрыву горы, подъ густ сводомъ нависшихъ деревьевъ, спустилась въ глуб оврагъ, и наконецъ привела насъ къ большой скалѣ раго гранита, покрытой мохомъ и блѣдно-зелеными шаями. Это Конь-камень. На самомъ хребтѣ его во шается небольшая деревянная часовня, а подлѣ нея разсѣлины камня выбѣгаетъ молодая березка. Я взош по лѣстницѣ наверхъ, и меня поразила дикая кра этого мѣста: кругомъ мракъ и тишина; огромныя со стоятъ неподвижно, какъ будто сторожа заповѣдный мень, и таинственнымъ шатромъ раскидываютъ надъ н

БИБЛИОТЕКА ВОЕННОЕ ТЕХНИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

свои густыя вѣтви. Камень вышиною въ шесть аршинъ, а въ окружности болѣе двѣнадцати саженъ; но обломки гранита, разсѣянные вокругъ и очевидно отторгнутые отъ него временемъ, доказываютъ, что прежде онъ былъ гораздо болѣе.

Въ четыре часа мы переѣхали на пароходъ и тотчасъ же снялись съ якоря. Вѣтеръ утихъ, небо очистилось. Часа черезъ три Коневскій-островъ и западный берегъ озера потонули вдали, ни одного судна не было видно на озерѣ, ни одного облачка на небѣ, и только дымъ отъ пароходной трубы длинной полосою тянулся по направленію едва замѣтнаго вѣтра, и расширяясь болѣе и болѣе, сѣрымъ облакомъ висѣлъ на краю горизонта. Мы прошли небольшой островъ Мигарку, и тутъ зачернѣлъ вдали высокій берегъ Валаама.

Глубокій заливъ далеко вдается во внутренность острова. Это Никонова пристань, лучшая гавань на всемъ Ладожскомъ-озерѣ. Окруженная высокими берегами, она такъ безопасна, что самыя большія суда могутъ стоять въ ней безъ якоря, на одной веревкѣ, во время сильнѣйшей бури. Мы вошли въ проливъ, который вьется между грудами скалъ, окружающими Валаамъ, и потомъ глубокимъ рукавомъ вдается внутрь главнаго острова. Скоро на маленькомъ островкѣ показалась часовня, а вслѣдъ за нею, на высокомъ берегу, ограда и соборъ Валаамскаго-монастыря. Мы прошли еще съ версту въ узкомъ заливѣ: съ обѣихъ сторонъ тянулись скалы; мрачныя сосны стоятъ непроницаемою стѣною на ихъ вершинахъ, и желтоватый мохъ лѣпится по обнаженнымъ ребрамъ. Пароходъ подошелъ къ пристани. Надъ нашими головами, на каменномъ утесѣ, почти отвѣсно возникающемъ надъ водою, возвышался монастырь, съ бѣ-

ФОНД

лыми стѣнами, изъ-за которыхъ далеко въ небѣ сверкали главы собора. Надъ балюстрадой, примыкающей къ самому краю скалы, стояли длиннымъ рядомъ монахи; ихъ черныя рясы казались еще чернѣе при яркой бѣлизнѣ стѣнъ, освѣщенныхъ послѣдними лучами солнца. Въ вышинѣ, какъ-будто за нѣсколько верстъ, глухо раздавался колокольный звонъ.

О времени основанія Валаамской-обители лѣтописи выражаются очень неопредѣлительно. Полагаютъ, что первыми пустынниками этого дикаго острова были Сергій и Германъ; но когда они жили—неизвѣстно. Одни думаютъ, что они поселились здѣсь еще во времена Ольги; другіе относятъ это къ XIV вѣку, и кажется послѣднее мнѣніе вѣроятнѣе, потому-что русскіе не ранѣе этого времени утвердились на Корельскомъ берегу. Въ междуцарствіе монастырь былъ разоренъ. Отъ этого здѣсь, какъ и въ Коневскомъ-монастырѣ, нѣтъ ни одного древняго зданія.

Пароходъ остался на Валаамѣ до утра. Поздній пріѣздъ не позволилъ намъ побывать въ кельяхъ «неусыпающихъ» братій, ни въ пустыняхъ схимниковъ, разсѣянныхъ въ глубинѣ острова, о которыхъ богомольцы разсказывали намъ много любопытнаго. Я пошелъ бродить по монастырю. Ночь была прекрасная: при лунномъ свѣтѣ бѣлыя монастырскія стѣны казались еще бѣлѣе, зелень лѣса темнѣе и гуще, и воды залива свѣтло горѣли въ черной рамѣ своихъ гранитныхъ береговъ. Я зашелъ на монастырское кладбище, которое здѣсь называютъ «усыпальницею.» Мнѣ хотѣлось видѣть такъ называемую могилу Магнуса. На ней, какъ мнѣ разсказывали, есть надпись, въ которой подробно описывается, какъ шведскій король занесенъ былъ бурею на Валаамскій-островъ, постриженъ и умеръ въ этомъ монастырѣ. Ко-

нечно, подлинность этой могилы не заслуживаетъ историческаго довѣрія, потому-что въ шведскихъ лѣтописяхъ положительно говорится, что Магнусъ умеръ въ Норвегіи. Но любопытно то, что у насъ сохранился древній актъ, извѣстный подъ именемъ «Магнусова завѣщанія,» въ которомъ тоже говорится о постриженіи шведскаго короля въ монастырѣ Святаго Спаса. Прохожій монахъ указалъ мнѣ эту апокрифическую могилу и подтвердилъ о существованіи надгробной надписи; но я ничего не нашелъ на этой насыпи. Доска съ рѣзною надписью, по словамъ моего чичероне, снята для возобновленія полуизглаженныхъ буквъ, за нѣсколько дней до нашего пріѣзда. Возвратясь на пароходъ, я не нашелъ уже большей части нашихъ пассажировъ: они остались въ монастырѣ — одни до возвращенія парохода изъ Сердоболя, а другіе даже на цѣлую недѣлю, до будущей поѣздки. Мы заснули въ каютѣ подъ звонъ монастырскихъ колоколовъ.

Съ восходомъ солнца пароходъ вышелъ изъ залива. Едва мы повернули къ сѣверу, какъ вдали зачернѣли острова и шхеры Сердобольскія, и съ каждой минутою выше и выше поднимались надъ водою. Между ними открылись проливы, и пароходъ пошелъ однимъ изъ этихъ водныхъ ущелій. Острова, замыкающіе сѣверный берегъ озера, выше Валаама. Это дикія скалы сѣраго гранита, мѣстами опушенныя мелкими соснами; по обрывистымъ краямъ ихъ желтѣетъ мохъ, и въ трещинахъ камней лѣпится тощій кустарникъ. Чѣмъ далѣе подвигались мы проливомъ къ сѣверу, тѣмъ болѣе чувствовали приближеніе суровой и мрачной Финляндіи: кустарникъ становился рѣже, нагіе утесы мрачнѣе. На каждомъ шагу дикія скалы выставляли свои обнаженныя ребра, прикры-

тыя рубищемъ жалкаго вереска и исчерченныя ржавы промоинами. Кругомъ не видать было ни одной пти Явленіе парохода въ этомъ дикомъ лабиринтѣ угрюмь утесовъ кажется какою-то странной случайностью, кимъ-то неожиданнымъ, вопіющимъ контрастомъ. Од кожъ версты за двѣ до Сердоболя эта пустынная к тина оживилась: на озерѣ показалось множество лодо Чухны изъ окрестныхъ селеній спѣшили въ городъ воскресной службѣ, въ нарядныхъ платьяхъ — мужчі въ синихъ суконныхъ курткахъ съ металлическими пу вицами, женщины въ шерстяныхъ полосатыхъ или кл чатыхъ юбкахъ яркихъ цвѣтовъ, съ большими мѣдні и жестяными бляхами на шеѣ, прицѣпленными въ ка ствѣ нашихъ брошекъ. Насъ особенно поразило то, надъ веслами трудился одинъ прекрасный полъ, а ка леры сидѣли въ лодкахъ въ самомъ полномъ бездѣйст

Пароходъ обогнулъ каменный мысъ — и вотъ по зался отлогій берегъ, склоняющійся къ озеру, а по сі его ряды сѣрыхъ деревянныхъ строеній, одного цвѣта береговымъ гранитомъ. Это Сердоболь.

Учрежденіе пароходства на Ладожскомъ-озерѣ, ко рое мы теперь прошли изъ конца въ конецъ, встрѣч было сначала зловѣщими толками. Безпрестанное к шеніе судовъ, погибающихъ болѣе отъ своей патрі хальной постройки и образцовой безпечности пловце утвердило въ народѣ мысль о неодолимой опасности эт озера. Другіе помнили извѣстную картину, распрост ненную у насъ въ сотняхъ копій и литографическ снимковъ, на которой представляется Петръ I, у р полуразбитой лодки съ переломленной мачтою, поср испуганныхъ гребцовъ, въ отчаяніи опустившихъ ве Даже люди грамотные увѣряли, что никакой парох

не уцѣлѣетъ на страшномъ озерѣ, проклятомъ Петромъ Великимъ; что подводные камни, мели и разсыпчатое неправильное волненіе остановятъ предпріятіе въ самомъ началѣ. Опровергать невѣжество можно только фактами — и рядъ благополучныхъ рейсовъ ладожскаго парохода доказалъ, что плаваніе по озеру не опаснѣе нашихъ прогулокъ въ Петергофъ.

III.

Сердоболь. — Пугойсъ.

Пароходный свистокъ встревожилъ весь городъ: толпы поселянъ, пріѣхавшихъ къ праздничной службѣ, бѣжали отъ церкви къ берегу, и скоро пристань и набережная густо покрылись народомъ. Не смотря на то, что Валаамъ плаваетъ по озеру уже третій годъ, на насъ смотрѣли, какъ на выходцевъ изъ другаго міра. Не безъ труда пробрались мы сквозь густыя толпы финновъ, которые наперерывъ старались продраться къ пароходу. Въ толпѣ женщинъ я не замѣтилъ ни одного привлекательнаго лица, и если всѣ финскія красавицы похожи на сердобольскихъ, то мудрено представить себѣ прелести Сакамьелы, языческой богини любви въ древней Сомаландіи. Но зато на каждомъ шагу встрѣчались намъ лица, которыя блистательно оправдывали извѣстность, еще въ средніе вѣка пріобрѣтенную финнами во всей Европѣ, по части колдовства и чародѣйства. Загорѣлыя и сухія лица, съ блестящими впалыми глазами и длинными прядями рыжихъ волосъ, напоминали тѣхъ чародѣевъ, которые, какъ говорится въ сагахъ, волновали море, наводили мракъ на солнце, вызывали мертвыхъ и своими заклинаніями способствовали даже, по словамъ

тарой лѣтописи, побѣдамъ Густава-Адольфа, и только не могли заговорить русскаго оружія. Теперь потомки страшныхъ финскихъ волшебниковъ смотрѣли на пароходъ, какъ на произведеніе новѣйшаго чародѣйства.

Сердоболь называется по-фински Сардовала. Это маленькій, печальный городокъ, раскинутый по отлогому скату гранитной горы, мѣстами прикрытой легкимъ слоемъ земли, мѣстами выставляющей свои обнаженныя каменныя лысины. Полагаютъ, что теперь ему около трехъ вѣковъ отъ роду. Городокъ этотъ жилъ всегда очень тихо, и вся исторія его ограничивается тѣмъ, что въ одинъ божій день онъ былъ разоренъ Карломъ XII. Впрочемъ, онъ давно забылъ и это единственное событіе своей политической дѣятельности, обстроился по-прежнему деревянными домишками, обзавелся порядочнымъ кладбищемъ и ведетъ мелочную торговлю съ Петербургомъ. Въ часъ мы обошли Сердоболь кругомъ и осмотрѣли вдоль и поперекъ. На краю города стоитъ деревянная чухонская церковь, безъ малѣйшихъ признаковъ какой-нибудь архитектуры. Передъ нею было множество двухъ-колесныхъ таратаекъ, на которыхъ съѣхались къ обѣднѣ окрестные жители. Всѣ каменныя постройки въ городѣ ограничиваются печными трубами. Но въ этомъ непомнящемъ родства городкѣ есть предметъ, которому могутъ позавидовать лучшія столицы въ Европѣ: это мостовая. Ни заграничныя плиты, ни макъ-адамовское шоссе, ни петербургскіе торцы не выдержатъ соперничества съ той системою, по которой вымощенъ Сердоболь. Его мостила природа. Городъ стоитъ на цѣльной каменной скалѣ, и по каждой улицѣ его тянется сплошное гранитное полотно, по которому съ громомъ катятся колеса и звонко стучатъ копыта финской лошади. Мостовая эта держится

довольно опрятно: ее подметаютъ не дворники, а сѣверный вѣтеръ.

Цѣлый день провели мы въ городѣ, въ скромномъ нѣмецкомъ семействѣ, куда привезли рекомендательныя письма. Окрестности Сердоболя отличаются довольно живописной дикостью: высокіе берега залива, желтѣющіе мохомъ, и гранитныя возвышенія, раскинутыя амфитеатромъ на сѣверѣ, не чужды своего рода красоты.

Между-тѣмъ погода стояла прекрасная: все предвѣщало свѣтлую, лунную ночь. Мы рѣшились воспользоваться прохладнымъ, тихимъ вечеромъ и послали за лошадьми. Намъ привели двѣ таратайки, называемыя по фински раттами. Это двухъ-колесная телѣжка, въ видѣ незатѣйливо сколоченнаго ящика, на двухъ гибкихъ жердяхъ вмѣсто рессоръ, къ которому прикрѣплено сидѣнье въ родѣ кресла, съ рѣшетчатой, закругленной спинкою, Низенькая чухонская лошадка впрягается въ эту телѣжку безъ дуги, однимъ краснымъ деревяннымъ хомутомъ, похожимъ нѣсколько на древнюю лиру. На передней таратайкѣ сидѣлъ мальчикъ лѣтъ десяти, въ синей суконной курткѣ съ мѣдными пуговицами, съ краснымъ платкомъ на шеѣ. Задняя телѣжка была безъ проводника. Мы согласились, чтобъ одинъ изъ насъ ѣхалъ поочередно съ извощикомъ, а двое на другой таратайкѣ, перемѣняясь такимъ образомъ на каждой станціи. Запасы наши положили въ ящики, мы сами помѣстились на подушкахъ и черезъ нѣсколько минутъ выѣхали изъ Сердоболя. Не смотря на простоту конструкціи, чухонскій экипажъ оказался удобнымъ.

Низенькія лошадки наши бѣжали бойко по гладкой дорогѣ, но колокольчикъ, привѣшенный къ хомуту, звѣнѣлъ какъ-то глухо и монотонно: въ немъ совсѣмъ нѣтъ

той удали, какою отличается его валдайскій товарищъ. И кажется, здѣсь не любятъ его: два раза нашъ маленькій извощикъ вставалъ для того, чтобъ заткнуть сѣномъ докучный язычекъ.

Отъ самаго Сердоболя шла гористая сторона. Съ каждаго возвышенія виднѣлись во всѣ стороны гранитныя горы, покрытыя ельникомъ и высокими соснами. Песчаная гладкая дорога вилась передъ нами желтой лентою: она то взбѣгала на возвышенія, то опускалась въ долины, то исчезала за горными отрогами. Скорая ѣзда по хорошей дорогѣ — наслажденіе въ путешествіи. Мы ѣхали прекрасно. На ровномъ мѣстѣ здѣсь лошадь бѣжитъ обыкновенно рысью, въ гору поднимается тихимъ шагомъ, а съ вышины пускается непремѣнно въ скачь. Съ непривычки эта ѣзда кажется нѣсколько опасною, но вы скоро къ ней привыкаете. Здѣсь иначе не ѣздятъ. Дороги въ Финляндіи превосходныя, таратайки очень-удобны для горной ѣзды, а лошади совершенно привыкли къ своимъ утесамъ. Мы ѣхали въ безконечномъ лабиринтѣ гранитныхъ горъ: со всякой вершины открывался видъ на новыя отдаленныя возвышенія, тонувшія въ послѣднихъ лучахъ солнца, въ безконечныхъ переливахъ зелени, темнѣвшей по мѣрѣ отдаленія. Я ѣхалъ эту станцію въ задней телѣжкѣ. Передняя таратайка часто уносилась впередъ; то виднѣлась она далеко наверху, карабкаясь въ гору, то при поворотѣ дороги скрывалась изъ виду за лѣсомъ или скалою, и только облако пыли, раззолоченной солнцемъ, показывало ея направленіе.

Солнце скрылось за дальними возвышеніями, когда мы пріѣхали въ Ритти. Какъ-скоро намъ подали новыя таратайки, на одну изъ нихъ взобралась дѣвочка, лѣтъ одиннадцати, съ распущенными волосами, похожими на

ленъ, въ красной юпкѣ и суконной курточкѣ. Это нашъ новый извощикъ. Наѣздница бойко махнула кнутомъ, и мы пустились далѣе.

Ночь была въ самомъ дѣлѣ свѣтлая и непродолжительная. Только-что съ далекихъ вершинъ сбѣжалъ послѣдній красноватый отблескъ заката, какъ бѣлыя струйки тумана поползли изъ ущелій на скаты потемнѣвшихъ холмовъ. Съ каждой минутой эти пары сгущались. Нерѣдко, съѣзжая съ какой-нибудь горы, я видѣлъ, что дорога вдругъ опускается въ какую-то пропасть, бѣлѣющую подобно озеру: это была глубокая долина, обвитая густымъ туманомъ. Съ вершины холмовъ часто видишь, какъ этотъ туманъ, разливаясь по низменностямъ и оврагамъ, до половины закутываетъ горы, не касаясь ихъ вершинъ, и кажется будто передъ тобою море, усѣянное множествомъ острововъ. Глаза такъ привыкаютъ къ этой картинѣ, что и самыя озера, попадающіяся между холмами, принимаешь за туманныя долины. Температура мѣняется безпрестанно; на одной верстѣ вы находите нѣсколько климатовъ: спускаясь въ долину, чувствуешь свѣжій, холодный воздухъ, и плотнѣе закутываешься въ пальто; а черезъ нѣсколько шаговъ, поднимаясь опять на гору, дышешь теплой, ласкающей струею, и готовъ совсѣмъ сбросить верхнее платье.

Не прошло часа, какъ горныя вершины по лѣвую сторону дороги начали желтѣть, и эта свѣтлая полоса съ каждой минутою стала опускаться ниже, темная зелень начала золотиться, длинные стволы сосенъ краснѣли, туманъ разлетался съ быстротою дыма и прятался въ глубинѣ ущелій. И вотъ лѣса и горы засверкали яркой золотистой зеленью при лучахъ восходящаго солнца. Ландшафты, достойные кисти Калама, отразились въ свѣт-

лыхъ водахъ озеръ. Но въ этой минутѣ было много грустнаго. Здѣсь при восходѣ солнца мы не слыхали того концерта жизни, какой обыкновенно привѣтствуетъ васъ на югѣ въ эту торжественную минуту пробужденія природы. Здѣсь этотъ часъ былъ мертвенно-безмолвенъ. Жаворонокъ не кидался передъ нами въ небесную глубину съ замирающей пѣснію, соловей не наполнялъ лѣса своими гремящими трелями; только изрѣдка гдѣ-нибудь на озерѣ плескалась рыба, зыбкій кругъ разбѣгался по тихимъ водамъ, — и потомъ снова все казалось неподвижнымъ и мертвымъ.

Мы остановились ночевать въ Рускалѣ, извѣстной своими мраморными ломками. Эта станція, или по здѣшнему гастгеберство, бѣдна, но опрятна. Съ крыльца вы входите въ чистую комнату, гдѣ полъ усыпанъ, по финскому обычаю, рубленымъ ельникомъ. На столѣ лежитъ дорожная книга, съ указаніемъ разстоянія до ближайшихъ станцій и самой платы за проѣздъ; въ эту книгу проѣзжающіе записываютъ свои имена и мѣста — откуда и куда ѣдутъ. Вокругъ стѣнъ разставлено нѣсколько березовыхъ стульевъ, и между ними непремѣнно большое кресло на выгнутыхъ полозьяхъ, какъ у дѣтскихъ деревянныхъ лошадокъ. На этихъ креслахъ любитъ качаться финнъ, куря свою нескончаемую трубку. На передней стѣнѣ виситъ «стадга,» или почтовое постановленіе, а рядомъ съ нимъ такса немногочисленныхъ станціонныхъ припасовъ, напечатанная на русскомъ, шведскомъ и финскомъ языкахъ. При помощи этихъ дорожныхъ руководствъ вы можете спокойно объѣхать всю Финляндію, хотя бы не знали ни слова на народномъ языкѣ. Намъ разостлали тюфяки въ боковой комнатѣ, на полу, густо усыпанномъ свѣжимъ ельникомъ.

*

Поутру, напившись кофе, мы вышли на крыльцо,— и передъ нами открылась картина въ теньеровскомъ вкусѣ. Подлѣ самаго гастгеберства виднѣлась полуразвалившаяся мельница, надъ небольшимъ природнымъ водопадомъ. Двѣ или три женщины, стоя на гранитныхъ камняхъ, полоскали бѣлье въ шумно-гремящемъ каскадѣ; а на крыльцѣ гастгеберства сидѣло на лавкахъ съ полдюжины стариковъ-чухонъ, въ широкополыхъ шляпахъ, и въ невозмутимомъ молчаніи курили изъ коротенькихъ трубочекъ. Мы спросили проводника на мраморныя ломки— и намъ дали мальчика, который говорилъ на какомъ-то непозволительно исковерканномъ подобіи русскаго языка.

Рускальскія мраморныя ломки, славныя во всей окрестности, лежатъ въ полуверстѣ отъ станціи. Мы пошли пѣшкомъ и черезъ нѣсколько минутъ были уже на мѣстѣ добыванія мрамора. Передъ нами открылась гора, саженъ въ двадцать вышины, разрытая въ видѣ обширнаго амфитеатра, съ грубо вырубленными стѣнами изъ бѣлаго мрамора, съ одной стороны ярко освѣщенная солнцемъ, съ другой подернутая тѣнью,—и въ глубинѣ этого каменнаго кратера сотни работниковъ, занятыхъ расширеніемъ его колоссальныхъ стѣнъ. Одни исполинскими буравами сверлятъ отверстія въ мраморныхъ уступахъ, другіе вытаскиваютъ оторванныя порохомъ глыбы. Проводникъ показалъ намъ, что скоро будетъ взрывъ. Черезъ нѣсколько минутъ толпа, работавшая у скалы, отступила въ сторону, синій дымокъ взвился фонтаномъ, и обрывокъ скалы съ тяжелымъ грохотомъ покатился внизъ.

Бѣлый сердобольскій мраморъ нѣсколько лѣтъ уже добывается на рускальскихъ ломкахъ для разныхъ сооруженій въ столицѣ. Въ послѣднее время работы значительно уменьшились, но и теперь еще на ломкахъ болѣе

двухъ-сотъ человѣкъ рабочихъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ, у самой станціи найденъ пріискъ зеленаго мрамора, но камень оказался до того твердымъ и неудобнымъ къ обдѣлкѣ, что теперь эта ломка совершенно брошена. Вообще сердобольскій мраморъ грубъ, не чистъ и шероховатъ: въ немъ нѣтъ той нѣжности и прозрачности, какими отличается мраморъ итальянскій. Изъ него можно вырубать массивные устои и столбы, но не изваяешь статуи даже и чухонскаго божества.

Изъ Рускалы мы выѣхали, переждавъ полуденный жаръ, по дорогѣ къ Пугойсу, одной изъ самыхъ живописныхъ мѣстностей въ Куопіоской-губерніи. Жаръ былъ еще очень чувствителенъ: гранитныя скалы, раскаленныя солнцемъ, дышали зноемъ. Сторона была также живописна и пустынна. Неправильныя озера стоятъ неподвижно между дикими утесами, и на нихъ въ чудовищномъ безпорядкѣ разбросаны гранитныя скалы, самыхъ неправильныхъ, фантастическихъ очертаній. Вокругъ мертвая тишина. На озерахъ не видали мы ни одной лодки, въ лѣсу не слыхали ни одной птицы, и только изрѣдка за деревьями раздавалось однообразное побрякиванье глухихъ колокольчиковъ, когда разсѣянное стадо сбиралось отъ комаровъ подъ дымъ тлѣющаго костра. Однакожъ эта сторона населена. На сѣрыхъ горахъ показываются мѣстами зеленыя полосы, подобно яркимъ заплатамъ на одноцвѣтномъ рубищѣ. Это значитъ, что посреди гранитныхъ скалъ жители нашли клочекъ земли, удобной для посѣва ржи или ячменя. Вы видите ясно, какихъ трудовъ здѣсь стоитъ человѣку хлѣбъ, сколько упорной твердости нужно поселянину для борьбы съ неблагодарной почвою. Хлѣбъ растетъ здѣсь на камняхъ. Сама природа не позволяетъ финнамъ жить селеніями: крестьянинъ ставитъ избу свою

тамъ, гдѣ находитъ клочекъ удобной земли, а такіе оазы нерѣдко раздѣлены на большое разстояніе безплодными скалами или большими озерами. Отъ этого въ Финляндіи нѣтъ деревень, въ русскомъ смыслѣ этого слова: финскій «гейматъ» нерѣдко состоитъ изъ пяти или шести домовъ, разбросанныхъ на пятиверстномъ пространствѣ.

Саволаксъ — самая пустынная сторона во всей Финляндіи. Путешественникъ составляетъ здѣсь явленіе рѣдкое и замѣчательное: въ станціонныхъ книгахъ по цѣлымъ недѣлямъ не вписывается ни одного имени. На пространствѣ шестидесяти верстъ намъ попалась одна старуха съ корзинкою земляники, да два или три крестьянина, возвращавшіеся съ пашни верхомъ на маленькихъ лошадкахъ, съ сохою, пристегнутой къ хомуту и обернутой сошникомъ кверху. Издали они похожи были на огромныхъ кузнечиковъ, которые на длинныхъ ногахъ своихъ ползали по горамъ.

Къ вечеру пріѣхали мы въ Пугойсъ, на лѣсопильный заводъ, извѣстный по красотѣ мѣстоположенія во всей восточной Финляндіи. Видъ этотъ въ самомъ дѣлѣ достоинъ своей извѣстности. Между грудами бревенъ и распиленныхъ досокъ прошли мы на берегъ озера, и передъ нами открылась панорама дикая и грандіозная. На необъятной поверхности дремлющаго озера виднѣлись безчисленные маленькіе острова самыхъ разнообразныхъ и прихотливыхъ формъ, то опушенные зеленью, то увѣнчанные одной или двумя соснами, то сверкающіе обнаженнымъ гранитомъ. Одни изъ нихъ похожи на огромныя мѣховыя шапки, другіе на прихотливыя громады полярныхъ льдовъ. И эти фантастическіе острова не закрываютъ другъ-друга на далекое пространство: природа разбросала ихъ по озеру съ такимъ искусствомъ, съ та-

кой прелестью перспективы, что вы ясно видите раздѣляющіе ихъ проливы и отраженіе каждаго изъ нихъ въ свѣтлыхъ водахъ озера. Картина эта, косвенно освѣщенная лучами вечерѣющаго солнца, отличалась характеромъ необыкновенно успокоительнымъ: ни одинъ всплескъ рыбы не возмущалъ сонной поверхности озера, ни одна тѣнь легкаго облака не помрачала отраженнаго въ ней неба. Только позади насъ визжали пилы, раздробляя толстыя сосновыя бревна на широкія доски.

Отъ Пугойса мы повернули къ югу, чтобы попасть на знаменитый Свиной-Хребетъ, о которомъ много разсказывали намъ въ Сердоболѣ. Мы хотѣли поспѣть на ночь въ Кеселаксъ, гдѣ рекомендовали намъ комфортабельный ночлегъ. Между-тѣмъ уже стемнѣло.

Когда мы пріѣхали на станцію Сурьясальми, солнце давно уже скрылось. Лошадей на станціонномъ дворѣ не было, за ними побѣжали въ поле—и это задержало насъ съ полчаса. Наконецъ явились таратайки — и при нихъ два проводника. Эта неожиданная новость сильно не понравилась намъ: до сихъ поръ на два экипажа вездѣ давали одного только извощика, и мы ѣхали очень удобно. Теперь на одной телѣжкѣ предстояло сидѣть троимъ. Мы рѣшились протестовать. Всѣ наши познанія въ чухонскомъ языкѣ ограничивались десятками четырьмя самыхъ необходимыхъ дорожныхъ фразъ, а потому мы старались выразить пантомимою нежеланіе посадить другаго проводника. Насъ кажется поняли, но не думали уступить: показывая на дорогу, чухны обращались къ намъ съ какими-то убѣжденіями, которыхъ мы рѣшительно не понимали. Чтобъ положить конецъ этимъ преніямъ на незнакомомъ языкѣ, я вскочилъ съ товарищемъ на таратайку—и мы пустились впередъ безъ проводника. Другая

телѣжка, въ которой сидѣлъ уже нашъ третій товарищъ съ извощикомъ, двинулась за нами. Мы выѣхали изъ воротъ гастгеберства при тревожномъ говорѣ озадаченныхъ финновъ.

Черезъ нѣсколько минутъ задняя таратайка обогнала насъ, и извощикъ что-то кричалъ намъ, указывая назадъ. Я обернулся. Проводникъ, котораго мы не пустили на свою тележку, мальчикъ лѣтъ пятнадцати, догонялъ насъ бойкой рысью.

— Не посадить ли его? спросилъ я товарища.

— Подождемъ: онъ отстанетъ.

Товарищъ мой привсталъ немного и началъ махать проводнику, приглашая его воротиться. Это не подѣйствовало: чухонецъ, не отвѣчая ни слова, продолжалъ бѣжать по-прежнему. Дорога живописно тянулась по горамъ, покрытымъ густою опушкою лѣса. Мы проѣхали еще съ версту. Я опять обернулся: мальчикъ бѣжалъ неутомимо за таратайкою. Казалось, у него на ногахъ были крылья, какъ у Меркурія.

— Неужели онъ будетъ бѣжать до Кеселакса? сказалъ мой товарищъ.

— Двадцать верстъ? какъ это можно! Надобно его взять.

— Но если мы теперь возьмемъ двухъ извощиковъ, это можетъ повториться и впередъ.

— Такъ сдѣлаемъ послѣдній опытъ—проскачемъ еще съ версту, какъ можно скорѣе. Если онъ не воротится и тогда — посадимъ съ собою.

— Идетъ!

Я погналъ лошадь, и въ одну минуту мы обскакали переднюю таратайку. Въ ту же минуту за нами послышались громкіе крики отставшаго извощика. Я обер-

нулся: онъ стоялъ въ телѣжкѣ, держась за возжи, и махалъ шляпою съ самымъ встревоженнымъ видомъ. Лошадь его была хуже нашей, и онъ напрасно употреблялъ всѣ усилія обогнать насъ. Скороходъ бѣжалъ вдали съ отчаяннымъ крикомъ. Я хотѣлъ остановить лошадь, но дорога шла подъ гору, и мы неслись вихремъ. Остановиться до спуска съ горы было уже невозможно. Вдругъ дорога, опускаясь съ крутизны, круто повернула въ сторону, обогнула большую скалу сѣраго гранита и страшно оборвалась на берегу какого-то озера, передъ массами густаго тумана, котораго бѣлыя волны застилали невидимую даль противоположнаго берега. Лошадь съ непостижимой ловкостью уперлась копытами на краю самаго берега, и на аршинъ отъ воды стала какъ вкопаная. Тутъ мы поняли, для чего намъ хотѣли дать двухъ проводниковъ, и глубоко почувствовали свое безразсудство.

Едва успѣли мы соскочить съ таратайки, какъ прибѣжалъ нашъ Меркурій, блѣдный, встревоженный. За нимъ извощикъ спускалъ съ горы другую таратайку, держа лошадь въ поводу. Они смотрѣли на насъ, и казалось не вѣрили своимъ глазамъ. Убѣдясь наконецъ, что пассажиры и экипажъ въ цѣлости, они успокоились, повеселѣли и, смотря на насъ, добродушно покачивали головами.

Скороходъ нашъ подошелъ на самый край берега, оборотился къ туманному озеру, гдѣ тускло и неопредѣленно отражался сернъ молодаго мѣсяца, приставилъ къ губамъ согнутый трубою кулакъ и закричалъ громко и протяжно. Голосъ его глухо отдался въ сосѣднихъ горахъ — и опять все замолкло. Снова закричалъ онъ, и на этотъ разъ вдали послышался отвѣтный крикъ, какъ от-

даленное эхо. Вслѣдъ за тѣмъ я услышалъ однообразный шумъ, похожій на плескъ веселъ: на озерѣ показался въ туманѣ какой-то неопредѣленный призракъ и вскорѣ ясно принялъ формы большаго, неуклюжаго парома. У веселъ сидѣлъ старикъ съ суровымъ морщинистымъ лицемъ, и молодая дѣвушка съ бѣлыми распущенными волосами, оба въ лохмотьяхъ.

Проводники отпрягли таратайки, вкатили ихъ на паромъ, а за ними ввели и лошадей. Одинъ извощикъ долженъ былъ ѣхать съ нами далѣе, а мальчикъ оставался на берегу. И такъ онъ бѣжалъ около пяти верстъ только для того, чтобы спустить таратайку къ озеру и вкатить ее на паромъ. Утирая съ лица крупный потъ, онъ съ улыбкою указывалъ намъ то на гору, то на озеро и старался кажется растолковать, въ какой степени мы рисковали своими шеями. Подобный случай на русской дорогѣ послужилъ бы отличнымъ поводомъ потребовать настоятельно на водку; но эта въ настоящее время очень извинительная мысль не приходила, кажется, въ голову нашему скороходу. На лицѣ его не видать было ничего, кромѣ добродушной радости за благополучное окончаніе нашей скачки. Мнѣ было стыдно и досадно. Я позвалъ мальчика, и не находя другаго средства извинить нашу шалость, пожалъ ему руку и положилъ въ нее полтинникъ. Онъ весело поклонился и побѣжалъ на гору, махая намъ на прощаніе шляпою.

Паромъ двинулся отъ берега. Угрюмый перевощикъ и бѣлокурая его сотрудница гребли дружно огромными веслами. Мало-по-малу противоположный берегъ началъ выходить изъ тумана, и на немъ показалась опять взбѣгающая на гору дорога, которая порвалась за нами такъ неожиданно, вопреки нашей почтовой картѣ. Старикъ

взглянулъ на насъ съ тупымъ удивленіемъ, когда къ казенной платѣ за перевозъ мы прибавили пять копѣекъ.

Дорога пошла опять горами. Въ то время, какъ на озерѣ лежалъ густой туманъ, здѣсь всѣ окрестности ярко рисовались въ лунномъ свѣтѣ. Вся эта станція очень живописна: она отличается видами, достойными лучшаго климата. Въ полночь пріѣхали мы въ Кеселаксъ и нашли чистыя, прекрасныя постели.

IV.

Свиной-Хребетъ.

Не ждите отъ путешественника, котораго судьба приведетъ въ Финляндію, ни историческихъ разсказовъ, ни описаній памятниковъ и развалинъ. У этого края нѣтъ исторіи политической: всѣ остатки его былой жизни состоятъ изъ нѣсколькихъ крѣпостей, напоминающихъ только покореніе страны, сначала шведами, потомъ русскими. Но Финляндія имѣетъ другую исторію, не менѣе мрачную и болѣе любопытную: у нея есть исторія геологическая. Вѣковая жизнь природы, полная самобытныхъ и страшныхъ явленій, оставила здѣсь памятники изъ вѣковѣчнаго гранита, нагроможденные каменной лѣтописью по всему пространству этого чуднаго края. На каждомъ шагу находите вы здѣсь несокрушимые слѣды великихъ событій, гигантскихъ переворотовъ, страшныхъ битвъ и разрушеній, въ которыхъ жили и дѣйствовали не люди, а стихіи. Читать хронику этой бурной эпохи не легко, но у нея есть свой Ламартинъ. Никто такъ не умѣетъ разсказывать объ этомъ геологическомъ переворотѣ, какъ Куторга. Читайте его записки о Финляндіи, и вы живо перенесетесь въ тѣ далекія времена, когда под-

емный огонь расплавилъ страшныя минеральныя массы, авшіяся въ глубинѣ земли, приподнялъ ихъ безконечными ластами надъ поверхностью моря, соорудилъ изъ нихъ цѣлый лабиринтъ каменныхъ горъ, и въ необозримомъ каосѣ разорванныхъ водъ оставилъ тысячи гранитныхъ развалинъ. Вся исторія Финляндіи въ ея скалахъ и озерахъ.

Намъ предстояла поѣздка къ одному изъ самыхъ величественныхъ и оригинальныхъ памятниковъ финской природы: мы ѣхали на знаменитый Пунга-Хари или Свиной-Хребетъ, который потому только не пользуется большой популярностію у европейскихъ туристовъ, что никто изъ нихъ не заглядывалъ еще въ пустынный Саволаксъ.

Послѣ утренняго кофе мы выѣхали изъ Кеселакса. Дорога перебѣгала по-прежнему съ одной возвышенности на другую, и черезъ часъ привела насъ въ маленькую деревушку Пулкала-Мега, раскинутую на вершинѣ высокаго холма, въ центрѣ обширной массы горъ, которыя безъ конца тянулись во всѣ стороны. Открылся видъ, какого мы до сихъ поръ еще не встрѣчали: обширный кругъ, среди котораго мы остановились на самой возвышенной точкѣ, развертываясь верстъ на сорокъ въ діаметрѣ, представлялъ необозримую панораму, съ безчисленными оттѣнками зелени, замкнутую со всѣхъ сторонъ горами.

Чтобъ попасть на Свиной-Хребетъ, намъ слѣдовало отъ станціи Киріавалы ѣхать пятнадцать верстъ боковой дорогою. Безплодная сторона, которую мы видѣли до сихъ поръ, показалась бы оживленнымъ садомъ въ сравненіи съ ожидавшей насъ пустынею. Сначала мы въѣхали въ мелкій, но довольно густой лѣсъ. Узкая, едва проѣзжая дорога была дотого дика, что лошадь бѣжала по цвѣтамъ и молодымъ березкамъ, а колеса таратайки катились по глубокимъ колеямъ, полузаросшимъ травою,

и мы должны были ежеминутно нагибаться, чтобъ защитить глаза отъ нависшихъ повсюду вѣтвей. Затѣмъ дорога пошла по горамъ съ крутыми подъемами и обрывистыми спусками, карабкаясь по обнаженнымъ лысинамъ гранита, гдѣ съ глухимъ гуломъ катилась наша таратайка, и звонко стучали подковы лошади. Одна только финская неутомимая и ловкая лошадка въ состояніи спустить васъ цѣлымъ и невредимымъ съ этихъ головоломныхъ утесовъ.

Только-что мы выѣхали со станціи, какъ обернувшись нечаянно назадъ, я увидѣлъ, что за нами опять бѣжитъ другой проводникъ. Помня урокъ, полученный въ прошедшую ночь, я тотчасъ же остановился и пригласилъ его сѣсть въ таратайку. Онъ отрицательно кивнулъ головою и продолжалъ бѣжать за нашей телѣжкой. Я начиналъ уже думать, что этотъ человѣкъ былъ совсѣмъ непричастенъ къ нашей поѣздкѣ, и въ самомъ дѣлѣ онъ черезъ нѣсколько минутъ исчезъ въ лѣсу; но каково же было мое удивленіе, когда, проѣхавъ верстъ семь, я увидѣлъ его снова. Онъ сидѣлъ на камнѣ и преспокойно курилъ. Такъ-какъ мы ѣхали очень тихо, то вѣроятно этотъ скороходъ пробѣжалъ черезъ лѣсъ, по какой-нибудь ближайшей тропинкѣ. Съ дымящеюся трубкою онъ снова пустился, какъ паровозъ, впереди нашего поѣзда. Дорога съ каждымъ шагомъ становилась непроходимѣе: по сторонамъ лежали массы гранита, оторванныя отъ горъ и разбросанныя въ дикомъ безпорядкѣ. Намъ попадались не разъ поселяне: это особый типъ горцевъ, не похожій на другихъ финновъ. Они сидѣли на маленькихъ лошадкахъ своихъ съ какою-то гордой посадкой, не совсѣмъ обыкновенной у простыхъ земледѣльцевъ. Угрюмыя лица ихъ были въ половину

закрыты длинными прядями рыжихъ волосъ, и глаза сурово сверкали изъ-подъ широкихъ полей шляпы. У каждаго по сторонамъ сѣдла висѣли сумки, плетеныя изъ лыкъ, а за поясомъ заткнутъ былъ большой ножъ въ кожаномъ чахлѣ. Верстъ пять проѣхали мы еще, вслѣдъ за бѣгущимъ скороходомъ. Вдругъ открылся крутой спускъ по голому гранитному черепу. Таратайки остановили и насъ попросили сойти. Извощикъ съ неутомимымъ бѣгуномъ взяли за поводъ лошадей и начали осторожно сводить ихъ съ горы. И такъ бѣдный чухонецъ бѣжалъ больше двѣнадцати верстъ, чтобы только спустить таратайку съ этого возвышенія.

До Путтико оставалось меньше версты, и мы дошли туда пѣшкомъ, въ самомъ блистательномъ расположеніи аппетита. Не смотря на страшную глушь, въ которую заброшена эта станція, завтракъ нашъ, при дополненіи взятыхъ изъ Петербурга запасовъ и вина, оказался довольно удовлетворительнымъ. Отсюда намъ оставалось ѣхать четырнадцать верстъ до Тунансари, и на этомъ-то пути лежитъ Свиной-Хребетъ. Подкрѣпленные завтракомъ и купаньемъ въ ближайшемъ озерѣ, мы поѣхали къ этому чухонскому чуду. Черезъ полчаса очутились мы на берегу одного изъ безчисленныхъ рукавовъ Саймы. У берега стоялъ паромъ. Не отпрягая лошадей и не выходя изъ таратаекъ, переправились мы черезъ узкій проливъ, и передъ нами открылся славный Пунга-Хари.

Представьте себѣ гранитную скалу, въ семь верстъ длиною, брошенную поперекъ озера въ видѣ исполинскаго моста и отдѣленную отъ обоихъ береговъ узкими проливами, изъ которыхъ одинъ мы только что переѣхали, а другой оставался впереди. Этотъ чудовищный каменный хребетъ природа создала съ удивительной пра-

вильностью и симметріей. Обѣ стороны его зубчатыхъ боковъ какъ-будто вырублены по рисунку: если направо отъ скалы отдѣляется остроконечный мысъ или въ гранитную массу врѣзывается округленный заливъ, то и на лѣво противъ нихъ вы увидите мысъ или заливъ, точно такой же формы, того же самаго размѣра. Всякому фестону, въ прихотливомъ очертаніи одной стороны этой фантастической громады, соотвѣтствуетъ такой же фестонъ и съ другой стороны. Почти посерединѣ скалы отдѣляются отъ нея съ обоихъ боковъ два огромные симметрическіе отрога, какъ-будто исполинскія крылья этого чудовищнаго каменнаго дракона. Сложите вдвое листъ бумаги, вырѣжьте изъ нея продолговатую фигуру съ закругленными и острыми зубцами, потомъ разогните эту симметрическую вырѣзку — и вы получите наглядное понятіе о формѣ Свинаго-Хребта. Замѣтьте еще, что этотъ семиверстный мостъ мѣстами съуживается до размѣровъ какого-нибудь проселочнаго мостика, мѣстами расширяется на нѣсколько десятковъ саженъ, и то опускается почти до поверхности самой воды, то поднимается саженъ до двадцати надъ озеромъ; а по самому гребню его бѣжитъ почтовая дорога, обнесенная на крутыхъ мѣстахъ барьеромъ изъ гранитныхъ необтесанныхъ глыбъ и стѣнами высокихъ сосенъ, которыя тянутся изъ конца въ конецъ, опускаясь по бокамъ хребта до самой воды и одѣвая его сплошной зеленой щетиною. Этотъ-то оригинальный, величественный утесъ, выдвинутый по объясненію Куторги со дна моря, дѣйствіемъ подземнаго огня въ геологическую эпоху, неприхотливое воображеніе финновъ сравнило со спиною свиньи и дало ему названіе Пунга-Хари.

Мы ѣхали шагомъ по гладкой, прекрасной дорогѣ.

Съ обѣихъ сторонъ поднимались высокой стѣною тонкія сосны; направо эта стѣна казалась почти черною, налѣво она желтѣла, освѣщенная золотистыми брызгами солнца. Мѣстами стѣна эта кое-гдѣ прерывалась, и сквозь этотъ проломъ виднѣлось озеро. Съ каждой стороны у него былъ особый цвѣтъ, другая физіономія. На востокъ, закрытая скалою часть озера казалась неподвижнымъ, темнымъ зеркаломъ, отражавшимъ на гладкой поверхности своей всю тѣнь коллоссальнаго хребта, покрытаго густою щетиною сосенъ; западный же бассейнъ, обращенный къ вѣтру, волновался крупной зыбью, и по немъ солнечные брызги играли, какъ живое золото. Это одна изъ самыхъ оригинальныхъ картинъ, какія я видѣлъ въ Финляндіи.

Почти на половинѣ хребта дорога огибаетъ особый холмъ, на которомъ стоитъ небольшой чистенькій домикъ съ бельведеромъ. Это мыза, или скорѣе дача, какого-то помѣщика. Она построена на самой возвышенной точкѣ этого утеса, и намъ заранѣе совѣтовали полюбоваться видомъ изъ верхнихъ оконъ домика. Мы остановились и начали взбираться на гору по узенькой крутой тропинкѣ. Туда есть въѣздъ съ самой дороги, но мы давно уже его миновали. Послѣ самаго головоломнаго шествія, усталые и измученные, поднялись мы на площадку, къ подъѣзду домика. На крыльцѣ насъ встрѣтила старушка въ красномъ шерстяномъ платьѣ и огромномъ коленкоровомъ чепцѣ. На поклонъ нашъ она отвѣчала низкимъ и быстрымъ книксеномъ. Начался лаконическій разговоръ съ помощью нашего дорожнаго діалога.

— Гиве пейвэ! здравствуйте!

— Гиве пейвэ!

— Дома хозяинъ мызы?

— Нѣтъ.

— Нельзя ли взойти наверхъ?

— Можно.

Старушка оказалась экономкою и блюстительницею этого чухонскаго замка. Она загремѣла ключами, провела насъ чрезъ низкія комнаты на бельведеръ и оттуда въ небольшую открытую галерею. Передъ нами развернулась обширная картина. Свиной-Хребетъ лежалъ у ногъ нашихъ всею своей массою, отбрасывая по сторонамъ свои крылья, густо опушенныя зеленью, и выказывая всѣ извивы своихъ странныхъ, симметрически-причудливыхъ очертаній. Отсюда вы еще болѣе удивляетесь его необыкновенной правильности, еще яснѣе видите эту прихотливую игру природы. Въ самомъ дѣлѣ это одно изъ чудесъ Финляндіи и безспорно одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ видовъ во всей Европѣ. Закуривъ папиросы, мы сѣли на галереѣ.

— Не хотите ли, господа, кофе? спросилъ одинъ изъ моихъ таварищей.

— Мысль недурная, но развѣ здѣсь трактиръ!

— А на что намъ трактиръ; въ Финляндіи каждая старуха варитъ кофе изъ любви къ искусству.

— Но вѣрно не всякая угощаетъ имъ незнакомыхъ людей.

— А вотъ увидимъ!

Товарищъ мой подошелъ къ нашей хозяйкѣ, которая стояла въ дверяхъ и повидимому была очень довольна, что мы любовались живописнымъ видомъ ввѣреннаго ея смотрѣнію жилища.

— Можете вы приготовить намъ кофе?

— Сей-часъ.

За этимъ отвѣтомъ слѣдовалъ быстрый книксенъ, и старушка бойко побѣжала съ лѣстницы. Не прошло пяти минутъ, какъ она явилась снова съ большимъ кофейникомъ и кувшиномъ сливокъ. Кофе былъ приготовленъ безукоризненно: видно, что хозяйка наша занималась этимъ предметомъ съ любовью. Мы выпили по двѣ чашки, къ явному удовольствію старушки.

— Теперь посмотримъ, что стоитъ пиръ! замѣтилъ я.

— Вѣроятно, бездѣлицу! сказалъ мой товарищъ. Я говорилъ, что здѣсь старухи варятъ кофе изъ одного наслажденія этимъ процессомъ, и докажу это наглядно.

Онъ высыпалъ изъ кошелька нѣсколько серебряныхъ денегъ, полтинниковъ и разной мелочи, и поднесъ ихъ на ладони къ нашей хозяйкѣ.

— Возьмите, что слѣдуетъ.

Мы ждали, чѣмъ это кончится. Старушка подошла, посмотрѣла на деньги, взяла двадцать-пять копѣекъ серебромъ и поблагодарила тремя низкими книксенами, отъ которыхъ длинныя лопасти чепца ея развѣвались, какъ крылья летучей мыши. Вотъ свѣтлыя стороны патріархальныхъ нравовъ!

По той же тропинкѣ спустились мы къ нашимъ таратайкамъ. Не останавливаясь проѣхали мы другую половину Пунга-Хари, и скоро остановились передъ проливомъ. Онъ нѣсколько шире перваго, и при сильномъ вѣтрѣ здѣсь переправа довольно затруднительна. Не смотря на то, на паромѣ не было ни одного мужчины: три оборванныя старухи гребли веслами съ неумолкавшей во всю дорогу перебранкой. Паромъ прошелъ мимо небольшаго гранитнаго островка, гдѣ среди густой зелени виднѣлся маленькій павильонъ. Мы взяли лодку, и изъ оконъ этой бесѣдки въ послѣдній разъ простились съ живописнымъ

Пунга-Хари. Прогулка наша по этой исполинской скалѣ продолжалась болѣе двухъ часовъ.

Отъ Тунансари мы поѣхали на Нейшлотъ. Весь этотъ переѣздъ отличается видами дикими и въ тоже время грандіозными. Солнце начинало уже спускаться за горы, и длинныя тѣни ложились отъ нихъ по озерамъ, когда передъ нами показались башни Нейшлотскаго-замка. Черезъ нѣсколько минутъ мы уже сидѣли въ гостинницѣ, за давно желаннымъ обѣдомъ, и бесѣдовали на родномъ языкѣ съ Тюнкиненомъ, однимъ изъ самыхъ болтливыхъ трактирщиковъ во всей старой и новой Финляндіи.

V.

Нейшлотъ.

Утромъ разбудилъ насъ заунывный крикъ ночнаго сторожа или клокена, который по старому шведскому обычаю приглашаетъ ежедневно ко сну и пробужденію. Трактирщикъ принесъ намъ кофе и цѣлый запасъ разсказовъ. Не смотря на чухонское происхожденіе, онъ оказался сродни испанскому Фигаро, по крайней мѣрѣ по любви къ новостямъ: онъ такъ неутомимо работалъ языкомъ, что черезъ часъ мы знали уже нетолько общественную, но и частную жизнь добраго города Нейшлота. При первомъ намекѣ съ нашей стороны, Тюнкиненъ не замедлилъ предложить себя въ качествѣ чичероне для осмотра городскихъ рѣдкостей.

Мы отправились въ Нейшлотскій-замокъ, который былъ когда-то самой значительной крѣпостью во внутренней Финляндіи. Онъ построенъ шведами въ концѣ XV вѣка, на небольшомъ островѣ, брошенномъ природою между двумя узкими проливами, соединяющими два главные бассейна громаднаго Саймы. По абоскому договору крѣпость досталась русскимъ. Ее возобновляли и укрѣпляли всякій разъ, какъ только начинались несогла-

сія съ Швеціею. Въ послѣдній разъ Нейшлотъ приведенъ былъ въ оборонительное состояніе Суворовымъ. Но съ присоединеніемъ къ Россіи западной Финляндіи крѣпость эта сдѣлалась ненужною и уволена въ чистую отставку.

Въ настоящее время весь гарнизонъ Нейшлотской-крѣпости состоитъ изъ одного дряхлаго инвалида, проживающаго въ ней въ качествѣ сторожа. Какъ только мы переправились на лодкѣ черезъ проливъ, гарнизонъ вышелъ къ намъ на встрѣчу и пригласилъ путешественниковъ въ свою квартиру. Инвалидъ занимаетъ цѣлый комендантскій домъ и помѣщается съ полнымъ комфортомъ: въ одной комнатѣ хранится его гардеробъ, состоящій изъ шинели и пары сапоговъ, въ другой провіантъ въ видѣ мѣшка картофеля. Старикъ повелъ насъ по своей крѣпости.

Гранитныя стѣны замка стоятъ на цѣльной гранитной скалѣ. Онѣ замыкаются четырьмя башнями съ коническими крышами. На одной изъ этихъ массивныхъ башенъ сохранились желѣзныя четырехъ-угольныя доски, на которыхъ были, говорятъ, какіе-то шведскіе гербы; одинъ изъ нихъ и теперь еще не совсѣмъ изгладился. Не смотря на то, что крѣпость очень невелика, мы прошли много корридоровъ, галерей и погребовъ, мрачныхъ и сырыхъ, съ массивными желѣзными дверями и запорами. Тюнкиненъ непремѣнно хотѣлъ показать намъ нейшлотскія подземелья, гдѣ во времена шведскаго владычества содержались государственные арестанты. Съ фонаремъ опустились мы въ глубокіе подвалы: отъ стѣнъ ихъ, густо покрытыхъ плѣсенью, вѣетъ сыростью, а на сводахъ, отъ постоянно накопляющейся влаги, образовались сталактиты. Эти темныя норы вполнѣ гармонируютъ съ мѣстной природою: темницы въ Финляндіи также мрачны, какъ

ся лѣса и скалы. Въ бастиліи и венеціянскихъ пьомбахъ заключенные по крайней мѣрѣ оставляли по себѣ память, нарѣзывая на стѣнахъ какія-нибудь надписи или девизы. Въ шведской тюрьмѣ вы не найдете ни одного имени: эта мрачная oubliette безотвѣтнѣе самой могилы, въ безмолвіи ея нѣтъ даже эха. Въ стѣнахъ, сложенныхъ изъ дикаго камня, есть кое-гдѣ промежутки, выложенные кирпичемъ: инвалидъ сказалъ намъ, что по выломкѣ его найдены были человѣческія кости съ обломками ржавыхъ цѣпей — слѣды замурованныхъ въ эти стѣны преступниковъ. Мы спѣшили выдти. Казематы въ западной башнѣ показались намъ палаццемъ послѣ этого душнаго подземелья. Мы поблагодарили гарнизонъ мирной крѣпости серебряной монетою, и онъ отсалютовалъ насъ громкимъ: «счастливо оставаться!»

Въ самомъ городѣ смотрѣть было нечего. Ратуша отличается отъ другихъ деревянныхъ домовъ только тѣмъ, что на крыльцѣ ея поставлены часы довольно уродливой формы. На небольшой площади русская церковь. Противъ крѣпости разведенъ миніатюрный садикъ, но говорятъ, въ немъ никто не гуляетъ; жители въ лѣтніе вечера отправляются на окрестные острова. Въ шведскія времена городъ былъ значительнѣе: теперь въ немъ около восьми сотъ жителей и не больше пяти лавокъ. Тюнкиненъ горько жалѣлъ, что при раздѣленіи Финляндіи на губерніи Сенъ-Микелю отдано предпочтеніе надъ Нейшлотомъ: по его словамъ, послѣднему предстоитъ съ окончаніемъ Саймен-скаго-канала блестящая будущность. Въ этомъ конечно есть доля правды. Сайма съ своими безчисленными рукавами и отрогами служитъ главнымъ звѣномъ водяной сѣти, которая на пространствѣ шести-сотъ верстъ раскидывается отъ Ладожскаго-озера и Финскаго-залива до крайнихъ

предѣловъ Саволакса и Кареліи, — и въ этомъ лабиринтѣ водъ ни одно судно не можетъ миновать Нейшлота, проходя изъ сѣверныхъ бассейновъ въ южные. Впрочемъ, это еще ничего не доказываетъ: и при подобныхъ условіяхъ городъ можетъ быть ничтожнымъ — живое свидѣтельство Шлиссельбургъ.

Въ Нейшлотѣ мы нашли неожиданное знакомство, при обстоятельствахъ довольно любопытныхъ. Еще въ Петербургѣ мы слыхали отъ любителей о знаменитой финской наливкѣ, извѣстной подъ именемъ мамуровки, которая славится не менѣе выборгскихъ кренделей и торнеоскихъ перчатокъ. Въ Сердоболѣ намъ удалось только попробовать свѣжей мамуры: это ягода чернаго цвѣта, похожая на малину, но совсѣмъ другаго вкуса. Тюнкиненъ, не смотря на свою услужливость, не могъ также угостить насъ этой наливкою, увѣряя, что ея нѣтъ въ продажѣ, и только немногіе любители готовятъ для домашняго употребленія. Онъ совѣтовалъ намъ поискать мамуровки въ Петербургѣ, въ милютиныхъ лавкахъ. Мы теряли уже надежду попробовать этого чухонскаго нектара. Теперь, возвращаясь изъ крѣпости въ гостинницу, мы проходили мимо одного домика; на окнѣ его стояло нѣсколько бутылокъ, которыя сверкали на солнцѣ разноцвѣтными отливами, какъ фляжки, выставляемыя на окнахъ петербургскихъ аптекъ. На одной изъ этихъ бутылокъ мы увидѣли этикетку съ крупной надписью: *мамуровка.*

— Видите ли, любезный Тюнкиненъ, сказалъ я: въ Нейшлотѣ есть мамуровка; мы сейчасъ ее попробуемъ.

— Какъ можно! вамъ не продадутъ: это домъ священника.

— Ужъ какъ хотите, а достать надобно.

Тотчасъ же отправили мы изъ гостинницы мальчика азать владѣтелю вожделѣннаго напитка, что путешевенники изъ Петербурга, желающіе ознакомиться съ инскими произведеніями, покорнѣйше просятъ уступить омки три мамуровки. Мальчикъ воротился съ отвѣтомъ, о наливка не продажная, а если мы желаемъ ее пооробовать, то хозяинъ проситъ насъ пожаловать на завракъ. Эта любезная внимательность не позволяла откаться: мы отправились тотчасъ же.

Бодрый старикъ принялъ насъ просто и радушно: нъ ввелъ насъ въ опрятную комнату, гдѣ мы нашли акрытый столъ, и на немъ свѣжее чухонское масло, отлеты и бутылки, между которыми красовалась и заѣтная мамуровка. Мы отрекомендовались. Послѣ нѣкольких фразъ, необходимыхъ при первомъ знакомтвѣ, завязался разговоръ о Финляндіи. Хозяинъ нашъ казался поклонникомъ края, и вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкомъ веселымъ и пріятнымъ. Черезъ полчаса мы уже есѣдовали за рюмками мамуровки, какъ старые знакомые.

Отъ финляндской природы разговоръ обратился на исторію и вмѣстѣ съ тѣмъ на отсутствіе памятниковъ и народныхъ преданій. Я замѣтилъ, что по осмотрѣ Нейшлотскаго-замка мы не вынесли изъ него ни одного разсказа, и въ качествѣ записывающихъ туристовъ выразилъ объ этомъ сожалѣніе.

— Такъ вамъ хочется нейшлотской легенды? спросилъ нашъ хозяинъ.

— По крайней мѣрѣ какого-нибудь интереснаго разсказа о замкѣ, отвѣчалъ я.

— Въ такомъ случаѣ я надѣюсь услужить вамъ разсказомъ не только интереснымъ, но и достовѣрнымъ;

онъ будетъ для васъ тѣмъ любопытнѣе, что тутъ дѣл идетъ не объ одномъ Нейшлотѣ, но и объ Суворовѣ.

— Вы нашъ спаситель! вскричалъ я.

И нашъ хозяинъ, не заставляя себя просить, пере далъ намъ слѣдующій разсказъ.

Въ 1791 году, по случаю непріязненныхъ отноше ній съ Швеціею, Суворовъ получилъ начальство надъ вой сками, расположенными въ Финляндіи, и повелѣніе во зобновить укрѣпленія на шведской границѣ. Нейшлот въ то время, по своему положенію, былъ важнѣйшею по граничною крѣпостью во всей сѣверной части русско Финляндіи. Со дня на день ждали туда главнокоманду ющаго. Наконецъ явился курьеръ съ извѣстіемъ, чт графъ выѣхалъ уже изъ Фридрихсгама, гдѣ была ег главная квартира, и завтра будетъ въ Нейшлотѣ.

Настало давно-ожиданное утро. День былъ весенній свѣтлый и теплый. Съ разсвѣтомъ въ городѣ начали приготовленія къ пріему гостя. Небольшой деревянны домъ, въ которомъ помѣщались нейшлотскія присутствен ныя мѣста, былъ убранъ цвѣтными коврами и флагами На пристани передъ крѣпостью стоялъ уже большой де сяти-весельный катеръ, покрытый краснымъ сукномъ. В залѣ городскаго дома собрались бургомистръ, комендант крѣпости, офицеры, чиновники и почетные жители. Улиц покрыта была народомъ. Всѣ посматривали на михел скую дорогу, куда отправленъ былъ крестьянинъ вер хомъ, съ приказаніемъ дать знать, какъ только пока жется графъ. Суворова знали во всей старой Финлянді еще съ 1773 года, когда онъ, по порученію Импера трицы, обозрѣвалъ этотъ край. Нейшлотскій бургомистр былъ въ то время при какой-то депутаціи и видѣлъ ei не одинъ разъ, а комендантъ крѣпости, подполковни

.., служилъ прежде подъ начальствомъ графа въ ка-
ымъ-то походѣ. Прошло три часа въ ожиданіи знаме-
итаго гостя.

Между-тѣмъ небольшая двухъ-весельная лодка подо-
ыла къ пристани. Въ ней сидѣли два финна въ гру-
ыхъ балахонахъ и широкополыхъ шляпахъ, опущен-
ыхъ по обыкновенію на самые глаза. Одинъ усердно
аботалъ веслами, другой управлялъ рулемъ. Лодку не
пустили на пристань, и она должна была подойти къ бе-
регу нѣсколько дальше. Старикъ, сидѣвшій у руля, вы-
шелъ на берегъ и началъ пробираться къ городскому
дому. Въ это время на другомъ концѣ улицы, у михель-
скаго въѣзда, показался крестьянинъ на бойкой лошади;
онъ скакалъ во весь опоръ и махалъ рукою. Все при-
шло въ движеніе. Бургомистръ, комендантъ, депутаты
вышли изъ залы и расположились поперекъ улицы съ хлѣ-
бомъ и солью. Всѣ глаза обратились на михельскую до-
рогу въ нетерпѣливомъ ожиданіи. Старикъ съ трудомъ
пробрался между толпами къ дверямъ городскаго дома.
У входа его остановилъ полицейскій солдатъ.

— Куда ты? закричалъ онъ по-чухонски.

— Къ господину бургомистру, сказалъ старикъ.

— Нельзя.

— Я по дѣлу.

— Какія теперь дѣла... ступай прочь!

— Бургомистра по закону всякій можетъ видѣть, продолжалъ старикъ съ обыкновенной у финновъ настойчивостью.

— Сегодня нельзя.

— Отчего же?

— Ждутъ царскаго большаго генерала... Убирайся!

Старикъ смиренно выбрался изъ толпы.

Въ это время народъ заволновался: вдали показалас коляска. Городскія власти и депутаты выровнялись; зри тели начали снимать шляпы. Коляска подъѣхала, и из нея вышло трое военныхъ. Бургомистръ и комендант двинулись на встрѣчу, но съ удивленіемъ замѣтили, чт Суворова между ними не было. Комендантъ освѣдомилс о фельдмаршалѣ.

— А развѣ графъ не пріѣхалъ? спросилъ одинъ из генераловъ.

— Никакъ нѣтъ! отвѣчалъ озадаченный комендантъ.

— Онъ выѣхалъ водою прежде насъ, и вѣрно сейчасъ будетъ.

Городскія власти встревожились. Депутація вмѣстѣ съ прибывшими генералами отправилась къ пристани. Посадили въ лодку гребцовъ и послали въ озеро, въ ту сторону, откуда надобно было ждать графа. Толпы народа хлынули на возвышеніе, съ котораго открывается видъ на юго-западную часть Саймы. Прошло съ полчаса.

Вдругъ за проливомъ изъ стѣнъ крѣпости пронесся стройный гулъ сотенъ голосовъ и пролетѣлъ по тихой поверхности озера.

— Не проѣхалъ ли графъ прямо въ крѣпость? спросилъ одинъ изъ пріѣхавшихъ генераловъ.

— У насъ вездѣ часовые! отвѣчалъ комендантъ.

Не смотря на то, въ крѣпость тотчасъ же послали офицера узнать, что тамъ дѣлается. Между-тѣмъ всѣ съ нетерпѣніемъ посматривали то на озеро, то на крѣпостныя стѣны. Вдругъ раздался громъ пушечнаго выстрѣла, и густое облако дыма взвилось надъ одною изъ крѣпостныхъ башенъ. За нимъ грянулъ другой выстрѣлъ. Народъ бросился къ проливу.

— Фельдмаршалъ въ крѣпости! сказали въ одинъ голосъ генералы.

Въ эту миниту отъ крѣпостной пристани показалась лодка съ посланнымъ офицеромъ. Черезъ минуту онъ былъ уже на берегу.

— Графъ Суворовъ—сказалъ онъ, подходя къ коменданту — осмотрѣлъ крѣпость и проситъ къ себѣ васъ и всѣхъ желающихъ представиться.

Всѣ остолбенѣли. Комендантъ, бургомистръ, пріѣзжіе генералы, депутаты и городскіе чиновники поспѣшно сѣли въ катеръ и лодки, и переправились въ крѣпость. Гарнизонъ выстроенъ былъ подъ ружьемъ на крѣпостномъ плацѣ, канониры стояли при орудіяхъ, а Суворовъ съ священникомъ и двумя старшими офицерами былъ на юго-западной башнѣ. Унтеръ-офицеръ прибѣжалъ оттуда и объявилъ, что графъ проситъ всѣхъ наверхъ.

Тутъ узнали, что Суворовъ съ часъ уже въ крѣпости, что онъ пріѣхалъ въ крестьянской лодкѣ съ однимъ гребцомъ, въ чухонскомъ кафтанѣ, приказалъ молчать о своемъ пріѣздѣ, пошелъ прямо въ церковь, приложился къ кресту, осмотрѣлъ гарнизонъ, арсеналъ, лазаретъ, казармы и приказалъ сдѣлать три выстрѣла изъ пушекъ.

Озадаченные такой неожиданной развязкою, нейшлотскіе сановники поспѣшно поднимались по узкимъ каменнымъ лѣстницамъ на высокую угольную башню. Въ самомъ верхнемъ ярусѣ они остановились на площадкѣ, едва переводя духъ, и увидѣли бодраго худощаваго старика въ широкополой шляпѣ и сѣромъ чухонскомъ балахонѣ, подъ которымъ виднѣлся мундиръ преображенскаго полка съ георгіевской лентою черезъ плечо. Это былъ Суворовъ. Приставя къ лѣвому глазу сложенные одинъ на другой кулаки, онъ обозрѣвалъ въ эту импровизирован-

ную трубу окрестности замка, и не замѣчая повидимому присутствія нейшлотскихъ чиновъ, говорилъ вслухъ:

— Знатная крѣпость! Рвы глубоки, валы высоки, черезъ стѣны и лягушкѣ не перепрыгнуть!... Сильна, очень сильна! съ однимъ взводомъ не возьмешь!... Былъ бы хлѣбъ, да вода—сиди да отсиживайся! пули не долетятъ ядры отскочатъ!... Гуляй, играй, пой пѣсни, бей въ барабанъ!... Помилуй-богъ, хорошая крѣпость!

Вдругъ онъ опустилъ руки, быстро повернулся на одной ногѣ, и съ важнымъ видомъ остановился передъ нейшлотскими властями, которыя не успѣли еще отдохнуть отъ восхожденія своего на вершину башни. Комендантъ выступилъ впередъ и подалъ рапортъ. Не развертывая его, Суворовъ спросилъ:

— Сколько гарнизона?

— Семьсотъ двадцать человѣкъ, — отвѣчалъ комендантъ, знакомый съ лаконизмомъ своего бывшаго начальника.

— Больные есть?

— Шестеро.

— А здоровые здоровы?

— Всѣ до одного.

— Муки много? крысы не голодны?

— Разжирѣли всѣ.

— Хорошо! помилуй-богъ, хорошо! А я успѣлъ васъ помолиться, и крѣпость посмотрѣлъ, и солдатиковъ поучилъ. Все хорошо. Аминь! Пора обѣдать.... Есть чухонская похлебка?

Бургомистръ объяснилъ фельдмаршалу, что обѣдъ приготовленъ въ городскомъ домѣ. Суворовъ быстро повернулся и скорыми шагами пошелъ съ башни. Всѣ отправились за нимъ почти бѣгомъ. Онъ еще разъ обошелъ

ряды солдатъ, и оборотясь къ коменданту, приказалъ выдать имъ по чаркѣ водки. Замѣтно было, что Суворовъ въ хорошемъ расположеніи духа и всѣмъ доволенъ. Наконецъ онъ напомнилъ еще разъ, что пора обѣдать и сѣлъ въ катеръ.

Между-тѣмъ бургомистръ уѣхалъ впередъ и сдѣлалъ нужныя распоряженія, такъ что обѣдъ въ городскомъ домѣ былъ уже совершенно готовъ, и водка стояла на особомъ столикѣ. Гость не хотѣлъ сѣсть въ приготовленную для него коляску: отъ пристани до самаго городскаго дома шелъ онъ пѣшкомъ, въ своемъ сѣромъ балахонѣ и на привѣтствія народа приподнималъ безпрестанно обѣими руками свою широкополую шляпу. Костюмъ его возбудилъ въ городѣ общее удовольствіе.

При входѣ въ городской домъ, Суворовъ увидѣлъ полицейскаго солдата, который не хотѣлъ пустить его къ бургомистру, весело подмигнулъ ему и сказалъ по-чухонски:

— Можно видѣть г. бургомистра?

Солдатъ молчалъ.

— У! какой строгій! сказалъ Суворовъ, обращаясь къ свитѣ. Помилуй-бóгъ, строгій! не пустилъ чухонца, да и только!... А?

Бѣднякъ молчалъ попрежнему. Суворовъ опять подмигнулъ ему, потомъ вынулъ изъ кармана серебряный рубль и отдалъ солдату.

Войдя въ комнату, Суворовъ снялъ кафтанъ, поспѣшно подошелъ къ переднему углу, гдѣ нарочно для него поставили образъ, и въ-слухъ началъ читать молитву. За столомъ онъ былъ веселъ, ѣлъ съ аппетитомъ, разсказывалъ анекдоты, распрашивалъ бургомистра о разныхъ подробностяхъ касательно его семейства.

Суворовъ вполнѣ привязалъ къ себѣ финляндцевъ, и едва ли въ самой Россіи можно найти мѣсто, гдѣ имя его до сихъ поръ было бы такъ популярно во всѣхъ сословіяхъ народа.

Я поблагодарилъ хозяина нашего за этотъ любопытный разсказъ.

— Больше право ничего не знаю, господа — сказалъ онъ. Но хотите ли, я еще услужу вамъ? Вы ѣдете въ С. Микель.... ночуйте въ Рандасалѣ. Это прекрасная станція, а хозяинъ ея русскій и мой пріятель. У него по случаю каникулъ гоститъ теперь племянникъ, студентъ гельсингфорсскаго университета. Я попрошу васъ передать ему небольшую посылку, а онъ отблагодаритъ васъ разсказомъ о рандасальскомъ гастгеберствѣ.

Мы простились съ священникомъ и черезъ часъ, провожаемые напутственными желаніями Тюнкинена, выѣхали изъ добраго города Нейшлота, который по-фински носитъ гармоническое имя—Савонлина.

VI.

Рандасала.

Съ Иналампи, второй станціи отъ Нейшлота, характеръ края измѣнился: горы исчезли, открылась сторона низменная, однообразная. Здѣсь нѣтъ ничего похожаго на живописный Саволаксъ. Со всѣхъ сторонъ виднѣлись небольшія, едва обозначенныя возвышенности, обширныя болота и низменные печальные острова на неподвижныхъ водахъ какого-нибудь залива, можетъ-быть одного изъ отроговъ Саймы. Это озеро преслѣдуетъ васъ по всѣмъ дорогамъ внутренней Финляндіи: вы вѣчно кружитесь въ безконечномъ лабиринтѣ, въ прихотливыхъ изгибахъ этаго дикаго, оригинальнаго водоема, не похожаго ни на какія воды въ мірѣ. На пространствѣ нѣсколькихъ сотъ верстъ эта безобразная масса отдѣляетъ отъ себя тысячи рукавовъ, которые стоятъ съ мертвой неподвижностью въ глухой рамѣ гранитныхъ скалъ, или шумно переливаются по каменнымъ порогамъ въ другіе чудовищные водоемы.

Сторона эта представляла удивительно грустное зрѣлище. Съ полей поднимался синеватый дымъ отъ тлѣвшихъ кучъ валежника и моха, и около него стояли ко-

ровы и телята, печально обмахиваясь хвостами отъ докучныхъ комаровъ, которые не переставали тревожить ихъ и посреди ѣдкой гари. Мѣстами дымъ увеличивался до того, что взвивался цѣлымъ облакомъ, въ которомъ сверкали крутящіяся искры. Это лѣсные пожоги, употребляемые особенно въ Кареліи, для удобренія безплодной почвы. Нѣсколько разъ мы видѣли пламя у самой дороги: огонь пробѣгаетъ тонкими языками по сучьямъ и разливаетъ густыя облака дыма. Вокругъ мрачная пустыня, тощій лѣсъ, закопченные камни, полуистлѣвшій валежникъ, рукавъ какого-то озера и дымъ, разносимый вѣтромъ. Тутъ вы увидите иногда старуху, въ рубищѣ, съ распущенными волосами, съ закоптѣлымъ лицомъ, съ руками черными, какъ уголь, которая, съ толпою такихъ же страшныхъ, полунагихъ ребятишекъ, перетаскиваетъ съ мѣста на мѣсто пылающіе сучья, распространяя пожаръ.

Къ ночи мы пріѣхали въ Рандасалу. Недалеко отъ дороги виднѣлась церковь обыкновенной финской архитектуры. Представьте деревянный равносторонній четырехъугольникъ, къ которому съ каждаго бока приставлено по такому же квадратному ящику меньшаго размѣра, и ко всякому изъ этихъ фонарей прилѣплено еще по маленькому крыльцу подобной же формы—и такимъ-образомъ сложено оригинальное крестообразное зданіе. Представьте, что въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него стоитъ узенькая деревянная колокольня, а въ сторонѣ гдѣ-нибудь виднѣется пасторскій домъ, и все это грязновато-краснаго цвѣта,—и вы получите ясное понятіе обо всѣхъ лютеранскихъ церквахъ въ этой части Финляндіи.

Недалеко отъ церкви стоитъ большой станціонный домъ. Служанка ввела насъ въ чистыя, прилично убранныя комнаты, съ порядочной мебелью и зеркалами, гдѣ

посреди множества цвѣтовъ были даже два апельсинныхъ дерева. Эта гостинница, какихъ вы не встрѣтите у насъ и на шоссейныхъ дорогахъ, кажется цвѣтущимъ оазисомъ посреди дымной пустыни.

Хозяинъ, русскій купецъ, принялъ насъ радушно. Передъ нами явился чай съ приложеніями на англійскій манеръ. Послѣ Валаама мы въ первый разъ пили его съ удовольствіемъ. Въ Финляндіи, при всеобщемъ употребленіи кофе, совсѣмъ не умѣютъ готовить чай: его варятъ здѣсь обыкновенно въ мѣдныхъ чайникахъ или кастрюляхъ; самоваръ можно найти только въ русскихъ семействахъ. Черезъ нѣсколько минутъ явился племянникъ хозяина, студентъ гельсингфорсскаго университета, къ которому мы привезли посылку и письмо отъ нейшлотскаго священника. Мы познакомились. Отъ серьезнаго разговора о Финляндіи, мы перешли къ шуткамъ, и я замѣтилъ новому пріятелю, что мы слышали о какомъ-то преданіи касательно станціоннаго дома.

— Помню — сказалъ со смѣхомъ студентъ — это преданіе о старомъ рандасальскомъ гастгеберствѣ, которое прежде стояло въ полверстѣ отсюда, вдали отъ большой дороги.

— А теперь стоитъ въ развалинахъ, замѣтилъ я. Да ужъ не собираетесь ли вы попотчивать насъ какой-нибудь легендой?

— Единственной можетъ-быть чухонской легендой и притомъ очень мрачной.

— Прекрасно.... разскажите же, пожалуста.

Мы закурили сигары. Молодой знакомецъ нашъ усѣлся въ качающееся кресло и началъ разсказъ.

«Въ странѣ, близкой къ полюсу, сосѣдней Гиперборейскому-морю, гдѣ природа бѣдна и угрюма, то-есть

между Нейшлотомъ и Сенъ-Микелемъ, стояло въ старые годы пустынное, уединенное гастгеберство.

Въ этомъ гастгеберствѣ былъ разумѣется гастгеберъ.

Его звали Килли.

Килли былъ самый негостепріимный гастгеберъ во всей старой и новой Финляндіи.

Цѣлый день сидѣлъ онъ на станціонномъ крыльцѣ, нахлобучивъ на глаза шляпу, и угрюмо курилъ коротенькую трубочку; всю ночь спалъ онъ въ своей каморкѣ, напившись водки и храпя на весь домъ.

Напрасно пріѣзжій при входѣ говорилъ ему привѣтливое: «гиве нейвэ» — онъ не шевелилъ шляпы; напрасно уѣзжая обращались къ нему съ вѣжливымъ: «гивести» — въ отвѣтъ было одно упорное молчаніе.

Горе было путнику—хотя въ то время и не водилось подобныхъ вамъ любителей легендъ — котораго судьба приводила къ суровому Килли съ пустымъ желудкомъ.

Кромѣ ячменныхъ кпаке-бре и кружки кислаго прекислаго молока, не находилъ онъ ничего. Да и то зависѣло еще отъ расположенія духа угрюмаго Килли, который держалъ самовластно въ рукахъ своихъ судьбы вашего желудка.

Горе было путнику, котораго судьба приводила къ суровому Килли съ потребностью выспаться.

Кромѣ грязной, закопченой лачужки съ подобіемъ полуразрушенныхъ кроватей, въ домѣ не было другаго пріюта. Да и въ томъ еще не разъ отказывалъ Килли.

Что ни дѣлалъ проѣзжій, разсыпалъ ли деньги, грозилъ ли жалобою—неумолимый гастгеберъ былъ глухъ и непоколебимъ, какъ гранитный утесъ, равнодушно отражающій плескъ взволнованнаго Саймы.

И вотъ одни, взглянувъ на ужинъ и постели, закладывали снова таратайки и пускались далѣе къ Куопіо или Савонлинѣ, проклиная грязное гастгеберство. Другіе оставались, особенно когда было поздно, и разжевавъ съ помощью кислаго молока каменный кнаке-бре, ложились въ постель.

Но тутъ-то и начиналось бѣдствіе. Едва проѣзжій закрывалъ глаза, какъ его будили ужаснымъ образомъ: въ просонкахъ казалось, будто кто-то вонзалъ въ него тысячи смертельныхъ орудій. Въ испугѣ вскакивалъ онъ съ кровати и зажигалъ огонь—въ комнатѣ никого не было.

Успокоенный путешественникъ ложился снова. Но только-что дорожный сонъ начиналъ клонить его, какъ острыя орудія опять вонзались въ его тѣло, и тутъ только начиналъ онъ понимать, что это были летучіе отряды тѣхъ воинственныхъ насѣкомыхъ, которыя любятъ селиться на станціяхъ и ведутъ вѣчную войну съ проѣзжающими. Только здѣсь налетали они въ такомъ множествѣ и съ такой свирѣпостью, что какъ бы проѣзжій ни былъ закаленъ въ борьбѣ съ этими станціонными партизанами, онъ всю ночь ворочался съ боку на бокъ, почесывая пострадавшія мѣста нападеній, и ни на минуту не могъ сомкнуть глазъ.

Напрасно совѣтовали угрюмому Килли принять мѣры противъ размноженія варваровъ, предлагая ему скипидаръ (персидскаго порошка тогда не было).

Килли отвѣчалъ на все это молчаніемъ и какою-то зловѣщею улыбкою.»

—Начало недурно! сказалъ мой товарищъ.

—И отзывается настоящей легендой! прибавилъ я.

—Конецъ будетъ еще занимательнѣе! отвѣчалъ серьезно разсказчикъ, закуривая новую сигару.

«Въ одинъ осенній вечеръ, когда сырой, холодный туманъ завѣсилъ долины, вѣтеръ съ шумомъ качалъ сосновый лѣсъ, и озеро безотрадно плескало въ берега,— къ гастгеберству подъѣхало вдругъ нѣсколько таратаекъ.

Это были какіе-то русскіе туристы, можетъ быть первые туристы, которые добровольно пріѣхали въ дикій Саволаксъ, и въ самое мрачное время года попали въ самое негостепріимное гастгеберство во всей Финляндіи. Все это были люди молодые—кровь съ молокомъ.

Проѣзжіе вошли на станцію. Не надѣясь поспѣть въ Савонлину, они хотѣли здѣсь ночевать.

Разумѣется, прежде всего по русскому обычаю потребовали они воды на чай и водки.

Килли сидѣлъ угрюмо передъ очагомъ, на всѣ требованія путешественниковъ отвѣчалъ упрямо: «энъ мойста!» не понимаю! и наконецъ совсѣмъ пересталъ отвѣчать, и зарядивъ себя водкою, залегъ въ своей конурѣ.

Пріѣзжіе обшарили всѣ углы и не нашли ни одной посудины, въ чемъ бы вскипятить воду. Чай и водка не состоялись. Они попробовали замѣнить ихъ станціонными кнаке-бре, но не могли разжевать ихъ и голодные расположились на ночлегъ.

Одни легли на полуразвалившіяся кровати, другіе помѣстились кое-какъ на скамьяхъ и стульяхъ. Едва только путешественники погасили огонь, стараясь заглушить сномъ вопли желудка, какъ станціонные обитатели, почуявъ столько свѣжихъ гостей, вышли изъ логовищъ своихъ и летучими безчисленными отрядами бросились на кровавую трапезу. Острые дротики ихъ впились—и кровь брызнула.

Испуганные путники быстро вскочили. Принесли огня.

Съ ужасомъ увидѣли они безчисленные легіоны ползающихъ и скачущихъ враговъ. Одни маневрировали по

стѣнамъ, другіе торопливо убирались въ щели кроватей, прятались подъ подушки или съ крутизны тюфяковъ скакали на полъ, готовясь съ наступленіемъ темноты начать снова свой кровожадный набѣгъ.

Не смотря на знакомство съ подобными удовольствіями станцій и постоялыхъ дворовъ, не смотря на одолѣвающій сонъ, на сырую, холодную ночь и дикій концертъ осенняго вѣтра на водѣ и на сушѣ, — путешественники рѣшились ѣхать въ Савонлину.

Они подняли такой шумъ, что въ минуту лошади были запряжены, и самъ Килли выбрался изъ своей лачуги на крыльцо.

Взбѣшенные гости послали ему на прощанье нѣсколько крѣпкихъ привѣтствій, которыми по строгости финскаго стадга принуждены у насъ ограничиваться недовольные туристы. Въ отвѣтъ на это раздался хриплый хохотъ Килли и слился съ шумомъ вѣтра и отдаленнымъ плескомъ озера. Туристы уѣхали.»

— Какъ, спросилъ я, тѣмъ дѣло и кончилось?

— Напротивъ, отвѣчалъ разсказчикъ, легенда здѣсь только начинается.

«На другой день на станціи разнесся слухъ, что путешественники исчезли, не доѣзжая Савонлины—можетъ быть заблудились, можетъ-быть утонули въ озерѣ. Килли былъ невозмутимъ и суровъ попрежнему. Какъ ни въ чемъ не бывало, сидѣлъ онъ въ станціонной комнатѣ, передъ огромной печью, нахлобучивъ на глаза шляпу и куря свою трубку.

Вечеремъ онъ напился водки, ушелъ въ свою спальню и легъ въ постель. Но ему не спалось. Поворочавшись съ боку на бокъ, всталъ онъ съ кровати и пошелъ къ шкапу, гдѣ стояла его бутыль.

Ночь была ясная, мѣсяцъ свѣтилъ прямо въ окно. Выпивъ стаканъ водки, Килли съ удивленіемъ замѣтилъ, что она больше не согрѣвала его: ледяныя молніи пробѣгали у него по всей кожѣ.

Вдругъ ему показалось, будто кто-то шелеститъ по стекламъ, дождь не дождь, вѣтеръ не вѣтеръ, но слышно какъ шумитъ что-то и бьется за окномъ. И вотъ яркій свѣтъ мѣсяца потемнѣлъ, точно набѣжало перелетное облачко или окно чѣмъ-нибудь завѣсили.

Килли подошелъ къ окну и увидѣлъ, что съ наружной стороны стеколъ кишатъ и трепещутъ миріады тѣхъ летучихъ насѣкомыхъ, которыми такъ хорошо населены были станціонныя комнаты его гастгеберства. Со страхомъ замѣтилъ Килли, какъ они ползали и скакали по окну, отыскивая входъ въ его спальню.

Килли бросился въ постель и притаилъ дыханіе. Вдругъ въ ушахъ его раздалось что-то похожее на тѣ жалобы и проклятія, какими осыпали его проѣзжіе, когда утомленные борьбою съ станціонными обитателями, они спѣшили изъ ужаснаго гастгеберства.»

— Браво, сказалъ я: легенда принимаетъ серьезный характеръ.

— И она кончится нравоучительно, продолжалъ разсказчикъ. Вы знаете, что сказалъ Гюго: «l'histoire est parfois immorale, les contes sont toujours vertueux.»

— Пораженный ужасомъ, гастгеберъ вскочилъ съ кровати. Въ первый разъ въ жизни ноги его дрожали, и сердце сжималось отъ страха. И вотъ, при свѣтѣ мѣсяца, озарившаго всю комнату серебристымъ блескомъ, онъ увидѣлъ, какъ изъ всѣхъ щелей и трещинъ ползли и скакали страшные наѣздники. Сквозь отверстія на полу, съ потолка, изъ-подъ дверей, изъ-за печи собирались ты—

сячи нежданныхъ гостей, и наводняли комнату и кипѣли муравейникомъ.

А въ ушахъ Килли еще громче раздавались проклятія и жалобы, на которыя онъ отвѣчалъ бывало злобнымъ смѣхомъ.

Килли бросился въ постель, плотно закутался въ одѣяло и затаилъ дыханіе. И вотъ почувствовалъ онъ, какъ миріады скачущихъ и ползающихъ гостей начали проникать подъ его платье, муравейникомъ осыпали его руки, ноги, лицо, милліонами жалъ впились во всѣ поры и принялись пить его кровь.

Дыханіе остановилась въ груди гастгебера; онъ хотѣлъ кричать, но голосъ замеръ, хотѣлъ пошевелиться, и члены не двигались; а въ ушахъ раздавался неумолимый голосъ: «ты морилъ насъ въ своемъ грязномъ гастгеберствѣ, теперь мы отомстимъ тебѣ!»

На утро Килли нашли безчувственнаго на постели. Все тѣло его было въ мелкихъ пятняхъ, какъ-будто истыканное милліонами тонкихъ иголокъ.

Съ тѣхъ поръ гастгеберство опустѣло. Страшные разсказы заставили бросить его и перенести на большую дорогу. Въ новомъ рандасальскомъ гастгеберствѣ, какъ вы сейчасъ убѣдитесь, можно хорошо поужинать и выспаться на чистыхъ постеляхъ.»

—И теперь въ полверстѣ отсюда показываютъ любопытнымъ остатки стараго деревяннаго дома, гдѣ въ былые годы блохи съѣли гастгебера? спросилъ я разскащика.

—Вы ошибаетесь, отвѣчалъ онъ, наливая стаканъ вина, теперь отъ всего этого страшнаго гастгеберства не осталась ничего, кромѣ легенды, которую я имѣлъ честь вамъ разсказать.

— И она конечно историческая?

— Безъ сомнѣнія, какъ и всѣ легенды.

— По крайней мѣрѣ она не кажется невѣроятнѣе рейнской Mausethurm! замѣтилъ мой товарищъ.

— Вы хотите намекнуть, что исторія Килли имѣетъ сходство съ послѣднимъ приключеніемъ епископа Гаттона? спросилъ нашъ знакомецъ.

— По крайней мѣрѣ напоминаетъ балладу Жуковскаго.

Поздно разстались мы съ нашимъ новымъ знакомцемъ. Намъ отвели прекрасную спальню съ чистыми постелями. Если старое рандасальское гастгеберство послужило сюжетомъ для мрачной сказки, то новая гостинница заслуживаетъ похвальнаго слова.

Послѣ хорошаго завтрака, мы простились съ нашими хозяевами и съ однимъ изъ товарищей. Онъ поѣхалъ въ Куопіо, а мы вдвоемъ пустились по дорогѣ къ Сенъ-Микелю.

VII.

Сенъ-Микель. — Сайменскій каналъ.

Дорога отъ Рандасалы была по-прежнему пустынна: печальные холмы, опушенные тощимъ лѣсомъ, прерывались изрѣдка полями, гдѣ виднѣлись иногда жалкія пашни. За двадцать верстъ до Микеля почва начала однакоже возвышаться, низкіе холмы превратились опять въ гранитныя горы. Мѣстами попадались долины, не уступающія въ красотѣ сердобольскимъ.

Но выигривая въ поэтическомъ отношеніи, путешествіе наше потеряло съ матеріальной стороны. Легкая таратайка вдругъ переродилась. Изъ удобнаго экипажа, вполнѣ принаровленнаго къ характеру мѣстности этого края, она подъ Микелемъ начала превращаться въ безпокойную телѣжку, потеряла гибкія жерди, такъ удачно замѣняющія рессоры во всемъ Саволаксѣ, и выродилась въ грубый ящикъ, сколоченный изъ досокъ, безъ всякаго сидѣнья. Этотъ продолговатый и неглубокій ящикъ укрѣпленъ на двухъ длинныхъ оглобляхъ: когда, при запряжкѣ лошади, концы ихъ приподнимаютъ, сидѣнье опускается и перевѣшивается назадъ. Можно, правда, въ заднюю часть положить сѣна или подушекъ, и та-

кимъ-образомъ привести тѣло въ законное положеніе, заставляя ноги держаться ниже головы; но въ этомъ случаѣ не на что опереться, и вы должны безпрестанно сгибаться, чтобы не вылетѣть изъ таратайки. И въ подобномъ ящикѣ предстоитъ путешествовать по всей Микельской и Выборгской-губерніи.

Не успѣли мы проѣхать версты отъ Топлозиса, гдѣ въ первый разъ дали намъ такую головоломную таратайку, какъ вся наша поклажа разъѣхалась въ ящикѣ и начала вмѣстѣ съ нами прыгать во всѣ стороны.

— Стой! закричали мы съ товарищемъ въ одинъ голосъ.

— Что дѣлать? спросилъ я.

Нашъ рандасальскій знакомецъ заранѣе предупредилъ насъ касательно этого экипажа; но зная, что въ Микелѣ можно будетъ купить рессорную таратайку для дальнѣйшаго вояжа, мы надѣялись выдержать какъ-нибудь одну станцію въ почтовомъ ящикѣ. Теперь это оказалось невозможнымъ. Мы составили совѣтъ, на который пригласили и извощика. Рѣшено было, что одинъ изъ насъ сядетъ верхомъ на лошадь, другой помѣстится на чемоданѣ, спиной къ проводнику, и такимъ-образомъ при самой тихой ѣздѣ мы будемъ продолжать путешествіе.

Товарищъ мой взобрался на лошадь, я приладилъ чемоданъ. Мы двинулись.

— Стой! крикнули мы опять черезъ нѣсколько минутъ.

— Безъ сѣдла ѣхать невозможно! сказалъ всадникъ.

— Чемоданъ ползетъ внередъ! прибавилъ я.

Въ новомъ совѣтѣ о томъ, какимъ образомъ добраться до Микеля, послѣ довольно продолжительныхъ преній, положили, что извощикъ сядетъ верхомъ на лошадь, ра-

зумѣется за приличное вознагражденіе, въ задокъ ящика положатъ чемоданы, спереди застелютъ его сѣномъ — и мы пустимся далѣе. Поѣздъ отправился такимъ-образомъ бойкой рысью, къ крайнему удовольствію извощика, который находилъ повидимому свое положеніе очень удобнымъ и безпрестанно оглядывался на насъ съ веселой улыбкой, забавляясь отъ души нашей прихотливостью.

Положеніе наше въ ящикѣ было однакожъ не совсѣмъ завидно. Мы начинали уже думать, не кончить ли путешествіе пѣшкомъ, когда при спускѣ съ горы, въ низменной лощинѣ открылся вожделѣнный Сенъ-Микель. Былъ ужъ вечеръ, какъ мы въѣхали въ городъ. Къ сожалѣнію на улицахъ, вплоть до самой гостинницы, намъ не попалось и пяти человѣкъ, чтобы полюбоваться торжественнымъ поѣздомъ петербургскихъ туристовъ. Да и встрѣчные микельскіе граждане не находили, кажется, въ нашей колесницѣ ничего забавнаго.

Мы пошли осматривать Микель. Всѣ финляндскіе города отличаются необыкновенной пустотою и отсутствіемъ жизни. Безлюдныя улицы, деревянные красные домики, въ которыхъ таятся невидимые жители, отсутствіе садовъ и зелени,—все это придаетъ имъ видъ чрезвычайно грустный. Видно, что въ Финляндіи городъ не имѣетъ смысла: это какая-то случайность, возникшая не изъ потребности страны, а по чуждому вліянію. Всѣ они основаны шведами или русскими.

Мы уже познакомились съ характеромъ финскихъ городовъ, и при всемъ томъ Микель поразилъ насъ своей могильной тишиною. Въ немъ все безмолвно, какъ въ окружающей его пустынѣ. Представьте маленькій, чистенькій городокъ, правильно выстроенный по плану. На площади довольно большой лугъ, обсаженный съ че-

тырехъ сторонъ тощими березками въ качествѣ сада и обнесенный загородкою, вѣроятно для того, чтобъ люди не безпокоили гуляющихъ тамъ коровъ. Улицы совершенно пусты: въ девятомъ часу мы обошли весь городъ и не встрѣтили ни одного человѣка. Въ числѣ домовъ много новыхъ, построенныхъ довольно порядочно и совсѣмъ необитаемыхъ; кажется, будто они выстроены только для порядка. Я не могъ добиться, что это значитъ. Ни въ одномъ окнѣ мы не видали человѣческаго лица. Городъ заснулъ прежде, нежели запѣли ночные сторожа, такъ что ихъ на-сонъ-грядущая пѣсня скорѣе могла кого-нибудь разбудить, чѣмъ успокоить. Это пригласительное ко сну пѣніе послышалось даже за четверть часа до срока.

О покупкѣ таратайки теперь нечего было и думать. Мы воротились въ гостинницу, которая чистотою, порядочнымъ ужиномъ и расторопностью женской прислуги вознаградила насъ за дурное впечатлѣніе, произведенное самымъ городомъ. Утромъ я услышалъ, что меня будятъ. Открываю глаза: передо мною стоитъ молоденькая дѣвушка, въ красномъ шерстяномъ корсажѣ; въ рукахъ у нея подносъ, и на немъ чашка кофе и тарелка съ тоненькими блинами. Это утренній завтракъ, который по шведскому обычаю сервируется вамъ въ постелѣ.

Покупка экипажа состоялась: за пятнадцать рублей мы достали покойную, почти новую таратайку съ двумѣстнымъ сидѣньемъ на деревянныхъ рессорахъ. Теперь наша поѣздка должна быть еще комфортабельнѣе, чѣмъ въ Саволаксѣ. Послѣ обѣда, мы выѣхали изъ пустыннаго города, который былъ также безлюденъ, какъ и вечеромъ.

Отъ Микеля до Вильманстранда дорога живописная. Она карабкается по откосамъ горъ, взбѣгаетъ на хреб-

ты, спускается съ нихъ въ долины, пробѣгаетъ мимо озеръ, упирается въ ихъ рукава—и вы снова догоняете ее на паромѣ или по длинному мосту. Но эта сторона такъ пустынна, что по цѣлымъ станціямъ мы не встрѣчали ни одного человѣка. Смѣшно, когда восторженные писатели сравниваютъ Финляндію съ Швейцаріею. Какъ бы ни была живописна сторона, но если вы не видите слѣдовъ человѣка, памятниковъ его минувшей жизни или плодовъ настоящей дѣятельности, — самые поэтическіе виды утомляютъ васъ, наводятъ невольную грусть.

На станціи Савитайпалъ съ нами случилось любопытное приключеніе. Только-что подъѣхали мы къ воротамъ гастгебрства, изъ комнаты выбѣжалъ какой-то плотный мужчина, съ полнымъ лицомъ, опушеннымъ бакенбардами кирпичнаго цвѣта, какими природа одаряетъ чаще всего личности англійской породы. Воротнички голландской рубашки и мекинтошъ заграничнаго шика заставляли догадываться, что это долженъ быть сынъ Британіи. Догадка оправдалась. Онъ обратился къ намъ съ вопросомъ: говоримъ ли мы по-англійски? Узнавъ, что мы не можемъ вести разговора на этомъ языкѣ, джентельменъ былъ повидимому очень озадаченъ. Мы съ своей стороны убѣдились, что онъ совсѣмъ не говоритъ по-русски и по-французски, и знаетъ только нѣсколько десятковъ нѣмецкихъ фразъ съ британскимъ акцентомъ. Наконецъ мы дошли до открытія, что съ помощію нашихъ знаній въ языкѣ Байрона и Шекспира и его свѣдѣній въ нарѣчіи Шиллера и Гейне, мы можемъ понимать другъ друга.

— Скажите, гдѣ мы? спросилъ англичанинъ.

— На станціи Савитайпалъ.

— Савитэйпель! гдѣ же это? въ какой части Финляндіи?

— Недалеко отъ Вильманстранда.

— Виліамс-страндъ? возможно ли это! Господа, спасите меня! я заблудился!

— Куда же вы ѣдете? спросилъ я.

— Я ѣхалъ изъ Гельсингфорса на водопадъ Кюро, дорогой потерялъ карту, попалъ на какую-то незнакомую станцію, и съ тѣхъ поръ другой день ѣзжу, самъ не знаю гдѣ. Меня не понимаютъ. What a cursed country!

Мы всѣ расхохотались, какъ школьники.

— Я ужь посматривалъ, сказалъ повеселѣвшій англичанинъ, не найду ли по вкусу мѣста для поселенія in this land of granit.

— И вѣрно приглядывались къ женскимъ личикамъ для окончательнаго водворенія здѣсь?

— И не видалъ на всей дорогѣ ни одной женщины!

— Жаль, что англійская колонія въ Финляндіи не состоялась!

— Что дѣлать! It is fatality.

— Такъ угодно вамъ записать станціи по нашей картѣ?

— А вы сами куда ѣдете?

— На Иматру.

— Imatra waterfall? О, я отъ васъ не отстану, господа!

Таратайки были заложены, и мы двинулись. Англичанинъ уцѣпился за насъ, какъ утопающій за соломенку. Онъ не спускалъ глазъ съ нашего экипажа: какъ только я оглядывался, всякій разъ мнѣ кивало его улыбающееся лицо. Если таратайка наша уносилась на минуту впе-

ѣдъ при поворотѣ дороги, позади ужь слышался голосъ англичанина, громко поощрявшій лошадь. Для успокоенія его мы иногда аукались.

На слѣдующей станціи, когда мы объяснялись съ частгеберомъ при помощи своей дорожной книжки, нашъ новый товарищъ попросилъ взглянуть на этотъ финско-нѣмецкій діалогъ. Онъ раскрылъ книгу, перевернулъ двѣ три страницы, и оборотясь къ служанкѣ проговорилъ торжественно: «иксъ канна олютта! стаканъ пива!» Когда по этой фразѣ ему дѣйствительно подали кружку пива, онъ попробовалъ его языкомъ, заплатилъ деньги и расположился за столомъ дѣлать выписки изъ діалога. Мы едва убѣдили его отложить трудъ до Вильманстранда, до котораго оставался одинъ только переѣздъ.

Съ закатомъ солнца мы въѣхали въ городъ и тотчасъ же пошли осматривать его. Англичанинъ не отставалъ отъ насъ ни на шагъ. Вильманстрандъ маленькій, чистенькій городокъ, раскинутый на берегу Саймы. Онъ называется по-фински Лаппенранта. Въ немъ нѣсколько десятковъ деревянныхъ домиковъ, рынокъ, чухонская церковь, ратуша съ башнею и часами, словомъ—все какъ слѣдуетъ. Недалеко отъ города видна земляная крѣпость, которая въ свое время нѣсколько разъ переходила изъ рукъ въ руки, обагрялась кровью, взрывалась на воздухъ и удостоилась неоднократныхъ замѣтокъ въ нашихъ лѣтописяхъ.

Послѣ С. Микеля, Вильманстрандъ кажется городкомъ довольно оживленнымъ. На улицахъ попадаются люди, чего мы до сихъ поръ почти не встрѣчали. Съ непривычки это кажется даже страннымъ. Говорятъ, въ городѣ числится до двадцати клпцовъ первой и второй гильдіи, но эта торговая аристократія принадлежитъ ему тоуько но-

минально. Всѣ эти купцы — русскіе: они приписываются здѣсь потому, что городъ владѣетъ нѣкоторыми привилегіями, и многіе никогда и не бывали въ немъ. Вильманстрандскихъ купцовъ можно найти только въ Петербургѣ; въ Финляндіи ихъ нѣтъ. Не смотря на то, третья гильдія и чиновники живутъ здѣсь кажется весело: намъ показали городской клубъ и увѣряли, что зимою въ немъ бываетъ даже театръ изъ любителей. Однимъ Вильманстрандъ похожъ на видѣнные нами городки: въ немъ нѣтъ садовъ, и только изрѣдка выглядываютъ гдѣ-нибудь изъ-за забора два-три тощія дерева. Кажется, финнамъ надоѣли ихъ дикіе лѣса: въ городахъ они больше всего заботятся о томъ, чтобъ избавиться отъ зелени и тѣни.

Въ гостинницѣ мы заняли большую, довольно чистую комнату. Едва только мы воротились съ прогулки, нашъ англичанинъ взялся опять за дорожную книжку. Онъ позвалъ служанку, и заложа руки въ карманы мекинтоша, проговорилъ торжественно: «ана ветта! ана валькія!» Когда ему въ самомъ дѣлѣ подали огня и стаканъ воды, хоть ему и не нужно было ни того, ни другаго, онъ совершенно увѣровалъ въ добросовѣстность нашего печатнаго путеводителя и сказалъ, обращаясь къ намъ: «Господа! я васъ поздравляю: ваша книга хорошая книга!» Мы отвѣчали поклономъ.

Новый пріятель нашъ убѣдительно просилъ, чтобъ мы всѣ расположились ночевать въ одной комнатѣ. Мы согласились и посовѣтовали ему осмотрѣть хорошенько задвижки въ окнахъ и поставить свою кровать поперекъ двери, чтобы мы какъ-нибудь не ускользнули отъ него ночью. За чаемъ мы короче познакомились съ нашимъ случайнымъ товарищемъ. Онъ отрекомендовался намъ Джемсомъ W. изъ Гулля. Это одинъ изъ тѣхъ оригина-

ловъ, которыми мы такъ любуемся въ романахъ Диккенса. Каждое лѣто ѣздитъ онъ съ удочкой въ самыя пустынныя мѣста сѣверной Европы, былъ въ Исландіи, въ Норвегіи, а теперь ѣхалъ изъ Гельсингфорса на водопадъ Кюро. Въ записной книжкѣ его означены были всѣ станціи, какія онъ проѣхалъ до встрѣчи съ нами. Мы развернули свою карту: оказалось, что не доѣзжая Тавастгуса онъ свернулъ въ сторону со станціи Хикія, и два дня бродилъ по внутренней Финляндіи.

— Скажите же, какъ вамъ понравился этотъ край? спросилъ я. Видѣли вы что-нибудь замѣчательное?

— Yes! Много замѣчательнаго!

Мистеръ Джемсъ вынулъ изъ дорожнаго мѣшка записную книжку.

— Въ Гейнолѣ я поймалъ окуня въ одиннадцать дюймовъ! сказалъ онъ.

— А нѣтъ ли у васъ какихъ-нибудь замѣтокъ насчетъ состоянія края?

— Yes! На станціи Сайракаля за чашку кофе взяли три копѣйки. Это дешевле, чѣмъ въ Норвегіи.

— Ну, а что вы скажете о природѣ?

— О, много удивительнаго! отвѣчалъ онъ, перевертывая листокъ въ своей книжкѣ: недалеко отъ Верумеки я видѣлъ гранитный камень, похожій на корову. This eight wonder is! это восьмое чудо въ свѣтѣ!

Послѣ этого мы перестали спрашивать, а мистеръ Джемсъ остался очень доволенъ, что могъ сообщить намъ свои путевыя замѣтки.

Рано утромъ отправились мы по дорогѣ къ Иматрѣ, и черезъ полчаса остановились въ гостинницѣ, подлѣ Сайменскаго-канала, одного изъ самыхъ удивительныхъ произведеній человѣческаго труда и современной науки. Это

первый памятникъ человѣка въ Финляндіи, но какой памятникъ!

Кто не слыхалъ о Сайменскомъ-каналѣ? Громадное озеро Сайма, раскинутое на пространствѣ шести сотъ верстъ и связанное безчисленными рукавами со множествомъ другихъ водныхъ бассейновъ внутренней Финляндіи, не имѣетъ торговаго сообщенія съ моремъ. Пороги на Кюмени и Иматра на Воксѣ запираютъ выходъ какъ въ Финскій-заливъ, такъ и въ Ладожское-озеро. Поэтому товары отъ Куопіо и другихъ сѣверныхъ пунктовъ идутъ водою только до Вильманстранда, оттуда перевозятся на пространствѣ пятидесяти верстъ горными дорогами въ Выборгъ, а здѣсь снова грузятся на суда для отправки въ Петербургъ или за границу. Давно чувствовали въ Финляндіи потребность уничтожить гранитныя заставы, которыми природа стѣснила здѣшнюю торговлю. Еще при Карлѣ IX шведское правительство покушалось прорыть каналъ изъ Саймы въ Выборгскій-заливъ, но покорить природу здѣсь труднѣе, чѣмъ господствовать надъ бѣднымъ народомъ. Слѣдующія затѣмъ попытки были также безплодны. Только въ наше время привели въ исполненіе этотъ великій проектъ. Финскій сенатъ поручилъ шведскому инженеру Эриксону составить планъ и смѣты на прорытіе канала, и въ 1846 году приступили къ работамъ.

Инженеръ воспользовался небольшими озерами, разбросанными въ направленіи отъ Вильманстранда къ Выборгу, такъ-что протяженіе самаго канала составляетъ не болѣе тридцати двухъ верстъ. Но эту линію нужно было провести въ гранитныхъ горахъ, дотого высокихъ, что мѣстами выемка доходитъ до 64 англійскихъ футовъ. И это еще не все! Сайма лежитъ на тридцать семь са-

женъ выше Финскаго-залива, и чтобы удержать эту страшную массу водъ, на протяженіи канала потребовалось поставить двадцать восемь шлюзовъ. При всѣхъ этихъ трудностяхъ, Эриксонъ оцѣнилъ постройку канала въ три милліона рублей! Можетъ-быть вы подумаете, что подобная смѣта останется только на бумагѣ, а въ самомъ дѣлѣ работы обойдутся гораздо дороже. Но вы ошибетесь, если станете на этотъ аршинъ мѣрять Финляндію. Уже въ 1850 году противъ смѣты Эриксона сдѣлано было около ста тысячъ рублей экономіи. Разгадку этого непонятнаго для насъ факта надобно искать въ дешевизнѣ продовольствія и рабочихъ рукъ, а еще болѣе въ распорядительности при работахъ и извѣстной честности народа.

Работы организованы чрезвычайно просто. Весь каналъ раздѣленъ на три дистанціи, и на каждой находится по одному офицеру. Сами рабочіе, которыхъ число доходитъ до четырехъ тысячъ, выбираютъ десятниковъ, а эти десятники получаютъ приказаніе отъ офицера и отвѣчаютъ за точность работъ. При взрывахъ работники обязаны употреблять собственный порохъ, а потому его расходуютъ здѣсь съ крайней экономіей. Люди помѣщаются въ земляныхъ баракахъ: каждый изъ нихъ раздѣленъ на пятнадцать нумеровъ, и во всякомъ нумерѣ помѣщается шесть человѣкъ.

Въ гостинницѣ познакомились мы съ офицеромъ, производителемъ работъ по верхнему участку канала. Онъ родился и воспитывался въ Финляндіи, былъ за-границей и отличается европейскимъ образованіемъ. При первомъ намекѣ съ нашей стороны, онъ самъ повелъ насъ осматривать работы.

Мы пришли къ каналу. Въ глубокой прорѣзи, кото-

рая тянется отъ озера на далекое пространство къ югу, люди кипѣли, какъ муравьи въ недавно разрытомъ большомъ муравейникѣ. Но эти муравьи готовятъ сооруженіе, достойное гигантовъ. Каналъ проходитъ большею частію въ гранитномъ кряжѣ, и на пространствѣ сорока восьми верстъ цѣлыя горы прорываются порохомъ. Скала пробуравливается на нѣсколько аршинъ желѣзомъ, въ отверстіе насыпается порохъ, дѣлается взрывъ, и громадная масса отдѣляется отъ горы. Тутъ снова размельчаютъ ее порохомъ и желѣзомъ. Сотни низенькихъ массивныхъ телѣжекъ съ чугунными колесами тянутся на цѣпяхъ внизъ и наверхъ, посредствомъ паровой машины, по нарочно устроеннымъ рельсамъ. Въ то время, какъ одинъ рядъ этихъ экипажей, наполненныхъ гранитными обломками, поднимается изъ глубины канала, другой рядъ пустыхъ телѣжекъ опускается туда за новымъ грузомъ. Вывезенный гранитъ сваливаютъ наверху въ неровныхъ мѣстахъ, и по берегу канала образуется такимъ-образомъ горизонтальная дамба, гдѣ будетъ идти дорога. Вездѣ удивительная дѣятельность: раздаются взрывы, падаютъ скалы, звучатъ тысячи молотовъ. И вотъ каналъ мѣстами уже готовъ и тянется въ сплошныхъ гранитныхъ стѣнахъ. Мистеръ Джемсъ при видѣ этого чуднаго сооруженія забылъ свою британскую флегму и твердилъ, что это удивительнѣе лондонскаго тоннеля.

Сайменскій каналъ произвелъ на меня странное впечатлѣніе. Бродя нѣсколько дней въ лабиринтѣ дикихъ скалъ, безобразныхъ водъ и мрачныхъ лѣсовъ, мы не видали никакихъ памятниковъ человѣческой жизни, кромѣ разбросанныхъ хижинъ и безлюдныхъ городовъ. И вдругъ, посреди этой пустыни, вслѣдъ за тлѣющими пожогами, является передъ нами одно изъ самыхъ громадныхъ со-

ціній человѣческаго труда и науки: цѣльныя гранитныя гѣны, прекрасные чугунные мосты, великолѣпные шлюзы. то одинъ изъ самыхъ разительныхъ контрастовъ!

Послѣ обѣда, приготовленнаго по-петербургски и живленнаго даже шампанскимъ, мы простились съ нашимъ путеводителемъ, и вмѣстѣ съ мистеромъ Джемсомъ ыѣхали изъ гостиницы.

VIII.

Иматра.

Отъ Вильманстранда дорога тянется постоянно по южнымъ окраинамъ Саймы. Яуцено, послѣдняя станція на пути къ Иматрѣ, принадлежитъ къ числу самыхъ живописныхъ мѣстъ въ этой сторонѣ. Она стоитъ на обрывѣ возвышенности, съ которой открывается обширный видъ на низменную равнину, далеко зеленѣющую рощами, усѣянную деревнями, живописную и даже веселую при солнечномъ освѣщеніи. Быстро скатились наши таратайки съ крутизны и потонули въ этомъ зеленомъ морѣ. Дорога идетъ въ деревню Ситолу, которая лежитъ въ четырехъ верстахъ отъ водопада, при самомъ истокѣ Воксы. Тамъ почтовая станція. Намъ сказали, что не доѣзжая ея можно свернуть въ сторону и проѣхать прямо на Иматру: мы приказали извощику везти насъ по этой дорогѣ, и скоро раскаялись. Этотъ боковой переѣздъ до крайности дуренъ и утомителенъ.

Оставалось еще съ версту до водопада, какъ вдали послышался намъ глухой гулъ, похожій на шумъ густаго лѣса въ минуту сильной бури. Увеличиваясь съ каж-

дымъ мгновеніемъ, онъ превратился наконецъ въ раскаты неумолкающаго грома.

— Русская Ніагара! вскричалъ мистеръ Джемсъ, оборачиваясь къ намъ и махая шляпою.

Это въ самомъ дѣлѣ былъ громъ Иматры.

Мы въѣхали на дворъ гостиницы и остановились передъ небольшимъ павильономъ, построеннымъ на крутомъ берегу Воксы, передъ самымъ водопадомъ. Забывъ о поклажѣ и извощикахъ, мы выскочили изъ таратаекъ, бросились къ водопаду и нѣсколько минутъ стояли молча, пораженные его страшной красотою. Мы опомнились, когда къ намъ подошелъ какой-то господинъ, съ румяными щеками, въ странномъ казакинѣ съ свѣтлыми пуговицами.

— Позвольте узнать, гдѣ живетъ гастгеберъ? спросилъ я.

— Какой гастгеберъ? здѣсь не станція! сказалъ онъ съ замѣтнымъ неудовольствіемъ.

— Кто же здѣсь живетъ?

— Смотритель Иматры.

— Нельзя ли его видѣть?

— Это я самъ.

Мы извинились и попросили гостепріимства. Хозяинъ нашъ развеселился и пошелъ готовить для насъ комнату. Мы осмотрѣлись. Павильонъ стоитъ на краю глубокаго гранитнаго ущелья, въ которомъ реветъ бѣшеная Вокса. Въ домикѣ чистенькая пріемная зала, обращенная окнами къ водопаду, и при ней двѣ небольшія боковыя комнаты. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ павильона деревянная лѣстница спускается къ бесѣдкѣ, укрѣпленной на краю скалы, у самаго водопада. Я сбѣжалъ въ эту бесѣдку и остановился передъ дикой и величавой

картиною: передо мною открылась вся масса ревущей Иматры.

Представьте себѣ рѣку, шириною почти съ Неву, которая послѣ недальняго, но быстраго бѣга изъ Саймы встрѣчаетъ на пути своемъ тѣсное ущелье, пробитое въ незапамятные вѣка глубокой трещиною въ гранитномъ кряжѣ. Гонимая страшнымъ напоромъ водъ, рѣка мчится по этой наклонной тѣснинѣ, усѣянной громадными камнями, изрытой глубокими впадинами, съ ревомъ, грохотомъ и свистомъ мечется чрезъ нихъ, плещетъ необъятными массами воды, превращается въ снѣжнобѣлую пѣну, и вырвавшись на просторъ, разливается опять широкою, неправильною рѣкой и бѣжитъ въ Ладожское-озеро. Этотъ-то прорывъ черезъ узкое, загроможденное скалами ущелье, называется Иматрою.

Слово водопадъ совсѣмъ не даетъ понятія объ Иматрѣ. Въ Финляндіи все не похоже на другія страны, все оригинально и своеобразно. Какъ нельзя назвать горами безобразныя массы финскихъ гранитовъ, какъ невозможно дать имя озера чудовищному сплетенію водъ громаднаго Саймы, или названіе рѣки дикому потоку Вокcы, разбитому на безчисленные рукава и стоячіе затоки, — такъ точно и Иматру нельзя назвать водопадомъ, въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова. Вокса не падаетъ здѣсь съ уступа всей своей шириною, какъ Ніагара, не скачетъ съ горы буйнымъ прыжкомъ, подобно Рейну: она мчится по наклонной впадинѣ длиннаго чернаго ущелья. Но въ этомъ-то и состоитъ дикая красота Иматры. Довольно остановиться на десять минутъ передъ Нарвскимъ-водопадомъ, чтобы вполнѣ налюбоваться его величественнымъ видомъ; на Иматру можно смотрѣть долго и много разъ, и чѣмъ больше вы всматриваетесь

въ нее, тѣмъ больше она нравится. Бѣшеный водоскатъ несется съ такой невыразимой быстротою, съ такимъ дикимъ грохотомъ, страшная масса водъ его, то ударяясь о лѣвый берегъ и вскакивая на правый, то разбиваясь о неровности дна, поднимается такими разновидными горами клокочущей пѣны въ дымящихся облакахъ водяной пыли, что вы готовы стоять передъ нимъ по цѣлымъ часамъ, находя безпрестанно новыя красоты въ разнообразныхъ столкновеніяхъ сверкающихъ водяныхъ молній, въ этихъ безпрерывно мѣняющихся отголоскахъ водянаго грома. У Иматры нетолько есть своя физіономія, но и свой собственный голосъ: вы съ перваго звука отличите его отъ рева всѣхъ другихъ водопадовъ.

Берега Иматры покрыты густой, свѣжей растительностью. Постоянная сырость воздуха отъ брызговъ и водяной пыли, далеко разносимой вѣтромъ, поддерживаетъ въ землѣ неистощимую влажность, а гранитныя скалы, накаляясь отъ солнца, дышатъ такимъ жаромъ, что деревья отличаются здѣсь особенной густотою, а зелень блеститъ необыкновенной яркостью. У самаго водопада, по слоямъ черныхъ скалъ лѣпится зеленый мохъ и кустики брусники, надъ ними пестрѣютъ голубые колокольчики и алая гвоздика, выше цѣпляются мелкія ольхи и березки, а затѣмъ тянется зубчатой стѣною рядъ черныхъ сосенъ.

Услужливый *смотритель Иматры* прислалъ сказать намъ, что чай приготовленъ въ павильонѣ. Мы нашли тамъ мистера W. за бифстексомъ, съ двумя молодыми людьми: это были его земляки, комми изъ петербургскаго англійскаго магазина, которые пріѣхали ловить на Иматрѣ форелей. Странствующіе джентельмены погрузились совершенно въ рыбный разговоръ. Хозяинъ между-тѣмъ

угощалъ насъ очень радушно, и безпрестанно чокался своимъ пуншевымъ стаканомъ съ рюмками англичанъ и съ нашими стаканами безукоризненно трезваго чая. Въ заключеніе онъ подалъ книгу, куда пріѣзжающіе туристы вписываютъ свои имена и титулы, съ неизбѣжнымъ дополненіемъ восторговъ и жалобъ. Тутъ по обыкновенію хвалятъ природу и обѣдъ, жалуются на погоду и таратайки. Водопадъ прославляется въ стихахъ и прозѣ, по-русски и по-нѣмецки. Читая эти строки, въ которыхъ на всевозможные тоны воспѣваютъ Иматру, вы подумаете, что дѣло идетъ не о водопадѣ, но скорѣе о какой-нибудь деревенской барышнѣ. Альбомъ Иматры ничѣмъ не отличается отъ альбома провинціялки.

Надобно было посмотрѣть на водопадъ съ другаго берега. Противъ нижней бесѣдки, изъ которой мы недавно любовались Иматрой, выстроена на противоположной сторонѣ такая же бесѣдка, откуда, говорятъ, открывается лучшій видъ на всю массу этого громаднаго водоската. Разстояніе между бесѣдками такъ невелико, что изъ одной въ другую легко можно перекинуть небольшой камень. Но если вы хотите попасть на лѣвую сторону водопада, вамъ нужно будетъ ѣхать вверхъ по Воксѣ до Ситолы, тамъ переправиться на паромѣ и снова ѣхать внизъ по рѣкѣ, по дикой, пустынной дорогѣ. Такимъ-образомъ ширина Иматры не больше восьми саженъ, а переѣздъ съ одного берега на другой не меньше восьми верстъ. Говорятъ, что черезъ водопадъ хотятъ перекинуть цѣпной мостъ. Проектъ этой постройки составленъ Эриксономъ, который нѣсколько лѣтъ назадъ построилъ такой мостъ на Тролгеттскомъ-водопадѣ въ Швеціи. Мы рѣшились на переправу, менѣе отдаленную. Пройдя съ полверсты отъ павильона противъ теченія рѣки, мы нашли

рыбачью лодку и переплыли въ ней на другой берегъ, передъ самыми порогами, которые составляютъ преддверіе водопада. Съ надежнымъ гребцомъ переправа эта совершенно безопасна. Гораздо ниже нашего переѣзда, въ томъ мѣстѣ, гдѣ вода начинаетъ уже пѣниться, увлекаемая въ ущелье, почти въ самомъ бурунѣ, увидѣли мы рыбачью лодку. Въ ней было двое финновъ: одинъ постоянно отгребалъ веслами противъ теченія, другой закидывалъ удочку въ пороги, гдѣ водятся прекрасныя форели. Охота эта заставляетъ невольно содрогнуться: выпусти рыбакъ какъ-нибудь весло, и черезъ минуту отъ лодки не останется и щепокъ. Хозяинъ нашъ разсказывалъ, что три года назадъ, какой-то русскій офицеръ переѣзжалъ въ этомъ самомъ мѣстѣ на лодкѣ съ однимъ гребцомъ. На срединѣ рѣки весло переломилось, и лодку понесло въ бурунъ. Въ ту же минуту офицеръ кинулся въ воду, надѣясь перебраться вплавь, а упрямый чухонецъ продолжалъ грести однимъ весломъ; ни тому, ни другому не удалось спастись: ихъ увлекло въ водопадъ, и на другой день нашли только два обезображенные трупа, которыхъ нельзя было и узнать.

По узкой тропинкѣ пришли мы на лѣвую окраину Иматры. Съ этой стороны видъ на нее поразительнѣе. Съ невольнымъ трепетомъ входишь въ бесѣдку, поставленную на крутомъ обрывѣ чернаго утеса, страшно наклоненнаго надъ водопадомъ. Сердце сжимается при этомъ также болѣзненно, какъ въ то время, когда стоишь на неогражденной ничѣмъ высотѣ. Вся кипящая бездна водъ съ ревомъ разбивается здѣсь у вашихъ ногъ. Самые утесы, кажется, дрожатъ. Только-что мы вошли въ бесѣдку, насъ окружила толпа крестьянскихъ дѣтей, предлагая наперерывъ камешки, выбрасываемые здѣсь водо-

падомъ. Вотъ первый промыселъ, вызванный пріѣзжающими туристами! Камни эти синевато-сѣраго цвѣта: они вытачиваются въ водоворотѣ стремленіемъ воды въ правильныя и прихотливыя фигуры; одни изъ нихъ круглые, другіе овальные, иные продолговатые, похожіе на кандитерскіе бисквиты. Недалеко отъ бесѣдки ребятишки показали намъ огромные камни, съ правильными сквозными отверстіями, похожіе на поставленныя стоймя колоссальныя бочки или мортиры. Это такъ называемые котлы, одно изъ самыхъ любопытныхъ явленій финской природы. Отверстія въ нихъ, по объясненію геологовъ, проточены водою еще въ тѣ незапамятные вѣка, когда Вокса только-что пробивала себѣ путь черезъ гранитное ущелье Иматры: крутя съ ужасною быстротою мелкіе камни въ этихъ гранитныхъ глыбахъ, водоворотъ просверлилъ въ нихъ сквозныя отверстія, съ нарѣзками, похожими на стволъ винтовки. Въ одномъ изъ этихъ котловъ, отъ времени наполненномъ землею, растетъ, какъ въ цвѣточной кадкѣ, рослая, густая береза.

Ниже бесѣдки построены на утесахъ еще два небольшіе балкона, для того, чтобъ можно было съ разныхъ точекъ любоваться водопадомъ. Остановясь на одномъ изъ этихъ балконовъ, я увидѣлъ на другомъ берегу нашего англичанина съ его новыми знакомцами. Онъ махалъ шляпою, приложа руку къ губамъ, кажется кричалъ что-то, но ни одинъ звукъ не доходилъ до нашего берега. Водопадъ дотого поглощаетъ голосъ, что надобно кричать, чтобы васъ услышали въ двухъ шагахъ.

Было уже темно, когда мы переправились опять черезъ Воксу. По всей дорогѣ горѣли на травѣ яркими точками свѣтящіеся черви. Въ отсутствіе наше пріѣхало на Иматру нѣсколько человѣкъ новыхъ гостей изъ Вы-

борга. Въ нижней бесѣдкѣ мелькали сигары. Я спустился туда. Общество было довольно многочисленное: дамы сидѣли на скамеечкахъ, мужчины стояли, опершись на барьеръ, а другіе вскарабкались на утесы, при самомъ обрывѣ водопада. Молчаніе изрѣдка прерывалось какими-нибудь восклицаніями въ честь Иматры. Мѣсяцъ поднимался изъ-за лѣса. При ночномъ освѣщеніи черные граниты Воксы казались еще темнѣе, бѣлая пѣна каскада сверкала еще ослѣпительнѣе, сосны стояли мрачными рядами, какъ тѣни, воспѣтыя въ Калевалѣ, и самое общество походило на какую-то фантастическую группу. Сигары наши свѣтились, какъ фосфорическіе свѣтляки: я бросилъ окурокъ въ водопадъ, и онъ падучей звѣздою исчезъ въ его безднѣ.

Намъ приготовили маленькую, но опрятную спальню въ небольшомъ домикѣ позади павильона. Я раздѣвался при свѣтѣ фосфорическихъ червей, которыхъ товарищъ мой набралъ въ стаканъ, въ то время какъ я ходилъ въ бесѣдку. Былъ ли это обманъ чувствъ, но казалось, что стѣны нашей комнаты постоянно дрожали отъ грома Иматры. Всю ночь мнѣ слышался черезъ окно сильный шумъ, какъ-будто надъ нами бушевала страшная буря.

На утро собралось къ завтраку въ павильонѣ довольно многочисленное общество. Все это были петербургскіе гости, прибывшіе на послѣднемъ пароходѣ въ Выборгъ. Мистеръ Джемсъ пришелъ пожать намъ руку: онъ собирался ѣхать съ петербургскими англичанами на ловлю форелей, куда-то за десять верстъ по Воксѣ. На прощаньи онъ предложилъ намъ выпить бутылку шампанскаго за благополучное спасеніе его въ финскихъ пустыняхъ. Черезъ часъ мы въ послѣдній разъ пожали ему руку.

Послѣ завтрака пріѣзжіе собрались опять въ нижней бесѣдкѣ. Мужчины, кто для собственнаго удовольствія, кто изъ угожденія дамамъ, принялись собирать на берегу сучья и бросать ихъ въ водопадъ. Инымъ попадалась ноша, достойная плечъ здороваго носильщика. Едва касаясь кипящей воды, сучья эти въ одинъ мигъ исчезали въ пѣнѣ, какъ листики, сдуваемые вѣтромъ съ прибрежнаго дерева. Эти опыты только поджигали любопытство.

— А что, если въ Иматру опустить большое дерево? спросила одна дама.

— Какъ это должно быть любопытно! прибавила молоденькая черноглазая женщина, одѣтая очень кокетливо въ черную бархатную кофточку и пикейный жилетъ à la Blumer. Съ этимъ замѣчаніемъ она обратилась къ молоденькому офицеру, который, облокотясь на барьеръ, напѣвалъ ей что-то съ большимъ жаромъ.

— А вамъ угодно видѣть? спросилъ онъ. Хорошенькая брюнетка кивнула головой. Молодой человѣкъ вышелъ изъ бесѣдки съ такимъ торжественнымъ видомъ, что я подумалъ, не хочетъ ли онъ самъ кинуться въ водопадъ.

Мысль эта, кажется, пришла въ голову не одному мнѣ. Молодой мужчина, который сидѣлъ подлѣ меня, обратился къ брюнеткѣ: — Напрасно вы не бросили въ Иматру перчатку! сказалъ онъ.

— Зачѣмъ это?

— Вашъ рыцарь кинулся бы за нею въ водопадъ.

Дама погрозила ему зонтикомъ.

Черезъ нѣсколько минутъ молодой человѣкъ возвратился съ такимъ довольнымъ лицомъ, какъ-будто въ самомъ дѣлѣ вышелъ изъ водопада получить награду изъ рукъ балладной красавицы. За нимъ человѣкъ шесть чухонъ несли большую сосну съ необрубленными вѣтвями -

— Какъ это любопытно! какъ это весело! говорили всѣ, подвигаясь на край бесѣдки.

Финны, по указанію молодаго человѣка, взобрались на край скалы и приволокли дерево къ крутому обрыву, на выдающійся гребень утеса, гдѣ водопадъ ревѣлъ съ большей яростью. Послѣ нѣкотораго усилія, сосна была придвинута и однимъ концомъ приподнята надъ бездною. Виновница этого развлеченія махнула зонтикомъ. Чухны дружнымъ усиліемъ двинули дерево, и сосна скатилась въ клокочущую массу бѣлой пѣны.

— Гдѣ же она? спрашивали съ недоумѣніемъ дамы.

— Сейчасъ вынырнетъ! отвѣчалъ съ замѣшательствомъ дирижеръ этого спектакля.

Но сосна исчезла въ Иматрѣ, какъ соломенка, и мы больше ее не видали. Получа за трудъ условленную трехъ-рублевую ассигнацію, финны раскланялись съ лукавой улыбкою и ушли.

IX.

Выборгъ. — Mon-Repos.

Послѣ обѣда мы выѣхали по дорогѣ въ Выборгъ. Съ смотрителемъ Иматры намъ не удалось проститься. Счетъ, поданный намъ служанкою, напоминалъ уже нѣсколько петербургскія цѣны. Сторона между Иматрой и Выборгомъ принадлежитъ къ числу самыхъ живописныхъ уголковъ, какіе только мы видѣли въ Финляндіи. Но чѣмъ больше подвигаешься къ Выборгу, тѣмъ сильнѣе поражаетъ картина страшнаго разрушенія: вездѣ виднѣются голыя вершины красноватыхъ скалъ, навороченныхъ безобразными грудами; камни громоздятся надъ камнями, и громадные куски гранита разбросаны въ чудовищномъ безпорядкѣ. Кажется, будто недавно какой-нибудь страшный переворотъ раскрылъ земную внутренность, вырвалъ изъ нея цѣлыя массы гранита, и въ хаосѣ этихъ развалинъ представилъ свѣжую картину разрушенія.

Иматра лежитъ въ пятидесяти восьми верстахъ отъ Выборга. На этомъ разстояніи три станціи. Здѣсь во многомъ видна уже цивилизація большихъ дорогъ: на станціяхъ прислуга понимаетъ по-русски, въ почтовыхъ комнатахъ встрѣчаются на стѣнахъ путевыя замѣтки ту-

ристовъ, у воротъ гастгеберства нерѣдко протягиваетъ вамъ руку нищій, и даже извощикъ, получа прогонныя деньги, посматриваетъ иногда на васъ съ нескрываемымъ желаніемъ получить прибавку. Число туристовъ увеличивается на этомъ пути годъ отъ году. Если-бы таратайки были здѣсь такъ хороши, какъ въ Саволаксѣ, — то безъ сомнѣнія гостей на Иматру ѣздило бы еще больше. Правда, что въ Выборгѣ отдаются на прокатъ экипажи, но это по большей части семейные шарабаны. Въ станціонныхъ книгахъ я нашелъ не одну жалобу на выборгскія таратайки. Въ самомъ дѣлѣ ничего нельзя придумать легче и удобнѣе рессорной финской двухколески, и нѣтъ ничего отвратительнѣе того ящика, въ которомъ мучатъ проѣзжающихъ въ Выборгской-губерніи.

Скалы начинали уже темнѣть при слабомъ свѣтѣ вечернихъ сумерекъ, когда мы подъѣзжали къ Выборгу. Я люблю города, которые изъ вѣжливости къ путешественникамъ высылаютъ имъ навстрѣчу, за пограничную черту свою, отдѣльные домики и дачи. Эти передовыя строенія, встрѣчая васъ, какъ радушные посланцы, какъ-будто говорятъ, что вамъ недолго уже ѣхать, что для васъ готовъ и покойный ночлегъ, и аппетитный столъ, и любопытныя новости. Таковъ именно Выборгъ съ вильманстрандской дороги. Васъ встрѣчаютъ сперва разсѣянные по сторонамъ домики, нарядные и привѣтливые, какъ пажи, высланные передать вамъ первый поклонъ отъ своего господина; потомъ они группируются, тѣснятся въ Петербургскій-форштадтъ, какъ цѣлый отрядъ, отправленный для вашего пріема, и когда вы минуете его, бульваръ, съ маленькими деревьями, провожаетъ васъ длиннымъ строемъ до самыхъ городскихъ воротъ и раскланявшись остается назади, предоставляя на собственный

вашъ выборъ ѣхать въ Hôtel de Société или въ гостинницу Мотти. Мы остановились въ послѣдней и не имѣли причинъ раскаяваться. Высокія, прилично меблированныя комнаты, чистыя постели, — все отличается европейскими удобствами.

Послѣ обстроенныхъ деревянными домиками пустырей, которые мы до сихъ поръ встрѣчали въ Финляндіи подъ именемъ городовъ, Выборгъ въ самомъ дѣлѣ кажется городомъ красивымъ, почти многолюднымъ. Въ немъ есть каменные дома, торговля, публичные сады, нищіе, книжныя лавки, кандитерскія, даже гауптвахта, однимъ словомъ всѣ необходимыя принадлежности порядочнаго города. Коровы ходятъ не иначе, какъ подъ надзоромъ пастуха, и если изрѣдка попадается на улицѣ свинья, то по ея торопливости видно, что тутъ не позволяютъ ей гулять безнаказанно. Одно напоминаетъ еще, что это Финляндія: едва легъ я въ постель и началъ смыкать глаза, какъ подъ окномъ раздался крикъ ночнаго сторожа съ заунывнымъ приглашеніемъ ложиться спать. Къ этому скоро присоединился глухо-протяжный звукъ какой-то трубы и повторился аккуратно черезъ полчаса. Послѣ я узналъ, что по старинному обыкновенію сторожъ лютеранской церкви трубитъ въ это мусикійское орудіе въ знакъ того, что въ городѣ все обстоитъ благополучно.

Утро посвятили мы на знакомство съ Выборгомъ. Мѣстоположеніе города, на краю глубокаго залива, довольно живописное. У длиннаго моста, соединяющаго городъ съ Выборгскимъ-форштадтомъ, стоитъ замокъ съ массивной каменной башнею. Здѣсь помѣщаются теперь арестанты. Когда мы проходили мимо, два колодника въ сѣрыхъ суконныхъ курткахъ ловили рыбу на удочки. При

каждомъ движеніи, на ногахъ у нихъ гремѣли цѣпи. Подлѣ ведра, приготовленнаго для пойманной рыбы, стоялъ караульный солдатъ, угрюмо опираясь на ружье. Мы бросили деньги этимъ рыболовамъ; они опустили ихъ въ ведро и снова закинули удочки. Выборгская крѣпость извѣстна многочисленными осадами: ее нѣсколько разъ осаждали новгородцы и облегали царскія войска. Подлѣ замка проходитъ южное устье Сайменскаго-канала. На немъ выстроенъ чугунный мостъ, легкій и изящный. Устройство его особенное. Во время прохода судовъ, онъ не поднимается и не отводится въ стороны, какъ петербургскіе мосты, но посредствомъ машины уводится въ тоннель, сдѣланный подъ набережною, и скрывается подъ землей. Въ одну минуту, точно по волшебному мановенію, мостъ исчезаетъ, и какъ-скоро пройдетъ судно, онъ снова выкатывается изъ подземнаго тоннеля и ложится черезъ каналъ.

Выборгъ былъ главнымъ городомъ Старой-Финляндіи (gamla Finland). Съ присоединеніемъ къ Россіи всего края, онъ сошелъ на степень губернскаго города, но сохранилъ прежнее значеніе. Въ немъ многое напоминаетъ уже Россію. Въ городѣ есть гимназія съ порядочной библіотекой и пять низшихъ училищъ и пансіоновъ. Въ книжныхъ лавкахъ мы нашли послѣднія произведенія французской литературы, особенно романы Сю и Дюма; нѣмецкихъ книгъ видѣли немного, русскихъ совсѣмъ нѣтъ. Жителей въ Выборгѣ теперь больше пяти тысячъ: это пестрая смѣсь русскихъ, шведовъ, нѣмцевъ и финновъ. У каждаго племени своя церковь и свой языкъ. Даже на рынкѣ, по требованію съѣстныхъ припасовъ, легко угадать, къ какой націи принадлежитъ покупатель.

Выборгъ окруженъ зеленью. За Петербургскимъ-фор-

штадтомъ раскинутъ городской садъ, довольно обширный и тѣнистый. Но, кажется, выборгцы не любятъ этого мѣста: мы два раза были въ саду и не встрѣтили тамъ никого. На противоположной сторонѣ города, на гранитномъ возвышеніи, разводится другой садъ. Онъ извѣстенъ подъ названіемъ Promenade. Деревья растутъ въ немъ очень медленно, тѣни совсѣмъ нѣтъ, и самая прогулка по крутымъ, узенькимъ дорожкамъ утомительна. Но отъ бесѣдки, поставленной на гребнѣ скалы, открывается обширный видъ на городъ и заливъ къ Тронзунду. Кромѣ пріѣзжихъ изъ Петербурга, въ этомъ саду тоже никто не гуляетъ.

Но лучшее украшеніе Выборга — знаменитый Mon-Répos. Послѣ обѣда въ Hôtel de Société, гдѣ за общимъ столомъ обѣдаетъ большая часть пріѣзжихъ, взяли мы извощичью линейку и отправились смотрѣть прославленный садъ. Черезъ Выборгскій-форштадтъ, который также далеко провожаетъ васъ отъ города, какъ при въѣздѣ встрѣтилъ насъ Петербургскій форштадтъ, выѣхали мы на гельсингфорсскую дорогу, съ нея повернули направо, и черезъ полчаса были у воротъ сада. По воскресеньямъ онъ открытъ для всѣхъ безплатно, а въ прочіе дни съ посѣтителей собирается при входѣ по десяти копѣекъ серебромъ на бѣдныхъ. Привратница подала намъ кружку и записную книгу: мы положили деньги, записали свои имена и вошли въ садъ.

Mon Répos принадлежитъ къ числу самыхъ оригинальныхъ мѣстъ во всей Финляндіи. Много видалъ я садовъ, но ни одинъ изъ нихъ не похожъ на это дикое, странное, живописное произведеніе природы и искусства. Его почти нельзя назвать садомъ, также какъ Иматрѣ не идетъ названіе водопада. Что сказалъ бы блаженной

памяти Делиль, еслибъ ему случилось быть въ Выборгѣ? Пѣвецъ подстриженныхъ и напудренныхъ садовъ пришелъ бы въ крайнее изумленіе при видѣ финскаго парка, и вѣроятно съ классической важностью оцѣнилъ бы его также, какъ Вольтеръ отдѣлывалъ Шекспира. Mon-Répos совсѣмъ не подходитъ къ понятіямъ о садахъ, даже въ романтическомъ вкусѣ. Онъ самобытенъ, какъ природа Финляндіи, оригиналенъ, какъ финская народная поэзія.

Вообразите цѣлый лабиринтъ гранитныхъ скалъ, мѣстами возникающихъ въ видѣ отдѣльныхъ утесовъ, мѣстами собранныхъ въ дикія и живописныя группы, то обнаженныхъ какъ черепъ, то одѣтыхъ густыми деревьями и ярко-зеленымъ мохомъ, — и все это отражается въ свѣтлыхъ водахъ залива, какъ-будто вставленнаго въ гранитную, узорчатую раму, для того, чтобъ вѣтеръ не туманилъ этого прозрачнаго зеркала. По этимъ-то грудамъ утесовъ и прибрежныхъ островов раскидывается Mon-Répos. На всякомъ шагу передъ вами дикія картины финской природы, которымъ искусство придало еще болѣе красоты. Кажется, оно навело какую-то улыбку на эти мрачные граниты, громадныя сосны и неподвижныя воды. Стволы густыхъ деревьевъ покрыты желтыми и красными лишаями, скалы поросли такимъ зеленымъ бархатнымъ мохомъ, что кажется онъ посѣянъ нарочно. Это идеалъ сѣвернаго сада, который полгода спитъ подъ грудами снѣга и въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ блещетъ самыми яркими красками жизни.

Посреди этого живописнаго хаоса безпрестанно встрѣчаете вы разнообразные виды. Послѣ дикой массы нагроможденныхъ амфитеатромъ скалъ, вы видите лугъ, блестящій яркой зеленью; отъ куртинъ, усѣянныхъ оран-

жерейными цвѣтами, приходите къ мрачному утесу, склоненному надъ заливомъ. То на скалѣ виднѣется гранитный обелискъ, то посреди холма въ яркой зелени открывается павильонъ. На одномъ высокомъ гранитномъ островкѣ построенъ небольшой замокъ, съ зубчатыми башнями. Это миніатюрное подобіе тѣхъ рыцарскихъ гнѣздъ, которыми усѣяны берега Рейна.

Но лучшее мѣсто въ концѣ сада, гдѣ, на берегу залива, въ небольшомъ ущельѣ, обстановленномъ высокими скалами, поставлена статуя Вейнемейнена. Нельзя найти болѣе поэтическаго мѣста для финскаго бога поэзіи: кругомъ вѣковѣчные граниты, одѣтые сѣрымъ и зеленымъ мохомъ, мрачныя сосны и ели, густо переплетенныя вѣтвями, а внизу неподвижныя воды извилистаго залива. Здѣсь въ маломъ видѣ вся Финляндія, съ ея мрачной поэзіей. Статуя Вейнемейнена, въ настоящій человѣческій ростъ, стоитъ на пьедесталѣ. Финскій Аполлонъ держитъ въ одной рукѣ кантелу, а другою ударяетъ по струнамъ; ротъ полуоткрытъ, глаза подняты къ небу, и кажется, вдохновенная руна льется вмѣстѣ съ слезами. Работа статуи далеко не художественная, но мысль выражена довольно удачно. Смотря на статую, узнаешь того бога финской миѳологіи, который, носясь по синему морю, силою божественнаго слова творилъ острова, заливы и подводные камни. Въ финской народной эпопеѣ выражено могущество его пѣсенъ въ чертахъ оригинальныхъ: когда онъ начиналъ пѣть — солнце останавливалось слушать, большая-медвѣдица ярче горѣла своими звѣздами, озера переставали ревѣть и быстрая Вокса прекращала свое теченіе. Статуя Вейнемейнена напоминаетъ прекрасное мѣсто въ Калевалѣ:

Вотъ играетъ Вейнемейненъ;
Мощный звонъ летитъ съ кантелы;
Долы всходятъ, выси никнутъ,
Горы твердыя трепещутъ,
Откликаются утесы,
Жнитва вьются въ пляскѣ, камни
Разсѣдаются на брегѣ,
Сосны зыблются въ восторгѣ...
Проходилъ ли онъ межъ сосенъ,
Шелъ ли межъ высокихъ елей, —
Сосны низко преклонялись,
Ели гнулися привѣтно,
Иглы падали на землю.
По лугамъ ли проходилъ онъ —
У цвѣтовъ вскрывались чаши,
Стебли долу поникали...

Но говоря о Выборгѣ, слѣдовало бы начать съ того, чѣмъ онъ славится въ Петербургѣ — съ знаменитыхъ кренделей. Да не подумаютъ читатели, что я считаю этотъ предметъ недостойнымъ литературнаго пера. Дѣло въ томъ, что въ Выборгѣ я не нашелъ хорошихъ кренделей. Какой-то путешественникъ говоритъ, что въ Голландіи нельзя найти настоящихъ голландскихъ сельдей, а кто хочетъ видѣть египетскія древности, обелиски и сфинксовъ, тому нужно ѣхать не въ Луксоръ и Ѳивы, а въ Парижъ и Берлинъ. Я съ своей стороны замѣчу, что лучшіе выборгскіе крендели можно найти не въ Выборгѣ, а скорѣе въ петербургскихъ булочныхъ. Впрочемъ, долгъ справедливости заставляетъ прибавить, что когда я высказалъ эту мысль за table d'hôte въ гостинницѣ Эренбурга, всѣ выборгцы вооружились противъ меня съ рѣшительнымъ единодушіемъ. Мнѣ сказали, что по тѣмъ кренделямъ, какіе продаются на улицахъ, нельзя судить о выборгскомъ печеньи; а кто хочетъ имѣть

понятіе о настоящихъ выборгскихъ кренделяхъ, тотъ долженъ заказать ихъ заранѣе и тогда не будетъ предпочитать жалкихъ поддѣлокъ петербургскихъ булочниковъ.

Послѣ обѣда мы пріѣхали на пароходъ Веллямо, который только-что пришелъ изъ Гельсингфорса. На немъ я оканчиваю свою поѣздку и возвращаюсь въ Петербургъ. Пароходъ этотъ не даромъ носитъ названіе миѳологической богини финскихъ морей. Wellamo вовсе не похожъ на мрачный Валаамъ: онъ легче на ходу, чище и веселѣе, общество его не такъ разнообразно, но гораздо сообщительнѣе. Здѣсь вы также найдете не мало комическаго, но это уже комизмъ европейскій. День былъ жаркій. Все пароходное общество собралось наверху.

Изъ Тронзунда, въ глубинѣ котораго стоитъ Выборгъ, мы вошли въ шхеры. Это цѣлый лабиринтъ гранитныхъ островов, усѣявающихъ весь сѣверный берегъ Финскаго-залива. По мѣрѣ приближенія къ востоку, гряда эта начинала рѣдѣть, утесы краснаго гранита становились ниже, берегъ дѣлался низменнѣе, острова менѣе живописными.

Между-тѣмъ погода была прекрасная. Я сѣлъ на палубѣ. Передо мною было трое мужчинъ: одинъ въ тепломъ пальто, другой въ байковомъ сюртукѣ, третій въ шинели съ мѣховымъ воротникомъ. По лицамъ ихъ замѣтно было, что это больные, возвращавшіеся въ Петербургъ послѣ леченья на какихъ-нибудь прибалтійскихъ водахъ. Разговоръ начался по петербургскому обычаю съ погоды. Кутаясь въ свои воротники, они наперерывъ хвалили прекрасный день.

— Какъ жаль, сказалъ господинъ въ пальто: ѣдешь назадъ, погода стоитъ прекрасная; а нужно было ле-

читься, дышать воздухомъ — такъ безпрестанно дождь.

— Вы гдѣ лечились? спросилъ его сосѣдъ въ сюртукѣ.

— Я былъ въ Ревелѣ.

— Скажите: какъ вы находите тамошній климатъ?

— Превосходный; я совершенно выздоровѣлъ! отвѣчалъ онъ, натаскивая cache-nez на самый ротъ. А вы также лечились?

— Купался въ Гельсингфорсѣ.

— Ну, какъ вы нашли гельсингфорсскія купанья?

— Чрезвычайно полезны: я переродился! отвѣчалъ пассажиръ въ байковомъ сюртукѣ, закутываясь воротникомъ.

— По мнѣ, кажется, ревельскія здоровѣе.

— Нѣтъ, гельсингфорсскія лучше; это общій голосъ.

— Позвольте замѣтить, сказалъ господинъ въ мѣховой шинели: врачи съ особенною похвалою отзываются объ Аренсбургѣ.

— Какіе врачи? спросилъ ревельскій паціентъ.

— Аренсбургскіе же? прибавилъ поклонникъ Гельсингфорса.

— Никакъ нѣтъ-съ! это всѣ утверждаютъ. Да я самъ лечился въ Аренсбургѣ.

— И чувствуете пользу?

— Большую! Смѣю васъ увѣрить, тамошнія ванны крайне здоровы, отвѣчалъ господинъ съ глухимъ кашлемъ.

— Далеко имъ до гельсингфорсскихъ; не тотъ грунтъ, не тотъ...

— Въ Ревелѣ воздухъ другой, вода другая...

— Вы предубѣждены, если позволите; да и на лицѣ у васъ, извините, не видать совершеннаго здоровья. Еслибы вы лечились въ Аренсбургѣ...

*

— Однако вы сами не можете похвалиться здоровымъ лицомъ!

— Это правда, но аренсбургскія купанья дѣйствуютъ не вдругъ. Доктора сказали, что я поправлюсь совершенно мѣсяца черезъ два.

— Въ Петербургѣ? спросили его собесѣдники съ насмѣшливой улыбкой.

— Въ Петербургѣ. Докторъ объяснилъ, что во мнѣ произошла уже реакція противъ болѣзни, только обнаружится она вполнѣ черезъ нѣсколько недѣль.... Однако здѣсь, господа, какъ-будто дуетъ! Не лучше ли въ каюту?

— Да, становится сыро!

— Душно отъ печи!

Выздоровѣвшіе посѣтители балтійскихъ ваннъ встали и побрели въ каюту. Между-тѣмъ вечеръ былъ теплый, достойный лучшаго климата.

Отъ Березовыхъ-островов мы вышли въ открытое море, и черезъ нѣсколько времени показались едва замѣтныя очертанія зданій и мачтъ. Это Кронштадтъ. Послѣдній лучъ солнца исчезъ позади насъ, и въ то же мгновеніе впереди, на одномъ изъ крѣпостныхъ фортовъ, мелькнулъ яркій свѣтъ, и раскаты пушечнаго выстрѣла пронеслись по грустно-однообразной поверхности моря.

Къ довершенію непріятнаго впечатлѣнія намъ объявили, что мы должны ночевать передъ Кронштадтомъ. Къ пароходу подошла таможенная лодка, и на палубѣ поставили часоваго. Пассажиры сѣли за ужинъ, и всѣ разговоры обратились на таможню, грозу всего человѣчества, начиная съ мистера Кобдена и оканчивая простодушнымъ туристомъ, который слишкомъ расчетливо запасается шведскимъ табакомъ въ Финляндіи.

ВТОРАЯ ПОѢЗДКА

I.

Фридрихсгамъ.

Кто однажды испыталъ прелесть путешествія, тотъ на этомъ не остановится. Любовь къ новымъ зрѣлищамъ и впечатлѣніямъ, усиливаясь съ каждой поѣздкою, обращается въ страсть, дѣлается хронической болѣзнью. Путешественникъ неисправимъ, какъ игрокъ.

Съ наступленіемъ новаго лѣта меня опять начало манить въ путешествіе. Невозможность ѣхать за границу и нежеланіе трястись въ родной телѣгѣ до предѣловъ Крыма или Кавказа заставило опять подумать о Финляндіи. Къ тому же, познакомясь съ восточной частью этого края, я хотѣлъ взглянуть и на западную его половину. Новая Финляндія такъ же любопытна, какъ и старая Финляндія. На этотъ разъ мнѣ удалось, какъ и прежде, запастись товарищемъ и достать нѣсколько рекомендательныхъ писемъ.

Въ конторѣ финляндскаго пароходства взяли мы билеты до Фридрихсгама, и пріѣхали на набережную Ва-

сильевскаго - острова, къ пристани парохода Уньоненъ. Вмѣсто десяти часовъ, какъ обѣщано было въ объявленіи, мы отошли отъ берега въ одиннадцать. Недавно я узналъ изъ газетъ, что этотъ пловучій ветеранъ отслужилъ свои годы и за старостію лѣтъ продается съ публичнаго торга, а потому, не стѣсняясь латинской пословицею de mortuis aut bene aut nihil, замѣчу, что онъ не обнаруживалъ ни малѣйшихъ претензій на чистоту и удобства. Неповоротливый на ходу, какъ чухонская лайба, пароходъ этотъ отличался въ своей конструкціи разными дикими особенностями, а руль его приводился въ движеніе веревками, которыя тянулись и перекрещивались на кормовой палубѣ, подъ ногами у пассажировъ.

По выходѣ въ открытое море, по обыкновенію стали завязываться дорожныя знакомства. Общество Уньонена было довольно многочисленное. Большинство пассажировъ составляли больные и полубольные труженики нашей дѣловой столицы, которые отправлялись большею частію въ Гельсингфорсъ. Одни изъ нихъ ѣхали купаться, другіе пить минеральныя воды, третьи — просто подышать не служебнымъ воздухомъ. Мнѣ показалось, что нѣкоторые поправились уже за обѣдомъ, хотя онъ и не отличался особенной питательностью.

Въ шесть часовъ Уньоненъ остановился передъ стѣнами Выборгскаго-замка. Послѣ получасовой суматохи и перетаскиванья взадъ и впередъ чемодановъ и дорожныхъ мѣшковъ, снова раздался путевой звонокъ. Здѣсь случилось маленькое происшествіе, которое могло кончиться очень дурно для нашего патріархальнаго парохода: едва мы отошли отъ пристани и начали поворачивать къ выходу изъ залива, какъ на палубѣ послышался оглушающій крикъ.... Руль не беретъ! кричалъ по-швед-

ски финнъ въ синей курткѣ и красномъ шерстяномъ шарфѣ.

Въ самомъ дѣлѣ почтенный Уньоненъ, не слушаясь руля, бѣжалъ прямо на берегъ. Рулевой поблѣднѣлъ, какъ парусъ. Напрасно налегалъ онъ всѣми силами на колесо: пароходъ вышелъ изъ повиновенія, какъ взбѣсившаяся лошадь, и летѣлъ къ гранитнымъ скаламъ, грозя разбить себѣ носъ.

— Стопъ! заревѣлъ испуганный капитанъ.

Машину тотчасъ же остановили и дали ей задній ходъ. Уньоненъ только саженъ на пять не дошелъ до каменнаго берега. Капитанъ побѣжалъ къ рулю. Причина возмущенія нашего кроткаго парохода обнаружилась въ одну минуту. Одинъ изъ новыхъ выборгскихъ пассажировъ, какой-то русскій огородникъ, положилъ на палубѣ свой кафтанъ. При первыхъ поворотахъ колеса, кафтанъ этотъ запутался въ веревкахъ, которыми приводился въ движеніе руль,—и этотъ ничтожный случай едва не стоилъ жизни Уньонену.

Капитанъ приступилъ было съ угрозами къ хозяину несчастнаго кафтана, но пассажиры общимъ голосомъ попросили его оставить въ покоѣ невиноватаго мужика и перенести лучше свой гнѣвъ на рулеваго, который, зная нелѣпое устройство парохода и отходя отъ пристани среди бѣлаго дня, не подумалъ взглянуть себѣ подъ ноги и убѣдиться, въ порядкѣ ли рулевыя веревки.

Изъ Тронзунда мы вошли въ шхеры, которыя тянутся сплошной гранитной сѣтью по всему южному берегу Финляндіи. Переѣздъ этотъ несравненно пріятнѣе, чѣмъ по открытому морю: въ этомъ лабиринтѣ острововъ вы вполнѣ обезпечены отъ морской болѣзни и сверхъ-того любуетесь панорамою разнообразныхъ ви-

довъ. Въ шхерахъ есть мѣста истинно живописныя. На каждомъ шагу открывается новая картина: иногда проливы съуживаются какъ рѣчки или разливаются какъ озера; иногда виднѣется отдаленный берегъ или широкой далью проглядываетъ море. По сторонамъ тянутся сотни островов,—и одни возникаютъ изъ воды голыми скалами, другіе опушены мохомъ, покрыты кустарникомъ или одѣты елями и соснами. Нѣтъ двухъ островов похожихъ другъ на друга: передъ вами ежеминутно, какъ фигуры въ калейдоскопѣ, являются новые арабески изъ гранита и зелени.

Въ Фридрихсгамъ мы пришли ночью. Салютные выстрѣлы изъ маленькихъ пушекъ прозвучали съ нашего парохода, и въ отвѣтъ послышалось въ городѣ заунывное пѣніе ночнаго сторожа: «спите, обыватели! одиннадцать часовъ било»! Едва успѣли мы остановиться, и якорная цѣпь еще гремѣла, съ шумомъ катясь въ море, какъ отъ пристани налетѣло къ намъ множество лодокъ. Бойкіе мальчишки и даже дѣвочки гребли изо всѣхъ силъ, стараясь перегнать другъ друга и поспѣть прежде другихъ къ пароходу, въ надеждѣ заработать нѣсколько копѣекъ. Въ одну минуту эти маленькіе моряки со всѣхъ сторонъ облѣпили Уньоненъ. Они цѣплялись за спущенную сходню, за бортъ и колеса, отталкивали одни другихъ и страшно шумѣли, качаясь на своихъ маленькихъ лодочкахъ. Матросы безпрестанно отталкивали передовыхъ, но мѣста ихъ тотчасъ же занимали другіе. Бѣднякамъ предстояло однакожъ немного поживы, потому-что кромѣ меня съ товарищемъ никто не съѣзжалъ на берегъ.

Мы прыгнули въ одну изъ лодокъ, на которой въ качествѣ гребцовъ сидѣли дѣвочка лѣтъ десяти и маль-

чикъ годами двумя моложе. Матросы спустили нашу поклажу. Пробираясь между лодками, шнырявшими безнадежно вокругъ парохода, мы бросили въ одну изъ нихъ нѣсколько мѣдныхъ денегъ. Между моряками поднялась при этомъ такая суматоха, что мы испугались, но къ счастію дѣло кончилось однимъ шумомъ. Въ нѣсколько минутъ маленькіе гребцы довезли насъ къ пристани, прицѣпили лодку, подняли на головы наши дорожные мѣшки,—и мы пустились при гостепріимномъ свѣтѣ мѣсяца отыскивать ночлегъ. Пройдя двѣ-три улицы, проводники наши остановились передъ деревяннымъ домомъ, и принялись такъ усердно барабанить въ затворенныя ворота, что проснувшіеся клокены запѣли какъ пѣтухи въ разныхъ концахъ города. Служанка отвела насъ въ чистую комнату, и черезъ полчаса я спалъ уже праведнымъ сномъ туриста.

Утромъ мы пошли взглянуть на Фридрихсгамъ. Это городокъ довольно чистый; жители говорятъ, что онъ обязанъ своей красотою послѣднему пожару, который въ нѣсколько часовъ вымелъ изъ него вѣковой соръ. На большой площади показали намъ массивное зданіе, гдѣ въ 1809 году подписанъ трактатъ съ Швеціею, по которому вся Финляндія присоединена къ Россіи, на основаніи акта, утвержденнаго императоромъ Александромъ I. Отъ этого историческаго зданія во всѣ стороны города раскидываются прямыя улицы, подобно спицамъ громаднаго колеса. Укрѣпленія Фридрисгама, съ присоединеніемъ новой Финляндіи, потеряли прежнее значеніе.

Но я уже сказалъ, что не намѣренъ повторять того, что читатели могутъ найти въ книгахъ. Самая любопытная и новая вещь, какую мнѣ удалось отыскать въ Фрид-

рихсгамѣ, — это анекдотъ о Суворовѣ, который до сихъ поръ хранится въ памяти городскихъ старожиловъ.

Въ 1791 году главная квартира Суворова находилась въ Фридрихсгамѣ, а самъ онъ жилъ въ домѣ г-жи Гринъ, вдовы тамошняго штабъ-лекаря, лучшемъ во всемъ городѣ. Главнокомандующій занималъ верхній этажъ, хозяйка помѣщалась внизу. Она была женщина умная, ловкая, пользовалась общимъ уваженіемъ въ городѣ, хорошо говорила по-русски, и вполнѣ умѣла угодить своему знаменитому жильцу. Суворовъ любилъ ее, приходилъ къ ней въ минуты, свободныя отъ занятій, на чашку чаю, любилъ говорить съ нею по-шведски и обыкновенно называлъ маменькой.

У г-жи Гринъ была дочь и племянница, обѣ молодыя дѣвушки и обѣ невѣсты: одна сговорена была за доктора Л., родомъ итальянца, другая—за голштинскаго уроженца У., бывшаго въ Фридрихсгамѣ учителемъ. Г-жа Гринъ желала, чтобъ обѣ свадьбы совершились въ одно время, и наконецъ назначила день. Въ домѣ начались приготовленія.

За день до свадьбы штабъ-лекарша пришла къ своему жильцу. Суворовъ былъ очень веселъ, бѣгалъ по комнатѣ, и увидѣвъ свою маменьку, самъ подалъ ей стулъ. Хозяйка сказала ему о наступающемъ днѣ свадьбы дочери и племянницы и просила графа быть посаженымъ отцомъ у ея дочери. Суворовъ согласился, и сверхъ-того вызвался быть отцомъ посаженымъ и у племянницы, говоря, что любитъ обѣихъ невѣстъ и желаетъ познакомиться съ ихъ будущими мужьями. Г-жа Гринъ благодарила графа за честь.

— Не за что! не за что! закричалъ онъ. Я васъ люблю, маменька; прямо, по-солдатски говорю, люблю.

Я солдатъ, прямикъ, не двуличка, — гдѣ мысли, тутъ и языкъ! Смотрите же, маменька, — прибавилъ онъ прищуриваясь и грозя пальцемъ, — чтобъ мнѣ не быть у васъ за ужиномъ голоднымъ: я русскій солдатикъ, люблю щи да кашку!

— Позвольте мнѣ, графъ, — сказала хозяйка, — посовѣтоваться съ вашимъ поваромъ.

— Да, посовѣтуйтесь: мой Гришка славный поваръ, помилуй-богъ какой мастеръ; на свѣтѣ другаго нѣтъ.

Ободренная ласковымъ пріемомъ графа, г-жа Гринъ откровенно призналась, что безпокоится о тѣснотѣ квартиры. Суворовъ предложилъ ей свою половину.

— Но я буду въ отчаяніи, если обезпокою васъ! сказала штабъ-лекарша.

— Помилуй-богъ! вскричалъ Суворовъ. Обезпокоить солдата, русскаго солдата! Развѣ онъ нѣженка какой? — Дайте мнѣ чердачекъ, либо чуланчикъ, да охапочку сѣнца, — и усну, захраплю, развѣ вотъ кто разбудитъ!

Тутъ онъ хлопнулъ руками и запѣлъ пѣтухомъ. Въ тотъ же день графъ перебрался въ одну небольшую комнату и предоставилъ свою квартиру въ распоряженіе хозяйки.

Свадебный обрядъ, по желанію г-жи Гринъ, долженъ былъ совершиться у нея на дому. Комнаты уставили мебелью, но во всей квартирѣ не было ни одного зеркала, изъ уваженія къ Суворову, который не могъ терпѣть зеркалъ.

Наступилъ вечеръ. Домъ освѣтили. Начали съѣзжаться гости, пріѣхали и женихи. Докторъ Л., человѣкъ лѣтъ тридцати, скромно одѣтый, имѣлъ характеръ хитрый, вкрадчивый. Г-нъ У. былъ моложе его нѣсколькими годами, веселаго и вѣтренаго характера, и боль-

шой щеголь. Онъ одѣтъ былъ со всею изысканностью тогдашней моды: во французскомъ фракѣ, нарочно выписанномъ изъ Петербурга; бѣлый туго накрахмаленный галстукъ высоко подпиралъ его голову, причесанную по послѣдней, только-что явившейся тогда модѣ à la Brutus, со множествомъ кудрей, завитыхъ и взбитыхъ кверху; духи и помада разливали благоуханіе на нѣсколько шаговъ.

Все было готово; ждали посаженаго отца. Наконецъ явился Суворовъ, въ мундирѣ, въ орденахъ. Г-жа Гринъ подвела къ нему жениховъ. Графъ подалъ имъ руки, но при первомъ взглядѣ на учителя сдѣлалъ гримасу, и на лицѣ его показалась насмѣшливая улыбка. Пасторъ началъ обрядъ. Сначала вѣнчали дочь г-жи Гринъ, потомъ племянницу. Во время обряда Суворовъ морщился, посматривая на учителя, нахмуривалъ брови, прищуриваясь глядѣлъ на его прическу, выставлялъ носъ, нюхалъ и поплевывалъ въ сторону. Видно было, что модный фракъ, духи и въ особенности огромная прическа молодаго щеголя произвели на него непріятное впечатлѣніе. Сперва онъ молчалъ, потомъ началъ шептать: «щеголь! помилуй-богъ, щеголь! голова съ походный котелъ! прыгунчикъ! пахучка»!

Онъ вынулъ платокъ и зажалъ носъ.

По окончаніи обряда, Суворовъ поздравилъ молодыхъ. Докторъ умѣлъ ему понравиться. Графъ обходился съ нимъ благосклонно, почти дружески, съ участіемъ разспрашивалъ о его дѣлахъ и называлъ запросто Карломъ Карлычемъ. Но лишь-только бѣдный учитель подходилъ къ Суворову, онъ затыкалъ платкомъ носъ, посматривая съ насмѣшкою на его прическу.

Заиграла музыка. Графъ открылъ балъ полонезомъ

съ дочерью хозяйки, потомъ танцовалъ съ другой молодою. По какому-то ослѣпленію, У. не замѣчалъ дурнаго впечатлѣнія, произведеннаго имъ на своего посаженаго отца, танцовалъ, веселился, перебѣгалъ съ одного конца комнаты на другой и вполнѣ выказывалъ всю беззаботность своего характера. По окончаніи одного танца, отводя на мѣсто даму, онъ по неосторожности наступилъ Суворову на ногу, когда тотъ проходилъ по комнатѣ. Суворовъ сморщился, сдѣлалъ гримасу, и схвативъ рукою за конецъ ступни, заговорилъ: «ай! ай! ай! ходить не могу.... Господи помилуй! хромаю, калекой сталъ»!

Гости встревожились. Испуганная хозяйка не знала что̀ дѣлать; бѣдный У. походилъ на статую; молодая жена его готова была плакать. Наконецъ г-жа Гринъ приказала подать кресла, и обращаясь къ Суворову, умоляла его сѣсть. Суворовъ не слушалъ и продолжалъ говорить скоро: «Охъ, кургузый щеголь! безъ ноги сдѣлалъ! голова съ хохломъ, съ пребольшимъ хохломъ! Ой, помилуй-богъ! калекой сталъ! Охъ, краснословка! вѣжливка! пахучка»!

Хозяйка совершенно растерялась; всѣ гости съ недоумѣніемъ смотрѣли на эту странную сцену.

Вдругъ Суворовъ подошелъ къ г-жѣ Гринъ.

— Маменька! сказалъ онъ: маменька! гдѣ та щетка, которою передъ свадьбой обметали у васъ потолки, круглая такая, вотъ какъ голова этого щеголя!

Онъ показалъ на неподвижнаго У.

— На дворѣ, графъ! прошептала штабъ-лекарша.

— Покажите мнѣ ее!

Должно было повиноваться. Принесли круглую щетку на длинной палкѣ. Суворовъ поднялъ голову.

— Славная щетка! сказалъ онъ, посматривая искоса

на бѣднаго учителя, который въ отчаяніи пробирался къ стѣнѣ: — точно парикмахерскій болванъ!... Брутова голова! Важно причесана, помилуй-богъ какъ гладко, только стѣны обметать! Бруты, Цезари, патріоты на козьихъ ножкахъ, двулички-экивоки! языкомъ города берутъ, ногами пыль пускаютъ... а головы — пуфъ! щетка! ей-Богу щетка!

Тутъ онъ повернулся на одной ногѣ и заговорилъ съ хозяйкой о московскихъ блинахъ, и о томъ, какъ должно приготовлять ихъ. Мало-по-малу всѣ успокоились, начали говорить, шутить, смѣяться, и скоро всѣ, кромѣ несчастнаго У., забыли приключеніе со щеткой. Только одинъ фридрихсгамскій щеголь не могъ возвратить своей прежней веселости и не смѣлъ подойти къ Суворову.

За ужиномъ Суворовъ сѣлъ между двумя новобрачными дамами, и выпилъ за ихъ здоровье стаканъ вина. Передъ нимъ поставили два горшка, со щами и кашею. На другой день онъ прислалъ хозяйской дочери богатый серебряный сервизъ. Бѣдный щеголь не получилъ ничего.

Располагаясь ѣхать на возвратномъ пути изъ Гельсингфорса черезъ Ловизу и Борго, мы рѣшились отправиться по внутренней дорогѣ, которая перерѣзываетъ страну параллельно съ моремъ, въ направленіи къ Тавастгусу. Впослѣдствіи планъ нашего путешествія измѣнился, и я жалѣлъ, что мы не поѣхали береговой дорогою.

Утромъ сѣли мы въ почтовую таратайку, также удобную и покойную, какъ въ Саволаксѣ, и пустились по дорогѣ къ Коувалѣ, станціи на берегу Кюмени, которая была нѣкогда пограничной чертою старой и новой Финляндіи.

По мѣрѣ удаленія нашего отъ Фридрихсгама, красноватыя гранитныя скалы начали смѣняться невысокими

холмами, густо покрытыми лѣсомъ. Во всѣ стороны тянулись длинныя гряды возвышенностей, унизанныхъ по краямъ валунами. Мѣстами показывались пашни. Но людей мы почти не видали. Дорогою попалось намъ только нѣсколько старухъ съ ягодами; онѣ встрѣчали и провожали насъ быстрыми книксенами.

Станція Коуваля стоитъ на самомъ берегу Кюмени. Жаръ былъ нестерпимый, и мы прямо съ таратайки бросились купаться въ рѣкѣ. Къ намъ тотчасъ же присоединилось около десятка ребятишекъ — всѣ они плавали какъ рыбы. Между-тѣмъ намъ подали новую телѣжку. Освѣженные купаньемъ, мы вошли на паромъ, гдѣ въ числѣ гребцовъ была молоденькая, стройная чухонка, въ красномъ шерстяномъ корсажѣ, съ огромной мѣдной бляхою, которая въ случаѣ нужды защитила бы грудь не хуже рыцарскаго щита. Эта вооруженная красавица работала весломъ съ энергіею, достойной самаго сильнаго и усерднаго гребца.

Мы въѣхали въ предѣлы новой Финляндіи.

сильевскаго - острова, къ пристани парохода Уньоненъ. Вмѣсто десяти часовъ, какъ обѣщано было въ объявленіи, мы отошли отъ берега въ одиннадцать. Недавно я узналъ изъ газетъ, что этотъ пловучій ветеранъ отслужилъ свои годы и за старостію лѣтъ продается съ публичнаго торга, а потому, не стѣсняясь латинской пословицею de mortuis aut bene aut nihil, замѣчу, что онъ не обнаруживалъ ни малѣйшихъ претензій на чистоту и удобства. Неповоротливый на ходу, какъ чухонская лайба, пароходъ этотъ отличался въ своей конструкціи разными дикими особенностями, а руль его приводился въ движеніе веревками, которыя тянулись и перекрещивались на кормовой палубѣ, подъ ногами у пассажировъ.

По выходѣ въ открытое море, по обыкновенію стали завязываться дорожныя знакомства. Общество Уньонен было довольно многочисленное. Большинство пассажировъ составляли больные и полубольные труженики нашей дѣловой столицы, которые отправлялись большею частію въ Гельсингфорсъ. Одни изъ нихъ ѣхали купаться, другіе пить минеральныя воды, третьи — просто подышать не служебнымъ воздухомъ. Мнѣ показалось, что нѣкоторые поправились уже за обѣдомъ, хотя онъ и не отличался особенной питательностью.

Въ шесть часовъ Уньоненъ остановился передъ стѣнами Выборгскаго-замка. Послѣ получасовой суматохи и перетаскиванья взадъ и впередъ чемодановъ и дорожныхъ мѣшковъ, снова раздался путевой звонокъ. Здѣсь случилось маленькое происшествіе, которое могло кончиться очень дурно для нашего патріархальнаго парохода: едва мы отошли отъ пристани и начали поворачивать къ выходу изъ залива, какъ на палубѣ послышался оглушающій крикъ.... Руль не беретъ! кричалъ по-швед-

ски финнъ въ синей курткѣ и красномъ шерстяномъ шарфѣ.

Въ самомъ дѣлѣ почтенный Уньоненъ, не слушаясь руля, бѣжалъ прямо на берегъ. Рулевой поблѣднѣлъ, какъ парусъ. Напрасно налегалъ онъ всѣми силами на колесо: пароходъ вышелъ изъ повиновенія, какъ взбѣсившаяся лошадь, и летѣлъ къ гранитнымъ скаламъ, грозя разбить себѣ носъ.

— Стопъ! заревѣлъ испуганный капитанъ.

Машину тотчасъ же остановили и дали ей задній ходъ. Уньоненъ только саженъ на пять не дошелъ до каменнаго берега. Капитанъ побѣжалъ къ рулю. Причина возмущенія нашего кроткаго парохода обнаружилась въ одну минуту. Одинъ изъ новыхъ выборгскихъ пассажировъ, какой-то русскій огородникъ, положилъ на палубѣ свой кафтанъ. При первыхъ поворотахъ колеса, кафтанъ этотъ запутался въ веревкахъ, которыми приводился въ движеніе руль,—и этотъ ничтожный случай едва не стоилъ жизни Уньонену.

Капитанъ приступилъ было съ угрозами къ хозяину несчастнаго кафтана, но пассажиры общимъ голосомъ попросили его оставить въ покоѣ невиноватаго мужика и перенести лучше свой гнѣвъ на рулеваго, который, зная нелѣпое устройство парохода и отходя отъ пристани среди бѣлаго дня, не подумалъ взглянуть себѣ подъ ноги и убѣдиться, въ порядкѣ ли рулевыя веревки.

Изъ Тронзунда мы вошли въ шхеры, которыя тянутся сплошной гранитной сѣтью по всему южному берегу Финляндіи. Переѣздъ этотъ несравненно пріятнѣе, чѣмъ по открытому морю: въ этомъ лабиринтѣ острововъ вы вполнѣ обезпечены отъ морской болѣзни и сверхъ-того любуетесь панорамою разнообразныхъ ви-

третъ Наполеона, дополняютъ убранство станціонной комнаты.

Другую половину дома занимаютъ хозяева. Здѣсь вы видите домашній бытъ финна. Въ комнатѣ стоитъ обыкновенно громадная печь, большею частью не штукатуренная. По стѣнамъ тянутся скамейки; въ одномъ углу большой шкафъ съ посудою, въ другомъ кровать, такихъ же колоссальныхъ размѣровъ, какъ и печь. Финны любятъ спать на положенномъ мѣстѣ: я никогда не видалъ здѣсь, чтобъ люди лежали на полу или подъ лавками, какъ въ русской деревнѣ. Во всякой избѣ находили мы книги на финскомъ языкѣ: это по большей части молитвенники или другія сочиненія духовнаго содержанія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ я видѣлъ календарь, а въ двухъ станціонныхъ домахъ нашелъ нѣсколько нумеровъ шведскаго журнала Suomi, который издается въ Куопіо. На вопросъ мой по этому предмету, одинъ гастгеберъ отвѣчалъ, что беретъ его на прочтеніе отъ пастора, а другой выписывалъ самъ, въ складчину съ двумя сосѣдними крестьянами. Часто случалось мнѣ видѣть старухъ, усердно занятыхъ чтеніемъ или обученіемъ дѣтей.

Мы вошли въ станціонную комнату. Полъ въ ней густо усыпанъ былъ ельникомъ. Этотъ обычай господствуетъ во всей Финляндіи, и въ городахъ, и въ самыхъ бѣдныхъ избахъ. Въ деревенской станціонной комнатѣ вы находите обыкновенно ящикъ съ можжевельникомъ, поставленный въ углу вмѣсто плевальницы. Иногда сверхъ можжевельника кладутъ въ него полевые цвѣты. Даже на дворѣ, передъ крыльцомъ дома, лежитъ нерѣдко большая вязанка молодыхъ еловыхъ вѣтокъ. Сначала такой обычай кажется немного страннымъ, но скоро вы

привыкаете къ этому и забываете похоронную извѣстность нашего ельника.

Наши дорожные запасы состояли только изъ круглаго голландскаго сыра и итальянской ветчины, а потому нужно было подумать о чемъ-нибудь дополнительномъ. Гастгебера не было дома, и его должность отправляла маленькая дѣвочка. Я тотчасъ же отправился на хозяйскую половину хлопотать о нашемъ обѣдѣ. Съ перваго шага меня поразило странное убранство финскаго геникея. По всему потолку, вдоль комнаты привѣшено было тѣсными рядами множество длинныхъ жердей, унизанныхъ кружками темно-сѣраго цвѣта. Это кнаке-бре, обыкновенный чухонскій хлѣбъ, заготовляемый у крестьянъ на цѣлый годъ. Его пекутъ въ видѣ лепешекъ, величиной съ обыкновенную тарелку, протыкаютъ посерединѣ и нанизываютъ плотно на шестъ, который потомъ привѣшиваютъ горизонтально къ потолку. Подлѣ этого шеста прицѣпляется другой, за нимъ третій, и такимъ-образомъ вскорѣ послѣ жатвы и помола весь потолокъ въ избѣ покрывается этими хлѣбными гирляндами. Къ концу года knäke-brä такъ засыхаютъ, что дѣлаются совершенно похожими на камень. Не смотря на крѣпкіе зубы, эти опрѣсноки казались мнѣ столько же неудобными для ѣды, какъ и финскій гранитъ. Стѣны комнаты увѣшаны были по-обыкновенію гравюрами, и между ними былъ портретъ Бобелины. Какимъ образомъ судьба забросила эту греческую героиню на одну изъ пустынныхъ станцій въ Финляндіи!

На скамейкѣ, подъ самымъ портретомъ Бобелины, сидѣла за самопрялкою старуха съ распущенными сѣдыми волосами.

Съ дорожною книжкою въ рукѣ подошелъ я къ этой

особѣ, которая перебирая въ костлявыхъ пальцахъ свою нескончаемую нить, пряла подобно паркѣ, если не судьбу человѣческой жизни, то по крайней мѣрѣ участь нашего обѣда. Я обратился къ сѣдовласой пряхѣ.

— Можно у васъ пообѣдать?

Старуха покачала отрицательно головой и пробормотала что-то въ отвѣтъ. Я понялъ изъ этого, что предчувствіе меня не обмануло: мы попали на одну изъ тѣхъ бѣдныхъ, уединенныхъ станцій, гдѣ по незначительности почтовой ѣзды вовсе не готовятъ обѣда для проѣзжающихъ. Нужно было однакоже добыть что-нибудь.

— Есть у васъ молоко? спросилъ я.

— Молоко есть, отвѣчала старуха.

— А яйца, хлѣбъ?

— Есть.

— Давайте же намъ скорѣе.

Старуха встала. Я воротился въ станціонную комнату и пригласилъ товарища на конференцію, для приведенія въ извѣстность нашихъ поварскихъ талантовъ. Послѣ взаимнаго экзамена оказалось, что общими усиліями мы можемъ состряпать исправную яичницу, а принимая въ разсчетъ взятый изъ Петербурга ромъ, въ состояніи даже полакомиться гоголь-моголемъ.

Черезъ нѣсколько минутъ хозяйка поставила передъ нами припасы. Но что же? Яйца были уже сварены, и притомъ очень круто, вмѣсто молока явилась простокваша, а подъ видомъ хлѣба поданы были кнаке-бре. Всѣ наши планы на яичницу и гоголь-моголь разстроивались окончательно.

— Она не поняла тебя! сказалъ мой товарищъ.

— Видно, такъ! А этотъ чухонскій guide de voyag до сихъ-поръ служилъ исправно.

— Надобно попробовать еще разъ.

Онъ въ свою очередь приступилъ съ дорожной книжкою къ хозяйкѣ. Старуха повидимому догадывалась, что намъ нужно что-то другое, но не смотря на краснорѣчіе моего товарища, ничего не понимала.

Впослѣдствіи намъ объяснили, что въ этой сторонѣ говорятъ особымъ нарѣчіемъ, отличнымъ отъ того, которое господствуетъ въ Кареліи и Саволаксѣ. Финскій языкъ въ основаніи своемъ не похожъ на другіе европейскіе языки. Не смотря на однообразное удареніе въ словахъ, падающее всегда на первый слогъ, въ произношеніи его есть множество особенностей, неодолимо-трудныхъ для иностранца. Вся сила языка заключается въ гласныхъ звукахъ. Согласныя буквы въ финскомъ языкѣ часто замѣняются однѣ другими, и въ разныхъ областяхъ края выговариваются различно въ одномъ и томъ же словѣ; но гласная буква остается неприкосновенною, и отъ малѣйшей неправильности въ ея произношеніи смыслъ слова совершенно измѣняется и даже исчезаетъ. Вотъ почему русское ухо, способное уловлять всевозможные звуки, часто оказывается несостоятельнымъ въ отношеніи къ тонкостямъ чухонскаго произношенія.

Бросивъ книгу, товарищъ мой принялся пантомимою объяснять старухѣ разницу между сырыми и вареными яицами, прѣснымъ молокомъ и простоквашею; но не смотря на обнаруженный имъ въ этомъ случаѣ талантъ въ мимическомъ искусствѣ, объясненія его остались безъ послѣдствій. Хозяйка наша покачала головой, пробормотала: *энъ мойста* и ушла въ свою комнату.

— Глупый народъ! сказалъ съ досадою мой пріятель.

— Понятія не имѣютъ о балетномъ языкѣ! прибавилъ я.

Мы оба захохотали.

Между-тѣмъ на желудкѣ у насъ было не весело. При усиленномъ настроеніи аппетита, мы располагались уже приняться за свой дорожный сыръ съ дополненіемъ одной довольно черствой булки. Вдругъ у меня мелькнула счастливая мысль. Я хлопнулъ руками, какъ Архимедъ въ минуту своего великаго открытія.

— Evrika! нашелъ! вскричалъ я.

— Ужъ не обѣдъ ли? спросилъ мой товарищъ.

— Разумѣется.

Я вышелъ и черезъ пять минутъ позвалъ пріятеля въ хозяйскую комнату. Онъ остановился въ удивленіи, видя на столѣ горшокъ свѣжаго молока, тарелку невареныхъ яицъ и мягкій, хотя довольно дурно испеченный, бѣлый хлѣбъ. Старуха разводила уже огонь на очагѣ.

— Зачѣмъ же ты скрывалъ свои познанія въ чухонскомъ языкѣ? сказалъ мой товарищъ.

— Да я ни слова не говорилъ съ хозяйкой.

— Какимъ же чудомъ ты все это добылъ?

— Очень просто: отыскалъ погребъ и забралъ, что нужно.

Мы отправились на рекогносцировку хозяйскаго шкафа, и нашли въ немъ нужную посуду, даже небольшую желѣзную ступку. Старуха принялась толочь сахаръ, а мы занялись стряпней, и скоро нашъ пустынническій обѣдъ былъ готовъ. Мы приготовили стаканъ гоголь-моголю для хозяйки; лакомство ей понравилось; она поблагодарила насъ низкимъ присѣданьемъ.

Подкрѣпленные самодѣльной закуской, мы отправились въ дальнѣйшій путь. Пустынная, лѣсистая сторона казалась безконечною. Мѣстами виднѣлась между деревьями какая-нибудь хижина лиллипутскихъ размѣровъ или

еревянная вышка, въ которой сушатся у крестьянъ вѣники, заготовляемые на цѣлый годъ, какъ и хлѣбныя лепешки. Еслибы не дорога, которая вилась передъ нами желтой полосою, впиваясь вдали въ гребень стоящаго на возвышеніи лѣса, то можно бы иногда подумать, что мы попали въ страну, гдѣ отъ вѣка не было никакого населенія.

Лѣса и горы тонули уже въ вечернемъ сумракѣ, когда мы пріѣхали ночевать въ Ляхтисъ. Станція эта лежитъ наберегу озера, при маленькомъ заливѣ. Окна нашей спальни обращены на озеро, обрамленное горами. Когда я взглянулъ въ окно, темная поверхность воды, казалось, застлана была чернымъ сукномъ, а вдали вершины прибрежныхъ скалъ вырѣзывались еще свѣтлыми пестонами въ послѣднихъ лучахъ потухающей зари. И здѣсь служанка не понимала нашего діалога, но предчувствовала, кажется, что въ этотъ день мы должны были обѣдать не роскошно: она, поправивъ постели, поставила на столъ подносъ съ чухонскимъ масломъ, тарелкою мелко нарѣзаннаго мяса и графиномъ хереса.

Когда она вышла и затворила дверь, въ домѣ сдѣлалось такъ тихо, что мы могли слышать стукъ своихъ карманныхъ часовъ.

III.

Тавастгусъ.

Во всей Финляндіи не видалъ я такой картины, какая развернулась передъ нами на другой день, когда, при закатѣ солнца, послѣ утомительной ѣзды по однообразной сторонѣ, увидѣли мы наконецъ Тавастгусъ. Съ вершины возвышенія открылся обширный горизонтъ, обставленный со всѣхъ сторонъ холмами, и посреди этой панорамы изъ водъ и зелени — красивый городокъ, въ томъ вечернемъ освѣщеніи, когда на одной сторонѣ неба скрывается солнце, а на другой наливается уже свѣтомъ бѣловатый дискъ молодаго мѣсяца. Вся картина отличалась какою-то мягкостью: въ ней не было того дикаго характера, какимъ поражаетъ васъ финская природа. Выгнутыя линіи окрестныхъ горъ, одѣтыхъ зеленью, не походили на мрачные утесы Саволакса, берега весело сверкающаго озера отличались пріятными для глазъ очертаніями, и самыя вѣтряныя мельницы, разбросанныя коегдѣ по возвышеніямъ, какъ-то привѣтливо размахивали своими полупрозрачными крыльями.

По длинному мосту, перекинутому черезъ заливъ, въѣхали мы въ городъ, который ведетъ свою родослов-

ную съ XIII вѣка, когда Биргеръ-Ярлъ заложилъ здѣсь крѣпость, для обузданія дикихъ тавастландцевъ и прекращенія частыхъ визитовъ нашихъ новгородскихъ земляковъ. Но какъ привлекателенъ казался тавастгусъ издали, такъ обманулъ онъ насъ, когда мы подъѣхали ближе. Онъ пустъ и мраченъ, подобно прочимъ городамъ Финляндіи. Улицы его, обстроенныя по большей части деревянными домиками, идутъ по склону горы на берегъ озера. На домахъ господствуетъ неизбѣжный красный цвѣтъ, и безпрестанно попадаются вывѣски съ изображеніемъ трубокъ и чубуковъ. Въ одномъ мѣстѣ привѣшена была къ воротамъ огромная деревянная трубка съ мѣдной оправою, величиною съ кавалергардскій ботфортъ. Видно, Тавастгусъ снабжаетъ курильнымъ инструментомъ всю Финляндію.

Намъ рекомендовали гостинницу Соммера, и черезъ нѣсколько минутъ мы остановились на площади, передъ порядочнымъ домомъ съ вывѣскою Hôtel de Saint-Pétersbourg. При входѣ встрѣтилъ насъ молодой лакей, съ завитымъ хохломъ, въ черномъ фракѣ съ побѣлѣвшими швами и въ бѣломъ галстукѣ съ почернѣвшими складками. Онъ провелъ насъ въ большую комнату съ приличной мебелью и безукоризненнымъ бѣльемъ на постеляхъ. На первый вопросъ нашъ, онъ отвѣчалъ длинной рѣчью, въ которой мы при всей своей опытности ничего не поняли. Между-тѣмъ на требованіе подать воды, сдѣланное на русскомъ языкѣ, онъ тотчасъ же явился съ графиномъ и стаканами; приказаніе принести свѣчи, отданное по-нѣмецки, исполнено было съ такою же точностью, и даже, когда я спросилъ по-французски, какъ его зовутъ? — онъ отвѣчалъ тотчасъ же: Мейеръ! При всемъ томъ мы ничего не понимали въ его разго-

ворѣ. Озадаченный такимъ любопытнымъ случаемъ, я началъ предлагать ему вопросы, которые требовали короткихъ, положительныхъ отвѣтовъ, и дошелъ наконецъ до открытія, что нашъ тавастгусскій франтъ говоритъ на небываломъ нарѣчіи, которое поставило бы въ тупикъ самого Меццофанти. Это была смѣсь нѣмецкихъ, чухонскихъ, русскихъ и шведскихъ словъ, исковерканныхъ такимъ образомъ, что русское имя являлось съ чухонскимъ окончаніемъ, шведскій глаголъ спрягался по грамматикѣ Греча, и въ добавокъ еще рѣчь разбавлялась нѣмецкими частицами. Скоро однакожъ мы оказали блистательные успѣхи въ этомъ новомъ нарѣчіи индо-германскаго корня.

Рано утромъ проснулись мы отъ сильнаго грохота. На площади, передъ губернаторскимъ трехъ-этажнымъ домомъ, который своею бѣлою краской отличается рѣзко отъ окружающихъ его красныхъ домиковъ, стояло трое клокеновъ въ каскахъ, ярко блиставшихъ на утреннемъ солнцѣ, и одинъ изъ нихъ выбивалъ на барабанѣ зорю съ такими необыкновенными перекатами, какихъ вы не услышите и у столичныхъ виртуозовъ этого искусства. За инструментальною частью концерта слѣдовала вокальная: двое остальныхъ прокричали утреннее привѣтствіе Тавастгусу. По голосу ихъ, мирный городокъ тотчасъ же началъ просыпаться: чухонцы выѣхали съ припасами на рынокъ, и изъ красныхъ домиковъ потянулись съ корзинами служанки въ красныхъ юбкахъ. Площадь оживилась.

Мейеръ, завитой какъ парикмахеръ, подалъ намъ кофе. Мы отправили привезенное изъ Петербурга рекомендательное письмо къ помѣщику Д., жившему на своей подгородной мызѣ, и пошли бродить по городу.

Обзоръ Тавастгуса мы начали съ лавокъ. Какъ во всѣхъ

аленькихъ городкахъ, онѣ отличаются характеромъ эн-
иклопедическимъ. Въ одномъ и томъ же мѣстѣ вы на-
одите сукно и войлоки, помаду и колбасы, книги и иг-
альныя карты. Дорожную сафьянную подушку купилъ я
ъ желѣзной лавкѣ. Папиросъ же мы нигдѣ не могли
остать, и намъ посовѣтовали спросить ихъ въ аптекѣ.
ъ самомъ дѣлѣ мы нашли въ аптекѣ папиросы — не
аспалевскія, а простыя, изъ шведскаго табаку.

— Можно взять безъ рецепта? спросилъ я у апте-
аря.

— Да, можно! отвѣчалъ онъ хладнокровно.

Купцы торгуютъ здѣсь съ непонятной для русскаго
еловѣка апатіей. Вы не увидите въ Финляндіи бойкихъ
ідѣльцевъ съ подвижными руками и улыбающейся фи-
іономіей. Здѣсь продавецъ не бѣгаетъ изъ угла въ
голъ по лавкѣ, не прыгаетъ какъ вѣкша по лѣстницамъ;
нъ отвѣчаетъ лѣниво, не хвалитъ своихъ товаровъ, но
а то и не обманываетъ, если вы сами не напроситесь на
бманъ.

Возвращаясь въ гостинницу, мы увидѣли на рынкѣ
ирокій кружекъ столпившагося народа. Еще издали слы-
шались тамъ глухіе звуки какого-то патріархальнаго ин-
трумента, похожаго на барабанъ городскихъ клокеновъ.
Мы подошли. Въ срединѣ круга стоялъ мужикъ съ жи-
ленькой русой бородкой, въ рыжемъ поношенномъ каф-
танѣ и истертой шляпенкѣ московскаго фасона. Въ од-
ной рукѣ держалъ онъ длинную палку, а въ другой ко-
нецъ желѣзной цѣпи, на которой ходилъ большой бурый
медвѣдь съ продѣтымъ въ губу кольцомъ. Поодаль дру-
гая фигура въ козьей шкурѣ съ рогами, изъ-подъ ко-
торой выказывались ноги въ лаптяхъ и пестрыхъ ону-
ахъ, усердно колотила въ обтянутое кожею лукошко.

*

Чухны густой толпой окружали эту труппу, въ которой мы съ перваго взгляда узнали земляковъ.

— А ну, Михалъ Иванычъ, не лѣнись! вишь, какъ Марья Ивановна тѣшитъ твою милость! говорилъ однозвучной скороговоркою мужикъ, поднимая палкою медвѣдя на заднія лапы.

Финны стояли съ невозмутимымъ спокойствіемъ.

— А какъ наши бабы на барщину ходятъ? продолжалъ гнусливымъ напѣвомъ мужикъ.

Медвѣдь пошелъ тяжелой поступью, переваливаясь съ ноги на ногу и изрѣдка почесывая лапой у себя за ухомъ.

— А какъ красныя дѣвки съ парнями въ лѣсъ по грибы гуляютъ?

Медвѣдь началъ прыгать на цѣпи. Зрители подались назадъ, и кругъ значительно увеличился въ діаметрѣ.

Русское представленіе шло своимъ чередомъ, съ обыкновенными прибаутками. Но меня занимала не потѣха, а зрители. Чухны не понимали ни слова, но прислушивались къ словамъ мужика съ напряженнымъ вниманіемъ.

Наконецъ коза сбросила шкуру и оказалась одноглазымъ мальчишкой лѣтъ пятнадцати. Обернувъ кверху дномъ барабанъ, онъ принялся обходить зрителей, собирая немногочисленные гроши.

— Откуда вы? спросилъ я мужика.

— Костромскіе, батюшка! отвѣчалъ онъ, снимая лѣниво шляпу.

— Какъ же вы сюда попали?

— Были подъ Питеромъ.

— А теперь куда идете?

— Въ Лизинъ-форсъ.

— Хорошо ли сборъ идетъ?

— Коё-какъ кормимся.

— Да понимаютъ ли здѣсь, о чемъ ты толкуешь съ ѳоимъ Михайломъ Иванычемъ?

— А кто ихъ знаетъ! Може иное и не въ толкъ, да окрайности потѣшно: всѣ люди, всѣ человѣки.

Въ самомъ дѣлѣ чухны смѣялись точно также, какъ-удто совершенно понимали всѣ тонкіе намеки на ста-ѳосту и бурмистра и вѣкъ свой ходили по-русски на ѣарщину. Я вспомнилъ нашу итальянскую оперу.

Въ гостинницѣ мы нашли Д., который пріѣхалъ пред-ѳожить намъ услуги для обозрѣнія города. Послѣ зав-рака мы поѣхали въ крѣпость, древній Тавастборгъ, дѣ кромѣ имени не уцѣлѣло впрочемъ ничего древняго. Маленькій замокъ съ невысокими башнями, обведенный ранитнымъ рвомъ, довольно живописно возвышается на ѣерегу озера. Подъ цвѣтъ городу, онъ весь красный. Іри въѣздѣ отстроиваются каменныя казармы, а передъ ими цѣлая гора выравнивается для большаго экзерцир-лаца. Въ крѣпостныхъ стѣнахъ помѣщается теперь аре-тантскій замокъ и рабочій домъ.

Нигдѣ я не видалъ такого страннаго зрѣлища, ка-ое ожидало насъ въ Тавастгусскомъ-замкѣ. По всему вору разсѣяны были арестанты, въ тиковыхъ клѣтча-ыхъ курткахъ и большею частью въ цѣпяхъ. Это былъ асъ ихъ тюремной прогулки. Въ одномъ мѣстѣ соста-ился кружекъ, въ срединѣ котораго сидѣлъ скованный ю рукамъ и ногамъ старикъ, съ желтымъ, морщини-тымъ лицомъ и прядями рѣдкихъ, сѣдыхъ волосъ на ѳбнаженномъ черепѣ, похожемъ на голову муміи. Под-кавъ ноги и покачиваясь направо и налѣво, напѣвалъ онъ гнусливымъ голосомъ уныло-однозвучную чухонскую пѣсню. Въ Финляндіи, гдѣ первый языческій богъ Вей-

немейнепъ былъ богомъ поэзіи, теперь почти не поютъ, и единственную пѣсню во все продолженіе путешествія пришлось мнѣ услышать въ тавастгусской тюрьмѣ. Скованный пѣвецъ изрѣдка поднималъ глаза, и въ мутно-суровомъ взглядѣ его виднѣлось что-то безнадежно-покойное. Слушатели сидѣли со вниманіемъ въ разныхъ позахъ, подобравъ свои цѣпи. Приходъ смотрителя замка прервалъ это дикое пѣніе.

Смотритель сообщилъ намъ нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній о своихъ арестантахъ. Число уголовныхъ преступленій въ Финляндіи сравнительно съ населеніемъ довольно незначительно, но за то они отличаются необыкновенной жестокостью. Финнъ рѣдко покушается на зло, но если рѣшается на него, то становится звѣремъ. Въ прошломъ году въ Выборгѣ я видѣлъ въ книжныхъ лавкахъ литографированный портретъ молодаго человѣка въ цѣпяхъ, съ крупной подписью—Adamson. Объ этомъ преступникѣ, который истребилъ все свое семейство, говорили тогда во всей Финляндіи. Теперь мы узнали, что Адамсонъ въ Тавастгусѣ. Видъ цѣпи, даже на злодѣѣ, всегда заставляетъ краснѣть за униженіе человѣческаго достоинства, и при всемъ томъ я не могъ одолѣть любопытства взглянуть на этого необыкновеннаго преступника.

Я спросилъ о немъ смотрителя. Онъ отвѣчалъ, что Адамсонъ содержится въ особомъ казематѣ, потому-что упорнымъ злодѣямъ, которые могутъ имѣть дурное вліяніе на прочихъ арестантовъ, не позволяется ходить на общемъ дворѣ замка. Мы просили показать намъ преступника. Насъ ввели въ корридоръ, гдѣ передъ массивной дверью прохаживался часовой. Смотритель отодвинулъ запоръ — и мы вошли въ комнату съ маленькимъ

окномъ и желѣзной рѣшеткою. На деревянныхъ нарахъ сидѣлъ человѣкъ, лѣтъ двадцати, скованный по рукамъ и ногамъ, съ желѣзными обручами на шеѣ и на поясѣ, скрѣпленными по спинѣ тяжелой продольной цѣпью. Въ мутномъ взглядѣ преступника не замѣтно было ничего свирѣпаго; онъ смотрѣлъ на насъ съ такимъ спокойствіемъ, какъ-будто на совѣсти его не лежало ни одного преступленія.

Изъ казематовъ пригласили насъ въ рабочій домъ, гдѣ содержатся арестанты, приговоренные по суду къ срочнымъ исправительнымъ работамъ. Мы вошли въ обширное зданіе — и передъ нами открылся длинный рядъ большихъ комнатъ. Меня поразило въ особенности убранство половъ: на лѣстницѣ, въ корридорахъ и залахъ видѣнъ любимый финскій ельникъ, изъ котораго искусно составлены дорожки, куртины, разнообразные узоры, въ видѣ фантастическихъ арабесковъ, не лишенныхъ вкуса и гармоніи.

Мы прошли черезъ нѣсколько большихъ комнатъ, просторныхъ и свѣтлыхъ. Каждая назначена для какого-нибудь особаго ремесла: въ одной помѣщается ткацкая, въ другой прядильная, въ третьей размотная. Какъ на большой фабрикѣ, вездѣ слышится громъ станковъ. Въ одной палатѣ шьютъ арестантское бѣлье для всей Финляндіи, въ другой работаютъ туфли на улеоборгскую больницу. Часть денегъ, выручаемыхъ отъ продажи издѣлій этихъ мастерскихъ, идетъ на содержаніе заведенія, а другая часть составляетъ собственность арестантовъ и выдается имъ при выходѣ изъ рабочаго дома. При заведеніи есть небольшая лютеранская церковь, въ которой служба бываетъ два раза въ недѣлю.

Г. Д. пригласилъ насъ обѣдать на мызу. Послѣ по-

лучасовой ѣзды посреди превосходно воздѣланныхъ полей, пріѣхали мы къ деревянному дому, обставленному со всѣхъ сторонъ домашними пристройками. Новый знакомецъ пригласилъ насъ въ комнаты. Мыза отличалась всѣми признаками довольства и скуки. Съ перваго шага видно было, что мы въ усадьбѣ помѣщика, и притомъ не русскаго. Подвижныя кресла на выгнутыхъ полозьяхъ, шведскія гравюры на стѣнахъ — все вѣяло чуждой жизнью. Только рядъ трубокъ съ янтарными мундштуками, уставленныхъ въ шкафу, подобно ружьямъ на гауптвахтѣ, напоминалъ что-то родное.

Черезъ нѣсколько минутъ явилась хозяйка и пригласила насъ въ столовую. Обѣдъ былъ оригиналенъ: никогда не видалъ я такого смѣшенія блюдъ и такого разнохарактернаго общества, хотя все оно, за исключеніемъ насъ, состояло изъ хозяевъ и двухъ дѣтей ихъ. Послѣ русскихъ зеленыхъ щей мы ѣли польскій холодникъ со сметаной, за шпигованной во французскомъ вкусѣ индѣйкой, явился нѣмецкій кремъ съ мараскиномъ, а къ водкѣ вмѣстѣ съ маринованной салакушкой подана была лапландская оленья ветчина. Общество наше было еще любопытнѣе: хозяинъ, родомъ полякъ, говорилъ только по-русски и по-чухонски, жена его кромѣ шведскаго языка понимала русскій, но въ разговорѣ безпрестанно смѣшивала ихъ, а дѣти объяснялись съ нянькою своей по-шведски, съ прислугою по-чухонски. Отецъ говорилъ съ дочерью черезъ переводчицу няньку, а хозяйка отдавала приказаніе служанкѣ черезъ маленькаго сына. Ни за какимъ заграничнымъ table d'hôte не услышишь такого разноязычнаго говора. Д. сказалъ намъ, что такое вавилонское смѣшеніе языковъ — не рѣдкость въ финляндскихъ семействахъ.

Вечеръ мы посвятили на окончательный обзоръ города. Нашъ обязательный хозяинъ вызвался показать намъ клубъ и городской садъ. Тавастгусскій клубъ основанъ на акціяхъ, и его танцовальная зала, послѣ абоской и гельсингфорсской, считается лучшею въ Финляндіи. Она освѣщается тремя большими люстрами. Въ сторонѣ гостиная, уборная и комната для карточной игры. Балы даются въ клубѣ въ продолженіе всей зимы, по воскресеньямъ, черезъ каждыя двѣ недѣли.

Городской садъ раскинутъ на большомъ гранитномъ холмѣ и уступами спускается къ озеру. Нѣсколько лѣтъ назадъ гора эта покрыта была густыми соснами; но теперь онѣ вырублены и замѣнены молодыми деревьями. Черезъ нѣсколько времени садъ будетъ конечно хорошъ, но теперь вы не найдете въ немъ тѣни, кромѣ той, которую отбрасываетъ ваша собственная особа. Не смотря на то, мы встрѣтили въ саду нѣсколько гуляющихъ; они расхаживали большею частью попарно, мужчины съ дамами, подъ широкими зонтиками.

На возвышеніи, отъ котораго гора опускается террасами къ озеру, стоитъ павильонъ. Подлѣ него замѣтилъ я густой дымъ, и вокругъ нѣсколько женщинъ. Это гранитная печка, устроенная съ благотворительной цѣлью доставить возможность гуляющимъ нагрѣвать кофейники. Когда мы проходили мимо, вокругъ этого жертвенника толпилось нѣсколько чухонокъ, съ лицами, накаленными отъ огня подъ цвѣтъ ихъ красныхъ юбокъ.

Мы вошли въ павильонъ. Посрединѣ стоялъ большой столъ изъ цѣльной глыбы полированнаго гранита, а вокругъ него на деревянныхъ скамеечкахъ сидѣли дамы, всѣ въ соломенныхъ шляпкахъ à la bergère. Это было шведское семейство, коротко знакомое съ Д. Насъ при-

гласили на чашку кофе. Я сѣлъ рядомъ съ бѣлокурой дѣвушкой, въ простенькомъ ситцевомъ платьѣ, которая перелистывала томикъ Le Juif Errant. Нашъ разговоръ начался по этому случаю съ литературы. Моя сосѣдка напомнила мнѣ русскихъ соотечественницъ: она перечитала французскихъ романистовъ, но въ шведской литературѣ знала только имена Францена и Рунеберга, а о финскихъ народныхъ писателяхъ не имѣла и понятія. Даже Калевала была ей неизвѣстна.

Мы разстались поздно вечеромъ.

На другой день я принужденъ былъ проститься съ товарищемъ. Онъ оставался въ Тавастгусѣ, жалуясь на простуду и утомленіе отъ дороги, но больше кажется для одной пары шведскихъ глазокъ, съ которыми наканунѣ переглядывался въ бесѣдкѣ. Мы условились съѣхаться въ Гельсингфорсѣ, и я одинъ отправился по таммерфорской дорогѣ къ водопаду Кюро.

IV.

Таммерфорсъ.

Отъ Тавастгуса до Таммерфорса восемьдесятъ верстъ, и по отзыву путешественниковъ это самый живописный уголокъ Финляндіи. Мнѣ заранѣе совѣтовали выбрать для этой поѣздки ясный день, чтобъ вполнѣ насладиться панорамою видовъ. Но выбирать было не зачѣмъ: время стояло превосходное. Когда я выѣхалъ утромъ изъ города, на синемъ небѣ не видать было ни одного облачнаго пятнышка.

Отъ самаго Тавастгуса дорога извивалась между рядами горъ, поросшихъ лѣсомъ или одѣтыхъ полосатыми пашнями. Казалось, я въѣхалъ въ громадный паркъ, раскинутый на множествѣ холмовъ, въ лабиринтѣ свѣтлыхъ водъ, гдѣ картины мѣнялись ежеминутно. То является передъ вами исполинской клумбою сосновый лѣсъ, то вмѣсто пруда разливается обставленное горами озеро; здѣсь виднѣется мыза, заброшенная въ видѣ бесѣдки въ глубинѣ рощи, а [illegible] на горѣ, какъ искусс[illegible]ая руина, чернѣетъ старая каменная церковь съ остро[illegible]ечной кровлею. Зелень такъ свѣжа, блещетъ такъ ярко, какъ-будто ее сейчасъ вымыло проливнымъ дождемъ и освѣтило всѣми лучами пылающаго солнца.

Въ Миролѣ я перемѣнилъ лошадь. Безпрестанно мѣняющіеся виды были такъ привлекательны, что я нѣсколько разъ приказывалъ извощику ѣхать шагомъ. Не смотря на эти остановки, мнѣ показалось, что мы доѣхали въ Онкала въ нѣсколько минутъ.

Съ этой станціи дорога сдѣлалась еще живописнѣе. Обнесенная красными перилами, она извивалась по высокому и узкому гранитному хребту, между двумя длинными озерами, которыхъ берега, густо покрытые лѣсомъ, то убѣгали вдаль, то приближались къ дорогѣ. Хребетъ безпрестанно подавался въ ту и другую сторону, и ежеминутно казалось, что озера сейчасъ окончатся, но они тянулись на цѣлыя версты, врѣзываясь заливами въ берегъ или оттѣсняемыя вдаль выступающими скалами. Переливы свѣта и тѣни всякій разъ составляли новыя картины, съ новыми оттѣнками красокъ. Густой лѣсъ, освѣщенный солнцемъ, стоитъ свѣтло-желтой стѣною и вдругъ прерывается, а за нимъ тянется другая темная линія болѣе отдаленнаго лѣса, и въ промежуткахъ ея мелькаетъ гдѣ-нибудь горная цѣпь или шпиль уединенной церкви, — и все это отражается въ водахъ нескончаемаго озера. Не хочется отвести глазъ отъ этого ландшафта. Вотъ съ одной стороны его показалась темная полоса: это тѣнь облака, набѣжавшаго на солнце. Быстро подвигается она дальше, — и лѣса, горы, острова, воды подергиваются какъ-будто дымкой, наброшенной невидимой рукою; но едва успѣлъ взглянуть на нее, какъ опять эта [illegible] начинаетъ сбѣгать, т[illegible]я завѣса свертывается, [illegible]чрезъ минуту вся картина горитъ уже во всемъ блескѣ красокъ и свѣта. Кажется, невидимыя уста дохнули на этотъ зеркальный ландшафтъ, помрачили его

на одно мгновеніе, и снова тусклый слѣдъ этого дыханія сбѣжалъ подъ лучемъ горячаго солнца.

За четыре версты до Гутъ-ерви озера соединяются прорытымъ сквозь хребетъ каналомъ, и черезъ него перекинутъ длинный мостъ. Здѣсь природа и люди какъ-будто условились доставить путешественнику всѣ средства любоваться видами. Хребетъ нагибается прихотливо то въ ту, то въ другую сторону, а вмѣстѣ съ тѣмъ и дорога перебѣгаетъ отъ одного озера къ другому, какъ бы угадывая ваше любопытство. Я не разъ останавливался, къ крайнему изумленію извощика, который не могъ понять, для чего я такъ внимательно смотрѣлъ на ихъ лѣса и озера. Между-тѣмъ съ каждымъ переваломъ черезъ хребетъ картины быстро мѣнялись. Дорога перебѣгаетъ на лѣвую сторону хребта, — передо мною тянется длинной полосою лѣсъ, весь въ синемъ туманѣ, и густая тѣнь его застилаетъ поверхность озера, темнѣющаго какъ бархатъ. Но вотъ дорога переносится на правый склонъ возвышенія — тутъ видно другое озеро, огражденное вдали такимъ же лѣсомъ, но зелень уже въ яркомъ освѣщеніи, воды играютъ серебряными брызгами, и на нихъ темными фестонами отражается все очертаніе хребта. Когда я поднимаюсь на его гребень, тѣнь вашей таратайки, вмѣстѣ съ моей собственной тѣнью, бѣжитъ чернымъ силуэтомъ по зеркальной поверхности озера.

Позади Гутъ-ерви живописный хребетъ кончился, дорога опустилась въ широкую долину, и на правой сторонѣ поднялась высокая лѣсистая гора съ округленнымъ мысомъ, выдающимся на самую дорогу.

— Кангасала! сказалъ извощикъ, останавливая лошадь и указывая на гору.

Я заранѣе объявилъ проводнику, что остановлюсь на полчаса у этого мѣста и заплачу за остановку. Онъ отвелъ лошадь къ сторонѣ, сѣлъ на траву и принялся набивать трубку. Съ биноклемъ и записной книжкою въ карманѣ, я началъ подниматься на Кангасалу, и черезъ нѣсколько минутъ довольно головоломнаго пути былъ на вершинѣ. Раскрылся видъ, какихъ еще не случалось мнѣ встрѣчать во всемъ краѣ. Направо сверкаетъ озеро, налѣво другое, съ разновидными островами, съ фантастически узорчатымъ очертаніемъ береговъ, изрѣзанныхъ заливами и мысами; прямо горный хребетъ съ желтой извилистой лентою дороги, по которой я сейчасъ пріѣхалъ; со всѣхъ сторонъ горы, лѣса, пашни въ безконечно разноцвѣтныхъ отливахъ зелени, а горизонтъ тонетъ въ туманной дымкѣ синеватой дали. Мелькающія въ разныхъ мѣстахъ церкви напомнили мнѣ, что по словамъ финляндцевъ, съ горы этой видно пятнадцать приходовъ или киршпилей.

Закуря сигару, я легъ на траву, у самаго обрыва горы. Кругомъ было тихо, но въ этой тишинѣ слышалось присутствіе жизни. У всякой страны есть своя гармонія, свои собственные звуки, поражающіе пришельца. Вой волковъ и крикъ орла, звуки унылой пѣсни и окликъ часоваго, плескъ весла и заливной звонъ удалаго колокольчика точно также дѣйствуютъ на путешественника, какъ ландшафты и зданія. Финляндія бѣдна звуками: глубокое молчаніе изрѣдка прерывается здѣсь шумомъ лѣса, да погремушками разсѣяннаго стада. Васъ не поразитъ ни звонъ колокола, ни звуки пѣсни, но тѣмъ яснѣе слышится здѣсь громовое пѣніе водопадовъ, полное оригинальной гармоніи. На Кангасалѣ мнѣ слышалось что-то иное: это былъ неопредѣленный, едва замѣтный

гулъ, отъ шелеста ли сосѣдняго лѣса или паденія какого-нибудь далекаго каскада. Мнѣ казалось даже, что это былъ тотъ обманчивый шумъ, какой отдается иногда въ ушахъ, посреди мертвой, невозмутимой тишины.

Я пробылъ на горѣ цѣлый часъ. Извощикъ давно меня ждалъ. Онъ весело крикнулъ на лошадь, мы пустились шибкой рысью, и скоро при спускѣ въ долину открылась груда деревянныхъ строеній, и посреди нея большое каменное зданіе съ исполинской трубою. Это былъ Таммерфорсъ.

До города оставалось еще больше версты, какъ мнѣ послышался глухой шумъ, подобный тому гулу, какой вы замѣчаете при въѣздѣ въ многолюдную столицу, гдѣ на улицахъ гремятъ сотни экипажей, слышатся тысячи голосовъ. Что это значитъ? думалъ я: неужели въ маленькомъ финляндскомъ городкѣ можетъ быть такое движеніе! Гулъ съ каждой минутой увеличивался. Наконецъ мы въѣхали въ улицу, и загадка объяснилась: это былъ громъ водопадовъ, при которыхъ расположенъ городъ.

Я остановился въ гостинницѣ Tammerfors. Бойкій шведъ-трактирщикъ въ одну минуту приготовилъ прекрасный обѣдъ, и во все продолженіе его неутомимо говорилъ мнѣ о городѣ на ломаномъ языкѣ, пересыпая свои разсказы вопросами о томъ, кто я такой, зачѣмъ и куда ѣхалъ. Въ заключеніе онъ вызвался лично проводить меня на фабрику г. Нотбека, куда я привезъ рекомендательное письмо. Черезъ нѣсколько минутъ я былъ уже въ квартирѣ N., главнаго мастера при фабрикѣ. Мы познакомились, и онъ повелъ меня осматривать городъ.

Таммерфорсъ — небольшой, но чистенькій городокъ, построенный на берегу протока, соединяющаго два озера. Кромѣ фабрики Нотбека, все строеніе въ городѣ дере-

вянное, впрочемъ безъ замѣтныхъ признаковъ ветхости. Лучшимъ и самымъ оригинальнымъ украшеніемъ Таммерфорса служатъ его водопады. Широкій протокъ, вырываясь изъ озера, набѣгаетъ на нѣсколько гранитныхъ уступовъ и падаетъ съ нихъ каскадами, между возникающихъ изъ воды гранитныхъ скалъ и островковъ. На пространствѣ какой-нибудь сотни саженъ виднѣются многочисленные водоскаты, напоминающіе въ миніатюрѣ Ималру, и наконецъ главный водопадъ, катящійся широкой сверкающей стѣною. Мы взошли на мостъ, надъ этой бунтующей бездною. Что за картина! У ногъ моихъ гремятъ водопады, раздѣленные гранитными утесами. Въ трещинахъ скалъ пріютились кое-гдѣ березы; черные корни ихъ мѣстами пробиваются сквозь гранитъ, и какъ змѣи висятъ надъ водою. Зелень, орошаемая брызгами, блеститъ свѣжестью, и листья переливаются на солнцѣ подобно золоту. Радуги, одна выше другой, играютъ надъ водопадами, и среди общаго шума падающихъ водъ ясно слышится тяжелый гулъ главнаго каскада, подобный ударамъ отдаленнаго грома. Мы сѣли на скамейкѣ, поставленной на мосту, кажется нарочно для любителей водопада, подлѣ высокаго столба съ гербами Тавастгуса и Або. Кажется, Таммерфорсъ единственный городъ въ Россіи, построенный въ предѣлахъ двухъ губерній.

Налюбовавшись картиною, мы пошли смотрѣть водолечебное заведеніе, построенное на водопадѣ, немного ниже моста. Это большое деревянное строеніе. Паровыя бани, ванны и холодныя души, устроенныя по системѣ Присница, начинаютъ пользоваться извѣстностью. Не смотря на отдаленность Таммерфорса и новость заведенія, число посѣтителей, какъ сказали мнѣ, увеличивается въ немъ съ каждымъ годомъ. Слава о чудотворныхъ ис-

цѣленіяхъ его дошла и до Петербурга. Мы прошли нѣсколько отдѣльныхъ келій, съ ваннами для чающихъ исцѣленія, и наконецъ мой проводникъ привелъ меня въ довольно большую комнату. Это была паровая баня, свѣтлая и чистая. Здѣсь ожидала насъ картина любопытная.

На правой сторонѣ комнаты стояло у стѣны деревянное возвышеніе въ видѣ катафалка, съ проведенными въ него изъ стѣны паровыми трубами. На разостланномъ сверху тюфякѣ, протянувшись во весь ростъ, лежала на спинѣ человѣческая фигура, вся закутанная въ бѣлыя простыни, и похожая на мраморную статую на гробницѣ въ какой-нибудь древней католической базиликѣ. При входѣ нашемъ она медленно приподняла вѣки и опять опустила ихъ. Налѣво, противъ этой муміи, стоялъ у стѣны большой деревянный ящикъ, въ родѣ невысокаго шкафа или коммода, также съ рукавомъ паровой трубы, запертой краномъ. Надъ верхней доскою его, изъ круглаго отверзтія, возвышалась живая человѣческая голова, повязанная и зашнурованная вокругъ шеи вмѣсто галстука кожанымъ чахломъ; между-тѣмъ принадлежавшій головѣ торсъ оставался невидимымъ и потѣлъ во внутренности плотно закрытаго шкафа. Пары были очевидно въ полномъ дѣйствіи, потому-что голова походила цвѣтомъ на вареную ветчину. Двѣ пряди рѣдкихъ волосъ слегка оттѣняли ея красныя щеки и обнаженный черепъ. Во рту у нея дымилась сигара, и струя дыма одѣвала ее синеватымъ облакомъ.

Только-что я заговорилъ съ моимъ проводникомъ, въ глазахъ живой головы показалось замѣтное удовольствіе съ явными признаками любопытства. Ловкимъ движеніемъ губъ она съ большимъ искусствомъ передвинула сигару

въ одинъ уголъ рта, и придерживая ее зубами, заг ворила со мной по-русски густымъ басомъ:

— Позвольте узнать, вы не лечиться ли пріѣхали?

— Нѣтъ, я проѣзжій, зашелъ изъ любопытства.

— Жаль, сказала печально голова и пустила струй дыма.— Ну, что же? прибавила она, взглянувъ на две и понизивъ голосъ: вотъ полюбуйтесь, батюшка, ка здѣсь мучатъ нашего брата! Меня другой мѣсяцъ разв риваютъ, словно окаяннаго!

Голова предвинула опять губами сигару на середи рта, пустила густой клубъ дыма, потомъ выплюнула ок рокъ и закричала:

— Мальчикъ! подай пить!

Слуга, стоявшій до тѣхъ поръ у дверей въ видѣ в ріатиды, принесъ стаканъ воды и влилъ его въ широ разинутый ротъ.

— А вы давно нездоровы? спросилъ я разговорчив голову.

— Третій годъ, желудкомъ и ногами, сударь, страда отвѣчала со вздохомъ голова. Я, позвольте рекомен ваться, калужскій помѣщикъ. Лечился и гомеопатіей. въ прошлую зиму былъ на гимнастикѣ въ Петербур изволите знать—на Англійской-набережной? Чего со мн не дѣлали? скребницами спину натирали, какъ лоша по лѣстницѣ стоячей взадъ и впередъ заставляли кар каться. Не помогло! А что дѣлать? надо лечиться!

— А на водахъ, за границей не были?

— Нѣтъ еще, а чуть было не упекли. Въ Тироль сылали водой лечиться! Я ужъ и собрался было, да налъ, что вотъ здѣсь по той же методѣ лечатъ. Пр халъ — толку все нѣтъ. А инымъ помогаетъ! Вотъ эт

осподинъ—мы вмѣстѣ въ гостинницѣ стоимъ—очень понравился.

Живая голова кивнула на лежащую напротивъ нея мумію.

— Что, сосѣдъ, какъ себя чувствуете?

— Ziemlich gut! прошептала бѣлая фигура, приподнявъ на минуту вѣки.

— А мнѣ, право, только мученіе, а пользы не видать, продолжала голова, качнувшись нѣсколько разъ сверху внизъ.—Человѣкъ! закричала она, возвышая голосъ: сигару!

Мальчикъ проворно прибѣжалъ съ сигарой, вставилъ ее въ зубы живой головѣ, и какъ-скоро она откусила и выплюнула кончикъ, поднесъ зажженную свѣчу. Голова снова задымилась, потомъ отодвинула языкомъ въ сторону сигару и спросила меня:

— А вы куда изволите ѣхать?

— Въ Кюро.

— По дѣламъ что ли?

— Нѣтъ, изъ любопытства.

— А что же тамъ такое?

— Водопадъ въ родѣ Иматры.... слыхали?

— Нѣтъ, мнѣ признаться не до водопадовъ. Какъ бы не болѣзнь-то зарѣзала, и калачемъ бы меня сюда не заманили! Я не люблю ѣздить, да и хозяйство! А съ водопада-то вы куда?

— Въ Гельсингфорсъ.

— Купаться что ли будете?

— Можетъ-быть, а главное погулять.

— Гулять? Экіе счастливцы эти здоровые! Не правда ли, сосѣдъ?

— Das verstehet sich! проговорила бѣлая мумія, вовсе не раскрывая глазъ.

— Можетъ статься, и увидимся, продолжала голова: я черезъ двѣ недѣли кончу курсъ и поѣду отдохнуть въ Гельсингфорсъ.

Голова пустила густое облако дыма, и спряталась въ немъ, какъ кровавый шаръ зимняго солнца въ утреннемъ туманѣ. Бѣлая фигура лежала въ томъ же монументальномъ положеніи. Мы пожелали имъ здоровья и пошли на фабрику.

Таммерфорсскій водопадъ, оживляя и украшая весь городъ, на самомъ дѣлѣ состоитъ въ дѣйствительной службѣ при бумагопрядильной фабрикѣ Нотбека. На самомъ берегу его громоздится исполинское каменное зданіе, прорѣзанное въ шесть рядовъ амбразурами большихъ оконъ. Этотъ промышленный фортъ, съ своей колоссальной трубою, господствуетъ надъ всѣмъ городомъ и повелѣваетъ водопадами. Они работаютъ на всей фабрикѣ, движутъ бесчисленные станы и машины и соперничаютъ съ величайшимъ дѣятелемъ нашего времени — паромъ. Однакожъ Нотбекъ, заставляя водопадъ работать на своей фабрикѣ, употребилъ его и для удовольствія. Одинъ изъ рукавовъ протока входитъ въ садъ, разведенный передъ домомъ хозяина, и тамъ гремитъ отдѣльнымъ каскадомъ, но не съ такимъ уже буйствомъ, какъ въ городѣ, а весело и игриво, точно въ переливахъ праздничной пѣсни. Послѣ Mon-Répos, садъ Нотбека лучшій во всей Финляндіи.

Поздно воротился я въ гостинницу и долго не могъ заснуть. Гулъ таммерфорсскихъ водопадовъ постоянно раздавался въ ушахъ. Мнѣ казалось, что я пріѣхалъ изъ тихой деревни въ шумный, никогда незасыпающій городъ.

V.

Водопадъ Кюро.

Я выѣхалъ изъ Таммерфорса при утреннемъ крикѣ ›родскихъ клокеновъ. До Кюро нужно было проѣхать ›рокъ шесть верстъ. Сторона эта не такъ живописна, ıкъ переѣздъ отъ Тавастгуса. Природа замѣтно принимала характеръ суровый: чаще показывались обнаженıя скалы, рѣже видны были селенія и пашни. Перемѣнивъ лошадь въ Илеярви, я скоро пріѣхалъ въ Магналя. ›звощикъ, съ которымъ предстояло мнѣ ѣхать на водоадъ, былъ низенькій чухонецъ съ длинными космами ›вѣтлорыжихъ волосъ, разбросанныхъ въ безпорядкѣ по лечамъ. Синяя суконная куртка его усажена была мѣдыми пуговицами всевозможныхъ вѣдомствъ: это было ›ѣлое собраніе русскихъ форменныхъ пуговицъ, съ ор›омъ, губернскими гербами, сенатской короною и кадетской арматурой. Замѣтя, что я съ любопытствомъ всматривался въ эту коллекцію, финнъ улыбался и былъ чрезвычайно доволенъ эффектомъ своего костюма.

Дорога отъ Магналя оживилась. Мы начали обгонять таратайки съ мужчинами и женщинами. Это были поселяне, собиравшіеся въ церковь на воскресную службу.

Мужчины одѣты были, какъ водится, въ синія куртки съ металлическими пуговицами; на шеѣ повязанъ платокъ, нерѣдко шелковый, и преимущественно краснаго цвѣта. На женщинахъ шерстяныя синія юбки, съ широкими красными или бѣлыми клѣтками, цвѣтныя кофты и бѣлыя полотняныя шляпки. Я видѣлъ нѣсколько таратаекъ на рессорахъ, съ кожаными подушками и красивой упряжью.

Скоро показалась въ сторонѣ церковь прихода Кюро. Передъ нею, подлѣ самой дороги, стоитъ подъ навѣсомъ деревянная статуя очень незатѣйливой работы, окрашенная синей и красной краскою, съ протянутой впередъ рукою. На лодони прорѣзано у нея отверзтіе, куда опускаютъ, какъ въ кружку, подаяніе на бѣдныхъ; внизу какіе-то тексты на чухонскомъ языкѣ. Большой лугъ передъ церковью уставленъ былъ таратайками, покрытъ толпами народа. Финны съѣзжаются на молитву очень рано и послѣ службы долго остаются у церкви. Разрозненный бытъ населенія, разсѣяннаго между озерами и скалами, не допускаетъ здѣсь частыхъ свиданій даже между сосѣдями. Поэтому поѣздка въ церковь служитъ финскому крестьянину средствомъ не только для свиданія съ родными и знакомыми, но и для переговоровъ о дѣлахъ и хозяйственныхъ разсчетовъ. Лугъ представлялъ картину оживленную и оригинальную. По одну сторону церкви сидѣли и стояли группами мужчины, занятые разговорами. По другую сторону пестрымъ таборомъ расположились женщины, переодѣваясь къ службѣ въ нарядныя платья, привезенныя въ узелкахъ: однѣ перемѣняютъ кофты, другія убираютъ волосы, поправляютъ и охорашиваютъ другъ друга. У многихъ я замѣтилъ въ рукахъ маленькое зеркальцо. Видно, что чухонскія поселянки готовятся къ воскресному засѣданію въ церкви

съ такой же заботливостью, какъ наши столичныя красавицы къ балу.

До водопада оставалось недалеко. Не доѣзжая двухъ верстъ до станціи Ервенкиле, мы повернули въ сторону. Неровная, каменистая дорожка, пробѣгая извилинами въ густомъ лѣсу, поднималась все выше и выше между обломками камней и скалъ. И вотъ, посреди глубокой тишины, когда вокругъ не слышно было ни пѣнія птички, ни шелеста листьевъ, раздался глухой шумъ, похожій на отдаленный стонъ лѣса.

—Кюро-коски! вскричалъ мой извощикъ, весело указывая кнутомъ въ ту сторону, откуда слышался этотъ гулъ.

Дорожка съ каждой минутой становилась непроходимѣе, и наконецъ превратилась въ едва проѣзжую тропу. Мы ѣхали шагомъ, и таратайка, попадая колесами то въ рытвину, то на камень, безпрестанно наклонялась изъ стороны въ сторону. Проводникъ принужденъ былъ сойти съ телѣжки и вести лошадь за узду. Эта медленная, скучная ѣзда сдѣлалась нестерпимою, и я рѣшился идти пѣшкомъ.

Глухой гулъ съ каждой минутой становился слышнѣе, и наконецъ я сталъ различать гроходъ падающей воды. Болѣе версты прошелъ я по этой дикой дорогѣ и вдругъ очутился на краю обширной, глубокой котловины, загроможденной скалами и поросшей соснами. Изъ-за темной стѣны вѣнцемъ раскинутаго бора возвышалась другая, болѣе отдаленная полоса густаго лѣса, выше и свѣтлѣе, а за нею тянулись амфитеатромъ горы, расцвѣченныя солнцемъ и далью въ безконечные переливы зелени и свѣта. Въ глубинѣ этого ущелья съ тяжелымъ глухимъ гуломъ ревѣлъ водопадъ.

Я спустился по дорожкѣ въ ложбину, гдѣ виднѣлось нѣсколько избушекъ, построенныхъ у самаго каскада. Проводникъ осторожно свелъ лошадь и принялся отпрягать таратайку. Я стоялъ уже передъ водопадомъ.

Вообразите большое озеро, которое быстрымъ потокомъ переливается въ другое озеро, не менѣе обширное, и эта бурная рѣка, пробѣгая по тѣсному ущелью, съ обѣихъ сторонъ сдавленному скалами, встрѣчаетъ крутой обрывъ, болѣе семи саженъ глубиною, и падаетъ съ него широкой волной клокочущей пѣны. Обрывъ этотъ состоитъ изъ трехъ высокихъ ступеней, и такимъ-образомъ водопадъ дѣлится на три уступа. Верхній каскадъ, раздѣленный на два рукава черной обнаженной скалою, падаетъ на среднюю ступень; здѣсь воды, сливаясь въ одну кипящую массу, бѣшено перекидываются на другую нижнюю ступень, и наконецъ падаютъ съ нея въ ущелье, и мчатся широкоъ пѣнистой рѣкой, съ невѣроятной быстротою и яростью. Вокругъ гранитные утесы и густой лѣсъ, рѣзко очерченные на свѣтломъ небѣ; передо мною бурный водопадъ, прыгающій тремя бѣлоснѣжными массами по чернымъ грудамъ скалъ, въ вѣчно неумолкающемъ грохотѣ. Этотъ хаосъ бѣшеныхъ волнъ и нѣжные цвѣта переливающихся надъ ними радугъ, эти чухонскія лачужки, прилѣпленныя къ утесамъ, и свѣжая зелень деревьевъ, питаемыхъ влагою отъ водопада,—все составляетъ поразительную картину, отъ которой не хочется оторвать глазъ.

При видѣ Кюро я, разумѣется, вспомнилъ Иматру. Трудно сказать, который водопадъ величественнѣе. Иматра гораздо шире, всплески ея разнообразнѣе, масса водъ несравненно больше, и въ прихотливыхъ столкновеніяхъ ея волнъ болѣе самобытной красоты, неуловимой для

кисти. Кюро выше въ своемъ паденіи и въ то же время доступнѣе для художника; радуги его живописнѣе и въ прыжкахъ его болѣе смѣлости и юношеской силы. Его грохотъ не такъ оригиналенъ, какъ вой Иматры, но въ немъ больше гармоніи и величія. Кюро, точно также какъ Иматра, не замерзаетъ круглый годъ.

Я стоялъ одинъ надъ водопадомъ, и можетъ-быть это уединеніе еще болѣе усиливало дикое величіе окружающей природы. Вынувъ изъ дорожнаго мѣшка экземпляръ перевода Калевалы, я расположился на прибрежномъ камнѣ, и принялся перелистывать финскую эпопею. Здѣсь эта дикая, странная поэма показалась мнѣ вполнѣ понятною: ея суровые образы и мрачные миѳы гармонируютъ съ оригинальной природою этого удивительнаго края. Какія лица и картины умѣла создать фантазія финновъ!

Вспомните Вейнемейнена, этого бога гармоніи! Когда онъ на берегу озера игралъ на своей кантелѣ,—медвѣдь выходилъ изъ темной берлоги, взбирался на сукъ дерева и качался на немъ изъ стороны въ сторону; бѣлый лосось приплывалъ къ берегу и весело плескался на поверхности воды; прекрасная русалка переставала расчесывать свои длинные волосы, роняла золотой гребень, быстро выплывала наверхъ, и опершись бѣлой грудью на прибрежную скалу, съ жадностью прислушивалась къ чуднымъ звукамъ, и слезы падали изъ глазъ ея и превращались въ крупныя жемчужины.

Сколько поэзіи въ повѣсти о Люмикайнинѣ! Пораженный злымъ чародѣемъ, онъ изрубленъ въ куски и члены его разбросаны по водамъ Финляндіи; но старая мать его, волшебница, ищетъ любимаго сына по всему краю,—дикимъ кабаномъ рыщетъ она по лѣсамъ, вьется

угремъ въ водахъ, бѣлкою прыгаетъ по соснамъ, скачетъ соболемъ по гранитнымъ скаламъ. Послѣ напрасныхъ поисковъ, она дѣлаетъ желѣзныя грабли съ зубьями во сто локтей, влачитъ ихъ по водамъ озеръ, рѣкъ и водопадовъ, вытаскиваетъ одинъ за другимъ изрубленные члены сына, потомъ собираетъ ихъ и оживляетъ медомъ жизни, принесеннымъ пчелою съ небесъ.

А какъ хорошо изображена въ Калевалѣ геологическая борьба стихій, изъ которой возникла Финляндія! Старая Лоухи, властительница засыпанной снѣгами Похіолы, колдовствомъ похищаетъ солнце и мѣсяцъ. Вейнемейненъ всходитъ на небо, высѣкаетъ огонь и поручаетъ хранить его прекрасной дѣвушкѣ. «И дѣва на синемъ облакѣ, на широкой радугѣ качала огонь, баюкала пламя въ золотой колыбели, на серебряныхъ ремняхъ; серебряные ремни скрипѣли, золотая колыбель звучала». Но когда, по неосторожности дѣвушки, огонь падаетъ на землю, Вейнемейненъ отправляется искать его по Невѣ и узнаетъ, что огонь упалъ въ озеро и проглоченъ рыбою. Онъ успѣваетъ поймать громадную щуку, но когда ее начинаютъ разрѣзывать, огонь вырывается, сожигаетъ большую часть Финляндіи и унимается только морозомъ изъ Похіолы.

Какъ наивно разсказанъ миѳъ о побѣдѣ христіанства! Жила прекрасная дѣвушка Маріатта. Гуляя въ полѣ, скушала она какую-то чудесную ягоду и почувствовала, что у сердца ея начинаетъ биться младенецъ. Она проситъ у жены Иротуса позволенія пойти при наступленіи срока въ ея баню, но получаетъ отказъ. Тогда удаляется она въ конюшню, и едва младенецъ увидѣлъ свѣтъ, кладетъ его въ ясли, на душистое сѣно. Маріатта хочетъ крестить дитя, но Вейнемейненъ, чувствуя опасность, со-

вѣтуетъ умертвить его. Тогда малютка говоритъ ему: удались отсюда, старый карельскій чародѣй! Крещеніе совершается, и младенецъ дѣлается властителемъ лѣсовъ и островов. Разгнѣванный Вейнемейненъ садится въ лодку и навсегда покидаетъ Финляндію, оставляя ей въ наслѣдіе свою арфу.

Черезъ средній уступъ Кюро перекинутъ узенькій мостикъ изъ длинныхъ, едва обтесанныхъ бревенъ, безъ всякихъ перилъ, постоянно мокрый отъ брызговъ водопада. Сердце сжималось при одной мысли о переходѣ чрезъ страшный мостъ, и я не могъ рѣшиться взойти на него, не смотря на сильное желаніе полюбоваться водопадомъ съ противоположнаго берега. Между-тѣмъ нужно было подумать о завтракѣ. Поразительная бѣдность и всякое отсутствіе удобствъ, какія я привыкъ встрѣчать въ Финляндіи, заставляли опасаться неудачи. Въ избѣ никого не было, кромѣ дряхлаго старика, который перебиралъ молитвенникъ, медленно шевеля изсохшими губами. На скромныя требованія мои онъ отрицательно покачалъ головою. Я осмотрѣлъ шкапъ и не нашелъ въ немъ ничего, кромѣ соленой салаки и черныхъ кнаке-бре.

Оставалось позавтракать собственными средствами. Я расположился на скалѣ у водопада и приказалъ извощику достать изъ телѣжки корзину съ припасами. Въ это время увидѣлъ я на другой сторонѣ нѣсколько дѣтей. Карабкаясь по утесамъ, они бѣжали къ водопаду, стараясь всѣми силами опередить другъ друга, и всѣ бросились на бревенчатый мостикъ. Я едва не вскрикнулъ, но тутъ же замѣтилъ, что этотъ переходъ былъ для нихъ привычной игрушкой. Ясно, что узнавъ о пріѣздѣ путешественника, маленькіе промышленники спѣшили ко мнѣ

съ деревенскими припасами: у одного была въ рукахъ березовая корзинка съ земляникой, у другаго кружка молока, а у иныхъ букеты изъ полевыхъ незабудокъ и колокольчиковъ. Толпа эта, въ которой были и дѣвочки, окружила меня, предлагая наперерывъ свои товары. Въ глазахъ ихъ выражалось такое желаніе продать эти припасы и вмѣстѣ столько приличія и скромности, что я взялъ все и обдѣлилъ ихъ мелкими деньгами. Всѣ они ушли довольные. Завтракъ неожиданно вышелъ прекрасный: сыръ и свѣжее молоко съ земляникой, сервированные на чистомъ воздухѣ, на скатерти изъ зеленаго моха, съ музыкой гремящаго водопада, возбудили во мнѣ чудесный аппетитъ.

Не успѣлъ я окончить пиршества, какъ у мостика показалась новая группа. Это была высокая, сѣдая старуха, вся въ лохмотьяхъ, съ ребенкомъ на рукахъ, потомъ здоровая, краснощекая женщина въ красной юпкѣ и красныхъ чулкахъ, и дѣвочка лѣтъ шести, бѣлая какъ альбиносъ. Вся эта толпа бѣжала, едва переводя духъ, прямо на мостъ и чрезъ нѣсколько мгновеній была подлѣ меня. Старуха держала въ рукѣ пучекъ полевыхъ цвѣтовъ, у толстой чухонки и дѣвочки были также цвѣты, наскоро сорванные вмѣстѣ съ травою, и даже у ребенка всунутъ былъ въ рученку стебелекъ ельника. Вся эта компанія подала мнѣ свои импровизированные букеты съ низкими книксенами. Старая чухонка смотрѣла при этомъ на меня съ такой робостью и надеждой, какъ-будто отъ этаго визита зависѣло все ея состояніе. Когда я далъ всѣмъ по серебряному пятачку, она съ дикой радостью отблагодарила меня цѣлой полдюжиной быстрыхъ присѣданій, торопливо передала ребенка молодой чухонкѣ, а сама, вся запыхавшись, едва переводя дыханіе, бросилась назадъ

черезъ мостикъ, кажется распространять новость о хорошемъ сбытѣ придорожной травы и вербовать новыхъ собирателей букетовъ. Но можетъ-быть старуха побѣжала бить тревогу слишкомъ уже далеко, потому-что я пробылъ на водопадѣ еще съ полчаса, но больше не видалъ ее.

Ободренный чужимъ примѣромъ, я рѣшился перебраться на другую сторону водопада. Со стѣсненнымъ однакожъ сердцемъ перешелъ я по скользкимъ бревнамъ надъ пѣнистой бездною водопада, и не разъ казалось, что нога готова была скользнуть. Видъ Кюро съ лѣваго берега не менѣе живописенъ. Я прошелъ по берегу протока до самаго озера. Вездѣ страшная глушь,—повалившіяся деревья, разбросанные камни, громъ водопада и закоптѣлыя избушки, прилѣпленныя какъ гнѣзда по обрывамъ ущелья. Обратный путь черезъ головоломный мостикъ я совершилъ съ бо̀льшимъ присутствіемъ духа.

Набросавъ свои впечатлѣнія въ записной книжкѣ, я опять собрался въ путь. Отправя впередъ таратайку, медленно поднялся я на гору, и еще разъ оглянулся на ущелье. Вѣтеръ дулъ со стороны водопада — и долго-долго преслѣдовалъ меня въ лѣсу голосъ шумнаго Кюро. Добравшись до большой дороги, я сѣлъ въ телѣжку, и мы свернули на абоскій трактъ. Я отъѣхалъ уже много верстъ, но мнѣ все чудилось, будто я стою передъ водопадомъ, и въ ушахъ у меня раздается его грохотъ.

VI.

Кивиніеми.

При въѣздѣ въ Абоскую-губернію является вмѣсто таратайки шведская керра, такой же неуклюжій ящикъ, какъ и въ Выборгской-губерніи, только еще безпокойнѣе. Онъ такъ высокъ и узокъ, что только послѣ значительной практики можно научиться влѣзать въ него, и всякую минуту надобно остерегаться, чтобъ при малѣйшемъ порывистомъ движеніи лошади не вылетѣть назадъ черезъ голову. Замѣчательно, что эти нелѣпые экипажи существуютъ только на двухъ краяхъ Финляндіи, гдѣ къ мѣстному элементу привились чужія начала русской и шведской народности. Не зная заранѣе, что встрѣчусь опять съ проклятымъ ящикомъ, я не принялъ никакихъ мѣръ и долженъ былъ ѣхать въ немъ черезъ всю губернію. До Кюро по-крайней-мѣрѣ мнѣ благопріятствовала погода, но съ третьей станціи отъ водопада сталъ накрапывать дождь. Это было первое ненастье во все мое путешествіе по Финляндіи. Закутавшись въ пальто, я не думалъ однакожъ останавливаться. Переѣхавъ черезъ рѣку Кумо по длинному мосту, раскинутому надъ какимъ-то водопадомъ, я перемѣнилъ лошадь и пустился

далѣе. Между-тѣмъ тяжелыя облака все гуще застилали небо; дождь, усиливаясь съ каждой верстой, превратился наконецъ въ ливень, и весь измоченный пріѣхалъ я на станцію Кивиніеми.

Станція эта одна изъ лучшихъ въ Финляндіи. Въ сторонѣ отъ дороги, на скалѣ изъ цѣльнаго гранита, стоитъ, какъ на пьедесталѣ, чистенькій домикъ, окрашенный въ ярко-красный цвѣтъ. Спереди примкнуто къ нему узорчатое крыльцо съ навѣсомъ, на красныхъ деревянныхъ колоннахъ. Капли дождя звучно шумѣли по гладкой поверхности гранитнаго дворика. Я вошелъ въ комнаты, убранныя съ нѣкоторой даже роскошью. Въ открытое окно слышался шумъ какого-то близкаго водопада. Я рѣшился остановиться здѣсь и переждать дождь. Дѣвочка лѣтъ двѣнадцати приготовила мнѣ обѣдъ и кофе. Перемѣня платье, я располагался было приняться за свои дорожныя записки, какъ узналъ случайно, что по сосѣдству празднуется крестьянская свадьба, куда съ утра еще ушли хозяева станціи. Мнѣ захотѣлось взглянуть на чухонскій свадебный пиръ. Когда дождь немного перемежился, я просилъ проводить меня. Черезъ нѣсколько минутъ дѣвочка привела меня къ деревенскому дому, передъ которымъ стояло десятка два таратаекъ; двѣ или три изъ нихъ обтыканы были ельникомъ.

Я вошелъ въ большую комнату, гдѣ весь полъ усыпанъ былъ мелко изрубленными еловыми вѣтками. По лавкамъ вокругъ стѣнъ сидѣли гости въ праздничныхъ нарядахъ. Женихъ одѣтъ былъ въ синій суконный сюртукъ, невѣста въ бѣломъ платьѣ, съ неизбѣжной серебряной бляхою. Передъ окнами стоялъ большой столъ, укладенный матеріями, лентами, бусами, мелкими серебряными деньгами. Это подарки, поднесенные невѣстѣ

отъ родныхъ и знакомыхъ. Зная народный обычай, я положилъ на столъ двѣ серебряныя монеты, между-тѣмъ какъ проводница моя объясняла хозяевамъ, какимъ образомъ я попалъ на свадьбу. Меня пригласили садиться. Невѣста наказала меня за мое любопытство: она принудила меня выпить стаканъ какого-то горькаго пива.

У финскихъ поселянъ сохранилось еще много старинныхъ свадебныхъ обычаевъ. Если на русской народной свадьбѣ господствуютъ пѣсни, то у финновъ первую роль въ этомъ случаѣ играютъ ораторскія рѣчи. Когда молодой человѣкъ задумаетъ жениться, онъ выбираетъ кого-нибудь изъ своихъ знакомыхъ, кто особенно славится краснорѣчіемъ. Этотъ сватъ, а иногда вмѣстѣ съ нимъ и женихъ, отправляются къ дому дѣвушки. Гости входятъ въ комнату, гдѣ встрѣчаютъ ихъ родные невѣсты. Ораторъ начинаетъ длинную рѣчь, въ которой восхваляетъ умъ, богатство и доброе сердце жениха, разсыпая при этомъ щедрой рукой всевозможные цвѣты чухонскаго краснорѣчія. Хозяева слушаютъ въ глубокомъ молчаніи, иногда часъ и болѣе. По окончаніи панегирика, сватъ или самъ женихъ выступаетъ впередъ съ подарками: подноситъ деньги отцу и матери невѣсты, раздаетъ кому кольцо, кому поясъ. Если подарки примутъ— это служитъ знакомъ согласія, и женихъ получаетъ позволеніе войти въ сосѣднюю комнату за невѣстой. Онъ выводитъ оттуда дѣвушку, и родные поздравляютъ ихъ.

Передъ свадьбою невѣста въ свою очередь избираетъ какую-нибудь родственницу и начинаетъ съ нею путешествіе по всему киршпилю. Ораторша ходитъ съ невѣстою изъ избы въ избу и вездѣ говоритъ рѣчи, внушая хозяевамъ участіе къ молодой дѣвушкѣ, которая должна покинуть родной домъ и промѣнять безпечную жизнь на

заботы жены и матери. Здѣсь тоже не щадятъ аллегорій и метафоръ. Вездѣ невѣстѣ дѣлаютъ подарки: кто даетъ пучекъ льну, кто какую-нибудь ленточку, а богатые — мелкую серебряную монету. Это составляетъ дополненіе скромнаго приданаго. Самыя богатыя невѣсты соблюдаютъ этотъ обычай совсѣмъ не по цѣнности ничтожныхъ подарковъ, но оттого, что они считаются талисманами, которые приносятъ въ домъ богатство и счастіе. Вездѣ берегутъ ихъ, какъ святыню. Обрученье происходитъ обыкновенно на кладбищѣ. Женихъ и невѣста ѣдутъ туда съ ближайшими родными и обмѣниваются кольцами на могилахъ родственниковъ. Если невѣста сирота, то обрученье совершается на могилѣ отца или матери. Какой странный и трогательный обычай!

При такихъ патріархальныхъ нравахъ, кажется, нельзя бы ожидать здѣсь сильныхъ страстей, но въ Финляндіи бываютъ нерѣдко случаи трагической любви, достойные французской мелодрамы. Чтобъ показать нѣкоторыя черты мѣстныхъ нравовъ и вмѣстѣ-съ-тѣмъ дополнить характеристику финской свадьбы, я приведу одно происшествіе, въ томъ видѣ, какъ оно разсказано было въ шведскомъ журналѣ.

Въ одномъ изъ близкихъ киршпилей, въ двухъ сосѣднихъ гейматахъ, жили молодой крестьянинъ Паво и молодая крестьянка Анни. Паво былъ сирота безъ отца и матери, безъ роду и племени, но гибкій какъ можжевельникъ, трудолюбивый какъ пчела. Онъ былъ не богатъ, но въ торбѣ его всегда водились хлѣбъ и молоко для гостя. Анни была молодая дѣвушка, пригожая какъ земляника. Сосѣднія дѣвушки говорили, что во всемъ приходѣ не найти бы жениха лучше Паво, еслибъ онъ не былъ такъ гордъ и печаленъ. Всѣ молодцы въ окре-

стности увѣряли, что во всемъ краѣ нѣтъ невѣсты красивѣе Анни, да только она слишкомъ рѣзва и вѣтрена. Паво и Анни видались часто и понравились другъ другу.

Но отецъ Анни, старикъ упрямый, суровый какъ прибрежная скала, не любилъ Паво еще по старой враждѣ съ его покойнымъ отцемъ. У финновъ не рѣдкость такая наслѣдственная вендетта. Замѣтилъ старикъ, что пригожая дочка его часто ведетъ рѣчи съ гордымъ сосѣдомъ, и при этихъ свиданіяхъ угрюмый сосѣдъ дѣлается веселымъ, а рѣзвая дѣвушка скучной и печальною. Онъ догадался, что молодые люди любятъ другъ друга, и запретилъ имъ видѣться.

И вотъ однажды, когда старикъ съ молодой дочкою воротился изъ церкви и сѣлъ за столъ, на который работница поставила уже сушеный хлѣбъ и въ деревянныхъ чашкахъ молоко и картофель съ корюшкой, въ избу вошелъ старый финнъ, работникъ Паво. Поклонясь старику, началъ онъ говорить похвальную рѣчь своему молодому хозяину и потомъ положилъ передъ молоденькой Анни кусокъ красной шерстяной матеріи и алыя ленты, а передъ отцемъ ея — два блестящіе серебряные рубля. Дѣвушка покраснѣла, какъ брусника осенью; высоко поднималась жестяная бляха на груди ея. Кончилъ ораторъ похвальную рѣчь жениху и еще разъ поклонился. Старикъ всталъ, налилъ рюмку водки, поднесъ свату и сказалъ:

— Возьми назадъ свои подарки и ступай съ Богомъ!

Поблѣднѣла Анни, какъ бѣлая береза, и слезы крупнѣе лѣтняго града выкатились изъ глазъ ея. На другой день тайно увидѣлась она съ Паво, и плакали они вмѣстѣ и положили не прекращать своей связи. Но старикъ-отецъ опять замѣтилъ ихъ свиданія и сказалъ сурово до-

чери, что боится, какъ бы не вышло изъ этого цыганской женитьбы. Анни начала еще больше скрывать свои свиданія съ Паво.

Въ воскресенье, когда старикъ, возвратясь съ дочерью изъ кирки, сидѣлъ опять за обѣдомъ, и кислое молоко и картофель стояли на столѣ, явился въ избу новый сватъ отъ одного зажиточнаго крестьянина, котораго гейматъ былъ въ томъ же киршпилѣ. Положилъ сватъ-старикъ подарки передъ отцемъ и дочерью и началъ говорить похвальное слово богатству и качествамъ молодаго Симо.

Весело слушалъ старикъ; блѣдная сидѣла трепещущая Анни. Когда ораторъ кончилъ свою эпиталаму, хозяинъ подалъ ему рюмку водки и пригласилъ обѣдать. Послѣ обѣда онъ сказалъ свату: «Оставь свои подарки невѣстѣ и скажи жениху, чтобы пріѣзжалъ условиться о дѣлѣ!»

И сталъ старикъ уговаривать Анни быть женою молодаго Симо, выхвалялъ ей умъ, пригожество и богатство его, и говорилъ, что никогда не дастъ благословенія на бракъ съ гордымъ Паво. Онъ молилъ дочь поберечь старые годы отца и не покрывать печалью его сѣдой головы. Анни со слезами выронила согласіе.

Пріѣхалъ молодой женихъ. Невѣста была трепетна и печальна; глаза ея потускнѣли, какъ озеро въ осенній день.

— Отчего у тебя глаза такъ заплаканы, Анни? спросилъ женихъ. Не противъ ли воли ты за меня выходишь? Не принуждаютъ ли тебя?

— Оттого заплаканы у меня глаза, отвѣчала невѣста, что мнѣ горько покинуть свой дворъ съ густыми рябинами и не слышать, какъ поетъ свой пѣтухъ въ клѣти. Лучше пить воду изъ берестянаго бурака на родной сто-

ронѣ, чѣмъ сладкое пиво изъ расписныхъ кружекъ въ чужомъ дому.

— Но я знаю, продолжалъ Симо, что ты хотѣла свить себѣ гнѣздо подъ крыломъ сосѣда Паво?

— Не быть мнѣ женою Паво, сказала Анни, и ты брось эти рѣчи перелетному вѣтру. Я дала уже слово твоему свату и хочу только, чтобы послѣ свадьбы меня на три дня оставили дома.

— Согласенъ на твое желаніе, и на четвертый день пріѣду взять тебя на любовь и ласки.

День свадьбы насталъ. Съѣхались родственники. Невѣсту одѣли въ вѣнчальное платье, волосы убрали лентами, на голову надѣли позолоченный вѣнокъ. Она была печальна, но не плакала; только лице алѣло багровымъ румянцемъ, и грудь мѣрно и высоко поднималась. Въ новую таратайку, убранную можжевельникомъ, запряжена была бойкая лошадь, и вся збруя обвита полевыми цвѣтами. Свадебный поѣздъ отправился въ домъ пастора. Пріѣхалъ и женихъ. Веселъ и радостенъ былъ во время вѣнчанья Симо, угрюма и тревожна была молодая Анни.

По окончаніи обряда, всѣ отправились въ домъ невѣсты, гдѣ приготовленъ былъ свадебный пиръ. Здѣсь по обычаю сѣли обѣдать. Невѣста, казалось, успокоилась. Слѣды ея былаго веселья опять явились, и только румянецъ казался не природнымъ, а купленнымъ. Гости наконецъ стали разъѣзжаться. Женихъ тоже уѣхалъ, чтобы по условію воротиться черезъ три дня за молодой женою.

Насталъ вечеръ. Затихли сверчки на огромной, только-что выбѣленной печи. Старикъ и домашніе легли спать. Молодая Анни долго читала молитвенникъ, потомъ и она замолкла. Въ избѣ стало такъ тихо, что

ясно слышался шумъ высокихъ березъ, качаемыхъ вѣтромъ на берегу озера.

Проснулся утромъ старикъ, проснулись и домашніе. Гдѣ же Анни?—Анни не было ни въ избѣ, ни на дворѣ, ни на берегу озера. Напрасно звали и искали ее. Молодая пропала въ своемъ вѣнчальномъ нарядѣ. Бросились въ гейматъ Паво. Молодаго сосѣда также не нашли дома.

Работники указали однакожъ на слѣды Анни.

Наканунѣ угрюмый Паво все утро лежалъ на дворѣ, ничего не ѣлъ и ни съ кѣмъ не говорилъ. Одинъ работникъ спросилъ: пойдетъ ли онъ смотрѣть, какъ будутъ вѣнчать его невѣсту? Паво отвѣчалъ печально: «Она меня любила, дай ей Богъ счастія!» Весь день и всю ночь лежалъ Паво на дворѣ и ни разу не закуривалъ своей трубки. Рано-рано утромъ пришла на дворъ Анни въ нарядномъ платьѣ. Тихо подошла она къ Паво и положила ему руку на плечо. Паво приподнялся. Она склонилась къ нему и начала что-то говорить. Паво всталъ, взялъ въ кладовой свой новый кушакъ, и они рука объ руку пошли по дорогѣ къ лѣсу. Больше ничего не видали работники Паво.

Кинулся старый отецъ Анни искать свою дочь. Домашніе видѣли, какъ грозно сверкали глаза его изъ-подъ сѣдыхъ бровей, и бросились вслѣдъ за нимъ, боясь кровавой встрѣчи. Но всѣ поиски были напрасны. Не нашли нигдѣ ни Паво, ни Анни. Отецъ и родные бѣдной дѣвушки воротились въ избу.

Вечеромъ въ гейматѣ разнесся слухъ, что дѣти, собиравшія въ лѣсу бруснику, видѣли на ближнемъ озерѣ, недалеко отъ берега, пустую лодку, и на ней что-то похожее на платокъ. Это встревожило родныхъ Анни.

Лодку достали и въ-самомъ-дѣлѣ нашли въ ней платокъ бѣдной дѣвушки. Работники съ крючьями и веревками отправились тогда на озеро. Къ ночи Паво и Анни нашлись, ихъ вытащили изъ озера однимъ крюкомъ. Плотно связаны они были кушакомъ: двойной крѣпкій узелъ затянутъ былъ на спинѣ у жениха; ясно, что его завязывала невѣста. Руки Паво обвились вокругъ шеи Анни, а она крѣпко обнимала Паво. Это смертное объятіе было такъ сильно, что съ трудомъ могли разнять утопленниковъ. На невѣстѣ былъ ея свадебный нарядъ, только недоставало одного обручальнаго кольца; вѣрно оно было брошено на дно озера. Мертвая Анни казалась веселѣе живой: багровый румянецъ смѣнился на лицѣ ея прежней легкой краскою, волосы, свѣтлые какъ молодой ленъ, обвивались около шеи; Паво потерялъ также свою обычную суровость, и лицо его выражало удовольствіе и торжество.

Судъ, приглашенный по этому случаю на мѣсто происшествія, не могъ позволить хоронить утопленниковъ съ христіанскими обрядами; но разсмотрѣвъ дѣло, онъ не хотѣлъ поступить съ ними, какъ съ обыкновенными самоубійцами, которые по законамъ зарываются въ лѣсу палачемъ. Несчастныхъ похоронили недалеко отъ церкви, въ одной общей могилѣ.

Когда я проснулся, утро было прекрасное. Я тотчасъ же велѣлъ заложить лошадь и выѣхалъ не дожидаясь завтрака.

На слѣдующей станціи меня ожидалъ случай, который во всякой другой сторонѣ могъ бы кончиться непріятно. Войдя въ станціонную комнату, я позвалъ извощика, чтобы отдать ему прогоны. Опускаю руку въ карманъ—кошелька нѣтъ. Тутъ я вспомнилъ, что въ Ки—

виніеми, какъ и на всѣхъ ночлегахъ, положилъ деньги подъ подушку и тамъ забылъ ихъ. Извѣстная честность финновъ нѣсколько успокоила меня. Позвавъ гастгебера, я объяснилъ ему, какъ забылъ деньги, и онъ тотчасъ же отправилъ верхомъ мальчика въ Кивиніеми. Переѣздъ этотъ былъ небольшой: черезъ два часа верховой воротился, и гастгеберъ подалъ мнѣ кошелекъ. Деньги всѣ были цѣлы. Хозяинъ не хотѣлъ взять съ меня ничего, кромѣ прогоновъ за посланную нарочно лошадь.

Чѣмъ ближе подъѣзжалъ я къ Або, тѣмъ край становился населеннѣе и обработаннѣе. По сторонамъ дороги все чаще показывались пашни. Землю обработываютъ здѣсь на быкахъ, и даже дорогой попадались мнѣ нерѣдко огромныя двухколесныя телѣги, запряженныя волами. За восемь верстъ отъ города показался шпиль абоской кирки. Черезъ полчаса дорога повернула въ сторону, мимо старинной шведской церкви, сложенной изъ огромныхъ кусковъ нетесаннаго гранита — и передо мною развернулся Або, съ красной массивной башнею соборной колокольни.

VII.

Або.

Пріѣздъ въ незнакомый городъ, какъ-бы онъ ни былъ ничтоженъ, всегда занимателенъ для туриста. Вездѣ находишь какія-нибудь новыя черты въ народномъ бытѣ, какія-нибудь особенности въ самой наружности городскихъ строеній. Або давно уже привлекалъ мое любопытство: это древнѣйшее поселеніе шведовъ въ Эстерботніи, первенецъ всѣхъ финляндскихъ городовъ. Мнѣ казалось, что семивѣковая жизнь его должна была оставить какіе-нибудь памятники. Но я обманулся: пожаръ 1827 года истребилъ въ Або слѣды старины. Въ два дня нетолько погибли всѣ старыя зданія, но даже исчезли прежнія улицы, и самый планъ города погребенъ подъ развалинами. Послѣ этого опустошенія Або возродился уже съ новой физіономіей, съ характеромъ города русскаго.

Проѣзжая по улицамъ, я на каждомъ шагу видѣлъ слѣды новой жизни. Прямыя, правильныя улицы, обстроенныя большею частью каменными домами, большая площадь, окруженная обширными трехъ-этажными зданіями, набережныя выложенныя гранитомъ, мосты съ

чугунными рѣшетками—все отличается характеромъ новыхъ европейскихъ городовъ. Только красная башня соборной церкви, да таблички съ шведскими надписями, прибитыя на углахъ улицъ, напоминаютъ о прежнемъ, допожарномъ Або.

Извощикъ привезъ меня на дворъ гостинницы. Молоденькая дѣвушка, въ красномъ корсажѣ, встрѣтила меня съ шведскимъ привѣтствіемъ: годъ моргонъ! Когда я сказалъ, что остаюсь до утра, она провела меня въ большую комнату, съ мягкой мебелью. Не успѣлъ я расположиться въ моей спальнѣ, или по-здѣшнему софкаммарѣ, какъ бойкая служанка принесла большой подносъ, уставленный тарелочками, на которыхъ аппетитнымъ паромъ дымились издѣлія шведской кухни. Послѣ обѣда я пошелъ осматривать Або.

Въ центрѣ города лежитъ большая площадь. Передъ нею течетъ Аура, похожая на нашу Фонтанку. Въ ней совсѣмъ нѣтъ энергической быстроты финляндскихъ рѣкъ; ея медленное теченіе вполнѣ гармонируетъ съ тишиною города. Два моста, одинъ на гранитныхъ, другой на деревянныхъ устояхъ, соединяютъ ея щегольскія, но пустынныя набережныя. Въ глубинѣ площади возвышается на скалѣ St. Henryks Domkyrka, обширный соборъ съ высокою башнею. Это древнее зданіе, господствующее надъ всѣмъ городомъ, построено въ готическомъ вкусѣ той эпохи упадка, когда красоту замѣняла массивность. Пожаръ лишилъ его высокаго шпиля, вмѣсто котораго видѣнъ теперь на башнѣ красный шатеръ, увѣнчанный крестомъ. Но если церковь потеряла свою иглу и уступаетъ въ этомъ ревельскому Олаю, зато она украшена теперь великолѣпной лѣстницей изъ краснаго гранита, широко подымающейся во всю длину собора. Противъ

церкви стоитъ обширное зданіе бывшаго университета, начатое при Густавѣ IV и совершенно перестроенное послѣ пожара. Въ немъ помѣщается гофгерихтъ, квартира губернатора, духовная консисторія, банкъ, почтамтъ — и по этому энциклопедическому назначенію ему дано характеристическое названіе Omnibus. По отлогому скату площади недавно разведенъ садъ, но въ немъ нѣтъ тѣни, кромѣ маленькой кандитерской, обсаженной липами.

Абоскій соборъ основанъ въ XII вѣкѣ, на мѣстѣ часовни, построенной первымъ финляндскимъ епископомъ Генрихомъ. Тѣло прелата долгое время хранилось въ соборномъ склепѣ, и исчезло съ появленіемъ лютеранства. Память «крестителя» Финляндіи осталась однако въ народной легендѣ. Разсказываютъ, что Генрихъ, отправляясь зимой на проповѣдь, на льду озера Чуло былъ убитъ финскимъ дворяниномъ Лалли. Убійца овладѣлъ богатой шапкою епископа и надѣлъ ее, но не могъ снять дорогаго перстня и отрубилъ его вмѣстѣ съ пальцемъ. Отсѣченный палецъ потерялся однако въ снѣгу, и финнъ не могъ найти его. Возвратясь домой, Лалли хотѣлъ снять шапку епископа, но вмѣстѣ съ нею волоса его отдѣлились отъ черепа, и онъ погибъ въ мученіяхъ. Весною плыли по озеру въ лодкѣ два крестьянина и увидѣли ворона, который кружился и каркалъ надъ льдиною. Крестьяне подплыли ближе и нашли на льдинѣ палецъ съ кольцомъ Генриха. По этому епископская шапка и кольцо вошли въ гербъ города Або. Вотъ все наслѣдіе, доставшееся Финляндіи отъ католицизма, который стоилъ народу столькихъ слезъ и крови!

Гарнизонный солдатъ отыскалъ мнѣ соборнаго кистера. Старикъ съ большими круглыми очками на носу, похожими на готическія розеты древнихъ соборовъ, за-

гремѣлъ связкою ключей и черезъ широкій стрѣльчатый входъ ввелъ меня въ церковь. Съ перваго шага соборъ поразилъ меня своей мрачностью и пустотою. Пожаръ истребилъ старинный алтарь, органъ, каѳедру, даже многія гробницы. Какой-то богатый хлѣбникъ отказалъ передъ смертью все свое состояніе на сооруженіе новаго органа, который недавно и оконченъ. Этотъ громадный органъ, весь покрытый живописью и позолотой, возвышается до самыхъ сводовъ и служитъ единственнымъ украшеніемъ собора. Самая церковь такъ пустынна, что кажется, будто ее построили только для храненія органа. Вѣроятно, при его громѣ эти холодные, мертвые своды просыпаются, и тогда соборъ кажется не такъ безжизненнымъ. Въ капеллахъ стоятъ надгробные памятники, и въ числѣ ихъ есть довольно древніе. На одномъ саркофагѣ видны двѣ статуи изъ бѣлаго мрамора, въ человѣческій ростъ: одна представляетъ рыцаря въ латахъ съ пышнымъ гербомъ, другая — молодую женщину въ свадебномъ платьѣ, въ ожерельѣ и браслетахъ; это внукъ Эрика XIV, Клаусъ Тоттъ, съ женою. Вотъ единственные памятники шведскаго дворянства, уцѣлѣвшіе въ Финляндіи!

Другое древнее зданіе въ городѣ—замокъ Abo-Slott—возвышается при устьѣ Ауры, на гранитномъ мысѣ, омываемомъ съ трехъ сторонъ моремъ. Но въ немъ старины также мало, какъ и въ соборѣ. Во время шведскаго владычества эта сильная крѣпость окружена была высокими стѣнами и считалась однимъ изъ самыхъ твердыхъ оплотовъ Финляндіи; но съ усиленіемъ Свеаборга она признана ненужною, потеряла военное значеніе и сошла на степень обыкновеннаго острога. Теперь въ Або-Слотѣ помѣщается тюрьма и рабочій домъ. Безъ рекомендательныхъ писемъ мнѣ нельзя было осмотрѣть

этихъ заведеній, и кажется отъ-того ни я, ни читатели ничего не потеряли. Мнѣ сказали потомъ, что послѣ Тавастгуса, здѣсь нѣтъ ничего новаго.

Не смотря однакожъ на отсутствіе древнихъ зданій, память о шведахъ не изгладится въ Або. Здѣсь Густавъ-Адольфъ учредилъ первую въ Финляндіи гимназію, здѣсь знаменитый Браге основалъ первый университетъ. Эти памятники переживутъ многіе монументы! Я не люблю говорить о томъ, что можно найти въ учебникахъ, но чтобъ искупить наконецъ передъ читателями небрежность мою къ исторіи Финляндіи, разскажу историческій фактъ, который мнѣ кажется замѣчательнѣе, чѣмъ вся хроника построенія и обороны крѣпостей. День открытія Абоскаго-университета, по сказанію шведскихъ лѣтописцевъ, праздновался съ пышностью, небывалой въ Финляндіи. Въ лѣтописяхъ сохранилось описаніе этого торжества.

Въ назначенный день, 15 іюля 1640 года, жители Або съ ранняго утра толпились на улицахъ. Въ восемь часовъ открылось торжественное шествіе изъ Або-Слота, гдѣ жилъ генералъ-губернаторъ Финляндіи и канцлеръ будущаго университета, графъ Браге. Двѣнадцать герольдовъ съ трубачами открывали процессію. За ними слѣдовали депутаты отъ дворянства, подъ предводительствомъ маршала. Потомъ несли на шелковыхъ подушкахъ университетскія регаліи: ключи, печать, жезлъ, книгу для поименнаго списка студентовъ и ректорскую мантію изъ алаго бархата, подбитую бѣлымъ атласомъ. Затѣмъ шелъ канцлеръ въ сопровожденіи двѣнадцати высшихъ офицеровъ, епископъ и будущіе профессоры. Чиновники, приходскіе священники, учители и студенты заключали шествіе. При пушечной пальбѣ, колокольномъ

звонѣ и звукахъ музыки, эта процессія прошла черезъ весь городъ, между рядами войска, собраннаго для этого праздника со всей Финляндіи. Университетское зданіе украшено было зелеными вѣнками, гирляндами цвѣтовъ, стѣны обвѣшаны тканями, скамьи обтянуты алымъ сукномъ. Браге взошелъ на каѳедру и прочелъ королевскую грамату. Вотъ этотъ любопытный актъ:

«Божію милостію, Христина, королева Швеціи и пр. Принимая во вниманіе, что во всѣ времена училища и академіи почитались разсадниками наукъ и добрыхъ нравовъ, мы по примѣру нашего родителя, короля Густава-Адольфа, распространившаго университетъ Упсальскій, и основавшаго таковой же въ Дерптѣ, желаемъ къ вящшей славѣ и благоденствію нашего княжества Финляндіи учредить, вмѣсто существующей въ городѣ Або гимназіи, университетъ, дабы онъ могъ служить источникомъ познаній и добродѣтели».

По прочтеніи граматы Браге провозгласилъ открытіе университета и вручилъ вице-канцлерскіе знаки епископу. Послѣ того вице-канцлеръ надѣлъ на одного изъ профессоровъ ректорскую мантію, — и процессія отправилась въ соборную церковь. Епископъ произнесъ рѣчь, и народъ отвѣчалъ на нее такими восклицаніями, что, по словамъ историка, церковные своды готовы были рухнуть. Праздникъ кончился большимъ обѣдомъ у генералъ-губернатора и представленіемъ нарочно сочиненной по этому случаю комедіи, подъ названіемъ «Студенты».

Въ средніе вѣка пріемъ студентовъ въ университеты сопровождался вездѣ странными обрядами, но едва ли гдѣ-нибудь происходила по этому случаю такая аллегорическая буфонада, какъ въ Або. У одного старин-

наго французскаго путешественника, А. де-Ламотре, подробно описана странная церемонія. Въ назначенный для пріема день—разсказываетъ онъ—молодые люди собирались въ одну изъ университетскихъ залъ. Тамъ, по приказанію старшаго чиновника совѣта, надѣвали на нихъ черныя мантіи, къ шляпамъ прицѣпляли рога и длинныя уши, намазывали имъ лицо сажей, и каждому вставляли въ ротъ свиные клыки. Въ такомъ шутовскомъ уборѣ выводили ихъ въ другую залу, гдѣ ожидали ихъ родственники и любопытные зрители. Молодыхъ людей ставили въ кружекъ, при общемъ хохотѣ публики. Тутъ начиналась аллегорическая сцена. Чиновникъ совѣта говорилъ рѣчь, въ которой исчислялъ пороки, происходящіе отъ невѣжества, и доказывалъ, что они могутъ быть уничтожены только одной наукою. При-этомъ онъ объяснялъ зрителямъ, что свиные клыки и длинныя уши означаютъ дерзость и глупость, и затѣмъ деревянными клещами вырывали эти аттрибуты невѣжества и обливали молодыхъ людей съ ногъ до головы водою, въ знакъ того, что университетское ученье должно очистить и облагородить юношей. По окончаніи этой церемоніи молодыхъ людей провозглашали студентами, при рукоплесканіяхъ публики. Этотъ странный обычай, подлинность котораго подтверждается университетскими документами, уничтоженъ въ концѣ XVII вѣка. Не смотря на грубыя формы этой шутовской аллегоріи, въ ней видно однакожъ, какое высокое понятіе имѣли въ Финляндіи о назначеніи университета.

Если когда-нибудь покореніе народа оправдывалось благотворными слѣдствіями для края, то Финляндія представляетъ въ этомъ отношеніи разительный примѣръ. Шведское вліяніе оставило благодѣтельные слѣды на всемъ

ытѣ финновъ: оно развило въ народѣ чувства справед-
ивости, чести, уваженіе къ законамъ и достоинству
еловѣческому. Нельзя не удивляться шведамъ, которые
зъ полудикаго племени умѣли образовать благородный
гостепріимный народъ, бѣдному и печальному краю
ать видъ страны благоустроенной. Финскія дороги и
танціи давно уже сдѣлались предметомъ общей похвалы.
примѣрахъ безкорыстія я говорилъ не разъ. Случаи
оровства рѣдки даже въ городахъ. Можетъ-быть этимъ
бязаны отчасти и ночнымъ сторожамъ, которыхъ заунывное пѣніе кажется такъ странно для пріѣзжаго. Почти нигдѣ не видите вы замковъ, и если въ домахъ запираются на ночь двери, то кажется это дѣлаютъ только для порядка.

Даже самые примѣры воровства отличаются здѣсь забавной наивностью. Происшествіе, о которомъ разсказывалъ мнѣ одинъ шведъ, какъ нельзя лучше показываетъ патріархальную простоту чухонскихъ воровъ. Въ одинъ домъ ночью забрался воръ въ открытое окно. Осторожно прокрался онъ къ шкапу, гдѣ вмѣстѣ съ посудою лежало столовое серебро. Шкапъ, разумѣется, былъ также не запертъ. Воръ выбралъ изъ него ложки и солонки, и нагрузилъ ими карманы. На бѣду ночнаго гостя, въ шкапу стояла только-что початая канна съ водкою, лежалъ кусокъ шведскаго сыру и нѣсколько сушеныхъ хлѣбовъ. Это соблазнило вора. Унести ли всю канну было ему неловко или не достало терпѣнія дожидаться, только онъ расположился посреди залы, за круглымъ столомъ, налилъ стаканъ водки, закусилъ, выпилъ еще, и наконецъ такъ угостилъ себя, что не могъ подняться съ мѣста. Утромъ хозяева рузбужены были необыкновеннымъ шумомъ: кто-то храпѣлъ подлѣ спальни на весь домъ.

Бѣгутъ въ залу и видятъ, что наивный воръ сидитъ въ креслахъ, не снимая шляпы, положа руки на столъ, — и склоня на нихъ голову, спитъ невозмутимымъ сномъ. Передъ нимъ до половины осушенная бутыль и куски кнаке-бре, а изъ кармановъ выглядываютъ столовыя ложки.

Вечеръ провелъ я въ прогулкахъ по городу и заходилъ въ нѣсколько магазиновъ. Лавки въ Або гораздо богаче, чѣмъ въ другихъ городахъ Финляндіи, и всѣ безъ вывѣсокъ, какъ нашъ англійскій-магазинъ. Купцы большею частію шведы, но я встрѣтилъ двухъ, которые хорошо говорили по-русски. Мнѣ хотѣлось купить шведскихъ оленьихъ перчатокъ, которыми славится Або, но поиски мои по этому предмету были также безплодны, какъ отыскиванье мамуровки и выборгскихъ кренделей: во всемъ городѣ я не нашелъ ни одной пары. Здѣсь одинъ купецъ совѣтовалъ мнѣ тоже поискать ихъ въ Петербургѣ.

Я хотѣлъ ѣхать въ Гельсингфорсъ на пароходѣ черезъ абоскія шхеры, которыя считаются самыми живописными во всей Финляндіи. Но планъ этотъ не состоялся. Въ конторѣ пароходства мнѣ сказали, что ближайшая поѣздка будетъ не раньше, какъ черезъ три дня. Приходилось опять ѣхать сухимъ путемъ. Отдохнувъ въ своей комфортабельной софкаммарѣ, я поутру послалъ за лошадью. Не смотря на раннее утро, молоденькая шведка, одѣтая и причесанная съ прежнимъ кокетствомъ, подала мнѣ кофе и красиво написанный счетъ съ очень умѣренными цифрами, потомъ вынесла мой мѣшокъ въ керру и съ легкимъ книксеномъ проводила меня прощальнымъ: farwoll!

Нигдѣ не встрѣчалъ я такихъ возвышеній, какъ на пути отъ Або къ Гельсингфорсу. Дорога идетъ большею

частію по обрывамъ скалъ, которыя не совѣстно назвать горами. Самое высокое мѣсто на этомъ пространствѣ— кирка Ускеля, стоящая на утесѣ, одѣтомъ со всѣхъ сторонъ густымъ лѣсомъ. Дорога идетъ оборотами по откосамъ горы на разстояніи почти двухъ верстъ, и огибая ее нѣсколько разъ, поднимается спиралью все выше и выше до самой церкви. При въѣздѣ въ Нюландскую-губернію безпокойная керра смѣнилась опять чухонской таратайкою. Въ десяти верстахъ отъ станціи Берсби, при поворотѣ дороги въ Экенесъ, я проѣхалъ мимо шумнаго водопада; но картины эти сдѣлались для меня такъ уже обыкновенными, что я не хотѣлъ остановиться и на минуту.

По мѣрѣ приближенія къ Гельсингфорсу, край постепенно оживляется. По сторонамъ виднѣются пашни. Крестьянки работаютъ по полямъ въ соломенныхъ шляпкахъ и перчаткахъ. Съ непривычки мнѣ казалось это театральной сценою. Прохожіе по дорогѣ здѣсь уже не рѣдкость, и часто случается встрѣчать по нѣскольку экипажей на одномъ переѣздѣ. Одинъ разъ мнѣ попалось навстрѣчу большое общество: съ десятокъ рессорныхъ таратаекъ неслось длиннымъ рядомъ по скату горы. На передней сидѣли двѣ молоденькія дѣвушки, и одна изъ нихъ бойко правила лошадью; зеленые вуали вились надъ ихъ соломенными шляпками.

На станціи Финнсъ, не доѣзжая двадцать-пять верстъ до города, мнѣ въ первый разъ пришлось болѣе получаса ждать лошади. Это былъ единственный случай во время всего путешествія по Финляндіи. Впрочемъ, и здѣсь остановки случаются должно-быть рѣдко. Просматривая отъ нечего дѣлать разноязычныя надписи, нацарапанныя по стѣнамъ станціонной комнаты, я не видалъ ни одной

жалобы. Между-тѣмъ тутъ же прочелъ я нѣсколько похвальныхъ отзывовъ насчетъ этого гастгеберства, и въ томъ числѣ слѣдующій панегирикъ:

On a ici du café et du thé
Et une grande propreté,
Point de punaises et point de puces
Et une servante qui parle russe.

Въ три часа утра въѣхалъ я въ Гельсингфорсъ и остановился у подъѣзда Societets-huset. Въ передней, на большой черной доскѣ, гдѣ записываются фамиліи пріѣзжающихъ въ гостинницу, увидѣлъ я имя моего петербургскаго товарища, и меня тотчасъ же провели въ его нумеръ, гдѣ приготовлена была другая постель. Мой пріятель пріѣхалъ наканунѣ и ждалъ меня. Съ часъ проговорили мы о нашихъ путевыхъ впечатлѣніяхъ.

VIII.

Гельсингфорсъ.

Съ Гельсингфорсомъ я былъ уже знакомъ. Два года ıзадъ, пріѣзжалъ я сюда на недѣлю изъ Ревеля, съ зеселительнымъ поѣздомъ (Lustfahrt), который въ продол-ıеніе всего лѣта, отправлялся тогда по воскресеньямъ а пароходѣ Сторфурстенъ.

Трудно представить два города, до такой степени ротивоположные, какъ Ревель и Гельсингфорсъ. Съ ка-ой стороны ни сравните ихъ, — разница поразительная. 'евель тонетъ въ зелени, окаймленъ садами, окруженъ ощами; Гельсингфорсъ стоитъ на гранитныхъ скалахъ, о которымъ лѣпится мохъ и тощій кустарникъ. Тамъ оре живописно обвиваетъ берегъ, отражая въ себѣ ве-ıлый ландшафтъ; здѣсь оно съ печальнымъ шумомъ пле-ıется однообразно о сѣрые камни. Ревель живетъ въ рошедшемъ: его тѣсныя улицы, готическія башни, ста-инные домы, напоминающіе Ганзу, переносятъ въ сред-ıевѣковую Германію, и вы на каждомъ шагу находите обломки старины, преданія и легенды. У Гельсингфорса совсѣмъ нѣтъ прошедшаго: это городъ, возникшій по ка-кому-то волшебному мановенію, безъ малѣйшаго остатка

*

старины, безъ всякихъ преданій и памятниковъ. Широкія, прямыя улицы, правильныя четырехъ-угольныя площади, красивыя зданія, — все вѣетъ новой жизнію. Это Петербургъ въ миніатюрѣ. Въ Ревелѣ все полно стариною, даже покрой фраковъ на бюргерахъ отличается чѣмъ-то готическимъ; въ Гельсингфорсѣ все ново, кромѣ развѣ пѣнія ночныхъ сторожей, да и то напоминаетъ больше баллады Жуковскаго, чѣмъ настоящіе средніе вѣка. Ревель сосредоточился въ себѣ и нуждается въ пріѣзжихъ только въ торговомъ отношеніи; Гельсингфорсъ живетъ одними пріѣзжими, просыпаясь съ появленіемъ перваго весенняго парохода, и засыпая съ послѣдней кружкою минеральной воды, выпитой въ воксалѣ.

Какъ послѣ широкихъ петербургскихъ улицъ съ любопытствомъ пройдетесь вы по тѣснымъ и мрачнымъ улицамъ Ревеля, такъ послѣ стараго, компактнаго Ревеля съ удовольствіемъ взглянете на просторный Гельсингфорсъ, одѣтый по картинкѣ à la Saint-Pétersbourg. Въ самомъ дѣлѣ Гельсингфорсъ хорошъ. Въ немъ нѣтъ, какъ въ другихъ столицахъ, грязныхъ предмѣстій, нѣтъ своей Выборгской-Стороны и Козьяго-Болота: онъ весь красивъ и блестящъ, и если уцѣлѣло еще нѣсколько ветхихъ избушекъ, то это въ старомъ городѣ, Gammelstaden, который такъ запрятанъ между утесами, что нельзя и найти его, если не покажутъ нарочно. Это единственное рубище, уцѣлѣвшее отъ стараго шведскаго поселенія, основаннаго при королѣ Густавѣ.

Совѣтую вамъ тотчасъ же по пріѣздѣ въ столицу Финляндіи вооружиться зрительной трубкой и отправиться на обсерваторію, — разумѣется не для астрономическихъ наблюденій, а затѣмъ, чтобы посмотрѣть съ нея на городъ. Обсерваторія здѣсь то же, что въ Ревелѣ олаев—

ская башня: съ нея видѣнъ Гельсингфорсъ à vol d'oiseau. Прямо передъ вами идетъ Уніонскій-проспектъ (Union gatan) и широкой полосою прорѣзываетъ весь городъ, а параллельныя и перпендикулярныя къ нему улицы, пересѣкаясь подъ прямыми углами, дѣлятъ Гельсингфорсъ на правильные четырехъ-угольники. Отъ обсерваторіи этотъ проспектъ ведетъ на Сенатскую-площадь (Senats-torget). Эта площадь не похожа на тѣ пустопорожнія пространства незастроенной земли, которыя называются площадями въ Петербургѣ: она гораздо меньше, но какъ-то полнѣе. Съ одной стороны исполинская лѣстница, цѣликомъ высѣченная въ гранитѣ, поднимается во всю ширину площади на скалу, которая служитъ пьедесталомъ обширному лютеранскому собору съ великолѣпными портиками и пятью голубыми куполами. Какъ Исакіевскій-соборъ въ столицѣ, церковь эта господствуетъ надъ всѣмъ городомъ. Направо отъ нея сенатъ, гдѣ на фронтонѣ видны среди орнаментовъ гербы Россіи и Финляндіи; налѣво университетъ и библіотека, — зданія достойныя украшать лучшія улицы Петербурга. Почти во всѣхъ господствуетъ коринѳскій орденъ.

Поперекъ Уніонскаго-проспекта идетъ такъ-называемая Эспланада, широкая улица съ продолговатыми, четырехъ-угольными скверами, обсаженными зеленью, и упирается въ театръ, который впрочемъ все лѣто бываетъ запертъ по недостатку актеровъ. Вся эта улица обстроена каменными домами, и между ними стоитъ обширное зданіе Societets-huset, съ квартирами для пріѣзжихъ и большой обѣденной залой.

Уніонскій-проспектъ, пересѣкаясь подъ прямымъ угломъ съ Эспланадою, примыкаетъ къ гранитной набережной, окаймляющей гавань. Это самый шумный и живо-

писный уголокъ во всемъ городѣ. По набережной раскидывается подвижной рынокъ: на улицѣ стоятъ сотни телѣжекъ съ разными съѣстными припасами, между ними разложены на землѣ груды зелени, корзинки съ ягодами, битая дичь и клѣтки съ живыми курами. Вокругъ толпятся продавцы и покупатели, въ пестрыхъ костюмахъ, съ шумнымъ разноязычнымъ говоромъ. У берега качаются длиннымъ рядомъ лодки, гдѣ сверкаетъ серебристой чешуею рыба. Вся гавань пестрѣетъ множествомъ лодокъ и шлюпокъ, которыя безпрестанно носятся по всѣмъ направленіямъ, а у набережной дымятся пароходы, отплывающіе въ Або, Ревель, Петербургъ. Кругомъ красивая панорама: съ одной стороны Сенатская-площадь и дворецъ, съ другой — зелень Ульрикасборгскаго-парка, а вдали высятся надъ водою грозныя стѣны Свеаборга. На набережной вы найдете больше гуляющихъ, чѣмъ въ городскомъ саду или въ скверахъ Эспланады.

Но ничто не поражаетъ такъ въ Гельсингфорсѣ пріѣзжаго, какъ улицы, прорванныя въ гранитѣ. Это единственное зрѣлище: съ одной стороны видите вы рядъ домовъ, съ другой — длинную, сплошную стѣну, вырванную порохомъ въ гранитной горѣ. Недостаетъ только цѣльныхъ лѣстницъ для всхода на эти стѣны, сооруженныя общими усиліями природы и человѣка.

Едва успѣли мы заснуть въ своемъ нумерѣ, какъ насъ разбудила близкая музыка. Играли на дворѣ. Удивленный такимъ раннимъ концертомъ, я подошелъ къ окну. Посреди двора стоялъ столъ, покрытый бѣлой скатертью, и вокругъ него сидѣло десятка полтора дѣтей, — все дѣвочки отъ шести до десяти лѣтъ. Всѣ онѣ были въ бѣлыхъ платьицахъ, въ вѣнкахъ изъ свѣжей зелени и васильковъ. Одна малютка лѣтъ семи была по-видимому

хозяйкой: она ходила около гостей, разнося сухари. Веселый смѣхъ и говоръ сливался съ хоромъ музыки, игравшей какую-то шведскую пѣсню. Послѣ я узналъ, что это былъ день рожденія малютки, и по шведскому обычаю подруги собрались къ ней на утренній кофе. Мы отправились съ товарищемъ на минеральныя воды.

Заведеніе это, которое служитъ приманкою или покрайней-мѣрѣ предлогомъ для большей части посѣтителей Гельсингфорса, расположено на берегу моря, на гранитномъ холмѣ, извѣстномъ подъ названіемъ Ulrikasborg. Кругомъ довольно обширнаго воксала раскинутъ паркъ, теперь еще жидкій, но обѣщающій современемъ прекрасное гульбище. Изъ него по аллеѣ пріѣзжаете вы на самый берегъ моря, къ ваннамъ и купальнямъ. Чающіе исцѣленія отъ дѣйствительныхъ и мнимыхъ болѣзней собираются на водопой съ шести часовъ. Первое время проходитъ нѣсколько монотонно, хотя музыка гремитъ не умолкая: водяное общество тѣснится вокругъ крановъ, подставляя стаканы подъ цѣлебные токи карлсбадскаго, пирмонтскаго, крейцбрунскаго, нейбрунскаго, мальбрунскаго и другихъ нектаровъ. Патріоты пьютъ даже искусственный нардзанъ. Наконецъ мало-по-малу одни уходятъ въ садъ довершать цѣлебное дѣйствіе водъ прогулкою, другіе унизываютъ шведскія лежачія качели, которыми окоймлена зала, и припрыгиваютъ на нихъ въ ожиданіи танцевъ. Утреннія кадрили живы и веселы: дамы танцуютъ въ бурнусахъ и шляпкахъ, и у каждой въ рукахъ букетъ, а иногда и молитвенникъ. Шведки прямо съ танцевъ идутъ по воскресеньямъ въ церковь.

Передъ обѣдомъ главное свиданье гельсингфорсской публики въ купальняхъ. Надобно отдать справедливость финляндцамъ за удобства, какія они умѣли доставить

пріѣзжающимъ. Не смотря на то, что здѣшнее общество для устройства ваннъ и минеральныхъ водъ образовалось въ одно время съ ревельскимъ, оно сдѣлало несравненно болѣе. Салонъ здѣсь лучше, чѣмъ въ Ревелѣ; балы одушевленнѣе и веселѣе. Каждое воскресенье устроивается увеселительная поѣздка на пароходахъ, — иногда до самаго Борго. Лѣтнія купальни также лучше ревельскихъ, не говоря о теплыхъ ваннахъ, которыя отдѣланы даже съ роскошью. Конечно, дамы предпочитаютъ Гельсингфорсъ и потому, что здѣсь можно сметать пары двѣ-три заграничныхъ платьевъ и таинственно вывезти въ Петербургъ: хоть они обойдутся можетъ-быть не дешевлѣ петербурскихъ, но одна мысль о контрабандномъ нарядѣ дѣйствуетъ магически.

Ulrikasborg похоже на отдѣльную маленькую колонію. Салонъ со всѣхъ сторонъ обставляется дачами, и многія изъ нихъ напоминаютъ Каменный-островъ. Одна изъ прибрежныхъ дачъ извѣстна подъ именемъ Kalliolina. Вы подумаете, что это названіе итальянское, данное по воспоминанію о какой-нибудь римской или неаполитанской виллѣ: на-самомъ-дѣлѣ это — чухонское слово, и значитъ — горный замокъ. Не даромъ финскій языкъ сравниваютъ съ итальянскимъ. Не будучи предвѣщателемъ, можно поручиться, что скоро вся эта сторона превратится въ одинъ наркъ съ садами и дачами. Здѣсь, какъ вообще на сѣверѣ, все дѣлается быстро: едва сбѣжалъ съ утесовъ снѣгъ, едва блеснулъ первый теплый лучъ солнца — изъ трещинъ камней показалась зелень; еще теплый день — и деревья одѣлись листьями, растенія зацвѣли, въ кустахъ раздался голосъ залетной птички. Тоже и съ людьми: только-что лучъ цивилизаціи проникъ въ бѣдныя пустыни — въ нихъ возникли уже го-

рода, зацвѣли сады, закипѣла жизнь.... Паркъ при гельсингфорскомъ воксалѣ и городской садъ (Kaisaniemi) растутъ хорошо; но какъ въ городѣ нѣтъ древнихъ зданій, такъ и въ садахъ рѣдко найдете вы старое дерево. Здѣсь все молодо, кромѣ вѣковѣчныхъ гранитовъ.

Купальни устроены въ самомъ морѣ, въ небольшомъ заливѣ. Многіе предпочитаютъ ихъ ревельскимъ ваннамъ, но мнѣ и тѣ и другія доставляли одинаковое удовольствіе. Какое наслажденіе купаться здѣсь при свѣжемъ вѣтрѣ, когда зеленые валы бѣгутъ грядами къ берегу, подхватываютъ и качаютъ васъ, опускаютъ и подбрасываютъ — словомъ, исполняютъ всѣ продѣлки гимнастическаго и минеральнаго леченья... Такъ купанья полезны? — Что касается до больныхъ, не могу сказать, но въ прекрасномъ дѣйствіи ихъ на здоровыхъ увѣряю по собственному опыту: я купался всякій день, иногда по три раза, и не схватилъ простуды. Это не бездѣлица.

Петербургскіе гости нерѣдко отличаются забавными странностями. Въ первый день по пріѣздѣ, едва успѣлъ я броситься въ воду, какъ въ ванны вошелъ какой-то тучный господинъ, съ самыми яркими слѣдами здоровья на бархатныхъ щекахъ. Онъ снялъ шляпу и сюртукъ, сошелъ на послѣднюю ступеньку лѣстницы и опустилъ руку въ воду.

— Кажется, сего-дня холодно? спросилъ онъ.

— Двѣнадцать градусовъ, отвѣчалъ я.

— Боюсь начать.

Онъ поднялся опять въ бесѣдку, надѣлъ сюртукъ и шляпу, и закуривъ сигару, пошелъ въ салонъ.

На другой день я уже совсѣмъ выкупался и началъ одѣваться, какъ тотъ же господинъ пришелъ опять, такъ-же какъ наканунѣ снялъ шляпу и сюртукъ, спустился къ

водѣ, подержалъ въ ней руку, и обращаясь къ одному изъ купающихся, спросилъ:

— Кажется ныньче холодно?

— Тепло! превосходно! отвѣчали ему.

— Боюсь начинать! проговорилъ толстякъ, одѣлся, зажегъ сигару и съ завистью смотрѣлъ, какъ другіе плавали и плескались.

Съ-тѣхъ-поръ всякій день видѣлъ я этого чудака въ ваннахъ. Мы узнали, что онъ абонировался еще за недѣлю до нашего пріѣзда и заплатилъ деньги впередъ за все лѣто. Онъ приходилъ въ ванны раза по три въ сутки, очевидно съ намѣреніемъ купаться, и всякій разъ, раздѣвшись до половины и опустивъ въ воду свой термометръ о пяти пальцахъ, снова одѣвался и уходилъ. Такъ и хотѣлось сыграть роль школьника — и толкнуть его въ воду.

Наканунѣ отъѣзда мы опять встрѣтили его въ ваннѣ. Вода была довольно свѣжа, и я заранѣе зналъ, что теперь ему не купаться. Смотрю: чудакъ снялъ шляпу и сюртукъ, опустилъ руку въ море и сказалъ:

— Кажется сего-дня тепло.

— Не очень холодно!

— Попробую начать!

Переваливаясь съ ноги па ногу, поднялся онъ опять въ бесѣдку и началъ раздѣваться. Я не вѣрилъ глазамъ и съ любопытствомъ ждалъ перваго его дебюта. Храбрецъ раздѣлся, медленно и съ гримасами началъ спускаться по лѣстницѣ, ступилъ на послѣднюю ступеньку, нагнулся и еще разъ попробовалъ воду.

— Холодно... боюсь! пробормоталъ онъ съ отчаяніемъ и вернулся назадъ.

Я чуть не плеснулъ въ него водою. Толстякъ по-

пѣшно одѣлся, и не закуривъ даже сигары, скорыми ша-
ами отретировался въ паркъ.

Дамы смѣлѣе мужчинъ. Въ то время, какъ только
ще начинаютъ купаться въ морѣ, и мужскія купальни
ываютъ почти совсѣмъ пусты, передъ женскими то-и-
ѣло останавливаются экипажи.

Гельсингфорсъ растетъ быстро. Подъ вліяніемъ порто-
ранко торговля его развилась, какъ растеніе въ теплицѣ;
хотя теперь онъ по-немногу приводится подъ общія
оложенія тарифа, однако торговая дѣятельность его
спѣла уже пустить корни.

Со времени абоскаго пожара, Гельсингфорсъ сдѣлался
ентромъ края нетолько въ административномъ отно-
ленiи, но и въ дѣлѣ просвѣщенія. Университетъ, доста-
ійся новой столицѣ Финляндіи, какъ наслѣдство, завѣ-
анное отъ стараго дѣда, достигъ въ короткое время
довлетворительнаго состоянія: въ немъ считается теперь
о двадцати профессоровъ и больше шести сотъ студен-
овъ. Не смотря на то, что послѣ пожара не уцѣлѣло
тысячи книгъ, въ настоящее время въ университет-
кой библіотекѣ опять болѣе сорока тысячъ томовъ. Здѣсь
ежду-прочимъ хранится грамота королевы Христины,
рисланная въ Або въ 1640 году. Это единственный па-
ятникъ старины, уцѣлѣвшій отъ основанія университета.
Въ Гельсингфорсѣ двѣ книжныя лавки, разумѣется далеко не
акъ богатыя, какъ въ Петербургѣ. Книги большею ча-
тію на шведскомъ языкѣ.

Дѣятельность Гельсингфорса въ дѣлѣ просвѣщенія
ыражается журналами, учеными и литературными об-
ществами. Журналы издаются на шведскомъ языкѣ; оф-
иціальная газета «Finlands Tidning» выходитъ еже-
невно. Въ послѣднія двадцать-пять лѣтъ возникли здѣсь:

жалобы. Между-тѣмъ тутъ же прочелъ я нѣсколько похвальныхъ отзывовъ насчетъ этого гастгеберства, и въ томъ числѣ слѣдующій панегирикъ:

On a ici du café et du thé
Et une grande propreté,
Point de punaises et point de puces
Et une servante qui parle russe.

Въ три часа утра въѣхалъ я въ Гельсингфорсъ и остановился у подъѣзда Societets-huset. Въ передней, на большой черной доскѣ, гдѣ записываются фамиліи пріѣзжающихъ въ гостинницу, увидѣлъ я имя моего петербургскаго товарища, и меня тотчасъ же провели въ его нумеръ, гдѣ приготовлена была другая постель. Мой пріятель пріѣхалъ наканунѣ и ждалъ меня. Съ часъ проговорили мы о нашихъ путевыхъ впечатлѣніяхъ.

VIII.

Гельсингфорсъ.

Съ Гельсингфорсомъ я былъ уже знакомъ. Два года назадъ, пріѣзжалъ я сюда на недѣлю изъ Ревеля, съ увеселительнымъ поѣздомъ (Lustfahrt), который въ продолженіе всего лѣта, отправлялся тогда по воскресеньямъ на пароходѣ Сторфурстенъ.

Трудно представить два города, до такой степени противоположные, какъ Ревель и Гельсингфорсъ. Съ какой стороны ни сравните ихъ, — разница поразительная. Ревель тонетъ въ зелени, окаймленъ садами, окруженъ рощами; Гельсингфорсъ стоитъ на гранитныхъ скалахъ, по которымъ лѣпится мохъ и тощій кустарникъ. Тамъ море живописно обвиваетъ берегъ, отражая въ себѣ веселый ландшафтъ; здѣсь оно съ печальнымъ шумомъ плещется однообразно о сѣрые камни. Ревель живетъ въ прошедшемъ: его тѣсныя улицы, готическія башни, старинные домы, напоминающіе Ганзу, переносятъ въ средневѣковую Германію, и вы на каждомъ шагу находите обломки старины, преданія и легенды. У Гельсингфорса совсѣмъ нѣтъ прошедшаго: это городъ, возникшій по какому-то волшебному мановенію, безъ малѣйшаго остатка

ненно больше стройности, выдержанности характеровъ, единства въ метрѣ; но вѣдь она возникла подъ классическимъ небомъ Эллады, гдѣ малѣйшее проявленіе человѣческаго духа отличалось красотою и гармоніею. Если посреди дикихъ скалъ снѣгами засыпанной Финляндіи сложились и сбереглись пѣсни о Вейнемейненѣ и борьбѣ за таинственное «сампо», что же удивительнаго, когда подъ голубымъ небомъ Греціи самъ народъ создалъ стройныя, величественныя пѣсни объ осадѣ Трои и подвигахъ Ахилла, а впослѣдствіи какой-нибудь аѳинскій Ленротъ собралъ ихъ въ одну книгу!

Движеніе, данное финской литературѣ Ленротомъ, продолжается. Молодые ученые съ жаромъ занимаются теперь изученіемъ своей народности въ историческихъ и литературныхъ памятникахъ. Въ финскихъ журналахъ, которые до сихъ поръ наполнялись обыкновенно переводами изъ шведскихъ сочиненій, начинаютъ появляться статьи оригинальныя. Центромъ этой дѣятельности служитъ, разумѣется, Гельсингфорсъ.

IX.

Окрестности Гельсингфорса. — Свеаборгъ.

Лѣтніе гости, здоровые и больные, живутъ въ Гельсингфорсѣ довольно весело. Каждое утро на водахъ бываетъ музыка, и рѣдкій день проходитъ безъ того, чтобы въ салонѣ не составилось двухъ-трехъ кадрилей. Обѣды за table d'hôte, въ залѣ минеральныхъ водъ и въ Societets-huset, даются также по большей части съ музыкой, и вмѣсто цѣлебныхъ водъ здѣсь пѣнится шампанское. Вечерніе балы отличаются отсутствіемъ чинопочитанія, и потому веселы. Кромѣ-того, нерѣдко составляются по подпискѣ довольно многолюдные пикники въ Тёлё, на водопадъ Ванды или въ другія окрестности, а по праздникамъ устроиваютъ увеселительныя поѣздки на маленькомъ пароходѣ по гельсингфорсскимъ шхерамъ. Эти удовольствія едва-ли не лучше водъ дѣйствуютъ на здоровье пріѣзжихъ.

На третій день по пріѣздѣ въ Гельсингфорсъ, мы узнали на водахъ, что послѣ обѣда пойдетъ увеселительный пароходъ къ Тургольму. Мы поспѣшили записаться и въ назначенный часъ пріѣхали на пристань. Маленькій желѣзный пароходъ убранъ былъ флагами. Въ пе-

редней части его помѣщались съ пюпитрами музыканты финскаго стрѣлковаго-батальона, а палуба пестрѣла дамскими шляпками и зонтиками. При звукахъ музыки мы отошли отъ берега и поплыли мимо Свеаборга: солнце отражалось на стеклахъ крѣпостныхъ зданій, и гранитная громада въ золотомъ огнѣ этого освѣщенія теряла свою обычную мрачность. Пароходъ вышелъ въ море, и передъ нами открылся цѣлый архипелагъ гранитныхъ островковъ, за которыми вились прихотливые фестоны береговыхъ скалъ. Среди утесовъ, возникающихъ изъ воды прихотливыми грудами, виднѣлись отдѣльные камни, и на нихъ мѣстами стояла гдѣ-нибудь одинокая сосна, какъ-будто посаженная на маленькой клумбѣ, заброшенной посреди водъ. Скалы, крутыя и отлогія, заросшія лѣсомъ или покрытыя ржавчиною, деревья, разбросанныя по утесамъ или возникающія прямо изъ воды на невидимыхъ основаніяхъ, рыбачья хижина между зеленью или причаленная къ берегу лодка, — все это составляло картину дикую и живописную.

Пароходъ прошелъ около десяти верстъ шхерами. Передъ нами мелькнулъ островъ Deger-ö, пестрѣющій садами и дачами, а за нимъ Виллинг-э съ грудами красныхъ скалъ. Наконецъ мы пристали къ Тургольму. Передъ нами былъ обширный, дико-живописный паркъ. Все общество раздѣлилось на группы и разсѣялось по аллеямъ. Между-тѣмъ на маленькомъ лугу, подъ навѣсомъ деревьевъ, распорядители поѣздки приготовили чай въ англійскомъ вкусѣ. Дамы хотѣли кончить прогулку танцами, музыканты явились съ парохода — и кадриль запестрѣла на зеленомъ паркетѣ. Въ этомъ сельскомъ балѣ, при живыхъ декораціяхъ изъ гранита и зелени, съ яр-

хозяйкой: она ходила около гостей, разнося сухари. Веселый смѣхъ и говоръ сливался съ хоромъ музыки, игравшей какую-то шведскую пѣсню. Послѣ я узналъ, что это былъ день рожденія малютки, и по шведскому обычаю подруги собрались къ ней на утренній кофе. Мы отправились съ товарищемъ на минеральныя воды.

Заведеніе это, которое служитъ приманкою или по-крайней-мѣрѣ предлогомъ для большей части посѣтителей Гельсингфорса, расположено на берегу моря, на гранитномъ холмѣ, извѣстномъ подъ названіемъ Ulrikasborg. Кругомъ довольно обширнаго воксала раскинутъ паркъ, теперь еще жидкій, но обѣщающій современемъ прекрасное гульбище. Изъ него по аллеѣ пріѣзжаете вы на самый берегъ моря, къ ваннамъ и купальнямъ. Чающіе исцѣленія отъ дѣйствительныхъ и мнимыхъ болѣзней собираются на водопой съ шести часовъ. Первое время проходитъ нѣсколько монотонно, хотя музыка гремитъ не умолкая: водяное общество тѣснится вокругъ крановъ, подставляя стаканы подъ цѣлебные токи карлсбадскаго, пирмонтскаго, крейцбрунскаго, нейбрунскаго, мальбрунскаго и другихъ нектаровъ. Патріоты пьютъ даже искусственный нардзанъ. Наконецъ мало-по-малу одни уходятъ въ садъ довершать цѣлебное дѣйствіе водъ прогулкою, другіе унизываютъ шведскія лежачія качели, которыми окоймлена зала, и припрыгиваютъ на нихъ въ ожиданіи танцевъ. Утреннія кадрили живы и веселы: дамы танцуютъ въ бурнусахъ и шляпкахъ, и у каждой въ рукахъ букетъ, а иногда и молитвенникъ. Шведки прямо съ танцевъ идутъ по воскресеньямъ въ церковь.

Передъ обѣдомъ главное свиданье гельсингфорсской публики въ купальняхъ. Надобно отдать справедливость финляндцамъ за удобства, какія они умѣли доставить

пріѣзжающимъ. Не смотря на то, что здѣшнее общество для устройства ваннъ и минеральныхъ водъ образовалось въ одно время съ ревельскимъ, оно сдѣлало несравненно болѣе. Салонъ здѣсь лучше, чѣмъ въ Ревелѣ; балы одушевленнѣе и веселѣе. Каждое воскресенье устроивается увеселительная поѣздка на пароходахъ, — иногда до самаго Борго. Лѣтнія купальни также лучше ревельскихъ, не говоря о теплыхъ ваннахъ, которыя отдѣланы даже съ роскошью. Конечно, дамы предпочитаютъ Гельсингфорсъ и потому, что здѣсь можно сметать пары двѣ-три заграничныхъ платьевъ и таинственно вывезти въ Петербургъ: хоть они обойдутся можетъ-быть не дешевлѣ петербурскихъ, но одна мысль о контрабандномъ нарядѣ дѣйствуетъ магически.

Ulrikasborg похоже на отдѣльную маленькую колонію. Салонъ со всѣхъ сторонъ обставляется дачами, и многія изъ нихъ напоминаютъ Каменный-островъ. Одна изъ прибрежныхъ дачъ извѣстна подъ именемъ Kalliolina. Вы подумаете, что это названіе итальянское, данное по воспоминанію о какой-нибудь римской или неаполитанской виллѣ: на-самомъ-дѣлѣ это — чухонское слово, и значитъ — горный замокъ. Не даромъ финскій языкъ сравниваютъ съ итальянскимъ. Не будучи предвѣщателемъ, можно поручиться, что скоро вся эта сторона превратится въ одинъ паркъ съ садами и дачами. Здѣсь, какъ вообще на сѣверѣ, все дѣлается быстро: едва сбѣжалъ съ утесовъ снѣгъ, едва блеснулъ первый теплый лучъ солнца — изъ трещинъ камней показалась зелень; еще теплый день — и деревья одѣлись листьями, растенія зацвѣли, въ кустахъ раздался голосъ залетной птички. Тоже и съ людьми: только-что лучъ цивилизаціи проникъ въ бѣдныя пустыни — въ нихъ возникли уже го-

рода, зацвѣли сады, закипѣла жизнь.... Паркъ при гельсингфорскомъ воксалѣ и городской садъ (Kaisaniemi) растутъ хорошо; но какъ въ городѣ нѣтъ древнихъ зданій, такъ и въ садахъ рѣдко найдете вы старое дерево. Здѣсь все молодо, кромѣ вѣковѣчныхъ гранитовъ.

Купальни устроены въ самомъ морѣ, въ небольшомъ заливѣ. Многіе предпочитаютъ ихъ ревельскимъ ваннамъ, но мнѣ и тѣ и другія доставляли одинаковое удовольствіе. Какое наслажденіе купаться здѣсь при свѣжемъ вѣтрѣ, когда зеленые валы бѣгутъ грядами къ берегу, подхватываютъ и качаютъ васъ, опускаютъ и подбрасываютъ — словомъ, исполняютъ всѣ продѣлки гимнастическаго и минеральнаго леченья... Такъ купанья полезны? — Что касается до больныхъ, не могу сказать, но въ прекрасномъ дѣйствіи ихъ на здоровыхъ увѣряю по собственному опыту: я купался всякій день, иногда по три раза, и не схватилъ простуды. Это не бездѣлица.

Петербургскіе гости нерѣдко отличаются забавными странностями. Въ первый день по пріѣздѣ, едва успѣлъ я броситься въ воду, какъ въ ванны вошелъ какой-то тучный господинъ, съ самыми яркими слѣдами здоровья на бархатныхъ щекахъ. Онъ снялъ шляпу и сюртукъ, сошелъ на послѣднюю ступеньку лѣстницы и опустилъ руку въ воду.

— Кажется, сего-дня холодно? спросилъ онъ.

— Двѣнадцать градусовъ, отвѣчалъ я.

— Боюсь начать.

Онъ поднялся опять въ бесѣдку, надѣлъ сюртукъ и шляпу, и закуривъ сигару, пошелъ въ салонъ.

На другой день я уже совсѣмъ выкупался и началъ одѣваться, какъ тотъ же господинъ пришелъ опять, такъ-же какъ наканунѣ снялъ шляпу и сюртукъ, спустился къ

водѣ, подержалъ въ ней руку, и обращаясь къ одному изъ купающихся, спросилъ:

— Кажется ныньче холодно?

— Тепло! превосходно! отвѣчали ему.

— Боюсь начинать! проговорилъ толстякъ, одѣлся, зажегъ сигару и съ завистью смотрѣлъ, какъ другіе плавали и плескались.

Съ-тѣхъ-поръ всякій день видѣлъ я этого чудака въ ваннахъ. Мы узнали, что онъ абонировался еще за недѣлю до нашего пріѣзда и заплатилъ деньги впередъ за все лѣто. Онъ приходилъ въ ванны раза по три въ сутки, очевидно съ намѣреніемъ купаться, и всякій разъ, раздѣвшись до половины и опустивъ въ воду свой термометръ о пяти пальцахъ, снова одѣвался и уходилъ. Такъ и хотѣлось сыграть роль школьника — и толкнуть его въ воду.

Наканунѣ отъѣзда мы опять встрѣтили его въ ваннѣ. Вода была довольно свѣжа, и я заранѣе зналъ, что теперь ему не купаться. Смотрю: чудакъ снялъ шляпу и сюртукъ, опустилъ руку въ море и сказалъ:

— Кажется сего-дня тепло.

— Не очень холодно!

— Попробую начать!

Переваливаясь съ ноги на ногу, поднялся онъ опять въ бесѣдку и началъ раздѣваться. Я не вѣрилъ глазамъ и съ любопытствомъ ждалъ перваго его дебюта. Храбрецъ раздѣлся, медленно и съ гримасами началъ спускаться по лѣстницѣ, ступилъ на послѣднюю ступеньку, нагнулся и еще разъ попробовалъ воду.

— Холодно... боюсь! пробормоталъ онъ съ отчаяніемъ и вернулся назадъ.

Я чуть не плеснулъ въ него водою. Толстякъ по-

спѣшно одѣлся, и не закуривъ даже сигары, скорыми шагами отретировался въ паркъ.

Дамы смѣлѣе мужчинъ. Въ то время, какъ только еще начинаютъ купаться въ морѣ, и мужскія купальни бываютъ почти совсѣмъ пусты, передъ женскими то-и-дѣло останавливаются экипажи.

Гельсингфорсъ растетъ быстро. Подъ вліяніемъ порто-франко торговля его развилась, какъ растеніе въ теплицѣ; и хотя теперь онъ по-немногу приводится подъ общія положенія тарифа, однако торговая дѣятельность его успѣла уже пустить корни.

Со времени абоскаго пожара, Гельсингфорсъ сдѣлался центромъ края нетолько въ административномъ отношеніи, но и въ дѣлѣ просвѣщенія. Университетъ, доставшійся новой столицѣ Финляндіи, какъ наслѣдство, завѣщанное отъ стараго дѣда, достигъ въ короткое время удовлетворительнаго состоянія: въ немъ считается теперь до двадцати профессоровъ и больше шести сотъ студентовъ. Не смотря на то, что послѣ пожара не уцѣлѣло и тысячи книгъ, въ настоящее время въ университетской библіотекѣ опять болѣе сорока тысячъ томовъ. Здѣсь между-прочимъ хранится грамота королевы Христины, присланная въ Або въ 1640 году. Это единственный памятникъ старины, уцѣлѣвшій отъ основанія университета. Въ Гельсингфорсѣ двѣ книжныя лавки, разумѣется далеко не такъ богатыя, какъ въ Петербургѣ. Книги большею частію на шведскомъ языкѣ.

Дѣятельность Гельсингфорса въ дѣлѣ просвѣщенія выражается журналами, учеными и литературными обществами. Журналы издаются на шведскомъ языкѣ; оффиціальная газета «Finlands Tidning» выходитъ ежедневно. Въ послѣднія двадцать-пять лѣтъ возникли здѣсь:

Финляндское-ученое-общество, Общество Pro Flora et Fauna Fennica, посвященное естественнымъ наукамъ, и наконецъ Финское-литературное-общество для содѣйствія успѣхамъ народнаго языка и литературы. Это послѣднее общество, въ лицѣ одного изъ членовъ своихъ, извѣстнаго Ленрота, оказало услугу нетолько своему отечеству, но и всему образованному свѣту открытіемъ Калевалы. Находка эта важна не потому только, что эта поэма принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ памятниковъ сѣверной поэзіи, но больше тѣмъ, что самый способъ открытія ея бросилъ новый свѣтъ на спорный вопросъ о происхожденіи Иліады.

Извѣстно, что Ленротъ, собирая финскія народныя пѣсни, замѣтилъ въ нѣкоторыхъ какую-то внутреннюю связь. Ему пришла счастливая мысль, что эти отдѣльныя пѣсни должны быть отрывками изъ цѣльной поэмы, сохранившейся по частямъ въ памяти народа. Съ этой мыслью онъ занялся отысканіемъ разсѣянныхъ рунъ, и пѣшкомъ исходилъ нѣсколько разъ вдоль и поперекъ всю Финляндію. Съ котомкой за плечами, примѣняясь одеждою и видомъ къ быту своихъ земляковъ, входилъ онъ въ бѣдную избу, гдѣ надѣялся узнать что-нибудь, садился на скамью, и какъ истый финнъ молчалъ нѣсколько минутъ, угрюмо потупя голову. Послѣ того начиналъ онъ понемногу осматриваться изъ-подъ нависшихъ волосъ, какъ-будто безъ намѣренія завязывалъ разговоръ съ хозяевами о какихъ-нибудь постороннихъ предметахъ, и потомъ искусно сводилъ его на любимую мысль. Собесѣдникъ, увлеченный умнымъ разговоромъ, становился довѣрчивѣе, начиналъ разсказывать, пѣть руны—и Ленротъ записывалъ все достойное вниманія. Догадка о существованіи древней народной эпопеи начала оправды-

ваться. Въ восточной Финляндіи, смежной съ Олонецкой и Архангельской губерніями, гдѣ больше сохранилась финская народность, постепенно отыскивались въ памяти стариковъ древнія пѣсни о Похіольской-странѣ. Съ каждымъ путешествіемъ неутомимаго собирателя, связь между пѣснями пополнялась новыми находками, и изъ нихъ начала образоваться стройная поэма. Ленротъ отыскивалъ Калевалу, какъ въ найденной имъ поэмѣ старая волшебница ищетъ своего убитаго сына. Какъ мать Люмикайнена день и ночь рыщетъ по утесамъ и лѣсамъ, отыскивая погибшаго, исполинскими граблями вытаскиваетъ его члены со дна рѣкъ и озеръ, и оживляетъ его медомъ, принесеннымъ божественною пчелою съ неба,— такъ Ленротъ извлекъ изъ памяти поселянъ растерзанныя части финской эпопеи, собралъ ихъ въ одно цѣлое и оживилъ своей любовью къ наукѣ и отечественной литературѣ! Послѣ долгихъ трудовъ Ленротъ обнародовалъ эпопею. Въ 1835 году Финское-литературное-общество издало Калевалу, и вскорѣ она переведена была на многіе европейскіе языки, какъ одинъ изъ самыхъ важныхъ памятниковъ сѣверной поэзіи.

Открытіе Калевалы обратило общее вниманіе какъ на достоинства поэмы, такъ и на самый процессъ, какимъ она была отыскана. Извѣстіе о томъ, что одинъ человѣкъ въ короткое время, въ странѣ отдаленной, бывшей постоянною цѣлью набѣговъ и завоеваній, посреди народа бѣднаго и непросвѣщеннаго, отыскалъ въ народной памяти большую поэму, уцѣлѣвшую еще отъ временъ язычества, — подняло старый вопросъ о Гомерѣ. Мнѣніе, что Иліада составилась изъ рапсодовъ, получило значительный перевѣсъ надъ убѣжденіемъ въ существованіи Гомера. Правда, въ греческой поэмѣ несрав-

ненно больше стройности, выдержанности характеровъ, единства въ метрѣ; но вѣдь она возникла подъ классическимъ небомъ Эллады, гдѣ малѣйшее проявленіе человѣческаго духа отличалось красотою и гармоніею. Если посреди дикихъ скалъ снѣгами засыпанной Финляндіи сложились и сбереглись пѣсни о Вейнемейненѣ и борьбѣ за таинственное «сампо», что же удивительнаго, когда подъ голубымъ небомъ Греціи самъ народъ создалъ стройныя, величественныя пѣсни объ осадѣ Трои и подвигахъ Ахилла, а впослѣдствіи какой-нибудь аѳинскій Ленротъ собралъ ихъ въ одну книгу!

Движеніе, данное финской литературѣ Ленротомъ, продолжается. Молодые ученые съ жаромъ занимаются теперь изученіемъ своей народности въ историческихъ и литературныхъ памятникахъ. Въ финскихъ журналахъ, которые до сихъ поръ наполнялись обыкновенно переводами изъ шведскихъ сочиненій, начинаютъ появляться статьи оригинальныя. Центромъ этой дѣятельности служитъ, разумѣется, Гельсингфорсъ.

IX.

Окрестности Гельсингфорса. — Свеаборгъ.

Лѣтніе гости, здоровые и больные, живутъ въ Гельсингфорсѣ довольно весело. Каждое утро на водахъ бываетъ музыка, и рѣдкій день проходитъ безъ того, чтобы въ салонѣ не составилось двухъ-трехъ кадрилей. Обѣды за table d'hôte, въ залѣ минеральныхъ водъ и въ Societets-huset, даются также по большей части съ музыкой, и вмѣсто цѣлебныхъ водъ здѣсь пѣнится шампанское. Вечерніе балы отличаются отсутствіемъ чинопочитанія, и потому веселы. Кромѣ-того, нерѣдко составляются по подпискѣ довольно многолюдные пикники въ Тёлё, на водопадъ Ванды или въ другія окрестности, а по праздникамъ устроиваютъ увеселительныя поѣздки на маленькомъ пароходѣ по гельсингфорсскимъ шхерамъ. Эти удовольствія едва-ли не лучше водъ дѣйствуютъ на здоровье пріѣзжихъ.

На третій день по пріѣздѣ въ Гельсингфорсъ, мы узнали на водахъ, что послѣ обѣда пойдетъ увеселительный пароходъ къ Тургольму. Мы поспѣшили записаться и въ назначенный часъ пріѣхали на пристань. Маленькій желѣзный пароходъ убранъ былъ флагами. Въ пе-

редней части его помѣщались съ пюпитрами музыканты финскаго стрѣлковаго-батальона, а палуба пестрѣла дамскими шляпками и зонтиками. При звукахъ музыки мы отошли отъ берега и поплыли мимо Свеаборга: солнце отражалось на стеклахъ крѣпостныхъ зданій, и гранитная громада въ золотомъ огнѣ этого освѣщенія теряла свою обычную мрачность. Пароходъ вышелъ въ море, и передъ нами открылся цѣлый архипелагъ гранитныхъ островковъ, за которыми вились прихотливые фестоны береговыхъ скалъ. Среди утесовъ, возникающихъ изъ воды прихотливыми грудами, виднѣлись отдѣльные камни, и на нихъ мѣстами стояла гдѣ-нибудь одинокая сосна, какъ-будто посаженная на маленькой клумбѣ, заброшенной посреди водъ. Скалы, крутыя и отлогія, заросшія лѣсомъ или покрытыя ржавчиною, деревья, разбросанныя по утесамъ или возникающія прямо изъ воды на невидимыхъ основаніяхъ, рыбачья хижина между зеленью или причаленная къ берегу лодка, — все это составляло картину дикую и живописную.

Пароходъ прошелъ около десяти верстъ шхерами. Передъ нами мелькнулъ островъ Deger-ö, пестрѣющій садами и дачами, а за нимъ Виллинг-э съ грудами красныхъ скалъ. Наконецъ мы пристали къ Тургольму. Передъ нами былъ обширный, дико-живописный паркъ. Все общество раздѣлилось на группы и разсѣялось по аллеямъ. Между-тѣмъ на маленькомъ лугу, подъ навѣсомъ деревьевъ, распорядители поѣздки приготовили чай въ англійскомъ вкусѣ. Дамы хотѣли кончить прогулку танцами, музыканты явились съ парохода — и кадриль запестрѣла на зеленомъ паркетѣ. Въ этомъ сельскомъ балѣ, при живыхъ декораціяхъ изъ гранита и зелени, съ яр-

кимъ свѣтомъ заходящаго солнца, было что-то привлекательное.

Условленный выстрѣлъ изъ маленькой пароходной пушки, назначенный сигналомъ для отъѣзда, раздался посреди вальса, но никто не думалъ торопиться.

— Что, если насъ оставятъ здѣсь? спросилъ кто-то.

— И прекрасно, отвѣчали другіе, будемъ танцовать впредь до освобожденія.

Шкиперъ не рѣшился однакожъ оставить пассажировъ танцовать долѣе на Тургольмѣ. Онъ пришелъ самъ пригласить гостей на пароходъ. Но день этимъ не кончился: увеселительная поѣздка завершилась баломъ въ залѣ минеральныхъ-водъ.

Изъ ближайшихъ окрестностей Гельсингфорса любимое мѣсто прогулки его жителей—Тёлё, загородный трактиръ, въ двухъ верстахъ отъ города, по абоской дорогѣ. Небольшой садъ раскинутъ на берегу залива, противъ Кайзанеми. На площадкѣ выстроенъ воксалъ, и при немъ вы находите кегли, шведскія качели, даже морскую купальню. Вся прислуга въ трактирѣ женская: молодыя дѣвушки подаютъ пуншъ, набиваютъ трубки, ставятъ шары на бильярдѣ.

Мы пріѣхали въ Тёлё вечеромъ. Въ саду пестрѣли группы гуляющихъ. Я прошелъ по аллеѣ на конецъ сада: прямо передо мною открылись заливы Thölö и Gloviken, за ними зеленѣлъ Kaisaniemi и ботаническій садъ, а далѣе панорама города, увѣнчанная голубыми куполами соборной церкви.

Возвращаясь къ трактиру по другой аллеѣ, я услышалъ близкій свистъ; осматриваюсь — нѣтъ никого. Свистъ повторился. Я поднялъ голову и увидѣлъ маленькую бесѣдку, прилаженную на деревьяхъ, между сучья-

ми, какъ гнѣздо какой-нибудь птицы. Тамъ сидѣлъ какой-то господинъ и свисталъ, какъ сказочный разбойникъ, впрочемъ безъ всякихъ враждебныхъ покушеній, а съ намѣреніемъ позвать трактирнаго слугу. Между-тѣмъ мальчикъ пробѣгалъ по боковой дорожкѣ и не замѣчалъ свиста. Тогда сквозь вѣтви просунулась изъ бесѣдки голова и закричала по-русски: мальчикъ! Лицо и голосъ показались мнѣ знакомыми. Я позвалъ служителя и показалъ на дерево.

Мальчикъ взбѣжалъ по лѣстницѣ, я взошелъ за нимъ. За маленькимъ столикомъ сидѣлъ толстый господинъ — и я тотчасъ узналъ живую голову, съ которой познакомился въ таммерфорсскомъ водолечебномъ заведеніи. Голова была и теперь почти также красна, какъ въ то время, когда я видѣлъ ее въ паровомъ шкапу; но шляпа отнимала у нея много эффекта. Мой знакомецъ приказалъ мальчику подать стаканъ холоднаго пунша и закурилъ сигару.

— Ну, какъ вы путешествовали? спросилъ онъ меня.

— Хорошо.

Я сѣлъ подлѣ него.

— А ваше здоровье поправляется?

— Немножко: я вчера началъ пить маріенбадскую воду.

— Докторъ присовѣтовалъ?

— Докторъ. Желудокъ-то у меня, признаться, поправился; ѣмъ какъ слѣдуетъ. А пробовали вы здѣсь оленью ветчину? Я заказалъ себѣ пару окорочковъ... въ деревню возьму. Вотъ, еслибы ноги-то Господь поправилъ, кажется сотню бы лѣтъ прожилъ!

— Да что же у васъ съ ногами? вѣть вы сами сюда взошли?

—Самъ, конечно.

—Ну, кажется, послѣ такого восхожденія вамъ нельзя жаловаться на слабость!

—Да вы по наружности не судите! Что толку, что по деревьямъ карабкаюсь? А вотъ воротишься въ деревню, да посидишь мѣсяцъ, другой дома—и отекутъ! Развѣ воды-то не поправятъ-ли?

Живая голова прихлебнула пуншу и принялась разсказывать мнѣ исторію своей болѣзни. Вечеръ былъ прекрасный, вдали гремѣла заревая пушка съ Свеаборгской крѣпости, и выстрѣлъ звучно раскатывался по тихому морю.

Мы бесѣдовали съ полчаса, и мой знакомецъ усердно прихлебывалъ изъ своего стакана. Я начиналъ подумывать, какимъ-образомъ онъ сойдетъ съ дерева по узенькой, животрепещущей лѣсенкѣ въ двадцать ступеней. Но пуншъ дѣйствовалъ по-видимому лучше маріенбадской воды: мой больной вылетѣлъ изъ бесѣдки какъ соколъ изъ гнѣзда. Мы условились ѣхать на другой день вмѣстѣ въ Свеаборгъ, но чудакъ почему-то не явился, и я его больше не видалъ.

Гуляя по гельсингфорсской набережной или въ Ульриксборгскомъ-паркѣ, вы видите на морѣ, верстахъ въ двухъ отъ города, груду сѣрыхъ скалъ, окаймленныхъ гранитными стѣнами, которыя темной громадою вырѣзываются на свѣтломъ небѣ. Это Свеаборгъ, щитъ Гельсингфорса и всей южной Финляндіи. Сообщеніе между городомъ и крѣпостью постоянное. На пристани вы всегда найдете большой казенный катеръ, который каждый часъ отправляется съ пассажирами въ крѣпость. Кромѣ-того парусныя лодки, шлюпки и колесоходы готовы къ услугамъ любопытныхъ. Крѣпости и замки мнѣ порядочно

уже надоѣли; но уѣхать изъ Гельсингфорса и не побывать въ Свеаборгѣ тоже, что быть въ Москвѣ и не видать Кремля.

Мы собрались ѣхать въ крѣпость цѣлымъ обществомъ и наняли большой колесоходъ. Молодой офицеръ свеаборгскаго гарнизона, съ которымъ мы познакомились на водахъ, былъ нашимъ проводникомъ. Четверо здоровыхъ финновъ дружно взялись за рукоятки колесъ, придѣланныхъ къ бокамъ лодки вмѣсто веселъ, и въ четверть часа мы были у крѣпостной пристани. У самаго берега стояли блокшифы, огромные корабли безъ мачтъ, превращенные въ казармы для арестантовъ. Эти мрачныя пловучія тюрьмы обведены были снаружи въ два ряда галереями, на которыхъ толпились люди и ходилъ часовой. Мы вошли въ крѣпость.

Свеаборгъ расположенъ на семи островахъ, изъ которыхъ самый значительный Варгъ-Ö. На немъ находятся всѣ главныя сооруженія—казармы, арсеналы, магазины, комендантскій домъ. Видъ этой твердыни, построенной на гранитѣ изъ одного только гранита, производитъ впечатлѣніе тяжелое. Грозно встаютъ надъ водою ея стѣны, выложенныя изъ огромныхъ каменныхъ обломковъ или высѣченныя въ цѣльныхъ скалахъ; мрачно глядятъ отвсюду чугунныя орудія. Послѣ веселаго города, гдѣ кипитъ мирная жизнь, все одушевлено трудомъ или удовольствіями, эти чугунныя пушки, какъ черепъ на египетскихъ пирахъ, напоминаютъ вамъ о войнѣ, разрушеніи и смерти. Куда ни оборотишься, вездѣ гранитъ и желѣзо, вездѣ сверкаютъ штыки часовыхъ и гремятъ цѣпи колодниковъ.

Послѣ нѣсколькихъ переходовъ черезъ глубокіе рвы и каналы, пришли мы на главную крѣпостную площадь.

Противъ комендантскаго дома стоитъ памятникъ строителю крѣпости, шведскому генералу Эренсверду. На гранитномъ пьедесталѣ съ бронзовой арматурою корабля возвышается трофей изъ рыцарскаго оружія. Памятникъ, какъ видите, классическій! Эренсвердъ былъ инженеръ и вмѣстѣ съ тѣмъ поэтъ: въ шведской литературѣ до-сихъ-поръ славятся его идилліи въ сантиментальномъ вкусѣ. Но кажется, единственнымъ памятникомъ таланта этого стараго воина-поэта останется Свеаборгъ—произведеніе вовсе не пасторальное.

Въ большомъ отдѣльномъ строеніи помѣщаются цистерны. Насъ привели къ обширному бассейну, наполненному водою, стекающей туда послѣ дождей со всего острова.—Неужели въ крѣпости пьютъ эту грязную воду? спрашивали мы. Вмѣсто отвѣта, проводникъ привелъ насъ въ другое отдѣленіе цистерны—и солдатъ нацѣдилъ намъ изъ крана кружку очищенной уже воды, чистой и холодной. Скованные арестанты безпрестанно разносятъ отсюда воду по всей крѣпости.

Ключемъ Свеаборга считается укрѣпленіе Густавс-Вердъ, самая неприступная часть твердыни. Проводникъ нашъ досталъ билетъ для входа въ этотъ гранитный замокъ. Мы прошли черезъ темное, сырое подземелье, и очутились въ какомъ-то правильномъ ущельѣ, гдѣ ничего не видно было, кромѣ гранитныхъ стѣнъ, уставленныхъ орудіями, и часовыхъ съ сверкающими на солнцѣ штыками. Со стѣнъ видно одно море, усѣянное камнями. Намъ указали на сосѣднемъ островкѣ развалины дома, поставленнаго въ качествѣ мишени и разрушеннаго выстрѣлами съ батарей, во время ученья, за три дня до нашего пріѣзда.

По выходѣ изъ Густавс-Верда нашъ чичероне при-

велъ насъ въ небольшой садъ, разведенный на землѣ, которая привезена на лодкахъ. Съ невольнымъ удивленіемъ взглянулъ я на деревья и цвѣты. Здѣсь больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ крѣпости, становится грустно: посреди голыхъ, печальныхъ утесовъ зелень эта нагоняетъ тоску, какъ свѣжій вѣнокъ, повѣшенный на могилѣ. Единственной отрадою во всемъ Свеаборгѣ показался мнѣ видъ со стѣны на городъ и гавань: панорама города, съ его бѣлыми зданіями, гавань пестрѣющая лодками—все это, при яркомъ солнечномъ свѣтѣ, смягчало мрачную картину крѣпости. Проводникъ увѣрялъ насъ однако же, что жизнь въ Свеаборгѣ очень пріятна. Въ крѣпости есть клубъ, гдѣ можно найти журналы и партію преферанса, а зимою бываютъ балы, на которые съѣзжаются гельсингфорсскія красавицы.

Во время этого разсказа о свеаборгскихъ удовольствіяхъ, мы проходили черезъ небольшую площадь, гдѣ видно нѣсколько лавокъ и что-то въ родѣ толкучаго рынка. Бородатые русскіе торговцы усердно приглашали покупателей — а эти покупатели большею частію были въ сѣрыхъ курткахъ и въ цѣпяхъ. Въ одномъ мѣстѣ скованный арестантъ продавалъ такимъ же скованнымъ людямъ какое-то суконное лохмотье. Мы поблагодарили своего проводника и торопились воротиться въ салонъ, чтобъ послѣ мрачной картины крѣпости дать отдохнуть глазамъ на розовыхъ личикахъ и веселой улыбкѣ.

Десять дней самаго дѣятельнаго бездѣлья прошли въ Гельсингфорсѣ незамѣтно. На другой день послѣ поѣздки въ Свеаборгъ мы собрались съ товарищемъ въ Ревель. За обѣдомъ въ воксалѣ простились мы съ нашими гельсингфорсскими знакомыми, въ послѣдній разъ взглянули на полузнакомыя лица, и вскорѣ послѣ того

были уже на палубѣ парохода Або. Отъѣзжающихъ оказалось немного: въ первыхъ мѣстахъ, кромѣ насъ, были только двѣ дамы, да трое англичанъ, которые въ продолженіе всей дороги пили портеръ и говорили о гонкахъ петербургскаго Яхтъ-клуба. Въ пять часовъ пароходъ снялся отъ пристани и прошелъ подъ пушками Густавс-Верда. Панорама города начала опускаться внизъ, какъ театральная декорація въ какой-нибудь волшебной піесѣ: въ послѣдній разъ мелькнули передъ нами свеаборгскія стѣны, мачты военныхъ кораблей, голубые куполы собора, — и все потонуло въ однообразной дали слегка взволнованнаго моря. Я простился мысленно съ Финляндіею.

ПО ОБѢ СТОРОНЫ АЛЬПОВЪ

(1857 г.)

I.

Недѣля въ Женевѣ.

There is fridom's ground.
Byron.

Женеву я любилъ заочно, прежде чѣмъ мнѣ удалось ıобывать въ Швейцаріи. Ни одинъ уголъ въ Европѣ не привлекалъ меня къ себѣ такъ симпатично, какъ этотъ ‹ородъ, расположенный при истокѣ прекраснѣйшей рѣки ıзъ прекраснѣйшаго озера, полный славою именъ Руссо, Зольтера, Байрона, откуда раздался первый голосъ реформы и повѣялъ духъ терпимости, погасившей костры ıнквизиціи. Давно любилъ я этотъ городъ, въ которомъ ıысль проповѣдывалась однимъ оружіемъ слова — суро‹ой рѣчью Кальвина, страданіями Пеколы и Бертелье, ıеланхолической ироніей Руссо, гуманнымъ хохотомъ Зольтера; давно хотѣлось мнѣ взглянуть на этотъ Римъ ıовѣйшей мысли, откуда шли эти мирные крестовые по‹оды противъ невѣжества, разлетались эти буллы, под‹опавшія вѣковые предразсудки во имя любви къ чело‹вѣчеству.

Я ѣхалъ въ Женеву точно на свиданіе съ человѣ‹омъ, котораго зналъ и уважалъ заочно. Въѣздъ нашъ ъ предѣлы кантона былъ очень оригиналенъ.

*

На французской сторонѣ границы остановили насъ для осмотра паспортовъ, и какъ двухъ-этажный дилижансъ нашъ былъ нагруженъ десятками двумя пассажировъ, то эта процедура продолжалась больше получаса. Наконецъ, намъ удалось вырваться изъ рукъ французскихъ досмотрщиковъ, почтальонъ захлопалъ бичемъ, и мы въѣхали въ Женевскій-кантонъ. Минуты черезъ двѣ показался караульный домикъ, и на стукъ нашего экипажа вышелъ швейцарскій солдатъ.

— Изъ Сейселя! закричалъ почтальонъ, сдерживая лошадей.

— Господа! сказалъ швейцарецъ, подходя къ каретѣ и прикладывая руку къ козырьку шакò: у всѣхъ ли есть паспорты?

— У всѣхъ до одного! крикнули мы хоромъ.

— Есть даже лишніе! сказалъ кто-то съ имперіала.

— Passez, messieurs! пошелъ, кучеръ! проговорилъ солдатъ съ улыбкой.

Мы всѣ дружно захохотали; солдатъ махнулъ рукой и побрелъ въ свою казарму. Почтальонъ снова захлопалъ бичемъ. Тѣмъ и кончилась вся церемонія осмотра, и мы поскакали въ Женеву.

Въ шесть часовъ вечера дилижансъ остановился передъ почтамтомъ. Я занялъ комнату въ Hôtel du Lion d'or, на улицѣ Роны, и пошелъ бродить по городу.

Первое впечатлѣніе было въ пользу Женевы. Небольшой, но очень-чистый городъ, прислонившійся къ голубому Леману, прорѣзанный синей полосою Роны, обставленный горами, опушенный зеленью, безъ тѣсноты и копоти старинныхъ городишекъ, безъ монотонной правильности новыхъ столицъ, чуждый парижской толкотни и лондонской давки, — онъ отличается какимъ-то видомъ

гостепріимства, спокойствія и комфорта, привлекательнымъ и для тѣхъ, кому нѣтъ дѣла ни до какихъ историческихъ воспоминаній. Шести и семи-этажные дома смотрятъ весело безъ кокетства, отличаются чистотою безъ педантизма: всѣ они облѣплены множествомъ маленькихъ балконовъ, заставленныхъ цвѣтами или завѣшанныхъ зелеными жалузи, что придаетъ имъ видъ какой-то свѣжести и граціи. Прекрасныя набережныя Роны, связанныя красивымъ мостомъ des Bergues, къ которому примыкаетъ живописный островокъ Руссо, обставлены отелями, магазинами и кафе, пестрѣютъ толпами гуляющихъ и звучатъ всѣми европейскими языками.

Весь вечеръ провелъ я бродя безъ цѣли по городу. Прежде всего остановила меня ненаглядная красота Роны, и я долго любовался съ перекиднаго мостика этой чудесной водой, которая и при блескѣ солнца, и при завѣшенномъ облаками небѣ никогда не мѣняетъ своего цвѣта. Выходя изъ озера свѣтло-голубой полосою, съ какимъ-то молочнымъ отливомъ, она мало-по-малу переливается въ такую густую и глубокую синеву, что само небо далеко блѣднѣетъ передъ ея сверкающей лазурью. А дальше, протекая за мостъ, ея темносинія струи переходятъ въ ярко-зеленый цвѣтъ травы, свѣжій и прозрачный, точно горный альпійскій хрусталь. Не даромъ вы найдете всегда на мосту фланеровъ, которые по цѣлымъ часамъ стоятъ, любуясь теченіемъ Роны.

День этотъ кончилъ я на островкѣ, примыкающемъ къ Большому-мосту, гдѣ подъ тѣнью громадныхъ тополей стоитъ на гранитномъ пьедесталѣ бронзовая статуя Руссо. Здѣсь каждый вечеръ, передъ небольшимъ кафе, собирается праздная толпа разноплеменныхъ туристовъ— разговаривать, курить, ѣсть мороженое, слушать музыку и

любоваться даровымъ зрѣлищемъ, которое ежедневно дается тутъ не артистами, а природою: это закатъ солнца передъ савойскими альпами. На скамейкахъ, разставленныхъ около павильона, гдѣ играетъ оркестръ музыки, засталъ я многочисленную толпу — разодѣтыхъ англичанокъ, туристовъ, скромныхъ эмигрантовъ, даже блузниковъ; и вся эта публика, не раздѣленная какъ въ театрѣ на партеръ и раекъ, ждала даровaго представленія. Дѣти играли и кормили лебедей, плавающихъ на Ронѣ.

Я присѣлъ на одну изъ скамеекъ. Декорація была великолѣпная. Прямо разстилалась голубая степь Лемана, и по матовой поверхности его легкія лодки съ двойными треугольными парусами скользили, точно чайки на узкихъ и длинныхъ крыльяхъ. Надъ водою, въ сплошной зелени садовъ, бѣлѣли загородные дома, обвѣшанные плющемъ и виноградомъ. Выше, съ лѣвой стороны тянулась темная стѣна Юры, надъ которою опускалось солнце, а направо, громоздясь одни надъ другими, поднимались савойскія Альпы: впереди шла линія зеленыхъ горъ съ выдвигающеюся массой Мольи, за нею извилистая синяя полоса болѣе отдаленныхъ хребтовъ Шабле и Фосиньи, а еще выше лиловые и розовые контуры снѣжныхъ вершинъ и надъ ними серебромъ сверкающіе зубцы ледянаго Монблана.

Солнце скрылось за Юрою, и картина начала измѣняться: ближняя зелень темнѣла, дальняя становилась гуще, лиловыя горы переливались въ синія, а бѣлые зубцы ледяныхъ альповъ покрывались яркимъ румянцемъ. Съ каждой минутою замѣтно блѣднѣли свѣтлыя краски, и ближнія горы, погасая въ сумракѣ, отбрасывали одна на другую исполинскія тѣни, между-тѣмъ какъ далекія вершины догорали еще въ розовомъ блескѣ. Прошло пол-

часа, какъ совсѣмъ закатилось солнце, и городъ давно уже освѣтился линіями газовыхъ огней, а вершины альповъ все еще горѣли невидимымъ свѣтомъ, который окрашивалъ зубцы Монблана въ нѣжный румянецъ. И все это рисовалось на темно-синемъ небѣ съ удивительной прозрачностью и спокойствіемъ.

Когда я возвращался въ гостинницу, по ярко-освѣщеннымъ набережнымъ бродили еще толпы гуляющихъ. Въ воздухѣ чувствуется здѣсь какая-то особенная свѣжесть, не сладострастная какъ въ Италіи, а мужественная и какъ-будто укрѣпляющая на мысль и дѣло. Вдыхая этотъ воздухъ, вполнѣ вѣришь Байрону, который говорилъ, что Женевское-озеро помогло ему гораздо больше, чѣмъ всѣ мудрые рецепты доктора Полидори.

Когда я немного осмотрѣлся въ Женевѣ, меня поразила пестрота ея подвижнаго населенія. Это сборный пунктъ разноплеменныхъ путешественниковъ, неизбѣжная станція на перекресткѣ во Францію, Италію и Швейцарію. Точно перелетныя птицы, въ продолженіе всего года тянутся отсюда туристы цѣлыми караванами, то къ сѣвернымъ удовольствіямъ, то къ южной природѣ. Но надъ всѣми породами господствуютъ англичане. Толпы аристократическихъ цыганъ съ береговъ Темзы всякій день отправляются отсюда въ Шамуни или Ломбардію, и къ англійскому языку въ Женевѣ привыкаешь, какъ къ шуму Роны. Пестроту эту увеличиваетъ еще эмиграція со всѣхъ концовъ Европы. Вѣрная роли, завѣщанной еще со временъ Вольтера, Женева остается свободнымъ пріютомъ всѣхъ изгнанниковъ. Табль-дотъ въ большихъ гостинницахъ напоминаетъ вавилонское смѣшеніе языковъ: за однимъ и тѣмъ-же столомъ слышатся всѣ европейскія нарѣчія. Съ перваго дня меня озадачило

разнообразіе разговоровъ: рѣчь шла и о распущеніи палатъ въ Бельгіи, и о послѣднихъ преніяхъ въ Туринѣ, и о выборахъ въ Валахіи, и о журнальной полемикѣ въ Пруссіи — и все это обсуживалось не съ холодностью постороннихъ любителей политики, а съ жаромъ людей, лично заинтересованныхъ въ дѣлѣ. Тутъ видѣлъ я и ветерановъ парижскихъ баррикадъ, и венгерцевъ, ускользнувшихъ изъ рукъ Гайнау, и товарищей римскаго тріумвира Саффи. Женева — постоянный кадръ революціонной арміи, гдѣ никогда не свертывается ея знамя, гдѣ всегда знаютъ послѣдній пароль и лозунгъ всякаго европейскаго движенія.

Въ Женевѣ путешественникъ избавленъ отъ той бѣготни, какая ожидаетъ его въ городахъ, извѣстныхъ по древностямъ и произведеніямъ искусства, или по шумной жизни и удовольствіямъ: здѣсь нѣтъ ни великолѣпныхъ древнихъ соборовъ и богатыхъ картинныхъ галерей, какъ въ Италіи и Германіи, ни театровъ и уличнаго фланерства, которые всякій день выгоняютъ васъ на улицы въ Парижѣ и въ Лондонѣ. Вы не найдете здѣсь никакихъ древностей, кромѣ старой башни, построенной будто-бы Юліемъ Цезаремъ, никакихъ монументовъ, кромѣ статуи Руссо и домика, гдѣ онъ родился; а общественныя удовольствія ограничиваются посредственнымъ театромъ, да прогулками въ каштановыхъ аллеяхъ Ботаническаго-сада и на Promenade du Lac, гдѣ выставлена въ павильонѣ рельефная модель альповъ и Монблана. Все это успѣлъ я осмотрѣть въ одинъ день, вмѣстѣ съ римскимъ эмигрантомъ, съ которымъ познакомился за завтракомъ въ Cercle des Etrangers, гдѣ всякое утро собираются сотни людей читать журналы и обмѣниваться новостями.

Почти всѣ старинныя женевскія зданія реставриро-

ваны въ прошломъ или въ нынѣшнемъ столѣтіи. Здѣсь устарѣлыя постройки также мало уважаются, какъ и обветшалыя идеи.

Городской соборъ, вовсе не привлекательный въ архитектурномъ отношеніи, послѣ католическихъ церквей, поражаетъ какою-то величавой наготою и напоминаетъ пуританскую строгость Кальвина, этого перваго и послѣдняго папы протестантскаго Рима. Съ-тѣхъ-поръ, какъ суровый проповѣдникъ согналъ съ церковнаго фасада каменныхъ демоновъ и чудовищъ, какими обыкновенно убирались готическія базилики — въ самомъ соборѣ не осталось никакихъ украшеній, кромѣ монумента изъ чернаго мрамора, поставленнаго надъ гробомъ какого-то предка мадамъ Ментенонъ.

Вмѣстѣ съ памятниками католицизма въ Женевѣ исчезли и памятники средневѣковаго бюргерства. Ратуша, радикально перестроенная въ 1848 году, не представляетъ теперь никакой пищи любителямъ старины, кромѣ покатаго всхода, по которому почтенные бюргеры въѣзжали когда-то въ экипажахъ до верхнихъ залъ присутствія. Но съ этимъ зданіемъ соединено немало воспоминаній. Передъ этой ратушей, по настоянію версальскаго двора, сожжены были рукою палача книги Руссо.

Какъ переходчиво время! Гдѣ недавно еще палачъ кидалъ въ инквизиціонный костеръ книгу смѣлаго философа, тамъ прочелъ я на стѣнѣ плакаръ, извѣщающій о новомъ изданіи его сочиненій, а недалеко видѣлъ и сберегаемое, какъ святыня, мѣсто его рожденія.

По долгу туриста я осмотрѣлъ и домъ, въ которомъ родился авторъ Эмиля. Домъ этотъ ничѣмъ не отличается отъ другихъ, и въ немъ не осталось никакихъ слѣдовъ поэта-философа, кромѣ прибитой надъ входомъ мрамор-

ной доски съ надписью: Ici est né J. J. Rousseau le 28 Juin 1712. Смотрѣть было ровно нечего. Но когда я вспомнилъ, что мы не знаемъ, гдѣ родился Пушкинъ или Бѣлинскій, мнѣ не показался смѣшнымъ даже англичанинъ, который съ гидомъ въ рукахъ считалъ и записывалъ, сколько оконъ въ этомъ историческомъ домѣ. Какъ пошло ни проявлялось бы уваженіе къ такимъ памятникамъ, но въ немъ всегда есть что-то трогательное и гуманное. Мнѣ не смѣшно, что гиды рекомендуютъ мѣсто рожденія этого человѣка. Какая странная и страстная натура! Граверъ, учитель, лакей, секретарь посольства, переписчикъ нотъ, поэтъ, философъ, то великій мыслитель, волнующій умы, то дикій софистъ, страдающій отъ собственнаго раздраженія — этотъ Сенъ-Прё философіи XVIII столѣтія вписалъ на вѣки свое имя въ его исторію. Что-же удивительнаго, что Женева такъ гордится имъ! Память Руссо не исчезнетъ въ ней, какъ исчезли памятники католицизма и средневѣковой олигархіи и какъ исчезаютъ теперь пресловутыя укрѣпленія Вобана.

Послѣ Руссо, самый прочный памятникъ въ Женевѣ оставилъ Бонниваръ, извѣстный шильонскій узникъ. Это публичная библіотека, которую онъ основалъ, возвратясь изъ шестилѣтняго заключенія въ подземельяхъ Шильона— лучшее наслѣдіе, какое могъ оставить человѣкъ любимому городу. Въ настоящее время въ библіотекѣ считается до пятидесяти тысячъ книгъ и пяти-сотъ рукописей, между которыми много библіографическихъ рѣдкостей и любопытныхъ автографовъ, съ проповѣдей Кальвина и до писемъ Байрона. Но меня больше заняла здѣсь колекція портретовъ гражданъ Женевы. Сколько замѣчательныхъ людей произвелъ этотъ городъ, жившій исключительно мыслью! Это патріоты, умиравшіе за отечество, или

мирные завоеватели въ области мысли и науки. Какія замѣчательныя лица, исполненныя энергіи и патріотизма! Вотъ Бертелье, погибшій на плахѣ, Бонниваръ — шильонскій узникъ и основатель библіотеки, Пекола, который среди пытки откусилъ себѣ языкъ и выплюнулъ въ лицо палачей. Вмѣстѣ съ суровымъ Кальвиномъ, проповѣдникомъ религіозной свободы, видѣнъ Лефортъ, товарищъ и собесѣдникъ нашего Петра. А сколько именъ, прославленныхъ въ литературѣ и наукѣ! — Руссо, мадамъ Сталь, Сисмонди, Десоссюръ, Декандоль, Каламъ, Дидэ. Наконецъ сколько великихъ людей, которые получили право гражданства, можно-сказать натурализовались въ Женевѣ, начиная съ Мильтона до Вольтера и Байрона! Многіе-ли города могутъ записать въ свою лѣтопись столько прославленныхъ именъ!

Женевская публичная библіотека открыта каждый день для чтенія и осмотра, безъ всякихъ формальностей — и въ ней, наряду съ студентами и дамами, я видѣлъ нѣсколько блузниковъ.

Съ именемъ Руссо въ Женевѣ неизбѣжно связывается имя близнеца его — Вольтера, и послѣ прогулки къ домику автора Эмиля непремѣнно является мысль о поѣздкѣ въ Ферней. Быть въ протестантскомъ Римѣ и не посѣтить этого Ватикана философіи и мысли XVIII столѣтія — туристу непростительно. Прошли конечно годы, когда этотъ уголокъ былъ главной квартирой философіи и пріютомъ свободныхъ идей, откуда разрушительный смѣхъ Вольтера раздавался по всей Европѣ. Миновало и то время, когда Ферней считался у нашихъ дѣдовъ настоящею Меккой, куда всякій правовѣрный либералъ хоть

разъ въ жизни отправлялся пилигримомъ для поклоненія. Теперь ѣздятъ туда изъ одного любопытства, но такова ужъ судьба всего, передъ чѣмъ преклонялись люди, у которыхъ теплое уваженіе къ этимъ Меккамъ рано или поздно выраждается въ одну холодную обрядность или привычку.

Всякій день отъ Большаго-моста ходятъ въ Ферней омнибусы. Я опоздалъ нѣсколько минутъ и принужденъ былъ взять фіакръ. Вся эта дорога, въ полтора льё длиною, тянулась въ сплошной зелени садовъ, обведенныхъ каменной оградой, густо обвѣшанной плющемъ и обсаженной розами. Съ правой стороны, гдѣ только зелень перемежалась, мелькали снѣжныя вершины савойскихъ альпъ, точно серебряная бахрома, вышитая узорчатыми зубцами по синему полю.

Извощикъ по моимъ вопросамъ скоро замѣтилъ, что я иностранецъ.

— Вы эмигрантъ? спросилъ онъ.

— Благодаря Бога, нѣтъ! отвѣчалъ я.

— Путешественникъ? какой вы націи?

— Русскій.

— А! это далеко отъ насъ. Куда-жъ уѣзжаютъ ваши эмигранты? Въ Женевѣ я что-то не встрѣчалъ ихъ.

— У насъ нѣтъ эмигрантовъ.

— Ну, слава Богу! значитъ вамъ хорошо, какъ англичанамъ... Вотъ французамъ да итальянцамъ плохо, такъ и бѣгутъ къ намъ.

— А каковы они?

— Грѣхъ жаловаться, monsieur! И какіе бѣдняки есть между ними — иному подъ-часъ ѣсть нечего, а говорятъ, на родинѣ богаты были.

— Много у васъ эмигрантовъ?

— Много и теперь, а сколько еще выслали въ другіе кантоны! Австрійскій и французскій короли съ каждой почтой пишутъ, чтобы мы не держали ихъ въ городѣ. А по-нашему, пусть-бы жили... Вы ѣдете смотрѣть замокъ Вольтера?

— Да.

— Вотъ и онъ былъ, говорятъ, рефюжье — и долго у насъ жилъ.

— А ты не слыхалъ, что онъ писалъ?

— Нѣтъ; говорятъ — что-то злое, да я не вѣрю... еслибы онъ былъ злой человѣкъ, не ѣздило-бы столько людей смотрѣть на его домъ.

Черезъ часъ пріѣхали мы въ знаменитую деревню Вольтера, чистенькую, уютную. Я оставилъ фіакръ передъ Hôtel de Voltaire, у входа котораго виднѣлась грубо-намалеванная вывѣска, съ уродливымъ портретомъ фернейскаго публициста, гдѣ угловатыя черты, ироническая улыбка и худоба его переданы были съ рѣзкостью, переходящей въ каррикатуру.

По тѣнистой липовой аллеѣ пришелъ я къ воротамъ замка и нашелъ тамъ двухъ англичанъ и какое-то французское семейство, состоявшее изъ двухъ толстыхъ родителей и двухъ вертлявыхъ дочекъ. Англичанинъ дергалъ за ручку колокольчика.

У воротъ замка, съ лѣвой стороны, стоитъ обсаженная тополями маленькая часовня, съ знаменитой надписью: Deo erexit Voltaire, которая вызвала столько различныхъ толковъ. Самый замокъ построенъ тяжело, безъ всякаго вкуса, и притомъ еще недавно передѣланъ съ такимъ-же безвкусіемъ. Всѣ старые памятники здѣсь мало-по-малу исчезаютъ. Отъ знаменитаго театра, на которомъ Вольтеръ игралъ въ своихъ трагедіяхъ, не оста-

лось никакихъ слѣдовъ; а огромный вязъ, посаженный здѣсь философомъ, тридцать лѣтъ назадъ разбитъ грозою, и теперь привратникъ лишенъ удовольствія снабжать путешественниковъ его «священной корою». Послѣдніе куски этой l'écorce sainte давно ушли въ Лондонъ.

Намъ отперли. Мы вошли въ небольшой садъ, разбитый во французскомъ вкусѣ Делиля и уставленный рядами глиняныхъ вазъ съ цвѣтущими розами. Съ правой стороны поднимается живая зеленая стѣна изъ винограда, съ лѣвой тянется низенькая изгородь, и отъ нея широкія террасы спускаются на большой лугъ, зеленѣющій кустами. Проводникъ рекомендовалъ намъ навѣсъ изъ зелени, подъ которымъ Вольтеръ диктовалъ будто-бы письма, и мы съ подобающей вѣрою приняли это сказаніе; по-крайней-мѣрѣ одинъ изъ англичанъ вынулъ изъ кармана портфель и что-то набожно записалъ въ немъ. Я съ своей стороны стоялъ передъ виноградной стѣною и не могъ оторваться отъ прорѣзанныхъ въ ней сквозныхъ оконъ, любуясь картиной, которою всякій день, вѣроятно, любовался и старый хозяинъ Фернея. Что за чудный видъ! Надобно быть здѣсь, чтобъ составить понятіе объ этомъ ландшафтѣ, гдѣ справа горизонтъ обрамленъ темнымъ хребтомъ Юры, съ ползающими на немъ облаками, слѣва замкнутъ синею стѣною альпъ, а прямо надъ голубой полосой Лемана и извилистой линіей подымающихся уступами горъ рисуется снѣговая масса Монблана. Много измѣнился Ферней, съ-тѣхъ-поръ какъ трупъ его знаменитаго владѣльца лежитъ въ парижскомъ Пантеонѣ, но осталась неизмѣнною чудная природа, которою онъ любовался изъ этихъ оконъ: тою-же синевою льется прекрасный Леманъ, тою-же снѣжной бахромою убраны альпійскія вершины.

Проводникъ пригласилъ насъ въ комнаты. Мы вошли въ залу, тоже недавно передѣланную. По стѣнамъ ея развѣшаны довольно-плохія картины въ подновленныхъ рамахъ. Направо пресловутый монументъ изъ обожженной глины, поставленный маркизой Девилеттъ, съ пошлой подписью: Son esprit est partout et son coeur est ici. Если бы когда-нибудь въ этой урнѣ и было сердце Вольтера, то австрійцы, хозяйничая здѣсь въ 1815 году, не преминули-бы его выбросить. Надъ Фернеемъ они ругались, какъ турки надъ Партенономъ.

Изъ этой комнаты налѣво дверь въ спальню. Она и теперь еще убрана извѣстными портретами Фридриха и Екатерины II, маркизы Шатле и самого Вольтера. Въ глубинѣ стоитъ кровать съ обрывкомъ занавѣса, растащеннаго по клочкамъ цѣлыми поколѣніями любопытныхъ. Я сомнѣваюсь въ подлинности и этого послѣдняго лоскутка. Вѣра въ вольтеровы перья, какъ и въ наполеоновы трости, въ послѣднее время значительно ослабѣла—и англичане возвращаются теперь изъ Женевы, не вывозя съ собой никакихъ фернейскихъ реликвій. Это вольнодумство значительно уменьшило доходы здѣшняго привратника, и онъ пересталъ даже показывать рукавъ вольтерова халата и сѣрый шелковый колпакъ его.

Когда мы остановились передъ портретами, толстый французъ принялся очень-обстоятельно объяснять своей женѣ, что знаменитый его соотечественникъ долго жилъ при дворѣ прусскаго короля и русской царицы, пользовался ихъ дружбою и получилъ изъ собственныхъ рукъ ихъ ордена de la grande croix за то, что помогалъ имъ издавать законы. Француженка между-тѣмъ подробно осматривала кровать и обрывокъ занавѣса.

— Tien, mon ami — сказала она: вѣдь Вольтеръ былъ высокаго роста?

— О, da! Il était plus grand que moi! отвѣчалъ толстякъ.

— Отчего-же кровать такъ коротка?

— Отъ времени! проговорилъ серьозно французъ.

— А сердце его, папа, нельзя посмотрѣть? спросила одна изъ дочекъ, показывая на урну.

— О, да... не знаю! бормоталъ папа.

— Mademoiselle ошибается, вмѣшался проводникъ: въ вазѣ нѣтъ ничего.

— Ахъ, да... сердце въ Пантеонѣ... Императоръ требовалъ — и его привезли... Le coeur du grand homme doit être gardé au coeur de la France! проговорилъ толстякъ и посмотрѣлъ на насъ съ такой гордостью, какъ-будто дѣло шло о водвореніи его собственныхъ останковъ въ Пантеонѣ.

Но когда, вызванный на разговоръ какимъ-то вопросомъ, я спросилъ у этого декламатора, читалъ-ли онъ Вольтера — французъ горячо отвѣчалъ мнѣ, что не знаетъ ни одной строки его и никогда не позволитъ дѣтямъ и женѣ взять въ руки книгу этого страшнаго человѣка.

— Но вы говорите, что не читали его! замѣтилъ я.

— Да, но я знаю... онъ вызвалъ революцію... подкапывалъ основы общества...

Мнѣ стало смѣшно и досадно; но я успокоился, когда узналъ, что этотъ почтенный господинъ былъ какой-то лавочникъ изъ Ліона. Сколько людей, знакомыхъ съ сочиненіями фернейскаго мыслителя даже не по наслышкѣ, видятъ въ немъ писателя безнравственнаго, почти злодѣя. Нелѣпыя мнѣнія живучи. И нигдѣ вы такъ не

почувствуете этой печальной истины, какъ въ Женевѣ, гдѣ жили Руссо, Вольтеръ и Байронъ, всѣ одинаково непонятые и оклеветанные.

Въ нашъ вѣкъ значеніе Вольтера начинаетъ проясняться. Какое удивительное разнообразіе генія и какое непостижимое постоянство въ идеѣ и цѣли! Философъ, историкъ, поэтъ, драматургъ, публицистъ, великій протей всѣхъ талантовъ, какъ называетъ его Байронъ, онъ посвятилъ жизнь на то, чтобы разбить кору невѣжества и предразсудковъ, которая въ продолженіе вѣковъ наслоилась на общественномъ тѣлѣ, и разбить ее однимъ орудіемъ смѣха. Но такъ могъ смѣяться только тотъ, кто глубоко любилъ, страдалъ людскими страданіями, возмущался всякой несправедливостью и краснѣлъ при видѣ предразсудковъ. Я не знаю, къ кому лучше Вольтера можно отнести извѣстное выраженіе Гоголя о писателѣ, у котораго сквозь видимый смѣхъ сквозятъ въ сочиненіяхъ невидимыя, незримыя міру слезы. Долгій смѣхъ безъ симпатичной любви, какъ бы ни былъ веселъ и остроуменъ, остается достояніемъ однихъ театральныхъ подмостковъ.

Смыслъ гуманнаго смѣха Вольтера отразился въ его жизни. Могъ-ли быть врагомъ человѣчества тотъ, кто вступался за всякую несправедливость и сочувствовалъ всякому человѣческому страданію, кто давалъ пріютъ семейству Каласа, спасалъ отъ костра несчастную Сентъ-Омеръ, кого била лихорадка въ годовщину варѳоломеевской ночи и во снѣ тревожили тѣни мучениковъ, погибшихъ за двадцать столѣтій. Глубоко оскорбляясь всякимъ проявленіемъ грубой силы, онъ неутомимо преслѣдовалъ фанатизмъ, ханжество, предразсудки, не только въ настоящемъ, но и въ далекомъ прошедшемъ — и въ

продолженіе цѣлаго полстолѣтія не умолкалъ его обличительный хохотъ. Что-же дало столько энергіи этому слабому и больному старику, что поддерживало его въ тюрьмахъ и въ изгнаніи, какъ не любовь къ человѣчеству? Она-то, какъ невидимый голосъ, постоянно шептала ему: смѣйся! — и онъ смѣялся, и отъ его могущественнаго смѣха падали и вѣковыя злоупотребленія, и освященные вѣками предразсудки.

Много надобно было накопиться въ обществѣ желчи и слезъ, чтобъ явился человѣкъ, подобный Вольтеру, который проникся-бы сочувствіемъ къ людскимъ страданіямъ и во имя любви засмѣялся противъ всего, что оскорбляло человѣчество. Въ ней почерпнулъ этотъ человѣкъ и неистощимую пылкость ума, и нѣжность симпатіи, и энергію ненависти. Разрушая одной рукой, Вольтеръ кладетъ другою новыя основы народной жизни: преслѣдуя насиліе, онъ развиваетъ понятія о человѣческомъ достоинствѣ, осмѣивая ханжество и предразсудки, утверждаетъ господство ума и здраваго смысла, проклиная войну и кровопролитія, бросаетъ идею о всеобщемъ мирѣ — и вотъ по его голосу исчезаетъ инквизиція, потухаютъ костры въ странахъ самыхъ фанатическихъ, пытка вездѣ изгоняется и уголовные законы теряютъ прежнюю свирѣпость. Это могъ сдѣлать только человѣкъ, понимавшій духъ христіанской любви.

И не безнравственно-ли думать, будто человѣчество до такой степени лишено нравственности, что въ продолженіе цѣлаго столѣтія всѣ свѣтлые люди будутъ признавать своимъ оракуломъ безнравственнаго писателя. Какъ ни пороченъ восемнадцатый вѣкъ, но не до того-же онъ низокъ, чтобъ прислушивался съ напряженнымъ вниманіемъ къ каждому слову человѣка, который будто-

ы развращалъ его ради одного балагурства. Нѣтъ, въ аболѣшномъ поклоненіи Вольтеру, въ путешествіи пилиримовъ на поклоненіе фернейскому отшельнику, видно ie модное уваженіе къ остроумному и оригинальному намѣшнику: въ этомъ сказалось инстинктивное уваженіе къ великому генію, который своимъ смѣхомъ подломилъ не одну тяжелую цѣпь, издавна лежавшую на людяхъ, и уронилъ не одну слезу на ихъ болѣвшія раны. И нѣтъ сомнѣнія, что нелѣпыя понятія о Вольтерѣ рано или поздно исчезнутъ, и его имя будетъ произноситься всѣми съ любовью и признательностью.

У набережной Роны постоянно дымятся пароходы, плавающіе по Леману. На другой день послѣ поѣздки въ Ферней, я собрался на прогулку по озеру и послѣ завтрака былъ уже на палубѣ «Гельвеціи». Пассажировъ было множество, особенно англичанъ. Въ девять часовъ мы вышли на Леманъ, и пароходъ нашъ кинулъ черную полосу дыма на его молочно-синюю воду.

Утро было прекрасное, и горы, очищаясь отъ послѣднихъ клочьевъ тумана, вставали всѣ сверкающія въ мягкихъ переливахъ утреннихъ красокъ. Отъ самой Женевы по обѣимъ сторонамъ тянется рядъ загородныхъ домовъ, и ихъ бѣлыя стѣны и зеленые сады рѣзко выдѣляются у подножія горъ. Озеро мало-по-малу расширяется. Съ сѣверной стороны изгибается свѣтлая линія Юры, а на югѣ поднимаются синіе фестоны альповъ Фосиньи съ темной грудою зубчатаго Монблана.

Пароходъ идетъ, придерживаясь сѣвернаго берега, гдѣ по горамъ ползутъ зеленые уступы виноградниковъ, а внизу мелькаютъ деревни, замки, сады и пашни. Ма-

продолженіе цѣлаго полстолѣтія не умолкалъ его обличительный хохотъ. Что-же дало столько энергіи этому слабому и больному старику, что поддерживало его въ тюрьмахъ и въ изгнаніи, какъ не любовь къ человѣчеству? Она-то, какъ невидимый голосъ, постоянно шептала ему: смѣйся! — и онъ смѣялся, и отъ его могущественнаго смѣха падали и вѣковыя злоупотребленія, и освященные вѣками предразсудки.

Много надобно было накопиться въ обществѣ желчи и слезъ, чтобъ явился человѣкъ, подобный Вольтеру, который проникся-бы сочувствіемъ къ людскимъ страданіямъ и во имя любви засмѣялся противъ всего, что оскорбляло человѣчество. Въ ней почерпнулъ этотъ человѣкъ и неистощимую пылкость ума, и нѣжность симпатіи, и энергію ненависти. Разрушая одной рукой, Вольтеръ кладетъ другою новыя основы народной жизни: преслѣдуя насиліе, онъ развиваетъ понятія о человѣческомъ достоинствѣ, осмѣивая ханжество и предразсудки, утверждаетъ господство ума и здраваго смысла, проклиная войну и кровопролитія, бросаетъ идею о всеобщемъ мирѣ — и вотъ по его голосу исчезаетъ инквизиція, потухаютъ костры въ странахъ самыхъ фанатическихъ, пытка вездѣ изгоняется и уголовные законы теряютъ прежнюю свирѣпость. Это могъ сдѣлать только человѣкъ, понимавшій духъ христіанской любви.

И не безнравственно-ли думать, будто человѣчество до такой степени лишено нравственности, что въ продолженіе цѣлаго столѣтія всѣ свѣтлые люди будутъ признавать своимъ оракуломъ безнравственнаго писателя. Какъ ни пороченъ восемнадцатый вѣкъ, но не до того-же онъ низокъ, чтобъ прислушивался съ напряженнымъ вниманіемъ къ каждому слову человѣка, который будто-

бы развращалъ его ради одного балагурства. Нѣтъ, въ раболѣпномъ поклоненіи Вольтеру, въ путешествіи пилигримовъ на поклоненіе фернейскому отшельнику, видно не модное уваженіе къ остроумному и оригинальному насмѣшнику: въ этомъ сказалось инстинктивное уваженіе къ великому генію, который своимъ смѣхомъ подломилъ не одну тяжелую цѣпь, издавна лежавшую на людяхъ, и уронилъ не одну слезу на ихъ болѣвшія раны. И нѣтъ сомнѣнія, что нелѣпыя понятія о Вольтерѣ рано или поздно исчезнутъ, и его имя будетъ произноситься всѣми съ любовью и признательностью.

У набережной Роны постоянно дымятся пароходы, плавающіе по Леману. На другой день послѣ поѣздки въ Ферней, я собрался на прогулку по озеру и послѣ завтрака былъ уже на палубѣ «Гельвеціи». Пассажировъ было множество, особенно англичанъ. Въ девять часовъ мы вышли на Леманъ, и пароходъ нашъ кинулъ черную полосу дыма на его молочно-синюю воду.

Утро было прекрасное, и горы, очищаясь отъ послѣднихъ клочьевъ тумана, вставали всѣ сверкающія въ мягкихъ переливахъ утреннихъ красокъ. Отъ самой Женевы по обѣимъ сторонамъ тянется рядъ загородныхъ домовъ, и ихъ бѣлыя стѣны и зеленые сады рѣзко выдѣляются у подножія горъ. Озеро мало-по-малу расширяется. Съ сѣверной стороны изгибается свѣтлая линія Юры, а на югѣ поднимаются синіе фестоны альповъ Фосиньи съ темной грудою зубчатаго Монблана.

Пароходъ идетъ, придерживаясь сѣвернаго берега, гдѣ по горамъ ползутъ зеленые уступы виноградниковъ, а внизу мелькаютъ деревни, замки, сады и пашни. Ма-

ленькіе города, съ бѣлыми домами и колокольнями, гнѣздясь у самой воды, кажутся издали стаями гусей, которые вышли погрѣться на солнцѣ. Пароходъ биткомъ набитъ англичанами. Еслибы закрыть глаза, то по рѣзкимъ звукамъ британской рѣчи можно-бы подумать, что плывешь на Темзѣ или въ Ламаншѣ. Въ наше время на Рейнѣ, въ Швейцаріи и въ Италіи нельзя сдѣлать шагу, чтобъ не столкнуться съ таборами кочующихъ англичанъ. Изобрѣтатели знаменитаго правила times is money вездѣ тратятъ пропасть времени и денегъ, а между-тѣмъ нигдѣ нѣтъ столько труда и золота, какъ въ Англіи.

Мы заходили въ прибрежные городки только затѣмъ, чтобъ высадить однихъ англичанъ и принять новыхъ, которые бродятъ по всему Леману. Это характерное племя здѣсь, кажется, еще недоступнѣе, чѣмъ дома: заговорить въ дорогѣ съ англичаниномъ почти также трудно, какъ и молчать съ французомъ. Изрѣдка только они поддаются на какую-нибудь похвалу Англіи.

Передъ Коппетомъ вошла на пароходъ какая-то рыжая чета, одинаково длинная и прямая. Чопорная англичанка сѣла подлѣ меня съ такой важностью, какъ-будто явилась на академическій сеансъ и съ нея писали портретъ королевы Елизаветы. Мнѣ наскучило молчать, и я обратился къ сосѣдкѣ съ обыкновеннымъ вопросомъ: не безпокоитъ-ли ее дымъ моей папиросы? Она кивнула отрицательно. Какъ я ни заговаривалъ, англичанка, почти не разжимая губъ, бормотала односложныя да или нѣтъ.

— Видѣли вы закатъ солнца съ островка Руссо?

— Да.

— Не правда-ли, что краски Монблана недоступны живописи?

— О, конечно!

— Я видалъ такой румянецъ только на щекахъ англичанокъ въ Гайдъ-паркѣ.

При-этомъ королева Елизавета слегка покосилась на меня любопытнымъ взглядомъ и процѣдила сквозь зубы вопросъ:

— Вы были въ Лондонѣ?

Когда я началъ хвалить англичанъ, самъ длинный супругъ повернулся ко мнѣ всѣмъ бюстомъ и благосклонно освѣдомился, долго-ли я былъ въ Англіи. Впослѣдствіи я удостоился даже высокаго благоволенія пожать его руку.

Коппетъ, маленькій городокъ, окаймленный садами съ купами цвѣтущихъ розъ, замѣчателенъ только тѣмъ, что мадамъ Сталь написала въ немъ свою Коринну. Тамъ показываютъ ея рабочую комнату и могилу. Начиная отсюда, мы черезъ каждые полчаса приставали къ какому-нибудь городку или замку, встрѣчаемые на пристани толпами пассажировъ или любопытныхъ. Изъ Коппета пришли мы въ Ніонъ, красивое мѣстечко, которое стоитъ на самомъ озерѣ, у подножія замка съ остроконечными башнями. Затѣмъ пароходъ остановился въ Роллѣ, гдѣ на маленькомъ островкѣ, обложенномъ камнемъ, разведенъ садъ, и въ немъ изъ зелени выглядываетъ обелискъ, поставленный въ память Руссо. Недалеко отъ него показалось мѣстечко Уши, гдѣ Байронъ написалъ Шильонскаго-узника; а позади, на скатѣ горы, раскинулась группа бѣлыхъ домовъ и церквей живописной Лозанны. Тутъ оканчивается первая половина прогулки по Леману, и озеро становится отсюда еще красивѣе.

Горы сѣвернаго берега поднимаются все выше и величественнѣе. Эта голубая извилистая стѣна то пони-

жается, уходя вдаль, то подступаетъ къ берегу, и врѣзываясь между пашнями и виноградниками въ самое озеро, кажется готова сбросить въ воду миніатюрные домики, пріютившіеся у ея подошвы. Что за чудныя краски вокругъ! У береговъ вода зеленая, точно луговая трава, и самая пѣна на ней просвѣчиваетъ аквамариновой зеленью; но, по мѣрѣ удаленія отъ берега, она начинаетъ незамѣтно переливаться въ молочно-голубой цвѣтъ и наконецъ среди озера, гдѣ видимо проходитъ Рона, переливается яркой и прозрачной синевою. И вся эта масса исполинскаго озера, застывшая въ неподвижное зеркало, обрамленное со всѣхъ сторонъ горами, наполнена множествомъ судовъ, и бѣлые паруса ихъ стоятъ свѣтлыми неподвижными точками на темно-синей глади.

Самая живописная часть озера начинается отъ Санъ-Сафорена. Здѣсь горы сѣвернаго берега, точно гигантская лѣстница, поднимаются къ небу полуверстовыми ступенями. По ихъ уступамъ зеленые виноградники ползутъ рядами на высоту, раздѣляясь поперечными поясами бѣлой каменной ограды. По сторонамъ сафоренскаго каскада, который черезъ зелень бѣлой змѣею сползаетъ въ озеро, я насчиталъ тридцать рядовъ виноградниковъ: громоздясь одинъ надъ другимъ, они поднимаются на страшную вышину, изрѣзанные бѣлыми стѣнами, точно какая-то исполинская сѣть, растянутая по горамъ.

Ровно въ часъ пришли мы въ Вевэ. Отъ этого изящнаго городка начинается рядъ селеній, рощъ и утесовъ, прославленныхъ въ Элоизѣ. Весь этотъ берегъ застроенъ теперь конфортабельными и безвкусными домами англичанъ, которые разселились цѣлой колоніей на родинѣ Юліи и Сенъ-Прё. Въ полчаса миновали мы Кларанъ, Монтрё, Шильонскій-замокъ, и наконецъ я вышелъ на

берегъ въ Вильнёвѣ, откуда хотѣлъ начать пѣшеходную прогулку по берегу Лемана.

Вильнёвъ живописно пріютился въ углу озера, гдѣ горы обоихъ береговъ смыкаются въ одну исполинскую стѣну, прорванную только ущельемъ, изъ котораго вытекаетъ Рона. Надъ зубчатой линіей горъ, съ одной стороны, освѣщенная солнцемъ, точно красный кирпичъ вырѣзывается Dent du Mercle, съ другой, вся въ снѣгу, подымается въ синее небо пирамидальная вершина Dent du Midi, какъ-будто вышитая изъ матоваго серебра.

Послѣ обѣда, въ маленькомъ отелѣ, гдѣ страшно надоѣлъ намъ слѣпой старикъ, неумолкаемо бренчавшій на разстроенной арфѣ, я по лозаннской дорогѣ пошелъ къ Шильонскому-замку. Дорога эта, то приближаясь къ озеру, то отходя къ горамъ, постоянно извивалась между стѣнами, которыя раздѣляютъ безчисленные виноградники. На каждомъ шагу мнѣ попадались туристы — нѣмцы въ запыленныхъ сапогахъ, англичанки въ кабріолетахъ и на мулахъ, подъ прикрытіемъ своихъ туго-накрахмаленныхъ кавалеровъ. Казалось, замокъ былъ подлѣ самаго города, но я шелъ до него слишкомъ полчаса. Наконецъ я остановился передъ тѣми круглыми башнями, съ конической кровлей, которыя давно были знакомы мнѣ по гравюрамъ.

У переходнаго мостика встрѣтилъ меня краснощекій привратникъ и позвонилъ. Явился высокій лакей въ черномъ фракѣ и бѣломъ галстукѣ, съ золотою цѣпочкою на жилетѣ, скорѣе похожій на метръ-д'отеля, готоваго сервировать при богатомъ англійскомъ обѣдѣ, чѣмъ служить проводникомъ въ подземельяхъ тюрьмы.

Пройдя нѣсколько старинныхъ залъ, въ которыхъ нѣтъ ничего замѣчательнаго, мы спустились по каменной

лѣстницѣ въ подземелье. Проводникъ ввелъ меня въ небольшой казаматъ. Въ средніе вѣка тюремная архитектура процвѣтала во всей Европѣ: она въ высокой степени извѣстна была и савойскимъ герцогамъ, соорудившимъ Шильонскій-замокъ. Вырубить въ подводныхъ скалахъ такія подземелья могли только люди, глубоко постигшіе искусство мучить другихъ. Въ глубинѣ высѣченной въ скалѣ четырехъ-угольной пещеры стоитъ вытесанная изъ того-же гранита каменная постель, на которой приговоренные къ смерти проводили свою послѣднюю ночь. Изъ этой предсмертной спальни мы перешли въ другой темный казаматъ, гдѣ все убранство состоитъ изъ деревянной перекладины, утвержденной въ потолкѣ, и полукруглаго отверстія, вырубленнаго въ стѣнѣ: первая играла роль висѣлицы, а послѣднее служило могилой, черезъ которую трупы задавленныхъ выкидывались въ озеро.

Изъ этихъ домашнихъ комнатъ входите вы въ тюремный замокъ, гдѣ сидѣли заключенные, бесѣдуя подъ звонъ своихъ цѣпей и шумъ волнъ, разбивавшихся о гранитныя стѣны. Это — продолговатое подземелье, слегка выгнутое и раздѣленное на двѣ галереи семью массивными колоннами, поддерживающими ея тяжелые своды. Вотъ тюрьма Боннивара.

На пятой колоннѣ отъ входа проводникъ показалъ мнѣ желѣзное кольцо, къ которому прикованъ былъ знаменитый узникъ; но вытоптанной около столба дорожки, упоминаемой въ гидахъ, теперь уже не замѣтно. На другомъ столбѣ видна крупная надпись: Byron 1816, и вокругъ нея тѣснятся и переплетаются сотни именъ всякихъ знаменитыхъ и неизвѣстныхъ туристовъ, которые сочли нужнымъ расписаться въ посѣщеніи замка. Мнѣ некогда было знакомиться съ этими самолюбіями; я хо-

тѣлъ взглянуть изъ окна на озеро, и проводникъ принесъ лѣстницу. Видъ изъ тюрьмы описанъ Байрономъ съ удивительной вѣрностью: передъ вами Альпы, снѣга, водопады,

И бездна озера у ногъ,
И Роны блещущій потокъ
Между зеленыхъ береговъ.

Видѣнъ и маленькій островокъ съ тремя деревьями, только я не замѣтилъ на немъ цвѣтовъ. Въ картинѣ природы Байронъ во всей поэмѣ не прибавилъ лишней черты, между-тѣмъ какъ совершенно пересоздалъ лицо самого Боннивара и обставилъ его вымышленными эпизодами. Но при взглядѣ на шильонское подземелье понятно, какія мысли волновали здѣсь поэта. Изъ женевскаго патріота онъ создалъ вѣчный типъ человѣка, изнывающаго безмолвной жертвой слѣпой силы и произвола; въ мученіяхъ одного узника ему отозвались страданія цѣлыхъ народовъ. Въ этомъ весь смыслъ поэмы, задуманной имъ въ Шильонскомъ-замкѣ.

Злонамѣренность, клеймившая Вольтера именемъ человѣка безнравственнаго, назвала и Байрона ненавистникомъ человѣческаго рода, пѣвцомъ гордости и отчаянія. Въ наше время эти мнѣнія начинаютъ являться въ настоящемъ свѣтѣ. Значеніе автора Чайльдъ-Гарольда дѣлается понятнымъ всѣмъ свѣтлымъ людямъ. Развѣ въ одной идеѣ «Шильонскаго Узника» мы не видимъ теперь самой искренней симпатіи къ человѣчеству, теплой любви къ его свободѣ и горькихъ слезъ за его униженіе и страданія!

Отъ Шильонскаго-замка начинаются прелестныя мѣста, которыя на всякомъ шагу напоминаютъ Элоизу: это на-

стоящая почва Руссо—Rousseau's ground, какъ говоритъ Байронъ. Кажется, весь этотъ берегъ нарочно созданъ для того, чтобъ служить сценой страстнаго романа.

Но со временъ Руссо здѣсь уже многое измѣнилось. Монтрё обстроился домами англичанъ, которые пріѣзжаютъ на Женевское-озеро туристами и остаются здѣсь на нѣсколько лѣтъ. Скалы Мельери, откуда Сенъ-Прё хотѣлъ броситься въ озеро, взорваны при постройкѣ Симплонской-дороги. Въ Кларанѣ показали мнѣ домикъ Руссо; но знаменитая рощица Bosquet de Julie почти вся вырублена подъ виноградникъ сенъ-бернардскими монахами, которые благоразумно разочли, что лучше получить нѣсколько лишнихъ бутылокъ вина, чѣмъ безплодно гулять на мѣстѣ поцѣлуя Юліи и Сенъ-Прё. Подъ тѣнью немногихъ деревьевъ, оставленныхъ изъ любезности къ туристамъ, я увидѣлъ какого-то господина. Но это былъ не мечтатель, привлеченный сюда воспоминаніями Элоизы, а какой-то полный, краснощекій англичанинъ, въ лѣтнемъ клѣтчатомъ пиджакѣ, который развалясь на травѣ и ковыряя въ зубахъ, вѣроятно послѣ жирнаго ростбифа, читалъ номеръ Таймса.

Въ пять часовъ, порядочно утомленный своимъ пилигримствомъ, добрался я въ Вевэ и сѣлъ на пароходъ, который только-что пришелъ изъ Вильнёва.

Обратная поѣздка въ Женеву довершила удовольствіе этого дня. Ее нельзя сравнить ни съ прогулками по Рейну, ни съ плаваньемъ по Средиземному-морю. На одномъ берега уходятъ слишкомъ быстро и не даютъ собой полюбоваться, на другомъ красота неба и волнъ постоянно однообразна: здѣсь удовольствіе несравненно полнѣе и привлекательнѣе. Прекрасная картина, развернувшись отчетливо передъ глазами, не ускользаетъ съ

досадной быстротою и не остается на столько, чтобы могла приглядѣться: кажется, будто пароходъ стоитъ на одномъ мѣстѣ и уходитъ тогда только, какъ вы насладитесь вполнѣ всею прелестью ея красокъ. Съ озера закатъ солнца кажется еще великолѣпнѣе.

Мы подходили къ Женевѣ. Впереди виднѣлись ея бѣлые дома, по сторонамъ пестрыя клѣтки нивъ и виноградниковъ, обставленныя горами, а на дальнемъ планѣ лиловые и розовые гребни и между ними блѣдный дискъ мѣсяца. И вся эта декорація, поставленная надъ темно-синей полосой озера, была такъ нѣжна и прозрачна, какъ-будто позади ея зажжены были нарочно огни. Чѣмъ ближе къ городу, тѣмъ озеро становится тѣснѣе, и при быстротѣ хода кажется, будто переднія горы отступаютъ назадъ, а дальнія уходятъ впередъ нарочно для того, чтобъ эта картина, постепенно передвигаясь, вся прошла передъ вашими глазами.

Въ десятомъ часу пароходъ нашъ присталъ къ Ронской-набережной. Было не совсѣмъ еще темно, а городъ давно уже покрылся линіями газовыхъ огней. Изъ городскаго казино доносились звуки увертюры Вильгельма-Телля.

Вся исторія Женевы представляетъ одну картину постепенной эмансипаціи города. Изъ борьбы съ савойскимъ домомъ онъ вынесъ свободу политическую, борьба съ епископами кончилась свободой религіозною: кровь Бертелье и проповѣдь Кальвина скрѣпили женевскую республику. Переворотъ 1847 года окончательно довершилъ торжество демократіи надъ средневѣковою олигархіей.

Французы, любители всего грандіознаго, называютъ

этотъ переворотъ пародіей на свою революцію, а Джемса Фази величаютъ маленькимъ Лафаэтомъ. При мнѣ однажды тоненькій французъ, съ ленточкой въ петлицѣ, декламируя по какому-то биржевому дѣлу противъ женевскихъ банкировъ, называлъ ихъ révolutionnaires lilliputien. И въ-самомъ-дѣлѣ, если судить по количеству потраченной крови, то это переворотъ микроскопическій, въ сравненіи даже съ кавеньяковскимъ погромомъ предмѣстія Saint-Antoine.

Въ Женевѣ всѣ вѣроисповѣданія пользуются теперь одинакими правами. Если слѣды Кальвина не совсѣмъ еще стерлись на здѣшнихъ нравахъ, зато протестантство никого уже не подавляетъ своимъ преобладаніемъ. Суровая строгость здѣшнихъ пасторовъ потеряла свое былое вліяніе. Значеніе протестантскаго Рима мало-по-малу износилось, какъ и авторитетъ Рима католическаго. Система выборовъ примѣнена здѣсь и къ духовенству. Всѣ священники назначаются прихожанами и содержатся или на фонды республики, или на частныя средства. Католическая церковь и еврейская синагога пользуются одинаковой неприкосновенностью и покровительствомъ.

Торговля и промышленность со временъ переворота Фази свободны, какъ и церковь. Преобладаніе денежной аристократіи кончилось въ Женевѣ вмѣстѣ съ паденіемъ политической олигархіи. Банкирскій Римъ, въ которомъ А. Дюма насчиталъ восемьдесятъ-пять милліонеровъ, отказался отъ всѣхъ гильдейскихъ и ремесленныхъ привилегій. Кадуцей Меркурія пересталъ быть знаменемъ одного избраннаго сословія — и если банкъ, эта Silberne Seele der Stadt, по выраженію Гейне, остается еще душею города, зато душа эта открыта теперь всякому кошельку.

Всѣ эти права сильно подѣйствовали на развитіе

общаго благосостоянія. Довольство и богатство видимо распространяются въ городѣ. Сбросивъ тяжелыя рубища вобановскихъ укрѣпленій, онъ началъ одѣваться новыми, изящными постройками. Теперь въ немъ вы видите такую-же ломку, какъ и въ Парижѣ: пролагаютъ новыя улицы, ломаютъ старые дома—и вездѣ ростутъ шести и семи-этажныя громады. Лѣтъ черезъ десять Женева переодѣнется такъ, что ее и не узнаешь.

Въ женевскомъ-кантонѣ не видать слѣдовъ той страшной бѣдности, какая поражаетъ въ прилегающей къ нему части Франціи. Здѣсь не преслѣдуютъ дилижансъ неумолкающіе крики: quelque chose s'il vous plait, съ которыми отъ самаго Сейселя до швейцарской границы, днемъ и ночью, гонятся за экипажемъ не только ребятишки, но полуголые старики и старухи. По берегамъ Лемана вы встрѣчаете правда слѣпыхъ скрипачей и оборванныхъ арфистокъ, въ самой Женевѣ мальчики предлагаютъ вамъ на улицахъ папиросную бумагу или спички, со взглядомъ, приглашающимъ на подаяніе, но прямаго нищенства здѣсь не существуетъ.

Разъ только случилось мнѣ видѣть сцену бѣдности, да и то какого-то идиллическаго характера. Я проходилъ по Quai de Seujet. На островкѣ, огибаемомъ рукавами Роны, стоятъ на сваяхъ высокіе, закоптѣлые дома, которыхъ окна выходятъ прямо на воду. Въ нижнемъ этажѣ одного изъ этихъ пріютовъ бѣдности растворено было широкое окно. Прямо противъ него горѣлъ на очагѣ огонь, и передъ нимъ хлопотала какая-то старуха. Изъ окна мальчикъ лѣтъ семнадцати, въ истертой блузѣ, свѣсившись надъ водою, закидывалъ удочку и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за поплавкомъ. Я оста-

новился. Женщина подошла также къ окну и тоскливо посматривала въ воду.

Черезъ нѣсколько минутъ рыболовъ взмахнулъ удочкой, и серебристая рыбка взлетѣла въ окно. Старуха поймала ее на-лету и принялась опять хлопотать около огня. Немного погодя она снова подошла къ окну.

— Ну, что? спрашивала старуха, глядя на ныряющій поплавокъ.

— Il n'y a rien! отвѣчалъ отрывисто мальчикъ.

— Encore un poisson, mon fils, еще одну! говорила женщина и печально вздыхала, когда молодой рыбакъ напрасно взмахивалъ своей удочкой.

Черезъ полчаса, когда я шелъ назадъ по той-же набережной, оба они сидѣли уже передъ окномъ за своимъ благопріобрѣтеннымъ обѣдомъ.

Отсутствію нищенства помогли въ Женевѣ не столько ея прославленныя селлюлярныя тюрьмы и рабочіе дома, хоть они и устроены съ возможнымъ совершенствомъ, сколько свобода и обиліе промысловъ, множество прекрасно-устроенныхъ благотворительныхъ заведеній и въ особенности народное образованіе. Развитіе промышленности и торговли въ послѣдніе годы подняло множество людей изъ грязной бѣдности. Знаменитыя часовыя фабрики кормятъ до семи тысячъ работниковъ, приготовленныхъ къ этому съ дѣтства систематическимъ воспитаніемъ въ ремесленныхъ заведеніяхъ. Почти столько-же рукъ занято выдѣлкой соломенныхъ шляпъ и рѣзныхъ деревянныхъ вещей, которыя доведены теперь до большаго изящества. Наконецъ толпы постоянно кочующихъ здѣсь богатыхъ иностранцевъ оставляютъ въ городѣ такія крупицы отъ своихъ избытковъ, какими питается

не одна тысяча бѣдняковъ, промышляющихъ въ другихъ мѣстахъ только нищенствомъ.

Женева справедливо гордится обиліемъ и блестящимъ устройствомъ своихъ благотворительныхъ заведеній. Кромѣ обширныхъ госпиталей, дѣтскихъ пріютовъ, сиротскихъ заведеній, домовъ сестеръ милосердія, богодѣленъ для престарѣлыхъ, сберегательныхъ кассъ — въ городѣ есть нѣсколько вспомогательныхъ банковъ, нѣмецкихъ, итальянскихъ, французскихъ, устроенныхъ для пособія разноплеменнымъ выходцамъ. Всѣ эти заведенія, прекрасно организованныя, отвращаютъ бѣдность и уничтожаютъ нищенство.

Наконецъ едва-ли какой городъ въ старомъ и новомъ свѣтѣ можетъ похвалиться, какъ Женева, такимъ количествомъ учебныхъ заведеній и такой ихъ общедоступностью. Примѣръ Боннивара, который отказалъ все свое состояніе на устройство коллегіи, подѣйствовалъ и на другихъ женевскихъ гражданъ. Рядъ пожертвованій доставилъ средства къ основанію многочисленныхъ заведеній для народнаго образованія. Въ настоящее время въ женевскомъ-кантонѣ считается семьдесятъ-пять первоначальныхъ школъ, которыя открыты для всѣхъ безплатно, коллегія, раздѣленная на классическое и реальное отдѣленіе, промышленная школа, гимназія, женское училище, знаменитое по своимъ воспитательницамъ и гувернанткамъ, наконецъ университетъ, составленный теперь изъ двадцати-трехъ каѳедръ. Къ нему, въ видѣ вспомогательныхъ заведеній, принадлежатъ еще ботаническій-садъ, академическій-музей и обсерваторія. Кромѣ этого въ Женевѣ много заведеній спеціальныхъ — институтъ глухонѣмыхъ, рисовальная школа, училище часовыхъ дѣлъ мастеровъ, гимнастическая школа, консерваторія. Въ

окрестностяхъ города, въ прекрасныхъ домахъ съ садами, помѣщаются частные пансіоны, гдѣ содержится множество дѣтей всѣхъ націй. Дѣти воспитываются здѣсь среди природы: ихъ безпрестанно водятъ гулять и иногда довольно далеко. По обоимъ берегамъ озера я встрѣчалъ толпы воспитанниковъ разныхъ заведеній: вмѣстѣ съ гувернерами и учителями ходятъ они ботанизировать или осматривать виноградники. На Леманѣ мы видѣли большую лодку, въ которой ученики какого-то пансіона плыли изъ Женевы въ Лозанну.

Ученыя и литературныя общества поддерживаютъ здѣсь любовь къ наукѣ. Въ этомъ отношеніи родина Десоссюра и Сисмонди давно пользуется европейской извѣстностью. — «Женева знаетъ науку и наука знаетъ Женеву!» говоритъ одинъ изъ здѣшнихъ писателей, и это патріотическое восклицаніе здѣсь не кажется дикимъ. Въ искусствѣ городъ занимаетъ также видную роль. Патріотическія приношенія давно уже образовали здѣсь училище живописи, и теперь женевская школа гордится именами Дидэ и Калама.

Музей Ратъ, названный такимъ образомъ по имени основателя, всякій день открытъ для посѣтителей безъ малѣйшаго затрудненія. Конечно, послѣ Лувра и Дрезденской-галлереи, онъ покажется бѣденъ; но картины Бассано, Караваджа, Доменикино, Сальватора-Розы, Рубенса, Поля-Веронеза, Теньера много помогли здѣсь образованію художественнаго вкуса. Собственная дѣятельность Женевы выражается нѣсколькими пейзажами Калама и Дидэ и картинами Горнунга и Люгардона. Между-прочимъ здѣсь есть нѣсколько картинъ національнаго содержанія, которыя не столько важны по искусству, сколько по вліянію на народное развитіе. Особенно за-

мѣчательны «Послѣднія минуты Кальвина» и «Освобожденіе Боннивара.» Въ музеѣ я видѣлъ блузниковъ и больше всего передъ этими картинами.

Незамѣтно прожилъ я недѣлю въ Женевѣ, и съ каждымъ днемъ городъ становился для меня привлекательнѣе. Пріятно побывать въ неисходномъ лабиринтѣ Лондона, пріятно утонуть на нѣсколько недѣль въ шумномъ омутѣ Парижа, но долгое житье въ этихъ людскихъ водоворотахъ должно утомлять туриста. Въ Женевѣ, мнѣ кажется, я прожилъ-бы цѣлые годы. Здѣсь соединены всѣ удобства провинціальной тишины и наслажденія образованнаго города. При постоянномъ приливѣ иностранцевъ тутъ нѣтъ ни провинціальнаго затишья нѣмецкихъ столицъ, ни узкаго патріотизма французскихъ департаментовъ, ни отталкивающей холодности англійскихъ мануфактурныхъ городовъ. Всѣ національности здѣсь какъ-то теряютъ свою родовую угловатость и рѣзкую исключительность. Толпы разноплеменныхъ выходцевъ и путешественниковъ какъ-будто сливаются здѣсь въ одно племя, и не смотря на различіе языка и самыхъ интересовъ, въ нихъ есть что-то общее, космополитическое. Въ Женевѣ можно найти себѣ кружокъ какихъ угодно мнѣній и образа жизни. Библіотека и книжные магазины представляютъ неистощимую умственную пищу, въ какомъ угодно вкусѣ. Книгопродавцевъ въ городѣ едва-ли не больше, чѣмъ хлѣбниковъ. Не смотря на частыя грозы изъ Парижа и Вѣны, вы найдете здѣсь всякія книги и журналы; а если чего и нѣтъ, вамъ по первому требованію выпишутъ ихъ: у женевскихъ книгопродавцевъ есть агенты во всемъ свѣтѣ.

Въ Женевѣ свобода проявляется не въ либеральныхъ возгласахъ, а въ непринужденности жизни и мысли. Она

вошла глубоко въ нравы. Когда видишь, съ какой простотою извощикъ проситъ огня для сигары у какого-нибудь франта, какъ непринужденно и прилично блузникъ садится на островкѣ Руссо рядомъ съ изящно-одѣтой дамой — то понимаешь, на сколько созрѣло здѣшнее общество въ сравненіи съ Франціей. Вотъ чѣмъ особенно нравится Женева. Часто какой-нибудь городъ оставляетъ пріятное воспоминаніе только потому, что намъ лично было въ немъ весело. Конечно, въ пользу Женевы я былъ подкупленъ и прежними воспоминаніями, и чудесной природой, и удовольствіями загородныхъ поѣздокъ, но больше всего полюбилъ я этотъ городъ, какъ свѣтлый уголокъ, гдѣ люди нашли хоть частицу философскаго камня истинной и разумной свободы.

II.

Мой переходъ черезъ Альпы.

Дорога лучше воспоминаній.
Наполеонъ.

Изъ Женевы ѣхалъ я одинъ въ почтовомъ кабріолетѣ до Сенъ-Мориса. При полномъ отсутствіи всякаго общества, мнѣ не оставалось ничего, какъ только любоваться природой. И было чѣмъ полюбоваться! Сначала Леманъ съ ненаглядно-синими водами и подымающейся зелеными уступами исполинской лѣстницей виноградниковъ, потомъ суровая тѣснина Роны, вся загроможденная горами, съ пятнами снѣговъ, бѣлѣющими въ ихъ черныхъ морщинахъ—все это не давало мнѣ скучать ни минуты. Да кромѣ-того и дорогой встрѣчалось безпрестанно что-нибудь любопытное. То попадались намъ крестьяне въ синихъ блузахъ и соломенныхъ шляпахъ, которые, закинувъ на плеча косы, съ пѣснями шли на работу; то обгоняли мы маленькую телѣжку, похожую на дѣтскую ванну и запряженную сѣрымъ осликомъ, а въ ней сидѣла старуха съ большимъ зобомъ, провожавшая насъ безсмысленнымъ взглядомъ. Въ деревняхъ передъ колодцемъ видны большія корыта, вырубленныя изъ цѣль-

наго сѣраго камня, и передъ ними двѣ или три дѣвушки въ широкихъ соломенныхъ шляпахъ полощатъ бѣлье. При этомъ невольно приходятъ на память тѣ швейцарскіе виды, какими бывало любовались мы на гравюрахъ: казалось, я только припоминалъ то, что доставляло наслажденіе въ далекомъ дѣтствѣ.

Ровно въ полдень мы пріѣхали въ мѣстечко Анесси, все потопленное въ виноградникахъ. Мой почтальонъ, молодой савояръ, въ щегольской синей курткѣ съ красной грудью и въ лакированной шляпѣ, обшитой серебрянымъ галуномъ, принялся хлопотать съ извощикомъ около лошадей. Они окутали ихъ съ головы до хвоста какими-то простынями изъ грубаго, но бѣлаго холста, пристегивая его черными кожаными подпругами въ нѣсколько рядовъ, отчего лошади стали похожи на толстыя бочки съ набитыми обручами.

— Для чего это? спросилъ я.

— Отъ мухъ, monsieur! отвѣчалъ почтальонъ: безъ этого бѣдныхъ лошадей будутъ кусать... А у васъ развѣ такъ не дѣлается?

— У насъ мухъ нѣтъ! сказалъ я смѣясь.

— А, это другое дѣло! c'est un bonheur! здѣсь нельзя не покрывать, больно искусаютъ!

Въ С. Морисѣ изъ полнаго одиночества я попалъ въ многолюдное общество. Меня пересадили въ дилижансъ, который пришелъ по сѣверной дорогѣ изъ Лозанны. Это былъ настоящій ковчегъ, набитый полутора дюжинами представителей разныхъ націй — французами, итальянцами, англичанами. Въ немъ предстояло мнѣ переѣхать черезъ Альпы въ Италію.

Всѣ размѣстились по-немногу. Рядомъ со мной сидѣлъ итальянецъ, съ которымъ я скоро сошелся и уз—

налъ, что онъ миланскій эмигрантъ и ѣдетъ въ Туринъ. Напротивъ насъ помѣщался коротенькій старикъ, окутанный сверхъ пальто большимъ плэдомъ, съ молоденькой черноглазой женщиной, чрезвычайно живой, которую я принялъ за итальянку. Разговоръ сначала не вязался: путешественники то и дѣло выглядывали въ окна дилижанса.

Сторона съ каждымъ шагомъ становилась суровѣе и живописнѣе: Альпы подымались все выше и грандіознѣе. Вдали играли на солнцѣ ледяныя вершины, а по сторонамъ дороги виднѣлись водопады: потокъ серебряной ниткой опускается съ горы, пропадаетъ въ зелени, потомъ опять показывается, и падая на камень, раскидывается снопомъ.

Еще горныя вершины ярко сверкали въ синемъ небѣ, а внизу совсѣмъ уже стемнѣло. Это была какая-то странная ночь, прикрытая небомъ, еще не потерявшимъ дневнаго свѣта; звѣзды показались гораздо позже.

Разговоръ въ нашемъ уголкѣ дилижанса началъ оживляться. Я разговорился съ сосѣдомъ о Ломбардіи, о надеждахъ на ея будущую свободу и изгнаніе ненавистныхъ tedesci. Молоденькая брюнетка, которую я принялъ за итальянку, вмѣшалась въ нашу бесѣду, и съ первыхъ-же словъ сказала, что она любитъ Италію, хоть и родилась въ Мексикѣ и только годъ какъ живетъ въ Европѣ. При-этомъ она очень наивно разсказала, какъ вышла замужъ за мсьё Левильона, того коротенькаго старичка, котораго мы имѣемъ удовольствіе видѣть рядомъ съ нею.

При-этомъ мсьё Левильонъ только улыбался, опустивъ подбородокъ въ свой плэдъ.

— И вы довольны переселеніемъ въ Европу? спросилъ я.

— О, да! мы живемъ во Франціи... мы путешествуемъ часто...

— А въ Италію ѣдете въ первый разъ?

— Да, но мнѣ давно хотѣлось ее видѣть... Въ Мексикѣ мнѣ подарили чотки, освященныя папой... Я поѣду въ Римъ: мнѣ хочется взглянуть на папу, который благословилъ мои чотки!

И наша креолка засмѣялась такимъ звонкимъ смѣхомъ, что дремавшіе въ другомъ концѣ дилижанса англичане проснулись и заговорили.

— Вы много путешествовали? спросилъ у нея итальянецъ.

— О, много! Когда я приняла la resolution heroique de mettre l'océan entre l'Amérique et moi—съ-тѣхъ-поръ я видѣла людей всѣхъ націй.

— Неужели всѣхъ? сказалъ итальянецъ, улыбаясь.

Мадамъ Левильонъ на минуту задумалась.

— Я не видала казаковъ! проговорила она съ печальнымъ видомъ. А хотѣлось-бы видѣть! Dites donc, mon ami, продолжала она, обращаясь къ мужу, увижу-ли я когда-нибудь казаковъ?

Онъ улыбнулся и уткнулъ носъ въ плэдъ.

— Если васъ интересуютъ казаки, сказалъ я,—такъ позвольте рекомендоваться... я казакъ.

— Можетъ-ли быть? вы казакъ!... mais, c'est impossible!

— Настоящій казакъ.... изъ Москвы!

— Изъ Москвы?... да, да: это казачья столица! знаю... Такъ вы казакъ?

— Къ вашимъ услугамъ.

Она нагнулась такъ, что локоны ея, вырвавшись изъ-подъ шляпки, упали мнѣ на лицо. Послѣ этого она от-

кинулась назадъ и проговорила торжественно: благодарю Бога, теперь я видѣла людей всѣхъ націй.

Мы спали очень не много. Въ пятомъ часу пріѣхали мы въ Бригъ, маленькій городокъ, который точно гнѣздо лѣпится у самаго подножія Альпъ. Когда я вышелъ изъ дилижанса, солнце всходило. Прямо передъ нами лежало ущелье, извѣстное подъ именемъ Фурки. Налѣво виднѣлась снѣжная вершина Юнгъ-Фрау, и передъ ней, по горнымъ уступамъ, на страшной высотѣ, какъ желтые грибы, лѣпились деревянные домики альпійскихъ дровосѣковъ. Направо поднимались исполинскіе уступы Симплона, всѣ въ снѣгу. Я обернулся назадъ. Въ глазахъ нашихъ природа работала облака: синяя стѣна горъ тянулась въ обѣ стороны, по ней скользили бѣлые клочья паровъ, свивались въ клубъ, и переползая съ уступа на уступъ, отдѣлялись отъ горной вершины и плыли уже облаками по темно-синему небу, направляясь къ Женевѣ.

Мы вошли въ отель, согрѣться послѣ горной ночи за чашкою кофе.

— Знаете-ли что? сказалъ мнѣ нашъ миланецъ: переѣзжая по шоссе, вы не составите настоящаго понятія объ Альпахъ. Путешественнику мало пищи въ дилижансѣ... Не хотите-ли идти пѣшкомъ по старой дорогѣ? я здѣсь ходилъ не разъ и знаю всѣ тропинки.

— Но какъ-же оставить дилижансъ?

— Нашъ путь короче... дилижансъ не догонитъ насъ раньше Симплонской-гостинницы.

— Въ такомъ случаѣ я очень радъ.

— И я иду съ вами! сказала мадамъ Левильонъ.... Не хочешь-ли и ты, мой другъ? проговорила она, обращаясь къ мужу, и не дождавшись отвѣта, прибавила:

Впрочемъ ты устанешь или упадешь въ пропасть и тебя склюютъ орлы; поѣзжай въ каретѣ, а я иду sous l'escorte des cosaques.

Старичекъ одобрительно улыбнулся.

Къ намъ присталъ еще одинъ итальянецъ изъ Генуи. Мы тотчасъ вооружились палками, взяли съ собой плэды и такимъ-образомъ готовы были совершить свой аннибаловскій переходъ черезъ Альпы.

— Благослови меня! сказала наша мексиканка, подходя къ мужу съ самымъ серьознымъ видомъ — и принявъ его улыбку, громко засмѣялась.

Англичанки, пріѣхавшія вмѣстѣ съ нами въ дилижансѣ, проводили насъ взглядомъ самаго пуританскаго негодованія.

Мы пошли по Симплонской-дорогѣ, которая извивалась все выше и выше въ гору, въ видѣ ровнаго, прекраснаго шоссе, гдѣ легко ѣхать въ какомъ угодно экипажѣ, будь онъ шире и грузнѣе цыганскихъ фуръ.

Черезъ часъ нашъ итальянецъ повернулъ въ сторону: это старая дорога, которая до Наполеона была здѣсь единственнымъ путемъ въ Италію. Мѣстами она расширяется до размѣровъ нашего проселка, мѣстами съуживается такъ, что двое съ трудомъ могутъ идти рядомъ. И по этимъ-то дорогамъ переходили цѣлыя арміи съ обозами и артиллеріей! Сначала эта прогулка заняла меня, но потомъ стали встрѣчаться минуты не совсѣмъ пріятныя. Дорога нерѣдко переходила на самый край горы и огибала ее такъ, что съ одной стороны подымалась сплошная стѣна, убѣгающая въ недосягаемую высь, а съ другой почти вертикальный обрывъ опускался въ страшную глубь, гдѣ въ темной дали виднѣлись ели, точно мелкій тростникъ, и еще ниже ревѣлъ невидимый потокъ. При од-

номъ взглядѣ туда грудь болѣзненно замирала. Креолка наша шла такъ смѣло, какъ-будто мы переходили по бальной залѣ, и по-временамъ смотрѣла въ глубь.

— Подите-ка сюда! сказала она мнѣ, остановясь и нагибаясь въ пропасть, надъ которой висѣла дорога: посмотрите, какіе звѣри!

Подъ нами, глубоко, на обрывахъ скалъ, ползали бѣлыя черноголовыя козы. Дна ущелья не было видать. Я невольно отшатнулся.

— Вы, кажется, боитесь горъ? спросила мексиканка.

— Что-же мудренаго, отвѣчалъ я шутя: вѣдь мы казаки живемъ въ степяхъ.

— Дайте-же мнѣ руку.

Мы взобрались на небольшую площадку. Миланецъ нашъ обернулся и молча показалъ назадъ. За нами внизу лежалъ Бригъ, видный такъ отчетливо, что можно было разглядѣть въ немъ каждый домикъ. Направо поднималась мрачная Юнгъ-Фрау, налѣво весь во льдахъ сверкалъ многочисленными гребнями Монбланъ. Легкій паръ незамѣтно проносился передъ снѣгами, и они искрились и трепетали. Всѣ мы бросились на горный мохъ и закурили папиросы.

Черезъ четверть часа пустились мы дальше. Съ непривычки дорога эта нагоняла невольный страхъ: мѣстами она была не шире письменнаго стола, и съ одной стороны по-прежнему, какъ стѣна, подымались скалы, съ другой обрывы спускались отвѣсно въ недоступную глубину. Были минуты, когда я жалѣлъ, что пустился въ этотъ головоломный переходъ. Къ довершенію удовольствія, дорога мѣстами была поката и сыра отъ брызговъ сбѣгающихъ съ вышины потоковъ. Попробуешь смотрѣть на боковыя скалы — того и гляди сдѣлаешь не-

вѣрный шагъ, взглянешь подъ ноги—подлѣ видна глубокая пропасть.... и сердце болѣзненно замираетъ. Изрѣдка въ глубокой дали, точно желтыя точки, виднѣются швейцарскіе домики: это шалэ,—избушки альпійскихъ пастуховъ. Воздухъ съ каждымъ часомъ становится свѣжѣе. На одномъ поворотѣ наткнулись мы на двухъ мужиковъ, въ синихъ суконныхъ курткахъ и сѣрыхъ шляпахъ, которые вели за узду муловъ. Намъ едва можно было разойтись.

— Откуда вы? спросили мы.

— Возили англичанъ до Симплонскаго-отеля и возвращаемся въ Бригъ.

— Ахъ! поѣдемте на мулахъ: я устала, я идти не могу! заговорила мадамъ Левильонъ.

Мы уговорились съ погонщиками. Итальянцы не намѣрены были, кажется, дѣлать лишнихъ издержекъ и уступили мнѣ другаго мула. Путешественница наша бойко вспрыгнула на сѣдло.

— И вы устали? спросилъ я.

— Страшно устала, едва на ногахъ стою! проговорила она и смѣясь потрепала шею своего мула.

Мы двинулись впередъ за проводниками. Я думалъ сначала, что въ сѣдлѣ мнѣ будетъ покойнѣе, но жестоко ошибся: легкая качка на мулѣ и замираніе сердца при видѣ постоянно чернѣвшей подъ ногами пропасти были нестерпимы. А мексиканка наша безпрестанно подшучивала надо мной.

— Взгляните: опять домики! говорила она, повертываясь ко мнѣ на сѣдлѣ и показывая въ глубь ущелья. Да что-же вы не смотрите?

Вдругъ она остановила своего мула.

— Слышите!

— Что такое?

— Пѣсня.... играютъ.... вѣдь, это ranz des vaches!

Но вдали слышалось только блеяніе козъ. Креолка зучно захохотала. У меня начинала кружиться голова. . выбралъ мѣсто, гдѣ дорога была пошире, сѣлъ съ ула и пошелъ опять пѣшкомъ, придерживаясь за сѣдло. О проклятая дорога мѣстами была такъ узка, что мулъ овсѣмъ прижималъ меня къ скалѣ, а ноги скользили по амнямъ, влажнымъ отъ потоковъ. Въ воздухѣ станови-ось холоднѣе; въ трещинахъ горъ попадался снѣгъ. Не мотря на то, что я окутался плэдомъ, холодъ съ каж-ой минутой дѣлался чувствительнѣе. Дорога, зигзагами гибая горы, вилась все выше и выше. Кругомъ тихо, о это не тишина степи или открытаго поля, а какая-то еличавая тишь, въ которой не столько слышится, сколько увствуется гулъ гдѣ-то бѣгущихъ потоковъ. Изрѣдка олько онъ переходитъ въ отчетливо-слышный громъ, и ы видите водопадъ, который сползаетъ бѣлой змѣею съ рашной высоты и пропадаетъ за камнями. Вотъ до-ога поворачиваетъ; на вершинѣ горы лежатъ груды нѣга, и изъ-подъ него льется потокъ, обрызгивая всю орогу. Мы идемъ по скользкой, покатой тропинкѣ.

— Взгляните: глетчеръ! закричалъ намъ миланецъ.

Мы остановились. Вправо, сквозь раздавшіяся горы, иднѣлся вдали большой ледникъ, сверкая на солнцѣ очно вороненая сталь. Кажется, будто исполинская гора блита цѣлымъ потокомъ воды, которая въ одинъ мигъ амерзла, охваченная страшнымъ холодомъ. По краямъ иній цвѣтъ переливался въ зеленый, точно эта оледенѣ-ая масса поросла мохомъ; блѣдно-розовые пары волно-ались надъ этимъ колоссальнымъ сталактитомъ, и угло-атые контуры горъ рѣзко и отчетливо вырѣзывались на

синевѣ неба. Все это было очень далеко, но такъ ясно, что кажется досталъ-бы рукою.

Наконецъ, черезъ три часа утомительнаго перехода, добрались мы въ Берзаль. Дилижансъ еще не приходилъ. Итальянцы остались, по просьбѣ нашей, расплатиться съ погонщиками муловъ, а мы вошли въ залу небольшаго трактира.

Въ комнатѣ, обвѣшенной по всѣмъ стѣнамъ французскими литографіями и въ томъ числѣ полдюжиной портретовъ Наполеона въ разныхъ видахъ и позахъ, на большомъ бѣломъ столѣ, стояла каменная чашка съ свѣжимъ молокомъ. Мы тотчасъ-же принялись хозяйничать. Мадамъ Левильонъ въ одну минуту разлила его въ стаканы, а я пошелъ спросить хлѣба. Только-что мы принялись за импровизированный завтракъ, вошелъ нашъ миланецъ. Не говоря ни слова, онъ взялъ у насъ стаканы и выплеснулъ въ окно.

— Что это вы дѣлаете?

— Извините, сказалъ онъ: но вѣдь это смерть... три часа въ горахъ, шли пѣшкомъ — и пить молоко!

— Но я хочу пить, я умираю съ голоду! говорила наша путешественница.

— Сей-часъ!

Миланецъ нашъ вышелъ и чрезъ пять минутъ воротился съ большимъ подносомъ, на которомъ стояли тарелки съ хлѣбомъ и холоднымъ мясомъ и стаканы съ какою-то жидкостью, дымящеюся горячимъ паромъ.

— Что это? спросили мы.

— Киршвассеръ... buono per stomaco!

Въ-самомъ-дѣлѣ, не смотря на свое неблагозвучное названіе, напитокъ оказался не дуренъ. Въ одну минуту онъ согрѣлъ насъ. Завтракъ нашъ былъ очень-веселъ. Изъ

оконъ виднѣлись горныя вершины и прямо передъ нами швейцарскіе домики съ рѣзными узорчатыми галереями, такъ напоминающіе русскую избу.

Мы съ часъ провели въ трактирѣ, а дилижанса все еще не было. Миланецъ предложилъ идти дальше, по большой дорогѣ, пока не догонитъ насъ экипажъ. Мадамъ Левильонъ первая согласилась.

Мы вышли изъ Берзаля и черезъ нѣсколько минутъ остановились на поворотѣ. Позади насъ, далеко внизу бѣлѣлъ Бригъ, который мы покинули четыре часа назадъ. Онъ видѣнъ былъ такъ ясно, что кажется можно-бы дойти туда въ пять минутъ. Точно это была какая-нибудь миніатюрная модель, гдѣ все сдѣлано въ маленькомъ видѣ, но съ самой тонкой отчетливостью: домики, улицы, сады виднѣлись со всѣми ихъ очерками и красками, словно мы любовались игрушкой, поставленной передъ нами въ десяти шагахъ.

По дорогѣ, которая широкой полосою все поднималась вверхъ, начали попадаться галереи, пробитыя въ горахъ — или по невозможности выбрать другое направленіе, или для защиты отъ снѣговыхъ обваловъ. Черезъ нихъ нерѣдко переливаются потоки, и вода, пробиваясь сквозь камни, убираетъ своды сплошными сталактитами. И всю эту исполинскую дорогу, въ четырнадцать лье длины, поднятую на шесть тысячъ футовъ надъ моремъ, съ пробитыми въ гранитѣ тоннелями и отведенными водопадами, Наполеонъ кончилъ въ шесть лѣтъ. Это лучше его Вандомскихъ-колоннъ и порфировыхъ саркофаговъ въ церкви Инвалидовъ! Правда, онъ взорвалъ для своей дороги скалы Мельери, прославленныя Жанъ-Жакомъ Руссо, но зато и самъ оставилъ памятникъ гораздо болѣе поэ-

тическій, чѣмъ всѣ воспоминанія о «скучныхъ педантахъ любви», какъ Байронъ назвалъ Элоизу и Сенъ-Прё.

Кругомъ, на страшной высотѣ, безпрестанно виднѣются пастушьи домики, и не видя тропинокъ, не можешь понять, какимъ-образомъ туда попадаютъ люди. Кажется, эти избушки надѣланы только для виду. Но вонъ тамъ лѣпятся козы и пугливо смотрятъ на насъ, приподнимая головы; вонъ сидитъ и человѣкъ... мы махнули шляпами, онъ приподнялся и смотритъ на насъ. Горные откосы всѣ краснѣютъ альпійскими розами: цвѣтокъ этотъ — здѣшній туземецъ; онъ ростетъ только по линіи снѣговъ и не спускается въ долины.

Насъ догнали двое молодыхъ швейцарцевъ. Это были почти дѣти, лѣтъ пятнадцати, въ оборванныхъ курткахъ, съ большими палками, на которыхъ прицѣплено было по узелку изъ какихъ-то тряпокъ. Робко подошли они къ намъ и, приподнимая шляпы, заговорили въ голосъ: quelque chose, messieurs, s'il vous plait!

— Откуда вы? спросилъ я.

— Изъ Водскаго-кантона.

— Куда-же вы идете?

— Въ Италію, въ Неаполь.

— Зачѣмъ?

— Мы идемъ записаться въ солдаты къ неаполитанскому королю.

— Фи! сказала мадамъ Левильонъ: да васъ тамъ будутъ бить.

— Что дѣлать! онъ платитъ пятнадцать франковъ въ мѣсяцъ.

— И не стыдно вамъ идти подъ палку?

— Мы бѣдны... а тамъ платятъ! говорилъ мальчикъ, нотупляя глаза.

— Нѣтъ, я не вѣрю, что вы швейцарцы!

— У насъ хлѣба нѣтъ!... пятнадцать франковъ!... ıепталъ бѣдный малый.

— Смотрите-же, не стѣрляйте въ меня, когда я буду ь Неаполѣ! сказала мадамъ Левильонъ, подавая ему еньги.

Мальчикъ чуть не плакалъ.

Мы подошли опять къ пробитой въ скалѣ длинной гаереѣ, которая снаружи обведена надъ пропастью арками, ь глухими промежутками. Черезъ нее катился въ бездну одопадъ, и брызги пробиваясь черезъ сводъ, растворяли ь галереѣ глубокую грязь. Мы остановились передъ этимъ еожиданнымъ препятствіемъ, но наши неаполитанскіе олонтеры показали намъ тропинку, которая лѣпилась съ аружной стороны галереи, надъ обрывомъ горы. Спаıясь отъ грязи, мы рѣшились пройти по этой дорожкѣ. Значала она была довольно сносна, но потомъ страшно ъузилась надъ пропастью, гдѣ совсѣмъ не видать было на. Въ добавокъ водопадъ, перегибаясь надъ ней дугою, ıокрывалъ ее брызгами, и какъ нарочно въ самомъ этомъ ıѣстѣ она становилась покатою къ сторонѣ обрыва. Это ыла прескверная минута. Впереди оставалось еще сакени три этой мокрой тропинки, а за мною наша креолка оворила: идите скорѣе, здѣсь худо! я боюсь!

Я оперся на мокрую стѣну и протянулъ руку мадамъ Іевильонъ. Въ эту минуту одинъ изъ нашихъ молодыхъ ıвейцарцевъ, не знаю какъ, очутился подлѣ, схватилъ еня подъ руку, и не переводя духу, перетащилъ подъ воопадомъ до самаго края галереи. Я не успѣлъ опомниться, акъ почувствовалъ, что кто-то оперся на меня: это была аша мексиканка, которую другой изъ нашихъ волонтеовъ перенесъ на рукахъ. Она была замѣтно разстроена,

но говорила смѣясь: какой славный мальчикъ, а идетъ служить неаполитанскому королю!

Мы добрались до Hospice du Simplon. Это огромное каменное зданіе, построенное только для пріюта и ночлега путешественниковъ. Къ намъ подошли двѣ большія собаки, которыхъ здѣсь, какъ и на Сенъ-Бернарѣ, держатъ для отысканія прохожихъ, заблудившихся во время горныхъ метелей. Не успѣли мы войти въ гостинницу, какъ за нами послышалось хлопанье бича: это былъ дилижансъ.

Насъ встрѣтили вопросами, и маленькій старичекъ, высунувъ носъ изъ плэда, съ улыбкой взглянулъ на нашу спутницу и проговорилъ: eh bien?

— Жива и невредима! сказала мадамъ Левильонъ; но еслибы ты, cher ami, пошелъ съ нами, тебя-бы навѣрно унесло водопадомъ — и я осталась-бы безпріютной вдовою!

Англичанки, которыя въ Бригѣ проводили насъ негодующимъ взглядомъ, посмотрѣли теперь на мадамъ Левильонъ съ видомъ крайняго ужаса, и одна изъ нихъ понюхала даже какую-то скляночку, вѣроятно для предохраненія себя отъ ожидаемаго обморока.

Мы остановились обѣдать въ Симплонской-деревнѣ, въ трактирѣ, гдѣ зала вся расписана видами сраженій между турками и богъ-знаетъ какимъ-то европейскимъ народомъ. За обѣдомъ наша мексиканка своей болтливостью и шутками окончательно раздражила богоугодныхъ англичанокъ: эти прямыя и длинныя лэди кажется ожидали, что вотъ-вотъ горы обрушатся на наши головы и вмѣстѣ съ грѣшниками подавятъ и ихъ праведныя особы.

Громы небесные однакожъ молчали; всѣ мы преблагополучно сѣли въ карету и уѣхали, сопровождаемые про-

щальными привѣтствіями нашихъ волонтеровъ, которые махали намъ шляпами.

Черезъ часъ пути отъ Симплона чувствуется уже перемѣна въ природѣ. На насъ повѣяло Италіей: воздухъ сталъ теплѣе, привѣтнѣе, зелень и деревья — свѣтлѣе и ярче. Дорога, по-прежнему извиваясь зигзагами, начала замѣтно опускаться.

— Вотъ и Италія! сказалъ весело нашъ миланецъ.

Въ-самомъ-дѣлѣ это была другая страна. Синее небо становилось гуще и прозрачнѣе. По скатамъ горъ, вмѣсто моха и альпійскихъ розъ, вьются вездѣ ползучія растенія съ мягкой зеленью. На каменныхъ столбахъ, обвитыхъ плющемъ, лежатъ огромныя горизонтальныя рѣшетки, и по нимъ сплошной сѣтью сплетается виноградъ. Мохъ, трава, деревья, самые лишаи на нихъ — все ярко и сочно. Дома другой архитектуры, съ цвѣтными образами на стѣнахъ. Передъ мельницей, построенной надъ гремучей рѣчкою, лежатъ два большіе жернова — изъ бѣлаго мрамора!

Съ каждымъ поворотомъ дороги мы спускаемся все ниже. Съ каждымъ шагомъ становится теплѣе; самъ мсьё Левильонъ разматываетъ понемногу и наконецъ совсѣмъ снимаетъ свой плэдъ.

Въ пять часовъ пріѣхали мы въ Домо д'Оссола. Это первый итальянскій городъ. Дома всѣ съ широкими окнами, съ фресками мадоннъ и святыхъ. На рынкѣ сидятъ крестьянки, у которыхъ на головѣ родъ діадимы изъ огромныхъ булавокъ съ мѣдными шариками, наколотыхъ въ косѣ въ видѣ сверкающаго вѣера. На улицахъ продаютъ персики, абрикосы. На балконахъ сидятъ женщины подъ черными вуалями.

У воротъ отеля, гдѣ мы выходимъ изъ дилижанса, дѣ-

вушка съ пышной косой, проткнутой горизонтально мѣдной булавкой, величиною съ добрый кинжалъ, держитъ въ рукахъ бѣлую корзину.

— Посмотрите, какіе плоды! закричала наша мексиканка: я хочу ихъ попробовать!

Это были желтые шелковые коконы. Всѣ мы дружно захохотали, и сами строгія англичанки, можетъ-быть подъ обаятельнымъ вліяніемъ весело-улыбавшагося итальянскаго неба, не могли или не хотѣли удержаться отъ улыбки.

III.

Миланъ.

Никогда не видалъ я такой забавной тревоги, какая поднялась въ нашемъ дилижансѣ, когда на пути изъ Новарры мы стали подъѣзжать къ ломбардской границѣ у маджентскаго-моста. Дѣло въ томъ, что насъ ожидалъ переходъ черезъ страшное чистилище австрійской таможни, о которомъ въ Сардиніи разсказывали самыя ужасныя легенды. Не зная большихъ контрабандныхъ грѣховъ за моимъ чемоданомъ, я довольно спокойно смотрѣлъ на хлопоты и комическія приготовленія нашихъ пассажировъ. Дамы обнаружили особенную заботливость о своемъ костюмѣ, точно готовились къ какому-нибудь парадному визиту: изъ сакъ-вояжей и картонокъ вынимались шляпки, платки, зонтики; на грудь прикалывали брошки, къ корсажу привѣшивали часы — и все это было совершенно новенькое, свѣжее, блестящее.

Мадамъ Левильонъ драпировала свои плечи бѣлой французской шалью, на шею надѣла какое-то ожерелье, пальцы убрала кольцами, на шляпку навязала новый кружевной вуаль.

— Ужъ не назначенъ-ли въ таможнѣ балъ? спросилъ я у нея шутя.

*

вѣрный шагъ, взглянешь подъ ноги—подлѣ видна глубокая пропасть.... и сердце болѣзненно замираетъ. Изрѣдка въ глубокой дали, точно желтыя точки, виднѣются швейцарскіе домики: это шалэ,—избушки альпійскихъ пастуховъ. Воздухъ съ каждымъ часомъ становится свѣжѣе. На одномъ поворотѣ наткнулись мы на двухъ мужиковъ, въ синихъ суконныхъ курткахъ и сѣрыхъ шляпахъ, которые вели за узду муловъ. Намъ едва можно было разойтись.

— Откуда вы? спросили мы.

— Возили англичанъ до Симплонскаго-отеля и возвращаемся въ Бригъ.

— Ахъ! поѣдемте на мулахъ: я устала, я идти не могу! заговорила мадамъ Левильонъ.

Мы уговорились съ погонщиками. Итальянцы не намѣрены были, кажется, дѣлать лишнихъ издержекъ и уступили мнѣ другаго мула. Путешественница наша бойко вспрыгнула на сѣдло.

— И вы устали? спросилъ я.

— Страшно устала, едва на ногахъ стою! проговорила она и смѣясь потрепала шею своего мула.

Мы двинулись впередъ за проводниками. Я думалъ сначала, что въ сѣдлѣ мнѣ будетъ покойнѣе, но жестоко ошибся: легкая качка на мулѣ и замираніе сердца при видѣ постоянно чернѣвшей подъ ногами пропасти были нестерпимы. А мексиканка наша безпрестанно подшучивала надо мной.

— Взгляните: опять домики! говорила она, повертываясь ко мнѣ на сѣдлѣ и показывая въ глубь ущелья. Да что-же вы не смотрите?

Вдругъ она остановила своего мула.

— Слышите!

— Что такое?

— Пѣсня.... играютъ.... вѣдь, это ranz des vaches!

Но вдали слышалось только блеяніе козъ. Креолка звучно захохотала. У меня начинала кружиться голова. Я выбралъ мѣсто, гдѣ дорога была пошире, сѣлъ съ мула и пошелъ опять пѣшкомъ, придерживаясь за сѣдло. Но проклятая дорога мѣстами была такъ узка, что мулъ совсѣмъ прижималъ меня къ скалѣ, а ноги скользили по камнямъ, влажнымъ отъ потоковъ. Въ воздухѣ становилось холоднѣе; въ трещинахъ горъ попадался снѣгъ. Не смотря на то, что я окутался плэдомъ, холодъ съ каждой минутой дѣлался чувствительнѣе. Дорога, зигзагами огибая горы, вилась все выше и выше. Кругомъ тихо, но это не тишина степи или открытаго поля, а какая-то величавая тишь, въ которой не столько слышится, сколько чувствуется гулъ гдѣ-то бѣгущихъ потоковъ. Изрѣдка только онъ переходитъ въ отчетливо-слышный громъ, и вы видите водопадъ, который сползаетъ бѣлой змѣею съ страшной высоты и пропадаетъ за камнями. Вотъ дорога поворачиваетъ; на вершинѣ горы лежатъ груды снѣга, и изъ-подъ него льется потокъ, обрызгивая всю дорогу. Мы идемъ по скользкой, покатой тропинкѣ.

— Взгляните: глетчеръ! закричалъ намъ миланецъ.

Мы остановились. Вправо, сквозь раздавшіяся горы, виднѣлся вдали большой ледникъ, сверкая на солнцѣ точно вороненая сталь. Кажется, будто исполинская гора облита цѣлымъ потокомъ воды, которая въ одинъ мигъ замерзла, охваченная страшнымъ холодомъ. По краямъ синій цвѣтъ переливался въ зеленый, точно эта оледенѣлая масса поросла мохомъ; блѣдно-розовые пары волновались надъ этимъ колоссальнымъ сталактитомъ, и угловатые контуры горъ рѣзко и отчетливо вырѣзывались на

синевѣ неба. Все это было очень далеко, но такъ ясно, что кажется досталъ-бы рукою.

Наконецъ, черезъ три часа утомительнаго перехода, добрались мы въ Берзаль. Дилижансъ еще не приходилъ. Итальянцы остались, по просьбѣ нашей, расплатиться съ погонщиками муловъ, а мы вошли въ залу небольшаго трактира.

Въ комнатѣ, обвѣшенной по всѣмъ стѣнамъ французскими литографіями и въ томъ числѣ полдюжиной портретовъ Наполеона въ разныхъ видахъ и позахъ, на большомъ бѣломъ столѣ, стояла каменная чашка съ свѣжимъ молокомъ. Мы тотчасъ-же принялись хозяйничать. Мадамъ Левильонъ въ одну минуту разлила его въ стаканы, а я пошелъ спросить хлѣба. Только-что мы принялись за импровизированный завтракъ, вошелъ нашъ миланецъ. Не говоря ни слова, онъ взялъ у насъ стаканы и выплеснулъ въ окно.

— Что это вы дѣлаете?

— Извините, сказалъ онъ: но вѣдь это смерть... три часа въ горахъ, шли пѣшкомъ — и пить молоко!

— Но я хочу пить, я умираю съ голоду! говорила наша путешественница.

— Сей-часъ!

Миланецъ нашъ вышелъ и чрезъ пять минутъ воротился съ большимъ подносомъ, на которомъ стояли тарелки съ хлѣбомъ и холоднымъ мясомъ и стаканы съ какою-то жидкостью, дымящеюся горячимъ паромъ.

— Что это? спросили мы.

— Киршвассеръ... buono per stomaco!

Въ-самомъ-дѣлѣ, не смотря на свое неблагозвучное названіе, напитокъ оказался не дуренъ. Въ одну минуту онъ согрѣлъ насъ. Завтракъ нашъ былъ очень-веселъ. Изъ

оконъ виднѣлись горныя вершины и прямо передъ нами швейцарскіе домики съ рѣзными узорчатыми галереями, такъ напоминающіе русскую избу.

Мы съ часъ провели въ трактирѣ, а дилижанса все еще не было. Миланецъ предложилъ идти дальше, по большой дорогѣ, пока не догонитъ насъ экипажъ. Мадамъ Левильонъ первая согласилась.

Мы вышли изъ Берзаля и черезъ нѣсколько минутъ остановились на поворотѣ. Позади насъ, далеко внизу бѣлѣлъ Бригъ, который мы покинули четыре часа назадъ. Онъ видѣнъ былъ такъ ясно, что кажется можно-бы дойти туда въ пять минутъ. Точно это была какая-нибудь миніатюрная модель, гдѣ все сдѣлано въ маленькомъ видѣ, но съ самой тонкой отчетливостью: домики, улицы, сады виднѣлись со всѣми ихъ очерками и красками, словно мы любовались игрушкой, поставленной передъ нами въ десяти шагахъ.

По дорогѣ, которая широкой полосою все поднималась вверхъ, начали попадаться галереи, пробитыя въ горахъ — или по невозможности выбрать другое направленіе, или для защиты отъ снѣговыхъ обваловъ. Черезъ нихъ нерѣдко переливаются потоки, и вода, пробиваясь сквозь камни, убираетъ своды сплошными сталактитами. И всю эту исполинскую дорогу, въ четырнадцать лье длины, поднятую на шесть тысячъ футовъ надъ моремъ, съ пробитыми въ гранитѣ тоннелями и отведенными водопадами, Наполеонъ кончилъ въ шесть лѣтъ. Это лучше его Вандомскихъ-колоннъ и порфировыхъ саркофаговъ въ церкви Инвалидовъ! Правда, онъ взорвалъ для своей дороги скалы Мельери, прославленныя Жанъ-Жакомъ Руссо, но зато и самъ оставилъ памятникъ гораздо болѣе поэ-

тическій, чѣмъ всѣ воспоминанія о «скучныхъ педантахъ любви», какъ Байронъ назвалъ Элоизу и Сенъ-Прё.

Кругомъ, на страшной высотѣ, безпрестанно виднѣются пастушьи домики, и не видя тропинокъ, не можешь понять, какимъ-образомъ туда попадаютъ люди. Кажется, эти избушки надѣланы только для виду. Но вонъ тамъ лѣпятся козы и пугливо смотрятъ на насъ, приподнимая головы; вонъ сидитъ и человѣкъ... мы махнули шляпами, онъ приподнялся и смотритъ на насъ. Горные откосы всѣ краснѣютъ альпійскими розами: цвѣтокъ этотъ — здѣшній туземецъ; онъ ростетъ только по линіи снѣговъ и не спускается въ долины.

Насъ догнали двое молодыхъ швейцарцевъ. Это были почти дѣти, лѣтъ пятнадцати, въ оборванныхъ курткахъ, съ большими палками, на которыхъ прицѣплено было по узелку изъ какихъ-то тряпокъ. Робко подошли они къ намъ и, приподнимая шляпы, заговорили въ голосъ: quelque chose, messieurs, s'il vous plaît!

— Откуда вы? спросилъ я.

— Изъ Водскаго-кантона.

— Куда-же вы идете?

— Въ Италію, въ Неаполь.

— Зачѣмъ?

— Мы идемъ записаться въ солдаты къ неаполитанскому королю.

— Фи! сказала мадамъ Левильонъ: да васъ тамъ будутъ бить.

— Что дѣлать! онъ платитъ пятнадцать франковъ въ мѣсяцъ.

— И не стыдно вамъ идти подъ палку?

— Мы бѣдны... а тамъ платятъ! говорилъ мальчикъ, потупляя глаза.

— Нѣтъ, я не вѣрю, что вы швейцарцы!

— У насъ хлѣба нѣтъ!... пятнадцать франковъ!... шепталъ бѣдный малый.

— Смотрите-же, не стѣрляйте въ меня, когда я буду въ Неаполѣ! сказала мадамъ Левильонъ, подавая ему деньги.

Мальчикъ чуть не плакалъ.

Мы подошли опять къ пробитой въ скалѣ длинной галереѣ, которая снаружи обведена надъ пропастью арками, съ глухими промежутками. Черезъ нее катился въ бездну водопадъ, и брызги пробиваясь черезъ сводъ, растворяли въ галереѣ глубокую грязь. Мы остановились передъ этимъ неожиданнымъ препятствіемъ, но наши неаполитанскіе волонтеры показали намъ тропинку, которая лѣпилась съ наружной стороны галереи, надъ обрывомъ горы. Спасаясь отъ грязи, мы рѣшились пройти по этой дорожкѣ. Сначала она была довольно сносна, но потомъ страшно съузилась надъ пропастью, гдѣ совсѣмъ не видать было дна. Въ добавокъ водопадъ, перегибаясь надъ ней дугою, покрывалъ ее брызгами, и какъ нарочно въ самомъ этомъ мѣстѣ она становилась покатою къ сторонѣ обрыва. Это была прескверная минута. Впереди оставалось еще сажени три этой мокрой тропинки, а за мною наша креолка говорила: идите скорѣе, здѣсь худо! я боюсь!

Я оперся на мокрую стѣну и протянулъ руку мадамъ Левильонъ. Въ эту минуту одинъ изъ нашихъ молодыхъ швейцарцевъ, не знаю какъ, очутился подлѣ, схватилъ меня подъ руку, и не переводя духу, перетащилъ подъ водопадомъ до самаго края галереи. Я не успѣлъ опомниться, какъ почувствовалъ, что кто-то оперся на меня: это была наша мексиканка, которую другой изъ нашихъ волонтеровъ перенесъ на рукахъ. Она была замѣтно разстроена,

но говорила смѣясь: какой славный мальчикъ, а идетъ служить неаполитанскому королю!

Мы добрались до Hospice du Simplon. Это огромное каменное зданіе, построенное только для пріюта и ночлега путешественниковъ. Къ намъ подошли двѣ большія собаки, которыхъ здѣсь, какъ и на Сенъ-Бернарѣ, держатъ для отысканія прохожихъ, заблудившихся во время горныхъ метелей. Не успѣли мы войти въ гостинницу, какъ за нами послышалось хлопанье бича: это былъ дилижансъ.

Насъ встрѣтили вопросами, и маленькій старичекъ, высунувъ носъ изъ плэда, съ улыбкой взглянулъ на нашу спутницу и проговорилъ: eh bien?

— Жива и невредима! сказала мадамъ Левильонъ; но еслибы ты, cher ami, пошелъ съ нами, тебя-бы навѣрно унесло водопадомъ — и я осталась-бы безпріютной вдовою!

Англичанки, которыя въ Бригѣ проводили насъ негодующимъ взглядомъ, посмотрѣли теперь на мадамъ Левильонъ съ видомъ крайняго ужаса, и одна изъ нихъ понюхала даже какую-то скляночку, вѣроятно для предохраненія себя отъ ожидаемаго обморока.

Мы остановились обѣдать въ Симплонской-деревнѣ, въ трактирѣ, гдѣ зала вся расписана видами сраженій между турками и богъ-знаетъ какимъ-то европейскимъ народомъ. За обѣдомъ наша мексиканка своей болтливостью и шутками окончательно раздражила богоугодныхъ англичанокъ: эти прямыя и длинныя лэди кажется ожидали, что вотъ-вотъ горы обрушатся на наши головы и вмѣстѣ съ грѣшниками подавятъ и ихъ праведныя особы.

Громы небесные однакожъ молчали; всѣ мы преблагополучно сѣли въ карету и уѣхали, сопровождаемые про-

щальными привѣтствіями нашихъ волонтеровъ, которые махали намъ шляпами.

Черезъ часъ пути отъ Симплона чувствуется уже перемѣна въ природѣ. На насъ повѣяло Италіей: воздухъ сталъ теплѣе, привѣтнѣе, зелень и деревья — свѣтлѣе и ярче. Дорога, по-прежнему извиваясь зигзагами, начала замѣтно опускаться.

— Вотъ и Италія! сказалъ весело нашъ миланецъ.

Въ-самомъ-дѣлѣ это была другая страна. Синее небо становилось гуще и прозрачнѣе. По скатамъ горъ, вмѣсто моха и альпійскихъ розъ, вьются вездѣ ползучія растенія съ мягкой зеленью. На каменныхъ столбахъ, обвитыхъ плющемъ, лежатъ огромныя горизонтальныя рѣшетки, и по нимъ сплошной сѣтью сплетается виноградъ. Мохъ, трава, деревья, самые лишаи на нихъ — все ярко и сочно. Дома другой архитектуры, съ цвѣтными образами на стѣнахъ. Передъ мельницей, построенной надъ гремучей рѣчкою, лежатъ два большіе жернова — изъ бѣлаго мрамора!

Съ каждымъ поворотомъ дороги мы спускаемся все ниже. Съ каждымъ шагомъ становится теплѣе; самъ мсьё Левильонѣ разматываетъ понемногу и наконецъ совсѣмъ снимаетъ свой плэдъ.

Въ пять часовъ пріѣхали мы въ Домо д'Оссола. Это первый итальянскій городъ. Дома всѣ съ широкими окнами, съ фресками мадоннъ и святыхъ. На рынкѣ сидятъ крестьянки, у которыхъ на головѣ родъ діадимы изъ огромныхъ булавокъ съ мѣдными шариками, наколотыхъ въ косѣ въ видѣ сверкающаго вѣера. На улицахъ продаютъ персики, абрикосы. На балконахъ сидятъ женщины подъ черными вуалями.

У воротъ отеля, гдѣ мы выходимъ изъ дилижанса, дѣ-

вушка съ пышной косой, проткнутой горизонтально мѣдной булавкой, величиною съ добрый кинжалъ, держитъ въ рукахъ бѣлую корзину.

— Посмотрите, какіе плоды! закричала наша мексиканка: я хочу ихъ попробовать!

Это были желтые шелковые коконы. Всѣ мы дружно захохотали, и сами строгія англичанки, можетъ-быть подъ обаятельнымъ вліяніемъ весело-улыбавшагося итальянскаго неба, не могли или не хотѣли удержаться отъ улыбки.

III.

Миланъ.

Никогда не видалъ я такой забавной тревоги, какая
днялась въ нашемъ дилижансѣ, когда на пути изъ Но-
рры мы стали подъѣзжать къ ломбардской границѣ у
джентскаго-моста. Дѣло въ томъ, что насъ ожидалъ
реходъ черезъ страшное чистилище австрійской таможни,
которомъ въ Сардиніи разсказывали самыя ужасныя
енды. Не зная большихъ контрабандныхъ грѣховъ за
имъ чемоданомъ, я довольно спокойно смотрѣлъ на
опоты и комическія приготовленія нашихъ пассажировъ.
мы обнаружили особенную заботливость о своемъ ко-
юмѣ, точно готовились къ какому-нибудь парадному
зиту: изъ сакъ-вояжей и картонокъ вынимались шляпки,
атки, зонтики; на грудь прикалывали брошки, къ кор-
жу привѣшивали часы — и все это было совершенно
овенькое, свѣжее, блестящее.

Мадамъ Левильонъ драпировала свои плечи бѣлой
ранцузской шалью, на шею надѣла какое-то ожерелье,
альцы убрала кольцами, на шляпку навязала новый кру-
евной вуаль.

— Ужъ не назначенъ-ли въ таможнѣ балъ? спросилъ
у нея шутя.

*

— Oh, je veux plaire aux messieurs les employés de la douane autrichienne! отвѣчала она смѣясь.

Мужчины съ своей стороны показали не меньше заботливости. Новыя шляпы и плэды вынимались изъ картонокъ, старыя опускались на ихъ мѣсто. Нашъ коротенькій мексиканецъ распечаталъ ящикъ гаванскихъ сигаръ и началъ сортировать ихъ по карманамъ. У нѣкоторыхъ мужчинъ оказались вещи не совсѣмъ мужскія. Одинъ чернобородый итальянецъ вынулъ изъ дорожнаго мѣшка совершенно новенькую шаль и сталъ освѣдомляться, кто-бы изъ нашихъ путешественницъ провезъ ее на себѣ черезъ таможню. Оказалось, что всѣ женскія плечи были уже одѣты въ какія-нибудь обновки. Наконецъ одна пожилая француженка согласилась снять свой простенькій платокъ и окутаться на полчаса шалью, кажется изъ одного только желанія посмотрѣть, какъ сидитъ на ней такая милая вещь. Даже толстый монахъ, который всю дорогу жевалъ шоколадъ, принялся заботливо отпирать свой черный сакъ съ вышитымъ желтымъ крестомъ.

— Посмотрите, вѣрно и у него контробандная шаль! шепнула мнѣ мадамъ Левильонъ.

— Нѣтъ, я думаю, французскія ботинки.

Но мы ошиблись. Достопочтенный падре вынулъ изъ мѣшка совершенно новенькій бѣлый атласный зонтикъ съ розовой бахромой и складною костяной ручкой. Медленно обвелъ онъ своими сонными глазами всѣ женскія лица нашего общества и остановилъ ихъ на моей сосѣдкѣ. На лимфатическомъ лицѣ его выразилась нѣмая, но убѣдительная просьба.

— Не угодно-ли, падре — я возьму вашъ зонтикъ? сказала мексиканка.

— Grazia, signora, molto grazia! проговорилъ онъ.

— Вѣрно, подарокъ?

— Si, signora: племянницѣ, a figlia di mio fratello!

Онъ передалъ зонтикъ и опять положилъ въ ротъ кусокъ шоколаду.

— Маджeнто! закричалъ кондукторъ, соскакивая съ козелъ — и дилижансъ нашъ остановился передъ зданіемъ таможни, на которомъ чернѣлъ австрійскій орелъ съ распущенными крыльями.

Оказалось, что таможенное чистилище было не такъ страшно, какъ мы думали. Свѣжіе наряды путешественниковъ не привлекли ни малѣйшаго вниманія австрійскихъ чиновниковъ. Заботливость ихъ обратилась на то, о чемъ мы до-сихъ-поръ кажется и не подумали.

— Господа, нѣтъ-ли книгъ? спросили насъ, отбирая паспорты.

Тутъ только я вспомнилъ, что австрійская таможня больше всего не любитъ печатной бумаги. Оказалось, что изъ всѣхъ пассажировъ я больше всѣхъ подлежалъ досмотру: уменя было десятка два гидовъ и русскихъ книгъ. Впрочемъ, и моя тревога кончилась благополучно: книги мои осмотрѣли внимательно, освѣдомились какого содержанія русскія изданія и не поѣду-ли я черезъ славянскія земли — и наконецъ все возвратили. Одинъ чиновникъ заглянулъ и въ молитвенникъ, который былъ въ рукахъ нашего падре.

Когда дилижансъ опять тронулся, всѣ лица замѣтно повеселѣли, какъ-будто въ таможнѣ у насъ отобрали всѣ заботы. Мы въѣзжали въ Ломбардію въ отличномъ расположеніи духа. Да и самая природа настроивала къ удовольствію.

Передъ нами раскинулась долина, какъ-будто нарочно

убранная природою для какого-нибудь праздника. Въ обѣ стороны тянулись поля, покрытыя высокой, яркой зеленью маиса, въ которой звучало неумолкающее стрекотанье кузнечиковъ. Нивы перемежались рядами тутовыхъ деревьевъ, обвѣшенныхъ виноградомъ. Стволы ихъ густо опутаны лозою, которая обвиваетъ ихъ махровой сѣтью до вершины, оттуда опускается гирляндами на вбитыя вокругъ жерди и образуетъ какіе-то сквозные зеленые павильоны. Хлѣбъ вездѣ почти былъ убранъ, и только изрѣдка жницы въ широкихъ соломенныхъ шляпахъ виднѣлись въ зелени, съ сверкающимъ серпомъ въ рукахъ. Мѣстами попадались домики, обсаженные мальвами, расписанные фресками, и на стѣнахъ ихъ мелькали надписи: Antico albergo, Antica osteria.

Каждую минуту мы встрѣчали и обгоняли большія телѣги, нагруженныя снопами маиса. За Буффалорой попалась намъ такая телѣга, запряженная цугомъ въ четыре лошади. Переднюю велъ подъ-уздцы мужчина въ бархатной курткѣ и сѣрой шляпѣ, обвитой лентами. Между колесами, на полъаршина отъ земли, привѣшенъ былъ подъ телѣгою тюфякъ, и на немъ лежала молодая женщина, подложа одну руку подъ голову, а другою поддерживая прелестнаго ребенка, который спалъ у ея груди. При хлопаньѣ бича нашего почтальона красавица приподнялась, и опершись на локоть, обратила на насъ большіе черные глаза. Пассажиры высунулись поглазѣть на эту картину.

Въ пятомъ часу показался Миланъ, весь облитый солнцемъ, и наше общество еще больше повеселѣло; самъ лимфатическій падре торопливо прожевалъ послѣдній кусокъ шоколаду, облизалъ губы и съ довольной улыбкой проговорилъ: ecco nostro Milano!

Дилижансъ нашъ проѣхалъ великолѣпную Симплонскую-арку, покатился по каменнымъ полосамъ, положеннымъ въ видѣ рельсовъ вдоль улицъ, и остановился на дворѣ почтовой гостинницы Albergo St. Marco, не далеко отъ Собора, котораго безчисленныя мраморныя иглы ярко сверкали на синемъ небѣ. Все наше дорожное общество разошлось въ разныя стороны. Я простился съ мадамъ Левильонъ, которая уѣзжала съ мужемъ прямо въ Венецію, располагая посмотрѣть Миланъ на обратномъ пути.

Послѣ обѣда я тотчасъ-же пошелъ бродить по городу. Было еще довольно жарко. Красивые дома какъ-будто лѣниво отдыхали въ послѣобѣденной сіэстѣ: на окнахъ вездѣ спущены были зеленые жалузи, а балконы, унизывающіе всѣ стѣны, плотно закрыты большими полосатыми занавѣсами. Видно, что человѣкъ также забитливо успѣлъ здѣсь охранить себя отъ жара, какъ и мы на сѣверѣ отъ своихъ морозовъ. Въ кофейняхъ окна тоже прикрыты маркизами, и журналы читаются за графиномъ замороженной воды, которая здѣсь стоитъ почти не дешевле вина.

Мало-по-малу городъ началъ просыпаться. Когда я вышелъ изъ кафе, на балконахъ занавѣсы были уже раздвинуты, и тамъ виднѣлись дамы, всѣ съ вѣерами. Улицы оживились; начали встрѣчаться и женщины, подъ прозрачными черными вуалями. Богатые экипажи двигались на вечернее катанье. Я прошелся по аллеямъ Giardini Publici и вышелъ на Корсо. Великолѣпная улица была уже полна гуляющими. По широкой каштановой аллеѣ медленно двигались въ два ряда богатыя коляски. Въ нихъ катались однѣ дамы, одѣтыя по парижскимъ картинкамъ. Изъ рядовъ безпрестанно отдѣлялись экипажи,

выѣзжали на середину улицы и тамъ останавливались. Къ коляскамъ подходили мужчины, чуть не въ бальномъ костюмѣ, и тотчасъ-же завязывался разговоръ, съ улыбками, легкимъ смѣхомъ и долгими, глубокими взглядами. Корсо превратилась въ свѣтскую гостиную, уставленную вмѣсто креселъ и дивановъ богатыми экипажами. Нигдѣ не видалъ я такихъ прекрасныхъ мужчинъ. Правильныя матовыя лица, большіе темнокаріе глаза, удивительныя черныя бороды — все это составляетъ типъ, красивый почти до приторности. Молодые аббаты въ черныхъ сутанахъ, облокотясь на край экипажей, также любезничаютъ и улыбаются дамамъ. Но здѣсь невольно поражаетъ отсутствіе мужа: на Корсо вы никогда не встрѣтите его съ женою; тутъ онъ превращается въ cavaliero servante передъ коляскою посторонней дамы.

Въ толпѣ гуляющихъ встрѣчаются и бѣлые мундиры австрійскихъ офицеровъ, но всегда отдѣльными группами. Черные сюртуки никогда съ ними не смѣшиваются. Во весь вечеръ я встрѣтилъ только одного австрійца подъ руку съ какимъ-то статскимъ, и видно, что этотъ случай былъ не совсѣмъ обыкновенный, потому-что проходящіе окидывали ихъ внимательнымъ взглядомъ, а одинъ даже обернулся на нихъ и шепнулъ: это нѣмецъ! tedesco! Австрійцы похожи здѣсь на какихъ-то паріевъ, къ которымъ одно прикосновеніе считается нечистымъ.

Съ первымъ ударомъ колокола къ вечерней angelus, экипажи двинулись — и черезъ нѣсколько минутъ Корсо опустѣла.

На другой день я все утро посвятилъ миланскому Собору. Съ перваго взгляда онъ поразилъ меня непріятно. Судя по описаніямъ, я думалъ, что зданіе все бѣлое, а между-тѣмъ внизу оно совсѣмъ потемнѣло отъ времени,

и въ-добавокъ его недавно попрявляли, вставляя на черную массу заплаты изъ свѣжаго мрамора. Но я забылъ это безобразіе, когда всмотрѣлся въ величественный фасадъ. Что это за чудная колоссальная игрушка! Только въ виду альпійскихъ вершинъ воображеніе могло задумать эту поэтическую громаду, по ихъ образу и подобію. Только здѣсь можно было создать эту художественную гору, со множествомъ бѣломраморныхъ вершинъ, взлетающихъ въ синюю высь, какъ снѣжные пики зубчатаго Монблана. Мнѣ показалось даже естественнымъ, что Соборъ, подобно Альпамъ, отдѣляется отъ земли черной массою, потомъ свѣтлѣя по мѣрѣ подъема, принимаетъ синеватый оттѣнокъ, напоминающій лединки, и наконецъ возносится сто-тридцатью вершинами своихъ бѣлоснѣжныхъ шпилей. Это горы, художественно воспроизведенныя въ мраморномъ храмѣ.

Въ фасадѣ миланскаго Собора какъ-будто встрѣтились двѣ страны и народности, раздѣленныя Альпами. Въ немъ слились итальянскій и готическій стиль, дополняя и украшая другъ-друга: строгая красота ломбардскаго вкуса сочеталась съ средне-вѣковыми орнаментами, римскія окна помирились съ готическою розетою, сквозными башенками и цвѣтными стеклами. Кажется, итальянскія формы, переходя къ подножію Альповъ, утратили свою изнѣженность, а нѣмецкія линіи, перешагнувъ на почву Италіи, отбросили свою рѣзкую угловатость.

Миланскій Соборъ сложился точно также, какъ поэмы слагались изъ рансодовъ. Это созданіе не одного генія, даже не одной націи: это произведеніе многихъ разноплеменныхъ талантовъ. Въ продолженіе четырехъ вѣковъ сто-восемьдесятъ архитекторовъ и скульпторовъ, итальянцевъ, французовъ, нѣмцевъ, трудились надъ его

сооруженіемъ. Теперь никто не знаетъ навѣрное, кто первый задумалъ планъ этого чуднаго зданія и въ какомъ видѣ. Каждое столѣтіе, можно сказать, прабавляло новую пѣсню къ этой мраморной поэмѣ. Пеллегрини изъ готической массы вызвалъ греческій фасадъ съ двѣнадцатью мраморными иглами; а тамъ Франческо Кроче поставилъ на него центральную башню, а тамъ новые художники убрали его сквозными мраморными галереями—и такъ вѣками создался этотъ удивительный памятникъ, въ которомъ первый строитель вѣроятно не узналъ-бы теперь своего первоначальнаго рисунка. Десять поколѣній итальянскихъ скульпторовъ убрали Соборъ барельефами изъ всей массы сказаній ветхаго и новаго завѣта, населили его тысячами мраморныхъ святыхъ, мучениковъ и прелатовъ.

И это мраморное населеніе Собора ростетъ съ каждымъ вѣкомъ также быстро, какъ живое населеніе американскихъ городовъ. Въ шестнадцатомъ столѣтіи въ немъ было не болѣе четырехъ-сотъ статуй, въ прошломъ вѣкѣ ихъ считали до тысячи, при Наполеонѣ I онѣ размножились вдвое, а теперь ихъ уже до 5,000. И неизвѣстно еще, на какой цифрѣ остановится это возростаніе. Въ массѣ этого каменнаго народа есть статуи-труженики, съ страдальческими лицами, въ видѣ согбенныхъ каріатидъ поддерживающія своды и карнизы, и есть статуи-аристократы, стоящія на консоляхъ или поднятыя на мраморныхъ шпиляхъ высоко въ синее небо. Однѣ изъ нихъ потемнѣли отъ старости, другія еще стоятъ во всемъ блескѣ бѣломраморной свѣжести. Въ ряду статуй-красавицъ вамъ прежде всего покажутъ Ревекку Кановы. Это множество статуй придаетъ миланскому Собору характеръ скульптурнаго музея, и вы видите въ

немъ не столько храмъ, какъ художественную галерею. Онъ скорѣе напоминаетъ выставку, чѣмъ мѣсто богослуженія.

Внутренность Собора роскошна. Когда вы входите въ среднюю дверь, передъ вами широко раскидываются величавые своды, и при мягкомъ свѣтѣ, проникающемъ сквозь цвѣтныя стекла, вы видите со всѣхъ сторонъ многочисленные алтари изъ разноцвѣтныхъ мраморовъ. Впереди широкія ступени ведутъ въ пресвитерію, гдѣ за мраморной балюстрадой изгибаются полукругомъ рѣзныя сѣдалища изъ орѣховаго дерева, и посреди ихъ — богатый алтарь, поддерживаемый колоннами, обставленный статуями. Вокругъ великолѣпные памятники, гробницы, капеллы, всѣ исписанныя золотыми надписями. Вездѣ цвѣтные мраморы, бронза и золото.

Въ Соборѣ я встрѣтилъ француза, съ которымъ наканунѣ познакомился за обѣдомъ. Мы условились вмѣстѣ осматривать тѣ части зданія, куда пускаютъ за деньги. А здѣсь поборы ждутъ васъ не въ одномъ мѣстѣ. За двѣ лиры показали намъ сакристію. Это одна изъ богатѣйшихъ ризницъ въ Италіи. Тутъ стоятъ колоссальныя статуи изъ массивнаго серебра, убранныя дорогими камнями, реликваріи, дароносицы и чаши изъ чистаго золота, множество драгоцѣнныхъ облаченій и всякихъ аттрибутовъ епископской службы. Но во всей этой массѣ сокровищъ, накопленныхъ въ продолженіе столѣтій, вниманіе артиста остановитъ только серебряный ковчегъ чеканной работы Бенвенуто Челлини.

Передъ ступенями сакристіи на полу видно широкое отверстіе, прикрытое золоченой рѣшеткою и окруженное бронзовой балюстрадой. Подъ нимъ, въ глубинѣ зданія, находится подземная капелла Карла Борромео. Мы за-

платили еще четыре лиры, и насъ провели въ подземелье. Сначала спустились мы въ круглую залу, со сводомъ на мраморныхъ колоннахъ, освѣщенную лампадами. Отсюда, по другой лѣстницѣ, повели насъ еще ниже, въ самую капеллу. Между пилястрами, поддерживающими сводъ, повѣшены здѣсь пунсовыя шелковыя драпри, вышитыя золотомъ. Всѣ стѣны окаймлены серебряными барельефами, съ событіями изъ жизни Борромео. Посерединѣ стоитъ гробница изъ массивнаго серебра, унизанная разноцвѣтными камнями, и въ ней подъ витриной изъ горнаго хрусталя виднѣется костлявая мумія, окутанная въ золотыя облаченія. Кругомъ горитъ множество серебряныхъ лампадъ.

Проводникъ нашъ, лысый старичекъ въ какой-то долгополой черной сутани, оффиціально наклонился, сложа руки на груди передъ кристальной витриной, и проговорилъ шопотомъ съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія:

— Ecco santo padrone! все это стоитъ пять милліоновъ лиръ!

Но всѣ эти сокровища, нагроможденныя въ подземномъ склепѣ, производятъ тяжелое впечатлѣніе. Безчисленные огни, отражающіеся на пунсовомъ дамасѣ, серебрѣ и золотѣ, играющіе радужнымъ отливомъ въ мелкихъ граняхъ изумрудовъ и сапфировъ — горятъ какъ-то печально. Всѣ эти драгоцѣнности не смягчаютъ того непріятнаго чувства, какимъ вѣетъ на васъ отъ этой закутанной въ золото фигуры, неподвижно лежащей въ своемъ изукрашенномъ гробѣ. Я спѣшилъ выдти изъ подземелья на солнце.

Въ Соборѣ намъ отворили дверь на каменную лѣстницу. Мы поднялись на триста ступеней и остановились въ удивленіи. Передо мною тянулись ряды широкихъ га-

лерей, вымощенныхъ мраморными плитами, окаймленныхъ мраморнымъ кружевомъ балюстрадъ, съ убѣгающими вверхъ прорѣзными башенками и шпилями, и на нихъ со всѣхъ сторонъ поднимались безчисленныя статуи — святые, ангелы, мученики. И все это сверкало на ясномъ синемъ небѣ, подъ яркими лучами солнца. А между этимъ неподвижнымъ мраморнымъ сборищемъ вдоль галерей двигались другія, живыя фигуры—мущины и дамы. Одни осматривали статуи, другіе глядѣли въ бинокли на городскія улицы, иные прогуливались. На углу двое нѣмцевъ, опершись на балюстраду, курили сигары; рядомъ, на складномъ стулѣ, какая-то молоденькая женщина набрасывала въ альбомъ эскизъ статуи Кановы; а по другую сторону сидѣло около столика цѣлое семейство англичанъ и завтракало. Что это такое — музей или кафе?... Нѣтъ, это была крыша миланскаго Собора.

— Не прикажите-ли принести изъ ресторана кофе или мороженаго? спросилъ нашъ проводникъ.

— А въ которомъ часу здѣсь бываетъ table d'hôte? сказалъ мой товарищъ.

— Обѣдать тутъ нельзя, сеньоръ! отвѣчалъ пресерьозно итальянецъ.

Среди кружевныхъ мраморныхъ переходовъ поднимается такая-же кружевная башня, вся обставленная сквозными шпилями, увѣшанная рѣзными гирляндами. По винтообразной лѣстницѣ поднялись мы къ подножію колоссальной вызолоченной Мадонны, которая стоитъ на высочайшей изъ вершинъ, надъ цѣлымъ сонмомъ статуй, унизывающихъ всѣ шпили и карнизы. Мы взошли на платформу, утомленные не столько переходомъ, какъ толкотней среди мраморныхъ жителей этого мраморнаго города. Открылась прекрасная картина. Съ одной стороны

на неоглядное пространство разстилались мягко-зеленѣющія поля Ломбардіи, а съ другой безконечной стѣною тянулись суровые Альпы съ бѣлыми вершинами Монблана, Сенъ-Готарда, Симплона, Монъ-Розы — и зубчатыя вершины ихъ мигали на солнцѣ своими сверкающими снѣгами. И все это вставлено въ прозрачно-синюю раму итальянскаго неба. Не даромъ артисты просиживаютъ по цѣлымъ днямъ на этой башнѣ.

Утомленный прогулкою подъ землей и надъ землею, я нѣсколько часовъ отдыхалъ въ отелѣ и въ Giadrini Publici, и только передъ вечеромъ взялъ проводника и пошелъ смотрѣть знаменитую «Тайную Вечерю» Леонардо-да-Винчи.

Мы пришли къ старому монастырю, примыкающему къ церкви Maria della Grazia. У входа встрѣтилъ насъ signor custode, оффиціальный блюститель картины, и получа обычную лиру, опять убрался въ свою келью. Изъ воротъ вышли мы на площадку, обведенную со всѣхъ сторонъ аркадами, покрытыми сплошнымъ рядомъ старинной живописи. Это монастырскій дворъ, обращенный австрійцами въ казарму. Онъ заставленъ былъ зелеными фурами съ овсомъ и мукою, а подъ аркадами драгуны чистили аммуницію, куря изъ коротенькихъ трубокъ. Въ галереѣ, расписанной фресками, развѣшаны по стѣнамъ сѣдла, каски, карабины. Живопись испорчена съ варварской утонченностью: гвозди наколочены въ самыя фигуры, и непремѣнно въ лицо, въ глаза или ротъ. Проводникъ значительно взглянулъ на меня и спросилъ, не хочу-ли я посмотрѣть старую рекреаціонную залу. Мы вошли подъ аркады, окаймляющія правую сторону двора, и передо мной открылась широкая галерея, вся покрытая фресками. Но что я увидѣлъ! Прекрасная зала об-

ращена въ конюшню. По всей живописной стѣнѣ набиты желѣзные обручи съ коновязями, и лошади жуютъ овесъ передъ чудными лицами, надъ которыми работала кисть лучшихъ итальянскихъ художниковъ. Не осталось ни одной фигуры, которая не была-бы изуродована, пробита гвоздями или выпачкана копытной мазью. Когда я спросилъ проводника объ этой отвратительной профанаціи, онъ только поблѣднѣлъ и молча взглянулъ на австрійскихъ солдатъ, но въ глазахъ его я прочелъ ненависть непримиримую. Что-же должны чувствовать другіе, если здѣсь не отвыкъ блѣднѣть человѣкъ, который по обязанности всякій день водитъ сюда за деньги иностранцевъ!

Напротивъ галереи, по другую сторону двора, большая дверь ведетъ въ монастырскую трапезу, гдѣ находится картина Леонардо-да-Винчи. Это единственный уголъ, пощаженный австрійцами, можетъ-быть потому, что его меньше всего пощадило время.

Мы вошли въ продолговатую залу, вымощенную кирпичами и освѣщенную одиннадцатью окнами. На боковыхъ стѣнахъ — съ лѣвой стороны громадная картина Распятія, работы какого-то Монторфано, а съ правой— знаменитая Тайная Вечеря Леонардо, всѣмъ извѣстная по гравюрѣ Моргена. Много видалъ я испорченныхъ картинъ и изуродованныхъ статуй, но едва-ли есть произведеніе искусства болѣе несчастное, какъ эта знаменитая фреска. Здѣсь, какъ нерѣдко и въ жизни, посредственность уцѣлѣла, а прекрасное искажено и поругано: жалкій трудъ бездарности сохранился вполнѣ, между-тѣмъ какъ подлѣ великое произведеніе почти уничтожено временемъ и невѣжествомъ.

Исторія картины Леонардо-да-Винчи — настоящая

мартирологія искусства. Надъ разрушеніемъ ея трудились наводненія, сырость, невѣжды-монахи и варвары-реставраторы. Ее скоблили, пробивали, наклеивали, подкрашивали — и теперь въ ней отъ кисти художника не осталось почти ничего, кромѣ рисунка. Краски поблекли, а мѣстами совсѣмъ выцвѣли, лица Христа и апостоловъ всѣ въ бѣлыхъ пятнахъ, и только голова Іуды по какому-то странному случаю сохранилась лучше другихъ. Смотря на гравюру Моргена или на копію Біанки въ Амброзіанскомъ-музеѣ, можно представить, какъ величественна была эта чудная картина въ эпоху своей свѣжести; но въ настоящемъ видѣ она уже не доставляетъ наслажденія, а производитъ впечатлѣніе тяжелое, какъ всякая профанація искусства. Положительно можно сказать, что это великое произведеніе погибло безвозвратно: теперь мы можемъ чуствовать красоты его не больше, какъ если-бы потерялась поэма Данта и мы читали ее по однимъ французскимъ переводамъ.

Къ довершенію тяжелаго чувства, во все время, какъ я сидѣлъ передъ картиной Леонардо-да-Винчи, на монастырскомъ дворѣ гремѣли сабли австрійскихъ солдатъ и слышались казарменныя нѣмецкія ругательства. Мнѣ кажется, что этотъ монастырь одно изъ самыхъ революціонныхъ мѣстъ въ Италіи. Приведите сюда человѣка самаго спокойнаго и консервативнаго, безъ всякой политической антипатіи, покажите ему эти галереи съ умышленно-искаженными и опозоренными фресками, поставьте его передъ Тайной Вечерей при стукѣ сабель и ругательствахъ нѣмецкихъ солдатъ — и онъ навѣрно выйдетъ отсюда съ глубокой ненавистью къ австрійцамъ.

Въ Миланѣ путешественникъ невольно дѣлается пилигримомъ и бродитъ по церквамъ на артистическое бого-

молье. Здѣсь вездѣ старинныя фрески, картины, мраморныя изваянія, драгоцѣнная рѣзьба на деревѣ. Въ дверяхъ базилики виситъ обыкновенно большой полосатый занавѣсъ. Вы приподнимаете его, входите — и передъ вами произведенія искусства. Впереди, за мраморной балюстрадой виднѣется картина какого-нибудь великаго мастера; по сторонамъ богато-убранные алтари и гробницы. На рѣзныхъ скамьяхъ сидятъ дамы, играя вѣерами, и изъ-подъ черныхъ покрывалъ сверкаютъ не совсѣмъ богомольные глаза. Тутъ-же путешественники разсматриваютъ картины и статуи, вносятъ замѣтки въ памятную книжку. Въ церквахъ Vittore al Corpo и Santo Ambrogio я видѣлъ больше туристовъ, чѣмъ богомольцевъ. И пріятно въ жаркій день провести часъ подъ этими прохладными сводами, передъ цѣлой выставкой изящныхъ произведеній.

Театры въ мой пріѣздъ были всѣ закрыты, но я всякій день слышалъ оперу на улицахъ. Вечеромъ садился я передъ открытымъ окномъ въ своей комнатѣ, и мнѣ казалось, что я въ оперномъ театрѣ. На улицѣ безпрестанно слышались оперные мотивы. Вотъ хоръ изъ Ломбардцевъ: смотришь въ окно—идутъ работники изъ какой-нибудь мастерской или фабрики. Вотъ слышна опять какая-то знакомая арія: это поетъ молодая разнощица, проходящая съ опрокинутой на головѣ корзинкой. Чувство гармоніи развито здѣсь во всемъ народѣ: кто былъ въ театрѣ, тотъ ужъ непремѣнно вынесъ изъ него какой-нибудь мотивъ. Однажды вечеромъ я гулялъ въ Giardino Publico. Подлѣ него, за рѣчкою тянется большой огородъ, весь усаженный овощами и виноградомъ. Тутъ человѣкъ десять огородниковъ работали на грядахъ и пѣли хоры изъ новѣйшихъ оперъ. Когда я присѣлъ на ближайшей скамьѣ, двѣ молодыя женщины принесли къ рѣчкѣ

огромную корзину съ огурцами. Это были здоровыя красавицы, въ широкихъ соломенныхъ шляпкахъ и алыхъ корсажахъ, съ пышнымъ бюстомъ, съ массивной косою, навернутой на мѣдный прутъ, черезъ который перевѣшивался цвѣтной шелковый платокъ. Онѣ принялись перемывать огурцы и запѣли дуэтъ изъ Сомнамбулы. Можетъ-быть тутъ многое зависѣло и отъ обстановки, но мнѣ показалось, что и на сценѣ, передъ самой взыскательной публикой, это пѣніе вызвало-бы рукоплесканія. Удивительно-ли, что Италія постоянно даетъ Европѣ пѣвцовъ, когда на всякомъ шагу вы слышите здѣсь прекрасные голоса, выработанные на мотивахъ первоклассныхъ талантовъ.

Послѣднее утро я провелъ въ Амброзіанскомъ-музеѣ. Зданіе построено очень изящно. Со двора, обведеннаго двухъ-ярусной аркадой, уставленной статуями, по великолѣпной лѣстницѣ поднялись мы въ библіотеку, и я прежде всего увидѣлъ портреты императора Іосифа и Маріи Терезіи. Это—подарокъ изъ Вѣны. Библіотека основана Фредерикомъ Борромейскимъ и считается одною изъ богатѣйшихъ въ Италіи, особенно по количеству рукописей. Ихъ болѣе пятнадцати тысячъ. Въ читальной залѣ было много дамъ, которыя сидѣли за книгами, обмахиваясь вѣеромъ. Въ боковыхъ корпусахъ помѣщаются галереи: направо старыя школы, налѣво новѣйшая живопись и скульптура. Миланская галерея далеко уступаетъ и дрезденской, и луврской. Впрочемъ, мнѣ кажется, здѣсь картинныя галереи и не имѣютъ такого смысла: въ Германіи и во Франціи живопись перешла совсѣмъ въ музеи; въ Италіи церкви хранятъ еще гостепріимно нетолько картины, но и статуи, и даже не одного религіознаго содержанія. Амброзіанскій-музей, не смотря на

его прославленныя саро d'opera, не произвелъ на меня большаго впечатлѣнія: что значатъ его картины и мраморы, послѣ фресковъ да-Винчи и статуй Кановы, какими вы любуетесь въ здѣшнихъ церквахъ!

Миланъ похожъ на колоссальную казарму: куда ни пойдешь, вездѣ торчатъ часовые и бѣлѣютъ солдатскіе мундиры. На всѣхъ гауптвахтахъ стоятъ пушки, а на дворѣ вице-королевскаго дворца—цѣлая батарея. По улицамъ безпрестанно гремитъ барабанъ, на плацу слышатся выстрѣлы...

Австрійцы не стѣсняются въ своей роли завоевателей, но зато и итальянцы не скрываютъ ненависти къ нимъ. Во всемъ видна нѣмая, но упорная оппозиція. Народъ мрачно смотритъ на проходящіе патрули, въ кафе всѣ умолкаютъ при появленіи австрійскаго офицера. Однажды я встрѣтилъ на улицѣ батальонъ кроатовъ: по мѣрѣ того, какъ онъ подвигался съ барабаннымъ боемъ, окна въ домахъ затворялись и на балконахъ не осталось ни одной дамы. Передъ моимъ пріѣздомъ въ Миланѣ назначена была скачка: лошади были уже приведены и записаны, опредѣленъ день и часъ и готовились афиши. Вдругъ узнаютъ, что изъ Вѣны полученъ императорскій призъ. При этомъ извѣстіи всѣ члены скаковаго общества увели назадъ своихъ лошадей — и скачка не состоялась. Есть же господа, воображающіе, что этотъ край когда-нибудь сольется съ Австріей! И странное дѣло: неужели страсть владычества можетъ до того ослѣплять, что вмѣсто мирныхъ сосѣдей пріятнѣе имѣть рабовъ, которые въ тихомолку точатъ ножъ.

Прошло три дня, и я выѣхалъ въ Венецію. Желѣзная дорога была еще не кончена, и отъ Тревильо до Кокальо насъ перевезли въ дилижансѣ.

Вся Ломбардія похожа на прекрасный садъ, за которымъ ухаживаютъ съ заботливостью и любовью. Неоглядныя поля зеленѣютъ маисомъ; шелковичныя деревы обвиты виноградомъ, который виситъ широкими гирляндами между ихъ стволами. Съ обѣихъ сторонъ мелькаютъ виллы, всѣ въ зелени и цвѣтахъ; по желѣзной дорогѣ сторожевые домики обсажены мальвами и розами.

Но весь этотъ переѣздъ безпрестанно напоминаетъ вамъ цѣпь, лежащую на этой прекрасной странѣ. Вотъ роскошные поля и сады спускаются къ живописному Гардскому-озеру, окаймленному голубыми горами, — и посреди этого ландшафта поднимаются валы мрачной Пескіеры, и на нихъ двигаются часовые въ бѣлыхъ мундирахъ. Вотъ поѣздъ проходитъ по великолѣпной равнинѣ Samma Campagna, обставленной горами, опушенной виноградниками, усѣянной виллами. — Верона! кричитъ кондукторъ.—Вы торопитесь взглянуть на городъ Ромео и Джульетты,—и видите массу бѣлыхъ зданій, со всѣхъ сторонъ замкнутую въ гранитные форты; угрюмыя укрѣпленія тянутся по окрестнымъ холмамъ, и на нихъ вѣютъ знамена съ чернымъ австрійскимъ орломъ. Желѣзная дорога обходитъ городъ полукругомъ, какъ-будто для того, чтобы дать вамъ полюбоваться всѣми деталями этого колоссальнаго замка̀, привѣшеннаго на шею Ломбардіи. Въ вагонахъ все чаще являются австрійскіе офицеры, съ своими отвратительными швабскими сигарами—и нѣмецкій языкъ оскорбляетъ слухъ, избалованный пѣвучей гармоніей ломбардской рѣчи. Римскіе деспоты, отнимая свободу у народа, покрайней-мѣрѣ оставляли ему величественные церкви и водопроводы; вѣнскіе императоры не дали порабощенной Италіи ничего, кромѣ крѣпостей и казармъ.

Но звѣнья этой цѣпи рано или поздно распадутся.

Италія похожа на Гулливера, котораго лиллипуты успѣли во время сна связать по рукамъ и ногамъ и заставили лежать неподвижно въ своихъ мелкихъ сѣтяхъ; но когда великану настанетъ время очнуться отъ долгаго усыпленія, — онъ разорветъ всѣ эти путы, подымется во весь ростъ и раздавитъ пятой гадкихъ пигмеевъ.

АОИНЫ И КОНСТАНТИНОНОЛЬ

(1857 г.)

I.

Корфу.

Когда я вышелъ въ Тріестѣ изъ конторы Лойда, я ылъ веселъ и доволенъ, точно театралъ, которому въ отѣ лица удалось добыть мѣсто на какой-нибудь вож-елѣнный спектакль: Какъ-же было и не радоваться! Въ арманѣ у меня лежалъ билетъ на право прогулки въ ѳины и Константинополь и паспортъ, визированный уже греческомъ и турецкомъ консульствѣ. Наконецъ-то я ижу этотъ край, на который съ любопытствомъ смо-итъ вся Европа. Хоть въ одинъ мѣсяцъ и нельзя бу-ть понять смысла всей мистеріи, разыгрываемой теперь Востокѣ, но я увижу по-крайней-мѣрѣ эту любопытную ену, съ декораціями Архипелага и Босфора, Акрополя Сераля, взгляну на кого-нибудь изъ актеровъ, а мо-ть-быть успѣю подмѣтить два-три явленія, которыя мо-тъ дать понятіе и о самой драмѣ.

Послѣ завтрака, въ жаркое іюльское утро, сѣлъ я въ одку и переѣхалъ на Плутонъ. Тамъ собралась уже олпа довольно разнообразная, но съ характеромъ еще вропейскимъ: изъ-за черныхъ и сѣрыхъ шляпъ кое-гдѣ олько выглядывала красная феска, и среди итальянскаго

и нѣмецкаго говора изрѣдка слышалась греческая фраза. Когда матросы, послѣ третьяго звонка, забѣгали на палубѣ, кругомъ вòрота, вытягивая якорную цѣпь, Тріестъ въ первый разъ показался мнѣ веселымъ. Скользящіе въ гавани паруса адріатическихъ барокъ, полосатые и клѣтчатые, словно маркизы на итальянскихъ балконахъ, бѣлые ряды амфитеатромъ подымающихся домовъ и за ними извилистая линія дымчатыхъ горъ, — все это отражалось въ морѣ такъ нарядно и кокетливо, что я забылъ скучную жизнь меркантильнаго наслѣдника Венеціи.

Весь переѣздъ нашъ по Адріатическому-морю похожъ былъ на увеселительную прогулку. Ни дождь, ни вѣтеръ не мѣшали любоваться южнымъ воздухомъ... да, именно любоваться! Кто видѣлъ только Балтійское да Нѣмецкое-море, тотъ и представить не можетъ всей прелести Адріатики. Чѣмъ ближе подвигались мы къ Отрантскому-проливу, тѣмъ море и небо становились привлекательнѣе. Албанскія-горы такъ и таютъ въ солнечномъ свѣтѣ. По яхонтовой поверхности моря разбѣгаются свѣтлыя пятна и разводы, точно бѣлое моаре на синемъ атласѣ, а пѣна отъ колесъ парохода брызжетъ молочнымъ каскадомъ. Но что за ночи! Небо все въ золотомъ уборѣ. Звѣзды горятъ такъ ярко, какъ-будто ихъ раздуваетъ кто-нибудь. Вода свѣтится фосфорическимъ блескомъ; отъ пароходныхъ колесъ летятъ искры и огненными полосами гаснутъ за кормою. А въ воздухѣ какая-то теплая влажность. Если-бы не опасеніе познакомиться съ южной лихорадкой, то кажется цѣлыя ночи готовъ-бы просидѣть на палубѣ.

На третье утро пришли мы въ Корфу. Я выбѣжалъ изъ каюты взглянуть первый разъ на Грецію. И первое впечатлѣніе, по-крайней-мѣрѣ въ живописномъ отношеніи было прекрасное. Огибая маякъ, входили мы въ гавань

— Бери сильнѣе! — кричалъ идеальный Платонъ, съ благородной увѣренностью въ своихъ силахъ.

Эта философская борьба заинтересовала меня, — и я ждалъ, чѣмъ она кончится. Вдругъ Аристотель въ порывѣ отчаянія плюнулъ энергически на свой ящикъ и бросился къ сундуку собрата, съ очевидной цѣлью раздѣлить его трудъ; но Платонъ, не теряя идеальной надежды одному заработать то, что иначе придется раздѣлить на двоихъ, брыкнулъ его ногою въ грудь, такъ-что тотъ снова отлетѣлъ къ своему сундуку. Въ это время капитанъ замѣтилъ классическую борьбу. Онъ кивнулъ матросамъ. Двое здоровыхъ далматовъ схватили за шиворотъ обоихъ противниковъ и прямо черезъ бортъ вытолкали въ лодку. Платонъ и Аристотель обмѣнялись десяткомъ ругательствъ, а потомъ, какъ истинные философы, принялись грести къ пристани.

Когда мы пошли отъ Занта, на маякѣ кружились уже огни, отбрасывая широкія красныя полосы на темное море. Мы опять повернули къ сѣверу, чтобы начать прогулку по Лепантскому-заливу.

Въ Іоническомъ-морѣ поразила меня истина и простота греческихъ миѳовъ. Ихъ создала здѣсь сама природа. Взглянешь на небо передъ восходомъ солнца, и образъ Авроры съ розовыми перстами самъ собою приходитъ въ голову; увидишь, какъ солнце поднимается изъ-за горъ Ахаіи въ нестерпимо-ослѣпительномъ блескѣ — и колесница Феба кажется не мечтою, а самымъ простымъ объясненіемъ явленія. Рожденіе Киприды изъ пѣны не понятно гдѣ-нибудь на Балтійскомъ-морѣ, а здѣсь это голая дѣйствительность. Когда вода закруглится въ широкую волну и, сверкнувъ на солнцѣ нѣжной синевою, опадетъ и разсыплется въ снѣжную пѣну, — такъ

мнѣ съ заискивающей улыбкою и, сверкая глазами, на какомъ-то французско-итальянскомъ нарѣчіи предлагалъ свои услуги для обозрѣнія города. Знакомый уже нѣсколько съ такими господами въ Италіи, я хотѣлъ напередъ условиться.

— Вы свезете только мою поклажу на пароходъ и покажете мнѣ порядочную гостинницу! — сказалъ я.

— Si, monsieur! — отвѣчалъ онъ, прыгнувъ въ лодку прямо съ борта.

— Смотрите-же, я беру васъ только на часъ! — прибавилъ я, сходя въ феллуку.

— Oui, signore! — закричалъ онъ и уперся обѣими руками въ пароходъ, чтобы скорѣе оттолкнуть лодку.

Я сдалъ чемоданъ на Oriente и черезъ нѣсколько минутъ былъ уже на пристани. Передо мной открылась новая для меня картина. Къ самой набережной примыкаетъ рынокъ. Не смотря на раннее утро, здѣсь все уже было въ движеніи. На площади навалены были грудами арбузы, желтые персики, свѣжія фиги, невиданная зелень, какія-то большія золотистыя рыбы. Вокругъ движется пестрая толпа: греки въ своихъ алыхъ курткахъ, мальчики на ослахъ съ привѣшенными съ обѣихъ сторонъ корзинами, полными зелени и плодовъ, женщины подъ черными кисейными покрывалами, разнощики съ античными лицами, торговцы съ профилью Аякса.

По гладкой макадамовской мостовой поднялись мы въ городъ. Прямыя улицы обстроены прекрасными домами въ итальянскомъ вкусѣ. На балконахъ раскинуты вездѣ полосатыя палатки, уставленныя цвѣтами; а большія окна, закрытыя зелеными рѣшетками, точно опустили рѣсницы отъ нестерпимаго сіянія солнца. Черезъ полчаса проводникъ привелъ меня къ Hôtel d'Europe.

града въ Мореѣ былъ для него настоящимъ — to be or not to be.

Разумѣется, Патрасъ могъ-бы играть и другую роль. Какъ средоточіе торговли между Іоническими-островами, Мореею и Эпиромъ, онъ могъ сдѣлаться главнымъ пунктомъ во всей Греціи. Но ему мѣшаетъ завистливое соперничество Сиры. Племенная вражда между округами, которая такъ вредила грекамъ въ войнѣ за независимость, переродилась теперь въ коммерческое соперничество между городами и точно также вредитъ ихъ торговлѣ. Какъ, бывало, предводители изъ-зависти другъ-къ-другу дѣйствовали порознь, истощали силы въ интригахъ и междоусобіяхъ, такъ точно соперничаютъ теперь коммерческіе города, подрывая взаимный кредитъ и общія выгоды. Купцы наслѣдовали въ Греціи нетерпимость клефтовъ. Недавно какъ-то думали открыть въ Патрасѣ порто-франко. Едва только вѣсть объ этомъ пришла въ Сиру, она взволновалась, какъ-будто дѣло шло о томъ, чтобъ взорвать ее на воздухъ; начались интриги, протесты — и правительство принуждено было отказаться отъ своего плана.

Въ городѣ я встрѣтилъ погребальную процессію: это были похороны русскаго вице-консула Калуераки. Она тянулась по главной улицѣ къ Андреевскому-собору. Впереди сѣдой старикъ несъ корзину съ хлѣбомъ и виномъ. За нимъ шелъ низенькій грекъ, точно разнощикъ, съ плоской гробовой крышкой на головѣ; а позади выступала длинная, сухая фигура съ огромнымъ блюдомъ, на которомъ дымилась курильница. За этимъ передовымъ отрядомъ двигалось духовенство въ шерстяныхъ полинялыхъ ризахъ. Позади всѣхъ, между двумя дьяконами, вооруженными восковыми факелами, шелъ митрополитъ мо-

красныхъ миндирахъ, греческіе попы съ большими бѣлыми зонтиками. Все это придаетъ городу видъ очень живописный. Солнце загнало меня въ городской садъ, который называется здѣсь Эспланадой. Какая пышная растительность! Прямыя аллеи изъ вѣтвистыхъ акацій полны тѣнью и прохладой, а между ними — то темный кипарисъ взлетаетъ вверхъ тонкимъ обелискомъ, то вѣерная пальма широко раскидываетъ свои изящные листья. Но запахъ отъ лимонныхъ деревьевъ и цвѣтущихъ гераній такъ густъ и поразителенъ, что черезъ часъ мнѣ стало душно въ этой благовонной атмосферѣ, и я вышелъ перевести духъ отъ избытка благоуханія.

На улицѣ встрѣтилъ меня утренній мой проводникъ. Съ необыкновенной кротостью и привѣтливой улыбкой освѣдомился онъ, доволенъ-ли я гостинницей. Я поблагодарилъ его за любезность, но онъ не отставалъ отъ меня.

— Сеньору надобно посмотрѣть городъ! — говорилъ онъ, забѣгая передо мною.

— Я и безъ васъ увижу!

— Какъ это можно! Non è possibile! Monsieur долженъ взглянуть на домъ графа Каподистри. Лучше меня никто не покажетъ. Да мнѣ и дѣлать-то больше нечего; я теперь совсѣмъ свободенъ. Мнѣ и денѣгъ не надо... Un zwanziger per tutto giorno, monsieur!

— Послушайте: ежели вы не оставите меня въ покоѣ, то я найду противъ васъ талисманъ.

— Талисманъ, signore! какой это?

— Полисмена! — сказалъ я, возвышая голосъ.

Это слово подѣйствовало сильнѣе, чѣмъ я думалъ. Злой духъ мой исчезъ, точно отъ какого-нибудь заклинанія.

Въ Корфу я замѣтилъ одну общую черту съ Миланомъ. Какъ ломбардцы избѣгаютъ австрійцевъ, такъ и

греки не сходятся съ англичанами. Ни на улицахъ, ни въ кофейняхъ не видалъ я ни разу краснаго мундира подлѣ бѣлой фустанеллы.

Я засталъ карфіотовъ въ сильномъ волненіи. Въ городѣ шли горячіе толки о проектѣ Англіи колонизировать Корфу. Покровительница Іонической-республики, въ материнской заботливости о процвѣтаніи острова, вздумала заселить его англійскими земледѣльцами. Новость эта взволновала городъ. Затаенная ненависть къ англичанамъ вышла наружу. Палата протестовала и выразила народное желаніе о соединеніи острововъ съ Греческимъ-королевствомъ. Конечно, такія желанія передъ стѣнами гранитныхъ фортовъ и подъ сѣнью англійскихъ пушекъ, останутся не больше, какъ утѣшительными pia desideria. Но опасеніе-ли общественнаго мнѣнія, какъ говорятъ греки, или скорѣе война въ Индіи подѣйствовала на «коварный Альбіонъ», только онъ на этотъ разъ уступилъ и отказался отъ плана іонической колонизаціи. Это одушевило грековъ.

Когда я зашелъ послѣ обѣда въ кафе передъ Эспланадою, вокругъ столиковъ группами сидѣли греки. Дымя изъ длинныхъ трубокъ, или перебирая зерна своихъ комболойо, они шумно толковали о колонизаціи и рѣшеніи палаты, гордо поглаживали усы и кидали вызывающіе взгляды на проходившихъ мимо англійскихъ солдатъ. Тутъ встрѣтилъ я одного изъ пассажировъ Плутона, пожилаго грека, съ которымъ познакомился на пароходѣ. Онъ подсѣлъ ко мнѣ, и мы разговорились.

— Слышали вы, какую гуманную мѣру придумалъ Пальмерстонъ? — сказалъ мой знакомецъ, — населить Корфу англичанами, стереть съ него греческое населеніе! Какова мысль?

— Однако-же я слышалъ, что гроза прошла мимо!— замѣтилъ я.

— А надолго-ли? Англичане не скоро отказываются отъ того, что разъ засядетъ имъ въ голову. Мы сами виноваты: зачѣмъ было отдаваться въ руки Англіи! Видѣли форты? Вонъ въ какихъ объятіяхъ держитъ она друзей.

— Такъ вы полагаете, что Іоническимъ-островамъ было-бы лучше подъ покровительствомъ Россіи?

— Во-сто-разъ лучше. Россія не давила-бы нашей торговли, не захватывала-бы флотовъ нашихъ по проискамъ какого-нибудь Пачифико, не поддерживала-бы въ Греціи разбойниковъ, чтобъ представить ее страной анархической!

— Но вѣдь англичане воздѣлали вашъ островъ, провели шоссе, построили мосты. У васъ есть университетъ, свобода книгопечатанья, палата... она вотируетъ соединеніе съ Греціей, и ее не распускаютъ. Согласитесь, что и это чего-нибудь стоитъ въ наше время!

— Такъ.... да зачѣмъ у насъ вотъ этотъ гранитный ошейникъ!

И онъ показалъ на фортъ, чернѣвшій вдали передъ окнами кофейни.

Солнце садилось, и горы начинали подергиваться темно-синей дымкой, когда я отправился на пристань. По улицамъ пахло лимонами, и на балконахъ мелькали женскія фигуры, подъ черными кружевными покрывалами. Въ городѣ начинали зажигать газъ, а крѣпость исполинскимъ темнымъ силуэтомъ вырѣзывалась на розовомъ свѣтѣ заката.

Гребецъ съ длинными сѣдыми усами перевезъ меня на Oriente, гдѣ собирались уже поднимать якорь.

II.

Лепантскій-заливъ.

Пароходъ, на которомъ предстояло намъ путешествовать до Коринѳскаго-перешейка, былъ настоящій ковчегъ. Готовясь къ поѣздкѣ, онъ какъ-будто нарочно забралъ экземпляры всѣхъ животныхъ и образцы разныхъ народностей. Напереди стояла лошадь англійскаго офицера, уѣзжавшаго въ Санта-Мауру, подлѣ нея мычалъ теленокъ и неумолкаемо блѣялъ толстый баранъ; въ рѣшетчатыхъ ящикахъ кричали куры и утки и клохтали индѣйки. У самой пароходной печи, въ большой жестяной клѣткѣ сидѣли три зеленые попугая, и какой-то господинъ съ черными усиками давалъ имъ уроки новогреческаго языка. На палубѣ было неменьше разнообразія: капитанъ иллиріецъ, матросы — далматы, пассажиры — греки, англичане, итальянцы, французы. И все это населеніе ковчега шумѣло и кричало такъ, что казалось я попалъ на какой-нибудь рынокъ въ минуту вавилонскаго смѣшенія языковъ. Ночью куры, пассажиры и попугаи пріутихли, но баранъ кричалъ не переводя духу, и къ этому присоединилось богатырское храпѣнье англичанина, да рѣзкій говоръ двухъ итальянцевъ, которые перекиды-

вались изъ одного угла каюты въ другой нестерпимо-звучными фразами. Я заснулъ только подъ-утро.

Меня разбудилъ шумъ на пароходѣ: мы пришли въ Превезу. Это первый турецкій городъ, который я вижу. Съ моря онъ очень-живописенъ. Бѣлые домики плотно тѣснятся на берегу залива, выступая впередъ верхними этажами; а надъ ними легко взлетаетъ остроконечный минаретъ, посреди группы такихъ-же тонкихъ, стрѣльчатыхъ кипарисовъ, которыхъ темная зелень пріятно гармонируетъ съ голубымъ отливомъ Эпирскихъ-горъ, замыкающихъ ландшафтъ.

Не смотря на раннее утро, картина была очень-оживлена. На берегу пестрѣли толпы грековъ и турокъ, а на рейдѣ взадъ и впередъ сновали легкія лодки. Кажется, мы пришли сюда затѣмъ, чтобы дополнить населеніе нашего ковчега новыми видами. На палубу легко взбѣжали двое эпиротовъ, въ сѣрыхъ овчинныхъ буркахъ, красиво наброшенныхъ на одно плечо, и въ бѣлыхъ вязаныхъ колпакахъ съ длинной кистью. Медленно поднялся турецкій офицеръ, молодой человѣкъ съ старческимъ, изношеннымъ лицомъ, въ однобортномъ форменномъ сюртукѣ и круглой малиновой фескѣ. За нимъ взобрался съ двумя круглыми чемоданами деньщикъ его, низенькій, толстый турокъ съ сѣдыми усами. Это была фигура довольно-оригинальная. На голое тѣло надѣта у него была зеленая куртка на истасканномъ лисьемъ мѣху, съ рукавами до локтей, и подъ нею виднѣлась загорѣлая мохнатая грудь. Шальвары, взятые съ какого-то великана и обрѣзанные выше колѣнъ, висѣли такъ низко, что казалось у него вовсе не было ногъ, а однѣ только ступни. На головѣ, сверхъ полинялой фески, повязанъ былъ желтый платокъ въ видѣ какого-то жалкаго подобія

чалмы. И все это было въ состояніи близкомъ къ разрушенію.

Сложа чемоданы въ переднемъ концѣ парохода, онъ поглядѣлъ кругомъ и, не смотря на то, что на скамейкѣ были свободныя мѣста, подошелъ къ якорной цѣпи, сложенной грудою на палубѣ, приладился на ней, согнувшись на корточкахъ, и закурилъ трубку.

Передъ Санта-Маурой мы позавтракали пилавомъ изъ ненавистнаго барана и высадили на берегъ англичанина съ лошадью, а передъ Кефалоніей съѣли за обѣдомъ куръ и теленка и избавились отъ крикливыхъ итальянцевъ. Все это обѣщало впереди болѣе спокойную ночь.

Когда послѣ обѣда я развернулъ свою дорожную карту, турецкій офицеръ подошелъ ко мнѣ и спросилъ на ломаномъ французскомъ языкѣ: есть-ли на ней дорога къ Стамбулу. Я показалъ ему.

— Далеко вы ѣдете? — заговорилъ онъ.

— Въ Аѳины, въ Константинополь.

— Вы французъ?

— Русскій.

— Вѣрно по торговымъ дѣламъ?

— Нѣтъ, только изъ любопытства.

Онъ посмотрѣлъ на меня съ недовѣрчивостью. Я въ свою очередь узналъ, что его зовутъ Османъ-агою и что онъ ѣдетъ на бэйрамъ въ Константинополь. Впрочемъ, турокъ величалъ себя агою на томъ-же, кажется, основаніи, какъ у насъ статскіе совѣтники любятъ величаться генералами.

При закатѣ солнца мы пришли къ Занту. Берега Іоническихъ-острововъ голы и лишены зелени, только коегдѣ одинокая хижина или вѣтрепая мельница показываютъ, что на нихъ есть населеніе. Зантъ гораздо привѣт-

ливѣе. Высокіе берега его покрыты зеленью оливковыхъ рощъ и виноградниковъ, а по вершинамъ горъ лѣпятся вѣтреныя мельницы, поворачивая медленно своей восьмикрылой звѣздою. У подножія холмовъ, полукругомъ замыкающихъ портъ, раскинутъ городъ, съ рядами бѣлыхъ домиковъ, которые гнѣздятся по берегу, какъ стая отдыхающихъ чаекъ. Когда мы остановились, весь онъ былъ залитъ розовымъ свѣтомъ вечерней зари, въ которомъ окрестныя горы тонули черными силуэтами.

Нигдѣ не слыхалъ я такого шума, съ какимъ здѣсь спускали на берегъ пассажировъ: это былъ цѣлый хаосъ бѣготни, криковъ и сумятицы. Когда феллуки облѣпили со всѣхъ сторонъ пароходъ и толпа лодочниковъ наводнила палубу, можно было подумать, что насъ берутъ на абордажъ какіе-нибудь разбойники. Оборванцы въ красныхъ фескахъ и соломенныхъ шляпахъ прыгали на пароходъ, соскакивали опять въ лодки, бѣгали по палубѣ, хватались за ящики, за пассажировъ.

Когда я, облокотясь на бортъ, смотрѣлъ, какъ лодки тѣснились къ пароходу, едва не взлетая одна на другую, подлѣ меня раздались крики: Платоно! Аристотéли! Я обернулся, заслыша такія классическія имена. Оказалось, что они принадлежали двумъ лодочникамъ. Оба они возились на палубѣ, около большихъ ящиковъ, и въ двухъ шагахъ другъ отъ друга кричали во всю мочь звонкаго горла.

— Платоно! иди сюда! — ревѣлъ одинъ, который чувствовалъ, кажется, что ящикъ ему не подъ-силу.

— Тащи свой, Аристотéли! — вопилъ другой, возясь съ безплоднымъ напряженіемъ около другаго сундука.

— Одному не стащить! — отвѣчалъ положительный Аристотель, окончательно убѣжденный въ невозможности подвинуть ящикъ.

— Бери сильнѣе! — кричалъ идеальный Платонъ, съ благородной увѣренностью въ своихъ силахъ.

Эта философская борьба заинтересовала меня, — и я ждалъ, чѣмъ она кончится. Вдругъ Аристотель въ порывѣ отчаянія плюнулъ энергически на свой ящикъ и бросился къ сундуку собрата, съ очевидной цѣлью раздѣлить его трудъ; но Платонъ, не теряя идеальной надежды одному заработать то, что иначе придется раздѣлить на двоихъ, брыкнулъ его ногою въ грудь, такъ-что тотъ снова отлетѣлъ къ своему сундуку. Въ это время капитанъ замѣтилъ классическую борьбу. Онъ кивнулъ матросамъ. Двое здоровыхъ далматовъ схватили за шиворотъ обоихъ противниковъ и прямо черезъ бортъ вытолкали въ лодку. Платонъ и Аристотель обмѣнялись десяткомъ ругательствъ, а потомъ, какъ истинные философы, принялись грести къ пристани.

Когда мы пошли отъ Занта, на маякѣ кружились уже огни, отбрасывая широкія красныя полосы на темное море. Мы опять повернули къ сѣверу, чтобы начать прогулку по Лепантскому-заливу.

Въ Іоническомъ-морѣ поразила меня истина и простота греческихъ миѳовъ. Ихъ создала здѣсь сама природа. Взглянешь на небо передъ восходомъ солнца, и образъ Авроры съ розовыми перстами самъ собою приходитъ въ голову; увидишь, какъ солнце поднимается изъ-за горъ Ахаіи въ нестерпимо-ослѣпительномъ блескѣ — и колесница Феба кажется не мечтою, а самымъ простымъ объясненіемъ явленія. Рожденіе Киприды изъ пѣны не понятно гдѣ-нибудь на Балтійскомъ-морѣ, а здѣсь это голая дѣйствительность. Когда вода закруглится въ широкую волну и, сверкнувъ на солнцѣ нѣжной синевою, опадетъ и разсыплется въ снѣжную пѣну, — такъ

и кажется, что вотъ сей-часъ поднимется изъ нея античный торсъ богини. Все это такъ естественно, такъ мало требуетъ воображенія или легко настроиваетъ ваше собственное, что готовъ отказать древнимъ грекамъ въ изобрѣтательности. Кажется, всякій другой народъ, живя подъ этимъ небомъ, создалъ-бы тѣ-же самые миѳы, такіе-же точно образы.

Рано утромъ мы были уже въ виду Миссолонги. Какъ ни хотѣлось мнѣ посмотрѣть этотъ греческій Севастополь и могилу Байрона, но пароходъ нашъ остановился на четверть часа и съѣхать на берегъ было невозможно.

Черезъ три часа Oriente бросилъ якорь въ гавани Патраса. Сначала капитанъ хотѣлъ пробыть здѣсь только до обѣда, а потомъ намъ сказали, что по случаю большой нагрузки товаровъ, пароходъ останется до слѣдующаго утра. Мнѣ было досадно, что я не вышелъ въ Миссолонги.

Патрасъ раскинутъ у самой подошвы Ахайскихъ-горъ, которыя извилистой линіей вырѣзываются на голубомъ небѣ. До-сихъ-поръ я видѣлъ еще англійскую колонію, теперь мы въ настоящей Греціи! Съ перваго взгляда видно, что городъ растетъ и богатѣетъ: по улицамъ строются новые дома, набережная уставлена кладовыми и магазинами, въ гавани стоятъ тѣсными рядами корабли, на пристани множество лодокъ. Да какъ-же и не цвѣсти Патрасу! Онъ первый торговецъ коринкой, а коринка въ Греціи то-же самое, что пшеница въ южной Россіи: отъ ея неурожая останавливаются торговыя дѣла, теряютъ вкусъ англійскіе пуддинги. Вотъ почему все благосостояніе города, всѣ его интересы основаны на одномъ урожаѣ коринки. Первый слухъ о болѣзни вино-

града въ Мореѣ былъ для него настоящимъ — to be or not to be.

Разумѣется, Патрасъ могъ-бы играть и другую роль. Какъ средоточіе торговли между Іоническими-островами, Мореею и Эпиромъ, онъ могъ сдѣлаться главнымъ пунктомъ во всей Греціи. Но ему мѣшаетъ завистливое соперничество Сиры. Племенная вражда между округами, которая такъ вредила грекамъ въ войнѣ за независимость, переродилась теперь въ коммерческое соперничество между городами и точно также вредитъ ихъ торговлѣ. Какъ, бывало, предводители изъ-зависти другъ-къ-другу дѣйствовали порознь, истощали силы въ интригахъ и междоусобіяхъ, такъ точно соперничаютъ теперь коммерческіе города, подрывая взаимный кредитъ и общія выгоды. Купцы наслѣдовали въ Греціи нетерпимость клефтовъ. Недавно какъ-то думали открыть въ Патрасѣ порто-франко. Едва только вѣсть объ этомъ пришла въ Сиру, она взволновалась, какъ-будто дѣло шло о томъ, чтобъ взорвать ее на воздухъ; начались интриги, протесты — и правительство принуждено было отказаться отъ своего плана.

Въ городѣ я встрѣтилъ погребальную процессію: это были похороны русскаго вице-консула Калуераки. Она тянулась по главной улицѣ къ Андреевскому-собору. Впереди сѣдой старикъ несъ корзину съ хлѣбомъ и виномъ. За нимъ шелъ низенькій грекъ, точно разнощикъ, съ плоской гробовой крышкой на головѣ; а позади выступала длинная, сухая фигура съ огромнымъ блюдомъ, на которомъ дымилась курильница. За этимъ передовымъ отрядомъ двигалось духовенство въ шерстяныхъ полинялыхъ ризахъ. Позади всѣхъ, между двумя дьяконами, вооруженными восковыми факелами, шелъ митрополитъ мо-

рейскій. Вся эта духовная толпа пѣла какой-то погребальный концертъ, съ помощью десятковъ двухъ свѣтскихъ аматеровъ. Трудно представить что-нибудь непріятнѣе этого пѣнія: гимнъ исполнялся не голосами, а тремя десятками большихъ греческихъ носовъ, которые изо-всѣхъ-силъ заливались въ рѣзко-гнусливыхъ звукахъ какого-то нестерпимо-однообразнаго напѣва. Тутъ не было и слѣдовъ какого-нибудь согласія: одинъ носъ быстро уносился впередъ, другой отставалъ, иной на минуту замолкалъ, наклоняясь къ платку, и потомъ опять начиналъ тянуть свою ноту, не заботясь ни мало, что другіе давно опередили его. Передъ гробомъ трое мальчиковъ кидали въ народъ конфекты изъ плетеныхъ корзинокъ. Ребятишки, а нерѣдко и высокіе атлеты съ сѣдѣющими усами, бросались со всѣхъ ногъ подбирать эти даровыя лакомства. Гробъ несли родные покойника, а кисти покрова поддерживали консулы. Солнце жгло немилосердно, и густая толпа валила за гробомъ, въ облакахъ раззолоченной пыли, при едва замѣтномъ мерцаніи свѣчъ, тонувшемъ въ яркомъ дневномъ свѣтѣ.

Я провелъ весь день въ гостепріимномъ домѣ консула. Вечеромъ мы гуляли по городу. Въ Патрасѣ національный костюмъ не тронутъ еще прикосновеніемъ европейской моды; бѣлая фустанелла и алый фесъ съ голубой кистью одинаково видны и на богатомъ купцѣ, и на послѣднемъ лодочникѣ. Правда, женщины начинаютъ уже носить французское платье, но и у нихъ остались еще вышитые греческіе нарукавники и феска съ длинной золотою кистью. Поздно ночью сѣлъ я въ лодку, чтобы переѣхать на пароходъ: за кормою бѣжала огненная струя, и отъ веселъ брызгали сверкающія искры.

Утромъ вошли мы въ Лепантскій-заливъ. При самомъ

входѣ встрѣтила насъ стая дельфиновъ; они прыгали черезъ волны, кувыркались, ныряли, играли на солнцѣ и неутомимо гнались за пароходомъ. Изъ Лепанто мы пошли въ Востицу, а оттуда въ Амфису, кидая якорь то на сѣверномъ, то на южномъ берегу залива, и провожаемые взадъ и впередъ дельфинами. Что за прелесть этотъ Лепантскій-заливъ! Вокругъ тянутся горы, выгибаясь изящными линіями, и изъ-за нихъ выглядываютъ кое-гдѣ вершины Парнаса ослѣпительно-бѣлыми пятнами снѣговъ; по берегамъ, у самой подошвы ближнихъ холмовъ, лѣпятся городки и селенія, ярко вырѣзываясь на темномъ фонѣ горной цѣпи; а по синей поверхности моря скользятъ легкія феллуки и каравеллы, блистая длинными и тонкими парусами, какъ распущенными крыльями. Не хочется глазъ отвести отъ этихъ горъ, которыя на первомъ планѣ желтѣютъ золотистымъ отливомъ, а вдали пропадаютъ въ дымкѣ фіолетоваго тумана. Онѣ, разумѣется, не такъ высоки, какъ Альпы, но отъ нѣжности воздуха или соразмѣрности залива кажутся величественнѣе, и линіи ихъ нѣжнѣе и живописнѣе.

Деньщикъ Османа-аги по цѣлымъ днямъ сидѣлъ на грудѣ якорныхъ цѣпей. Изрѣдка вставалъ онъ подать трубку, потомъ опять возвращался на пригрѣтое мѣсто и опускался на корточки на своемъ желѣзномъ сидѣньи. Но этотъ постоянный кейфъ на якорной цѣпи значительно дѣйствовалъ на его шальвары: они видимо разрушались и подавали надежду не доѣхать въ Константинополь. Утромъ, проходя мимо турка, я замѣтилъ, что онъ набилъ трубку и до поту лица трудился надъ избитымъ огнивомъ. Я подалъ ему спичку, и онъ поблагодарилъ меня, проворно приложа руку ко лбу и къ колѣну. Съ помощью пантомимы я умудрился спросить, какъ его зовутъ.

— Мустафа!—проговорилъ онъ, ткнувъ себя въ грудь чубукомъ.

Послѣ этого онъ обернулъ чубукъ, и указывая на меня, спросилъ:

— Фиренги?

— Московъ! — отвѣчалъ я.

Это видимо не понравилось моему новому знакомцу: онъ еще ниже присѣлъ на корточки, уставилъ впередъ ни на что̀ не смотрѣвшіе глаза и погрузился въ кейфъ на своей якорной цѣпи.

Отъ Амфисы шли мы придерживаясь сѣвернаго берега. Налѣво тянулись зубчатыми изгибами сѣрыя скалы Эпира, направо горы Мореи въ синевато-дымчатыхъ фестонахъ; а прямо передъ нами, въ ясной дали, начала подниматься темная гора, съ бѣлой точкою наверху, которую я принялъ за полоску снѣга. Съ каждой минутой гора эта становилась все виднѣе, а свѣтлая точка на ней ярче и отчетливѣе, и наконецъ превратилась въ бѣлое зданіе. Это былъ Акрокоринѳъ.

III.

Коринѳскій-перешеекъ.

При всей антипатіи къ Австріи, нельзя не сознаться, :о компанія тріестскаго Лойда заслуживаетъ уваженіе ;ристовъ. Пароходы ея удобны и чисты, буфетъ не рос-ошный, но свѣжій, цѣны за мѣста и обѣдъ умѣренныя, бращеніе съ пассажирами внимательное. Здѣсь не за-гавляютъ васъ обѣдать насильно на пароходѣ, какъ ногда бываетъ на Рейнѣ, и капитанъ отвѣчаетъ на ваши эпросы не однимъ свистомъ, что случается въ Англіи. Нѣмецкая компанія Лойда до-того даже любезна къ пу-ешественникамъ, что совсѣмъ не держитъ на своихъ ароходахъ нѣмцевъ: вся команда и прислуга на нихъ абрана изъ далматовъ и иллирійцевъ.

Передъ самымъ обѣдомъ пришли мы къ деревенькѣ Утраки, на западный конецъ Коринѳскаго-перешейка. Здѣсь должно было оставаться до утра, когда отпра-ляется почтовый поѣздъ черезъ перешеекъ. Одни пас-ажиры остались обѣдать на пароходѣ, другіе поѣхали а берегъ. Прекрасный домъ лойдовской компаніи по-троенъ у самаго залива, для сбора и отдыха пассажи-овъ. Спереди примыкаетъ къ нему открытый перистиль,

вымощенный мозаикой изъ бѣлыхъ и черныхъ раковинъ. Въ одной половинѣ дома столовая зала, въ другой — пассажирскія комнаты, съ особой половиной для дамъ. Вездѣ чисто и удобно. Вокругъ зеленѣютъ миртовые кусты и цѣлыя рощи олеандровъ, залитыя цвѣтами.

Наканунѣ познакомился я на пароходѣ съ молодымъ грекомъ изъ Кефалоніи, который пять лѣтъ назадъ учился въ аѳинскомъ университетѣ и теперь ѣхалъ хлопотать по какому-то процессу въ столицу. Его звали Ликадисомъ. Онъ предложилъ мнѣ, кажется изъ экономіи, отобѣдать въ народной таверне, и я, какъ охотникъ до мѣстныхъ красокъ, съ удовольствіемъ согласился.

Мы пошли вдоль залива. Позади гостинницы группируется съ полдюжины каменныхъ домиковъ. На одномъ изъ нихъ увидѣли мы вывѣску: Locanda delle isole Jonie. Толпа въ національныхъ костюмахъ, пестрѣвшая у дверей, показывала, что не смотря на итальянскій титулъ, это самая народная таверна въ Лутраки. Мы вошли.

Въ большой комнатѣ, прямо передъ входомъ, стояла огромная низенькая печь, точно какой-нибудь жертвенникъ, гдѣ на грудѣ горячихъ угольевъ кипятилось множество маленькихъ, закоптѣлыхъ кофейниковъ. Налѣво тянулся длинный прилавокъ, и на немъ разставлены были кадки съ черными какъ уголь оливками, блюда жареной рыбы, корзины съ арбузами и абрикосами, тарелки съ краснымъ и бѣлымъ рахатъ-лукумомъ и цѣлый рядъ бутылей съ виномъ темно-сандальнаго цвѣта. За прилавкомъ стоялъ трактирщикъ или ксенодохосъ, смуглый мущина въ фустанеллѣ и фесѣ, съ распущенными по плечамъ локонами. Направо, за длиннымъ столомъ, обставленнымъ скамьями, сидѣли греки, поджавъ ноги по-турецки, и одни ѣли оливки или прихлебывали изъ крошеч-

ныхъ фиджановъ черный кофе, другіе дымили длинныя трубки. Два мальчика, въ красныхъ курткахъ, бѣгали взадъ и впередъ, то разносили кушанье съ прилавка, то подавали съ очага уголья для трубокъ тонкими желѣзными щипцами. Среди общаго молчанія изрѣдка слышался возгласъ: Леонидасъ! И ксенодохосъ выходилъ на этотъ призывъ изъ-за прилавка выслушать какое-нибудь требованіе или получить деньги.

Мы сѣли въ концѣ стола и попросили Леонида приготовить намъ греческій обѣдъ. Онъ не заставилъ дожидаться. Мальчикъ проворно началъ подавать намъ издѣлія эллинской кухни. Прежде-всего явилось блюдо черныхъ оливъ, привлекательныхъ развѣ только для грека да записнаго туриста. Эта національная закуска смѣнилась яицами, жаренными въ оливковомъ маслѣ, за которыя едва-ли принялся-бы и самый пламенный филеллинъ. За тѣмъ подали пилавъ съ бараниной, и наконецъ угощеніе заключилось тарелкою персиковъ и рахатъ-лукума и большой кружкою морейскаго вина, которое Овидій величалъ молокомъ Киприды. Оно показалось мнѣ очень-горько. Пиръ этотъ обошелся намъ въ одну драхму, то-есть немного больше двугривеннаго. И вѣроятно, мы позволили себѣ роскошь, не совсѣмъ обыкновенную въ деревенской таверне, потому-что Леонидъ на прощаньи вышелъ изъ своихъ «термопилъ» и проводилъ насъ поклономъ.

Не смотря на то, что Коринѳъ лежалъ всего на полчаса пути, мнѣ не удалось побывать въ немъ: клефты своими грабежами нагнали такой страхъ, что я не могъ найти ни товарищей, ни проводниковъ. На предложенья мои отвѣчали разсказами о томъ, какъ въ прошломъ году клефты остановили пассажирскій поѣздъ Лойда въ

нѣсколькихъ шагахъ отъ деревни, а нынче весною среди бѣлаго дня захватили богатаго греческаго купца въ самомъ Коринѳѣ. Я хотѣлъ нанять жандармовъ, которые стояли въ Лутраки, но и тѣ отказались, боясь, что мы не успѣемъ воротиться до наступленія ночи.

Отъ нечего дѣлать пошли мы на горячій ключъ, отъ котораго деревня получила названіе. Узенькая тропинка вилась въ чащѣ олеандровыхъ кустовъ, у самаго подножія Эпирскихъ-горъ, гдѣ по обрывамъ лѣпились мирты и иммортели. Здѣсь нѣсколько нашихъ пассажировъ купалось въ водѣ, горячей какъ щолокъ. Я подговорилъ человѣкъ пять идти въ открытое море. Что за вода! Она такъ густа и съ такой легкостью поддерживаетъ васъ, что кажется и утонуть въ ней нельзя безъ особаго искусства. Если таковъ и Геллеспонтъ, то неудивительно, что Байронъ переплылъ его.

Когда мы возвращались провести послѣднюю ночь на Oriente, Лутраки принимала воинственный характеръ: на восточномъ краю деревни расположился пикетъ жандармовъ, поставилъ при входѣ часовыхъ и двухъ конныхъ выслалъ впередъ на дорогу.

Рано утромъ разбудилъ меня шумъ на пароходѣ; это свозили на берегъ наши чемоданы. Пока мы пили кофе въ станціонномъ домѣ, на площадкѣ появился шумный поѣздъ: пять каретъ, запряженныхъ четверками лошадей, восемь парныхъ каросси или рѣшетчатыхъ телѣгъ и одна большая фура, къ которой прицѣплено было три лошади и двѣ пары муловъ. Сбруя, связанная на живую нитку веревками, безконечное прилаживанье пастромокъ, безтолковые крики и бѣготня, — все напоминало наши почтовыя станціи. Только пестрыя тряпки яркихъ костюмовъ да звучная энергія греческой рѣчи говорили о классиче-

ой Элладѣ. Погонщики съ крикомъ и бранью кидали ъ фуру чемоданы, а передъ ихъ шумной толпою, низко ıустясь на корточки, сидѣлъ Мустафа и невозмутимо ·рилъ свою длинную трубку.

Пассажировъ съ билетами перваго и втораго класса ›игласили садиться въ кареты, остальныхъ помѣстили › каросси. Смотритель станціоннаго дома вышелъ спро-ıть, всѣ-ли довольны мѣстами, извощики въ изорван-ıхъ фустанеллахъ махнули вмѣсто кнутовъ длинными ›оростинами изъ олеандровыхъ вѣтвей, и при шумныхъ ›икахъ мы двинулись изъ Лутраки.

При выѣздѣ изъ деревни поѣздъ остановился. Тутъ далъ насъ цѣлый караванъ для общаго переѣзда че-езъ Коринѳскій-перешеекъ. Крестьяне на лошадяхъ, въ вчинныхъ буркахъ и бѣлыхъ колпакахъ, ослы навью-енные большими корзинами и мѣшками, женщины вер-омъ на мулахъ, съ грудными дѣтьми на рукахъ, — все то составляло картину очень характерную. Черезъ нѣ-жолько минутъ явился отрядъ конныхъ жандармовъ, въ синихъ мундирахъ французскаго покроя: двое располо-кились впереди поѣзда, другіе при багажной фурѣ и эки-ıажахъ. Это нашъ конвой на случай нападенія клефтовъ. Они выправили ружья, — и караванъ нашъ съ необык-новенной здѣсь тишиною и важностью выступилъ на глад-кое шоссе, которое недавно австрійская компанія про-вела на свой счетъ черезъ весь перешеекъ.

Дорога пролегала прекрасной долиною, поросшей ку-стами миртъ и дикими оливами и замкнутой съ одной стороны ближними отрогами Эпирскаго-хребта, а съ дру-гой извилистой линіей Морейскихъ-горъ, надъ которой ярко свѣтилась въ воздухѣ бѣлая цитадель Акрокоринѳа. По откосамъ холмовъ лѣпились кусты олеандровъ и жел-

тыхъ иммортелей; а изъ тощей зелени, до половины спаленной солнцемъ, слышалось бѣшеное стрекотанье классическихъ цикадъ, которыя при торжественномъ молчаніи нашего поѣзда задавали самый оглушительный концертъ. Между-тѣмъ въ кустахъ и на возвышеніяхъ безпрестанно показывались группы изъ двухъ или трехъ жандармовъ, которые опершись на ружья или прислонясь къ дереву, внимательно смотрѣли въ горы.

Я помѣстился въ каретѣ съ Ликадисомъ. Напротивъ меня сѣлъ Османъ-ага; а подлѣ него старый грекъ съ сѣдыми усами, положа правую ногу на лѣвое колѣно, одной рукой держался за свой желтый туфель, а въ другой перебиралъ комболойо. Оба мои христіанскіе товарища очевидно недовольны были присутствіемъ турка. Когда я обращался съ какимъ-нибудь вопросомъ къ офицеру, Ликадисъ посматривалъ на меня съ огорченіемъ, а старикъ громко вздыхалъ и поспѣшно отсчитывалъ пальцемъ зерна своихъ четокъ. Всякій разъ, когда жандармъ скакалъ мимо насъ впередъ, онъ съ испугомъ подымалъ брови и посматривалъ на горы.

Разговоръ натурально зашелъ о греческихъ разбойникахъ. Клефты имѣютъ свою исторію. Это почтенное сословіе возникло вмѣстѣ съ турецкимъ порабощеніемъ. Въ то время всякій, кто ненавидѣлъ притѣсненіе, бѣжалъ въ горы: разбой сдѣлался почти законнымъ протестомъ противъ мусульманскихъ варваровъ. Часто люди самые благородные спасались въ горы отъ петли или атагана и дѣлались клефтами. Щадя земляковъ, горцы эти неумолимо преслѣдовали турокъ. Поэтому имя разбойника сдѣлалось однозначительно съ именемъ патріота, давало право на уваженіе, становилось почетнымъ титуломъ. Какъ-скоро началась война съ турками, клефты

явились первые на защиту отечества и образовали тѣ смѣлыя толпы, которыхъ не могли одолѣть цѣлыя турецкія арміи; изъ рядовъ ихъ вышли десятки героевъ, эти Карайскаки, Одиссеи, возбуждавшіе удивленіе во всей Европѣ. Съ освобожденіемъ Греціи эти люди нелегко переходили въ категорію мирныхъ гражданъ. Привычка къ грабежу и кочевой жизни въ партизанской войнѣ вошла въ нравы: люди, которые умѣли только стрѣлять изъ рукей да рѣзать турокъ, не чувствовали особенной любви къ быту пастуховъ и земледѣльцевъ. Горы на новой турецкой границѣ опять начали населяться толпами отважныхъ разбойниковъ, которые принялись грабить чужихъ и своихъ, дѣлая набѣги до Коринѳскаго-перешейка и самыхъ Аѳинъ.

Въ Европѣ удивляются, какимъ-образомъ греческое правительство не можетъ истребить клефтовъ, и въ то время, когда Шварцвальдъ перерѣзанъ желѣзными дорогами, Муромскіе-лѣса истреблены фабриками и лѣсничими, когда въ Италіи перевелись фра-дьяволы, а въ Испаніи нищій проситъ уже милостыню безъ карабина — въ Греціи процвѣтаютъ еще разбойники. Это объясняется очень-просто. Жандармамъ короля Оттона также нелегко гоняться за клефтами, какъ трудно было арміямъ Ибрагима-паши и Омеръ-Вріони преслѣдовать дерзкія и вѣчно-ускользающія толпы греческихъ удальцовъ. Деревенское населеніе, особенно на турецкой границѣ, покровительствуетъ клефтамъ, изъ страха или выгодъ, а иногда и по симпатіи. Говорятъ, въ городахъ есть антрепренёры, которые держатъ въ горахъ труппу разбойниковъ, заочно управляютъ ею и пользуются выгодами грабежа, а въ голодное время помогаютъ ей деньгами. Между торговцами встрѣчаются отцы семействъ,

проводившіе молодость въ охотѣ на чужіе кошельки; даже въ селеніяхъ бываютъ цинциннаты, которые отъ пашни не разъ уходили на разбой и при недостаткѣ практики опять возвращались къ мирному плугу. Случается, что въ самыхъ Аѳинахъ поваръ, слуга или кучеръ уходитъ на побывку въ горы, какъ у насъ дворники отправляются въ деревню.

— Во всемъ этомъ виноваты турки и англичане! сказалъ старый грекъ, который молча прислушивался къ нашему французскому разговору.

— Какимъ-же образомъ они виноваты въ этомъ? — спросилъ я.

— Турки слишкомъ близко живутъ къ нашей границѣ, потому многіе идутъ въ горы только для-того, чтобы ихъ грабить; а англичане подкупаютъ и укрываютъ клефтовъ, чтобы раззорять Грецію и кричать вездѣ о нашей неспособности къ гражданской свободѣ.

Это оригинальное замѣчаніе такъ озадачило насъ, что мы всѣ замолчали.

На половинѣ дороги мы проѣхали мимо небольшаго каменнаго дома. Это — казарма, гдѣ расположенъ постоянный пикетъ. У входа толпилось человѣкъ десять жандармовъ, а на дворѣ стоялъ рядъ осѣдланныхъ лошадей. Караванъ нашъ медленно и въ тишинѣ тянулся по жаркой дорогѣ. Вдругъ послышался рѣзкій свистъ. Ужъ не клефты-ли? Мы выглянули изъ кареты: передъ нами было большое оливковое дерево, и на немъ, на прилаженной между сучьями коротенькой доскѣ сидѣлъ, свѣся ноги, человѣкъ. Въ одной рукѣ держалъ онъ ружье, а въ другой перебиралъ четки. Но это былъ не греческій Соловей-разбойникъ, а караульный жандармъ, который свистомъ перекликался съ товарищами.

Подъ конецъ дорога стала живописнѣе. Она тянулась по откосамъ горы, отдѣляясь каменной оградою отъ глубокаго оврага, на днѣ котораго алѣли кусты цвѣтущихъ олеандровъ. Вмѣсто дикой пустыни начали показываться слѣды человѣческой жизни — то небольшое поле, гдѣ зеленѣлъ маисъ вышиною въ человѣческій ростъ, то маленькій лугъ, на которомъ паслось стадо черныхъ козъ, а подлѣ сидѣлъ на камнѣ пастухъ въ бѣлой фустанеллѣ, опершись на длинный посохъ.

Ровно черезъ часъ караванъ нашъ пришелъ въ мѣстечко Каламаки, и мы остановились передъ станціоннымъ домомъ, совершенно такимъ-же, какой недавно покинули на другомъ концѣ перешейка. Передъ нами синимъ зеркаломъ сверкало Эгейское-море. На берегу живописно выгнутаго залива, обрамленнаго горами, толпилось десятка два домиковъ съ плоскими крышками и рѣшетчатыми окнами, полузакрытыхъ въ зелени садовъ. На лугу передъ домомъ стояло нѣсколько ословъ и муловъ, и оборванные греки таскали нарубленные олеандры съ цвѣтами и кидали имъ подъ ноги.

Пока грузили поклажу на пароходъ Croazia, я пошелъ съ Ликадисомъ гулять по деревнѣ. Мнѣ хотѣлось видѣть, какъ растетъ коринка на самой ея родинѣ. Товарищъ мой предложилъ зайти въ какой-нибудь садъ. Мы подошли къ небольшому дому, за которымъ виднѣлись плодовыя деревья. Ликадисъ вызвалъ хозяина и сказалъ ему, что русскій путешественникъ хотѣлъ-бы посмотрѣть его садъ. Грекъ тотчасъ-же пригласилъ насъ войти. — Садъ невеликъ, но чего тутъ не было! Прямо передъ входомъ рядами тянулись оливы, между ними миндальныя, фиговыя и гранатныя деревья, всѣ въ плодахъ, а по оградѣ гирляндами развѣшанный виноградъ и ку-

стики коринки съ вызрѣвающими гроздами: все это сверкало въ солнечномъ свѣтѣ, какъ наши праздничныя ёлки, обвѣшанныя конфектами и плодами. Хозяинъ пригласилъ насъ къ маленькому столику, въ тѣни платана, взялъ корзинку, нарвалъ коринки и фигъ и просилъ попробовать. Черезъ нѣсколько минутъ молоденькая женщина поставила передъ нами двѣ маленькія чашечки съ чернымъ кофе. Оба они кланялись, прижимая руку къ сердцу, и увѣряли черезъ моего переводчика, что имъ пріятно видѣть у себя русскаго гостя.

— Чѣмъ-же мнѣ отблагодарить этихъ добрыхъ людей? — шепнулъ я Ликадису.

— Какая тутъ благодарность: они денегъ не возьмутъ.

Со мной ничего не было кромѣ сигаръ, купленныхъ въ Корфу. Я предложилъ ихъ хозяину, и онъ кажется принялъ ихъ не безъ удовольствія. Хозяева проводили насъ до дверей: поминутно прижимая руку къ сердцу, грекъ не переставалъ твердить: благодарю васъ! эвхаристо! эвхаристо!

Въ полдень Кроація подняла якорь, и мы вышли изъ Каламаки.

IV.

Пирей. — Пріѣздъ въ Аѳины.

Въ Архипелагѣ море и небо показались мнѣ еще нѣе и бархатнѣе. Въ водѣ какъ-будто разведено гро-адное количество синьки, а въ тонкомъ воздухѣ свер-ают миріады мелкихъ искорокъ. Море такъ прозрачно, го кажется освѣщено внизу какимъ-то другимъ солнцемъ, оторое насквозь пронизало и налило его свѣтомъ. Мы демъ по водамъ, гдѣ человѣческая мысль создала самые оэтическіе миѳы, гдѣ исторія человѣческой молодости азбросала самыя увлекательныя сказанія. Вправо отъ асъ убѣгаютъ вдаль фіолетовыя горы Мореи, налѣво все снѣе вырѣзывается извилистая линія холмовъ вожделѣн-ой Аттики. Прямо встаютъ изъ воды скалы Эгины и Сала-ина, между ними надъ синей чертой горизонта свѣтлой олоской виднѣются домики Пирея, а выше на темномъ ятнушкѣ Акрополя сверкаетъ бѣлой точкою вѣчный Пар-енонъ, замыкаясь вдали почти ускользающею изъ глазъ азурной линіей Гиметскихъ-горъ. Я не могъ отвести лазъ отъ картины, о которой мечталъ такъ долго.

Мы вошли въ голубой промежутокъ двухъ классичес-кихъ острововъ. Вправо подымались бѣлые берега Эгины,

точно фаянсовая игрушка, окаймленная по краямъ рисункомъ свѣжей зелени, и на ней, вся облитая солнцемъ, стояла какая-то одинокая колонна. Налѣво тянулись мѣловатыя остроугольныя вершины Саламина, разрумяненныя солнцемъ, и изъ-за нихъ выглядывала гора, съ которой Ксерксъ смотрѣлъ на гибель своего флота. Могила Ѳемистокла привѣтствовала насъ своей нетлѣнной памятью у входа въ Пирейскій-заливъ, гдѣ взадъ и впередъ сновали сотни гоэлетовъ, сверкая на солнцѣ алыми шапками своихъ гребцовъ.

Едва успѣли мы бросить якорь въ Пирейской-гавани, какъ множество легкихъ лодокъ съ бойкими гребцами тѣсной толпою оцѣпило пароходъ. Варкарисы въ бѣлыхъ фустанеллахъ и красныхъ фесахъ лѣзли со всѣхъ сторонъ на палубу Кроаціи. Раздался цѣлый потопъ разноязычныхъ криковъ.

— Возьмите варку, эффенди! La barca, signore! Voilà un bateau, monsieur! Гдѣ вашъ багажъ, синьоръ? За полдрахмы на берегъ, сэръ! Съ двумя гребцами за одну драхму, господа! Эпаминонда, бери чемоданъ! Мильтіади, помоги эффенди сойти въ варку!

Я подошелъ проститься съ Османъ-агою: онъ ѣхалъ прямо въ Сиру и теперь спокойно смотрѣлъ на всю пароходную тревогу. Мустафа сидѣлъ передъ нимъ на корточкахъ и набивалъ трубку изъ кожанаго мѣшка, не обращая никакого вниманія на послѣднія минуты своихъ шальваръ.

— Мы увидимся въ Сирѣ! — сказалъ Османъ.

— Почему-же вы не ѣдете въ Аѳины? спросилъ я.

— Зачѣмъ, — отвѣчалъ турокъ: — вѣдь я никогда не бывалъ тамъ.

Когда я вернулся къ своему чемодану, за него дер-

жалось уже больше десятка рукъ, которыя тащили его въ разныя стороны. Я надѣялся на плотность англійской кожи и спокойно смотрѣлъ, чѣмъ это кончится. Наконецъ одинъ здоровый варкарисъ отбилъ призъ послѣ упорной борьбы, поднялъ чемоданъ на голову и прямо съ борта спрыгнулъ въ лодку. Ликадисъ съ своей стороны храбро отстоялъ свою поклажу, и мы помѣстились въ одной варкѣ. Товарищи нашего гребца не скоро однакожъ отказались отъ своихъ видовъ на насъ: двое изъ нихъ уцѣпились за бортъ, а третій, надѣясь овладѣть которымъ-нибудь чемоданомъ, вскочилъ даже къ намъ въ лодку. Но варкарисъ нашъ отразилъ противниковъ, и вооружась весломъ, такъ оттолкнулъ варку, что мы едва не вылетѣли въ море.

Провожаемые криками лодочниковъ, мы въ нѣсколько минутъ переплыли гавань и были на пристани.

Пирей съ перваго взгляда показался мнѣ веселымъ и привѣтливымъ. Каменные дома и магазины, окаймляющіе синій заливъ, плотно тѣснятся другъ-къ-другу, оставляя только промежутки для убѣгающихъ перпендикулярно улицъ. Трактиры и кофейни съ греческими и французскими вывѣсками, ослы и мулы, навьюченные кипами товаровъ, ряды кораблей въ гавани и шныряющія между ними взадъ и впередъ лодки—сообщаютъ городу видъ европейской дѣятельности; а высокіе пирамидальные кипарисы между строеніями и толпы народа въ живописномъ костюмѣ на набережной — придаютъ ландшафту оригинальную прелесть. Это Тріестъ въ миніатюрѣ, съ восточнымъ оттѣнкомъ въ физіономіи.

Мы пристали къ широкому молу, выложенному гранитомъ, который желтой полосою убѣгаетъ отъ набережной въ гавань. Онъ обставленъ былъ множествомъ

лодокъ, и на крупномъ пескѣ его лежали варкарисы, опираясь на локти и грѣя спину на солнцѣ. Все это переселенцы съ Ипсары, по смѣлости и ловкости первые моряки въ свѣтѣ. Лодочникъ схватилъ наши чемоданы и побѣжалъ къ какому-то высокому греку въ довольно-засаленной фустанеллѣ, который величественно прохаживался по набережной. Оказалось, что это былъ телонисъ или таможенный надсмотрщикъ. Я началъ отпирать дорожный мѣшокъ, но грекъ съ большой любезностью приложилъ руку къ своему фесу и сказалъ:

— Если эффенди не желаетъ, чтобъ его безпокоили, то потрудится дать что-нибудь телонису.

У меня не было на совѣсти большихъ контрабандныхъ грѣховъ. Я далъ ему полдрахмы, то-есть почти гривенникъ на русскія деньги. Онъ любезно улыбнулся мнѣ и спросилъ: эффенди — французъ?

— Русскій! — отвѣчалъ я.

— Россосъ? какъ-же это я не замѣтилъ! Но вѣдь русскіе имѣютъ обыкновеніе давать цѣлую драхму. Можетъ-быть эффенди еще не знаетъ — но это ужъ такъ заведено.

— Отчего-же это?

— Какъ отчего! — проговорилъ телонисъ, взглянувъ на меня съ видимымъ удивленіемъ: — оттого, что русскіе — не французы. Вы понимаете разницу, и греки понимаютъ, давно всѣ понимаютъ. Видите вы этотъ пароходъ, вонъ — гдѣ люди купаются?

— Вижу! — сказалъ я, ожидая, что̀ изъ этого выйдетъ.

— Ну, такъ это пароходъ русскій. Господа офицеры съѣзжаютъ съ него на берегъ совсѣмъ безъ чемодановъ, и всякій разъ даютъ драхму.

— За что-же?

— Да вѣдь они русскіе! Вы тоже русскій... мы одной вѣры: эффенди вѣритъ, во-что̀ я вѣрю...

Убѣжденный такой несомнѣнной логикой, я прибавилъ еще полдрахмы. Телонисъ вѣжливо приложилъ руку къ фесу и повернулся къ чемоданамъ Ликадиса, но, убѣдясь съ перваго взгляда, что товарищъ мой былъ совсѣмъ не-русскій, грустно махнулъ рукою и величественно пошелъ къ пристани, куда подходили еще двѣ лодки отъ нашего парохода. Ликадисъ сердился за мою драхму, я хохоталъ.

Варкарисъ подхватилъ наши чемоданы и почти бѣгомъ пустился къ площади, обставленной европейскими домами съ разноцвѣтными вывѣсками. Тамъ стояло съ десятокъ каретъ. Извощики ухватились за нашу поклажу съ такою-же энергіей, какъ и лодочники, и я не знаю, какимъ-образомъ удалось намъ съ Ликадисомъ попасть въ одну карету. Автомедонъ нашъ ударилъ по лошадямъ, прощаясь звонкою бранью съ своими товарищами.

Изъ города мы выѣхали на довольно-плохое шоссе: это священная дорога въ Аѳины. Передъ нами открылось голое, печальное поле, спаленное солнцемъ и почти совсѣмъ помертвѣлое. Нигдѣ не видно было ни деревца, ни травки: казалось, земля эта покинута навсегда и богами и людьми. Карета наша катилась въ облакѣ мелкой пыли, и бѣлая юпка извощика въ одну минуту почернѣла, какъ фартукъ у кузнеца. Какой грустный, утомительный путь!

Минутъ черезъ десять дорога стала однакоже нѣсколько измѣняться. Мы въѣхали въ аллею, обсаженную густыми серебристыми тополями, и хотя съ правой стороны тянулась еще безплодная равнина, примыкающая вдали къ Фалернскому-заливу, но слѣва начали уже по-

казываться виноградники, и видъ становился веселѣе. Кое-гдѣ порхали птицы, вдали паслось стадо черныхъ козъ.

На половинѣ дороги вьется полузасохшій, каменистый ручей: кто-бы подумалъ, что это классическій Цефизъ! Недалеко отъ него мы остановились передъ кафенесомъ, гдѣ стояло у входа нѣсколько маленькихъ столиковъ, и мальчики проворно бѣгали съ кофеемъ и трубками, потряхивая голубой кистью своихъ фесокъ. Извощикъ нашъ, не говоря ни слова, слѣзъ съ козелъ, стряхнулъ юпку, усѣлся за столъ, съ важностью погладилъ усы и потребовалъ кружку вина. Въ то-же время мальчикъ подбѣжалъ къ нашей каретѣ съ мѣднымъ подносомъ, на которомъ стояло два стакана лимонада и тарелка съ бѣлымъ и розовымъ рахатъ-лукумомъ. Эта остановка обязательна для всѣхъ проѣзжающихъ въ Аѳины, и рѣдко случается, чтобы кто-нибудь миновалъ эту кофейню. Мы застали уже передъ нею нѣсколько экипажей: изъ нихъ выставлялись длинные чубуки и столбомъ валилъ дымъ. Ликадисъ сердился на остановку и твердилъ о необходимости желѣзной дороги изъ Пирея въ Аѳины.

— Здѣсь всякій разъ тратишь двадцать лептъ! — ворчалъ онъ, поглядывая на извощика, который спокойно курилъ трубку.

Отъ Цефиза дорога стала несравненно живописнѣе. Мы въѣхали въ оливковую рощу, которой родословная восходитъ до священной вѣтви, насажденной Минервою. Маститыя деревья, съ узловатыми стволами и блѣдной зеленью, пощажены не только временемъ, но и варварствомъ ибрагимовыхъ солдатъ. Остатки стѣнъ, построенныхъ въ пелопонезскую войну, мелькаютъ кое-гдѣ между священными оливами, а густыя фиговыя деревья и яркая зелень виноградниковъ оживляютъ пейзажъ. Съ лѣвой сто-

роны показались загородные дома, въ зелени фруктовыхъ садовъ, а прямо противъ насъ поднялись холмы Музея и Акрополя съ сверкающимъ Партенономъ. Воздухъ былъ такъ свѣжъ и прозраченъ, что, кажется, стоило пройти нѣсколько шаговъ, чтобы дотронуться до вершинъ Гимета; а по словамъ Ликадиса нужно ѣхать не меньше двухъ часовъ до подножія этихъ горъ. Но вотъ дорога повернула немного въ сторону — и вся сверкающая поднялась бѣлая колоннада Тезеева-храма, а за нею показались строенія новаго города, какъ-будто съ робостью выглядывая изъ-за великихъ остатковъ древности. Ликадисъ что-то говорилъ и разсказывалъ мнѣ, но я ничего не слыхалъ: мы подъѣзжали къ «августѣйшимъ Аѳинамъ».

Оставя назади храмъ Тезея, въѣхали мы въ улицу Гермеса, упирающуюся вдали въ бѣлое зданіе королевскаго дворца, почти на серединѣ ея повернули въ другую улицу Эола и остановились передъ гостинницей съ прозаической вывѣскою Ville de Paris. Мнѣ хотѣлось поселиться въ какой-нибудь чисто-греческой ксенодохеи, но сами греки напугали меня разсказами о нечистотѣ этихъ національныхъ постоялыхъ дворовъ, и я принужденъ былъ искать пріюта во французскомъ отелѣ. Это было что-то въ родѣ тѣхъ маленькихъ германскихъ гостинницъ, о которыхъ не упоминается даже въ Рейхардовомъ Путеводителѣ.

Хозяинъ, офранцузившійся грекъ, встрѣтилъ насъ улыбками и поклонами и принялся читать на ломаномъ французскомъ языкѣ похвальную рѣчь своей гостинницѣ и цѣлый каталогъ болѣе или менѣе неизвѣстныхъ путешественниковъ, которые наслаждались удобствами Ville de Paris. Намъ отвели въ третьемъ этажѣ двѣ маленькія

спальни, съ порядочной залою въ серединѣ, уставленной цвѣтами и обвѣшанной гравюрами изъ исторіи Наполеона. Стеклянная дверь вела на балконъ, откуда открывался видъ съ одной стороны на пирейскую дорогу и вершины отдаленнаго Саламина, съ другой на скалу Акрополя съ колоннадою Партенона, до которой такъ и хотѣлось дотронуться рукою.

Французскій обѣдъ съ бургонскимъ виномъ напоминалъ парижскіе рестораны средней руки. Хозяинъ бѣгалъ и услуживалъ намъ съ такой заботливостью, какъ-будто отъ этого зависѣло все его состояніе, между-тѣмъ какъ я платилъ всего двѣ драхмы за квартиру и четыре за обѣдъ. Когда онъ узналъ, что я русскій, то принялся хлопотать еще больше и торжественно объявилъ, что у него останавливаются всѣ русскіе, и даже въ гостинницѣ его и поваръ изъ Россіи. Я подумалъ, что это новая любезность съ его стороны. Но патронъ нашъ угадалъ, кажется, мое сомнѣніе, опрометью кинулся изъ столовой и закричалъ: подайте альбомъ! позовите Петра!

Мальчикъ принесъ довольно-толстую книгу. Хозяинъ съ сверкающими глазами принялся перебирать листы, и я въ-самомъ-дѣлѣ увидѣлъ нѣсколько русскихъ строкъ, въ которыхъ какіе-то статскіе и коллежскіе совѣтники лестно отзывались объ удобствахъ и дешевизнѣ гостинницы. Грекъ торжествовалъ, стараясь прочесть на лицѣ моемъ силу чиновныхъ рекомендацій. Но гдѣ-же русскій поваръ-то, — подумалъ я. Въ эту минуту въ дверяхъ столовой показался человѣкъ съ несомнѣнными чертами русскаго происхожденія и съ румянымъ носомъ, окрашеннымъ, кажется, не отъ одного жара кухонной печи. Я сдѣлалъ ему нѣсколько вопросовъ по-русски. Оказалось, что этотъ аѳинскій Каремъ въ-самомъ-дѣлѣ родомъ изъ

Московской-губерніи, заѣхалъ въ Грецію съ своимъ бариномъ и остался здѣсь, не желая вѣчно стряпать на крѣпостной кухнѣ. Хозяинъ хвалилъ его талантъ и честность, но жаловался, что съ тоски по родинѣ у него открылась жажда, въ особенности по воскресеньямъ.

— Не слыхать-ли чего въ Петербургѣ на-счетъ крѣпостныхъ людей? — спросилъ меня московскій выходецъ.

Я разсказалъ ему, что зналъ.

— Дай-то Богъ, чтобы насъ отпустили! — говорилъ онъ, переступая съ ноги на ногу.

— А ты скучаешь по Москвѣ? — спросилъ я.

— Какъ-же: вѣдь у меня тамъ двѣ сестры остались. Кабы что̀ далъ Богъ — тотчасъ-бы воротился.

Итакъ у подножія Акрополя я прежде-всего встрѣтился съ нашимъ современнымъ вопросомъ: чувствительный русскій нервъ и здѣсь откликнулся мнѣ своею болью.

Въ Аѳинахъ приходилось мнѣ прожить только пять дней, а потому послѣ обѣда я приказалъ привести экипажъ и поѣхалъ развозить мои рекомендательныя письма. Профессора университета, которымъ я былъ рекомендованъ, приняли меня очень-радушно: я получилъ приглашеніе ѣхать на другой день въ университетъ, осматривать Акрополь и древности. Я сошелся особенно съ Куманудисомъ, профессоромъ латинской литературы. Это молодой человѣкъ съ современнымъ взглядомъ на науку, знатокъ античнаго искусства и одинъ изъ самыхъ популярныхъ греческихъ поэтовъ. Съ любезной предупредительностью онъ вызвался познакомить меня съ аѳинскими памятниками.

Отпустя экипажъ, я пошелъ бродить по городу. Планъ новыхъ Аѳинъ очень-простъ и нагляденъ. Улица Гер-

меса, которая идетъ отъ пирейской дороги ко дворцу Оттона, раздѣляетъ городъ на двѣ половины, можно сказать на двѣ отдѣльныя эпохи. Направо лежитъ старый городъ. Тутъ вы видите Акрополь и храмъ Тезея, Пниксъ и Ареопагъ, древности и развалины, тѣсныя улицы на обломкахъ старины, гдѣ и самая почва поднялась такъ, что основанія нынѣшнихъ домовъ лежатъ выше кровель старинныхъ построекъ. Налѣво раскидывается новый городъ: тамъ университетъ, институтъ Арсакеонъ, новый соборъ, дома французскаго и англійскаго посольствъ, прямыя улицы, европейскія зданія и магазины. Кофейни, отели и вывѣски столпились сюда, почтительно отступя отъ великихъ святынь древности. Улица Эола, начинаясь отъ Башни-Вѣтровъ, у подножія Акрополя, перерѣзываетъ вертикально главную городскую артерію, а королевскій дворецъ, на концѣ города, какъ-будто соединяетъ древнія и новыя Аѳины.

Я поздно воротился домой и до полуночи просидѣлъ на балконѣ, любуясь изящнымъ силуэтомъ потемнѣвшаго Партенона и стройной фигурою одинокой пальмы, которая раскидывала свой темный и неподвижный плюмажъ передъ куполомъ Башни-Вѣтровъ.

V.

Акрополь.

На слѣдующее утро профессоръ Куманудисъ пріѣхалъ въ Ville de Paris и пригласилъ меня идти въ Акрополь. Когда мы прошли улицу Эола и миновали Башню-Вѣтровъ, на меня напало раздумье. Что̀ я увижу въ этомъ святилищѣ искусства, гдѣ еще недавно все было въ разрушеніи и обломкахъ? Что̀ уцѣлѣло тамъ, послѣ нашествія варваровъ, венеціянскихъ бомбъ, фанатизма первыхъ христіанъ и послѣднихъ турокъ, грабительства англичанъ и новѣйшихъ реставрацій? Неужели придется мнѣ остановиться передъ грудами античнаго щебня, съ обыкновенной жалобой на время и людское невѣжество, и уйти съ пошлымъ проклятіемъ войнѣ и лорду Эльгину?

Съ такими мыслями подходилъ я къ сѣрой скалѣ Акрополя, окаймленной наверху бѣлымъ гребнемъ кимоновыхъ стѣнъ. По узкой дорожкѣ, опоясывающей гору, поднялись мы до половины скалы. Старый инвалидъ встрѣтилъ насъ въ воротахъ аѳинскаго кремля, посмотрѣлъ нашъ билетъ и пошелъ слѣдомъ, какъ докучная тѣнь. Греческое правительство стало такъ недовѣрчиво, что не

позволяетъ никому ходить въ Акрополѣ безъ провод
Когда зданія совсѣмъ уже ограбили, вывезли л
статуи и колонны, оно боится, чтобы туристъ не
подъ полою кусочка античнаго мрамора. Это напо
мнѣ, какъ мельникъ Крылова пугалъ куръ, которы
ходили пить къ прорвавшейся плотинѣ.

Мы вошли, и я остановился въ изумленіи. П
мной была бѣлая мраморная лѣстница неописанно
соты. Величественно стояли наверху шесть іоничес
колоннъ, составляющихъ выходы на площадку, и къ
чудному портику, между двумя стѣнами, взносились
мраморныя ступени лѣстницы, передъ которой па
въ прахъ всѣ стюковые входы лондонскаго парла
и луврскаго дворца. Это были Пропилеи. Я не
дать себѣ отчета, что̀ меня поразило здѣсь. Ужъ ко
не колоссальность! Я помню, какое непріятное впе
ніе произвела на меня знаменитая лѣстница въ О
которая ведетъ съ моря на бульваръ: съ одного в
на нее сердце сжимается при мысли, какъ тяжело
гать по всѣмъ этимъ ступенямъ, чтобы добратьс
верхъ. Здѣсь это не приходило въ голову. Лѣстниц
нимается съ такой видимой легкостью, что кажет
не будете идти по ней, а поднимитесь сами собо
ней точно какая-то притягательная сила, которая м
войти на нее.

— Тутъ, вѣроятно, какая-нибудь архитектурна
на! — сказалъ Куманудисъ, когда мы любовались
пилеями.

— Да что-же за тайна въ расположеніи ступе

— А можетъ-быть такая-же, какія открыты
въ самомъ Акрополѣ: вы сей-часъ увидите.

Мы поднялись по лѣстницѣ и вышли на пло

Я осмотрѣлся. Къ самымъ Пропилеямъ справа примыкаетъ храмъ Безкрылой-Побѣды, слѣва Пинакотека; а за ними по одну сторону подымается колоннада Партенона, по другую храмъ Эрехтея. Съ перваго взгляда удивленіе смѣшалось у меня съ какимъ-то чувствомъ обманутаго ожиданія: мнѣ казалось, что я нашелъ тутъ что-то не такъ, какъ воображалъ, что здѣсь что-то противорѣчило общимъ понятіямъ объ искусствѣ, и однакожъ не портило, а увеличивало наслажденіе.

— Вотъ одинъ изъ секретовъ древней архитектуры!— сказалъ Куманудисъ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, мы привыкли строить ворота и входы прямо передъ зданіемъ, такъ-чтобы храмъ или дворецъ стоялъ къ намъ лицомъ. Это обыкновенное правило нашей архитектуры. А между-тѣмъ передо мной было опроверженіе этой аксіомы. Когда я взошелъ на верхнюю ступеню Пропилей, ни одно зданіе Акрополя не обращалось ко мнѣ ни портикомъ, ни боковымъ фасадомъ, а каждое выставлялось ребромъ, открываясь заразъ и передней и боковой стороною. Спачало это кажется странно. Но греки до-того чувствовали красоту, что самое расположеніе зданій основано было у нихъ на разсчетѣ изящнаго впечатлѣнія. Они застроивали Акрополь такъ, чтобы вы, входя на лѣстницу Пропилей, съ перваго взгляда видѣли каждое зданіе во всемъ блескѣ, чтобъ оно развертывалось передъ вами заразъ и передней и боковой стороною, вдругъ поражало всею пропорціею частей, всею роскошью своей красоты. И этого мало! Всѣ зданія въ Акрополѣ расположены еще такъ, что если вы остановитесь у одного изъ нихъ, другія всегда обращены къ вамъ угломъ и смотрятъ на васъ вдругъ двумя сторонами, будто въ какомъ-то гордомъ убѣжденіи, что

ими будутъ восхищаться десятки поколѣній. И при величественной простотѣ ихъ формъ и скромной чистотѣ линій, это кокетство кажется такъ натуральнымъ, что не замѣчаешь въ немъ и тѣни изысканности или эффекта.

Ближайшія зданія къ Пропилеямъ — храмъ Безкрылой-Побѣды и Пинакотека. При сдачѣ Аѳинъ турками здѣсь оставались только полуразрушенныя стѣны, но ихъ прекрасно реставрировали, — и теперь передъ вами хоть и развалины, но уже развалины живописныя, которыя даютъ понятіе о первобытной красотѣ зданія. На храмѣ Побѣды іоническія колонны подняли уже архитравъ и фризы, представляющіе мараѳонскую битву. Пинакотека, древняя картинная галерея, открываетъ уже входъ и два боковыя окна съ изящными карнизами, на которыхъ видна еще пунсовая и голубая краска, не поблекшія въ продолженіе двадцати столѣтій. Оба эти маленькія зданія кажутся не строеніями, а какими-то художественными игрушками, надъ которыми работалъ не архитекторъ, а скульпторъ. Съ непривычки странно какъ-то видѣть ихъ подъ открытымъ небомъ: такъ и кажется, что любуешься ими въ какомъ-нибудь музеѣ.

Мы прошли на площадку Акрополя, на то самое мѣсто, гдѣ при Периклѣ стояла колоссальная бронзовая статуя Минервы, въ десять саженъ вышины, съ золотымъ копьемъ, которое въ то время, какъ крестъ Ивановской-колокольни, издали привѣтствовало путниковъ. Съ правой стороны раскидывается колоссальный Партенонъ, съ лѣвой изящный Эрехтеонъ.

Я сомнѣваюсь, чтобъ можно было передать красоту Партенона, не только перомъ, но даже и кистью. Что, кажется, особеннаго въ этомъ полуразрушенномъ четыреугольникѣ, обведенномъ со всѣхъ сторонъ поврежден-

ыми дорическими колоннами, пожелтѣломъ, изувѣченомъ, безъ кровли, съ голыми фронтонами, съ обнаженнымъ фризомъ; а между-тѣмъ нельзя налюбоваться этимъ архитектурнымъ скелетомъ. Онъ стоитъ предъ вами во всей поэзіи живописныхъ развалинъ. Бывало, при видѣ какого-нибудь полуразрушеннаго зданія, невольно стараешься представить его въ первобытной полнотѣ. Партенонъ прекрасенъ такъ, какъ есть, безъ всякихъ усилій воображенія и мысленныхъ реставрацій. Цѣлый онъ былъ конечно полнѣе, но кажется никогда не могъ быть изящнѣе. Время, похищая у зданія его цѣлость и украшенія, придало неописанную красоту его мрамору. Съ сѣверной стороны онъ потемнѣлъ, но не той грязной копотью, которая обратила лондонскаго Павла въ какую-то каменно-угольную массу съ бѣлыми лысинами, а нѣжнымъ цвѣтло-сѣрымъ отливомъ, мягкимъ и пріятнымъ. На южномъ-же фасадѣ сѣрый мраморъ переходитъ въ золотистый цвѣтъ соломы съ легкимъ розовымъ румянцемъ, который придало ему солнце, столько вѣковъ щедро осыпающее его горячими лучами.

— Еще архитектурная тайна! — сказалъ мнѣ Кумадисъ. — Замѣчаете-ли вы, что основаніе и архитравъ Партенона слегка выгнуты?

— Я и прежде слыхалъ объ этомъ; но помнится, кто-то доказывалъ, что это отъ того, будто самое зданіе согнулось отъ времени.

— Нѣтъ: его измѣрили съ математической точностью и убѣдились, что не время, а художникъ выгнулъ нарочно основаніе. Вѣдь въ большомъ зданіи линіи кажутся не совершенно прямыми, такъ здѣсь основаніе заокруглено нарочно, чтобъ оно являлось для глазъ во всей прямой линіи.

Люди были гораздо безпощаднѣе времени: они разорили, ограбили Партенонъ и ничего не дали ему въ замѣну. На стѣнахъ его осталась одна позорная лѣтопись разрушенія и невѣжества, съ гунновъ до англичанъ, съ дикаго Аларика и Стиликона до послѣднихъ грабителей.

При Периклѣ входъ въ Партенонъ былъ со стороны противоположной Пропилеямъ, вѣроятно для того, чтобы посѣтитель невольно обошелъ весь храмъ, налюбовался изяществомъ его линій и вступилъ въ святилище, упоенный его красотою. Теперь въ храмъ вы входите прямо отъ Пропилей. Внутренность его пощажена еще менѣе. Здѣсь все въ наготѣ, и для полноты наслажденій нужны уже память и воображеніе. Среди бѣлаго помоста видѣнъ только продолговатый четыреугольникъ, не застланный мраморомъ: это мѣсто пьедестала, на которомъ стояла фидіева Минерва изъ золота и слоновой кости. Мы не знаемъ, какіе варвары опустошили зданіе Калликрата, но знаемъ, какъ его постепенно искажали. Когда христіане овладѣли храмомъ, они задѣлали древній входъ, чтобы поставить алтарь на востокъ, а отъ Пропилей намостили новое крыльцо изъ обломковъ античнаго мрамора. На стѣнахъ до-сихъ-поръ сохранилась ихъ живопись. Всѣ онѣ покрыты цвѣтными фигурами, полинялыми отъ времени и выглядывающими съ бѣломраморныхъ стѣнъ, какъ печальныя привидѣнія среди яснаго дня. Всматриваясь, видишь блѣдные образы, которые кутаются въ противные для древности покровы, какъ-будто стыдясь, что явились наслѣдниками святилища, гдѣ царствовала красота. Въ свою очередь турки обратили храмъ въ мечеть — покрыли стѣны грубымъ слоемъ штукатурки, на мѣстѣ алтаря поставили свою миру съ кораномъ, а у входа пробили наверхъ лѣстницу для муэз-

ина. Послѣдними грабителями Партенона были англи-
ане, и Байронъ справедливо сказалъ, что его соотече-
твенники докончили то, чего не успѣли сдѣлать варва-
ы. Лордъ Эльгинъ лишилъ храмъ послѣднихъ остатковъ
кульптуры, сорвалъ барельефы, обнажилъ фризы и оста-
илъ одинъ остовъ великаго зданія.

Помню, съ какимъ чувствомъ наслажденія и негодо-
ванія два мѣсяца назадъ ходилъ я по эльгинской гале-
ѣ Британскаго-Музея. Три большія залы его наполне-
ы мраморами, которые благородный лордъ вывезъ изъ
реціи и продалъ своему отечеству за тридцать тысячъ
унтовъ стерлинговъ. И эти тридцать сребренниковъ вы-
латилъ Парламентъ. Бывали и прежде художественные
рабежи. Венеція не-разъ обирала Константинополь, по-
ищала колонны изъ храмовъ, коней съ Гипподрома,
вери изъ Софійскаго-собора. Наполеонъ перевозилъ обе-
иски изъ Египта, кралъ ворованныхъ коней изъ Вене-
ціи, похищалъ картины изъ Мадрита и Дрездена. Но
рабежъ Эльгина совсѣмъ другое дѣло. Тамъ было ма-
одерство побѣдоносныхъ солдатъ, насильственная воен-
ая контрибуція; здѣсь одна мошенническая спекуляція
орговца неграми, помышлявшаго не о трофеяхъ оте-
ества, а только о пользѣ своего кармана.

Если Партенонъ поражаетъ величіемъ и простотою,
о Эрехтеонъ можно назвать полнѣйшимъ выраженіемъ
раціи. Это гармоническое соединеніе трехъ небольшихъ
рамовъ. Въ серединѣ, на мраморномъ возвышенномъ
одножіи стоитъ изящный портикъ изъ желобчатыхъ ко-
инѳскихъ колоннъ неописанной красоты. Это храмъ Ми-
ервы-Поліады, гдѣ въ древности, передъ статуей бо-
ини изъ оливкаго дерева, горѣла неугасимая золотая
ампада и жила священная змѣя, хранительница Акро-

поля. Къ нему, со стороны Партенона, примыкаетъ маленькій храмъ Пандрозы, самое удивительное зданіе Перикла, съ чуднымъ архитравомъ, опирающимся на безсмертныя каріатиды Фидія. Тутъ хранилась священная оливковая вѣтвь, произращенная богинею. Съ другой стороны прислоненъ іоническій портикъ, съ подымающимися прямо съ земли колоннами. Это храмъ Нептуна-Эрехтея, гдѣ былъ алтарь бога, спорившаго съ Минервой за владычество Аѳинами; и теперь еще видны круглыя углубленія въ скалѣ, пробитыя по преданію его трезубцемъ. Всѣ эти три маленькіе храмы, сами по себѣ изящные, сливаются въ одно гармоническое цѣлое: чувствуешь, что одинъ безъ другаго они были-бы прекрасны, но только вмѣстѣ составляютъ идеальную архитектурную группу.

Двадцать лѣтъ назадъ это зданіе представляло груду развалинъ: теперь оно прекрасно реставрируется. Правда, храмъ Поліады стоитъ еще безъ кровли, но портикъ его почти весь уже поднятъ; пять коринѳскихъ колоннъ поддерживаютъ архитравъ и только недостаетъ шестой, увезенной въ Лондонъ. Пандрозеонъ видѣнъ во всей красотѣ, хотя только четыре каріатиды Фидія сохранились вполнѣ, въ пятой остался одинъ античный торсъ, а шестая состоитъ изъ гипсовой копіи, присланной англичанами въ замѣнъ украденнаго подлинника. Въ Аѳинахъ есть легенда, что, во время похищенія статуи, въ городѣ слышались стоны ея прощанія съ мраморными сестрами. Менѣе сохранился храмъ Нептуна, но и его желобчатыя колонны, изувѣченныя турецкими ядрами, поднялись уже на своихъ базахъ и накрылись чудными коринѳскими капителями. Искусство потратило на эту постройку всѣ свои средства: отдѣлка колоннъ и карнизовъ

отличается такой тонкостью рѣзца, въ остаткахъ красокъ и позолоты видно столько вкуса, что кажется разсматриваешь не зданіе, а нѣжную отдѣлку какой-нибудь вазы или саркофага. Эрехтеонъ не постройка, а скорѣе произведеніе скульптуры, изваянное для какого-нибудь дворца.

Вотъ древнія сокровища, которыя придаютъ Акрополю характеръ архитектурнаго музея. И этотъ общій характеръ дополняется подробностями: кругомъ храмовъ видны вездѣ мраморы, обломки колоннъ и капителей, части разбитыхъ статуй и орнаментовъ, вынутыя изъ земли при разработкѣ. Въ деревянномъ сараѣ, въ углу Акрополя, собраны мелкіе антики: гипсовыя вазы съ силуэтами черныхъ фигуръ, свѣтильники и лампады, храмовыя утвари и могильныя урны. Но все это не важно.

Во все время нашей прогулки въ цитадели Кекропса, сѣдой инвалидъ не отставалъ отъ насъ ни на шагъ: онъ ревниво слѣдилъ за нами даже въ самомъ Партенонѣ и, кажется, боялся, чтобъ мы не спрятали въ карманъ одну изъ колоннъ его. При выходѣ онъ рекомендовался мнѣ, какъ сослуживецъ знаменитаго Карайскаки, и въ заключеніе намекнулъ, что мы не потеряли-бы нисколько въ его мнѣніи, если-бы предложили ему нѣсколько лептъ. Я далъ ему полдрахмы, и онъ привѣтствовалъ меня названіемъ филеллина.

VI.

Пниксъ и Ареопагъ. — Тюрьма Сократа.

Подъ громадной скалою Акрополя улеглось нѣсколько сѣрыхъ каменныхъ холмовъ, окруженныхъ голымъ, однообразнымъ полемъ. Но эти печальныя скалы никогда не переставали привлекать къ себѣ путешественниковъ: тутъ лежатъ Пниксъ и Ареопагъ. Послѣ обѣда Ликадисъ привелъ ко мнѣ своего пріятеля, студента аѳинскаго университета. Это былъ горячій патріотъ, съ длинными классическими локонами на плечахъ и съ самыми романтическими идеями о будущей судьбѣ Греціи. Мы согласились идти на Пниксъ. Отъ Акрополя повернули мы за Тезеевъ-храмъ и вышли на обнаженное, пустынное поле, слегка взбугренное возвышеніями и усѣянное мелкими, острыми камнями, сквозь которые мѣстами пробивались кустики тмина и блѣдная зелень полыни. Солнце жгло немилосердно и южный вѣтеръ дулъ точно изъ раскаленной печи.

Съ трудомъ перешли мы эту печальную равнину, то подымаясь на возвышеніе, то спускаясь въ лощину. Передъ нами открылась ровная, полукруглая площадь; слегка приподымаясь въ одну сторону, она оканчивалась

вертикальной гранитной скалой съ вырубленной наверху маленькой площадкой. Это былъ Пниксъ. Вершина скалы и есть та знаменитая вема или трибуна, съ которой раздавались рѣчи Демосѳена и Перикла; а примыкающая къ ней площадь—та великая аудиторія, гдѣ собирались вольные граждане Аѳинъ, эта университетская молодежь древности, какъ говоритъ Гейне. Тутъ волновались и шумѣли эти классическіе монтаньяры и консерваторы, готовые отдать жизнь за отечество и осудить великаго гражданина на остракизмъ или цикуту.

Аѳинскій Пниксъ, съ голубымъ небомъ вмѣсто темнаго плафона, съ видами на памятники и окрестности вмѣсто голыхъ стѣнъ, конечно больше могъ вдохновить оратора, чѣмъ залы лондонскаго Парламента и парижской Палаты-Депутатовъ. Мѣсто выбрано удивительно-краснорѣчиво: съ одной стороны видѣнъ Партенонъ, съ другой храмъ Тезея, посвященные одинъ мудрости, другой силѣ, а позади Ареопагъ, какъ идея верховнаго правосудія. Что можно придумать лучше этой обстановки! Не понятно только, какъ аѳинскіе демагоги собирались подъ открытымъ небомъ, подъ этими палящими лучами солнца! Въ наше время самая любовь къ отечеству любитъ комфортъ, и краснорѣчіе нуждается въ стаканѣ сахарной воды. Я не думаю, чтобъ самые демократическіе представители какого-нибудь вольнаго народа рѣшились теперь слушать Брайта или Ледрю-Роллена на этомъ голомъ полѣ, подъ знойнымъ дыханіемъ широкко. Только аѳинская страсть къ публичнымъ дѣламъ могла заставить десятки тысячъ людей ходить на эти — не засѣданія, а стоянки, потому-что и сѣсть тутъ было не на чемъ.

По ступенямъ, вырубленнымъ въ скалѣ, мы поднялись на площадку.

— Что, еслибъ теперь явился здѣсь Демосѳенъ, а на площади собрались нынѣшніе аѳиняне? — сказалъ нашъ студентъ.

— О чемъ-же ему говорить съ нами! — возразилъ Ликадисъ.

— Какъ о чемъ! горячо сказалъ молодой демагогъ.— Да развѣ Греція такъ счастлива и народъ доволенъ, правительство до-того твердо и безкорыстно, что старому оратору осталось-бы только молчать отъ удовольствія! О чемъ говорить ему? Да неужели некого обличать теперь! Развѣ въ наше время онъ не нашелъ-бы въ Греціи ни пронырливыхъ Филипповъ, ни продажныхъ Эсхиновъ? И вы думаете, онъ остался-бы доволенъ и молчалъ, когда у насъ ежегодно тратятъ тысячи драхмъ на поливку дворцоваго сада, а нигдѣ нѣтъ проѣзжихъ дорогъ и столичныя улицы освѣщаются не газомъ и даже не масломъ, а одной луною.

— Вы читаете настоящую филиппику! — замѣтилъ я.

— Нѣтъ это только слабая оттоніада! — возразилъ студентъ, одушевляясь еще болѣе. — Неужели, думаете вы, не возмутило-бы Демосѳена это преслѣдованіе книгопечатанія и ограниченіе свободы мыслей, эти подкупы на выборахъ и интриги въ министерствѣ, эта продажность законовъ и вопіющая несправедливость нашихъ архонтовъ. Нѣтъ, онъ сорвалъ-бы маску съ этихъ безстыдныхъ правителей и судей и заставилъ-бы привести ихъ — вотъ на этотъ холмъ!

И нашъ молодой Демосѳенъ протянулъ руку къ сосѣднему возвышенію.

— Что-же это такое? — спросилъ я.

— Ареопагъ.

Я предложилъ идти туда. Мы сошли съ трибуны и

по тому-же каменистому полю добрались до другаго холма, подымающагося между Пниксомъ и Акрополемъ. Это — мѣсто славнаго судилища. Въ скалѣ сѣраго гранита высѣчены грубыя ступени. Мы поднялись по этой лѣстницѣ и вышли на площадку, вырубленную въ видѣ правильнаго полукружія въ каменномъ утесѣ. Вокругъ, какъ въ театрѣ, изгибаются высѣченныя въ скалѣ сидѣнья, похожія на выгнутый подковою рядъ грубыхъ каменныхъ креселъ. Здѣсь-то, передъ алтаремъ Эвменидъ, собирался ареопагъ въ свои ночныя засѣданія. Въ виду Акрополя и Пникса, при свѣтѣ мѣсяца или зажженныхъ факеловъ, приводили передъ этотъ страшный судъ умъ, красоту и талантъ, въ лицѣ Сократовъ, Аспазій, Фидіевъ.

Мы сѣли на гранитныя кресла и закурили папиросы.

— Такъ сюда-то хотѣли-бы вы по голосу Демосѳена привести вашихъ министровъ?—спросилъ я нашего оратора.

Онъ улыбнулся и кивнулъ головою.

— А знаете-ли, чѣмъ кончилось-бы теперь такое обвиненіе? — сказалъ Ликадисъ. — Еслибы Демосѳенъ явился здѣсь, хоть середи бѣлаго дня, а на этихъ каменныхъ скамьяхъ сидѣли наши современные архонты, болѣе знакомые съ драхмами, чѣмъ съ законами Солона, куда попалъ-бы отсюда ораторъ? Знаете-ли, на что̀ указали-бы ему судьи?

— На что-же?

— А вотъ на этотъ утесъ, гдѣ видите пасутся козы.

— Что-же это за утесъ?

— Это тюрьма Сократа.

— Пойдемте-же смотрѣть ее.

Опять пошли мы тою-же пустынею. Солнце жгло такъ-же безпощадно, но мы бодро подвигались къ древней аѳинской тюрьмѣ, гдѣ по преданію заключенъ былъ Миль-

тіадъ и умеръ Сократъ. Это конечно не доказано исторически, но туристу дорого иногда и то, во что онъ не вѣритъ. Не смотря на сомнительную достовѣрность тюрьмы, мнѣ хотѣлось посмотрѣть на нее.

Мы пришли къ скалѣ, саженъ въ пять вышиною, примыкавшей къ другимъ каменнымъ холмамъ, которые тянутся по всему прибрежью до самаго моря. Скала эта со стороны Ареопага обтесана отвѣсной стѣною, и въ ней пробито три входа. Надъ ними видѣнъ рядъ четыреугольныхъ отверстій: вѣроятно, тутъ были вставлены балки, которыя поддерживались столбами и составляли родъ навѣса или галереи.

Когда мы подошли къ пещерѣ, пастухи только-что вогнали въ нее своихъ козъ. У праваго входа вертѣлась и лаяла большая черная собака, внутри слышались крики. Вдругъ, не смотря на бдительность мохнатаго сторожа, изъ пещеры выскочилъ черный козелъ и бросился вдоль скалы. Въ слѣдъ за бѣглецомъ кинулся молодой пастухъ, высокій и стройный, въ овчинной буркѣ и бѣломъ вязаномъ колпакѣ, съ длинной палкою въ рукахъ, которая оканчивалась желѣзнымъ крючкомъ. Козелъ добѣжалъ до конца отвѣсной скалы, прыгнулъ на уступъ, съ него на другой, но молодой атлетъ не отставалъ. Съ легкостью поднялся онъ на холмъ, зацѣпилъ бѣглеца за ногу крючкомъ палки, приволокъ къ обрыву скалы и нагнулся. Послышалось слабое хрипѣніе. Черезъ минуту грекъ поднялъ свою добычу, раскачалъ и швырнулъ внизъ: козелъ съ перерѣзаннымъ горломъ рухнулся въ десяти шагахъ отъ насъ, у самаго входа въ пещеру, медленно закрывая потухающіе глаза.

Молодой атлетъ пронзительно и протяжно крикнулъ. Двое другихъ пастуховъ вышли изъ пещеры, и въ слѣдъ

за ними высыпало стадо и разсѣялось по полю; собака принялась бѣгать вокругъ, не давая козамъ далеко расходиться въ стороны. Одинъ пастухъ принялся свѣжевать убитаго козла.

— Вѣрно собираетесь готовить жаркое на ужинъ?— сказалъ Ликадисъ молодому пастуху, который сошелъ со скалы и отиралъ потъ своимъ колпакомъ.

— Мы не такъ богаты, эффенди, чтобы ѣсть козлиное мясо, — отвѣчалъ онъ: — этотъ козелъ пойдетъ сегодня на базаръ.

Черезъ лужу крови вошли мы въ середнюю пещеру. Это маленькая квадратная комната, высѣченная въ гранитной скалѣ. Она, говорятъ, назначалась для стражи: въ обѣихъ боковыхъ стѣнахъ ея пробиты окна, въ которыя наблюдали за узниками. Съ правой стороны окно выходитъ въ тюрьму Мильтіада, съ лѣвой — въ темницу Сократа. Много славныхъ именъ и кровавыхъ воспоминаній связано со стѣнами венеціянскихъ поцци, лондонскаго тоуэра, но въ этой скалѣ живетъ память первыхъ страдальцевъ за любовь къ отечеству и убѣжденія.

Мы перешли въ правый входъ. Тюрьма мараѳонскаго героя состоитъ изъ двухъ пещеръ. Сперва входишь въ четыреугольную комнату, которая сообщается окномъ со сторожкой. На голыхъ каменныхъ стѣнахъ ея не осталось никакихъ слѣдовъ ни времени, ни человѣка — ни одной надписи, ни даже плесени. Здѣсь тѣсно, темно, но сухо и прохладно. Видно, аѳинскіе греки были не очень свѣдущи въ искусствѣ морить людей: имъ, кажется, и въ голову не приходило, что можно устроивать тюрьмы подъ свинцовой кровлей или вырывать казаматы въ уровень съ водою. Мы въ этомъ отношеніи ушли гораздо дальше. Въ глубинѣ комнаты пробито отверстіе въ другую пе-

Люди были гораздо безпощаднѣе времени: они разорили, ограбили Партенонъ и ничего не дали ему въ замѣну. На стѣнахъ его осталась одна позорная лѣтопись разрушенія и невѣжества, съ гунновъ до англичанъ, съ дикаго Аларика и Стиликона до послѣднихъ грабителей.

При Периклѣ входъ въ Партенонъ былъ со стороны противоположной Пропилеямъ, вѣроятно для того, чтобы посѣтитель невольно обошелъ весь храмъ, налюбовался изяществомъ его линій и вступилъ въ святилище, упоенный его красотою. Теперь въ храмъ вы входите прямо отъ Пропилей. Внутренность его пощажена еще менѣе. Здѣсь все въ наготѣ, и для полноты наслажденій нужны уже память и воображеніе. Среди бѣлаго помоста видѣнъ только продолговатый четыреугольникъ, не застланный мраморомъ: это мѣсто пьедестала, на которомъ стояла фидіева Минерва изъ золота и слоновой кости. Мы не знаемъ, какіе варвары опустошили зданіе Калликрата, но знаемъ, какъ его постепенно искажали. Когда христіане овладѣли храмомъ, они задѣлали древній входъ, чтобы поставить алтарь на востокъ, а отъ Пропилей намостили новое крыльцо изъ обломковъ античнаго мрамора. На стѣнахъ до-сихъ-поръ сохранилась ихъ живопись. Всѣ онѣ покрыты цвѣтными фигурами, полинялыми отъ времени и выглядывающими съ бѣломраморныхъ стѣнъ, какъ печальныя привидѣнія среди яснаго дня. Всматриваясь, видишь блѣдные образы, которые кутаются въ противные для древности покровы, какъ-будто стыдясь, что явились наслѣдниками святилища, гдѣ царствовала красота. Въ свою очередь турки обратили храмъ въ мечеть—покрыли стѣны грубымъ слоемъ штукатурки, на мѣстѣ алтаря поставили свою миру съ кораномъ, а у входа пробили наверхъ лѣстницу для муэз-

Дамоновъ, о которыхъ вздыхали нимфы и дріады. Ихъ стройныя формы, правильныя лица и какая-то мужественная скромность, кажется такъ и вызывали любовь какой-нибудь богини. Передъ ними стояла плетеная корзина съ хлѣбомъ и большая глиняная амфора, грубая, но довольно-красивая. Казалось, это была живая сцена изъ какой-нибудь древней идилліи, со всей ея простотою и наивностью.

Когда мы вошли, пастухи встрѣтили насъ обыкновеннымъ греческимъ привѣтствіемъ — слегка наклонили головы и приложили руку къ сердцу. Мнѣ давно уже хотѣлось пить, товарищи мои устали не меньше меня, — и всѣ мы дружно взглянули на амфору. Пастухи, кажется, угадали наши мысли. Молодой человѣкъ, прекрасный какъ Адонисъ, проворно всталъ, взялъ сосудъ за выгнутыя ручки и поднесъ намъ. Мы по-очереди нагибались къ краямъ: вода была довольно холодна, но съ какимъ-то горькимъ, непріятнымъ вкусомъ. Она напомнила-бы цикуту даже и не въ тюрьмѣ Сократа.

Разговоръ шелъ у насъ по-французски, и я замѣтилъ, что старый пастухъ посматривалъ на меня нѣсколько сурово. Видно было, что онъ хотѣлъ о чемъ-то заговорить. Наконецъ онъ обратился къ Ликадису съ вопросомъ: — вашъ товарищъ нѣмецъ?

— Русскій! — отвѣчалъ онъ.

Нахмуренное лицо старика прояснилось. Онъ отодвинулся немного въ сторону, очистилъ мѣсто на буркѣ и знаками просилъ меня сѣсть. Мнѣ давно хотѣлось отдохнуть, и мы присѣли къ пастуху.

— Россосъ! — проговорилъ старикъ, прикладывая руку къ сердцу: — садись, садись! Русскіе наши братья!

И онъ подвинулъ къ намъ корзинку съ хлѣбомъ. Не

поля. Къ нему, со стороны Партенона, примыкаетъ маленькій храмъ Пандрозы, самое удивительное зданіе Перикла, съ чуднымъ архитравомъ, опирающимся на безсмертныя каріатиды Фидія. Тутъ хранилась священная оливковая вѣтвь, произращенная богинею. Съ другой стороны прислоненъ іоническій портикъ, съ подымающимися прямо съ земли колоннами. Это храмъ Нептуна-Эрехтея, гдѣ былъ алтарь бога, спорившаго съ Минервой за владычество Аѳинами; и теперь еще видны круглыя углубленія въ скалѣ, пробитыя по преданію его трезубцемъ. Всѣ эти три маленькіе храмы, сами по себѣ изящные, сливаются въ одно гармоническое цѣлое: чувствуешь, что одинъ безъ другаго они были-бы прекрасны, но только вмѣстѣ составляютъ идеальную архитектурную группу.

Двадцать лѣтъ назадъ это зданіе представляло груду развалинъ: теперь оно прекрасно реставрируется. Правда, храмъ Поліады стоитъ еще безъ кровли, но портикъ его почти весь уже поднятъ; пять коринѳскихъ колоннъ поддерживаютъ архитравъ и только недостаетъ шестой, увезенной въ Лондонъ. Пандрозеонъ видѣнъ во всей красотѣ, хотя только четыре каріатиды Фидія сохранились вполнѣ, въ пятой остался одинъ античный торсъ, а шестая состоитъ изъ гипсовой копіи, присланной англичанами въ замѣнъ украденнаго подлинника. Въ Аѳинахъ есть легенда, что, во время похищенія статуи, въ городѣ слышались стоны ея прощанія съ мраморными сестрами. Менѣе сохранился храмъ Нептуна, но и его желобчатыя колонны, изувѣченныя турецкими ядрами, поднялись уже на своихъ базахъ и накрылись чудными коринѳскими капителями. Искусство потратило на эту постройку всѣ свои средства: отдѣлка колоннъ и карнизовъ

тличается такой тонкостью рѣзца, въ остаткахъ красокъ позолоты видно столько вкуса, что кажется разсматриваешь не зданіе, а нѣжную отдѣлку какой-нибудь вазы или саркофага. Эрехтеонъ не постройка, а скорѣе произведеніе скульптуры, изваянное для какого-нибудь дворца.

Вотъ древнія сокровища, которыя придаютъ Акрополю характеръ архитектурнаго музея. И этотъ общій характеръ дополняется подробностями: кругомъ храмовъ видны вездѣ мраморы, обломки колоннъ и капителей, части разбитыхъ статуй и орнаментовъ, вынутыя изъ земли при разработкѣ. Въ деревянномъ сараѣ, въ углу Акрополя, собраны мелкіе антики: гипсовыя вазы съ силуэтами черныхъ фигуръ, свѣтильники и лампады, храмовыя утвари и могильныя урны. Но все это не важно.

Во все время нашей прогулки въ цитадели Кекропса, сѣдой инвалидъ не отставалъ отъ насъ ни на шагъ: онъ ревниво слѣдилъ за нами даже въ самомъ Партенонѣ и, кажется, боялся, чтобъ мы не спрятали въ карманъ одну изъ колоннъ его. При выходѣ онъ рекомендовался мнѣ, какъ сослуживецъ знаменитаго Карайскаки, и въ заключеніе намекнулъ, что мы не потеряли-бы нисколько въ его мнѣніи, если-бы предложили ему нѣсколько лептъ. Я далъ ему полдрахмы, и онъ привѣтствовалъ меня названіемъ филеллина.

всѣхъ другихъ остатковъ старины. Твердость постройки спасла его отъ землетрясеній, а простота отъ собирателей древностей: не имѣя изящныхъ каріатидъ Эрехтеона, ни художественныхъ фризовъ Партенона, онъ ускользнулъ и отъ грабительства Эльгина. И вотъ двадцать-пятъ вѣковъ пронеслось надъ мраморной кровлей мараѳонскаго трофея, а онъ стоитъ еще во всемъ величіи и красотѣ, переживъ и удары молній, и народныя бури.

Что это за чудный мраморный параллелограмъ! Его дорическій перистиль, его гладкія колонны такъ просты, что кажется ребенокъ могъ-бы начертить такое зданіе, а между-тѣмъ нельзя налюбоваться его художественной красотою. Время почти ничего не отняло у храма, и вмѣстѣ-съ-тѣмъ придало ему такую-же красоту, какъ и Партенону: его мраморъ съ одной стороны потемнѣлъ отъ лѣтъ, съ другой позолотился отъ лучей солнца. Когда мы подошли къ зданію, западная сторона его вся облита была свѣтомъ, и колонны горѣли точно позолоченныя, отбрасывая гигантскія черныя тѣни на бѣломраморную стѣну храма.

Въ настоящее время этотъ памятникъ, посвященный нѣкогда силѣ, обращенъ на служеніе искусству: въ храмѣ Тезея помѣщается теперь музей древностей. Я не очень любопытствовалъ видѣть его. Въ путешествіе мое по Европѣ я обошелъ столько галерей и выставокъ, что онѣ начинали утомлять меня. Художественное наслажденіе тогда только совершенно полно, когда видишь изящное произведеніе на своемъ мѣстѣ. Картины Тиціана и Веронеза въ дожевомъ-дворцѣ, Тайная Вечеря Леонарда-Винчи въ монастырской трапезѣ, каріатиды Фидія на портикѣ Эрехтеева-храма, — больше дѣйствуютъ на душу,

потому-что вы любуетесь ими тамъ, куда назначалъ ихъ художникъ. Перенесите ихъ въ галереи — и они утратятъ много прелести. Всякій музей похожъ на художественную казарму, а въ выставкахъ видѣнъ какой-то парадъ искусства. Да и какіе музеи займутъ васъ въ Аѳинахъ, гдѣ подъ открытымъ небомъ вы встрѣчаете на каждомъ шагу великіе памятники!

Но инвалидъ-сторожъ завидѣлъ насъ издали и поспѣшно отперъ двери. Внутренность храма совсѣмъ почти уцѣлѣла, и мраморныя стѣны его блестятъ еще неувядающей свѣжестью. Музей, какъ я и полагалъ, довольно бѣденъ и не заслуживаетъ вниманія послѣ европейскихъ галерей. Весь онъ состоитъ изъ скульптурныхъ антиковъ, открытыхъ въ Греціи послѣ ея возрожденія, когда лучшіе остатки ея искусства разнесены уже были по всей Европѣ. Можетъ-быть въ ея классической почвѣ и найдутся еще какія-нибудь великія произведенія, но въ настоящее время музей незначителенъ. Смотря на поврежденныя статуи, полуразбитые торсы, барельефы съ искаженными божествами и центаврами, мавзолеи и гробницы съ полуизглаженной рѣзьбою, желтыя вазы съ черными силуэтами фавновъ и вакханокъ, чувствуешь, что это немного прибавляетъ къ тому, съ чѣмъ вы знакомы по Эрмитажу. Воображеніе невольно переноситъ васъ къ памятникамъ болѣе совершеннымъ, въ Британскій-музей къ барельефамъ Партенона, въ Лувръ къ пьедесталу Венеры-милосской, въ Ватиканъ къ статуѣ бельведерскаго Аполлона.

Греки жалуются, что важнѣйшіе остатки ихъ искусства разсѣяны по свѣту вдали отъ ихъ родины. Въ-самомъ-дѣлѣ греческіе памятники, съ первыхъ статуй, вывезенныхъ римлянами, до Венеры-милосской, которая по-

дарена Франціи султаномъ, разбрелись по Европѣ, наводнили всѣ наши музеи.

Но мнѣ всегда казалось, что эта мраморная эмиграція была для Греціи полезна и много помогла ея освобожденію. Всѣ эти Морозини, похищавшіе пирейскихъ львовъ, Эльгины, вывозившіе акропольскія каріатиды, эти султаны и паши, раздававшіе европейцамъ греческія статуи, не воображали, что посылаютъ въ Европу ходатаевъ за освобожденіе Греціи. Не шайки Карайскаки, не брандеры Міаулиса, не наваринскія пушки были главными ея спасителями: она больше всего обязана свободой своему искусству. Всѣ эти языческіе боги, Юпитеры и Венеры, вакханки и фавны говорили за нее краснорѣчивѣе ораторовъ, молились усерднѣе аѳонскихъ отшельниковъ. За нее ватиканскій Аполлонъ простиралъ руку, поразившую пиѳона; за нее вѣчнымъ упрекомъ стоялъ Лаокоонъ, опутанный змѣями; за нее медицейская Венера молила дѣвственной наготой божественныхъ формъ, и во всѣхъ европейскихъ галереяхъ говорила красота въ самыхъ очаровательныхъ созданіяхъ искусства. Конечно, греки храбро дрались за свою свободу, но и теперь, какъ подъ стѣнами Трои, за нихъ сражался невидимо весь Олимпъ, возбуждая къ нимъ общую симпатію. Мраморные боги проповѣдывали новый крестовый походъ за святую землю искусства, — и новые Готфреды, эти Байроны, Фавье, Санта-Розы приносили золото, талантъ и шпагу на освобожденіе Греціи.

И кто знаетъ: можетъ-быть это не послѣднее торжество искусства. Тамъ, за этой полосой голубаго моря, ждетъ свободы другая прекрасная страна, другая mother of arts, по выраженію Байрона. За нее также краснорѣчиво говорятъ рафаэлева Мадонна и сикстинскій Страш-

ный Судъ, Колизей и подземные домы Помпеи, храмъ Петра и дворецъ дожей. И къ этому голосу не всегда будутъ равнодушны. Австрійскій орелъ не долговѣчнѣе турецкой луны. Кто былъ въ Италіи, тотъ вѣрно убѣдился, что бѣлый мундиръ рано или поздно исчезнетъ въ ней, какъ въ Греціи янычарская чалма, отъ миланскихъ казармъ не останется слѣдовъ, какъ отъ аѳинскихъ мечетей, и швейцарскіе солдаты въ Неаполѣ кончатъ тѣмъ-же, чѣмъ кончили въ Мореѣ египетскія толпы Ибрагима.

Солнце скрывалось въ золотистомъ заревѣ на дальнихъ вершинахъ Пентелики. Мы прошли мимо Акрополя въ улицу Байрона, къ маленькому памятнику, извѣстному подъ именемъ Демосѳенова-фонаря. Въ-самомъ-дѣлѣ эта игрушка похожа на круглый фонарь, вырубленный изъ бѣлаго мрамора, въ которомъ тонкія желобчатыя колонны поддерживаютъ куполъ съ рѣзнымъ карнизомъ, увѣнчанный снопомъ коринѳскихъ акантовъ. Не далеко отъ него росла, говорятъ, большая пальма, подъ которой Байронъ любилъ бесѣдовать съ филеллинами, но недавно она засохла. Съ правой стороны отъ насъ подымалась скала Акрополя, съ полуразрушенными арками театра Ирода-Агриппы; налѣво тянулась ближняя стѣна Гиметскихъ-горъ, въ которой виднѣлось вырубленное амфитеатромъ углубленіе Стадеона, гдѣ въ древности бывали аѳинскія игры, а ближе вставала на темномъ фонѣ горъ бѣломраморная арка Адріана, и за нею группа колоннъ Юпитера-олимпійскаго. Все это догорало послѣднимъ отблескомъ заката.

Не смотря на то, что Адріановы-ворота стоятъ посреди голаго поля, я прошелъ подъ ними съ извинительнымъ педантизмомъ туриста. Здѣсь можно убѣдиться, что

и при римлянахъ тайна греческаго искусства не была еще забыта: арка построена не прямо передъ храмомъ, а обращена къ одному углу его, какъ и Пропилеи въ отношеніи къ Партенону.

Помню, когда я по Симплонской-дорогѣ подъѣзжалъ къ Альпамъ, онѣ сначала показались мнѣ совсѣмъ не высокими и нимало не поразили той колоссальностью, въ какой мы привыкли представлять ихъ. Мнѣ было обидно и горько. Кто виноватъ въ этомъ: я-ли не въ состояніи ихъ понимать, или путешественники обманываютъ насъ преувеличенными разсказами! Но когда отъ Брига сталъ я подниматься пѣшкомъ, на половину по шоссе, на половину по старой до-наполеоновской дорогѣ, и черезъ три часа увидѣлъ съ одной стороны покинутый городокъ въ видѣ бѣлаго пятнышка, а съ другой новыя стѣны высоко взлетающихъ вершинъ, съ которыхъ сверкающими серебряными ниточками висѣли водопады, — тутъ я понялъ, что величіе Альповъ превосходитъ самыя восторженныя описанія. И это общій законъ для всего великаго въ природѣ и въ искусствѣ: ни Монбланъ, ни драма Шекспира — не поражаютъ вдругъ; но подойдите ближе, если можете, и все падетъ передъ ихъ громадностью. Тоже самое было и здѣсь. Когда я прошелъ подъ арку, бѣлѣвшія въ правой сторонѣ колонны Юпитерова-храма ничѣмъ не поразили меня особенно. Но по-мѣрѣ того, какъ мы переходили поле, онѣ начали подыматься, рости и наконецъ встали передъ нами въ такой красотѣ и колоссальности, что я остановился въ невольномъ удивленіи.

Трудно представить развалины болѣе громадныя. Впереди стоятъ двѣ колонны и у подножія ихъ падшимъ гигантомъ лежитъ третья, опрокинутая нѣсколько лѣтъ

назадъ землетрясеніемъ. Дальше, черезъ большой промежутокъ, поднимаются тринадцать другихъ колоннъ, поддерживая архитравъ, густо обросшій зеленью. И каждый изъ этихъ стержней, съ широкими желобчатыми выемками и коринѳскими капителями, съ одной стороны потемнѣвшій отъ времени, съ другой позолоченный солнцемъ, величиною почти въ нашу Александровскую-колонну. Что-же было, когда всѣ сто-двадцать исполиновъ окружали величайшій храмъ съ его колоссальной статуей Юпитера-громовержца, изваянной изъ слоновой кости и золота! Что значатъ всѣ наши позднѣйшіе соборы и базилики передъ этимъ колоссомъ! Но этотъ храмъ строили Аѳины въ продолженіи всѣхъ семи вѣковъ своей жизни. Съ перваго камня, положеннаго баснословнымъ Девкаліономъ, до окончательной отдѣлки при императорѣ Адріанѣ — передъ стѣнами его прошла вся исторія Греціи и отразила на немъ весь геній и страданія великаго народа. Подъ этимъ портикомъ стоялъ въ восторгѣ Александръ, сюда вошелъ Силла съ толпою своихъ преторіанцевъ, въ этотъ перистиль вступилъ Адріанъ, снявъ у входа императорскія сандаліи. И восемнадцать вѣковъ, съ помощью землетрясеній и всякихъ варваровъ, оставили отъ колоссальнаго храма одну колоссальную развалину.

Но нельзя и теперь не восхищаться этими остатками. Двѣ одинокія колонны стоятъ такъ далеко отъ остальной группы, что воображеніе съ трудомъ соединяетъ ихъ въ одно зданіе. Онѣ кажутся отдѣльной постройкой, какъ-будто особой аркой, которая служила для храма отдаленнымъ входомъ. Когда перейдешь къ главной группѣ съ уцѣлѣвшимъ архитравомъ, и мысленно продолжишь зданіе до этихъ далекихъ колоннъ, то невольно вздрогнешь

при воображаемой картинѣ былаго величія храма, и сердце болѣзненно сожмется при мысли, что человѣчество никогда не создавало и вѣроятно не создастъ больше такого идеала красоты. Храмъ Юпитера нельзя и реставрировать: можетъ-быть когда-нибудь поднимутъ упавшую колонну, поставятъ на мѣсто кое-какія разбросанные вокругъ обломки — но все остальное разбито, уничтожено, потеряно на вѣки. Я не знаю другаго памятника искусства, болѣе способнаго вызвать удивленіе и слезы артиста.

Мы сѣли на какой-то мраморный обломокъ. Ночь подходила съ обыкновенной на югѣ быстротою. Тѣнь замѣтно подымалась по колоннамъ храма, отъ основаній къ капителямъ, и скоро окутала весь архитравъ. На высотѣ Акрополя бѣлѣлъ еще Партенонъ въ послѣднемъ отблескѣ потухшей зари, но Гиметскія-горы изъ синяго цвѣта переливались уже въ черный, и на небѣ начинали сверкать знакомыя созвѣздія. Въ разговорахъ съ моимъ товарищемъ я не замѣчалъ, какъ проходило время: его знанія въ греческихъ древностяхъ и умѣнье показать всю поэтическую сторону ихъ увлекли-бы человѣка самаго равнодушнаго. Между-тѣмъ самое мѣсто придавало особую прелесть бесѣдѣ. Надъ нами чернѣлъ громадный силуэтъ храма, темными гигантами поднимались его колонны, и архитравъ въ неясномъ очеркѣ висѣлъ въ далекой высотѣ: сквозь него виднѣлись звѣзды, трепеща и сверкая, какъ-будто вѣтеръ силился погасить ихъ. Вдали, на берегу Иллиса, въ какомъ-то деревенскомъ домикѣ свѣтился одинокій огонекъ. Кругомъ не слыхать было ни одного звука; только летучая мышь едва замѣтно шумѣла крыльями, описывая надъ нами свои трепетные, мистическіе круги.

VII.

Храмы Тезея и Юпитера.

Ни одинъ изъ древнихъ аѳинскихъ памятниковъ не уцѣлѣлъ такъ хорошо, какъ храмъ Тезея, и ни одно великое зданіе не было разрушено такъ страшно и безнадежно, какъ храмъ Юпитера-олимпійскаго. У зданій, какъ и у людей, есть свое счастіе и судьба.

Былъ вечеръ, когда профессоръ Куманудисъ пригласилъ меня идти къ этимъ классическимъ памятникамъ. Неразъ уже видѣлъ я издали храмъ Тезея, но теперь, когда мы подошли къ нему, меня поразила цѣлость этого зданія, которое прожило двѣ-тысячи пять-сотъ лѣтъ. Оно такъ удивительно сохранилось, что не хочется вѣрить его древности: еслибъ не эта непостижимая красота, передъ которой блѣднѣютъ всѣ наши подражанія, то можно-бы подумать, что храмъ построенъ какія-нибудь сто лѣтъ назадъ. Сама судьба берегла этотъ памятникъ. Построенный въ сторонѣ отъ города, куда не долетали венеціянскія бомбы и турецкія ядра, онъ часто былъ оскорбляемъ — служилъ пороховымъ магазиномъ, казармой египетскихъ солдатъ, конюшней для албанскихъ муловъ, но уцѣлѣлъ лучше Партенона, лучше

всѣхъ другихъ остатковъ старины. Твердость постройки спасла его отъ землетрясеній, а простота отъ собирателей древностей: не имѣя изящныхъ каріатидъ Эрехтеона, ни художественныхъ фризовъ Партенона, онъ ускользнулъ и отъ грабительства Эльгина. И вотъ двадцать-пятъ вѣковъ пронеслось надъ мраморной кровлей мараѳонскаго трофея, а онъ стоитъ еще во всемъ величіи и красотѣ, переживъ и удары молній, и народныя бури.

Что это за чудный мраморный параллелограмъ! Его дорическій перистиль, его гладкія колонны такъ просты, что кажется ребенокъ могъ-бы начертить такое зданіе, а между-тѣмъ нельзя налюбоваться его художественной красотою. Время почти ничего не отняло у храма, и вмѣстѣ-съ-тѣмъ придало ему такую-же красоту, какъ и Партенону: его мраморъ съ одной стороны потемнѣлъ отъ лѣтъ, съ другой позолотился отъ лучей солнца. Когда мы подошли къ зданію, западная сторона его вся облита была свѣтомъ, и колонны горѣли точно позолоченныя, отбрасывая гигантскія черныя тѣни на бѣломраморную стѣну храма.

Въ настоящее время этотъ памятникъ, посвященный нѣкогда силѣ, обращенъ на служеніе искусству: въ храмѣ Тезея помѣщается теперь музей древностей. Я не очень любопытствовалъ видѣть его. Въ путешествіе мое по Европѣ я обошелъ столько галерей и выставокъ, что онѣ начинали утомлять меня. Художественное наслажденіе тогда только совершенно полно, когда видишь изящное произведеніе на своемъ мѣстѣ. Картины Тиціана и Веронеза въ дожевомъ-дворцѣ, Тайная Вечеря Леонарда-Винчи въ монастырской трапезѣ, каріатиды Фидія на портикѣ Эрехтеева-храма, — больше дѣйствуютъ на душу,

потому-что вы любуетесь ими тамъ, куда назначалъ ихъ художникъ. Перенесите ихъ въ галереи — и они утратятъ много прелести. Всякій музей похожъ на художественную казарму, а въ выставкахъ видѣнъ какой-то парадъ искусства. Да и какіе музеи займутъ васъ въ Аѳинахъ, гдѣ подъ открытымъ небомъ вы встрѣчаете на каждомъ шагу великіе памятники!

Но инвалидъ-сторожъ завидѣлъ насъ издали и поспѣшно отперъ двери. Внутренность храма совсѣмъ почти уцѣлѣла, и мраморныя стѣны его блестятъ еще неувядающей свѣжестью. Музей, какъ я и полагалъ, довольно бѣденъ и не заслуживаетъ вниманія послѣ европейскихъ галерей. Весь онъ состоитъ изъ скульптурныхъ антиковъ, открытыхъ въ Греціи послѣ ея возрожденія, когда лучшіе остатки ея искусства разнесены уже были по всей Европѣ. Можетъ-быть въ ея классической почвѣ и найдутся еще какія-нибудь великія произведенія, но въ настоящее время музей незначителенъ. Смотря на поврежденныя статуи, полуразбитые торсы, барельефы съ искаженными божествами и центаврами, мавзолеи и гробницы съ полуизглаженной рѣзьбою, желтыя вазы съ черными силуэтами фавновъ и вакханокъ, чувствуешь, что это немного прибавляетъ къ тому, съ чѣмъ вы знакомы по Эрмитажу. Воображеніе невольно переноситъ васъ къ памятникамъ болѣе совершеннымъ, въ Британскій-музей къ барельефамъ Партенона, въ Лувръ къ пьедесталу Венеры-милосской, въ Ватиканъ къ статуѣ бельведерскаго Аполлона.

Греки жалуются, что важнѣйшіе остатки ихъ искусства разсѣяны по свѣту вдали отъ ихъ родины. Въ-самомъ-дѣлѣ греческіе памятники, съ первыхъ статуй, вывезенныхъ римлянами, до Венеры-милосской, которая по-

дарена Франціи султаномъ, разбрелись по Европѣ, наводнили всѣ наши музеи.

Но мнѣ всегда казалось, что эта мраморная эмиграція была для Греціи полезна и много помогла ея освобожденію. Всѣ эти Морозини, похищавшіе пирейскихъ львовъ, Эльгины, вывозившіе акропольскія каріатиды, эти султаны и паши, раздававшіе европейцамъ греческія статуи, не воображали, что посылаютъ въ Европу ходатаевъ за освобожденіе Греціи. Не шайки Карайскаки, не брандеры Міаулиса, не наваринскія пушки были главными ея спасителями: она больше всего обязана свободой своему искусству. Всѣ эти языческіе боги, Юпитеры и Венеры, вакханки и фавны говорили за нее краснорѣчивѣе ораторовъ, молились усерднѣе аѳонскихъ отшельниковъ. За нее ватиканскій Аполлонъ простиралъ руку, поразившую пиѳона; за нее вѣчнымъ упрекомъ стоялъ Лаокоонъ, опутанный змѣями; за нее медицейская Венера молила дѣвственной наготой божественныхъ формъ, и во всѣхъ европейскихъ галереяхъ говорила красота въ самыхъ очаровательныхъ созданіяхъ искусства. Конечно, греки храбро дрались за свою свободу, но и теперь, какъ подъ стѣнами Трои, за нихъ сражался невидимо весь Олимпъ, возбуждая къ нимъ общую симпатію. Мраморные боги проповѣдывали новый крестовый походъ за святую землю искусства, — и новые Готфреды, эти Байроны, Фавье, Санта-Розы приносили золото, талантъ и шпагу на освобожденіе Греціи.

И кто знаетъ: можетъ-быть это не послѣднее торжество искусства. Тамъ, за этой полосой голубаго моря, ждетъ свободы другая прекрасная страна, другая mother of arts, по выраженію Байрона. За нее также краснорѣчиво говорятъ рафаэлева Мадонна и сикстинскій Страш-

ный Судъ, Колизей и подземные домы Помпеи, храмъ Петра и дворецъ дожей. И къ этому голосу не всегда будутъ равнодушны. Австрійскій орелъ не долговѣчнѣе турецкой луны. Кто былъ въ Италіи, тотъ вѣрно убѣдился, что бѣлый мундиръ рано или поздно исчезнетъ въ ней, какъ въ Греціи янычарская чалма, отъ миланскихъ казармъ не останется слѣдовъ, какъ отъ аѳинскихъ мечетей, и швейцарскіе солдаты въ Неаполѣ кончатъ тѣмъ-же, чѣмъ кончили въ Мореѣ египетскія толпы Ибрагима.

Солнце скрывалось въ золотистомъ заревѣ на дальнихъ вершинахъ Пентелики. Мы прошли мимо Акрополя въ улицу Байрона, къ маленькому памятнику, извѣстному подъ именемъ Демосѳенова-фонаря. Въ-самомъ-дѣлѣ эта игрушка похожа на круглый фонарь, вырубленный изъ бѣлаго мрамора, въ которомъ тонкія желобчатыя колонны поддерживаютъ куполъ съ рѣзнымъ карнизомъ, увѣнчанный снопомъ коринѳскихъ акантовъ. Не далеко отъ него росла, говорятъ, большая пальма, подъ которой Байронъ любилъ бесѣдовать съ филеллинами, но недавно она засохла. Съ правой стороны отъ насъ подымалась скала Акрополя, съ полуразрушенными арками театра Ирода-Агриппы; налѣво тянулась ближняя стѣна Гиметскихъ-горъ, въ которой виднѣлось вырубленное амфитеатромъ углубленіе Стадеона, гдѣ въ древности бывали аѳинскія игры, а ближе вставала на темномъ фонѣ горъ бѣломраморная арка Адріана, и за нею группа колоннъ Юпитера-олимпійскаго. Все это догорало послѣднимъ отблескомъ заката.

Не смотря на то, что Адріановы-ворота стоятъ посреди голаго поля, я прошелъ подъ ними съ извинительнымъ педантизмомъ туриста. Здѣсь можно убѣдиться, что

минанія послѣдней борьбы сталкиваются съ современной жизнью. Улицы Минервы и Ксенофонта пересѣкаются здѣсь улицами Колокотрони, Байрона. Подлѣ мраморной стѣны Адріана видна турецкая мечеть, обращенная въ тюрьму; на мѣстѣ платоновой академіи маршируютъ регулярные солдаты и гремитъ барабанъ. Французская цивилизація начинаетъ уже нивеллировать аѳинское населеніе своими отелями, вывѣсками и модами, но городъ не совсѣмъ еще потерялъ самобытную физіономію. Аѳинская улица все еще довольно-характерна. По ней двигаются охимы, совершенно похожія на наши кареты, но кучера у нихъ въ бѣлой фустанеллѣ и аломъ фесѣ. Въ экипажахъ встрѣчаете вы дамъ во французскихъ шляпкахъ и мантильяхъ, но въ окнахъ домовъ и на улицахъ часто видите женщинъ въ національной красной шапочкѣ съ золотой кистью. Модное пальто и круглая шляпа проникаютъ уже въ средній классъ, но простой народъ остается вѣренъ своему національному костюму. По улицѣ бредутъ ослы съ привѣшенными къ бокамъ корзинами зелени или огромными кувшинами съ молокомъ и свѣжей водой, и погонщикъ въ фустанеллѣ бѣжитъ позади, погоняя скотину своими четками. На вывѣскахъ славныя имена древности сталкиваются съ предметами самаго обыденнаго быта: тутъ Ѳемистоклъ работаетъ башмаки, здѣсь Эпаминондъ печетъ бѣлые хлѣбы, а тамъ Анаксагоръ подписалъ свое имя подъ большими золочеными ножницами. Въ одной улицѣ я встрѣтилъ табачную лавку какого-то Діогена.

Базаръ, примыкающій къ коринѳской колоннадѣ стараго римскаго рынка, до поздней ночи пестрѣетъ самой живописной толпою. На разостланныхъ по землѣ цыновкахъ навалены груды арбузовъ, фигъ, гранатъ, мелинд-

назадъ землетрясеніемъ. Дальше, черезъ большой промежутокъ, поднимаются тринадцать другихъ колоннъ, поддерживая архитравъ, густо обросшій зеленью. И каждый изъ этихъ стержней, съ широкими желобчатыми выемками и коринѳскими капителями, съ одной стороны потемнѣвшій отъ времени, съ другой позолоченный солнцемъ, величиною почти въ нашу Александровскую-колонну. Что-же было, когда всѣ сто-двадцать исполиновъ окружали величайшій храмъ съ его колоссальной статуей Юпитера-громовержца, изваянной изъ слоновой кости и золота! Что значатъ всѣ наши позднѣйшіе соборы и базилики передъ этимъ колоссомъ! Но этотъ храмъ строили Аѳины въ продолженіи всѣхъ семи вѣковъ своей жизни. Съ перваго камня, положеннаго баснословнымъ Девкаліономъ, до окончательной отдѣлки при императорѣ Адріанѣ — передъ стѣнами его прошла вся исторія Греціи и отразила на немъ весь геній и страданія великаго народа. Подъ этимъ портикомъ стоялъ въ восторгѣ Александръ, сюда вошелъ Силла съ толпою своихъ преторіанцевъ, въ этотъ перистиль вступилъ Адріанъ, снявъ у входа императорскія сандаліи. И восемнадцать вѣковъ, съ помощью землетрясеній и всякихъ варваровъ, оставили отъ колоссальнаго храма одну колоссальную развалину.

Но нельзя и теперь не восхищаться этими остатками. Двѣ одинокія колонны стоятъ такъ далеко отъ остальной группы, что воображеніе съ трудомъ соединяетъ ихъ въ одно зданіе. Онѣ кажутся отдѣльной постройкой, какъ-будто особой аркой, которая служила для храма отдаленнымъ входомъ. Когда перейдешь къ главной группѣ съ уцѣлѣвшимъ архитравомъ, и мысленно продолжишь зданіе до этихъ далекихъ колоннъ, то невольно вздрогнешь

безчисленныхъ складкахъ; на поясѣ висѣлъ длинный пистолетъ, оправленный камнями, а на плеча накинутъ былъ бѣлый мохнатый плащъ, обшитый по швамъ красной тесьмою. И такіе люди попадаются и на улицѣ, и въ кофейняхъ. Нерѣдко встрѣчаешь какого-нибудь оборванца, у котораго заплатанныя лохмотья надѣты съ необыкновенной граціей.

Ни въ одномъ городѣ я не видалъ столько поцѣлуевъ на улицѣ, какъ въ Аѳинахъ. Не думайте, чтобъ я намекалъ на какія-нибудь сердечныя свиданія: я говорю про обычай грековъ обниматься при каждой встрѣчѣ. Поцѣлуи, особенно у простаго народа, замѣняютъ здѣсь наши поклоны и пожиманья руки. Мнѣ часто казалось, что я попалъ въ русскій уѣздный городъ въ первый день святой-недѣли, и передо мною христосуются близкіе знакомые. Каждое утро молодой водовозъ, пригоняя къ воротамъ нашей гостинницы осла, обвѣшеннаго огромными глиняными флягами, начиналъ обыкновенно поцѣлуемъ съ сѣдымъ привратникомъ. Однажды я видѣлъ даже, какъ на гауптвахтѣ часовой разцѣловался съ солдатомъ, котораго привели ему на смѣну.

Въ Аѳинахъ между всѣми классами народа сильно развиты привѣтливость и гостепріимство. Когда я привозилъ рекомендательное письмо, меня принимали съ участіемъ, приглашали на обѣдъ или на вечеръ, предлагали услуги и новыя рекомендаціи. Даже въ кругу совершенно незнакомомъ стоило сказать, что я пріѣхалъ посмотрѣть Грецію — и посторонніе люди спѣшили помочь мнѣ совѣтами и вызывались на услуги. Нѣтъ націи, въ которой можно было-бы найти столько симпатіи къ русскимъ. Это объясняютъ у насъ единствомъ вѣры, но кажется несправедливо: причина въ самомъ сходствѣ на-

роднаго характера и обычаевъ. Въ двѣ недѣли мудрено, конечно, познакомиться съ чужими нравами, но многія черты съ перваго взгляда поражали меня сходствомъ съ нашею жизнью. Скорѣе можетъ-быть вѣру русскіе приняли отъ грековъ въ слѣдствіе родственности народнаго характера. Послѣдняя война поколебала, но не заглушила любви къ Россіи и вѣры въ наши силы. Не разъ случалось мнѣ слышать жалобы на то, что мы начали борьбу, не приготовя ни дорогъ, ни паровыхъ кораблей, ни союзниковъ. Но еще чаще говорили мнѣ въ Аѳинахъ: «когда вы проведете желѣзныя дороги, освободите крестьянъ и дадите больше простора образованію, — вы будете первый народъ въ свѣтѣ!»

Вмѣстѣ съ симпатіей къ Россіи, здѣсь кидается въ глаза нескрываемая вражда къ Англіи. Она доходитъ въ Аѳинахъ до какого-то страннаго ослѣпленія. Греки, во всемъ другомъ немножко скрытные и недовѣрчивые, становятся наивными дѣтьми, какъ-скоро рѣчь заходитъ о покровительницѣ Іоническихъ-острововъ. На этой статьѣ ихъ легко даже мистифировать. Скажите въ кружкѣ грековъ, что Англія завидуетъ торговлѣ Сиры и затѣяла восточную войну только для-того, чтобы подорвать ее, скажите, что Бонапартъ овладѣлъ престоломъ съ единственной цѣлью освободить Грецію отъ англійскаго вліянія, — и всегда найдутся люди, которые повѣрятъ этому и будутъ разсказывать другимъ.

Самая любовь къ родинѣ и патріотизмъ доходятъ у аѳинскихъ грековъ до увлеченія, иногда трогательнаго, иногда комическаго. Никто такъ неспособенъ, какъ грекъ, пожертвовать отечеству жизнью и состояніемъ и никто не доводитъ вѣры въ свою націю до такой смѣшной наивности. Грекъ любитъ свою родину слѣпой любовью,

VIII.

Новый городъ.

Въ настоящее время Аѳины похожи на старую реликвію, неудачно вставленную въ новую раму. Великіе памятники старины деспотически привлекаютъ путешественника, въ ущербъ новой жизни. Древность неотразимо тяготѣетъ здѣсь надъ современностью, и прошедшее своей тѣнью заслоняетъ отъ васъ настоящее. Пріѣзжему надобно до-сыта налюбоваться остатками старины, чтобы наконецъ взглянуть изъ-за нихъ на новый городъ и всмотрѣться въ современные нравы.

Обращаясь къ настоящей жизни Греціи, прежде всего замѣчаешь, какъ неудачно мѣстомъ ея столицы выбраны Аѳины. Съ перваго взгляда понятно, что это — памятникъ старины, великій музей античныхъ святынь, а не средоточіе молодой дѣятельности воскресающей націи. При единствѣ королевства сама природа указала на Коринѳъ, какъ на сердце новаго государства. Еслибы столица была среди перешейка, на четверть часа ѣзды отъ двухъ морей, — она опиралась-бы, какъ родосскій колоссъ, на два порта и служила средоточіемъ пути изъ Мореи въ Ѳессалію и изъ Италіи въ Константинополь. Стоило по-

IX.

Университетъ. — Арсакеонъ.

Ни въ чемъ новая Греція не сдѣлала такихъ успѣ-
ъ, какъ въ народномъ образованіи. Просвѣщеніе, за-
ленное турецкимъ рабствомъ, какъ-будто таилось въ
классической почвѣ, и съ первыхъ минутъ освобож-
ія пустило новые побѣги по всему краю. Образова-
было первой потребностью воскресшей націи. Еще
ія Греціи дымились кровью, на мѣстѣ вырубленныхъ
вковыхъ рощъ виднѣлись палатки египетскихъ сол-
ъ, въ рядахъ грековъ не прекращались междоусобія,
равительство издавало уже декреты объ открытіи школъ,
юди, не умѣвшіе подписать своего имени, громко тре-
али основанія лицеевъ и академій. У правительства
было денегъ, — и со всѣхъ сторонъ полились прино-
ія въ пользу науки: изъ Лондона, Петербурга, Вѣны,
ки присылали большія суммы на основаніе универси-
а, института, академіи наукъ. И пожертвованія дохо-
и иногда до самоотверженія: братья Ратацци, напри-
ъ, дали обѣщаніе не жениться, чтобы по смерти оста-
ь свое состояніе въ пользу учебныхъ заведеній.

При такомъ стремленіи къ образованію, Греція въ

ними благородными артистами, которые слушали курсы археологіи въ мюнхенскомъ университетѣ. А говорятъ еще, что въ нашемъ вѣкѣ перевелись романтики!

Во всѣхъ капитальныхъ постройкахъ новаго города замѣтно желаніе копировать древности. Но тутъ современность сильно уже пробивается сквозь античныя формы. Дворецъ короля Оттона, на концѣ улицы Гермеса, самое видное и самое неудачное зданіе во всѣхъ новыхъ Аѳинахъ. Его задумали въ древнемъ греческомъ стилѣ, а вышло что-то похожее на казарму или фабрику. Бѣдность передняго фасада замаскирована бѣлымъ мраморнымъ перистилемъ; но отнимите его, — и вы подумаете, что передъ вами какая-нибудь бумагопрядильня. Лѣвая сторона, еслибы тутъ и не было гауптвахты, съ перваго взгляда напомнила-бы вамъ казармы. Одинъ только правый фасадъ, примыкающій къ саду и одѣтый во всю длину колоннадой изъ пентеликскаго мрамора, не оскорбляетъ глазъ. Странно, что строители мюнхенскихъ Глиптотекъ не могли придумать ничего лучше, въ виду величайшихъ памятниковъ архитектуры.

Но дворцовый садъ выкупаетъ зданіе. Въ немъ два отдѣленія. Передъ главнымъ фасадомъ большой квадратъ обнесенъ живой оградой высокихъ кактусовъ, которыхъ зеленые побѣги унизаны большими желтыми цвѣтами, а изъ-за нихъ поднимается новая ограда изъ кустовъ цвѣтущихъ олеандровъ. За этой золотисто-розовой бахромой видны аллеи кипарисовъ, а между ними высокія пальмы раскидываютъ зеленые пуки колоссальныхъ перьевъ. Другой садъ примыкаетъ къ боковому фасаду дворца и тянется почти до Иллиса. Это единственное дитя королевы Амаліи, которая по словамъ грековъ посвящаетъ ему всѣ царственные труды, воспитывая его потомству въ

качествѣ своего наслѣдника. Въ-самомъ-дѣлѣ садъ очень-хорошъ. Онъ разбитъ въ англійскомъ вкусѣ. Дорогая въ здѣшнемъ климатѣ тѣнь добыта большими трудами и большими деньгами. И зато какая растительность! Подъ открытымъ небомъ видишь тепличныя деревья и цвѣты: такъ и кажется, что гуляешь въ оранжереѣ. Померанцовая роща вся въ плодахъ, и они горятъ на солнцѣ, точно фонарики, развѣшанные для иллюминаціи. Посреди ярко-зеленаго газона, обсаженнаго цвѣтами, стоитъ группа финиковыхъ пальмъ; за шпалерами изъ розъ и жасминовъ подымаются фиговыя и миндальныя деревья, у которыхъ стволы густо обвиты виноградомъ. Говорятъ, одна поливка травы стоитъ въ годъ десять-тысячъ драхмъ. Не даромъ королева ревнуетъ своего питомца и не позволяетъ гулять въ немъ.

Послѣ королевскаго дворца, самыя замѣчательныя зданія въ городѣ — университетъ, новый соборъ и русская церковь. Во всѣхъ видѣнъ пентеликскій мраморъ, вліяніе древняго вкуса и трудность примѣнить его къ современной архитектурѣ. Замѣтно, что образцы искусства, завѣщанные намъ вѣкомъ Перикла, до-сихъ-поръ остаются тайною: стараясь подойти къ древней простотѣ, мы невольно переходимъ въ сухость; а мечтая объ античныхъ украшеніяхъ, впадаемъ въ изысканность. Впрочемъ, перистиль университетскаго зданія, размѣры и куполъ собора и мраморные орнаменты русской церкви не лишены вкуса.

Прямыя улицы и въ линію построенные дома придаютъ Аѳинамъ видъ новаго европейскаго города, а зеленыя рѣшетки въ окнахъ и полосатые маркизы напоминаютъ Италію. Не смотря на то, вы видите на каждомъ шагу, какъ славные отголоски древности и воспо-

Типальдосу. Нѣсколько лѣтъ онъ неутомимо собиралъ книги, почти безъ денежныхъ средствъ, во имя одной любви и симпатіи къ Греціи, писалъ письма въ Германію, Францію, Россію и не разъ путешествовалъ для обогащенія библіотеки.

Какъ Петръ-пустынникъ являлся онъ при дворахъ королей, въ европейскихъ университетахъ и ученыхъ обществахъ, — и на голосъ его тысячи книгъ покидали шкапы библіотекъ и книжныхъ лавокъ и плыли въ Грецію на истребленіе невѣжества. Теперь въ университетской библіотекѣ больше семидесяти-тысячъ томовъ. Съ перваго взгляда видно, что она всѣмъ обязана западной Европѣ: книги въ ней бо̀льшею частію итальянскія, нѣмецкія и французскія. На русскомъ языкѣ я ничего не нашелъ, кромѣ журнала министерства народнаго просвѣщенія да разрозненныхъ словарей. Между-тѣмъ профессора говорили мнѣ, что въ университетѣ есть студенты, которые учатся по-русски, и Типальдосъ не разъ писалъ въ Петербургъ и просилъ прислать нашихъ классиковъ.

Университетская обсерваторія стоитъ на другомъ концѣ города, недалеко отъ Тезеева-храма; она не столько богата астрономическими снарядами, какъ прекрасными видами на городъ и окрестности.

Аѳинскій университетъ открытъ для всѣхъ званій и безъ всякой платы. Это объясняется общимъ стремленіемъ къ образованію и богатыми пожертвованіями частныхъ людей. И едва-ли можно встрѣтить гдѣ-нибудь въ молодежи такую любовь къ ученью. Здѣсь водятся всякаго рода студенты — даровитые и бездарные, богатые и почти нищіе; но нѣтъ студента, который-бы ничего не дѣлалъ. Того извѣстнаго типа молодаго человѣка, ко-

торый надѣваетъ студентскій сюртукъ для того, чтобъ блистать въ кондитерскихъ и театрахъ, въ Аѳинахъ не существуетъ. Говорятъ, страсть къ ученью здѣсь не безкорыстна, и всякій мальчикъ, посѣщая школу, мечтаетъ о дипломѣ, который долженъ обезпечить ему положеніе въ жизни. Но развѣ это не извинительно? Едва только открылся университетъ, молодые люди начали сходиться въ него со всѣхъ концовъ Греціи. Были случаи, что иной приходилъ въ городъ съ нѣсколькими драхмами въ карманѣ и опредѣлялся слугою или мальчикомъ въ какой-нибудь магазинъ, требуя за труды только кусокъ хлѣба да три часа въ день для посѣщенія лекцій. Французскій путешественникъ разсказываетъ, какъ одинъ молодой человѣкъ нанялся такимъ-образомъ въ кофейню, вставалъ съ зарей, мелъ комнаты, убиралъ посуду, приготовлялъ кофе, потомъ убѣгалъ на лекціи, а вечеромъ снова набивалъ трубки и послѣ-того просиживалъ часть ночи за приготовленіемъ уроковъ. И вотъ черезъ три года, въ одно прекрасное утро, уставляя чашки и вытирая чубуки, обращается онъ къ своему патрону:

— Довольны вы мною, хозяинъ?

— Доволенъ, Петро.

— Такъ вы позволите мнѣ служить вамъ и впередъ?

— Конечно.

— Только ужъ не при кофейнѣ...

— А какъ-же?

— Докторомъ... я вчера кончилъ экзаменъ и на дняхъ получу дипломъ.

Послѣ университета самое замѣчательное заведеніе въ Аѳинахъ — женскій институтъ Арсакеонъ, названный такъ по имени богатаго грека Арсаки, который пожертвовалъ капиталъ на его открытіе. Я ѣздилъ смотрѣть

минанія послѣдней борьбы сталкиваются съ современной жизнью. Улицы Минервы и Ксенофонта пересѣкаются здѣсь улицами Колокотрони, Байрона. Подлѣ мраморной стѣны Адріана видна турецкая мечеть, обращенная въ тюрьму; на мѣстѣ платоновой академіи маршируютъ регулярные солдаты и гремитъ барабанъ. Французская цивилизація начинаетъ уже нивеллировать аѳинское населеніе своими отелями, вывѣсками и модами, но городъ не совсѣмъ еще потерялъ самобытную физіономію. Аѳинская улица все еще довольно-характерна. По ней двигаются охимы, совершенно похожія на наши кареты, но кучера у нихъ въ бѣлой фустанеллѣ и аломъ фесѣ. Въ экипажахъ встрѣчаете вы дамъ во французскихъ шляпкахъ и мантильяхъ, но въ окнахъ домовъ и на улицахъ часто видите женщинъ въ національной красной шапочкѣ съ золотой кистью. Модное пальто и круглая шляпа проникаютъ уже въ средній классъ, но простой народъ остается вѣренъ своему національному костюму. По улицѣ бредутъ ослы съ привѣшенными къ бокамъ корзинами зелени или огромными кувшинами съ молокомъ и свѣжей водой, и погонщикъ въ фустанеллѣ бѣжитъ позади, погоняя скотину своими четками. На вывѣскахъ славныя имена древности сталкиваются съ предметами самаго обыденнаго быта: тутъ Ѳемистоклъ работаетъ башмаки, здѣсь Эпаминондъ печетъ бѣлые хлѣбы, а тамъ Анаксагоръ подписалъ свое имя подъ большими золочеными ножницами. Въ одной улицѣ я встрѣтилъ табачную лавку какого-то Діогена.

Базаръ, примыкающій къ коринѳской колоннадѣ стараго римскаго рынка, до поздней ночи пестрѣетъ самой живописной толпою. На разостланныхъ по землѣ цыновкахъ навалены груды арбузовъ, фигъ, гранатъ, мелинд-

къ средствъ, которыя медленно, но вѣрно ускоряютъ рушеніе Турціи.

Свободный доступъ въ аѳинскій институтъ вызвалъ ое-же горячее сочувствіе, какъ и университетъ. Нечительность платы дала возможность самымъ недостанымъ людямъ опредѣлять дочерей въ заведеніе, кото- даетъ образованіе, а нерѣдко и карьеру. Большая ть приходящихъ воспитанницъ принадлежитъ къ бѣдішему классу городскихъ жителей. Рыбная торговка, ючница, продавица фруктовъ, отказывая себѣ въ башсахъ и въ лишней горсти оливъ за обѣдомъ, посытъ дочь въ Арсакеонъ, разумѣется не изъ любви къ кѣ, а только въ надеждѣ доставить ей лучшее полоіе въ обществѣ. Это нерѣдко вызываетъ случаи очень- бопытные. Прачка, которой я отдавалъ бѣлье, гово- ıа мнѣ съ сверкающими отъ радости глазами, что у дочь ходитъ въ Арсакеонъ. Эта женщина, вдова ка- о-то лавочника, два года назадъ пришла изъ Патра- съ десятилѣтней дочерью и съ десяткомъ драхмъ въ ›манѣ, для того чтобъ помѣстить дѣвочку въ инсти- ъ. Кое-какъ нашла она небольшую практику въ ка- ствѣ швеи и прачки, опредѣлила дочь въ Арсакеонъ начала долгую борьбу съ бѣдностью, думая только, къ-бы набрать восемь драхмъ за ученье, да какъ-ни- дь одѣть и накормить свою институтку. Вѣдь это сво- о рода героиня! Надобно было видѣть, съ какимъ гор- мъ удовольствіемъ, вынимая бѣлье изъ ручной кор- нки, она говорила:

— Моя дочка ходитъ въ Арсакеонъ!

— Чтожъ ты будешь дѣлать съ ней, когда она выу- гся? — спросилъ у нея Ликадисъ.

— Она будетъ учить богатыхъ людей.

— А если не найдетъ мѣста?

— Да развѣ образованіе помѣшаетъ ей стирать бѣлье? вѣдь она и теперь помогаетъ мнѣ!—отвѣчала гречанка, гордо поправляя свою алую феску.

Жажда къ просвѣщенію проникаетъ въ самые бѣдные классы народа. Мнѣ говорили, что нерѣдко въ самой ничтожной деревенькѣ въ глуши Пелопонеса или Эпира, жители нанимаютъ бѣднаго учителя и поочередно даютъ ему постель подъ кровлей своей избы и мѣсто за скуднымъ обѣдомъ. И вотъ этотъ кочующій педагогъ, за неимѣніемъ школы, собираетъ учениковъ подъ открытымъ небомъ, на паперти деревенской церкви или подъ тѣнью дерева, — и дѣти по цѣлымъ часамъ сидятъ за книгами. Живой умъ, такъ долго дремавшій въ порабощенномъ народѣ, рвется теперь съ какою-то судорожной торопливостью, какъ-бы желая скорѣе заявить себя передъ лицомъ просвѣщенной Европы. Греція точно спѣшитъ оправдать симпатію, какою встрѣтила ее вездѣ борьба за независимость, показать себя достойною участія филеллиновъ и почтить память Байрона, который, среди пѣсенъ отчаянія и проклятій, нашелъ въ душѣ своей звуки симпатіи къ возрождающейся Элладѣ.

X.

Гротъ-нимфъ.

Лѣтомъ Аѳины пустѣютъ не хуже Петербурга. Аттическое солнце разгоняетъ по дачамъ всѣхъ, кого нужда не посадила безвыходно за зелеными рѣшетками душныхъ городскихъ домовъ. Съ мая мѣсяца дворъ, посланники, богатое купечество живутъ обыкновенно въ мѣстечкѣ Кефисіи, въ пятнадцати верстахъ отъ города, на берегу Цефиза. Недалеко оттуда и знаменитый Гротъ-нимфъ, воспѣтый древними поэтами и почти забытый новыми путешественниками. Мнѣ хотѣлось взглянуть на аѳинское Царское-Село и его поэтическій гротъ.

Поѣздка наконецъ состоялась. Эвлампіосъ, извѣстный переводчикъ новогреческихъ пѣсенъ, познакомилъ меня съ однимъ аѳинскимъ купцомъ, котораго семейство жило недалеко отъ Кефисіи. Былъ какой-то праздникъ, и купецъ пригласилъ насъ обѣдать на дачу. Мы послали за каретой. Намъ привели наемную охиму, замѣчательную тѣмъ, что сама она была синяя, а колеса напереди зеленыя, позади красныя. Впрочемъ, лошади бѣжали хорошо, и извощикъ, не смотря на грязную фустанеллу, смотрѣлъ молодцомъ.

которая не подчиняется разсудку. Мнѣ случалось слышать отъ людей довольно-образованныхъ такія политическія предположенія, которыя рѣшительно ставили меня въ тупикъ. Вся европейская политика отражается въ Аѳинахъ подъ угломъ, совершенно недоступнымъ обыкновенному взгляду. Послушать грековъ — такъ вся Европа день и ночь занята одними только греческими дѣлами: Англія заняла Мальту и Гибральтаръ изъ опасенія Греціи, Пальмерстонъ мѣшаетъ прорытію Суэцкаго-канала, боясь чтобы греческій флотъ не проникъ въ Индію, Франція покоряетъ Алжиръ и усиливаетъ флотъ изъ страха къ возрастающимъ силамъ Греціи; въ восточной войнѣ и въ индѣйскомъ возстаніи — вездѣ тайная пружина одна Греція.

— Видѣли вы въ Англіи пароходъ Левіаѳанъ? — спросилъ меня студентъ, съ которымъ мы ходили на Пниксъ.

— Видѣлъ, только не отдѣланный.

— И мы скоро увидимъ.

— А вы собираетесь въ Англію? — спросилъ я.

— Нѣтъ. Да развѣ вы не знаете, съ какой цѣлью строится этотъ великанъ? Вотъ увидите, что вмѣсто Австраліи онъ пожалуетъ въ Пирей, чтобы опять остановить нашу торговлю изъ-за какого-нибудь жида.

IX.

Университетъ. — Арсакеонъ.

Ни въ чемъ новая Греція не сдѣлала такихъ успѣ-
ковъ, какъ въ народномъ образованіи. Просвѣщеніе, за-
авленное турецкимъ рабствомъ, какъ-будто таилось въ
я классической почвѣ, и съ первыхъ минутъ освобож-
енія пустило новые побѣги по всему краю. Образова-
ie было первой потребностью воскресшей націи. Еще
оля Греціи дымились кровью, на мѣстѣ вырубленныхъ
ливковыхъ рощъ виднѣлись палатки египетскихъ сол-
атъ, въ рядахъ грековъ не прекращались междоусобія,
правительство издавало уже декреты объ открытіи школъ,
люди, не умѣвшіе подписать своего имени, громко тре-
овали основанія лицеевъ и академій. У правительства
ie было денегъ, — и со всѣхъ сторонъ полились прино-
пенія въ пользу науки: изъ Лондона, Петербурга, Вѣны,
реки присылали большія суммы на основаніе универси-
ета, института, академіи наукъ. И пожертвованія дохо-
или иногда до самоотверженія: братья Ратацци, напри-
мѣръ, дали обѣщаніе не жениться, чтобы по смерти оста-
вить свое состояніе въ пользу учебныхъ заведеній.

При такомъ стремленіи къ образованію, Греція въ

тридцать лѣтъ сдѣлала большой шагъ въ просвѣщеніи. Въ настоящее время, кромѣ университета, у нея есть военная и политехническая школа, высшее нормальное училище, земледѣльческая школа, семинарія, арсакіевскій институтъ для образованія гувернантокъ, институтъ королевы Амаліи, семь лицеевъ, сто-семьдесятъ-девять общихъ эллинскихъ училищъ и триста-шестьдесятъ-девять первоначальныхъ школъ. И большая часть этихъ заведеній основана и поддерживается на счетъ однихъ частныхъ приношеній. Конечно, это далеко еще отъ какихъ-нибудь Американскихъ-Штатовъ, но вѣдь и вся Греція-то меньше нашей Саратовской-губерніи.

Аѳинскій университетъ растетъ съ каждымъ годомъ. Если когда-нибудь наружность зданія располагаетъ въ пользу самаго заведенія, то университетъ съ перваго взгляда оставляетъ впечатлѣніе очень-пріятное. Это лучшее зданіе во всѣхъ Аѳинахъ. Онъ построенъ изъ бѣлаго гиметскаго камня и блеститъ на солнцѣ, подобно Миланскому-собору. Хорошъ въ Греціи мраморъ древнихъ зданій, темно-золотистый отъ солнца, но не меньше привлекательны и новыя постройки, всѣ ярко-бѣлыя и дѣвственно-чистыя. Мраморъ горитъ здѣсь на солнцѣ также ослѣпительно, какъ у насъ въ полѣ чистый, только-что выпавшій снѣгъ при полуденномъ свѣтѣ. Зданіе университета построено въ древнемъ стилѣ. Къ переднему фасаду примыкаетъ прекрасная галерея, съ бѣлыми какъ сахаръ мраморными колоннами. Я ѣздилъ въ университетъ съ ректоромъ Асопіосомъ.

Мы вошли въ обширную переднюю. Прямо подымается великолѣпная лѣстница, а по сторонамъ входы въ нижній этажъ, гдѣ помѣщается канцелярія, зала совѣта и аудиторіи. Мнѣ не нравится роскошь учебныхъ

комнатъ: она всегда почти служитъ признакомъ незрѣлости просвѣщенія. Гдѣ наука не пустила еще корней, тамъ обыкновенно обращаютъ вниманіе на однѣ ненужности — паркетные полы, лакированныя скамейки, орѣховые шкапы, роскошныя изданія, которыхъ никому не даютъ въ руки. Настоящая наука не любитъ безполезнаго. Я помню аудиторію Мишелѐ въ берлинскомъ университетѣ. Въ небольшой комнатѣ съ голыми стѣнами стоятъ простые деревянные столы и скамейки, а противъ нихъ каѳедра и за нею черная доска. Вотъ и все убранство аудиторіи, гдѣ читали Фихте и Гегель! Но если въ аѳинскомъ университетѣ вездѣ видѣнъ мраморъ, то это не изъ любви къ роскоши, а оттого, что онъ стоитъ здѣсь недороже простаго камня.

По мраморной лѣстницѣ поднялись мы въ верхній этажъ, и вышли на открытую галерею съ балюстрадой, которая обставлена вазами съ цвѣтущими пунсовыми кактусами. Это ходъ въ библіотеку. Мы вошли сперва въ залу для чтенія. Прямо противъ дверей стоитъ мраморный бюстъ Платона, обвитый свѣжимъ зеленымъ плющемъ. По сторонамъ бюсты короля Оттона и королевы Амаліи. По стѣнамъ развѣшены портреты главныхъ героевъ войны за независимость — Колокотрони, Боцариса, Карайскаки, Маврокордато. Не смотря на знойный день, здѣсь было прохладно, какъ въ итальянскихъ базиликахъ. Человѣкъ двадцать молодыхъ людей читали, дѣлали выписки, — и мраморный взглядъ Платона, полный думы и кротости, казалось обращенъ былъ съ любовью на молодое поколѣніе возрождающейся Греціи.

По другую сторону галереи тянется рядъ комнатъ, уставленныхъ шкапами съ книгами. Университетская библіотека обязана всѣмъ основателю и директору своему

Типальдосу. Нѣсколько лѣтъ онъ неутомимо собиралъ книги, почти безъ денежныхъ средствъ, во имя одной любви и симпатіи къ Греціи, писалъ письма въ Германію, Францію, Россію и не разъ путешествовалъ для обогащенія библіотеки.

Какъ Петръ-пустынникъ являлся онъ при дворахъ королей, въ европейскихъ университетахъ и ученыхъ обществахъ, — и на голосъ его тысячи книгъ покидали шкапы библіотекъ и книжныхъ лавокъ и плыли въ Грецію на истребленіе невѣжества. Теперь въ университетской библіотекѣ больше семидесяти-тысячъ томовъ. Съ перваго взгляда видно, что она всѣмъ обязана западной Европѣ: книги въ ней бо̀льшею частію итальянскія, нѣмецкія и французскія. На русскомъ языкѣ я ничего не нашелъ, кромѣ журнала министерства народнаго просвѣщенія да разрозненныхъ словарей. Между-тѣмъ профессора говорили мнѣ, что въ университетѣ есть студенты, которые учатся по-русски, и Типальдосъ не разъ писалъ въ Петербургъ и просилъ прислать нашихъ классиковъ.

Университетская обсерваторія стоитъ на другомъ концѣ города, недалеко отъ Тезеева-храма; она не столько богата астрономическими снарядами, какъ прекрасными видами на городъ и окрестности.

Аѳинскій университетъ открытъ для всѣхъ званій и безъ всякой платы. Это объясняется общимъ стремленіемъ къ образованію и богатыми пожертвованіями частныхъ людей. И едва-ли можно встрѣтить гдѣ-нибудь въ молодежи такую любовь къ ученью. Здѣсь водятся всякаго рода студенты — даровитые и бездарные, богатые и почти нищіе; но нѣтъ студента, который-бы ничего не дѣлалъ. Того извѣстнаго типа молодаго человѣка, ко-

торый надѣваетъ студентскій сюртукъ для того, чтобъ блистать въ кондитерскихъ и театрахъ, въ Аѳинахъ не существуетъ. Говорятъ, страсть къ ученью здѣсь не безкорыстна, и всякій мальчикъ, посѣщая школу, мечтаетъ о дипломѣ, который долженъ обезпечить ему положеніе въ жизни. Но развѣ это не извинительно? Едва только открылся университетъ, молодые люди начали сходиться въ него со всѣхъ концовъ Греціи. Были случаи, что иной приходилъ въ городъ съ нѣсколькими драхмами въ карманѣ и опредѣлялся слугою или мальчикомъ въ какой-нибудь магазинъ, требуя за труды только кусокъ хлѣба да три часа въ день для посѣщенія лекцій. Французскій путешественникъ разсказываетъ, какъ одинъ молодой человѣкъ нанялся такимъ-образомъ въ кофейню, вставалъ съ зарей, мелъ комнаты, убиралъ посуду, приготовлялъ кофе, потомъ убѣгалъ на лекціи, а вечеромъ снова набивалъ трубки и послѣ-того просиживалъ часть ночи за приготовленіемъ уроковъ. И вотъ черезъ три года, въ одно прекрасное утро, уставляя чашки и вытирая чубуки, обращается онъ къ своему патрону:

— Довольны вы мною, хозяинъ?

— Доволенъ, Петро.

— Такъ вы позволите мнѣ служить вамъ и впередъ?

— Конечно.

— Только ужъ не при кофейнѣ...

— А какъ-же?

— Докторомъ... я вчера кончилъ экзаменъ и на дняхъ получу дипломъ.

Послѣ университета самое замѣчательное заведеніе въ Аѳинахъ — женскій институтъ Арсакеонъ, названный такъ по имени богатаго грека Арсаки, который пожертвовалъ капиталъ на его открытіе. Я ѣздилъ смотрѣть

его съ профессоромъ Контогони, который принадлежитъ къ числу членовъ совѣта, управляющаго институтомъ. Мы пріѣхали къ довольно-обширному зданію, построенному въ видѣ четыреугольника, съ прекраснымъ дворикомъ посерединѣ, обведеннымъ галереей. Широкая лѣстница ведетъ въ пріемную залу, гдѣ прямо передъ входомъ стоитъ бюстъ основателя института. Профессоръ представилъ меня начальницѣ, и она предложила мнѣ осмотрѣть заведеніе. Налѣво отъ пріемной расположена рекреаціонная зала, классы и дортуары; правая половина занята комнатами начальницы и дамъ, а въ заднемъ корпусѣ помѣщается церковь. Она проста и изящна: стѣны и полъ мраморные, а въ алтарѣ стоитъ превосходное распятіе Доменикино, присланное въ подарокъ изъ Италіи.

Арсакеонъ управляется совѣтомъ, изъ профессоровъ университета и почетныхъ городскихъ жителей. Въ институтѣ бываетъ ежегодно до 100 пансіонерокъ и до 300 экстернъ. Пансіонерки содержатся на постоянные фонды заведенія или на вновь-поступающія пожертвованія. Приходящія платятъ за ученье по восьми драхмъ въ мѣсяцъ (1 руб. 80 коп. сереб.). По окончаніи курса штатныя воспитанницы опредѣляются учительницами въ провинціяльныя школы или поступаютъ въ гувернантки въ семейства въ Греціи, на Іоническихъ-островахъ и въ Левантѣ. Заведеніе давно пользуется извѣстностью и за предѣлами королевства. Начальница говорила мнѣ, что задолго еще до выпуска, получаются приглашенія изъ Смирны, Константинополя и даже отъ греческихъ семействъ изъ Италіи и Англіи. Вліяніе института очень важно для Греціи: Арсакеонъ одно изъ тѣхъ разлагаю-

щихъ средствъ, которыя медленно, но вѣрно ускоряютъ разрушеніе Турціи.

Свободный доступъ въ аѳинскій институтъ вызвалъ такое-же горячее сочувствіе, какъ и университетъ. Незначительность платы дала возможность самымъ недостаточнымъ людямъ опредѣлять дочерей въ заведеніе, которое даетъ образованіе, а нерѣдко и карьеру. Большая часть приходящихъ воспитанницъ принадлежитъ къ бѣднѣйшему классу городскихъ жителей. Рыбная торговка, молочница, продавица фруктовъ, отказывая себѣ въ башмакахъ и въ лишней горсти оливъ за обѣдомъ, посылаетъ дочь въ Арсакеонъ, разумѣется не изъ любви къ наукѣ, а только въ надеждѣ доставить ей лучшее положеніе въ обществѣ. Это нерѣдко вызываетъ случаи очень-любопытные. Прачка, которой я отдавалъ бѣлье, говорила мнѣ съ сверкающими отъ радости глазами, что у нея дочь ходитъ въ Арсакеонъ. Эта женщина, вдова какого-то лавочника, два года назадъ пришла изъ Патраса, съ десятилѣтней дочерью и съ десяткомъ драхмъ въ карманѣ, для того чтобъ помѣстить дѣвочку въ институтъ. Кое-какъ нашла она небольшую практику въ качествѣ швеи и прачки, опредѣлила дочь въ Арсакеонъ и начала долгую борьбу съ бѣдностью, думая только, какъ-бы набрать восемь драхмъ за ученье, да какъ-нибудь одѣть и накормить свою институтку. Вѣдь это своего рода героиня! Надобно было видѣть, съ какимъ гордымъ удовольствіемъ, вынимая бѣлье изъ ручной корзинки, она говорила:

— Моя дочка ходитъ въ Арсакеонъ!

— Чтожъ ты будешь дѣлать съ ней, когда она выучится? — спросилъ у нея Ликадисъ.

— Она будетъ учить богатыхъ людей.

— А если не найдетъ мѣста?

— Да развѣ образованіе помѣшаетъ ей стирать бѣлье? вѣдь она и теперь помогаетъ мнѣ!—отвѣчала гречанка, гордо поправляя свою алую феску.

Жажда къ просвѣщенію проникаетъ въ самые бѣдные классы народа. Мнѣ говорили, что нерѣдко въ самой ничтожной деревенькѣ въ глуши Пелопонеса или Эпира, жители нанимаютъ бѣднаго учителя и поочередно даютъ ему постель подъ кровлей своей избы и мѣсто за скуднымъ обѣдомъ. И вотъ этотъ кочующій педагогъ, за неимѣніемъ школы, собираетъ учениковъ подъ открытымъ небомъ, на паперти деревенской церкви или подъ тѣнью дерева, — и дѣти по цѣлымъ часамъ сидятъ за книгами. Живой умъ, такъ долго дремавшій въ порабощенномъ народѣ, рвется теперь съ какою-то судорожной торопливостью, какъ-бы желая скорѣе заявить себя передъ лицомъ просвѣщенной Европы. Греція точно спѣшитъ оправдать симпатію, какою встрѣтила ее вездѣ борьба за независимость, показать себя достойною участія филеллиновъ и почтить память Байрона, который, среди пѣсенъ отчаянія и проклятій, нашелъ въ душѣ своей звуки симпатіи къ возрождающейся Элладѣ.

X.

Гротъ-нимфъ.

Лѣтомъ Аѳины пустѣютъ не хуже Петербурга. Аттическое солнце разгоняетъ по дачамъ всѣхъ, кого нужда не посадила безвыходно за зелеными рѣшетками душныхъ городскихъ домовъ. Съ мая мѣсяца дворъ, посланники, богатое купечество живутъ обыкновенно въ мѣстечкѣ Кефисіи, въ пятнадцати верстахъ отъ города, на берегу Цефиза. Недалеко оттуда и знаменитый Гротъ-нимфъ, воспѣтый древними поэтами и почти забытый новыми путешественниками. Мнѣ хотѣлось взглянуть на аѳинское Царское-Село и его поэтическій гротъ.

Поѣздка наконецъ состоялась. Эвлампіосъ, извѣстный переводчикъ новогреческихъ пѣсенъ, познакомилъ меня съ однимъ аѳинскимъ купцомъ, котораго семейство жило недалеко отъ Кефисіи. Былъ какой-то праздникъ, и купецъ пригласилъ насъ обѣдать на дачу. Мы послали за каретой. Намъ привели наемную охиму, замѣчательную тѣмъ, что сама она была синяя, а колеса напереди зеленыя, позади красныя. Впрочемъ, лошади бѣжали хорошо, и извощикъ, не смотря на грязную фустанеллу, смотрѣлъ молодцомъ.

Отъ королевскаго дворца повернули мы на довольно-плохое шоссе, которое пролегало къ сѣверу по низменной долинѣ. Направо рядъ холмовъ, постепенно возвышаясь, сливается съ подножіемъ Гиметскихъ-горъ, налѣво тянется ближайшій отрогъ мраморнаго хребта Пентелики, а между ними мелькаютъ вдали снѣжными пятнышками отдаленныя вершины Парнаса. По мѣрѣ удаленія отъ города природа становилась живописнѣе. Правда, горы тянулись еще обнаженной стѣною, но вокругъ стала показываться зелень, и безплодные пустыри начали смѣняться небольшими луговинами съ кустиками душистаго ѳимари, которые такъ и залиты были цвѣтами, сверкавшими на солнцѣ, какъ синіе огоньки.

Не смотря на то, что часть аѳинскаго населенія жила уже въ Кефисіи, дорога была очень-пустынна. Мы не встрѣчали ни экипажей, ни пѣшеходовъ. Кое-гдѣ только попадались солдаты орофилаки или пограничной стражи, въ вышитыхъ золотомъ цегли и бѣлыхъ юпкахъ, съ цѣлымъ арсеналомъ пистолетовъ и атагановъ на поясѣ. Въ иномъ мѣстѣ двое такихъ атлетовъ шли по шоссе тихой, граціозной поступью, въ другомъ стояли гдѣ-нибудь подъ оливковымъ деревомъ, опершись на длинныя ружья и живописно перегнувъ свою тонкую талію.

— Скажите, зачѣмъ здѣсь эти солдаты? — спросилъ я своего товарища.

— Смотрѣть за клефтами! — отвѣчалъ онъ.

— Да неужели разбойники грабятъ и на этой дорогѣ, подлѣ самыхъ Аѳинъ?

— А гдѣ-же можетъ быть больше поживы, какъ не здѣсь. Тутъ ѣздятъ все люди хлѣбные — министры, негоціанты; утащить такого человѣка въ горы — значитъ

добыть капиталъ.... А кстати: не хотите-ли, я познакомлю васъ съ однимъ изъ такихъ молодцовъ?

— Съ клефтомъ?

— Съ настощимъ, кровнымъ клефтомъ.

— Въ горы ходить для этого не нужно будетъ? — спросилъ я шутя.

— Не надобно.

— И выкупа платить не придется?

— Какія-нибудь двѣ драхмы.

— Такъ пожалуйста.

Мы подъѣхали въ это время къ небольшому кафенесу, который стоитъ на половинѣ дороги въ Кефисію. Здѣсь проѣзжающихъ ждетъ такой-же обязательный привалъ, какъ и на пути изъ Пирея. Нашъ разноцвѣтный экипажъ остановился, и извощикъ тотчасъ-же закурилъ трубку. Мы вошли въ небольшую, но опрятную комнату. Противъ дверей былъ прилавокъ, уставленный шербетами и лакомствами, по угламъ пуки длинныхъ чубуковъ, а на столикахъ маленькія жаровни съ углемъ и желѣзные щипчики. Къ намъ подбѣжалъ мальчикъ.

— А гдѣ Васили? — спросилъ Эвлампіосъ.

— Сей-часъ будетъ.

Въ эту минуту въ заднія двери вошелъ за прилавокъ грекъ. Никогда не встрѣчалъ я такой характерной фигуры. Это былъ человѣкъ атлетическаго роста, съ мускулами фарнезскаго Геркулеса и стройностью молодой женщины. Бѣлая фустанелла въ мелкихъ складкахъ, синяя пегли, вся вышитая въ узоръ чернымъ шнуркомъ, алый фесъ съ длинной голубой кистью, — все это удивительно шло къ его богатырски-изящнымъ формамъ. Когда онъ вышелъ изъ-за прилавка величавой и граціозной поступью, — я не могъ отвести отъ него глазъ. Казалось,

передъ нами былъ какой-нибудь герой Иліады, самъ Агамемнонъ съ его царственной осанкой.

— Рекомендую вамъ моего добраго пріятеля Васили, сказалъ мой товарищъ: — вы видите самаго гостепріимнаго кафедзи во всей Греціи. А тебѣ, Васили, представляю русскаго путешественника: ты насъ поподчуешь лимонадомъ и трубками.

Васили наклонилъ слегка голову и положилъ руку на грудь. Черныя рѣсницы его опустились къ щекамъ, и голубая кисть феса нагнулась впередъ; но въ ту-же минуту онъ выпрямился, бросилъ на меня быстрый взглядъ и съ царственнымъ величіемъ пошелъ къ своему прилавку.

— Знаете-ли, кто такой этотъ кафедзи? — спросилъ мой товарищъ.

— Неужели клефтъ!

— Настоящій. Три года назадъ этотъ молодецъ гулялъ еще въ Гиметскихъ-горахъ и подстерегалъ проѣзжихъ на этой самой дорогѣ. Одинъ патрасскій купецъ разсказывалъ, что гостилъ у него цѣлый мѣсяцъ, пока не выкупился.

— И всѣ это знаютъ! Какъ-же его не схватятъ?

— Васили, видите-ли, раскаявшійся клефтъ.... У насъ это не рѣдкость! Надоѣла-ли ему бродячая жизнь или онъ боялся петли, а можетъ-быть и доходы, по милости жандармовъ, уменьшились, только онъ предложилъ правительству воротиться къ мирнымъ занятіямъ и просилъ охраннаго листа.

— И ему дали?

— Разумѣется. Вѣдь министръ знаетъ, что, не смотря на жандармовъ, клефты и почту останавливаютъ на перешейкѣ и въ дома врываются, чуть не въ самомъ го-

родѣ. Какъ-же не выдать индульгенціи такому кающемуся грѣшнику? Вотъ тутъ за стѣной виситъ у него подъ стекломъ охранный листъ, и онъ бережетъ его, какъ дипломъ или дворянскую грамоту.

Васи́ли подалъ намъ въ это время на подносѣ два стакана розоваго лимонада и трубки съ страшно-длинными чубуками. Онѣ набиты были такимъ-образомъ, что золотистый табакъ поднимался вверхъ горкою и длинной бахромою висѣлъ по краямъ трубки. Греки особенно любятъ это и называютъ — выкурить трубку со сливками. Мы отдохнули и освѣжились. За удовольствіе видѣть клефта я заплатилъ всего одну драхму, и онъ проводилъ насъ величественнымъ поклономъ.

Мы проѣхали деревеньку Маруси, зеленѣющую виноградниками. Отсюда потянулась оливковая роща съ вѣковыми деревьями, какихъ немного уцѣлѣло въ Греціи послѣ нашествія Ибрагима-паши. Роща эта провожала насъ до самой Кефисіи. Мѣстечко построено довольно-правильно: каменные, опрятные домики всѣ потоплены въ зелени кипарисныхъ и фиговыхъ деревьевъ. У воротъ одного друхъ-этажнаго дома стояли регулярные жандармы, а на балконѣ толпились офицеры. Это былъ наемный лѣтній дворецъ короля Оттона.

Мы остановились на маленькой площади передъ кофейней. У входа подымается исполинскій кленъ, аршинъ около трехъ въ отрубѣ, и густымъ шатромъ раскидывается надъ площадью. Въ тѣни его, за маленькими столиками, сидѣли греки въ фустанеллахъ, пальто, военныхъ мундирахъ; вездѣ дымились трубки, папиросы и сигары. Это сборное мѣсто всей мужской половины лѣтняго кефисійскаго общества. Купецъ, къ которому мы были приглашены, ждалъ насъ за однимъ изъ этихъ столиковъ,

чтобы еще до обѣда, какъ мы условились, идти вмѣстѣ къ Гроту-нимфъ. Но въ Греціи ничего не дѣлается безъ чашки кофе, и мы присѣли среди пестрой толпы.

— Надобно однако идти, пока нежарко! — сказали наконецъ мои товарищи.

— А вы находите, что теперь прохладно? — спросилъ я.

— Чрезвычайно! У насъ давно не было такого мягкаго лѣта.

Между-тѣмъ было нестерпимо-жарко, и мой зонтикъ en-tout-cas едва защищалъ меня отъ палящихъ лучей солнца. Мы оставили лошадей у кофейни и пошли тропинкою по неровной мѣстности, кое-гдѣ открытой, а больше зеленѣющей деревьями и кустами.

Черезъ четверть часа пришли мы къ ручью, выбѣгающему изъ оврага, и пошли вверхъ по его теченію. Расширяясь постепенно, оврагъ этотъ превратился въ продолговатую лощину, края которой съ каждымъ шагомъ поднимались все болѣе-крутымъ скатомъ и замкнулись наконецъ впереди отвѣсною скалою. Это зеленое ущелье походило формою на туфель, въ который мы вошли черезъ отогнутую пятку. Крутые бока его, обставленные камнями, густо покрыты роскошной зеленью. Наверху стоятъ, наклоняясь въ оврагъ, большія фиговыя деревья съ вызрѣвающими плодами, густые орѣшники съ зелеными грецкими орѣхами и вѣтвистые розовые лавры, съ пунцовыми цвѣтами, огнемъ сверкающими на солнцѣ. Около стволовъ ихъ плотно обвились виноградныя лозы, раскинулись по сучьямъ и опустили съ нихъ свои прозрачные фіолетовые грозды. Сверхъ этого густой сѣтью обвился еще плющъ, взбѣжалъ по вѣтвямъ и повисъ оттуда гирляндами вплоть до земли. Внизу, по откосамъ

оврага, разсыпались кусты розъ и олеандровъ, всѣ въ цвѣтахъ; а въ глубинѣ лощины, между миртами и анемонами, пробирается ручей, выбѣгающій изъ-подъ нависшей скалы. Это какая-то выставка природы, гдѣ за-разъ видны осень и весна, и въ одно время все цвѣтетъ и зрѣетъ.

— Гдѣ-же Гротъ-нимфъ? — спросилъ я моихъ товарищей.

— Вотъ онъ, — отвѣчалъ купецъ, показывая на обрывъ, откуда, богъ-знаетъ какимъ путемъ, выбѣгалъ ручей.

Я ничего не видалъ, кромѣ скалы, окаймленной наверху розовыми кустами и густо одѣтой какою-то яркой висячей зеленью. А внизу изъ-подъ этого полога катился потокъ, и пробираясь между камнями, бѣжалъ къ выходу изъ ущелья.

— Гдѣ-же тутъ гроть? — спросилъ я съ удивленьемъ.

— А это что-же!

Ступая по камнямъ, между протоками ручья, Эвлампіосъ подошелъ къ зеленой покрышкѣ скалы, разорвалъ плотную ткань висячей зелени, раздвинулъ ее въ стороны, и за этимъ ярко-свѣжимъ и влажнымъ занавѣсомъ открылось углубленіе. Я подошелъ.

Передо мною была каменная пещера. Сводъ ея густо покрытъ зеленью, которая лѣпится въ трещинахъ и опускается длинными кистями, похожими на кисти винограда. По этимъ висящимъ пукамъ яркой зелени сочится и переливается вода, и падая то серебряными нитями, то отдѣльными каплями неперестающаго дождя, собирается на днѣ пещеры и выбѣгаетъ въ оврагъ знакомымъ уже намъ ручьемъ. Это-то и есть знаменитый гротъ *Σπήλαιον τῶν νυμφῶν*, гдѣ, по сказкамъ поэтовъ,

любили купаться аттическія нимфы и сама Киприда. Какой миѳъ связать лучше съ этимъ чуднымъ мѣстомъ!

А вотъ и пещера, откуда фавнъ любилъ подсматривать за купающимися нимфами. Внизъ, по теченью ручья, противъ самаго грота, видна въ скалѣ природная каменная бесѣдка, вся обвитая плющемъ и закрытая розовыми кустами. Здѣсь-то прятался отъ пугливыхъ купальщицъ сладострастный житель лѣсовъ. Утомленныя жаромъ, мы скрылись въ пещерѣ фавна, съ однимъ цѣломудреннымъ желаніемъ отдохнуть въ тѣни розовыхъ кустовъ.

Вдругъ послышались звонкіе голоса подлѣ самаго грота. Но это были не античныя нимфы, даже не молодыя аѳинскія красавицы, а веселая толпа дѣтей, которыя шумно бѣжали, опередивъ какую-то даму, въ шляпкѣ и мантильи. Двое мальчиковъ стояли уже передъ самымъ гротомъ, и снявъ фески, подставили подъ дождь свои кудрявыя головки.

— Ne faites pas de bêtises: cela vous fera mal à la tête! кричала дама тѣмъ рѣзко-педагогическимъ тономъ, по которому легко узнается французская гувернантка.

— Теперь изъ поэтическаго грота поѣдемте на мою прозаическую дачу, — сказалъ нашъ товарищъ.

Мы отыскали свой экипажъ, выѣхали изъ Кефисіи и черезъ нѣсколько минутъ остановились у скромнаго каменнаго домика. Онъ напоминалъ тѣ дачи, въ которыхъ поселяются петербургскіе чиновники въ Парголовѣ и Новой-Деревнѣ; только въ садикѣ, вмѣсто тощихъ березокъ стояли стройные кипарисы и фиговыя деревья, а каменная ограда густо одѣта была виноградникомъ. Нашъ обѣдъ, не смотря на то, что хозяева долго жили въ Россіи, былъ довольно-оригиналенъ. Намъ подали сперва

какую-то рыбу въ оливковомъ маслѣ, потомъ зелень, которую греки называютъ бамьи, и бараній пилавъ съ разваренымъ рисомъ. Дессертъ состоялъ изъ блюда свѣжихъ фигъ и знаменитаго историческаго меда гиметскихъ пчелъ. Кофе и «трубка со сливками» смѣнялись нѣсколько разъ.

Въ саду просидѣли мы жаркое время и тутъ рѣшили кончить праздникъ на гуляньи въ Патисіи, гдѣ разъ въ недѣлю, и именно въ этотъ день, собирается на музыку все аѳинское общество. Въ семь часовъ мы выѣхали по дорогѣ въ Аѳины.

XI.

Патисія.

Греческія деревеньки, съ своими веселыми домиками, въ зелени кипарисовъ и виноградниковъ, съ синимъ небомъ и лазурными горами, похожи на декорацію, приготовленную для какого-нибудь балета; а жители ихъ, въ живописномъ костюмѣ и съ величавою поступью, кажутся собранными для вашего удовольствія актерами. Проѣзжая въ праздникъ по деревнѣ, такъ и думаешь, что передъ тобою подняли занавѣсъ и поставили какую-то живую, подвижную картину. Когда мы въѣхали въ Маруси, воздухъ сталъ замѣтно свѣжѣе, улица пестрѣла народомъ, вдали слышалась музыка и раздавались выстрѣлы.

— Вы особенно счастливы, сказалъ мой товарищъ:— вѣдь въ деревнѣ праздникъ и тамъ пляшутъ ромайку.

— Пожалуйста, посмотримъ.

Мы оставили экипажъ и пошли въ поперечную улицу. Передъ домиками вездѣ былъ народъ, и судя по костюму, на-половину деревенскіе жители, на-половину аѳинскіе дачники. Въ концѣ улицы, на небольшомъ лугу, виднѣлась пестрая толпа и слышна была музыка. Здѣсь-то

была народная пляска. Мы пришли въ минуту отдыха, но передъ нами открылась картина очень-характерная.

На землѣ сидѣло, поджавъ ноги, трое музыкантовъ,— одинъ съ флейтою, остальные со скрипками. Около нихъ по одну сторону выгибалось полукругомъ десятка два мужчинъ, по другую столько-же женщинъ, и всѣ они держались за руки или за платки, какъ въ нашихъ хороводахъ. На лугу группами разсыпаны были зрители: старики съ сѣдыми усами сидѣли, поджавъ ноги, и курили трубки; женщины и дѣвушки стояли особо. Серьозныя, почти строгія лица ихъ нисколько не выражали веселости.

Музыканты затянули рѣзкій, однообразный мотивъ. Обѣ стороны танцующихъ пошли кругомъ своего оркестра, выступая въ тактъ медленнымъ, монотоннымъ шагомъ, то наклоняя впередъ голову, то слегка откидывая ее назадъ. Это было подобіе русскаго хоровода, съ тою разницею, что пѣніе замѣнялось музыкой. Но вотъ отъ мужской половины отдѣляется одинъ грекъ, выбѣгаетъ шага на три впередъ, прыгаетъ, перевертывается, вскидываетъ руками, бросаетъ кверху свой фесъ, ловитъ его на-лету, — и его фустанелла взвивается, какъ юпка у нашихъ балетныхъ танцовщицъ. Хоръ идетъ междутѣмъ торжественнымъ шагомъ. Проходитъ минутъ пять. Впереди является новый танцоръ, и кажется, еще бойче и ловчѣе. Онъ прыгаетъ и кружится такъ, что не успѣваешь разсмотрѣть его физіономіи, и вдругъ одной рукою срываетъ съ себя фесъ и кидаетъ въ воздухъ, другой выхватываетъ изъ-за пояса пистолетъ, стрѣляетъ въ шапку, опять ловитъ ее на-лету, и какъ стрѣла исчезаетъ въ толпѣ. Хороводъ двигается съ тѣмъ-же величавымъ спокойствіемъ, то свивается въ кругъ, то выгибается оваломъ, то разрывается или вьется змѣею. А

зрители любуются пляской съ тѣмъ-же невозмутимымъ спокойствіемъ.

Когда мы выѣхали изъ деревни, дорога приняла совершенно-воинственный видъ. Вооруженные орофилаки попадались безпрестанно: они прогуливались по-парно съ ружьями на плечѣ и посматривали на ближнія горы. Глядя на эти атлетическія формы и суровыя лица, невольно думаешь, что они сами были-бы скорѣе у мѣста въ какой-нибудь шайкѣ клефтовъ, чѣмъ въ мирныхъ рядахъ этой національной гвардіи. Какая разница съ печальной миной греческихъ регулярныхъ солдатъ!

Мы подъѣзжали къ кофейнѣ Васили. Торопясь въ Патисію, я предложилъ извощику ѣхать не останавливаясь, но автомедонъ нашъ не хотѣлъ и слушать.

— Я дамъ тебѣ драхму, — сказалъ я: — поѣзжай мимо.

— За драхму благодарю, — отвѣчалъ онъ, приподнимая феску: — я съ удовольствіемъ приму, а кафе́несъ проѣхать нельзя.

— Отчего-же?

— А лошади что подумаютъ! да мнѣ-же господинъ пожаловалъ драхму, — какъ не выпить стаканъ раки за его здоровье? Что сами вы, эффенди, подумаете, если я здѣсь не выпью!

Мы въ-самомъ-дѣлѣ подумали, что поспѣемъ еще на патисійское глянье, и пошли въ кафе́несъ выкурить трубку. Нашъ Васили, съ наступленіемъ вечера, смотрѣлъ воинственнѣе: за поясомъ торчалъ у него пистолетъ, самая фигура его кака-будто выросла, лицо стало суровѣе. У мальчика, который понесъ водку нашему извощику, тоже пристегнутъ былъ къ поясу какой-то ножъ. Пока мы курили, мимо кафе́неса прошли раза три орофилаки.

И эта кофейня въ осадномъ положеніи, эти шербеты и трубки подъ прикрытіемъ пистолетовъ и ножей, были всего на полчаса ѣзды отъ столицы.

— А что? — спросилъ я моего товарища: — неужели клефты никогда не были съ визитомъ у своего бывшаго сотрудника?

— Кажется, не дѣлали ему этой чести.

— Какая невѣжливость! Какъ-бы не освѣдомиться о его дѣлахъ, по-крайней-мѣрѣ не пожаловать на чашку кофе!

— Но вѣдь въ-такомъ-случаѣ и нашъ пріятель не захочетъ остаться въ долгу, а вѣрно, при своемъ знаніи горныхъ лазеекъ, отплатитъ визитъ съ жандармами.

Передъ самыми Аѳинами свернули мы на другое шоссе, которое отъ улицы Эола тянется въ мѣстечко Патисію. Въ верстѣ отъ города мы выѣхали на лугъ, или лучше сказать какой-то плацъ, безъ всякой зелени и тѣни. Это-то и есть аѳинское модное гулянье.

Если разумнаго человѣка поражаетъ въ Греціи неудачный выборъ столицы, то всякому ребенку покажется непонятнымъ, какъ можно было сдѣлать гулянье въ такомъ мѣстѣ, какъ Патисія. Кругомъ города мудрено найти что-нибудь печальнѣе. Представьте себѣ голое, пустынное поле, спаленное солнцемъ. Посреди стоитъ деревянный павильонъ, въ родѣ знакомыхъ намъ бесѣдокъ на петербургскихъ Минеральныхъ-Водахъ или въ московскихъ Сокольникахъ, гдѣ играютъ наши полковые оркестры. Тутъ также помѣщается военная музыка.

Около павильона, въ видѣ живой ограды, ставится кругъ изъ регулярныхъ жандармовъ. За эту черту переходитъ только король съ свитою. Тамъ, у самаго павильона ставятъ для него кресла, и онъ слушаетъ громъ полковыхъ

трубъ и барабановъ, опираясь на барьеръ павильона, какъ мы наклоняемся къ фортепьянамъ.

Говорятъ, король аккуратно посѣщаетъ гулянье. Но съ отъѣздомъ королевы въ Германію, онъ не выѣзжаетъ изъ Кефисіи и на этотъ разъ не былъ у музыки. Не смотря на то, жандармскій кругъ былъ въ обыкновенномъ порядкѣ, и никому не позволяли переходить черезъ завѣтное кольцо, въ которомъ расхаживалъ одинъ начальникъ полиціи въ костюмѣ паликара.

Позади этого живаго круга тянутся экипажи, разъѣзжаютъ верхомъ аѳинскіе львы на англійскихъ лошадяхъ и движется пестрая толпа гуляющихъ. Здѣсь поражаетъ тотъ-же хаосъ въ костюмѣ и обычаяхъ, какой видишь на всѣхъ гуляньяхъ, гдѣ новое общество сталкивается съ французской модою. Въ Патисіи, какъ и подъ-Новинскимъ встрѣчаются смѣшныя крайности. Аѳинское общество теперь въ томъ-же переходномъ состояніи, какъ и московское купечество. Въ одномъ и томъ-же экипажѣ видите вы старуху въ мѣховой шубѣ и красной шапокчѣ, и молодыхъ дѣвушекъ въ модныхъ шляпкахъ, съ парижскими зонтиками. Въ толпѣ идетъ какой-нибудь купецъ въ фустанеллѣ, а подъ-руку съ нимъ женщина въ широкомъ кринолинѣ. У мужчины въ глазу модное стеклышко, а въ рукахъ неизбѣжное камболойо. Впрочемъ, четки эти вовсе не религіозное орудіе, а служатъ развлеченіемъ, какъ у насъ тросточки. Говорятъ, депутаты въ палатѣ и кавалеры въ кадрили не покидаютъ комболойо.

Сколько въ Аѳинахъ поражаетъ грація мужчинъ, столько же удивляетъ отсутствіе красоты въ женщинахъ. Смотря на аттическихъ львицъ, пріѣзжающихъ въ парижскихъ и вѣнскихъ колясках на пыльную выставку въ Патисію, я не находилъ между ними ни одной фигуры, ни одного

ица, которыя напоминали-бы не только Венеру-милосскую, но даже тѣхъ красивыхъ женщинъ, какихъ вы встрѣчаете въ каждой европейской столицѣ. Въ нихъ нѣтъ тонкой нѣжности и молочнаго румянца наѣздницъ Гайдъ-Парка, съ которыхъ копируются гравюры лондонскихъ кипсековъ, ни величавой стройности и гармоническаго развитія бюста, какими поражаетъ васъ женщина въ Италіи, ни живости и неуловимаго кокетства, какъ привлекательнаго въ парижанкахъ. Въ кругу аѳинскихъ аристократокъ я не встрѣтилъ не только модели для статуи, но ни одного личика для порядочной гравюры. Онѣ по-большой-части или слишкомъ худощавы, или неріятно полны, съ чертами лица рѣзкими и строгими, съ тѣмъ оттѣнкомъ мужской красоты, который такъ неріятенъ въ женщинѣ.

Но если, покидая кругъ модныхъ экипажей, вы пройдете мимо толпы женщинъ, которыя въ сторонѣ любуются гуляньемъ и завистливо смотрятъ на владѣтельницъ кружевныхъ шляпокъ и мантилій, то найдете иногда фигуру, напоминающую, что древняя скульптура не изобрѣтала своихъ чудныхъ формъ, а брала ихъ въ природѣ. Это служанки и торговки изъ Мореи и Ѳессаліи. Здѣсь-то встрѣчаются лица, напоминающія художественный типъ греческаго рѣзца, передъ которымъ блѣднѣетъ всякая другая красота. Въ Аѳинахъ живетъ много плотныхъ Бобелинъ, но Венеры-милосскія родятся въ провинціи.

Хоръ военной музыки игралъ партіи изъ послѣднихъ оперъ Верди и Мейербера. Экипажи и пѣшеходы неутомимо кружились около павильона, и лучи заходящаго солнца косвенно отражались въ облакахъ раззолоченной пыли.

Въ сторонѣ разбита была палатка, и вокругъ разставлено дюжины двѣ столиковъ. Кругомъ ни одного дерева, ни малѣйшей тѣни. Это патисійскій кафенесъ. Передъ нимъ стояли коляски, и дамы, какъ на миланскомъ Корсо, прохлаждались лимонадомъ и мороженымъ и слушали мужчинъ, которые подходили къ знакомымъ экипажамъ. Впрочемъ, въ разговорахъ не замѣтно было живости: видно и этотъ обычай вызванъ не потребностью, а подражаніемъ.

У одного экипажа встрѣтили мы Ликадиса. Онъ бесѣдовалъ съ какой-то дамою, которая, облокотясь на подушку коляски, играла распущеннымъ вѣеромъ. Только-что мы сѣли къ столику, пріятель мой предложилъ представить меня своей дамѣ, которая желаетъ познакомиться съ русскимъ путешественникомъ. Это была жена одного изъ членовъ Ареопага, женщина лѣтъ двадцатисеми, одѣтая по парижской картинкѣ. Черты лица ея были правильны, не лишены своего рода красоты, но широкій разрѣзъ глазъ и замѣтно обозначенные усики придавали ей что-то суровое. Можно было подумать, что это молодой мужчина, переодѣтый въ шляпку и мантилью. Ликадисъ представилъ меня. Гречанка заговорила со мной по-французски.

Послѣ общихъ вопросовъ о Петербургѣ и моемъ путешествіи, она свела разговоръ на Парижъ, съ тѣмъ-же участіемъ къ его удовольствіямъ и модамъ, какое встрѣчается и у русскихъ барынь. Она жаловалась на трудность путешествія изъ Греціи во Францію, на бѣдность аѳинскаго театра, недостатокъ удовольствій въ столицѣ и не хуже московскихъ европеекъ вздыхала объ итальянской оперѣ и парижскихъ балахъ. Я такъ и ждалъ гри-

боѣдовской жалобы:—ахъ, Франція... нѣтъ въ мірѣ лучше края!

— Какое несчастіе, что у насъ столица въ Аѳинахъ! сказала она. — Ну, можно-ли было выбрать этотъ старый городъ, для-того, чтобъ жить въ немъ по-европейски!

— Это правда, — согласился я, думая, что супруга архонта намѣрена обратить разговоръ къ политикѣ.

— Что это за столица! — продолжала она. — Здѣсь старина убиваетъ свѣтскія удовольствія. Въ Аѳинахъ только и думаютъ, что о древностяхъ: мущины такъ заняты этими Партенонами, что ихъ почти не видишь въ обществѣ. Какая-нибудь каріатида интересуетъ здѣсь больше образованной женщины. Пріѣдетъ иностранецъ,— и тому некогда заглянуть въ общество, онъ вѣчно съ этими камнями. Вотъ и вы.... сколько дней уже въ Аѳинахъ, а вѣрно занимались все древностями. Я не виню васъ: это бываетъ со всѣми нашими гостями.

Я такъ былъ озадаченъ этимъ новымъ для меня взглядомъ на неудобства аѳинской жизни, что не нашелъ фразы, какою слѣдовало отвѣчать этой барынѣ, ревнующей къ мраморнымъ каріатидамъ. Когда мы откланялись ей, Ликадисъ разразился желчнымъ монологомъ, достойнымъ Чацкаго.

Въ девять часовъ музыканты свернули ноты, а жандармы сомкнулись въ одинъ взводъ. Экипажи и пѣшеходы потянулись къ городу и окрестнымъ дачамъ. Мы ѣхали домой въ облакахъ пыли, сквозь которыя едва можно было различить Гиметскія-горы и колоннаду Партенона. Въ городѣ было далеко не такъ душно, какъ на аѳинскомъ гуляньи.

---

*

XII.

Архипелагъ. — Дарданеллы.

Какъ ни горько было покидать Аѳины, но бэйрамъ манилъ меня въ Константинополь. Остаться еще хоть на день — значило отказаться отъ возможности видѣть турецкій праздникъ. Ликадисъ кончилъ свои дѣла и торопился также въ Сиру. Мы рѣшили ѣхать вмѣстѣ. Въ послѣдній разъ отобѣдалъ я въ городѣ Перикла и записалъ свою русскую благодарность въ похвальномъ альбомѣ Ville de Paris. Въ той-же разноколесной охимѣ, въ которой наканунѣ ѣздили въ Кефисію, отправились мы по пирейской дорогѣ къ знакомому кафенесу. Насъ провожали кое-кто изъ аѳинскихъ пріятелей. Мы роспили здѣсь бутылку вина и простились вѣроятно навсегда.

Черезъ полчаса сидѣли мы уже на пароходѣ Arciduca Giovanni; вокругъ насъ шумѣла пестрая толпа, и гречанки безъ церемоніи переодѣвались на палубѣ, предоставляя любоваться своими бюстами, незнакомыми съ корсетомъ.

Мнѣ досадно было, что мы ночью пройдемъ Циклады. Я готовъ былъ проклинать этого «Эрцгерцога Іоанна», который такъ неловко расположилъ свои рейсы въ

Архипелагѣ. Но оказалось, что я напрасно жаловался на пароходъ. Ночная прогулка по Цикладамъ, при свѣтѣ мѣсяца, какъ-будто нарочно придумана для удовольствія туристовъ. Острова эти прошли передъ нами, отъ заката до восхода солнца, при переливахъ луннаго свѣта, при фосфорическомъ блескѣ моря, во всей поэтической красотѣ.

Кто не восхищался островами Архипелага, съ-тѣхъ-поръ, какъ имена ихъ вписаны въ Иліаду? Анахарсисъ называлъ ихъ морскими созвѣздіями, Байронъ — драгоцѣннымъ ожерельемъ вѣчно-прекраснаго моря, крестоносцы сравнивали съ разбросаннымъ на водахъ цвѣтникомъ. Передо мною мелькнули они точно картины какой-нибудь діорамы, въ обаяніи разнообразнаго освѣщенія: одни проходили въ заревѣ заходящаго солнца, другіе въ матовомъ мерцаніи сумерекъ, иные при лунномъ блескѣ. Можетъ-быть отъ этого освѣщенія всѣ рѣзкія черты ихъ сглаживались, краски слишкомъ яркія пропадали, и на все ложился тонъ мягкій и нѣжный. Я катался по Леману, видѣлъ Лаго-Маджоре и Комо, но никогда не сравню ихъ съ ночной прогулкой по Цикладамъ. Здѣсь сцена обширнѣе, зрѣлище разнообразнѣе! Всякій часъ картина мѣнялась и новые виды торопились выдти на встрѣчу. Едва одинъ островъ скрывался позади парохода, какъ передъ нами являлся новый, то въ видѣ синей тучи, повисшей на горизонтѣ, то какъ розовое облако, налитое свѣтомъ еще невидимой зари. И вотъ земля приплывала ближе, черныя пятна ея обращались въ рощи, бѣлыя точки разрастались въ деревню или одинокій монастырь. Кажется, природа затѣмъ только и бросила эти острова на прекраснѣйшее въ свѣтѣ море, чтобы кататься здѣсь на пароходѣ, при свѣтѣ мѣсячной ночи.

Я не сходилъ съ палубы. Утромъ поднялась передъ нами высокая скала, съ одной стороны вся бѣлая, точно въ снѣгу. Это — Сира съ своимъ городомъ. Мы обогнули маякъ, стоящій на одинокомъ утесѣ, и бросили якорь передъ Гермополемъ, при первыхъ порывахъ начинающейся бури. На темной горѣ, будто вылѣпленной изъ терра-котты, бѣлые городскіе дома громоздятся одни надъ другими и па страшной высотѣ замыкаются какой-то церковью,—и вся масса зданій перерѣзана линіями взбѣгающихъ по горѣ улицъ. Заливъ волновался. Вѣтеръ плескалъ бѣлые гребни зеленыхъ волнъ до самыхъ оконъ нижнихъ домовъ. Суда и пароходы въ гавани качались словно въ бѣшеной пляскѣ, дико и пьяно шатаясь своими мачтами.

Я отправилъ поклажу свою на Вулканъ, который дымился уже въ гавани, и сѣлъ въ лодку провожать Ликадиса. Волненіе было такъ сильно, что мы не безъ труда подошли къ пристани. Не смотря на раннее утро, здѣсь все было въ движеніи. Съ перваго взгляда можно замѣтить, что въ наше время торговля лучше строитъ города, чѣмъ казенные архитекторы. Гермополь — городъ новый, веселый, дѣятельный. Вездѣ видны маклерскія конторы, мѣняльныя лавки, кофейни, тюки съ товарами, носильщики и коммиссіонеры. Сира не даромъ носитъ имя Гермеса: кадуцей всего приличнѣе для герба ея. Это первая коммерческая контора и первый торговый портъ во всей Греціи. Изъ пяти тысячъ купеческихъ флаговъ, которыми владѣетъ теперь королевство, ей принадлежитъ цѣлая четверть.

Мы зашли въ кофейню. Въ двухъ залахъ, меблированныхъ по-европейски, была уже толпа народа. На столахъ видны французскіе, нѣмецкіе, англійскіе журналы;

вездѣ слышны разноязычные толки объ акціяхъ, курсахъ и фрахтахъ, и магическое слово драхма звучитъ безпрестанно въ неумолкающемъ говорѣ. За бутылкой вина простились мы съ Ликадисомъ, и я въ послѣдній разъ пожалъ ему руку, при звонѣ пароходнаго колокола, который доносился до оконъ нашей кофейни.

Я сѣлъ въ лодку. Гавань вся кипѣла въ волнахъ и всплескахъ. Пристать къ Вулкану было не легко. У самыхъ колесъ его стояла большая лодка, черная какъ кузница, и закоптѣлые работники кидали изъ нея на палубу мѣшки съ каменнымъ углемъ. Въ добавокъ къ ней только-что пристала феллука, биткомъ набитая оборванными евреями. Вѣтеръ ревѣлъ, и лодки бѣшено качались, подымаясь поочередно одна надъ другою. Жиды кричали и размахивали руками, жидовки ловили свои взлетающія юпки. Четверо кочегаровъ заняты были перегрузкою евреевъ, которыхъ бросали сперва на мѣшки съ углемъ, а оттуда на пароходную лѣстницу, и они подымались на палубу, черные какъ трубочисты. Второй звонокъ едва слышался при крикѣ перепуганныхъ евреекъ.

Не знаю, какимъ-образомъ удалось мнѣ при этой качкѣ прыгнуть на пароходную лѣстницу, но зато руки у меня были въ такомъ видѣ, какъ-будто я цѣлый день работалъ за кочегара. Первый, кого я встрѣтилъ на пароходѣ, былъ Мустафа. Видно, онъ не потерялъ времени въ Сирѣ: шальвары его были реставрированы. Вдоль всей линіи, по которой расползлись они назади, турокъ вдѣлъ веревочки и связалъ бантиками, такъ-что концы ихъ висѣли и собирались въ какое-то подобіе хвоста, который болтался почти до пятокъ.

— Селамъ-алейкюмъ! добраго утра, Мустафа! — сказалъ я.

Турокъ взглянулъ на меня оловянными глазами, посмотрѣлъ въ стороны, опасаясь вѣрно, чтобъ кто-нибудь изъ земляковъ не заподозрилъ его въ знакомствѣ съ гяуромъ, но не видя никого по-близости, кромѣ евреевъ, торопливо поднесъ руку къ чалмѣ и щелкнулъ языкомъ.

Вулканъ отличался уже совершенно-восточной физіономіей. Европейскій костюмъ терялся на немъ въ маскарадной пестротѣ атіятской одежды. На палубѣ разостлано было нѣсколько пестрыхъ ковровъ, и на нихъ сидѣли турки, кто въ старинныхъ халатахъ и чалмахъ, кто въ махмудовскихъ казакинахъ и фесахъ, но съ одинаково печальными лицами и тупымъ взглядомъ. Черногорцы и албанцы, въ овчинныхъ буркахъ, съ стоячими, золотомъ шитыми воротниками, курили трубки и вели шумный разговоръ. Греки лавировали между ними на палубѣ, въ развѣвающихся фустанеллахъ, не оставляя своихъ комболойо. Всѣ эти пестрые наряды напоминали — то раскрашенныя гравюры изъ какой-нибудь книги о Востокѣ, то маскарадное тряпье, выставляемое у насъ на святкахъ по табачнымъ лавочкамъ.

Въ числѣ пассажировъ я нашелъ на палубѣ только одно знакомое лицо: это былъ Османъ-ага. Поѣздка по Греціи какъ-будто немного обтерла его: не смотря на то, что вокругъ были турки, онъ самъ подошелъ ко мнѣ.

— Какъ вы провели время въ Сирѣ? — спросилъ я.

— Ничего, хорошо! — отвѣчалъ онъ лѣниво.

— Видѣли городъ? гуляли много?

— Нѣтъ, я былъ тамъ одинъ только разъ; купить надобно было кое-что.

— Да гдѣ-же вы провели эту недѣлю?

— Все въ гавани: половину на томъ пароходѣ, а половину на этомъ.

— И не скучали?

Онъ взглянулъ на меня съ удивленіемъ и покачалъ головой. Я съ своей стороны тоже съ любопытствомъ посмотрѣлъ на этотъ обращикъ восточной лѣни. Конечно, и у насъ водятся свои аги, также равнодушные и пошлые, но тѣ все-же чѣмъ-нибудь запимаются — картами, водкой, по-крайней-мѣрѣ битьемъ мухъ.

— Что-же вы не курите! не хотите-ли сигару? — сказалъ я.

— Нельзя.

— Отчего такъ?

— Рамазанъ: мусульманамъ не позволяется въ этотъ постъ ни ѣсть, ни курить, пока можно отличить бѣлую нитку отъ черной.

— Да вѣдь вы курили-же на той недѣлѣ, не смотря на рамазанъ?

Османъ-ага робко оглянулся на сидѣвшихъ около турокъ и сказалъ: — намъ позволяетъ Пророкъ курить въ путешествіи.

— Да вѣдь вы еще не въ Стамбулѣ?

— Здѣсь своихъ много!

Вотъ настоящая-то причина! подумалъ я.

Когда мы вышли изъ гавани, качка стала усиливаться. Морская болѣзнь начала сближать людей самыхъ несогласныхъ. Греки, турки, евреи дружно приносили жертвы морю, наклоняясь одинаково надъ бортомъ парохода. Мустафа лежалъ у печи и не смущался тѣмъ, что голова его прикрыта была юпкою какой-то еврейки. Османъ-ага нагнулся на одну подушку съ грекомъ, и оба стонали, блѣдные, какъ набѣленные пьерро. И все это было при голубомъ безоблачномъ небѣ, при яркомъ и веселомъ сіяніи солнца.

трубъ и барабановъ, опираясь на барьеръ павильона, какъ мы наклоняемся къ фортепьянамъ.

Говорятъ, король аккуратно посѣщаетъ гулянье. Но съ отъѣздомъ королевы въ Германію, онъ не выѣзжаетъ изъ Кефисіи и на этотъ разъ не былъ у музыки. Не смотря на то, жандармскій кругъ былъ въ обыкновенномъ порядкѣ, и никому не позволяли переходить черезъ завѣтное кольцо, въ которомъ расхаживалъ одинъ начальникъ полиціи въ костюмѣ паликара.

Позади этого живаго круга тянутся экипажи, разъѣзжаютъ верхомъ аѳинскіе львы на англійскихъ лошадяхъ и движется пестрая толпа гуляющихъ. Здѣсь поражаетъ тотъ-же хаосъ въ костюмѣ и обычаяхъ, какой видишь на всѣхъ гуляньяхъ, гдѣ новое общество сталкивается съ французской модою. Въ Патисіи, какъ и подъ-Новинскимъ встрѣчаются смѣшныя крайности. Аѳинское общество теперь въ томъ-же переходномъ состояніи, какъ и московское купечество. Въ одномъ и томъ-же экипажѣ видите вы старуху въ мѣховой шубѣ и красной шапочкѣ, и молодыхъ дѣвушекъ въ модныхъ шляпкахъ, съ парижскими зонтиками. Въ толпѣ идетъ какой-нибудь купецъ въ фустапеллѣ, а подъ-руку съ нимъ женщина въ широкомъ кринолинѣ. У мужчины въ глазу модное стеклышко, а въ рукахъ неизбѣжное камболойо. Впрочемъ, четки эти вовсе не религіозное орудіе, а служатъ развлеченіемъ, какъ у насъ тросточки. Говорятъ, депутаты въ палатѣ и кавалеры въ кадрили не покидаютъ комболойо.

Сколько въ Аѳинахъ поражаетъ грація мужчинъ, столько же удивляетъ отсутствіе красоты въ женщинахъ. Смотря на аттическихъ львицъ, пріѣзжающихъ въ парижскихъ и вѣнскихъ коляскахъ на пыльную выставку въ Патисію, я не находилъ между ними ни одной фигуры, ни одного

леспонта. Если-бы мнѣ и не удалось отдохнуть днемъ, то едва-ли я рѣшился-бы теперь покинуть палубу. Мѣсяцъ и звѣзды свѣтили такъ ярко, что берега видны были даже съ ихъ красками. Послѣдніе остатки волненія ходили какъ-будто нарочно для того, чтобъ наполнить море трепетнымъ сверканьемъ золотистаго отраженія мѣсяца. Турки не спали, празднуя ночь рамазана.

Въ полночь прошли мы Тенедосъ, который стоитъ, какъ часовой, при входѣ въ Дарданеллы. Направо потянулся берегъ Троады, озолоченный свѣтомъ мѣсяца. Передъ нами была земля, какъ говоритъ—помнится—Гете, самой природою созданная для славы. Кто изъ насъ на школьной скамьѣ не бродилъ мысленно по этому берегу, не мчался вмѣстѣ съ Ахилломъ вокругъ стѣнъ Иліона, не плакалъ здѣсь съ старикомъ Пріамомъ надъ трупомъ Гектора! Вотъ этотъ берегъ съ своими неумирающими воспоминаніями. При свѣтѣ мѣсяца выгибалась линія низменнаго прибрежья. На немъ видны были два черныя пятнушка: это курганы надъ баснословными могилами Ахилла и Патрокла. За ними мелькалъ огонекъ, зажженный вѣроятно какимъ-нибудь пастухомъ на изсохшемъ руслѣ Скамандра. Въ дали шатромъ подымалась «сѣдая Ида». Я не мечтатель, но при свѣтѣ мѣсяца воображеніе невольно оживлялось: такъ и кажется, что у берега стоятъ еще суда эллиновъ, и лагерь ихъ только-что заснулъ, въ ожиданіи, когда заря разбудитъ къ новымъ битвамъ за Пергамъ и Елену.

Вдругъ яркое зарево освѣтило палубу, и выстрѣлъ грянулъ съ нашего парохода. Греки и евреи вскочили на ноги; турки продолжали сидѣть неподвижно съ трубками. Я вбѣжалъ на пароходный мостикъ. Передъ нами сверкали огни маяковъ — одинъ постояннымъ бѣловатымъ

[illegible] другой цвета — [illegible] точки, которая помнится [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] на море [illegible] [illegible] [illegible]. Мы [illegible] въ Гелеспонтъ [illegible] [illegible], [illegible] [illegible], и съ обѣихъ сторонъ [illegible] [illegible] [illegible] — направо Абидосъ, [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] Сестосъ, [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible], съ которыми [illegible] [illegible] воспоминанія Геры и Леандра, [illegible] [illegible] [illegible]

неужели вы и послѣ войны опасаетесь еще русскихъ и даже боитесь за Дарданеллы!

Онъ какъ-то печально покачалъ головою.

Черезъ часъ проливъ началъ опять расширяться, и берега стали уходить вдаль. Назади тонули вдалекѣ зубчатыя стѣны дарданельскихъ замковъ, и одинокій курганъ Аякса съ своей бѣлой развалиной исчезалъ у Ретійскаго-мыса. Звѣзды погасли. Впереди синѣло Мраморное-море, а направо показалась снѣжная вершина виѳинскаго Олимпа въ розовомъ свѣтѣ зари. Стая какихъ-то бѣлыхъ птицъ тянулась вереницей на востокъ, сверкая крыльями надъ самымъ моремъ. Турки покачались опять на коврикахъ и полегли сокращать сномъ послѣдній день рамазана. Я пошелъ спать въ каюту, мечтая о покинутой Греціи и близкомъ Константинополѣ.

XIII.

Золотой - Рогъ.

Когда въ первый разъ подъѣзжаешь къ городу, который давно привлекалъ къ себѣ памятниками искусства, красотой панорамы или своеобразной физіономіей, невольно приходитъ опасеніе, чтобъ дѣйствительность не помрачила какъ-нибудь знакомаго образа и не стерла красокъ съ дорогой для васъ картины. Съ такимъ чувствомъ приближался я теперь къ Константинополю, въ нетерпѣливомъ ожиданіи взглянуть на загадочную столицу ислама, на это яблоко раздора нашей эпохи, которое поражаетъ и своей красотою, и разъѣдающимъ червемъ внутренней порчи. Наконецъ я увижу этого представителя Востока, которому Западъ протянулъ теперь руку съ братскимъ призывомъ къ образованію.

Былъ пятый часъ вечера. Когда миновали мы Принцевы-острова, плавающіе въ морѣ, точно корзины съ зеленью, между Азіей и Европой, повернули налѣво на голубую водную площадь Золотаго-Рога и бросили въ ней якорь, посреди цѣлаго лѣса мачтъ съ разноцвѣтными флагами всѣхъ націй, — я не могъ удержаться отъ волненія. Какъ ни приготовленъ я былъ къ первой минутѣ

свиданія съ знаменитой панорамой, но картина, которая теперь развернулась передо мною, была выше всѣхъ описаній и восторговъ. Ни Лондонъ съ своими мостами и пароходами, ни обширный видъ Москвы съ Воробьевыхъ-горъ, ни Венеціи, выплывающая изъ моря мраморными дворцами, не производятъ такого обаятельнаго впечатлѣнія, какъ эта несравненная панорама.

Надъ синей площадью, замкнутой слѣва Сералемъ, а справа угломъ Топханы, подымается глубокимъ оваломъ колоссальный амфитеатръ безчисленныхъ строеній, потопленныхъ въ зелени. Изъ рядовъ громоздящихся другъ надъ другомъ домовъ и кіосковъ подымаются величественные куполы, плоскіе какъ опрокинутое блюдечко, сверкая золотыми полумѣсяцами; а передъ ними, точно исполинскія свѣчи бѣлаго воска, взлетаютъ вверхъ сверкающіе минареты, и масса бѣлыхъ и красныхъ домовъ перемежается зубчатыми купами темныхъ кипарисовъ. Позади, на азіятскомъ берегу, тянется другой, слегка-выгнутый амфитеатръ строеній и садовъ. Казалось, передъ нами была колоссальная жардиньера, какія ставятся передъ окнами, съ нѣсколькими рядами полокъ, подымающихся одна за другой уступами, и уставленныхъ зеленью въ фарфоровыхъ вазахъ самыхъ прихотливыхъ формъ. И все это, глубоко подымаясь въ синее небо, отражалось въ такой-же синей глубинѣ моря.

Въ-самомъ-дѣлѣ мы остановились точно въ отверстіи изогнутаго вправо голубаго рога, перерѣзаннаго поперекъ длиннымъ мостомъ. На лѣвомъ изгибѣ поднимался Стамбулъ, начинаясь Сералемъ и оканчиваясь вдали Эюбской-мечетью, увѣнчанный полосатой красно-бѣлой массою Ая-Софіи, которой исполинскій куполъ круглился между четырьмя иглами минаретовъ. На правой сторонѣ

рога тянулась Галата съ своей генуэзской башнею, а надъ нею полуевропейская Пера съ бѣлыми дворцами русскаго и англійскаго посольства. Позади, за Босфоромъ раскидывался азіятскій Скутари съ кипарисным лѣсомъ исполинскаго кладбища и подымающейся передъ нимъ изъ воды башнею Леандра. А между ними, по свѣтлой поверхности моря несутся пароходы, взадъ и впередъ шныряютъ легкія лодки, сверкая веслами и какъ-будто перегоняясь съ рѣющими въ воздухѣ чайками.

Не успѣлъ я налюбоваться этой картиною, какъ на серальскомъ мысѣ сверкнулъ выстрѣлъ, клубъ бѣлаго дыма поднялся надъ Босфоромъ, а вслѣдъ за тѣмъ загремѣла пальба съ пристаней, военныхъ судовъ, пароходовъ, — и вся панорама скрылась за густой дымной завѣсою. Константинополь поздравлялъ себя съ наступающимъ праздникомъ курбатъ-бэйрама.

Между-тѣмъ Вулканъ со всѣхъ сторонъ былъ облѣпленъ каиками, въ которыхъ качались гребцы въ полосатыхъ рубахахъ и алыхъ тарбушахъ съ голубой кистью, похожихъ на греческіе фесы. На палубѣ бѣгали и суетились коммиссіонеры. Я не успѣлъ осмотрѣться, какъ передо мною очутилось съ полдюжины вертлявыхъ фигуръ, которыя на-перерывъ совали мнѣ въ руки карточки съ адресами отелей и выкрикивали на французскомъ, итальянскомъ и англійскомъ языкахъ удобства и удовольствія, ожидающія путешественниковъ. Это были лакеи отъ перотскихъ гостинницъ, высланные къ пароходу для ловли пріѣзжающихъ.

— Двадцать франковъ въ день за квартиру со столомъ и винами! кричалъ одинъ.

— Пятнадцать цванцигеровъ за комнату съ обѣдомъ и завтракомъ!

— За десять франковъ комната съ видомъ на Сераль и Золотой-Рогъ, съ завтракомъ и обѣдомъ!

Я былъ въ положеніи господина, который съ полной игрою картъ въ рукѣ не рѣшается, какой сдѣлать ходъ. Послѣднее предложеніе, которое прокричалъ мнѣ молодой французъ въ черномъ фракѣ и сѣрой шляпѣ, очевидно было живописнѣе и дешевле. На карточкѣ, которую онъ всучилъ мнѣ, прочелъ я: Hôtel d'Europe, construit en pierre, tenu par Destuniano, situé à Pera. Послѣ двухъ-трехъ вопросовъ, на которые коммиссіонеръ отвѣчалъ мнѣ съ достаточной ясностью, я рѣшился ѣхать въ гостинницу Дестуніано.

Французъ бойко схватилъ мой чемоданъ. Пробираясь къ выходу съ парохода, я столкнулся съ Османъ-агою, за которымъ тащился Мустафа, до такой степени обвѣшанный мѣшками и дорожными сумками, что подъ ними состояніе его наряда таилось въ совершенной неизвѣстности.

— Стамбулъ! проговорилъ мнѣ Османъ, съ какою-то старческой улыбкою.

— Поздравляю съ пріѣздомъ и съ бэйрамомъ!

Я спустился съ проводникомъ своимъ въ каикъ, и за отсутствіемъ лавочки сѣлъ на коверъ, въ первый разъ поджавъ ноги по-турецки. Гребецъ махнулъ веслами, и мы понеслись, лавируя между сотнями взадъ и впередъ мелькающихъ лодокъ, по направленію къ Галатской-пристани. Узнавъ, что я русскій, коммиссіонеръ принялся поздравлять меня съ удачнымъ выборомъ отеля, поставляя мнѣ на видъ удовольствіе жить въ двухъ шагахъ отъ нашего посольства.

Недалеко отъ пристани навстрѣчу намъ вышелъ большой каикъ съ двумя гребцами. Въ немъ сидѣлъ турокъ

въ однобортномъ казакинѣ и малиновомъ тарбушѣ съ мѣдной бляхою. Онъ приказывалъ нашему гребцу остановиться. Это былъ таможенный чиновникъ. Я расчитывалъ заранѣе, что первое мое знакомство съ турками должно начаться именно въ таможнѣ, при разрытіи чемодановъ и требованіи бакшишей. Не имѣя на совѣсти ничего, что могло бы возбудить подозрѣніе высокой Порты, я желалъ даже этой встрѣчи, чтобъ посмотрѣть, насколько турецкіе досмотрщики вѣжливѣе хоть напримѣръ французскихъ. Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось познакомиться съ константинопольской таможней.

На крикъ чиновника французъ мой привсталъ въ каикѣ, поднялъ вверхъ чемоданъ мой, потомъ указалъ на меня и закричалъ: «Московъ»! Послѣ этого предисловія онъ сжалъ руку въ кулакъ, протянулъ ее энергически къ турку, опустился въ лодку и приказалъ нашему гребцу править къ пристани. Казенный каикъ повернулъ назадъ. Дѣло съ таможней тѣмъ и кончилось.

Эта небывалая метода таможеннаго досмотра озадачила меня.

— Неужели здѣсь всегда такъ осматриваютъ? спросилъ я у француза.

— О, нѣтъ! Еслибы у васъ много было поклажи — сундуки, баулы, — разумѣется пришлось бы дать на водку. Но у васъ вѣдь ничего нѣтъ!

— А чемоданъ?

— Что это за чемоданъ! Вѣрно, тутъ одно платье...

— А если онъ набитъ фальшивыми ассигнаціями?

— Pourquoi pas! отвѣчалъ, смѣясь, коммиссіонеръ здѣсь и такъ половина ассигнацій — фальшивыя.

— Ну, а кулакъ-то тоже въ порядкѣ вещей?

— Sans doute, monsieur! Какъ смѣетъ кричать этотъ турокъ! развѣ мы армяне какіе-нибудь!

Мы пристали къ набережной Галаты. Турецкій хамаль или носильщикъ, полунагой и загорѣлый, поднялъ на плеча мою поклажу, пригнулся головой почти до земли и скорыми шагами побѣжалъ по улицѣ, вдоль Золотаго-Рога, покрикивая безпрестанно: берегись! варда̀! варда̀! Мы пустились вслѣдъ за нимъ, между двумя рядами красныхъ деревянныхъ домишекъ, наклонившихся другъ къ другу верхними этажами, прыгая по мостовой, или лучше сказать навороченнымъ безъ толку камнямъ, между вереницами навьюченныхъ всякой всячиной ословъ, толпами оборванныхъ хамалей и цѣлымъ населеніемъ бродячихъ собакъ. Шагая по грудамъ тлѣющей золы и кучамъ смраднаго пепла, на развалинахъ вчерашняго пожара, дошли мы до Галатскихъ-воротъ, и мимо изящнаго мраморнаго фонтана и какого-то кладбища повернули въ узкую, извилистую улицу, которая круто подымалась вверхъ, вся изрытая ямами, усѣянная каменьями и похожая на изсохшее русло какой-нибудь горной рѣчки. Это главное сообщеніе Галаты съ Перою. Черезъ нѣсколько минутъ добрался я наконецъ, усталый и измученный, къ каменному четырехъ-этажному дому съ вывѣскою Hôtel d'Europe.

Мнѣ отвели маленькую спальню, въ которой ничего не было восточнаго, кромѣ разостланной на столѣ алой суконной скатерти съ вышитымъ шелками вензелемъ султана Абдулъ-Медшида. Къ этой комнаткѣ примыкала общая для трехъ номеровъ зала, обставленная по стѣнамъ турецкими диванами: изъ оконъ ея открывалась панорама Стамбула съ безчисленными куполами и минаретами, и Золотой-Рогъ съ вымпелами несчетныхъ судовъ

и стаями летающихъ по всѣмъ направленіямъ каиковъ. Въ этой залѣ я имѣлъ право сидѣть весь день, и пожалуй хоть цѣлую ночь, еслибъ пришла охота любоваться видами при свѣтѣ мѣсяца.

Я успѣлъ уже отдохнуть и переодѣться, когда звонокъ пригласилъ жильцовъ Hôtel d'Europe въ столовую. Небольшая зала въ нижнемъ этажѣ, съ стеклянной галереей, обращенной на маленькій дворикъ, вся уставленная деревьями и цвѣтами, похожа была на римскій триклиніумъ, а сервировка стола и французскіе лакеи напоминали парижскіе рестораны. Къ обѣду собралось человѣкъ пятнадцать гостей со всѣхъ концовъ Европы: корреспондентъ французскаго журнала, англичанинъ съ семействомъ, русская барыня, отправлявшаяся на богомолье въ Палестину, итальянскій купецъ, нѣмецъ-художникъ и какая-то старуха молдаванка, которую хозяинъ величалъ княгинею. Разговоръ шелъ сперва о выборахъ депутатовъ въ Дунайскихъ-княжествахъ, а потомъ о пожарѣ, истребившемъ въ прошлую ночь двѣсти домовъ въ Галатѣ, и о дневномъ грабежѣ на главной улицѣ Перы. Видно было однакожъ, что послѣднія событія тревожили только пріѣзжихъ, потому-что сеньоръ Дестуніано, обѣдавшій вмѣстѣ съ своими гостями, слушалъ все это очень хладнокровно, и когда я спросилъ, какъ они не боятся такихъ безпрестанныхъ тревогъ, онъ спокойно отвѣчалъ мнѣ:

— Чего-же бояться? вѣдь это бываетъ почти всякій день!

Одинъ переходъ отъ пристани къ гостинницѣ убѣдилъ меня, что безъ проводника въ Константинополѣ также легко запутаться, какъ и въ Критскомъ-лабиринтѣ. Противъ обыкновенія я рѣшился запастись на

этотъ разъ аріадниной нитью въ лицѣ какого-нибудь наемнаго лонъ-лакея. Когда я сказалъ объ этомъ хозяину, онъ представилъ мнѣ низенькаго одноглазаго грека и рекомендовалъ, что этотъ человѣкъ знаетъ Константинополь, какъ собственные карманы, и говоритъ на пяти языкахъ. Криваго чичероне звали Папатоли. Съ первыхъ словъ онъ объявилъ мнѣ, что съ молокомъ матернимъ всосалъ любовь къ русскимъ и готовъ отдать мнѣ въ наймы свои знанія и ноги по четыре франка въ день.

Только-что начало темнѣть, опять раздалась пушечная пальба, и я отправился съ своимъ проводникомъ смотрѣть знаменитую иллюминацію послѣдней ночи рамазана. По лабиринту улицъ Галаты добрались мы до уродливаго подобія деревяннаго моста, поставленнаго на заливѣ, и взяли на пристани лодку.

Стамбульскій каикъ достойный соперникъ венеціянской гондолы. Одна какъ-будто нарочно выдумана для свиданій и пѣсенъ любви, другой для кейфа и пріятнаго бездѣйствія. Это легкая, съ обѣихъ сторонъ остроконечная лодка, покрытая сплошной рѣзьбою изъ орѣховаго дерева, въ видѣ цвѣтовъ и арабесковъ. Вмѣсто скамеекъ разостланъ въ ней коверъ, а на немъ лежитъ красная суконная подушка, до половины отогнутая на спинку. Съ перваго раза кажется странно сидѣть поджавъ или вытянувъ ноги на коврѣ; но скоро понимаешь, что иначе нельзя и держаться въ этой необыкновенно-легкой лодкѣ, которая качается отъ малѣйшаго прикосновенія и порхаетъ по водѣ съ поражающей быстротою. Если гондола своимъ зубчатымъ хвостомъ напоминаетъ рыбу, то каикъ по острому носу и широкимъ весламъ похожъ на чайку, скользящую на тонкихъ и длинныхъ крыльяхъ.

Каикчи въ полосатой кисейной рубашкѣ, широкихъ

бѣлыхъ шальварахъ и малиновомъ тарбушѣ съ голубой кистью, загорѣлый и суровый, съ обнаженной грудью и голыми до локтей руками, взялся за весла, — и мы понеслись къ выходу изъ Золотаго-Рога, между стаями разлетающихся во всѣ стороны каиковъ, при неумолкающемъ крикѣ: вардà! вардà! Быстро наступавшіе сумерки и облака пушечнаго дыма застилали отъ насъ панораму города, и только кое-гдѣ проглядывалъ минаретъ или клочекъ зелени и сверкали огоньки приготовляемой иллюминаціи. Но по-мѣрѣ-того, какъ дымная завѣса приподымалась, ночь становилась тѣмнѣе, какъ-будто торопясь приготовить черный грунтъ для огненной картины.

Когда мы, обогнувъ Топхану, переплыли косвенно черезъ Босфоръ и подошли къ Леандровой-башнѣ, одиноко подымающейся надъ водами пролива, между Европой и Азіей, весь Константинополь загорѣлся уже огнями. Вотъ наконецъ этотъ поэтическій Востокъ, напоминающій яркія краски вымысловъ Шехеразады. Ни видъ съ кремлевской горы на Москву въ ночь на свѣтлое-воскресенье, ни газовыя иллюминаціи парижскихъ бульваровъ и Елисейскихъ-полей, не даютъ понятія о волшебной картинѣ, которая открывается отъ скутарійскаго берега въ канунъ курбатъ-бэйрама. По обоимъ краямъ Золотаго-Рога, налѣво передъ Сералемъ, направо у дворца Дольма-Бахче, загорѣлись колоссальныя турà султанскаго вензеля, изъ фантастически переплетенныхъ восточныхъ буквъ. Надъ ними, по всему амфитеатру города, надъ массою зданій, утопающихъ въ темной пустотѣ, вспыхнули безчисленныя огненныя кольца: это иллюминованные балконы константинопольскихъ минаретовъ. При яркомъ свѣтѣ ихъ, самыя строенія пропадали въ темнотѣ, и казалось, передъ нами на безконечномъ пространствѣ висѣли тысячи люстръ въ

два и три кольца, которыя подымаясь одна надъ другою, горялись въ глубокой дали. Ярче другихъ свѣтился направо широкій вѣнецъ Галатской-башни, налѣво группа симегрически горящихъ тройныхъ колецъ на шести минаретахъ Ахмедіе. И блескъ этихъ огней, оставляя во тьмѣ куполы мечетей, отражался только на ихъ позолоченной лунѣ, и казалось сотни золотыхъ, сверкающихъ полумѣсяцевъ вошли на небѣ, среди какихъ-то фантастическихъ созвѣздій. И все это, опрокидываясь, повторяется въ темной глубинѣ Золотаго-Рога и Босфора. Эта ночь одна изъ Тысячи-и-одной ночи!

Часовъ въ десять воротились мы опять въ заливъ и добрались до Топханской-пристани. Темныя улицы, коегдѣ только освѣщенныя слабыми огоньками изъ дверей кофеенъ и табачныхъ лавокъ, послѣ блеска иллюминаціи, казались мрачными вертепами. При неистовомъ лаѣ грызущихся собакъ дошли мы до гостинницы, и я уснулъ въ ожиданіи утренняго торжества бэйрама.

XIV.

Курбатъ-Бэйрамъ.

Въ три часа ночи подъ окнами моей спальни раздались глухіе звуки турецкаго барабана и послышалось какое-то дикое, гортанное завыванье. Это были имамы, обходящіе приходы своихъ мечетей съ повѣсткой о наступленіи праздника. Я вышелъ въ залу и отворилъ окно. Во всѣхъ концахъ города слышался глухой гулъ барабана, и крики имамовъ сливались съ воемъ безчисленныхъ собакъ, которыя проснулись, кажется, на эту музыку во всемъ Константинополѣ и вмѣстѣ съ правовѣрными привѣтствовали наступленіе бэйрама. Черезъ полчаса раздалось съ минаретовъ заунывное пѣніе муэззиновъ, и потомъ вся эта увертюра закончилась громомъ выстрѣловъ въ Европѣ и Азіи.

Папатоли пришелъ сказать, что верховыя лошади готовы. Мы спустились въ Галату, въ сопровожденіи саиса, который бѣжалъ за нами, положа руку на крестецъ моей лошади. Солнце всходило: золотые полумѣсяцы такъ и горѣли на куполахъ мечетей. По Галатскому-мосту двигались кареты съ сверкающими золотомъ сановниками, талики или большія фуры съ овальными окнами, запря-

женныя парой воловъ и наполненныя окутанными въ яркія одежды женщинами, паши на арабскихъ лошадяхъ съ шагающими позади саисами и трубконосцами. По Золотому-Рогу неслись раззолоченные каики, сверкая рядами бѣлыхъ красноголовыхъ гребцовъ. Все это спѣшило къ Сарай-Бурну или старому Сералю.

По извилистой улицѣ, обставленной жалкими деревянными домишками, пріѣхали мы къ древнему Августеону, площади передъ бывшимъ дворцомъ византійскихъ императоровъ. Мы отдали лошадей своему саису. Кривая улица, пролегающая отъ Сераля къ мечети Ахмедіе, гдѣ въ этотъ годъ должно было совершаться освѣщеніе праздничныхъ барановъ, уставлена уже была рядами султанской гвардіи, въ красныхъ сюртукахъ съ черными бархатными нашивками на груди, въ алыхъ тарбушахъ и бѣлыхъ перчаткахъ. Блестящая обмундировка не скрывала жалкаго вида солдатъ: мундиры были почти англійскіе, лица почти китайскія. Вдоль зубчатой стѣны Сераля, по обѣимъ сторонамъ его воротъ и у стоящаго на площади фонтана съ золотыми куполами и арабесками, оборванные турки наставили скамеекъ и подмостковъ и съ крикомъ приглашали смотрѣть султанскій поѣздъ.

Сераль съ перваго взгляда напомнилъ мнѣ Кремль, и своей зубчатой стѣною, и примыкающими къ нему садами. Ворота Баба-Гамаюнъ были отворены. Мы вошли на первый дворъ. Это большая площадь, обведенная бѣлыми стѣнами. Направо стоитъ башня съ фонтаномъ, и за нею ворота въ садъ Гюль-бахче, гдѣ надъ кустами розъ и жесминовъ подымаются кіоски и бѣлый стержень Ѳеодосіевой-колонны, а между ними синѣетъ Мраморное-море. Налѣво тянется зданіе Монетнаго-двора и ворота въ другой садъ Гюль-хане, усаженный темными кипари-

сами, платанами и зонтичными пиннами, сквозь которыя просвѣчиваетъ синяя полоса Золотаго-Рога. Прямо передъ входомъ подымаются зубчатыя ворота Орта-Капу, которыя ведутъ на внутренній дворъ. Въ лѣвомъ углу площади стоитъ церковь св. Ирины, обращенная теперь въ арсеналъ стариннаго оружія. Передъ нею видны три гробницы изъ краснаго порфира съ выпуклыми полуобитыми крестами, и римскій саркофагъ бѣлаго мрамора съ почернѣвшими барельефами. Никто не знаетъ, какіе деспоты лежали въ этихъ изуродованныхъ гробницахъ: турки развѣяли прахъ ихъ, а время истребило самыя имена. Но передъ церковью подымается платанъ, который вѣроятно помнитъ не одного изъ византійскихъ императоровъ. Я не видывалъ такого колоссальнаго дерева: стволъ его похожъ на башню, а сучья раскидываются во всѣ стороны, точно исполинскія горизонтальныя деревья. Говорятъ, Магометъ II стоялъ подъ тѣнью его въ день взятія Константинополя.

Черезъ дворъ отъ однихъ воротъ до другихъ тянулась та-же султанская гвардія, а по сторонамъ стояли кареты и коляски съѣзжающихся пашей, и саисы держали прекрасныхъ верховыхъ лошадей съ шитыми золотомъ чапраками. Зрители были почти все европейцы: вездѣ виднѣлись пальто и шляпки, слышался французскій и англійскій языкъ. Турокъ, кромѣ оффиціальныхъ лицъ, почти не было; только съ десятокъ уродливыхъ таликъ, расписанныхъ цвѣтами и фруктами, какъ подносы въ русскихъ харчевняхъ, и набитыхъ окутанными въ бѣлые яшмаки женщинами, выражали мусульманское любопытство. На дворѣ было такъ просторно, что я пробрался съ своимъ проводникомъ до самыхъ воротъ Орта-Капу. Передъ нами подымался кіоскъ съ тѣмъ роковымъ ок-

номъ, гдѣ въ блаженныя янычарскія времена выставлялись отрубленныя головы, навлекавшія гнѣвъ падишаха. Но послѣ мертвой головы янинскаго Али-Паши выставка ограничилась здѣсь одними мѣшками свѣжепросольныхъ носовъ и ушей, да и та съ воцареніемъ Абдулъ-Медшида пришла въ упадокъ къ огорченію правовѣрныхъ.

Въ шесть часовъ изъ воротъ выбѣжалъ низенькій турокъ въ военномъ сюртукѣ и фесѣ и торопливо замахалъ руками. Войско выровнялось. Вслѣдъ за тѣмъ хлынула цѣлая толпа сановниковъ въ раззолоченномъ нарядѣ, и саисы начали подавать верховыхъ лошадей. Процессія двинулась изъ Орта-Капу.

Впереди негры въ бѣлыхъ чалмахъ вели восемь арабскихъ лошадей въ наборной сбруѣ, блиставшей золотомъ, въ чапракахъ съ султанскимъ вензелемъ изъ дорогихъ камней. Онѣ показались мнѣ, впрочемъ, довольно-обыкновенными. Потомъ вывели еще двухъ лошадей, знаменитой кровной породы неджд, прославленной въ арабскихъ пѣсняхъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, ихъ свѣтлые умные глаза, легкая поступь или лучше сказать походка, въ состояніи вскружить голову любителю. Уборъ на нихъ весь залитъ былъ въ золото и алмазы. Затѣмъ потянулись въ два ряда пеики или султанскіе тѣлохранители, въ военныхъ сюртукахъ, бѣлыхъ шелковыхъ панталонахъ и красныхъ ускуфахъ, похожихъ на монашескіе клобуки, съ аршиннымъ перомъ радужныхъ цвѣтовъ, отогнутымъ назадъ въ видѣ широкаго гребня. Эти маскарадные стражи, вооруженные алебардами, съ позолоченнымъ лезвеемъ въ видѣ полумѣсяца, выступали какимъ-то заученнымъ шагомъ, непохожимъ ни на ходьбу, ни на маршировку. Въ ихъ надутыхъ лицахъ, забавной выступкѣ и пошломъ нарядѣ было столько комическаго, что я невольно вспом-

*

нилъ хохлатаго австралійскаго журавля, который маршировалъ передъ нами въ лондонскомъ Зоологическомъ-саду. Наконецъ, окруженный такими-же престарѣлыми пажами, на прекрасномъ сѣромъ конѣ, у котораго сбруя горѣла въ брилліантахъ, ѣхалъ султанъ. На плечахъ у него былъ накинутъ харвани, синій суконный плащъ съ стоячимъ малиновымъ воротникомъ, застегнутый на шеѣ аграфомъ изъ дорогихъ камней, а на головѣ круглый алый тарбушъ, на которомъ вмѣсто кисти подымалось прямое палевое перо, пристегнутое брилліантовымъ полумѣсяцемъ. Онъ сидѣлъ на лошади съ совершенной неподвижностью. На блѣдномъ худощавомъ лицѣ его не видать было ничего, кромѣ холоднаго безстрастія и какой-то печальной усталости. Еслибъ онъ изрѣдка не подымалъ глазъ, можно бы подумать, что это восковая фигура: на поклоны европейцевъ онъ медленно опускалъ рѣсницы, на колѣнопреклоненія турокъ не обращалъ вниманія. За хвостомъ его лошади, переваливаясь съ ноги-на-ногу, двигались кизляръ-агаси и капу-агаси, начальники евнуховъ, одинъ черный какъ сапогъ, другой желтый какъ лимонъ. Ихъ пухлыя и сморщенныя лица, похожія на гнилыя печеныя яблоки, ихъ отвислыя губы и слезящіеся глаза казались еще отвратительнѣе при военныхъ сюртукахъ, въ которыхъ сукно исчезало совсѣмъ подъ золотой вышивкою. У воротъ они сѣли на лошадей, и къ нимъ примкнула цѣлая кавалькада визирей, пашей и беевъ, въ мундирныхъ вышитыхъ сюртукахъ и красныхъ тарбушахъ. Поѣздъ медленно прошелъ черезъ дворъ и исчезъ въ воротахъ Баба-Гамаюнъ. Вотъ послѣдніе остатки дари-саадета, безчисленнаго султанскаго двора, который въ былые годы поражалъ своею пышностью. Махмудъ вмѣстѣ съ янычарами разогналъ и серальскую челядь: съ его реформою

исчезли эти толпы бѣлыхъ и черныхъ придворныхъ, нѣмыхъ и карликовъ, носителей чубуковъ и скамеекъ, раздавателей золота и петлей — и изъ всѣхъ орудій варварства, олицетворявшихъ страсти намѣстниковъ Пророка, уцѣлѣли неизмѣнно одни представители ревности.

Какъ-только процессія скрылась, намъ позволили переступить за Орта-Капу. Мы прошли страшныя ворота, до-сихъ-поръ почти недоступныя путешественникамъ. Внутри они убраны топорами, алебардами и атаганами. Но туристъ не увидитъ въ нихъ теперь ни кожаныхъ мѣшковъ, для выставки головъ и соленыхъ ушей, ни знаменитой ступы, въ которой полагалось толочь священную особу муфтія, въ случаѣ отступленія его отъ правилъ ислама. Мы вошли на внутренній дворъ. Съ одной стороны онъ застроенъ кіосками съ рѣшетчатыми окнами, съ другой во всю длину его тянется низкое зданіе со множествомъ маленькихъ свинцовыхъ куполовъ. Это султанскія кухни, съ которыхъ въ старые годы питали всякій день десяти-тысячную дворню. Отъ Орта-Капу широкая аллея платановъ и кипарисовъ ведетъ къ Баба-Саадетъ или Воротамъ-Блаженства, то-есть ко входу въ самый дворецъ. Это перистиль изъ арабскихъ арокъ, на мраморныхъ и порфировыхъ колоннахъ, среди котораго подымается сквозной кіоскъ, съ свинцовымъ куполомъ, выложенный цвѣтнымъ мраморомъ, мозаичными арабесками и восточными надписями изъ граціозно-переплетенныхъ восточныхъ буквъ. По сторонамъ, въ глубинѣ аркады, намалеваны грубые пейзажи, съ ярко-цвѣтными деревьями и домами, совершенно въ томъ вкусѣ, какъ расписывались лѣстницы въ московскихъ трактирахъ. При мраморѣ и порфирѣ малеванья эти кажутся еще безобразнѣе.

Съ лѣвой стороны отъ этихъ блаженныхъ воротъ стоитъ еще большой кіоскъ. Въ окнахъ его, до половины завѣшенныхъ зеленою тафтою, виднѣлось нѣсколько женскихъ головъ, закутанныхъ въ бѣлые кисейные яшмаки, изъ-подъ которыхъ свѣтились черные глаза. Руки, затянутыя въ бѣлыя лайковыя перчатки, съ золотыми браслетами, опирались на подоконники или играли опахалами изъ цвѣтныхъ перьевъ. Позади показывалась иногда черная голова въ бѣлой чалмѣ, и ея отвислыя губы и желтоватые глаза доказывали, что она принадлежала къ вѣдомству почтеннаго кизляръ-агаси. Это высочайшій гаремъ падишаха. Передъ кіоскомъ разставлено было десятка два разнокалиберныхъ дивановъ, орѣховаго и краснаго дерева, обитыхъ синимъ и желтымъ бараканомъ. Вокругъ этой жалкой мебели, какъ-будто собранной наудачу изъ трактировъ, толпились слуги съ сумками черезъ плечо и съ чубуками въ кожаныхъ и клеенчатыхъ чехлахъ. Тутъ должны отдыхать сановники по возвращеніи изъ мечети.

Рослые платаны и кипарисы, разбросанные передъ входомъ во дворецъ, обведены круглыми каменными пьедесталами, изъ которыхъ деревья подымаются, какъ изъ цвѣточныхъ кадокъ. Я взобрался на одну изъ этихъ платформъ, въ ожиданіи послѣдняго акта комедіи.

Черезъ часъ процессія потянулась обратно отъ воротъ Орта-Капу, почти въ томъ-же порядкѣ. За выступающими журавлемъ пеиками ѣхалъ по-прежнему султанъ на своемъ сѣромъ конѣ, съ тѣмъ-же усталымъ и безстрастнымъ взглядомъ. Но свита шла уже пѣшкомъ, и въ ней вмѣстѣ съ чернымъ и бѣлымъ хранителемъ женской вѣрности шли главные хранители мусульманской вѣры, шеихъ-уль-исламъ и меккскій шерифъ, въ кашемировыхъ халатахъ и чалмахъ, одинъ весь бѣлый, точно

какаду, другой съ головы до ногъ зеленый, какъ попугай. Шествіе заключалось десятью освященными баранами, у которыхъ рога были обвиты гирляндами цвѣтовъ. Султанъ сошелъ съ лошади и скрылся въ Воротахъ-Блаженства вмѣстѣ съ баранами. Свита осталась на дворѣ.

Паши и муширы разсѣлись по диванамъ, спиною къ женскому кіоску, и чубукчи разнесли имъ трубки, сверкавшія золотомъ и цвѣтными камнями. Всѣ правовѣрныя уста задымились. Неужели-же это представители Турціи! Какъ коровы Фараона, всѣ эти сановники неумѣренно толсты или до-крайности худощавы. Никогда не видалъ я заразъ такого количества шарообразныхъ животовъ, истощенныхъ желто-лимонныхъ лицъ, оловянныхъ и неподвижныхъ глазъ. Все это, лишенное широкой шубы и пышной чалмы, въ коротенькихъ сюртукахъ и узкихъ панталонахъ, было до-крайности пошло. А великолѣпное золотое шитье и блестящія алмазами чубуки, при этихъ трактирныхъ диванахъ и толпящихся позади слугахъ съ протертыми локтями, представляло жалкую смѣсь богатства и нищенства. Во всей коллекціи этихъ трехбунчужныхъ брюхъ только два лица смотрѣли по-человѣчески: это великій-визирь Решидъ-паша, низенькій старичокъ, съ сѣдой бородою и умными свѣтлыми глазами, да Омеръ-паша, высокій стройный мущина, который не столько, кажется, участвовалъ въ церемоніи, какъ глазѣлъ на европейскихъ зрительницъ.

Между-тѣмъ передъ султанскимъ кіоскомъ разостлали большой коверъ и поставили на немъ тронъ, или лучше-сказать небольшой диванъ, обитый золотой парчей и унизанный камнями, а подлѣ него низенькій табуретъ, въ родѣ нашихъ дамскихъ скамеечекъ. Взводъ султанской гвардіи, примкнувъ къ обѣимъ сторонамъ кіоска, развер-

нулся передъ входомъ во дворецъ, около трона, правильнымъ полукругомъ. Въ серединѣ дуги помѣстился хоръ музыки.

Раздалась увертюра изъ Риголетто. Султанъ, въ сопровожденіи десяти хохлатыхъ стражей, вышелъ изъ дворца медленной, усталой поступью, опустился на тронъ и протянулъ на табуретъ ногу, обутую въ лакированный сапогъ. Войско прокричало три раза привѣтствіе.

Какъ-только замолкъ этотъ хриплый крикъ, великій-визирь, отдѣлясь отъ толпы пашей, вошелъ въ кругъ, медленно обогнулъ его до середины, повернулся и, наклоня голову, сталъ подходить къ султану. Остановясь передъ трономъ, онъ приложилъ руку къ сердцу, потомъ ко лбу, опустился на землю и протянулъ губы къ блестящему сапогу падишаха; но султанъ поднялъ его и поцѣловалъ въ плечо. Той-же чести удостоились бѣлый муфти и зеленый шерифъ. За ними начали подходить позолоченные паши и муширы. Всѣ эти толстыя брюхи прилегали въ свою очередь къ землѣ, губы прикладывались къ султанскому сапогу, и желтыя лица отражались, какъ въ зеркалѣ, въ его лакированной кожѣ. Абдулъ-Медшидъ оставался безстрастнымъ: казалось, онъ спалъ съ открытыми глазами при неумолкающихъ звукахъ оперной музыки.

Монотонное однообразіе серальской церемоніи одинъ разъ только оживилось отъ неожиданнаго случая. Еще до начала султанскаго выхода десятка два европейскихъ шкиперовъ и матросовъ взобралось на деревья, которыми усаженъ дворъ Сераля. Въ то время, когда черный кизляръ-агаси упалъ ничкомъ передъ султаномъ и протянулъ отвислыя губы къ его сапогу, какой-то голландецъ, въ синей курткѣ и лакированной шляпѣ, сорвался

съ ближайшаго къ намъ платана и тяжело рухнулъ на толпу стоявшихъ подъ деревомъ француженокъ. Раздалось нѣсколько криковъ. Султанъ не пошевелилъ головой, но лицо его какъ-будто проснулось и пристальный взглядъ оборотился въ нашу сторону съ замѣтнымъ любопытствомъ. Но черезъ минуту глаза его опять потухли въ прежнемъ безстрастіи.

Когда весь дворъ приложился къ ногѣ султана, Абдулъ-Медшидъ поднялся съ трона, и при крикахъ войска и громѣ музыки, удалился въ Сераль. Этимъ кончилось блистательно-жалкое торжество, въ которомъ такъ хорошо выразилась современная Турція. Мы отыскали своего саиса и сѣли на лошадей.

Когда мы проѣзжали черезъ Галатскій-мостъ, большой султанскій каикъ, весь въ золотѣ, отвалилъ отъ серальской пристани. Человѣкъ сорокъ гребцовъ, въ бѣлыхъ рубашкахъ и красныхъ тарбушахъ, разомъ наклонялись впередъ и откидывались назадъ; двѣ линіи веселъ мѣрно взлетали надъ водой, и сверкнувъ на солнцѣ, дружно падали на голубую поверхность залива, унося каикъ по направленію къ Дольма-Бахче. Вслѣдъ за нимъ десятки другихъ раззолоченныхъ лодокъ неслись съ пашами и сановниками, какъ стая птицъ, въ синее отверстіе Босфора.

совой дикимъ воплемъ возвѣститъ о появленіи какого-нибудь паши.

Улица биткомъ набита народомъ. По ней двигаются талики, турецкія кареты, раззолоченныя и раскрашенныя, съ овальными окнами, завѣшенными изнутри цвѣтной тафтою. Арбы или фуры, съ парусиннымъ навѣсомъ на точеныхъ столбикахъ, тащатся, запряженныя парой дымчатыхъ быковъ, убранныхъ цвѣтными кистями и фольгой. Изъ тѣхъ и другихъ выглядываютъ женщины и дѣти въ яркихъ одеждахъ. Всадники въ чалмахъ и тарбушахъ пробираются между тяжелыми экипажами. Взадъ-и-впередъ бѣгутъ вереницы хамалей, согнувшись подъ какой-нибудь тяжестью, такъ-что кисти ихъ тарбушей едва не волочатся по землѣ. Женщины въ свѣтлозеленыхъ, палевыхъ, розовыхъ и голубыхъ халатахъ бредутъ, шлепая желтыми туфлями и поддерживая одной рукой неуклюжее платье, а другою — свой бѣлый кисейный яшмакъ.

У самаго моста встрѣтили мы любопытную кавалькаду. Верхомъ на прекрасной лошади, покрытой шитымъ золотомъ чепракомъ, ѣхалъ стройный, прекрасный мущина, съ молодецкой посадкой какого-нибудь кавалергарда, въ черной шелковой рясѣ съ башлыкомъ, поднятымъ на бархатную камилавку. Двое служителей, въ кафтанахъ съ длинными разрѣзными рукавами и высокихъ бараньихъ шапкахъ, вели за повода его лошадь; а позади ѣхали верхомъ два монаха въ рясахъ съ поднятыми капишонами. У всѣхъ были свѣжія, здоровыя лица и великолѣпныя бороды, черныя какъ ихъ платье. — Это армянскій патріархъ! шепнулъ мнѣ проводникъ.

Когда мы подходили къ изящной арабской аркадѣ Валидѐ-джами, ближайшей мечети отъ моста, на встрѣчу

намъ выступила вереница ословъ, нагруженныхъ крестъ-на-крестъ сложенными на спинѣ досками. Улица была такъ узка, что концы досокъ чуть не задѣвали за дома по обѣ стороны. Варда̀! варда̀! кричалъ полунагой погоньщикъ. Арбы и талики начали сворачивать въ боковые переулки. Боясь быть раздавленнымъ, я прыгнулъ въ первую дверь, и едва не поскользнулся въ лужѣ пролитой на полу крови. Вокругъ стѣнъ грязной комнаты тянулись оборванные диваны, и на нихъ сидѣли турки съ длинными трубками и чашечками кофе, а передъ самыми дверьми одному правовѣрному брили голову, другому ставили рожки.

— Что это такое? спросилъ я своего проводника.

— Турецкая кофейня! отвѣчалъ онъ съ гримасою.

Ни одно жидовское мѣстечко въ Бѣлоруссіи не въ-состояніи оспаривать у Константинополя пальму грязи и зловонія. На всѣхъ улицахъ видны груды сору и нечистотъ, выброшенныя кости и гнилые овощи. Кажется, со временъ императора Константина здѣсь не мели и не чистили ни одной улицы. Среди этого смрада гнѣздятся отвратительныя собаки и неменьше отвратительные нищіе; однѣ вѣчно живутъ на мостовой, другіе на дворахъ мечетей, и одинаково питаются подаяніемъ правовѣрныхъ.

Кто не видалъ Константинополя, тотъ и понятія не имѣетъ о нищихъ и калѣкахъ. Что̀ значатъ передъ ними тѣ уроды, съ подрѣзанными жилами, которыхъ возили бывало въ телѣжкахъ по русскимъ ярмаркамъ и богомольямъ. У кофеенъ, при входахъ въ мечети и на ступеняхъ фонтановъ встрѣчаете вы безпрестанно нищихъ, почти голыхъ, съ однимъ обрывкомъ какого-нибудь грязнаго рубища на поясѣ, съ татуированной грудью, съ от-

вратительной наготою кровавыхъ ранъ. Никогда не забуду я страшнаго существа, которое мы видѣли у Галатскаго-моста. Это былъ человѣкъ сухой и желтый, съ острой бородкой и мелкими зубами, какъ перловая крупа. Вокругъ пояса висѣли у него какія-то темныя лохмотья, а на головѣ желтое рубище, изъ-подъ котораго вмѣсто ушей виднѣлись одни слуховыя отверстія. На обнаженной груди его наколотъ былъ черный узоръ, затертый порохомъ, а на правомъ плечѣ вмѣсто руки остались только страшные слѣды грубой операціи. Отрѣзанная рука, искусно высушенная, съ растопыренными вѣеромъ пальцами, вдѣлана была въ деревянную подставку, похожую на подсвѣчникъ, и стояла передъ хозяиномъ въ качествѣ возбуждающей къ состраданію вывѣски. Въ лѣвой рукѣ держалъ онъ длинную трубку, а у ногъ его стояла деревянная чашечка съ мѣдными деньгами. Какой-то прохожій турокъ, старикъ въ до-махмутовской чалмѣ и халатѣ, замѣтивъ, что трубка погасла въ рукѣ калѣки, остановился, набилъ ее изъ своего кисета и всунулъ ему въ ротъ. Нищій пробормоталъ благодарственное: Аллахъ версынъ! и предался кейфу въ струяхъ табачнаго дыма.

Проходя мимо, я бросилъ ему нѣсколько мѣдныхъ паръ. Онъ окинулъ меня свирѣпымъ взглядомъ и проводилъ какою-то бранью.

— Сабака! проворчалъ Папатоли, когда мы отошли отъ турка: — вѣрно потерялъ уши не даромъ!

Константинопольскія собаки—настоящіе хозяева улицъ. Тутъ живутъ онѣ, питаются и плодятся. Мѣстами ихъ такъ много, что кажется вся улица вымощена собаками. Это совершенно особая порода: всѣ онѣ рыжія или бурыя, страшно худыя, съ тонкими длинными лапами, точно

какіе-нибудь четвероногіе пауки. У стамбульскихъ собакъ есть своя исторія. Цвѣтущее время исламизма было ихъ золотымъ вѣкомъ, а сближеніе турокъ съ гяурами вызывало всегда преслѣдованія. Самыя тяжелыя эпохи въ собачьей исторіи — царствованіе Махмуда и послѣдняя война съ Россіею. Ободренный истребленіемъ янычаръ, турецкій реформаторъ хотѣлъ уничтожить и собакъ: ихъ ловили, сажали въ лодки и отправляли на Принцевы-острова. Но собакъ истребить было труднѣе, чѣмъ янычаръ: по смерти гонителя онѣ расплодились опять по городу. Въ началѣ восточной войны константинопольскія собаки страшно выли по ночамъ. Греки, вѣрующіе въ пророческій смыслъ этого воя, не сомнѣвались, что онъ предвѣщаетъ конецъ Турціи, но предсказатели ошиблись, какъ и знаменитый пророкъ ихъ Мартынъ-Задека. Собаки выли только на свою голову. Французы передъ отъѣздомъ въ Крымъ открыли на нихъ страшное гоненіе: каждую ночь солдаты ловили ихъ арканами и топили въ морѣ. Бѣдныя собаки гибли отъ западныхъ варваровъ совершенно по-восточному, какъ въ былые годы паши и одалиски. Разумѣется, онѣ пережили и этотъ терроръ, но онъ сильно подѣйствовалъ на ихъ молодое поколѣніе: какъ и сами турки, онѣ теперь скалятъ зубы только на грековъ и поджавъ хвостъ сторонятся отъ европейцевъ.

Мы поровнялись съ Ахмедовой-мечетью въ часъ вечерней молитвы. Это единственная джами во всемъ Константинополѣ, при которой построено шесть минаретовъ. На каждомъ изъ нихъ по три круглыхъ балкона, одинъ надъ другимъ. Проводникъ совѣтовалъ мнѣ дождаться параднаго крика муэззиновъ, который въ первые дни бэйрама совершается при этой мечети по-два раза въ

день, съ особой пышностью. Въ пять часовъ на всѣхъ минаретахъ показались на каждомъ балконѣ по четыре муэззина, и оборотясь на четыре стороны, затянули хриплымъ и дикимъ, но довольно согласнымъ хоромъ: «ла илаге иль Аллахъ»! Въ этомъ чудовищномъ завываньи было что-то свирѣпое и грозное, какъ призывъ къ войнѣ или убійству во имя фанатической вѣры.

Первая прогулка по Константинополю съ непривычки утомила меня. Папатоли предложилъ мнѣ отдохнуть въ кофейнѣ. «Не въ такой-ли, гдѣ я поскользнулся въ крови»? спросилъ я. — «Нѣтъ, въ хорошей, въ лучшей кофейнѣ»! — Я согласился. Кто при имени турецкой кофейни не представляетъ себѣ волшебнаго кіоска, убраннаго коврами и диванами, гдѣ при плескѣ фонтана, правовѣрные наслаждаются кейфомъ въ благовонномъ дымѣ кальяна! Какъ-же на первомъ шагу въ Константинополѣ не зайти въ кофейню!

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Галатскаго-моста, въ одномъ домѣ, обращенномъ къ Золотому-Рогу, слышалась какая-то музыка. — «Это одна изъ лучшихъ кофеенъ въ Константинополѣ»! сказалъ Папатоли. — Идемъ туда! — Передъ открытыми дверьми сидѣло на низенькихъ кожаныхъ табуретахъ съ десятокъ турокъ, съ длинными трубками и наргилэ и съ тѣмъ неподвижнымъ взглядомъ въ полу-открытыхъ глазахъ, какой видишь иногда у сытаго кота, когда онъ нѣжится на солнцѣ.

Мы вошли въ большую квадратную комнату, съ сквознымъ арабскимъ сводомъ, изъ котораго черезъ матовыя стекла лился пріятный полу-свѣтъ. Посерединѣ небольшой мраморный фонтанъ, обставленный горшками поблекшихъ розъ, бросалъ довольно-тощую струйку воды. Въ одномъ углу стояла большая печь со множествомъ

закопченныхъ кофейниковъ, въ другомъ цѣлый рядъ трубокъ и хрустальныхъ наргилэ съ обмотанными вокругъ кувшиновъ кожаными чубуками. Стѣны убраны были парижскими иллюминованными литографіями гризетокъ и дебардёровъ съ обнаженной грудью, турами или вензелями султана изъ переплетенныхъ по красному полю золотыхъ буквъ, и наконецъ цѣлой коллекціей бритвъ и фельдшерскихъ рожковъ,

Около стѣнъ тянулся широкій и низенькій турецкій диванъ, или лучше сказать нары, покрытыя египетской тросниковой рогожкой. Прямо противъ входа, за тощимъ фонтаномъ, сидѣло на диванѣ, поджавъ калачемъ ноги, трое музыкантовъ въ оборванныхъ курткахъ и желтыхъ чалмахъ. Середній держалъ въ рукахъ одно-струнную кеманчу, похожую на круглую балалайку съ тонкой, длинной ручкою, и коротенькій выгнутый смычокъ; крайніе вооружены были какими-то дудками, напоминающими немного флейту. Оркестръ этотъ тянулъ жалкій мотивъ изъ нескончаемо-однообразныхъ звуковъ, напоминавшихъ то печальный крикъ муэззиновъ, то ночной вой стамбульскихъ собакъ. По сторонамъ сидѣло, спустя на полъ туфли, человѣкъ пятьдесятъ гостей съ наргилэ и трубками.

Я помѣстился подлѣ турка въ зеленой бархатной шубѣ и великолѣпной чалмѣ изъ бѣлой шали, который сидѣлъ неподвижно и держалъ въ одной рукѣ носокъ своего желтаго туфля, а въ другой янтарный мундштукъ кожанаго чубука отъ стоявшаго на полу хрустальнаго наргилэ. Папатоли сѣлъ рядомъ со мною. Я велѣлъ потребовать кофе и наргилэ. Молоденькій каваджи въ курткѣ и вышитыхъ золотомъ шальварахъ, съ яркимъ клѣтчатымъ платкомъ на головѣ, поднесъ мнѣ на концахъ сложен-

ныхъ пальцевъ финджанъ или фарфоровую чашечку, вставленную въ серебряный поддонокъ, поставилъ передо мною на полу хрустальный кувшинъ съ трубкою и всунулъ въ руку мундштукъ отъ его кожанаго чубука.

Первый мой опытъ выкурить наргилэ оказался неудачнымъ. Только-что началъ я втягивать дымъ, какъ мой кальянъ захрипѣлъ; турки открыли глаза и посмотрѣли на меня, съ замѣтнымъ презрѣніемъ къ неспособности гяура.

— Отчего это я не умѣю курить кальяна? спросилъ я Папатоли.

— Оттого, что горячитесь, а тутъ нужно спокойствіе. Я вамъ совѣтую курить наргилэ, когда вамъ не хочется курить.

Но такъ-какъ мнѣ хотѣлось курить, то я потребовалъ трубку.

Музыканты продолжали монотонный концертъ. Середній оборванецъ, поводя смычкомъ по единственной струнѣ своей уродливой балалайки, откинулъ назадъ голову, закрылъ мутные глаза и гортаннымъ голосомъ затянулъ какую-то пѣсню. Турки съ выраженіемъ тупаго удовольствія хлопали глазами. Я попросилъ моего проводника перевести пѣсню: это было нетрудно, потому-что пѣвецъ послѣ каждаго куплета останавливался. Вотъ этотъ переводъ, котораго точность остается на совѣсти моего драгомана:

«Нѣтъ края на свѣтѣ лучше нашей Турціи, нѣтъ народа умнѣе османлисовъ. Имъ Аллахъ далъ всѣ сокровища мудрости, бросивъ другимъ племенамъ только крупицы разумѣнія, чтобъ они не вовсе остались верблюдами и могли служить правовѣрнымъ.

«Нѣтъ города подъ луною, достойнаго быть пред-

мѣстіемъ нашего многоминаретнаго Стамбула, да хранитъ его Пророкъ. Нѣтъ въ немъ счета дворцамъ и кіоскамъ, дорогимъ камнямъ и лунолицымъ красавицамъ.

«Еслибы Черное-море наполнилось вмѣсто воды чернилами, то и его недостало бы описать, какъ сильна и богата Турція, сколько въ ней войска и денегъ, и какъ всѣ народы завидуютъ ея сокровищамъ, могуществу и славѣ».

Окончивъ въ полголоса переводъ этой правовѣрной оды, Папатоли нагнулся ко мнѣ и прошепталъ на ухо:— собаки! настоящія собаки!

Мы вышли изъ кофейни и опять пустились прыгать по камнямъ грязной мостовой и бревнамъ Галатскаго-моста, пробираясь между толпами отвратительныхъ нищихъ и стаями паршивыхъ собакъ.

XVI.

Ая-Софія.

При мысли о сокровищахъ, разсѣянныхъ въ грязномъ лабиринтѣ Константинополя, прежде всего вспоминаешь о Софійскомъ-соборѣ. Но проходя мимо его въ первый разъ, я спрашивалъ себя: чему удивляются путешественники въ прославленномъ храмѣ Юстиніана? Съ перваго взгляда онъ не только не поражаетъ величіемъ или красотою, а скорѣе отталкиваетъ своимъ уродливымъ безобразіемъ. Это какая-то громадная масса камней, похожая больше на причудливую гору, нагроможденную природой, чѣмъ на художественное зданіе, построенное людьми. Въ каменномъ хаосѣ дворовъ и бань, школъ и имаретовъ, надъ грудою исполинскихъ контрафорсовъ и чудовищныхъ пристроекъ, между четырьмя грубыми столбами минаретовъ, подымается квадратная масса блѣдно-желтаго цвѣта, съ красными поперечными полосами, похожая на огромную тиковую палатку, и надъ нею теряется тотъ плоскій куполъ, на который издали нельзя насмотрѣться. Но въ этой чудовищной грудѣ камней таится, говорятъ, прекраснѣйшій храмъ, какъ сталактитовая пещера въ нѣдрахъ какой-нибудь безобразной горы.

мѣстіемъ нашего многоминаретнаго Стамбула, да хранитъ его Пророкъ. Нѣтъ въ немъ счета дворцамъ и кіоскамъ, дорогимъ камнямъ и лунолицымъ красавицамъ.

«Еслибы Черное-море наполнилось вмѣсто воды чернилами, то и его недостало бы описать, какъ сильна и богата Турція, сколько въ ней войска и денегъ, и какъ всѣ народы завидуютъ ея сокровищамъ, могуществу и славѣ».

Окончивъ въ полголоса переводъ этой правовѣрной оды, Папатоли нагнулся ко мнѣ и прошепталъ на ухо:— собаки! настоящія собаки!

Мы вышли изъ кофейни и опять пустились прыгать по камнямъ грязной мостовой и бревнамъ Галатскаго-моста, пробираясь между толпами отвратительныхъ нищихъ и стаями паршивыхъ собакъ.

показывая бѣлые зубы; а мой византіецъ кричалъ съ такой энергіей, что на губахъ у него показалась пѣна. Въ потолкѣ воплей я различалъ только слова: гяуръ, фирманъ, піастръ. Наконецъ задыхающійся грекъ подбѣжалъ ко мнѣ и объявилъ, что турки не берутъ меньше тридцати піастровъ. Я велѣлъ отдать деньги. Онъ расплатился, и въ минуту все затихло.

Черезъ бронзовую дверь съ полу-изглаженными крестами вошли мы на паперть или пропилеи Софійскаго-храма. Это совершенное преддверіе св. Марка, только въ колоссальныхъ размѣрахъ, съ мраморными колоннами и до половины затертыми мозаичными крестами. На помостѣ съ одной стороны валялись оборванные нищіе и калѣки, съ другой наставлена была цѣлая коллекція разнокалиберныхъ бабушей или сафьянныхъ туфель. Здѣсь должны мы были снять сапоги. Папатоли возился, какъ въ башмачной лавкѣ, примѣривая мнѣ одну за другою нѣсколько паръ бабушей.

Девять дверей, всѣ въ одинъ рядъ, открываютъ входъ во внутренность зданія. Я ничего не знаю величественнѣе этихъ пропилей. Мы вошли въ отворенныя бронзовыя двери, и я остановился въ смущеніи.

Когда въ первые вѣка христіанства какого-нибудь вновь-обращеннаго приводили ко входу въ катакомбы, и вдругъ открывался передъ нимъ храмъ, сверкающій сосудами и зажженными свѣтильниками, — едва-ли это такъ поражало его, какъ я пораженъ былъ чертогомъ, который развернулся передо мною во внутренности безобразной массы Ая-Софіи. Сколько ни видалъ я соборовъ и храмовъ, ни одинъ не производилъ на меня такого неожиданнаго и глубокаго впечатлѣнія. Казалось, передо

мной открыли какой-то грубый и тяжелый ящикъ — и онъ весь засверкалъ внутри золотомъ и драгоцѣнностями.

Исполинскія боковыя стѣны, закругленныя наверху и пронизанныя окнами, примыкая впереди къ тройному выгибу алтаря, а назади къ колоннадѣ пропилей, сливаются въ легкіе полукуполы. Между ними четыре скрещенныя арки раскидываются, точно радуги, и поддерживаютъ неизмѣримое каменное кольцо, пронизанное шестидесятью окнами, на которомъ, какъ на горизонтѣ, весь залитый свѣтомъ, покоится громадный куполъ, прекраснѣйшій въ мірѣ послѣ небеснаго свода. По исполинской площади справа и слѣва тянутся два ряда громадныхъ колоннъ, связанныхъ арками, на нихъ встаютъ попарно новыя колонны, подпирающія своды другими рядами величественныхъ арокъ, — и эта сквозная масса, поддерживая хоры, наполняетъ храмъ мраморной сѣтью колоннадъ, которая придаетъ ему неописанную красоту и величавую таинственность. На темныхъ стержняхъ серпентинныхъ и порфировыхъ колоннъ бѣлыя мраморныя капители и арки, съ сквозной вырѣзкою, выдѣляются словно серебряныя; а по коричневымъ и темнокраснымъ стѣнамъ и сводамъ раскидывается узорная бѣломраморная рѣзьба, какъ бѣлыя кружева на черномъ полѣ. Это точно ажурный ящикъ изъ слоновой кости и серебра, съ подкладкою изъ темнаго бархата, на которой рѣзко обозначаются всѣ выпуклости сквозной филигранной работы.

Не гордость заставила Юстиніана, войдя въ отстроенный храмъ, сказать: — Соломонъ, я побѣдилъ тебя! Это было понятное изумленіе передъ невиданнымъ чудомъ искусства. Весь древній міръ жертвовалъ своими сокровищами для построенія Собора: драгоцѣнные мраморы, яшмовыя и серпентинныя колонны свезены были

изъ Европы и Азіи, изъ Аѳинъ и Сизика, изъ храма Діаны въ Эфесѣ, изъ храма Солнца въ Геліополѣ. Изъ этихъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ геній Изидора создалъ чудное зданіе, котораго не могли исказить грабежи и профанаціи, не въ силахъ были затмить всѣ новѣйшіе памятники, воздвигнутые вѣрою и искусствомъ. Напрасно землетрясенія колебали его стѣны, крестоносцы похищали украшенія, венеціяне вывозили колонны и двери; напрасно Италія подражала ему въ порывахъ своего генія, турки съ фанатизмомъ отбивали его мраморы и мозаики, — Софійскій-соборъ остался несокрушимымъ и неподражаемымъ памятникомъ человѣческаго искусства. И теперь, войдя въ этотъ храмъ, нельзя не подумать: Юстиніанъ, ты побѣдилъ всѣхъ своихъ враговъ и послѣдователей!

Если Партенонъ паражаетъ идеаломъ красоты пластической, то Ая-Софія изумляетъ, какъ величайшій образецъ красоты духовной. Тамъ, подъ колоннадой, позолоченной солнцемъ, жалѣешь о падшей религіи красоты и готовъ вмѣстѣ съ Шиллеромъ вздохнуть о прекрасныхъ богахъ Греціи; здѣсь, подъ сводомъ подобнаго небесамъ купола, налитаго солнечнымъ свѣтомъ, готовъ забыть все земное и страстное. Ни одинъ храмъ не олицетворяетъ въ такой полнотѣ общей идеи божества. Миланскій-соборъ не что иное, какъ богатый музей, гдѣ въ мраморномъ чертогѣ собраны сокровища искусства, и вы наслаждаетесь имъ, какъ любитель, обозрѣвающій галерею. Лондонская церковь св. Павла похожа на исполинскую залу, построенную для многолюдныхъ религіозныхъ митинговъ. Базилика св. Марка — дорогая, но уменьшенная копія Ая-Софіи, которая даетъ понятіе объ оригиналѣ, даже превосходитъ его свѣжестью колорита,

но уступаетъ ему въ размѣрѣ и красотѣ рисунка. Я не видалъ римскаго Петра, но извѣстно, что это памятникъ католицизма, гдѣ все колоссально и въ тоже время обыкновенно и мелко, гдѣ громадность купола и высота стѣнъ понятны только при сравненіи съ деталями, измѣряются не чувствомъ, а аршиномъ. Константинопольскій Соборъ съ перваго взгляда поражаетъ своимъ величіемъ и космополитизмомъ. Это не храмъ одной исключительной церкви или секты, а храмъ всего человѣчества, посвященный одной божественной мудрости. Онъ дѣйствуетъ на душу величаво и спокойно, какъ красоты природы, одинаково доступныя всѣмъ людямъ, не смотря на различія ихъ убѣжденій. Подъ его величавымъ куполомъ могутъ ужиться всѣ вѣры и всѣ сомнѣнія, какъ уживаются они и подъ небеснымъ сводомъ. Не даромъ Магометъ II, въѣзжая въ него первый разъ на конѣ, коснулся окровавленной ладонью бѣломраморной стѣны и сказалъ:—вотъ домъ для молитвы Аллаху! Если-бы черезъ Босфоръ прошли десятки народовъ разныхъ религій, всѣ они молились бы въ этомъ храмѣ божественной мудрости. Мнѣ кажется, если-бы и теперь поочередно служили въ немъ греки и турки, католики и евреи, — всѣ ихъ молитвы были бы въ немъ такъже естественны, какъ и подъ открытымъ небомъ. Въ стѣнахъ Ая-Софіи и вѣрующій и пантеистъ сойдутся всегда въ общемъ чувствѣ удивленія, какъ въ любви къ природѣ, въ наслажденіи звѣзднымъ небомъ или голубымъ моремъ.

Во всякомъ другомъ храмѣ, насладясь общимъ впечатлѣніемъ, спокойно переходишь къ обзору частностей и начинаешь всматриваться въ подробности. Здѣсь, напротивъ, общность зданія такъ могущественно поглощаетъ вниманіе, что нѣсколько времени совсѣмъ не замѣ-

чаешь его обстановки. Я долго простоялъ въ храмѣ и тутъ только увидѣлъ, что со стѣнъ и сводовъ его глядятъ на меня какіе-то таинственные призраки. Это остатки греческихъ мозаикъ, открытые при послѣдней передѣлкѣ архитекторомъ Фоссати и проглядывающіе сквозь турецкую закраску и золотые арабески узорчатыхъ надписей, покрывающихъ стѣны. Подъ куполомъ, въ углахъ боковыхъ сводовъ, стоятъ четыре серафима, у которыхъ одни лица закрыты золотыми розетами. Впереди, на тройномъ выгибѣ алтарной стѣны, виднѣются фигуры святыхъ и посреди ихъ колоссальный мозаическій образъ Премудрости. Всѣ лица таятся подъ золотыми надписями изъ Корана, но фигуры ясно выступаютъ въ таинственномъ полумракѣ. Кажется, первобытные жильцы храма до-сихъ-поръ еще присутствуютъ въ немъ, но закрыли глаза при видѣ оиозореннаго святилища.

И въ-самомъ-дѣлѣ, отрываясь отъ общаго впечатлѣнія храма и переходя къ его обстановкѣ, чувствуешь тоже самое, когда отъ созерцанія природы обращаешься къ жалкому общественному быту: тамъ—все величественно и стройно, здѣсь — все бѣдно и жалко. Турки, какъ и во всемъ другомъ, не выразили въ Софійскомъ-храмѣ своего прочнаго господства: они не водворились въ немъ, но какъ-будто остановились только для кочевой молитвы. Въ Ая-Софіи можно въ одинъ день уничтожить всѣ слѣды исламизма. Юстиніановы мозаики прикрыты золотой сѣтью суратъ или текстовъ изъ Корана. На мѣстѣ алтаря вставлена мира, камень изъ розоваго мрамора, показывающій направленіе къ Меккѣ, а подъ нимъ виситъ небольшой полинялый коверъ, на которомъ Магометъ совершалъ свои молитвы. Подъ куполомъ развѣшены большіе круглые зеленые щиты съ золотыми турами первыхъ кали-

фовъ, въ видѣ узорчатыхъ вензелей изъ переплетающихся арабскихъ буквъ. У правой колоннады, недалеко отъ алтаря, стоитъ рѣзной деревянный минбаръ или каѳедра, увѣнчанная луной, откуда шейхъ-уль-исламъ читаетъ Коранъ съ обнаженной саблею въ рукѣ. Со сводовъ по всему храму спускаются проволоки, поддерживающія горизонтальные круги, уставленные стеклянными и фарфоровыми лампадами, точно подносы съ чайными чашками. Вотъ все, что внесло мусульманство въ храмъ Юстиніана!

Больше всего поражаетъ здѣсь одна странная особенность. По бѣлому мраморному полу, неровному и взволнованному, какъ въ церкви св. Марка, разостланы желтыя плетеныя рогожки, которыя идутъ не по направнію къ алтарю, а накось по діагональной линіи въ лѣвую сторону. Это оттого, что строители храма не заботились о существованіи Мекки, а турки обязаны при молитвѣ оборачиваться въ ту сторону, гдѣ приходится ихъ священный городъ. И богомольцы лежатъ рядами и сидятъ на колѣняхъ, повернувшись косвенно въ уголъ, какъ-будто не смѣя глядѣть на образъ Мудрости, таинственно подымающійся на среднемъ полусводѣ. Странно видѣть сотни фигуръ, въ чалмахъ и фесахъ, которыя сидятъ, подогнувъ колѣна, падаютъ ничкомъ на вытянутыя впередъ руки, откидываются назадъ и опять склоняются лбомъ до земли, — и всѣ обращаются въ косвенномъ направленіи къ одному углу мечети. Все это какъ-то дико! Но когда послѣ такой обстановки окинешь взглядомъ храмъ, тотчасъ-же подъ величественнымъ куполомъ забываешь его мелкихъ оскорбителей, какъ любуясь синимъ небомъ юга забываешь, что подъ нимъ живетъ бѣдность и страданіе.

*

чаешь его обстановки. Я долго простоялъ въ храмѣ и тутъ только увидѣлъ, что со стѣнъ и сводовъ его глядятъ на меня какіе-то таинственные призраки. Это остатки греческихъ мозаикъ, открытые при послѣдней передѣлкѣ архитекторомъ Фоссати и проглядывающіе сквозь турецкую закраску и золотые арабески узорчатыхъ надписей, покрывающихъ стѣны. Подъ куполомъ, въ углахъ боковыхъ сводовъ, стоятъ четыре серафима, у которыхъ одни лица закрыты золотыми розетами. Впереди, на тройномъ выгибѣ алтарной стѣны, виднѣются фигуры святыхъ и посреди ихъ колоссальный мозаическій образъ Премудрости. Всѣ лица таятся подъ золотыми надписями изъ Корана, но фигуры ясно выступаютъ въ таинственномъ полумракѣ. Кажется, первобытные жильцы храма до-сихъ-поръ еще присутствуютъ въ немъ, но закрыли глаза при видѣ оиозореннаго святилища.

И въ-самомъ-дѣлѣ, отрываясь отъ общаго впечатлѣнія храма и переходя къ его обстановкѣ, чувствуешь тоже самое, когда отъ созерцанія природы обращаешься къ жалкому общественному быту: тамъ—все величественно и стройно, здѣсь — все бѣдно и жалко. Турки, какъ и во всемъ другомъ, не выразили въ Софійскомъ-храмѣ своего прочнаго господства: они не водворились въ немъ, но какъ-будто остановились только для кочевой молитвы. Въ Ая-Софіи можно въ одинъ день уничтожить всѣ слѣды исламизма. Юстиніановы мозаики прикрыты золотой сѣтью суратъ или текстовъ изъ Корана. На мѣстѣ алтаря вставлена мира, камень изъ розоваго мрамора, показывающій направленіе къ Меккѣ, а подъ нимъ виситъ небольшой полинялый коверъ, на которомъ Магометъ совершалъ свои молитвы. Подъ куполомъ развѣшены большіе круглые зеленые щиты съ золотыми турами первыхъ кали-

фовъ, въ видѣ узорчатыхъ вензелей изъ переплетающихся арабскихъ буквъ. У правой колоннады, недалеко отъ алтаря, стоитъ рѣзной деревянный минбаръ или каѳедра, увѣнчанная луной, откуда шейхъ-уль-исламъ читаетъ Коранъ съ обнаженной саблею въ рукѣ. Со сводовъ по всему храму спускаются проволоки, поддерживающія горизонтальные круги, уставленные стеклянными и фарфоровыми лампадами, точно подносы съ чайными чашками. Вотъ все, что внесло мусульманство въ храмъ Юстиніана!

Больше всего поражаетъ здѣсь одна странная особенность. По бѣлому мраморному полу, неровному и взволнованному, какъ въ церкви св. Марка, разостланы желтыя плетеныя рогожки, которыя идутъ не по направнію къ алтарю, а накось по діагональной линіи въ лѣвую сторону. Это оттого, что строители храма не заботились о существованіи Мекки, а турки обязаны при молитвѣ оборачиваться въ ту сторону, гдѣ приходится ихъ священный городъ. И богомольцы лежатъ рядами и сидятъ на колѣняхъ, повернувшись косвенно въ уголъ, какъ-будто не смѣя глядѣть на образъ Мудрости, таинственно подымающійся на среднемъ полусводѣ. Странно видѣть сотни фигуръ, въ чалмахъ и фесахъ, которыя сидятъ, подогнувъ колѣна, падаютъ ничкомъ на вытянутыя впередъ руки, откидываются назадъ и опять склоняются лбомъ до земли, — и всѣ обращаются въ косвенномъ направленіи къ одному углу мечети. Все это какъ-то дико! Но когда послѣ такой обстановки окинешь взглядомъ храмъ, тотчасъ-же подъ величественнымъ куполомъ забываешь его мелкихъ оскорбителей, какъ любуясь синимъ небомъ юга забываешь, что подъ нимъ живетъ бѣдность и страданіе.

*

Имамы предупредили насъ, что мы можемъ оставаться въ Ая-Софіи только до начала полуденной молитвы. Надобно было посмотрѣть хоры. Входъ туда ведетъ съ пропилей. Только-что мы подошли къ нему, имамы загородили намъ дорогу.

— Развѣ за тридцать піастровъ хотите вы купить всю Ая-Софію! кричали турки.

— Но мы условились, чтобъ за эти деньги быть и на хорахъ! возражалъ Папатоли.

— Омрачили вы глаза наши! не будетъ этого!

Проводникъ мой одушевился и поднялъ крикъ, но имамы вопили еще громче. Я принужденъ былъ дать еще пять піастровъ.

На хоры всходятъ не по лѣстницѣ, но также какъ и на кампанилью св. Марка, отлогими всходами, которые подымаются спирально. Галерея эта, съ трехъ сторонъ опоясывающая храмъ, такъ колоссальна, что хоры венеціянскаго собора улеглись бы въ ней раза два или больше. Колонны изъ дорогихъ мраморовъ, стоящія по-парно, отдѣляютъ, или лучше сказать соединяютъ ее съ площадью храма, замыкаясь наверху изящными фестонами бѣломраморныхъ арокъ. А по стѣнамъ со всѣхъ сторонъ сверкаютъ мозаичные кресты, не уничтоженные вѣроятно потому, что на истребленіе ихъ потребовалось бы немало времени и труда.

Едва вошли мы на хоры, какъ передъ нами явилось пятеро грязныхъ имамовъ. У одного въ рукахъ былъ холстинный мѣшочекъ. Онъ вынулъ изъ него горсть разноцвѣтныхъ камышковъ мозаики, выковыренныхъ изъ стѣнъ, и потряхивая ими подъ самымъ моимъ носомъ, предлагалъ купить на память. Греку моему предстоялъ новый бой. Не смотря на то, что въ мечети лежало боль-

ше сотни молящихся, опять завязался шумный торгъ. Дѣло покончили тѣмъ, что за горсть мозаикъ я долженъ былъ дать по піастру на каждаго изъ этихъ нищихъ. Я заплатилъ пять піастровъ и имамы ушли. Но мы не успѣли отойти десяти шаговъ, какъ новая фигура въ грязной чалмѣ ухватила меня за руку.

— Чего онъ хочетъ, Папатоли? спросилъ я.

— Да говоритъ, что обѣщано всѣмъ продавцамъ мозаикъ по піастру, а онъ не получилъ. Пожалуй, ихъ еще десятокъ придетъ!

Не желая отравлять своей прогулки, я бросилъ піастръ и этому оборванцу.

Послѣдніе поборы ожидали насъ при выходѣ. Не смотря на то, что по условію мы платили за все, проводникъ мой не могъ выручить нашихъ сапогъ, не заплатя двухъ піастровъ за туфли. Наконецъ толпа нищихъ и калѣкъ загородила намъ выходъ, и мы очистили дорогу только съ помощью мелкихъ денегъ.

Когда, по выходѣ изъ мечети, Папатоли началъ отирать крупный потъ, я ожидалъ, что онъ осыплетъ турокъ всѣми ругательствами, къ какимъ только способенъ греческій языкъ во французскомъ переводѣ. Но онъ взглянулъ на меня съ видимымъ удовольствіемъ и объявилъ, что ему никогда еще не случалось отдѣлываться здѣсь такъ легко и спокойно.

— Вотъ въ прошломъ мѣсяцѣ, сказалъ онъ: — когда я водилъ въ Соборъ пріѣзжихъ французовъ, мнѣ столько пришлось кричать, что я на цѣлую недѣлю потерялъ голосъ.

— Охота-же горячиться изъ какихъ-нибудь пяти лишнихъ піастровъ! замѣтилъ я.

— Пять піастровъ вы дадите лучше мнѣ, а я никогда не пожалѣю горла, чтобъ оттянуть хоть одну пару у этихъ собакъ!

Я позволилъ ему считать за мною франкъ. Онъ былъ очень доволенъ и дорогой не переставалъ твердить, что мы необыкновенно удачно отдѣлались въ Ая-Софіи.

XVII.

Топханское гулянье. — Сладкія - Воды.

Константинополь въ первые дни бэйрама напоминаетъ Москву во время свѣтлой-недѣли. Базары въ эти праздники обыкновенно заперты, въ мечетяхъ толпится народъ, по улицамъ нарядная толпа тянется на гулянья. Топханская площадь тоже самое для турокъ, что у москвичей эспланада подъ-Новинскимъ. Въ два часа я отправился съ Папатоли на это народное гулянье. Мы спустились въ Галату, повернули въ направленіи къ Босфору и вышли къ мечети Махмудіе, одной изъ самыхъ изящныхъ турецкихъ построекъ. Подлѣ нея съ одной стороны видѣнъ прелестный фонтанъ, настоящая игрушка въ мавританскомъ стилѣ, съ другой рядъ мѣдныхъ позеленѣлыхъ пушекъ и кучи сложенныхъ въ пирамиды ядеръ, поросшія травою. На сосѣдней площади, примыкающей къ Босфору, гремитъ музыка и кипятъ толпы народа.

По серединѣ тянется нѣсколько деревянныхъ балагановъ въ томъ же вкусѣ, какъ и подъ-Новинскимъ, съ балконами для гаэровъ, съ вывѣсками и развѣвающимися флагами. Между ними поставлены круглыя качели съ висячими бесѣдочками и палатки съ лакомствами. Съ од-

ной стороны вдоль площади настроены изъ досокъ ряды подымающихся однѣ за другими скамеекъ, и на всѣхъ сидятъ женщины въ яркихъ костюмахъ. Что это за пестрота! Точно куклы въ игрушечныхъ магазинахъ, всѣ онѣ одѣты въ самые рѣзкіе цвѣта: одна вся зеленая, какъ попугай, другая желтая, точно канарейка, иныя въ розовомъ, свѣтло-фіолетовомъ или голубомъ фередже. Головы закрыты кисейнымъ яшмакомъ, который въ послѣднее время сталъ до-того прозраченъ, что не мѣшаетъ турчанкамъ показывать нарумяненныя щеки и раскрашенныя брови. Армянки отличаются маленькимъ вуалемъ, а на гречанкахъ совсѣмъ нѣтъ покрывалъ. Вокругъ балагановъ двигаются коляски на лежачихъ рессорахъ, талики, расписанныя букетами цвѣтовъ, арбы съ суконнымъ или полотнянымъ навѣсомъ, запряженныя быками. Въ нихъ катаются больше всего дѣти съ своими черными няньками.

По всей площади разставлены корзины съ виноградомъ, персиками и фигами, лотки съ греческимъ печеньемъ и каймакомъ изъ взбитыхъ съ сахаромъ сливокъ. Около экипажей ходятъ разнощики фруктовъ, конфектъ и прохладительныхъ шербетовъ. Оборванные турки разносятъ жестяные подносы съ рисовыми пирожками и кувшиномъ розовой воды; продавцы лимонада бѣгаютъ съ лоткомъ, гдѣ быстро кружится какая-то вертушка, звеня своими зубцами по стеклянным колокольчикамъ.

На самой площади волнуются разнообразныя лица и костюмы: турки въ разноцвѣтныхъ чалмахъ, греки въ бѣлыхъ фустанеллахъ и фесахъ, арнауты съ наброшенными на одно плечо, шитыми золотомъ куртками, евреи въ длинныхъ халатахъ и черныхъ шапочкахъ, обвязанныхъ синимъ платкомъ. На всякомъ шагу попада-

отся калѣки и нищіе, или дѣти съ старческими лицами и кривыми ногами. Все это толпится передъ балаганами и непремѣнно жуетъ что-нибудь. Какъ у насъ на балконахъ масличныхъ балагановъ являются фигляры въ турецкихъ чалмахъ и курткахъ, такъ и здѣсь выходятъ паяцы, каррикатурно наряженные европейцами, во фракахъ съ короткими фалдами и круглыхъ измятыхъ шляпахъ. У одного на носу огромные очки, у другаго чудовищная лорнетка. Только пьерро въ бѣлой рубашкѣ, усаженной напереди пуговицами величиной съ рѣпу, и въ войлочной шляпѣ на испачканной мѣломъ головѣ, неизмѣнно одинаковъ подъ-Новинскимъ и въ Топханѣ. Всѣ эти гаэры — молодые греки или армяне.

Балаганныя потѣхи сильно занимаютъ публику. Съ появленіемъ фигляровъ на балконѣ, экипажи останавливаются, женщины откидываютъ покрывала, зѣваки тѣснятся къ балаганамъ. Сами зрители представляютъ любопытное зрѣлище. Вотъ передъ однимъ балкономъ остановился старикъ въ грязномъ рубищѣ около пояса, съ обнаженной татуированной грудью, и опуская пальцами въ ротъ изъ деревянной чашки разваренную кукурузу, любуется гаэромъ, который разыгрываетъ пьянаго франка. Вотъ у другаго балкона человѣкъ, худой какъ палка, въ голубомъ халатѣ и желтой чалмѣ, сидитъ по-дамски на маленькомъ ослѣ, и перебирая четки, смотритъ съ тупымъ удовольствіемъ, какъ фигляръ, одѣтый янычаромъ, бьетъ нагайкою двухъ гяуровъ въ казацкихъ киверахъ.

Передъ одной палаткой увидѣли мы раекъ, совершенно такой-же, какіе бываютъ и на нашихъ народныхъ гуляньяхъ. Оборванный турокъ поворачивалъ ручку, передвигающую картины внутри ящика, и монотоннымъ голосомъ напѣвалъ объясненіе видовъ. Въ три круглыя

стекла смотрѣли зрители. Передъ однимъ стоялъ нагнувшись высокій офицеръ въ мундирѣ низама. Къ другому негръ поднималъ мальчика лѣтъ восьми, въ казакинѣ съ вышитымъ воротникомъ и въ тарбушѣ съ золотою кистью. У третьяго виднѣлась фигура одного роста съ мальчишкой. Я было принялъ ее за ребенка, но оказалось, что это старичекъ на костыляхъ, съ лицомъ похожимъ на высохшій лимонъ; на немъ былъ розовый атласный халатъ и зеленая чалма эмира. Неужели это потомокъ Магомета!

Я просилъ Папатоли прислушаться и передать мнѣ содержаніе разсказа. Въ подвижной панорамѣ были виды Елисейскихъ-полей, какого-то водопада, лондонскаго Кристальнаго-дворца и наконецъ Севастополя. Объясненіе послѣдняго было довольно любопытно. Разскащикъ, почесывая спину, напѣвалъ гнусливымъ голосомъ:

«Вотъ, эффенди, московская крѣпость Севастамбулъ. Во всемъ свѣтѣ не было такого крѣпкаго города. Гяуры отстроивали его четыреста лѣтъ: каждый годъ прибавляли они новую башню, каждый мѣсяцъ строили новый корабль, всякій день ставили новую пушку. Султанъ ихъ истратилъ на это всю казну свою, — и стѣны поднялись до облаковъ, а пушекъ было сколько звѣздъ на небѣ».

— Гдѣ-же эта крѣпость? спросилъ зеленый эмиръ, обращаясь къ разскащику.

«У московъ-гяуровъ, эффенди, въ самой серединѣ земли ихъ. Какъ построили они свою крѣпость, то англичане, французы и другія собаки позавидовали московскому султану и пошли раззорять его городъ. И собралось ихъ, словно песку въ пустынѣ, что ведетъ къ благословенной Меккѣ. Окружили они крѣпость съ моря и суши, и пошла такая пальба, что вся земля московская

затмилась, и гяуры днемъ не могли различать бѣлаго отъ чернаго. А крѣпость все стояла».

— И теперь стоитъ? спросилъ любознательный эмиръ.

«Завистливые франки, продолжалъ тѣмъ-же тономъ разскащикъ: — стояли у крѣпости, пока луна не обернулась двѣнадцать разъ серпомъ своимъ на востокъ и двѣнадцать разъ на западъ. И погибло ихъ несчетное число. Тогда нашъ великій султанъ благоволилъ повершить дѣло. Онъ послалъ къ московской крѣпости одну пушку съ Топханы, — и на другой день Севастамбулъ сгорѣлъ отъ ея выстрѣловъ со всѣми башнями и кораблями».

При этомъ окружавшіе насъ турки въ знакъ удовольствія опустили рѣсницы и щелкнули языкомъ. Офицеръ приподнялся и окинулъ меня побѣдоноснымъ взглядомъ.

Съ часъ бродилъ я по Топханской-площади, и мнѣ это надоѣло. Я рѣшился кончить день на другомъ гуляньи, въ Кіатъ-хане или у Сладкихъ-Водъ. За двадцать піастровъ наняли мы каикъ, и я расположился въ немъ, протянувъ ноги на суконной подушкѣ. Каикчи смочилъ губкою ручки веселъ, и мы понеслись вглубь Золотаго-Рога, между двумя изгибами подымающейся съ обѣихъ сторонъ панорамы. Налѣво тянулись кварталы Фанаръ и Балата, направо Касимъ-паша и Хастуи, съ еврейскимъ кладбищемъ, гдѣ на голомъ холмѣ виднѣлись бѣлые могильные камни, какъ стадо разсыпанныхъ гусей; а впереди, въ глубинѣ залива раскидывалось Эюбское-предмѣстье, все затопленное въ зелени кипарисныхъ садовъ, и посреди его бѣлая мечеть съ двумя минаретами, тонкими и стройными, какъ сами кипарисы. Тутъ султаны при вступленіи на престолъ празднуютъ таклиди-сеифъ,

то-есть опоясываются саблею Османа. По берегу шагали сѣрые аисты, тихіе и величавые, какъ турки.

На заливѣ скользила цѣлая флотилія каиковъ, которые спѣшили къ загородному гулянью. Въ однихъ сидѣли турки, дымя апатически изъ длинныхъ трубокъ; въ другихъ виднѣлись женщины въ своихъ яркихъ фередже. Изрѣдка попадался въ раззолоченномъ каикѣ какой-нибудь паша, вмѣстѣ съ закутанной покрываломъ женщиной и черной невольницей. Когда мы поровнялись съ Эюбъ-джами, на минаретѣ ея показался муэззинъ, и приложа руку къ щекѣ, какъ дѣлаютъ у насъ плачущія бабы, затянулъ свой заунывный лаилаге. Часовой, стоявшій у Адмиралтейства, подъ бѣлымъ, прикрѣпленнымъ къ шесту зонтикомъ, заслыша этотъ призывъ, поставилъ ружье къ стѣнѣ, разостлалъ передъ собою коврикъ и упалъ ничкомъ на протянутыя впередъ руки. Мекка приходилась въ противоположной сторонѣ, а потому онъ оборотился къ заливу той частью тѣла, которая меньше всего нужна для намаза.-Молодыя турчанки въ сосѣдней къ намъ лодкѣ залились звучнымъ хохотомъ.

Отъ Эюба Золотой-Рогъ съуживается, и загибаясь вправо, сливается наконецъ съ рѣчкой Кигаджаной, которую и называютъ Сладкими-Водами. Каикъ нашъ полетѣлъ вверхъ по рѣкѣ и чрезъ нѣсколько минутъ присталъ къ зеленѣющей набережной. Тутъ стояло множество лодокъ, а по берегу разсыпаны были кареты, арбы и талики. Каикчи и саисы группами и по-одиночкѣ сидѣли на корточкахъ, кто съ трубкой, кто просто съ однимъ безсмысленнымъ, никуда не обращеннымъ взглядомъ.

Передъ нами открылся обширный лугъ, на которомъ разбросаны купами вѣковые платаны. Подъ тѣнью этихъ великолѣпныхъ деревьевъ, на разостланныхъ коврахъ и

шелковыхъ тюфякахъ, облокотясь на атласныя или парчевыя подушки, неподвижно, какъ цвѣтныя фарфоровыя куклы, сидятъ группами мущины и женщины, всегда почти порознь одни отъ другихъ. Турки, поджавъ ноги, курятъ трубки или наргилэ и только изрѣдка обмѣниваются отрывистыми фразами. Голубыя, лиловыя и розовыя турчанки, съ бѣлыми кисейными яшмаками, показались бы статуями, еслибъ однѣ не жевали какихъ-нибудь лакомствъ, другія не дымили соломенныхъ сигаретокъ. Даже дѣти не бѣгаютъ и не рѣзвятся, какъ у насъ въ Лѣтнемъ-саду или въ Сокольникахъ, а сидятъ около матерей или ходятъ, переваливаясь съ ноги-на-ногу. Мальчики одѣты въ вышитые золотомъ куртки, и часто видишь у нихъ на шеѣ ордена и медали; это оттого, что отецъ, украшенный орденомъ, имѣетъ право повѣсить копію съ него на старшаго сына. У дѣвочекъ атласные казакины и шелковые шальвары съ желтыми сапожками, а волосы заплетены во множество мелкихъ косичекъ, перевитыхъ золотомъ или серебрянымъ снуркомъ. Здѣсь, какъ и у насъ, богатые люди одѣваютъ дѣтей въ національный костюмъ, котораго не носятъ взрослые.

Рѣчка ведетъ къ дворцу Гюль-ханѐ или Дому-розъ, гдѣ дана была знаменитая розовая конституція, которая, какъ мыльный пузырь, блеснула и лопнула передъ глазами раевъ. Это деревянное двухъ-этажное зданіе, съ рѣшетчатыми окнами, отъ котораго выдаются впередъ досчатые бельведеры, опирающіеся на мраморныя колонны. Каменная ограда окружаетъ этотъ уродливый сарай изъ досокъ и мрамора. Позади, на самомъ берегу рѣчки, стоитъ кіоскъ, съ выдающеюся впередъ крышею, весь раскрашенный и вызолоченный. За нимъ разстилается обширная долина, съ обѣихъ сторонъ окаймленная го-

рами, и по ней тянется вдаль безконечный каналъ, саженъ въ пять шириною, обсаженный кипарисами и платанами. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ онъ перерѣзанъ плотинами изъ бѣлаго мрамора, въ видѣ опускающихся въ три уступа раковинъ, по которымъ вода переливается каскадами. На днѣ ихъ вырублены кое-гдѣ каменныя рыбки. На одной изъ этихъ плотинъ стоятъ рядомъ три мраморныя бесѣдки: когда султанъ пріѣзжаетъ сюда съ гаремомъ, то въ среднемъ павильонѣ приготовляется для него наргилэ, и онъ смотритъ отсюда, какъ одалиски купаются въ мраморныхъ раковинахъ. Это одинъ изъ послѣднихъ остатковъ гаремной старины. Въ такіе дни ко дворцу, разумѣется, никого не пускаютъ.

Долина Сладкихъ-Водъ въ-самомъ-дѣлѣ прекрасна. Живописныя линіи окаймляющихъ ее горъ, темная зелень кипарисовъ, ярко сверкающія мраморныя плотины, кусты розъ по берегамъ рѣчки, свѣжесть и прохлада отъ воды, — все дышетъ восточнымъ кейфомъ. Когда мы пришли сюда, по всей долинѣ разсѣяны были живописныя группы, между которыми бродили продавцы фруктовъ и конфектъ, разнощики съ мороженымъ и шербетами, вездѣ вились струйки дыма отъ трубокъ и наргилэ. Крики погонщиковъ, предлагающихъ верховыхъ лошадей, и бѣготня мальчиковъ изъ построенной на углу кофейни оживляютъ сцену. Если Топхана напоминаетъ гулянье подъ-Новинскимъ, то въ Сладкихъ-Водахъ есть что-то общее съ прогулками въ Сокольникахъ или подъ-Симоновымъ, съ тою разницею, что тутъ нѣтъ самоваровъ и пѣсенъ и нашего праздничнаго разгула.

Когда мы возвращались къ своему каику, недалеко отъ султанскаго кіоска встрѣтилась намъ карета, запряженная парой сѣрыхъ лошадей, которыхъ вели подъ-уздцы

чауши. За каретой ѣхало восемь кавасовъ, а съ правой стороны у самыхъ дверецъ шелъ негръ въ бѣлой курткѣ и чалмѣ. Отвислыя губы его и желтые бѣлки глазъ обличали гаремнаго сторожа, не нуждающагося въ женской ласкѣ, какъ говоритъ Коранъ. Въ каретѣ, рядомъ съ какою-то закутанной фигурой, сидѣла молоденькая женщина, въ аломъ шелковомъ фередже и шитой золотомъ шапочкѣ, съ легко-приколотымъ яшмакомъ, или лучше сказать прозрачнымъ вуалемъ. Карета остановилась передъ оркестромъ музыки, и мы могли разсмотрѣть турчанку. Папатоли шепнулъ мнѣ, что это должна быть дочь султана или одна изъ его женъ. Если нарядъ султанши, при ея лайковыхъ перчаткахъ и парижскомъ вѣерѣ, далеко уступалъ великолѣпному костюму, въ какомъ мы видѣли Рашель въ Баязетѣ, зато сама она была настоящимъ типомъ турецкой красоты. Бѣлое покрывало, оттѣняя виски ея, увеличивало блескъ распущенныхъ черныхъ косъ и пронзительныхъ черныхъ глазъ. Правильный овалъ лица, прямой носъ съ приподнятыми ноздрями, матовая бѣлизна кожи и молочный румянецъ, — все это составляло самобытныя черты, непохожія ни на одинъ изъ европейскихъ типовъ. Турки почтительно отступали, потупляя глаза, и даже дѣти робко бѣжали отъ кареты; только съ десятокъ иностранцевъ, а въ томъ числѣ и я, стояли подлѣ экипажа. Султанша не оскорблялась нашими лорнетами, и большіе магометанскіе глаза ея спокойно обращались на гяуровъ.

— Не знаете-ли, кто это? спросилъ я черезъ моего переводчика у молодаго турка, который въ нѣсколькихъ шагахъ оттуда, прислонясь къ платану, посматривалъ искоса на султанскую карету.

— Не должно знать! отвѣчалъ онъ отрывисто.

Мы возвратились домой, когда пушечная пальба съ пристаней и судовъ наполнила городъ громомъ и дымомъ, и испуганныя чайки съ крикомъ метались взадъ и впередъ по Босфору.

— · -

XVII.

Топханское гулянье. — Сладкія - Воды.

Константинополь въ первые дни бэйрама напоминаетъ Москву во время свѣтлой-недѣли. Базары въ эти праздники обыкновенно заперты, въ мечетяхъ толпится народъ, по улицамъ нарядная толпа тянется на гулянья. Топханская площадь тоже самое для турокъ, что у москвичей эспланада подъ-Новинскимъ. Въ два часа я отправился съ Папатоли на это народное гулянье. Мы спустились въ Галату, повернули въ направленіи къ Босфору и вышли къ мечети Махмудіе, одной изъ самыхъ изящныхъ турецкихъ построекъ. Подлѣ нея съ одной стороны видѣнъ прелестный фонтанъ, настоящая игрушка въ мавританскомъ стилѣ, съ другой рядъ мѣдныхъ позеленѣлыхъ пушекъ и кучи сложенныхъ въ пирамиды ядеръ, поросшія травою. На сосѣдней площади, примыкающей къ Босфору, гремитъ музыка и кипятъ толпы народа.

По серединѣ тянется нѣсколько деревянныхъ балагановъ въ томъ же вкусѣ, какъ и подъ-Новинскимъ, съ балконами для гаэровъ, съ вывѣсками и развѣвающимися флагами. Между ними поставлены круглыя качели съ висячими бесѣдочками и палатки съ лакомствами. Съ од-

ной стороны вдоль площади настроены изъ досокъ ряды подымающихся однѣ за другими скамеекъ, и на всѣхъ сидятъ женщины въ яркихъ костюмахъ. Что это за пестрота! Точно куклы въ игрушечныхъ магазинахъ, всѣ онѣ одѣты въ самые рѣзкіе цвѣта: одна вся зеленая, какъ попугай, другая желтая, точно канарейка, иныя въ розовомъ, свѣтло-фіолетовомъ или голубомъ фередже. Головы закрыты кисейнымъ яшмакомъ, который въ послѣднее время сталъ до-того прозраченъ, что не мѣшаетъ турчанкамъ показывать нарумяненныя щеки и раскрашенныя брови. Армянки отличаются маленькимъ вуалемъ, а на гречанкахъ совсѣмъ нѣтъ покрывалъ. Вокругъ балагановъ двигаются коляски на лежачихъ рессорахъ, талики, расписанныя букетами цвѣтовъ, арбы съ суконнымъ или полотнянымъ навѣсомъ, запряженныя быками. Въ нихъ катаются больше всего дѣти съ своими черными няньками.

По всей площади разставлены корзины съ виноградомъ, персиками и фигами, лотки съ греческимъ печеньемъ и каймакомъ изъ взбитыхъ съ сахаромъ сливокъ. Около экипажей ходятъ разнощики фруктовъ, конфектъ и прохладительныхъ шербетовъ. Оборванные турки разносятъ жестяные подносы съ рисовыми пирожками и кувшиномъ розовой воды; продавцы лимонада бѣгаютъ съ лоткомъ, гдѣ быстро кружится какая-то вертушка, звеня своими зубцами по стеклянным колокольчикамъ.

На самой площади волнуются разнообразныя лица и костюмы: турки въ разноцвѣтныхъ чалмахъ, греки въ бѣлыхъ фустанеллахъ и фесахъ, арнауты съ наброшенными на одно плечо, шитыми золотомъ куртками, евреи въ длинныхъ халатахъ и черныхъ шапочкахъ, обвязанныхъ синимъ платкомъ. На всякомъ шагу попада-

рокъ. Когда мы вошли, онъ всталъ, зачерпнулъ деревянной чашкой изъ ящика, подошелъ ко мнѣ и проговорилъ: «Подайте на пропитаніе птицамъ божіимъ!» Я далъ ему піастръ, и онъ высыпалъ пшеницу на дворъ. Тысячи голубей со всѣхъ сторонъ ринулись внизъ и покрыли всю площадку бѣлой массою трепещущихъ крыльевъ. Въ одну минуту на дворѣ не осталось ни зерна.

— Откуда этотъ обычай кормить голубей? спросилъ я турка черезъ моего переводчика.

— Блаженный султанъ Баязидъ, построившій эту джами, отвѣчалъ старикъ: — принесъ ей въ даръ пару голубей. Съ-тѣхъ-поръ правовѣрные кормятъ ихъ потомство на спасеніе души падишаха.

Споры съ имамами такъ надоѣли мнѣ, что я не пошелъ въ Баязидову-мечеть, а поспѣшилъ въ Сулейманіе. Это самая обширная и изящная джами во всемъ городѣ, послѣ Ая-Софіи, и что важнѣе всего — не передѣлка или подражаніе христіанской церкви, а вполнѣ магометанская мечеть, сооруженная въ лучшую эпоху турецкаго вкуса, когда мавританская архитектура процвѣтала въ Константинополѣ.

Сулейманова мечеть стоитъ на одной изъ лучшихъ высотъ Стамбула, надъ лѣвымъ берегомъ Золотаго-Рога. Мы вошли на гаремъ-джами, обширный дворъ, огороженный со стороны залива каменнымъ парапетомъ и замкнутый по угламъ башнями, откуда витыя лѣстницы ведутъ на пролегающую внизу улицу. Съ другихъ сторонъ тянется ограда и каменныя строенія, гдѣ помѣщаются многочисленные имареты и медресе. Посереди этой площади, усаженной липами и платанами, стоитъ узорчатый корпусъ мечети съ арабскими галереями, унизанный множествомъ свинцовыхъ куполовъ, и передъ нимъ четыре гра-

ціозные минерета съ золотой луною подымаются, какъ исполинскія восковыя свѣчи, зажженныя передъ святилищемъ ислама. У передней стѣны мечети видны два отдѣльные кіоска, въ видѣ ротондъ, обведенныхъ арками на колоннахъ изъ розоваго и бѣлаго мрамора. Это тюрбе Сулеймана-Великаго и жены его Кассеки, извѣстной больше подъ именемъ Роксоланы.

Пока проводникъ мой торговался съ имамомъ за входъ въ гробницы, я подошелъ къ оградѣ полюбоваться видомъ, который открывается съ двора на Золотой-Рогъ и всю панораму Галаты и Перы. Но меня поразило отвратительное зрѣлище. Вдоль всего гаремъ-джами тянется каменная скамья, примыкающая къ парапету. На ней сидѣло, поджавъ ноги, десятка три нищихъ и калѣкъ, съ язвами на тѣлѣ,—и вся эта честная компанія, снявъ свои грязныя рубища, внимательно занималась очистительной ловлей, которую предписываетъ Коранъ на-ряду съ умовеніями. Я ушелъ отъ прокаженной толпы.

Папатоли окончилъ между-тѣмъ переговоры съ смотрителемъ тюрбе. Турокъ отперъ рѣшетчатую, позолоченную дверь, обмахнулъ полою халата пыль съ моихъ сапоговъ, и мы вошли въ павильонъ Сулеймана. Это круглая комната съ арабскимъ сводомъ, вся выложенная мраморомъ и покрытая рѣзьбою и золотыми узорчатыми надписями. Посреди ротонды, за фигурной рѣшеткой съ перламутровой инкрустаціей и позолотой, стоятъ три гробницы. Это могилы султана и двухъ сыновей его. Гробница Сулеймана окутана вся покровами изъ золотой парчи съ зелеными узорами. Въ головахъ лежитъ на ней большая чалма, изъ бѣлой шали съ алымъ бархатнымъ колпакомъ, на которой подымается съ-боку большое стоячее перо, пристегнутое бриллiантовымъ полумѣсяцемъ. Пе-

редъ гробницей горятъ огромныя восковыя свѣчи въ серебряныхъ канделябрахъ, похожихъ на наши церковные подсвѣчники, а съ потолка спускаются на проволокахъ лампады съ подвѣшенными внизу страусовыми яицами. На особомъ столикѣ стоитъ деревянная модель Мекки. Боковыя гробницы меньше, но убраны въ томъ-же вкусѣ. Весь павильонъ отличается роскошью и изяществомъ.

Сторожъ привелъ насъ къ другой тюрбе и опять вытеръ мнѣ сапоги. Гробница Роксоланы гораздо меньше, чѣмъ памятникъ ея мужа. За позолоченной рѣшеткой стоитъ саркофагъ, окутанный кашемировыми шалями и увѣнчанный тюрбаномъ съ остроконечной скуфейкою и бриллiантовымъ аграфомъ. Кажется, это единственная женская тюрбе во всемъ Стамбулѣ, какъ и сама Роксолана была единственной женской личностью во всей турецкой исторiи. Другiя султанши погребены въ общихъ тюрбе съ своими мужьями. При выходѣ нашемъ турокъ сверхъ условленной платы попросилъ бакшишъ за обтирку моихъ сапогъ.

Мимо ряда мраморныхъ бассейновъ, примыкающихъ къ боковому фасаду джами, прошли мы къ главному входу въ Сулейманiе. Папатоли просилъ меня подождать и пошелъ въ маленькую дверь, которая вела въ келью сторожевыхъ имамовъ. Въ ожиданiи его я поднялся на ступени крыльца. Двери въ мечеть были отворены, и черный суконный занавѣсъ, весь въ заплатахъ, былъ до половины приподнятъ. Я подошелъ къ самымъ дверямъ: внутри джами тускло мерцали лампады и не слыхать было ни малѣйшаго звука. Мнѣ надоѣло ждать Папатоли; я переступилъ за порогъ, и шагъ за шагомъ пробрался на самую середину мечети.

Внутренность Сулейманiе поражаетъ оригинальнымъ

величіемъ. Архитектура ея не напоминаетъ уже христіанской церкви: это зданіе, посвященное вполнѣ исламизму. Въ немъ нѣтъ ни величественнаго купола Ая-Софіи, ни ея колоссальныхъ хоръ, ни рѣзныхъ мраморныхъ карнизовъ; но арабскія арки, подымающіяся, какъ изогнутыя сабли, на колоннахъ розоваго гранита, легкіе своды, испещренные золотыми арабесками, стрѣльчатыя окна съ цвѣтными стеклами, — все напоминаетъ лучшее время мавританскаго искусства. Стѣны всѣ покрыты узорчатыми надписями: кажется, это полный экземпляръ Корана, писанный золотомъ на исполинскихъ мраморныхъ скрижаляхъ. Подобно Юстиніану, Сулейманъ сбиралъ мраморы для своей джами со всего Константинополя: въ нее переносились древнія колонны съ площадей и изъ христіанскихъ храмовъ. Въ числѣ четырехъ устоевъ, подпирающихъ своды, стоитъ и порфировая колонна съ Августеона — подножіе бронзовой статуи Юстиніана, къ которой Магометъ II бросилъ окровавленную голову послѣдняго греческаго императора. Но при всемъ богатствѣ мраморовъ, красотѣ арокъ и разнообразіи украшеній, мечеть поражаетъ какою-то пустотой и холодностью: въ ней будто недостаетъ чего-нибудь, какъ въ роскошной квартирѣ холостяка, не оживленной присутствіемъ женщины.

Обстановка здѣсь та-же, что и въ другихъ мечетяхъ. Въ глубинѣ обширной ниши бѣлѣетъ мраморная рѣзная мира для храненія Корана, и вокругъ развѣшены таблицы съ золотыми начертаніями священныхъ текстовъ или съ именами султановъ. У переднихъ колоннъ стоитъ минбаръ и султанская ложа изъ бѣлаго мрамора. Съ потолка висятъ на проволокахъ безчисленныя лампады, то рядами поперекъ мечети, то сгруппированныя въ видѣ люстръ.

Полъ устланъ тросниковыми рогожками. Я осмотрѣлся и замѣтилъ, что мечеть была не пуста. Съ десятокъ турокъ въ разныхъ мѣстахъ совершали итикафъ, то-есть лежали ничкомъ, поджавъ колѣна и опустя головы на вытянутыя и сложенныя руки. У колоннъ стояло нѣсколько женщинъ, скорѣе похожихъ на зрительницъ, чѣмъ на молящихся. Магометъ оттолкнулъ женщину не только отъ общественной жизни, но даже и отъ Аллаха: ей не дано мѣста и въ раю, гдѣ живутъ ея соперницы, гуріи.

Я осмотрѣлъ всю мечеть и, кажется, никто изъ турокъ меня не замѣтилъ. Только при выходѣ оборванный имамъ встрѣтился со мною въ дверяхъ, прокричалъ хриплымъ голосомъ вѣроятно какое-нибудь не совсѣмъ лестное привѣтствіе, но къ крайнему удивленію моему не попросилъ денегъ. Прогулка по Сулейманіе не стоила мнѣ ни копѣйки.

По выходѣ изъ мечети я не могъ отыскать Папатоли. Напрасно обошелъ я весь дворъ, заглянулъ въ келью имамовъ: проводникъ мой исчезъ. Между-тѣмъ на каменной скамьѣ нищіе продолжами охотиться въ своихъ лохмотьяхъ. Я взглянулъ черезъ парапетъ. Подъ самой стѣною тянулась грязная улица, обставленная рядомъ закопченныхъ лачугъ, передъ которыми гнѣздились кузнецы и слесаря, какъ черные тараканы въ смрадной щели. У одной избушки стоялъ мой Папатоли; онъ замѣтилъ меня и знаками приглашалъ сойти. По витой лѣстницѣ я спустился на улицу и у входа встрѣтилъ своего проводника. Онъ былъ очень встревоженъ.

— Что съ вами случилось? спросилъ я.

— Вы совсѣмъ меня не жалѣете, отвѣчалъ онъ. — Какъ-же можно ходить въ мечеть безъ позволенія: вѣдь имамы не пускаютъ сегодня ни за-какія деньги.

рами, и по ней тянется вдаль безконечный каналъ, саженъ въ пять шириною, обсаженный кипарисами и платанами. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ онъ перерѣзанъ плотинами изъ бѣлаго мрамора, въ видѣ опускающихся въ три уступа раковинъ, по которымъ вода переливается каскадами. На днѣ ихъ вырублены кое-гдѣ каменныя рыбки. На одной изъ этихъ плотинъ стоятъ рядомъ три мраморныя бесѣдки: когда султанъ пріѣзжаетъ сюда съ гаремомъ, то въ среднемъ павильонѣ приготовляется для него наргилэ, и онъ смотритъ отсюда, какъ одалиски купаются въ мраморныхъ раковинахъ. Это одинъ изъ послѣднихъ остатковъ гаремной старины. Въ такіе дни ко дворцу, разумѣется, никого не пускаютъ.

Долина Сладкихъ-Водъ въ-самомъ-дѣлѣ прекрасна. Живописныя линіи окаймляющихъ ее горъ, темная зелень кипарисовъ, ярко сверкающія мраморныя плотины, кусты розъ по берегамъ рѣчки, свѣжесть и прохлада отъ воды, — все дышетъ восточнымъ кейфомъ. Когда мы пришли сюда, по всей долинѣ разсѣяны были живописныя группы, между которыми бродили продавцы фруктовъ и конфектъ, разнощики съ мороженымъ и шербетами, вездѣ вились струйки дыма отъ трубокъ и наргилэ. Крики погонщиковъ, предлагающихъ верховыхъ лошадей, и бѣготня мальчиковъ изъ построенной на углу кофейни оживляютъ сцену. Если Топхана напоминаетъ гулянье подъ-Новинскимъ, то въ Сладкихъ-Водахъ есть что-то общее съ прогулками въ Сокольникахъ или подъ-Симоновымъ, съ тою разницею, что тутъ нѣтъ самоваровъ и пѣсенъ и нашего праздничнаго разгула.

Когда мы возвращались къ своему каику, недалеко отъ султанскаго кіоска встрѣтилась намъ карета, запряженная парой сѣрыхъ лошадей, которыхъ вели подъ-устцы

чауши. За каретой ѣхало восемь кавасовъ, а съ правой стороны у самыхъ дверецъ шелъ негръ въ бѣлой курткѣ и чалмѣ. Отвислыя губы его и желтые бѣлки глазъ обличали гаремнаго сторожа, не нуждающагося въ женской ласкѣ, какъ говоритъ Коранъ. Въ каретѣ, рядомъ съ какою-то закутанной фигурой, сидѣла молоденькая женщина, въ аломъ шелковомъ ферадже и шитой золотомъ шапочкѣ, съ легко-приколотымъ яшмакомъ, или лучше сказать прозрачнымъ вуалемъ. Карета остановилась передъ оркестромъ музыки, и мы могли разсмотрѣть турчанку. Папатоли шепнулъ мнѣ, что это должна быть дочь султана или одна изъ его женъ. Если нарядъ султанши, при ея лайковыхъ перчаткахъ и парижскомъ вѣерѣ, далеко уступалъ великолѣпному костюму, въ какомъ мы видѣли Рашель въ Баязетѣ, зато сама она была настоящимъ типомъ турецкой красоты. Бѣлое покрывало, оттѣняя виски ея, увеличивало блескъ распущенныхъ черныхъ косъ и пронзительныхъ черныхъ глазъ. Правильный овалъ лица, прямой носъ съ приподнятыми ноздрями, матовая бѣлизна кожи и молочный румянецъ, — все это составляло самобытныя черты, непохожія ни на одинъ изъ европейскихъ типовъ. Турки почтительно отступали, потупляя глаза, и даже дѣти робко бѣжали отъ кареты; только съ десятокъ иностранцевъ, а въ томъ числѣ и я, стояли подлѣ экипажа. Султанша не оскорблялась нашими лорнетами, и большіе магометанскіе глаза ея спокойно обращались на гяуровъ.

— Не знаете-ли, кто это? спросилъ я черезъ моего переводчика у молодаго турка, который въ нѣсколькихъ шагахъ оттуда, прислонясь къ платану, посматривалъ искоса на султанскую карету.

— Не должно знать! отвѣчалъ онъ отрывисто.

Мы возвратились домой, когда пушечная пальба съ пристаней и судовъ наполнила городъ громомъ и дымомъ, и испуганныя чайки съ крикомъ метались взадъ и впередъ по Босфору.

XVIII.

Мечети и тюрбе.

Стамбульскія джами, или султанскія мечети, большею частію передѣланы изъ греческихъ церквей или выстроены по ихъ образцу, а потому всѣ почти напоминаютъ Ая-Софію. Арабская архитектура, такъ оригинальная въ кіоскахъ и фонтанахъ, не имѣла большаго вліянія на постройку главныхъ мечетей: въ нихъ замѣтно видѣнъ христіанскій храмъ, въ которомъ алтарь замѣнился нишею съ Кораномъ, а на куполахъ вмѣсто креста сверкаетъ полумѣсяцъ. Всѣ главныя джами стоятъ, какъ московскіе монастыри, на прекрасныхъ мѣстахъ, и отъ нихъ открываются живописные виды. Онѣ окружены обыкновенно дворомъ, обведеннымъ арабской аркадою на мраморныхъ колоннахъ и обсаженнымъ платанами и кипарисами.

На дворѣ этомъ видны пристройки, гдѣ помѣщаются медресе и школы, кельи имамовъ и богадѣльни или имареты. При каждой мечети есть фонтаны. У однихъ стоятъ они на дворѣ отдѣльно, въ видѣ кіоска изъ разноцвѣтныхъ мраморовъ, съ выгнутой шатромъ позолоченной кровлею, покрытаго арабесками и тѣми чудными надписями, которыя изъ письма переходятъ уже въ искусство,

представляя изящные узоры изъ переплетенныхъ золотыхъ буквъ. У другихъ мечетей фонтаны примыкаютъ къ основанію стѣны, въ видѣ круглыхъ полубассейновъ изъ бѣлаго мрамора. Тутъ всегда сидятъ на корточкахъ турки, съ засученными по локоть рукавами, съ обнаженными колѣнами, и покачивая головою, совершаютъ омовеніе. При большихъ джами видишь особый мраморный павильонъ: это тюрбе или гробница султана, построившаго храмъ.

Третье утро бэйрама я посвятилъ на прогулку по константинопольскимъ мечетямъ. Кромѣ недоступной для иностранцевъ Эюбъ-Джами, куда не пускаютъ никого и съ фирманомъ, теперь вездѣ можно побывать за деньги. Прежде всего я пошелъ съ своимъ проводникомъ въ Ахмедіе, которую турки называютъ шестиминаретной джами. Съ Атмейдана черезъ бронзовыя двери входишь на дворъ, со всѣхъ сторонъ обнесенный аркадами на порфировыхъ колоннахъ. Но всѣ эти прекрасныя арки заложены теперь досками, и мраморная галерея обращена для склада военной амуниціи. Передъ нею ходитъ часовой. Внутренность мечети, куда мы проникли, послѣ долгихъ споровъ съ имамами, напоминаетъ Софійскій-соборъ, съ большой примѣсью арабскихъ украшеній.

Отсюда пошли мы въ Баязидіе. Ограда ея — верхъ совершенства арабскаго вкуса. Это сквозная галерея изъ легкихъ мавританскихъ арокъ, на мраморныхъ и порфировыхъ колоннахъ необыкновенной легкости и красоты.

Нигдѣ я не видалъ такого множества голубей, какъ на дворѣ Баязидіе: они унизываютъ всѣ арки и карнизы и стаями носятся надъ мечетью. Ихъ кормятъ въ опредѣленное время, какъ и голубей св. Марка въ Венеціи. У входа въ джами стоитъ большой кипарисный сундукъ съ пшеницею, а подлѣ него сидитъ на коврѣ старый ту-

рокъ. Когда мы вошли, онъ всталъ, зачерпнулъ деревянной чашкой изъ ящика, подошелъ ко мнѣ и проговорилъ: «Подайте на пропитаніе птицамъ божіимъ!» Я далъ ему піастръ, и онъ высыпалъ пшеницу на дворъ. Тысячи голубей со всѣхъ сторонъ ринулись внизъ и покрыли всю площадку бѣлой массою трепещущихъ крыльевъ. Въ одну минуту на дворѣ не осталось ни зерна.

— Откуда этотъ обычай кормить голубей? спросилъ я турка черезъ моего переводчика.

— Блаженный султанъ Баязидъ, построившій эту джами, отвѣчалъ старикъ: — принесъ ей въ даръ пару голубей. Съ-тѣхъ-поръ правовѣрные кормятъ ихъ потомство на спасеніе души падишаха.

Споры съ имамами такъ надоѣли мнѣ, что я не пошелъ въ Баязидову-мечеть, а поспѣшилъ въ Сулейманіе. Это самая обширная и изящная джами во всемъ городѣ, послѣ Ая-Софіи, и что важнѣе всего — не передѣлка или подражаніе христіанской церкви, а вполнѣ магометанская мечеть, сооруженная въ лучшую эпоху турецкаго вкуса, когда мавританская архитектура процвѣтала въ Константинополѣ.

Сулейманова мечеть стоитъ на одной изъ лучшихъ высотъ Стамбула, надъ лѣвымъ берегомъ Золотаго-Рога. Мы вошли на гаремъ-джами, обширный дворъ, огороженный со стороны залива каменнымъ парапетомъ и замкнутый по угламъ башнями, откуда витыя лѣстницы ведутъ на пролегающую внизу улицу. Съ другихъ сторонъ тянется ограда и каменныя строенія, гдѣ помѣщаются многочисленные имареты и медресе. Посереди этой площади, усаженной липами и платанами, стоитъ узорчатый корпусъ мечети съ арабскими галереями, унизанный множествомъ свинцовыхъ куполовъ, и передъ нимъ четыре гра-

ціозные минерета съ золотой луною подымаются, какъ исполинскія восковыя свѣчи, зажженныя передъ святилищемъ ислама. У передней стѣны мечети видны два отдѣльные кіоска, въ видѣ ротондъ, обведенныхъ арками на колоннахъ изъ розоваго и бѣлаго мрамора. Это тюрбе Сулеймана-Великаго и жены его Кассеки, извѣстной больше подъ именемъ Роксоланы.

Пока проводникъ мой торговался съ имамомъ за входъ въ гробницы, я подошелъ къ оградѣ полюбоваться видомъ, который открывается съ двора на Золотой-Рогъ и всю панораму Галаты и Перы. Но меня поразило отвратительное зрѣлище. Вдоль всего гаремъ-джами тянется каменная скамья, примыкающая къ парапету. На ней сидѣло, поджавъ ноги, десятка три нищихъ и калѣкъ, съ язвами на тѣлѣ,—и вся эта честная компанія, снявъ свои грязныя рубища, внимательно занималась очистительной ловлей, которую предписываетъ Коранъ на-ряду съ умовеніями. Я ушелъ отъ прокаженной толпы.

Папатоли окончилъ между-тѣмъ переговоры съ смотрителемъ тюрбе. Турокъ отперъ рѣшетчатую, позолоченную дверь, обмахнулъ полою халата пыль съ моихъ сапоговъ, и мы вошли въ павильонъ Сулеймана. Это круглая комната съ арабскимъ сводомъ, вся выложенная мраморомъ и покрытая рѣзьбою и золотыми узорчатыми надписями. Посреди ротонды, за фигурной рѣшеткой съ перламутровой инкрустаціей и позолотой, стоятъ три гробницы. Это могилы султана и двухъ сыновей его. Гробница Сулеймана окутана вся покровами изъ золотой парчи съ зелеными узорами. Въ головахъ лежитъ на ней большая чалма, изъ бѣлой шали съ алымъ бархатнымъ колпакомъ, на которой подымается съ-боку большое стоячее перо, пристегнутое бриллiантовымъ полумѣсяцемъ. Пе-

редъ гробницей горятъ огромныя восковыя свѣчи въ серебряныхъ канделябрахъ, похожихъ на наши церковные подсвѣчники, а съ потолка спускаются на проволокахъ лампады съ подвѣшенными внизу страусовыми яицами. На особомъ столикѣ стоитъ деревянная модель Мекки. Боковыя гробницы меньше, но убраны въ томъ-же вкусѣ. Весь павильонъ отличается роскошью и изяществомъ.

Сторожъ привелъ насъ къ другой тюрбе и опять вытеръ мнѣ сапоги. Гробница Роксоланы гораздо меньше, чѣмъ памятникъ ея мужа. За позолоченной рѣшеткой стоитъ саркофагъ, окутанный кашемировыми шалями и увѣнчанный тюрбаномъ съ остроконечной скуфейкою и бриллiантовымъ аграфомъ. Кажется, это единственная женская тюрбе во всемъ Стамбулѣ, какъ и сама Роксолана была единственной женской личностью во всей турецкой исторiи. Другiя султанши погребены въ общихъ тюрбе съ своими мужьями. При выходѣ нашемъ турокъ сверхъ условленной платы попросилъ бакшишъ за обтирку моихъ сапогъ.

Мимо ряда мраморныхъ бассейновъ, примыкающихъ къ боковому фасаду джами, прошли мы къ главному входу въ Сулейманiе. Папатоли просилъ меня подождать и пошелъ въ маленькую дверь, которая вела въ келью сторожевыхъ имамовъ. Въ ожиданiи его я поднялся на ступени крыльца. Двери въ мечеть были отворены, и черный суконный занавѣсъ, весь въ заплатахъ, былъ до половины приподнятъ. Я подошелъ къ самымъ дверямъ: внутри джами тускло мерцали лампады и не слыхать было ни малѣйшаго звука. Мнѣ надоѣло ждать Папатоли; я переступилъ за порогъ, и шагъ за шагомъ пробрался на самую середину мечети.

Внутренность Сулейманiе поражаетъ оригинальнымъ

величіемъ. Архитектура ея не напоминаетъ уже христіанской церкви: это зданіе, посвященное вполнѣ исламизму. Въ немъ нѣтъ ни величественнаго купола Ая-Софіи, ни ея колоссальныхъ хоръ, ни рѣзныхъ мраморныхъ карнизовъ; но арабскія арки, подымающіяся, какъ изогнутыя сабли, на колоннахъ розоваго гранита, легкіе своды, испещренные золотыми арабесками, стрѣльчатыя окна съ цвѣтными стеклами, — все напоминаетъ лучшее время мавританскаго искусства. Стѣны всѣ покрыты узорчатыми надписями: кажется, это полный экземпляръ Корана, писанный золотомъ на исполинскихъ мраморныхъ скрижаляхъ. Подобно Юстиніану, Сулейманъ сбиралъ мраморы для своей джами со всего Константинополя: въ нее переносились древнія колонны съ площадей и изъ христіанскихъ храмовъ. Въ числѣ четырехъ устоевъ, подпирающихъ своды, стоитъ и порфировая колонна съ Августеона — подножіе бронзовой статуи Юстиніана, къ которой Магометъ II бросилъ окровавленную голову послѣдняго греческаго императора. Но при всемъ богатствѣ мраморовъ, красотѣ арокъ и разнообразіи украшеній, мечеть поражаетъ какою-то пустотой и холодностью: въ ней будто недостаетъ чего-нибудь, какъ въ роскошной квартирѣ холостяка, не оживленной присутствіемъ женщины.

Обстановка здѣсь та-же, что и въ другихъ мечетяхъ. Въ глубинѣ обширной ниши бѣлѣетъ мраморная рѣзная мпра для храненія Корана, и вокругъ развѣшены таблицы съ золотыми начертаніями священныхъ текстовъ или съ именами султановъ. У переднихъ колоннъ стоитъ минбаръ и султанская ложа изъ бѣлаго мрамора. Съ потолка висятъ на проволокахъ безчисленныя лампады, то рядами поперекъ мечети, то сгруппированныя въ видѣ люстръ.

Полъ устланъ тросниковыми рогожками. Я осмотрѣлся и замѣтилъ, что мечеть была не пуста. Съ десятокъ турокъ въ разныхъ мѣстахъ совершали итикафъ, то-есть лежали ничкомъ, поджавъ колѣна и опустя головы на вытянутыя и сложенныя руки. У колоннъ стояло нѣсколько женщинъ, скорѣе похожихъ на зрительницъ, чѣмъ на молящихся. Магометъ оттолкнулъ женщину не только отъ общественной жизни, но даже и отъ Аллаха: ей не дано мѣста и въ раю, гдѣ живутъ ея соперницы, гуріи.

Я осмотрѣлъ всю мечеть и, кажется, никто изъ турокъ меня не замѣтилъ. Только при выходѣ оборванный имамъ встрѣтился со мною въ дверяхъ, прокричалъ хриплымъ голосомъ вѣроятно какое-нибудь не совсѣмъ лестное привѣтствіе, но къ крайнему удивленію моему не попросилъ денегъ. Прогулка по Сулейманіе не стоила мнѣ ни копѣйки.

По выходѣ изъ мечети я не могъ отыскать Папатоли. Напрасно обошелъ я весь дворъ, заглянулъ въ келью имамовъ: проводникъ мой исчезъ. Между-тѣмъ на каменной скамьѣ нищіе продолжали охотиться въ своихъ лохмотьяхъ. Я взглянулъ черезъ парапетъ. Подъ самой стѣною тянулась грязная улица, обставленная рядомъ закопченныхъ лачугъ, передъ которыми гнѣздились кузнецы и слесаря, какъ черные тараканы въ смрадной щели. У одной избушки стоялъ мой Папатоли; онъ замѣтилъ меня и знаками приглашалъ сойти. По витой лѣстницѣ я спустился на улицу и у входа встрѣтилъ своего проводника. Онъ былъ очень встревоженъ.

— Что съ вами случилось? спросилъ я.

— Вы совсѣмъ меня не жалѣете, отвѣчалъ онъ. — Какъ-же можно ходить въ мечеть безъ позволенія: вѣдь имамы не пускаютъ сегодня ни за-какія деньги.

— Я и даромъ посмотрѣлъ.

— Что-же вы со мной-то дѣлаете? Собака я что-ли? Вѣдь я одной вѣры съ вами... одной-ли, скажите ради Бога?

— Положимъ такъ, да чего вы испугались! Еслибъ со мной что-нибудь случилось, — вамъ-то что за бѣда?

— Какъ что̀? Вы русскій, васъ не тронутъ; а я вѣдь беззащитный рая, меня могутъ палками отдуть.

— За что-же? Вѣдь вы не водили меня въ мечеть: я самъ пошелъ.

— Станутъ они слушать мои оправданія! Я какъ увидѣлъ васъ въ джами, меня такъ сюда и бросило... Да гдѣ-же у васъ были сапоги?

— Забылъ снять.

— Въ сапогахъ ходили!... Какъ-же это они васъ не задержали! Ослѣпли что-ли они, собаки!... Въ сапогахъ! вотъ чудо-то!

— Ну, послѣ подивитесь; пойдемте-ка пить кофе.

Мы зашли въ ближнюю кофейню. За трубкою Папатоли началъ приходить въ себя, но все еще подозрительно осматривался, какъ-будто опасаясь, чтобы кто-нибудь и здѣсь не схватилъ его за мою прогулку въ Сулейманіе. Въ дверяхъ онъ вѣжливо посторонился передъ грязными собаками. Но когда мы сходили по пустой улицѣ къ пристани, чтобы сѣсть въ каикъ, онъ закричалъ съ одушевленіемъ: «въ сапогахъ и въ бэйрамъ! славно»! При этомъ грекъ мой схватилъ камень, посмотрѣлъ во всѣ стороны, и убѣдясь, что въ переулкѣ не видать турокъ, энергически швырнулъ его въ стаю собакъ.

Когда я вечеромъ пришелъ къ обѣду, въ залѣ шел одушевленный разговоръ. Разнесся слухъ, что въ Константинополѣ готовится дипломатическій кризисъ, по в

росу о выборахъ въ Дунайскихъ-княжествахъ. Въ-самомъ-дѣлѣ въ Валлахіи разыгрывалась комедія, которая грозила принять серьезный оборотъ. Подъ вліяніемъ султанскаго коммиссара выборы сдѣланы были совершенно по-турецки, съ помощью кошельковъ и палки. Французскій посланникъ протестовалъ въ Диванѣ и требовалъ распущенія такъ любезно созванной палаты, а султанъ Решидъ поддерживалъ свою любезную Турцію. За обѣдомъ корреспондентъ французскаго журнала говорилъ съ жаромъ о великой роли, которую взяло на себя въ этомъ дѣлѣ великодушное правительство императора Наполеона. Русская барыня спрашивала съ безпокойствомъ, не позволяютъ-ли ей дунайскіе выборы говѣть и пріобщиться въ Іерусалимѣ. А молдаванская принцесса посматривала на насъ съ большимъ достоинствомъ, какъ-будто изъ-за нея лично готово разорваться знаменитое сердечное согласіе между Англіей и Франціей.

— Какое великое время! говорила старуха: — вотъ и наша Молдавія принимаетъ участіе въ судьбахъ Европы.

Хозяинъ нашъ съ благоговѣніемъ прислушивался къ словамъ румынской принцессы, какъ-будто она была пиѳія, готовая открыть ему судьбу Константинополя и будущее величіе Hôtel d'Europe.

XIX.

Дервиши.

Если въ Константинополѣ нѣтъ театра, за-то туристамъ открыты любопытныя представленія дервишей мевлеви и шимси. Коранъ, не позволяющій туркамъ допускать гяуровъ въ мечети во время богослуженія, совсѣмъ кажется не стѣсняетъ дервишей, отъ которыхъ слѣдовало бы ждать больше фанатизма и нетерпимости. Они охотно позволяютъ европейцамъ посѣщать свои мистеріи, и не только не стѣсняются при невѣрныхъ гостяхъ, но еще съ большимъ одушевленіемъ вертятся и ревутъ при нихъ во славу Аллаха. Эти священныя труппы даютъ свои представленія всякую недѣлю, а въ бэйрамъ съ особенной торжественностью.

Текке или монастырь дервишей мевлеви построенъ въ Перѣ, недалеко отъ нашей Hôtel d'Europe. Въ первое воскресенье меня пригласилъ туда Франкуди, редакторъ греческаго журнала *Θελξινοή*, съ которымъ я познакомился по одному изъ моихъ рекомендательныхъ писемъ. Мы пришли къ каменной оградѣ, и старый турокъ отворилъ намъ желѣзныя ворота. Небольшой дворъ впереди оканчивается кладбищемъ, гдѣ въ зелени кипари-

›въ стоятъ мраморные надгробные столбики. Налѣво тя-
ется низенькое деревянное строеніе съ черепичной кры-
ею, занятое кельями; направо мечеть съ двойнымъ
рыльцомъ. Посерединѣ двора фонтанъ.

Въ два часа на крыльцѣ показался довольно грязный
уэззинъ, взялъ себя обѣими руками за уши, закрылъ
іаза и затянулъ монотонный призывъ къ молитвѣ. Мы за-
ѣнили сапоги желтыми бабушами и поспѣшили въ мечеть.

Мы вошли въ довольно-большую залу, съ трехъ сто-
›нъ обведенную двойной галереей. Въ нижнемъ ряду,
гдѣленномъ балюстрадой, помѣщаются богомольцы и
›рители; въ верхнемъ ярусѣ прямо надъ входомъ — ор-
›стръ, а по бокамъ рѣшетчатыя ложи для женщинъ. Зала
›вѣщена, какъ въ театрѣ, большой люстрою. Въ перед-
ей стѣнѣ видна круглая ниша съ намалеваннымъ вну-
ри изображеніемъ горящей лампады, и передъ нею ра-
›стланъ пунсовый коверъ. По бокамъ висятъ синія до-
ки въ золотыхъ рамахъ съ суратами изъ Корана. Въ
алѣ полъ гладко навощенъ, а въ галереѣ устланъ еги-
етскими цыновками.

Когда мы вошли, сцена была еще пуста, но нижняя
алерея наполнялась уже зрителями, турками и европей-
цами, а наверху въ ложахъ, сквозь зеленыя рѣшетки,
виднѣлись неясные силуэты фигуръ, закутанныхъ въ бѣ-
ые яшмаки. Я помѣстился съ товарищемъ у самой ба-
люстрады, подлѣ какихъ-то француженокъ.

Черезъ нѣсколько минутъ часть рѣшетчатой ограды
отворилась, и мевлеви потянулись въ залу. Впереди шелъ
молодой человѣкъ съ прекрасными чертами лица, въ чер-
ной рясѣ и коричневой чалмѣ, густо обвитой внизу зе-
леной тесьмою. Это молла или настоятель секты. За нимъ
по-парно выступало человѣкъ двадцать дервишей, въ ко-

ричневыхъ рясахъ и войлочныхъ шапкахъ, похожихъ на опрокинутый цвѣточный горшокъ. Потупя глаза и сложа руки на груди, входили они въ залу, не слышно ступая босыми ногами, раздѣлялись въ обѣ стороны и становились вокругъ балюстрады.

Молодой молла вошелъ въ нишу, обратился къ лампадѣ и тихимъ, выразительнымъ голосомъ началъ читать молитву. На хорахъ раздалось визгливое пѣніе. Дервиши разомъ опустились на колѣна, вытянули впередъ сложенныя руки и упали на нихъ головами съ крикомъ: Алла экберъ! Потомъ они дружно откинулись назадъ и снова съ тѣмъ-же завываньемъ упали на протянутыя руки. Четверть часа прошло въ этой религіозной гимнастикѣ,—и вотъ пѣніе замолкло и дервиши поднялись съ пылающими лицами. Настоятель, опустя рѣсницы, медленно вошелъ на разостланный передъ нишею шелковый коверъ.

Вдругъ послышались рѣзкіе звуки флейты и визгливое пѣніе. Мевлеви сбросили мантіи и остались въ однѣхъ юбкахъ и кофтахъ съ длинными рукавами. Одинъ изъ сектантовъ медленно подошелъ къ молодому красавцу, поклонился ему въ поясъ, потомъ отпрянулъ на середину сцены, сложилъ руки на груди и началъ тихо повертываться на пяткахъ. За нимъ такъ-же вышелъ и закружился другой, затѣмъ опять новый, и скоро вся сцена наполнилась бѣлыми вертящимися фигурами. Мало-по-малу руки ихъ вытягивались горизонтально, головы склонялись на-бокъ, глаза начинали смыкаться и лица засверкали восторженной улыбкой. Съ каждой минутой дикое пѣніе становилось порывистѣе, дервиши кружились быстрѣе, бѣлыя юбки ихъ развертывались шире, надувались какъ полотняный колоколъ, надъ которымъ мелькали только рас-

простертыя руки и голова въ войлочномъ наконечникѣ. А молла стоялъ на коврѣ, набожно потупя глаза.

Прошло четверть часа. Музыка и пѣніе умолкли; дервиши отступили шатаясь къ балюстрадѣ и опустились на колѣна. Это былъ молитвенный антрактъ. Но скоро опять флейта завизжала, еще быстрѣе и пронзительнѣе, и мусульманская труппа закружилась съ усиленной энергіей. При быстротѣ поворотовъ едва можно было видѣть облитыя пóтомъ, красныя лица, подернутыя улыбкой фанатическаго восторга. Это была не мистификація: въ религіозномъ опьяненіи вѣроятно не одному изъ этихъ блаженныхъ подвижниковъ видѣлся уже рай Магомета съ лежащими на зеленыхъ изголовьяхъ черноглазыми гуріями. Но блаженство безумья дается не всякому: большая часть дервишей изнемогла въ этой душеспасительной пляскѣ. Имамы подбѣгали безпрестанно къ вертящимся мевлеви и одного за другимъ выводили изъ мечети. Послѣ третьей молитвы на сценѣ осталось только семеро дервишей. Тутъ музыка дошла до страшной быстроты, пѣніе превратилось въ бѣшеные визги, и бѣлыя фигуры закружились точно спущенные волчки. Этотъ религіозный балетъ, это бѣснованіе во спасеніе души продолжалось около часу. И во все это время красавецъ-молла смотрѣлъ съ набожнымъ восторгомъ на свою вертящуюся труппу и только изрѣдка обращалъ глаза на галерею, какъ-бы желая подмѣтить, какое впечатлѣніе производитъ на гяуровъ этотъ подвигъ во славу Магомета.

Представленіе кончилось тѣмъ, что мевлеви, шатаясь точно пьяные, отступили къ балюстрадѣ, упали на колѣна и, отдохнувъ за новой молитвою, вышли изъ мечети. Актеры скрылись, и публика бросилась отыскивать не экипажи, а оставленные за дверьми сапоги. У крыльца

женщины толпились взглянуть на моллу. Сквозь покрывала виднѣлись тѣже нѣжные взгляды, какими бывало въ оперѣ наши дамы встрѣчали Маріо.

Въ Скутари находится текке другой сумазбродной секты шемси, которой члены не составляютъ монашескаго ордена, какъ мевлеви, а принадлежатъ къ разнымъ сословіямъ и только собираются на общее моленье. Я ѣздилъ туда на пароходѣ въ цѣлой компаніи французовъ изъ нашего отеля. По извилистой улицѣ пришли мы къ воротамъ, надъ которыми видна какая-то арабская надпись. Съ крытаго крыльца прямо подымается входъ въ мечеть, а направо въ открытую комнату безъ дверей, которая служитъ чѣмъ-то въ родѣ фойе. По стѣнамъ ея развѣшены рясы для собирающихся дервишей: при насъ здѣсь облачались двое гвардейскихъ офицеровъ.

Мы вошли въ мечеть. Это такая-же зала, какъ и у мевлеви, обведенная съ трехъ сторонъ галереей, надъ которою подымаются хоры для женщинъ, заставленные рѣшетками. На передней стѣнѣ видна ниша съ надписями изъ Корана. Но если арена вертящихся дервишей похожа на танцовальную залу, то молельня шемси напоминаетъ инквизицію. По стѣнамъ развѣшены какіе-то дикіе снаряды: двойныя алебарды, съ остріями въ видѣ полумѣсяца, кривыя иззубренныя сабли, уродливые щипцы и желѣзные кручья, тонкіе кинжалы, съ мѣднымъ шаромъ вмѣсто рукояти. Надъ арками висятъ странные барабаны, похожіе на обтянутыя кожей воронки.

Галерея была уже биткомъ набита зрителями, но имамъ растолкалъ безъ церемоніи турокъ и провелъ насъ къ балюстрадѣ. На сценѣ, передъ самой нишею, сидѣлъ на аломъ коврѣ молла. Это былъ старикъ лѣтъ семидесяти, въ розовой рясѣ и зеленой чалмѣ, худой какъ отощавшій

паукъ, съ сѣдой бородою и красными вѣками, которыя безпрестанно подымались и опускались. По сторонамъ его расположилось четверо стариковъ въ лиловыхъ и желтыхъ халатахъ, а напротивъ около балюстрады сидѣло на овчинахъ человѣкъ сорокъ дервишей въ темныхъ рясахъ. Въ числѣ ихъ было трое негровъ.

Когда мы вошли, имамы разносили почтеннымъ отцамъ музыкальные инструменты: моллѣ подали мѣдныя тарелки, какія бываютъ у насъ въ полковыхъ оркестрахъ, старикамъ — бубны, или лучше сказать рѣшета, обтянутыя кожей, остальнымъ—маленькіе барабаны съ привѣшенными къ нимъ продолговатыми ремнями. Всѣ сидѣли неподвижно съ потупленными глазами, и только красныя вѣки старика хлопали, какъ у засыпающей птицы. Но вотъ онъ поднялъ руки, и рѣзкій ударъ его тарелокъ прозвучалъ въ залѣ: дервиши вздрогнули. Раздался другой и третій ударъ, — и на него откликнулись глухимъ гуломъ всѣ бубны и барабаны. Раскаты уродливаго оркестра съ каждой минутой становились быстрѣе, и какъ-будто готовили къ чему-то нечеловѣческому. Затихая на нѣсколько мгновеній, мрачная гармонія звучала опять съ новой силою, съ удвоенной быстротою и наконецъ все слилось въ бѣшенный хаосъ, гдѣ въ дикомъ гулѣ и грохотѣ гремѣли раздирающіе звуки металлическихъ тарелокъ, поражая слухъ и потрясая нервы. Въ этой адской музыкѣ было что-то увлекающее: глаза дервишей разгорались, изъ-подъ красныхъ вѣкъ старика сверкали бѣшеные взгляды.

Вдругъ всѣ шемси поднялись и бросили инструменты. Послышалась хриплая молитва стараго моллы. Человѣкъ тридцать дервишей стали плотнымъ рядомъ, сверкая глазами. Едва замолкла молитва, старикъ въ желтой рясѣ выступилъ впередъ и рѣзкимъ голосомъ, похожимъ на

визгъ пилы, затянулъ какой-то по поривистый мотивъ. Грохотъ барабановъ откликнулся на хорахъ. При этомъ вся шеренга дервишей, ступя впередъ правой ногою, начала покачиваться, разомъ наклоняясь и откидываясь назадъ съ дикимъ завываньемъ: Алла-гу! Алла-гу! Рѣзкій голосъ старика звучалъ съ каждой минутой пронзительнѣе, качанье бѣснующихся дѣлалось быстрѣе и ниже. Лица фанатиковъ разгарались румянцемъ, глаза сверкали безумнымъ огнемъ, голосъ превращался въ нечеловѣческій ревъ. Весь рядъ разомъ склонялся впередъ, приникая лбомъ почти до полу, и всей массой перегибался назадъ, едва не касаясь до земли затылкомъ, съ бѣшенымъ завываньемъ, похожимъ на ревъ голодной стаи дикихъ звѣрей.

Черезъ нѣсколько минутъ изъ толпы остальныхъ дервишей вышелъ негръ. Молла снялъ со стѣны два кинжала съ шаровидными ручками, сталъ опять на коверъ, медленно проговорилъ какую-то молитву и провелъ языкомъ по свѣтлымъ лезвеямъ. Негръ преклонилъ колѣна и принялъ кинжалы, потомъ отскочилъ на середину залы, сорвалъ съ себя мантію и остался въ однихъ бѣлыхъ шальварахъ съ чернымъ обнаженнымъ торсомъ. Дико поднялъ онъ бѣлые глаза, шагнулъ впередъ, взмахнулъ надъ головой кинжалами и направилъ ихъ себѣ въ грудь. Молла совсѣмъ поднялъ красныя вѣки, уставилъ тупые глаза въ потолокъ и ускоренно шевелилъ губами; а бѣшеный хоръ дервишей надрывался неистовымъ ревомъ, перегибаясь ежеминутно взадъ и впередъ цѣлымъ строемъ. И по милости Аллаха набожный акробатъ остался невредимъ.

Но кажется негръ до конца хотѣлъ исчерпать на себѣ милосердіе Магомета: онъ опять сдѣлалъ шагъ впередъ, приставилъ острія кинжаловъ къ груди и не сгибаясь ринулся на полъ, такъ-что мѣдные шары глухо

ударились о паркетъ и лезвіе впилось въ тѣло чернаго мученика. Струя крови потекла на полъ. Святой мужъ съ воемъ перекинулся на спину, держа вертикально на груди свои атаганы. Молла, поддерживаемый имамами, медленно подошелъ къ нему, сталъ на ручки кинжаловъ, и хлопая красными вѣками, началъ читать благодарственную молитву Пророку за чудо, совершенное во славу ислама.

— Этотъ фокусъ я видѣлъ на парижскомъ Гипподромѣ! сказалъ мнѣ одинъ изъ сосѣдей.

Имамы подняли негра, вырвали у него кинжалы, накинули на него мантію и вынесли изъ мечети. Молла вскрикнулъ, и весь рядъ воющихъ дервишей опустился на колѣна.

Я думалъ, что этимъ все кончится, но мы видѣли еще только половину сумазбродной комедіи. Чрезъ пять минутъ зазвучалъ на хорахъ барабанъ и раздался визгливый напѣвъ желтаго шемси. Снова поднялся дикій строй, сомкнулся и закачался при неистовыхъ вопляхъ: Алла-гу! Алла-гу! Къ довершенію удовольствія одинъ мевлеви, который сидѣлъ до-тѣхъ-поръ въ галереѣ, подошелъ къ старому моллѣ, поцѣловался съ нимъ, потомъ сбросилъ рясу, распростеръ руки, завертѣлся, и его бѣлая юпка развернулась колоколомъ передъ строемъ ревущихъ дикарей.

Въ это время принесли въ мечеть ребенка, хорошенькую дѣвочку двухъ или трехъ лѣтъ. Молла коснулся до нея рукой и началъ читать молитву. Малютку положили на алый коверъ, и она поводила глазками то на воющихъ шемси, то на вертящагося мевлеви. Двое имамовъ взяли старика подъ руки, подвели къ дѣвочкѣ; онъ поставилъ ей на грудь сперва одну ногу, потомъ другую

и выпрямился. При всей увѣренности въ искусствѣ фокусника, я не могъ удержаться отъ непріятнаго чувства. Малютка однакожъ не вскрикнула: кажется, старикъ опирался локтями на имамовъ, и ноги его едва касались ребенка.

— Это исцѣленіе больныхъ! сказалъ одинъ изъ нашихъ французовъ.

— Чтобы старику вылѣчить своей благодатью и самую Турцію! замѣтилъ другой.

— Это ужъ дѣло моллы Ретклифа: вѣдь онъ для того и наступилъ на горло Портѣ.

Продѣлка повторилась еще надъ десяткомъ дѣтей, которыхъ одного за другимъ клали на коверъ. Старый молла, при неумолкающемъ ревѣ своихъ шемси и круженьи бѣлаго дервиша, становился имъ на грудь или спину, поддерживаемый двумя имамами. Иныя дѣти лежали молча, другія плакали, но кажется не отъ боли, а скорѣе отъ страха при дикомъ завываньи, въ которомъ не было ничего человѣческаго. Въ заключеніе на полу улеглось пятеро солдатъ, — и старикъ, никѣмъ уже не поддерживаемый, прошелся взадъ и впередъ по ихъ спинамъ: они поднялись очень-довольные и поцѣловали у него руку. Между-тѣмъ дервишей одного за другимъ выносили изъ мечети: подъ-конецъ въ ряду воющихъ во имя Пророка осталось только десять человѣкъ. Это были настоящіе герои фанатизма, избранники людскаго безумія: съ закатившимися глазами, съ кровавой пѣной на губахъ, эти мусульманскіе кликуши все изгибались взадъ и впередъ съ нечеловѣчески-свирѣпымъ ревомъ.

Когда оборванный турокъ надѣвалъ мнѣ при выходѣ сапоги, открытая комната, примыкающая къ сѣнямъ, была полна народу. Одни скидали мантіи и надѣвали казакины,

другіе лежали въ изнеможеніи на коврахъ, точно распаренные въ русской банѣ, иные, сидя кружкомъ, курили трубки. Между ними былъ и негръ, игравшій роль съ кинжалами. Черный мужъ, на которомъ такъ очевидно почила благодать Пророка, сидѣлъ на корточкахъ, и сверкая зубами, весело болталъ съ товарищами, какъ актеръ въ театральномъ фойе, послѣ трудной, но удачно исполненной роли.

XX.

Атмейданъ. — Цистерны.

Какъ въ Ая-Софіи, сквозь турецкую закраску, проглядываютъ греческія мозаики, такъ и въ самомъ Константинополѣ, въ лабиринтѣ грязныхъ улицъ, среди хлама жалкихъ домишекъ, таятся памятники старой Византіи. Нерѣдко въ одномъ и томъ-же мѣстѣ сливаются воспоминанія двухъ эпохъ, какъ переплетенныя вмѣстѣ страницы двухъ разрозненныхъ лѣтописей, но одинаково мрачныя и печальныя. Таковъ знаменитый Атмейданъ или древній Гипподромъ. Чего только не видала эта площадь, на которой во времена имперіи мчались золотыя колесницы синихъ и зеленыхъ, а въ цвѣтущіе годы Турціи ичогланы носились на арабскихъ лошадяхъ въ играхъ джерида, гдѣ приверженцы Ипатія погибли подъ мечемъ Юстиніана при торжественномъ моленіи въ соборахъ, а трупы махмудовыхъ янычаръ висѣли на платанахъ, въ виду развѣвающагося санджакъ-шерифа!

Площадь представляетъ теперь продолговатый четыреугольникъ. Съ одной стороны ея стоитъ мечеть Ахмедіе съ изящной арабской галереей, гдѣ въ 1822 году выставлено было красное знамя Пророка. Остальныя три сто

роны застроены рядами жалкихъ деревянныхъ домишекъ, съ промежутками узкихъ и грязныхъ улицъ, которыя бѣгутъ отсюда во всѣ концы Стамбула. Поверхность площади, изрытая ямами и заваленная кучами притоптаннаго мусора, похожа на неровное поле, размытое дождевыми протоками. Кое-гдѣ зеленѣетъ трава и подымаются старые платаны.

При Юстиніанѣ Гипподромъ уставленъ былъ колоннами, бронзовыми и мраморными статуями, которыя въ продолженіе вѣковъ свозились сюда съ цѣлаго свѣта. Немногіе изъ этихъ памятниковъ спаслись отъ турокъ. Входя на площадь отъ Сераля, видишь сперва большой обелискъ розоваго гранита: это памятникъ временъ строителя Ая-Софіи. До-сихъ-поръ онъ скрывался на нѣсколько аршинъ подъ землею, но англичане во время послѣдней войны откопали его до основанія и обвели чугунной рѣшеткою. На пьедесталѣ открылись мраморные барельефы и греческія надписи. Засыпанные четыре вѣка щебнемъ, они почернѣли, но зато вполнѣ сохранились: въ барельефахъ представлено открытіе обелиска, а надписи выражаютъ похвалы императору. За нимъ стоитъ Змѣиная-колонна, одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ въ мірѣ, описанный еще Геродотомъ. Извѣстно, что Константинъ вывезъ ее изъ дельфійскаго храма, гдѣ она поставлена была на память платейской побѣды. Это три бронзовые змѣя, которые, опираясь хвостами на пьедесталъ, сплетаются въ вертикально подымающуюся колонну и наверху опять раскидываютъ головы на три стороны. Но теперь осталось одно ихъ скрученное туловище. Магометъ II, при взятіи города, срубилъ одну голову саблею, а турки отбили остальныя, думая найти здѣсь сокровища. Преданіе о томъ, что при осадѣ Констамтинополя греки

спрятали въ витой колоннѣ золото и дорогіе камни, держалось такъ упорно, что еще лѣтъ сорокъ назадъ евреи заплатили большую сумму, чтобъ имъ позволили осмотрѣть памятникъ, — и ничего не нашли. Англичане отрыли его и обнесли рѣшеткой. При этомъ на нижней части колонны открылись тоже надписи: это имена городовъ, которые принимали участіе въ платейской битвѣ. Теперь оба памятника стоятъ какъ-будто въ колодцахъ. Позади дельфійскихъ змѣй подымается еще колонна, сложенная изъ тесанныхъ камней и угрожающая скорымъ паденіемъ. Это такъ-называемый термосъ Константина. Въ старину она обита была серебряными листами, и теперь на камняхъ видны еще пробоины, которыми прикрѣплялась эта обшивка. Вотъ все, что осталось на Атмейданѣ. Остальное истреблено турками: колонны взяты на постройку мечетей, мраморныя статуи разбиты, бронзовыя переплавлены въ пушки. Только четверка мѣдныхъ коней, увезенныхъ дожемъ Зено въ Венецію, стоитъ теперь надъ порталомъ св. Марка, какъ единственная память былаго величія Гипподрома.

На этой-то площади были знаменитыя ристалища синихъ и зеленыхъ, изумлявшія Византію роскошью и кровавыми побоищами. Теперь не осталось и слѣдовъ тѣхъ мраморныхъ галерей, откуда богачи и вельможи рукоплескали, когда золотыя квадриги неслись по усыпанной цвѣтнымъ пескомъ аренѣ, соперничая быстротою лошадей и ловкостью наѣздниковъ, одѣтыхъ въ туники враждебныхъ цвѣтовъ. Бѣгъ начинался отъ юстиніанова обелиска: отъ него мчались колесницы, огибая полукругъ к константинову термосу, и отсюда другимъ полукругом возвращались къ обелиску. Змѣиная-колонна была центромъ ристалища. Вокругъ этихъ-же памятниковъ пр

Солиманѣ-Великомъ, въ праздникъ бэйрама, скакали турецкіе наѣздники на арабскихъ лошадяхъ, въ драгоцѣнныхъ чалмахъ и шитыхъ золотомъ одеждахъ.

Теперь Атмейданъ опустѣлъ. Я былъ на немъ нѣсколько разъ и только однажды видѣлъ, какъ трое оборванныхъ турокъ, вѣроятно лакеи какого-нибудь паши, рыскали въ-перегонку по площади на довольно-жалкихъ лошадяхъ. Когда въ послѣдній разъ я пришелъ сюда съ Франкуди, который вызвался объяснить мнѣ старинныя надписи, площадь показалась мнѣ еще печальнѣе. Гдѣ, бывало, синіе и зеленые блистали своими конями и одеждами, теперь у входа въ Ахмедіе лежало съ десятокъ нищихъ въ грязныхъ рубищахъ, а вмѣсто раззолоченной квадриги по Гипподрому двигалась неуклюжая талика, запряженная парой дымчатыхъ быковъ, и босоногій саисъ шелъ лѣниво, держась одной рукою за изогнутый рогъ.

Талика остановилась подлѣ Змѣиной-колонны. Саисъ отворилъ дверцу и высадилъ сперва негритянку, всю одѣтую въ бѣломъ, а потомъ женщину въ голубомъ фередже, плотно окутанную яшмакомъ. Поддерживаемая подъ руку черной невольницей, турчанка поплелась къ рѣшеткѣ памятника, шлепая желтыми туфлями. Подойдя къ колоннѣ, она болѣзненно оперлась на ограду. Черная невольница набрала горсть мелкихъ камней, подала голубой женщинѣ, и турчанка принялась кидать ихъ за рѣшетку, стараясь попасть въ отверстіе колонны. Хоть это было и не трудно, но рука ея дрожала, и камешки звеня о бронзу, падали въ глубину обрытаго колодца. Наконецъ одинъ попалъ внутрь дельфійской колонны. Голубая женщина видимо обрадовалась: она оперлась опять на руку невольницы и пошла къ бронзовымъ дверямъ Ахмедіе.

— Знаете-ли, что это такое? сказалъ Франкуди.

— Нѣтъ... мнѣ кажется только, что эта женщина нездорова.

— Да, это больная. Турки говорятъ, что Магометъ II, отрубивъ змѣиныя головы, спряталъ въ колонну всѣ злыя болѣзни, и чтобъ онѣ не могли вылетѣть, заложилъ отверстіе камнями. Съ-тѣхъ-поръ всякій выздоравливающій торопится бросить камень внутрь колонны, чтобы болѣзнь къ нему не возвратилась. Когда Махмудъ позволилъ жидамъ очистить памятникъ, въ городѣ ходили слухи, что съ этого времени показалось много больныхъ, и правовѣрные въ два дня засыпали опять колонну. Теперь, когда англичане, съ дозволенія султана, окопали и обнесли памятникъ рѣшеткой, бросать камни стало труднѣе, и турки говорятъ, что варвары выдумали это нарочно для истребленія мусульманъ. Въ кофейняхъ фанатики и теперь толкуютъ, что съ-тѣхъ-поръ, какъ невѣрныя собаки огородили змѣиный столбъ, въ Стамбулѣ явились небывалыя болѣзни.

— И кажется, англичане не надолго отрыли колонну: посмотрите-ка, сколько набросано камней!

Въ-самомъ-дѣлѣ вокругъ Змѣиной-колонны, въ обрытомъ углубленіи, обведенномъ желѣзною рѣшеткой, по-крайней-мѣрѣ на четверть аршина накиданы уже мелкіе камни. Если каждый больной турокъ, бросая камешекъ въ колонну, будетъ дѣлать по одному промаху, то черезъ годъ дельфійскій памятникъ опять будетъ засыпанъ.

Въ Константинополѣ даже подъ землею таятся слѣды старой жизни, великіе памятники Византіи. Ни стѣны Ѳеодосія и величественная красота Ая-Софіи, ни исполинскій водопроводъ Валента, перебѣгающій съ холма на холмъ полосою двухъ-ярусныхъ арокъ, не поражаютъ въ такой степени, какъ исполинскія цистерны, которыя

таятся подъ массою турецкихъ построекъ. Какъ Парижъ стоитъ на катакомбахъ, такъ цѣлые кварталы Стамбула построены надъ подземными водохранилищами. Здѣсь и въ глубинѣ почвы скрыты памятники искусства.

Одна изъ древнихъ цистернъ извѣстна теперь у турокъ подъ именемъ Бинъ-биръ-дирека или подземелья Тысячи-и-одной Колонны. Она недалеко отъ Атмейдана. Я былъ тамъ еще въ одну изъ первыхъ прогулокъ съ Папатоли. Мы пришли на заваленный щебнемъ пустырь, гдѣ въ старину былъ одинъ изъ императорскихъ дворцовъ. Между грудами мусора видны на землѣ симметрическія отверстія, въ видѣ углубленныхъ воронокъ. Изъ нихъ слышенъ былъ гулъ человѣческихъ голосовъ. Съ одной стороны пустырь оканчивается обрывомъ, съ массивной аркою, въ которой опускается въ землю лѣстница. При входѣ встрѣтилъ насъ старый турокъ.

Мы опустились въ подземелье, освѣщенное сверху, черезъ круглыя отдушины каменныхъ воронокъ. Передо мною тянулись ряды бѣлыхъ колоннъ, саженъ въ пять вышиною, и съ капителей ихъ выгибались во всѣ стороны безчисленные своды. Кажется, стоишь въ каменномъ лѣсу правильно насаженныхъ пальмъ, которыя сплелись наверху исполинскими листьями, выгнутыми зонтикомъ, кое-гдѣ только пропуская лучи свѣта. Я насчиталъ двадцать рядовъ арокъ, но видно, что съ обѣихъ сторонъ часть подземелья засыпана. Полъ, неровный и ухабистый, обнажаетъ мѣстами выгибы новыхъ арокъ, отъ которыхъ опускается, говорятъ, внизъ еще такое-же подземелье, теперь совсѣмъ заваленное. И эта исполинская постройка сдѣлана только для воды.

Бинъ-биръ-дирекъ теперь совершенно сухъ, и въ немъ помѣщается мастерская для размотки шелка. Между ко-

лоннами разставлены станки, у которыхъ оборванные мальчишки вертятъ колеса, а по корридорамъ изсякшаго водохранилища тянутся шелковыя нити, наматываясь на катушки. Турокъ взялъ меня за руку, привелъ на конецъ подземелья и показалъ рельефный крестъ, вырубленный на колоннѣ.

— Это крестъ Константина! сказалъ онъ, протягивая руку за бакшишемъ.

Еще замѣчательнѣе колоссальная цистерна Эрбатанъ-серай или Подземный-дворецъ. Это древняя константинова нимфея. Подземелье это, пролегающее подъ Софійскимъ-кварталомъ, служитъ у мусульманъ предметомъ суевѣрнаго страха и фантастическихъ разсказовъ. Я не надѣялся видѣть его, потому-что туда не пускаютъ безъ особаго фирмана. Но случай помогъ мнѣ. Еще на второй день бэйрама одинъ французъ изъ нашего отеля добылъ позволеніе осмотрѣть цистерну и пригласилъ меня участвовать въ подземномъ плаваньи на половинныхъ издержкахъ.

Когда я воротился съ Гипподрома, мнѣ сказали, что каикъ съ утра еще перенесенъ въ цистерну. Товарищъ мой зашелъ ко мнѣ. Мы взяли съ собой Папатоли.

Недалеко отъ Ая-Софіи пришли мы на какое-то пожарище, заваленное грудами почернѣвшаго щебня, надъ которыми торчали кое-гдѣ остатки печей и закоптѣлыя трубы. Намъ указали большую яму въ углу пустыря. Въ глубинѣ ея видна была ветхая каменная лѣстница: она вела ко входу въ константинову нимфею. Передъ нами открылся каменный парапетъ съ рядомъ подземныхъ арокъ на исполинскихъ мраморныхъ колоннахъ съ коринѳскими капителями. За нимъ, въ подземной глубинѣ воды, тянулись вдаль ряды такихъ-же громадныхъ колоннъ бѣлаго мра-

мора, и безчисленныя арки, сплетаясь однѣ съ другими, пропадали въ темнотѣ. Изъ глубины цистерны вѣяло холодомъ.

У крайней арки ожидала насъ лодка. Молодой каикчи зажегъ два фонаря. Мы сошли въ каикъ и поплыли воднымъ корридоромъ въ глубь подземелья, между двумя рядами подымающихся изъ воды мраморныхъ великановъ. Медленно подвигались мы, цѣпляясь багромъ отъ одной до другой колонны. Когда я черезъ пять минутъ обернулся назадъ, арка казалась уже маленькимъ окошечкомъ, а впереди ряды мраморныхъ колоннъ все тянулись въ даль, недосягаемую для глазъ. Свѣтъ отъ нашихъ фонарей падалъ на мраморные столбы и освѣщалъ въ промежуткахъ ихъ безконечные ряды другихъ, въ обѣ стороны убѣгающихъ колоннадъ. Не знаю, что можно сравнить съ этимъ подземнымъ лабиринтомъ: воображеніе отказывается признать его человѣческой работой, а междутѣмъ онъ не похожъ и на дѣло природы. Что̀ значатъ наши кристальные дворцы и тоннели передъ этою работою великановъ, которые подъ землею ставили тысячи мраморныхъ колоннъ, какими мы гордимся въ дворцахъ и храмахъ!

— Чѣмъ-же у васъ страшно это подземелье? спросили мы каикчи.

— Да разсказываютъ, эффенди, что здѣсь живутъ джины, злые духи, заключенные царемъ Сулейманомъ. Аллахъ знаетъ, правда-ли это, а все страшно. Вотъ посмотрите-ка сюда!

Каикчи поднялъ фонарь, и мы увидѣли деревянную трубу, которая изъ воды упиралась вертикально въ сводъ подземелья. Это насосъ для подъема воды въ какой-нибудь домъ или садъ.

— На сводахъ эффенди много отверстій, продолжалъ турокъ. — Вы знаете, что Пророкъ велѣлъ мусульманамъ строго держать женъ и наказывать ихъ за невѣрность. Такъ вотъ въ прежніе годы, когда вѣру соблюдали, въ эти отверстія часто кидали женщинъ въ мѣшкахъ. Утопленницы и теперь еще, говорятъ старики, живутъ въ Эрбатанъ-сераѣ и по ночамъ плаваютъ между столбами. Лѣтъ пять назадъ одинъ канкчи съ нашей пристани забрелъ вечеромъ къ этому подземелью. Смотритъ онъ, на ступеняхъ сидитъ молодая женщина, совсѣмъ безъ яшмака, и горько плачетъ. Не успѣлъ онъ два раза сказать машаллахъ, какъ она скакнула въ воду и пропала въ подземномъ дворцѣ!

Напрасно искали мы надписей въ цистернѣ: на одной только колоннѣ замѣтили мы два выпуклые креста и подъ ними какія-то полуизглаженныя буквы. Мой товарищъ, мечтавшій объ археологической жатвѣ, былъ недоволенъ поѣздкой. Можетъ-быть, въ крайнихъ боковыхъ корридорахъ и есть что-нибудь, но канкчи боялся заблудиться въ цистернѣ и не хотѣлъ плыть далеко въ сторону. Говорятъ, цистерна подходитъ даже подъ серальскіе сады и сообщается съ Золотымъ-Рогомъ, но теперь выходъ закладенъ. По настоянію канкчи, мы повернули назадъ. Черезъ нѣсколько минутъ вдали показался свѣтлый полукругъ, началъ постепенно рости и обозначился наконецъ аркой. Я былъ доволенъ прогулкой, которая познакомила меня съ однимъ изъ величайшихъ сооруженій въ свѣтѣ. Когда я выпрыгнулъ изъ канка, меня такъ и обдало теплыми лучами солнца.

Возвращаясь въ гостинницу, я встрѣтился на Галатскомъ-мосту съ Франкуди.

— Знаете-ли новости? сказалъ онъ, подходя ко мнѣ

съ озабоченнымъ лицомъ. — Французскій посланникъ подалъ ультиматумъ по вопросу о дунайскихъ выборахъ, и его поддерживаютъ Россія, Пруссія и Сардинія.

— Ну, а что-же англійскій посланникъ? спросилъ я.

— Разумѣется, поддерживаетъ Турцію. Говорятъ, лордъ Редклифъ и слышать не хочетъ о соединеніи Дунайскихъ-княжествъ. Ночью назначенъ по этому дѣлу большой совѣтъ у великаго-визиря.

— Увидимъ, кто перескачетъ, синіе или красные!

Вечеромъ въ Перѣ шли горячіе толки о предстоящемъ разрывѣ съ Франціей: греки, такъ мягкіе и молчаливые при туркахъ, горячились въ своихъ кружкахъ и рвались изъ всѣхъ силъ, доказывая другъ-другу необходимость новой войны на Востокѣ. Я думаю, синіе и зеленые не спорили съ такой энергіей за тронъ византійской имперіи, какъ теперь потомки Комненовъ и Палеологовъ толковали о близкомъ паденіи турецкой власти въ Константинополѣ. А турки спокойно сидѣли въ кофейняхъ, не подозрѣвая, кажется, этихъ тревогъ, а можетъ-быть утѣшаясь фаталистическою мыслью, что время не перевернуло еще той страницы вѣчной книги, въ которой судьба назначила имъ покинуть берега Босфора.

XXI.

Безестенъ.

Всматриваясь въ Константинополь, каждый день находишь въ немъ что-нибудь общее съ Москвою. Тотъ и другой городъ поражаютъ живописной мѣстностью и красотою видовъ. Съ панорамой Стамбула отъ высоты Бугурлу можно сравнить только картину Москвы отъ Воробьевыхъ-горъ: въ обѣихъ та-же масса строеній и садовъ, колоколенъ и минаретовъ, золотыхъ крестовъ и полумѣсяцевъ. Нигдѣ нѣтъ такой иллюминаціи, какъ въ ночь на свѣтлое-воскресенье въ Москвѣ и наканунѣ бэйрама въ Константинополѣ, не по количеству огней, а по таинственной прелести и оригинальности. Въ самой жизни обѣихъ столицъ есть черты поразительно-близкія. Домъ турецкаго паши также набитъ поварами, чубукчами, саисами, какъ дворъ истинно-московскаго барина богатъ лакеями, форрейторами, прачками и судомойками. Квартальные и кавасы, купеческіе сынки и цивилизованные шампанскимъ молодые османлисы, кликуши Троицкой-лавры и воющіе дервиши, — все это невольно поражаетъ какимъ-то родственнымъ сходствомъ.

Рѣдкій изъ европейскихъ туристовъ не восхищался

оригинальностью Безестена, главнаго базара въ Константинополѣ. И въ-самомъ-дѣлѣ жителю Парижа или Лондона, послѣ ихъ разбросанныхъ по домамъ магазиновъ, базаръ этотъ долженъ казаться необыкновеннымъ. Но кто знаетъ московскіе Городскіе-ряды, тотъ найдетъ въ немъ много знакомаго. Конечно въ стамбульскомъ базарѣ есть свои особенности, но общимъ характеромъ онъ напоминаетъ московскій Гостиный-дворъ: оба они состоятъ изъ полутемныхъ переходовъ, гдѣ не живутъ, а только торгуютъ, поручая на ночь лавки охраненію спущенныхъ по веревкамъ собакъ. Во всѣ дни бэйрама Безестенъ былъ пустъ, какъ московскій Гостиный-дворъ на святой-недѣлѣ. Въ первый разъ я видѣлъ его во всемъ разгарѣ на другой день послѣ моей прогулки въ константиновой цистернѣ. Мы согласились идти туда съ французскимъ купцомъ, который жилъ въ нашемъ отелѣ, и взяли проводникомъ Папатоли.

Безестенъ лежитъ недалеко отъ Галатскаго-моста, между мечетями Валидэ-Султанъ и Баязидіе. По извилистой улицѣ, сплошь застроенной кофейнями, пришли мы къ каменнымъ воротамъ, сведеннымъ аркою. Они ведутъ въ корридоръ со сводами, слабо освѣщенный изъ отверстій, пробитыхъ въ небольшихъ куполахъ. Вдоль и поперекъ извивается множество другихъ переходовъ, неправильныхъ и перепутанныхъ, какъ и стамбульскія улицы. Это цѣлый городокъ изъ сотенъ темныхъ рядовъ, обведенныхъ съ обѣихъ сторонъ лавками. Каждый рядъ, какъ и въ Москвѣ, носитъ особое названіе: шелковый, оружейный, москательный. Лавки освѣщены тѣмъ полусвѣтомъ, въ которомъ при выборѣ вещи слѣдуетъ возлагать упованіе не на свои глаза, а на увѣренія купца и милость Аллаха. Въ греческихъ и армянскихъ лавкахъ есть двери,

а въ турецкихъ нижняя часть деревянной стѣны откидывается въ коррпдоръ, и изъ нея дѣлается передъ лавкою родъ дивана. Тутъ разстилается тюфякъ или коверъ, и купецъ сидитъ на немъ, поджавъ ноги. Съ перваго взгляда можно отличить греческую лавку, отъ турецкой: въ одной хлопотливая дѣятельность, въ другой мертвая тишина. Греческій торговецъ въ постоянномъ движеніи: онъ разбираетъ товаръ, болтаетъ съ покупателями, а если и сидитъ у лавки, то бойко перебираетъ комболойо и звонкимъ голосомъ перекликается съ сосѣдомъ. Турокъ, въ халатѣ и чалмѣ, сидитъ неподвижно на своемъ коврѣ, уставя глаза на одинъ предметъ, или вынимаетъ лѣниво товаръ, объявляетъ цѣну и спокойно ждетъ, возьмете вы его или нѣтъ. Здѣсь старый костюмъ и обычаи, такъ-же какъ и у насъ, удержались больше всего въ купечествѣ, и вы рѣдко увидите на торговцѣ казакинъ или махмудовскій тарбушъ. Курить въ Безестенѣ не позволено. Поэтому, какъ московскій торговецъ любитъ посидѣть за чаемъ въ Новотроицкомъ-трактирѣ, такъ и турецкій купецъ нѣсколько разъ въ день сходитъ въ кофейню помолчать за трубкой или наргилэ. Передъ лавками, какъ и въ нашемъ Гостиномъ-дворѣ, шныряютъ разнощики съ лотками и бродятъ нищіе и попрошайки.

Если въ Безестенѣ нѣтъ мальчишекъ, которые зазываютъ у насъ покупателей, зато въ немъ водятся другаго рода ищейки, которые во всякомъ случаѣ не уступаютъ московскимъ. При входѣ на базаръ васъ встрѣтитъ непремѣнно человѣкъ въ пальто или казакинѣ, съ поклонами начнетъ допрашивать — чего вы желаете, и предложитъ рекомендовать баснословно-дешевые товары. Это не торговецъ, а коммиссіонеръ, который ловитъ

проходящихъ въ лавки и получаетъ за это бакшишъ съ купцовъ и съ покупателей.

Только-что вошли мы на базаръ, какъ нашъ европейскій костюмъ началъ привлекать этихъ стамбульскихъ кулаковъ. На всѣхъ языкахъ предлагали они свои услуги, и Папатоли едва успѣвалъ отражать ихъ рѣшительнымъ увѣреніемъ, что онъ самъ настоящій коммиссіонеръ. Однако-жъ одинъ черненькій грекъ явно не признавалъ за нимъ этой профессіи и упорно преслѣдовалъ насъ шагъ за шагомъ.

— Что вамъ угодно, господа? говорилъ онъ по-французски: — я отведу васъ въ лучшій магазинъ во всемъ Безестенѣ.

Мы не отвѣчали. Онъ принялся напѣвать ту-же фразу по-итальянски, по-англійски и наконецъ по-нѣмецки.

— У насъ свой проводникъ, сказалъ я: — вы напрасно теряете время.

— Вашъ проводникъ ничего не знаетъ: это наше дѣло. Я покажу вамъ лавку, гдѣ вы купите въ пятеро, въ десятеро дешевле. Развѣ вамъ не угодно купить за пять піастровъ вещь, которая стоитъ пятьдесятъ?

Папатоли довольно-нецеремонно оттолкнулъ его, но онъ нисколько не смутился и продолжалъ преслѣдовать насъ съ прежней настойчивостью.

Въ шелковомъ и галантерейномъ ряду больше всего попадаются женщины. Онѣ бродятъ отъ одного магазина къ другому, шлепая своими туфлями, или сидятъ передъ лавками и разсматриваютъ матеріи, шитыя золотомъ и серебромъ туфли, опахала изъ павлиныхъ перьевъ, овальныя зеркала съ узорчатыми ручками. Мы остановились передъ лавкою турка въ шалевой чалмѣ. Товарищъ мой купилъ янтарныя четки, а я коверъ съ вышитымъ шелками вензелемъ султана. Пока мы смотрѣли вещи, чер-

ненькій грекъ все вертѣлся около насъ и усердно старался, чтобы купецъ его замѣтилъ. Когда мы расплатились, онъ подбѣжалъ къ турку, и тотъ далъ ему мелкую серебряную монету.

Мнѣ хотѣлось посмотрѣть знаменитое восточное оружіе. Папатоли привелъ насъ въ большой магазинъ какого-то армянина. Вся лавка убрана была оружіемъ и сбруею въ старинномъ вкусѣ. На стѣнахъ висѣли длинныя ружья съ камнями и золотой насѣчкой, изогнутыя сабли синеватой стали съ золотыми турецкими надписями, атаганы и канджары въ бархатныхъ и серебряныхъ ножнахъ съ бирюзой, яхонтами и топазами, высокія сѣдла, всѣ въ дорогихъ камняхъ съ шитыми золотомъ чепраками. Все это напоминало старую Турцію. Армянинъ очень-любезно показывалъ свои рѣдкости. Но оружіе здѣсь чрезвычайно дорого: за простой клинокъ дамасскаго кинжала просятъ тысячу піастровъ, а сабли цѣнятся почти на вѣсъ золота. Мы видѣли кривую саблю, которая стоитъ будто-бы пять-тысячъ рублей серебромъ. Купецъ жаловался, что настоящіе знатоки оружія теперь переводятся, и даже турки начинаютъ предпочитать старинымъ пистолетамъ англійскіе револьверы.

Во все это время коммиссіонеръ стоялъ у дверей. Только-что мы вышли, онъ шмыгнулъ въ магазинъ и принялся что-то нашептывать купцу въ надеждѣ вѣроятно получить бакшишъ за то, что мы ничего не купили. На этотъ разъ ему однакожъ не посчастливилось: армянинъ вытолкалъ его за дверь. Грекъ торопливо догналъ насъ.

— Не забудьте, господа, комиссіонера! проговорилъ онъ, забѣгая впередъ: — я ходилъ съ вами два часа.

— А кто-же виноватъ! сказалъ мой товарищъ: — мы васъ предупреждали... Впрочемъ, хотите получить де-

сять піастровъ? — покажите намъ, какъ здѣсь прибиваютъ за уши плутовъ къ дверямъ лавокъ.

— Теперь ужъ не прибиваютъ! отвѣчалъ грекъ съ видомъ крайняго сожалѣнія.—Прежде дѣйствительно вотъ такихъ мошенниковъ, какъ этотъ армянинъ, приколачивали гвоздями, а нынче это совсѣмъ вывелось. Что дѣлать — другія времена. Не обидьте-же своего коммиссіонера!

Мы расхохотались. Но Папатоли взглянулъ на дѣло серьезно: онъ бойко схватилъ за шиворотъ своего соотечественника, повернулъ и далъ ему такой братскій пинокъ, что грекъ исчезъ въ боковомъ корридорѣ.

Нигдѣ я не видалъ такого разнообразія въ деньгахъ, какъ на стамбульскомъ Безестенѣ. Здѣсь въ обращеніи звонкая монета всей Европы: французскіе двадцати-франковики, русскіе цѣлковые, австрійскіе цванцигеры, англійскіе шиллинги. Это служитъ прекраснымъ средствомъ, при расчетѣ курса на піастры, обманывать покупателей. Всего рѣже встрѣчаются въ Константинополѣ деньги турецкія, кромѣ разумѣется бумажекъ и мѣди. Каиме или ассигнаціи въ двадцать пять и пятьдесятъ піастровъ ходятъ однакожъ хорошо, даже и фальшивыя, если только онѣ порядочно сдѣланы. Мѣдная монета по-большей-части перечеканена изъ русскихъ пятаковъ и копѣекъ, и какъ софійскія мозаики свѣтятся изъ-подъ турецкой замазки, такъ изъ-подъ шифра Абдулъ-Медшида проглядываетъ вензель Николая I.

Когда мы ходили по Безестену, въ греческихъ и армянскихъ лавкахъ шли горячіе толки о послѣднихъ событіяхъ въ Константинополѣ. Дѣло по молдавскимъ выборамъ начинало шевелить все христіанское населеніе столицы. Bulletin de Constantinople переходилъ изъ рукъ

лоннами разставлены станки, у которыхъ оборванные мальчишки вертятъ колеса, а по корридорамъ изсякшаго водохранилища тянутся шелковыя нити, наматываясь на катушки. Турокъ взялъ меня за руку, привелъ на конецъ подземелья и показалъ рельефный крестъ, вырубленный на колоннѣ.

— Это крестъ Константина! сказалъ онъ, протягивая руку за бакшишемъ.

Еще замѣчательнѣе колоссальная цистерна Эрбатанъ-серай или Подземный-дворецъ. Это древняя константинова нимфея. Подземелье это, пролегающее подъ Софійскимъ-кварталомъ, служитъ у мусульманъ предметомъ суевѣрнаго страха и фантастическихъ разсказовъ. Я не надѣялся видѣть его, потому-что туда не пускаютъ безъ особаго фирмана. Но случай помогъ мнѣ. Еще на второй день бэйрама одинъ французъ изъ нашего отеля добылъ позволеніе осмотрѣть цистерну и пригласилъ меня участвовать въ подземномъ плаваньи на половинныхъ издержкахъ.

Когда я воротился съ Гипподрома, мнѣ сказали, что каикъ съ утра еще перенесенъ въ цистерну. Товарищъ мой зашелъ ко мнѣ. Мы взяли съ собой Папатоли.

Недалеко отъ Ая-Софіи пришли мы на какое-то пожарище, заваленное грудами почернѣвшаго щебня, надъ которыми торчали кое-гдѣ остатки печей и закоптѣлыя трубы. Намъ указали большую яму въ углу пустыря. Въ глубинѣ ея видна была ветхая каменная лѣстница: она вела ко входу въ константинову нимфею. Передъ нами открылся каменный парапетъ съ рядомъ подземныхъ арокъ, на исполинскихъ мраморныхъ колоннахъ съ коринѳскими капителями. За нимъ, въ подземной глубинѣ воды, тянулись вдаль ряды такихъ-же громадныхъ колоннъ бѣлаго мра-

мора, и безчисленныя арки, сплетаясь однѣ съ другими, пропадали въ темнотѣ. Изъ глубины цистерны вѣяло холодомъ.

У крайней арки ожидала насъ лодка. Молодой каикчи зажегъ два фонаря. Мы сошли въ каикъ и поплыли воднымъ корридоромъ въ глубь подземелья, между двумя рядами подымающихся изъ воды мраморныхъ великановъ. Медленно подвигались мы, цѣпляясь багромъ отъ одной до другой колонны. Когда я черезъ пять минутъ обернулся назадъ, арка казалась уже маленькимъ окошечкомъ, а впереди ряды мраморныхъ колоннъ все тянулись въ даль, недосягаемую для глазъ. Свѣтъ отъ нашихъ фонарей падалъ на мраморные столбы и освѣщалъ въ промежуткахъ ихъ безконечные ряды другихъ, въ обѣ стороны убѣгающихъ колоннадъ. Не знаю, что можно сравнить съ этимъ подземнымъ лабиринтомъ: воображеніе отказывается признать его человѣческой работой, а междутѣмъ онъ не похожъ и на дѣло природы. Что̀ значатъ наши кристальные дворцы и тоннели передъ этою работою великановъ, которые подъ землею ставили тысячи мраморныхъ колоннъ, какими мы гордимся въ дворцахъ и храмахъ!

— Чѣмъ-же у васъ страшно это подземелье? спросили мы каикчи.

— Да разсказываютъ, эффенди, что здѣсь живутъ джины, злые духи, заключенные царемъ Сулейманомъ. Аллахъ знаетъ, правда-ли это, а все страшно. Вотъ посмотрите-ка сюда!

Каикчи поднялъ фонарь, и мы увидѣли деревянную трубу, которая изъ воды упиралась вертикально въ сводъ подземелья. Это насосъ для подъема воды въ какой-нибудь домъ или садъ.

— На сводахъ, эффенди, много отверстій, продолжалъ турокъ. — Вы знаете, что Пророкъ велѣлъ мусульманамъ строго держать женъ и наказывать ихъ за невѣрность. Такъ вотъ въ прежніе годы, когда вѣру соблюдали, въ эти отверстія часто кидали женщинъ въ мѣшкахъ. Утопленицы и теперь еще, говорятъ старики, живутъ въ Эрбатанъ-сераѣ и по ночамъ плаваютъ между столбами. Лѣтъ пять назадъ одинъ каикчи съ нашей пристани забрелъ вечеромъ къ этому подземелью. Смотритъ онъ, на ступеняхъ сидитъ молодая женщина, совсѣмъ безъ яшмака, и горько плачетъ. Не успѣлъ онъ два раза сказать машаллахъ, какъ она скакнула въ воду и пропала въ подземномъ дворцѣ!

Напрасно искали мы надписей въ цистернѣ: на одной только колоннѣ замѣтили мы два выпуклые креста и подъ ними какія-то полуизглаженныя буквы. Мой товарищъ, мечтавшій объ археологической жатвѣ, былъ недоволенъ поѣздкой. Можетъ-быть, въ крайнихъ боковыхъ корридорахъ и есть что-нибудь, но каикчи боялся заблудиться въ цистернѣ и не хотѣлъ плыть далеко въ сторону. Говорятъ, цистерна подходитъ даже подъ серальскіе сады и сообщается съ Золотымъ-Рогомъ, но теперь выходъ закладенъ. По настоянію каикчи, мы повернули назадъ. Черезъ нѣсколько минутъ вдали показался свѣтлый полукругъ, началъ постепенно рости и обозначился наконецъ аркой. Я былъ доволенъ прогулкой, которая познакомила меня съ однимъ изъ величайшихъ сооруженій въ свѣтѣ. Когда я выпрыгнулъ изъ каика, меня такъ и обдало теплыми лучами солнца.

Возвращаясь въ гостинницу, я встрѣтился на Галатскомъ-мосту съ Франкуди.

— Знаете-ли новости? сказалъ онъ, подходя ко мнѣ

съ озабоченнымъ лицомъ. — Французскій посланникъ подалъ ультиматумъ по вопросу о дунайскихъ выборахъ, и его поддерживаютъ Россія, Пруссія и Сардинія.

— Ну, а что-же англійскій посланникъ? спросилъ я.

— Разумѣется, поддерживаетъ Турцію. Говорятъ, лордъ Редклифъ и слышать не хочетъ о соединеніи Дунайскихъ-княжествъ. Ночью назначенъ по этому дѣлу большой совѣтъ у великаго-визиря.

— Увидимъ, кто перескачетъ, синіе или красные!

Вечеромъ въ Перѣ шли горячіе толки о предстоящемъ разрывѣ съ Франціей: греки, такъ мягкіе и молчаливые при туркахъ, горячились въ своихъ кружкахъ и рвались изъ всѣхъ силъ, доказывая другъ-другу необходимость новой войны на Востокѣ. Я думаю, синіе и зеленые не спорили съ такой энергіей за тронъ византійской имперіи, какъ теперь потомки Комненовъ и Палеологовъ толковали о близкомъ паденіи турецкой власти въ Константинополѣ. А турки спокойно сидѣли въ кофейняхъ, не подозрѣвая, кажется, этихъ тревогъ, а можетъ-быть утѣшаясь фаталистическою мыслью, что время не перевернуло еще той страницы вѣчной книги, въ которой судьба назначила имъ покинуть берега Босфора.

XXI.

Безестенъ.

Всматриваясь въ Константинополь, каждый день находишь въ немъ что-нибудь общее съ Москвою. Тотъ и другой городъ поражаютъ живописной мѣстностью и красотою видовъ. Съ панорамой Стамбула отъ высоты Бугурлу можно сравнить только картину Москвы отъ Воробьевыхъ-горъ: въ обѣихъ та-же масса строеній и садовъ, колоколенъ и минаретовъ, золотыхъ крестовъ и полумѣсяцевъ. Нигдѣ нѣтъ такой иллюминаціи, какъ въ ночь на свѣтлое-воскресенье въ Москвѣ и наканунѣ бэйрама въ Константинополѣ, не по количеству огней, а по таинственной прелести и оригинальности. Въ самой жизни обѣихъ столицъ есть черты поразительно-близкія. Домъ турецкаго паши также набитъ поварами, чубукчами, саисами, какъ дворъ истинно-московскаго барина богатъ лакеями, форрейторами, прачками и судомойками. Квартальные и кавасы, купеческіе сынки и цивилизованные шампанскимъ молодые османлисы, кликуши Троицкой-лавры и воющіе дервиши, — все это невольно поражаетъ какимъ-то родственнымъ сходствомъ.

Рѣдкій изъ европейскихъ туристовъ не восхищался

оригинальностью Безестена, главнаго базара въ Константинополѣ. И въ-самомъ-дѣлѣ жителю Парижа или Лондона, послѣ ихъ разбросанныхъ по домамъ магазиновъ, базаръ этотъ долженъ казаться необыкновеннымъ. Но кто знаетъ московскіе Городскіе-ряды, тотъ найдетъ въ немъ много знакомаго. Конечно въ стамбульскомъ базарѣ есть свои особенности, но общимъ характеромъ онъ напоминаетъ московскій Гостиный-дворъ: оба они состоятъ изъ полутемныхъ переходовъ, гдѣ не живутъ, а только торгуютъ, поручая на ночь лавки охраненію спущенныхъ по веревкамъ собакъ. Во всѣ дни бэйрама Безестенъ былъ пустъ, какъ московскій Гостиный-дворъ на святой-недѣлѣ. Въ первый разъ я видѣлъ его во всемъ разгарѣ на другой день послѣ моей прогулки въ константиновой цистернѣ. Мы согласились идти туда съ французскимъ купцомъ, который жилъ въ нашемъ отелѣ, и взяли проводникомъ Папатоли.

Безестенъ лежитъ недалеко отъ Галатскаго-моста, между мечетями Валидэ-Султанъ и Баязидіе. По извилистой улицѣ, сплошь застроенной кофейнями, пришли мы къ каменнымъ воротамъ, сведеннымъ аркою. Они ведутъ въ корридоръ со сводами, слабо освѣщенный изъ отверстій, пробитыхъ въ небольшихъ куполахъ. Вдоль и поперекъ извивается множество другихъ переходовъ, неправильныхъ и перепутанныхъ, какъ и стамбульскія улицы. Это цѣлый городокъ изъ сотенъ темныхъ рядовъ, обведенныхъ съ обѣихъ сторонъ лавками. Каждый рядъ, какъ и въ Москвѣ, носитъ особое названіе: шелковый, оружейный, москательный. Лавки освѣщены тѣмъ полусвѣтомъ, въ которомъ при выборѣ вещи слѣдуетъ возлагать упованіе не на свои глаза, а на увѣренія купца и милость Аллаха. Въ греческихъ и армянскихъ лавкахъ есть двери,

а въ турецкихъ нижняя часть деревянной стѣны откидывается въ коррндоръ, и изъ нея дѣлается передъ лавкою родъ дивана. Тутъ разстилается тюфякъ или коверъ, и купецъ сидитъ на немъ, поджавъ ноги. Съ перваго взгляда можно отличить греческую лавку, отъ турецкой: въ одной хлопотливая дѣятельность, въ другой мертвая тишина. Греческій торговецъ въ постоянномъ движеніи: онъ разбираетъ товаръ, болтаетъ съ покупателями, а если и сидитъ у лавки, то бойко перебираетъ комболойо и звонкимъ голосомъ перекликается съ сосѣдомъ. Турокъ, въ халатѣ и чалмѣ, сидитъ неподвижно на своемъ коврѣ, уставя глаза на одинъ предметъ, или вынимаетъ лѣниво товаръ, объявляетъ цѣну и спокойно ждетъ, возьмете вы его или нѣтъ. Здѣсь старый костюмъ и обычаи, такъ-же какъ и у насъ, удержались больше всего въ купечествѣ, и вы рѣдко увидите на торговцѣ казакинъ или махмудовскій тарбушъ. Курить въ Безестенѣ не позволено. Поэтому, какъ московскій торговецъ любитъ посидѣть за чаемъ въ Новотроицкомъ-трактирѣ, такъ и турецкій купецъ нѣсколько разъ въ день сходитъ въ кофейню помолчать за трубкой или наргилэ. Передъ лавками, какъ и въ нашемъ Гостиномъ-дворѣ, шныряютъ разнощики съ лотками и бродятъ нищіе и попрошайки.

Если въ Безестенѣ нѣтъ мальчишекъ, которые зазываютъ у насъ покупателей, зато въ немъ водятся другаго рода ищейки, которые во всякомъ случаѣ не уступаютъ московскимъ. При входѣ на базаръ васъ встрѣтитъ непремѣнно человѣкъ въ пальто или казакинѣ, съ поклонами начнетъ допрашивать — чего вы желаете, и предложитъ рекомендовать баснословно-дешевые товары. Это не торговецъ, а коммиссіонеръ, который ловитъ

проходящихъ въ лавки и получаетъ за это бакшишъ съ купцовъ и съ покупателей.

Только-что вошли мы на базаръ, какъ нашъ европейскій костюмъ началъ привлекать этихъ стамбульскихъ кулаковъ. На всѣхъ языкахъ предлагали они свои услуги, и Папатоли едва успѣвалъ отражать ихъ рѣшительнымъ увѣреніемъ, что онъ самъ настоящій коммиссіонеръ. Однако-жъ одинъ черненькій грекъ явно не признавалъ за нимъ этой профессіи и упорно преслѣдовалъ насъ шагъ за шагомъ.

— Что вамъ угодно, господа? говорилъ онъ по-французски: — я отведу васъ въ лучшій магазинъ во всемъ Безестенѣ.

Мы не отвѣчали. Онъ принялся напѣвать ту-же фразу по-итальянски, по-англійски и наконецъ по-нѣмецки.

— У насъ свой проводникъ, сказалъ я: — вы напрасно теряете время.

— Вашъ проводникъ ничего не знаетъ: это наше дѣло. Я покажу вамъ лавку, гдѣ вы купите въ пятеро, въ десятеро дешевле. Развѣ вамъ не угодно купить за пять піастровъ вещь, которая стоитъ пятьдесятъ?

Папатоли довольно-нецеремонно оттолкнулъ его, но онъ нисколько не смутился и продолжалъ преслѣдовать насъ съ прежней настойчивостью.

Въ шелковомъ и галантерейномъ ряду больше всего попадаются женщины. Онѣ бродятъ отъ одного магазина къ другому, шлепая своими туфлями, или сидятъ передъ лавками и разсматриваютъ матеріи, шитыя золотомъ и серебромъ туфли, опахала изъ павлиныхъ перьевъ, овальныя зеркала съ узорчатыми ручками. Мы остановились передъ лавкою турка въ шалевой чалмѣ. Товарищъ мой купилъ янтарныя четки, а я коверъ съ вышитымъ шелками вензелемъ султана. Пока мы смотрѣли вещи, чер-

ненькій грекъ все вертѣлся около насъ и усердно старался, чтобы купецъ его замѣтилъ. Когда мы расплатились, онъ подбѣжалъ къ турку, и тотъ далъ ему мелкую серебряную монету.

Мнѣ хотѣлось посмотрѣть знаменитое восточное оружіе. Папатоли привелъ насъ въ большой магазинъ какого-то армянина. Вся лавка убрана была оружіемъ и сбруею въ старинномъ вкусѣ. На стѣнахъ висѣли длинныя ружья съ камнями и золотой насѣчкой, изогнутыя сабли синеватой стали съ золотыми турецкими надписями, атаганы и канджары въ бархатныхъ и серебряныхъ ножнахъ съ бирюзой, яхонтами и топазами, высокія сѣдла, всѣ въ дорогихъ камняхъ съ шитыми золотомъ чепраками. Все это напоминало старую Турцію. Армянинъ очень-любезно показывалъ свои рѣдкости. Но оружіе здѣсь чрезвычайно дорого: за простой клинокъ дамасскаго кинжала просятъ тысячу піастровъ, а сабли цѣнятся почти на вѣсъ золота. Мы видѣли кривую саблю, которая стоитъ будто-бы пять-тысячъ рублей серебромъ. Купецъ жаловался, что настоящіе знатоки оружія теперь переводятся, и даже турки начинаютъ предпочитать стариннымъ пистолетамъ англійскіе револьверы.

Во все это время коммиссіонеръ стоялъ у дверей. Только-что мы вышли, онъ шмыгнулъ въ магазинъ и принялся что-то нашептывать купцу въ надеждѣ вѣроятно получить бакшишъ за то, что мы ничего не купили. На этотъ разъ ему однакожъ не посчастливилось: армянинъ вытолкалъ его за дверь. Грекъ торопливо догналъ насъ.

— Не забудьте, господа, комиссіонера! проговорилъ онъ, забѣгая впередъ: — я ходилъ съ вами два часа.

— А кто-же виноватъ! сказалъ мой товарищъ: — мы васъ предупреждали... Впрочемъ, хотите получить де-

ть піастровъ? — покажите намъ, какъ здѣсь прибиваютъ
уши плутовъ къ дверямъ лавокъ.

— Теперь ужъ не прибиваютъ! отвѣчалъ грекъ съ
домъ крайняго сожалѣнія.—Прежде дѣйствительно вотъ
кихъ мошенниковъ, какъ этотъ армянинъ, приколачи-
ли гвоздями, а нынче это совсѣмъ вывелось. Что дѣ-
ать — другія времена. Не обидьте-же своего коммиссіо-
ера!

Мы расхохотались. Но Папатоли взглянулъ на дѣло
рьезно: онъ бойко схватилъ за шиворотъ своего соотe-
ественника, повернулъ и далъ ему такой братскій пи-
окъ, что грекъ исчезъ въ боковомъ корридорѣ.

Нигдѣ я не видалъ такого разнообразія въ деньгахъ,
къ на стамбульскомъ Безестенѣ. Здѣсь въ обращеніи
онкая монета всей Европы: французскіе двадцати-фран-
вики, русскіе цѣлковые, австрійскіе цванцигеры, ан-
ійскіе шиллинги. Это служитъ прекраснымъ средствомъ,
и расчетѣ курса на піастры, обманывать покупателей.
его рѣже встрѣчаются въ Константинополѣ деньги ту-
цкія, кромѣ разумѣется бумажекъ и мѣди. Каиме или
сигнаціи въ двадцать пять и пятьдесятъ піастровъ хо-
тъ однакожъ хорошо, даже и фальшивыя, если только
ѣ порядочно сдѣланы. Мѣдная монета по-большей-ча-
и перечеканена изъ русскихъ пятаковъ и копѣекъ, и
къ софійскія мозаики свѣтятся изъ-подъ турецкой за-
азки, такъ изъ-подъ шифра Абдулъ-Медшида прогля-
ываетъ вензель Николая I.

Когда мы ходили по Безестену, въ греческихъ и ар-
янскихъ лавкахъ шли горячіе толки о послѣднихъ со-
ытіяхъ въ Константинополѣ. Дѣло по молдавскимъ вы-
орамъ начинало шевелить все христіанское населеніе
толицы. Bulletin de Constantinople переходилъ изъ рукъ

въ руки, и купцы читали статью о протестѣ четырехъ державъ почти съ такимъ-же увлеченіемъ, какъ извѣстія о биржевомъ курсѣ. Греки сообщили намъ, что совѣтъ у великаго-визиря тянулся всю ночь, и члены Дивана разъѣхались уже при утреннемъ крикѣ муэззиновъ. Съ минуты на минуту ждали извѣстія, чѣмъ рѣшила Порта. Въ одной изъ послѣднихъ лавокъ купецъ сообщилъ намъ, что побѣда осталась за Ретклифомъ.

Мы пошли смотрѣть Вальде-ханé, главный складочный базаръ азіятскихъ товаровъ. Это обширный дворъ, обнесенный со всѣхъ сторонъ арабской галереей въ два яруса аркадъ, уставленныхъ наверху сплошнымъ рядомъ маленькихъ куполовъ. Посреди двора стоитъ кіоскъ, въ которомъ помѣщается кофейня. Подъ нижней аркадою сидятъ на коврахъ персы, грузины, курды; въ верхней галереѣ хранятся въ кладовыхъ товары. Мы смотрѣли азіятскія матеріи: все это теперь далеко уступаетъ ліонскимъ тканямъ и по грубости рисунка не годится для Европы. Говорятъ, что торговля эта падаетъ съ каждымъ годомъ: французскія шали съ восточнымъ рисункомъ нарочно возятъ теперь въ Смирну или Константинополь, клеймятъ въ таможняхъ, потомъ отправляютъ опять въ Марсель, мѣтятъ французскими пломбами и продаютъ въ Парижѣ за настоящія индѣйскія шали. И послѣ такой прогулки ліонскіе кашемиры все еще дешевле азіятскихъ.

Пока мы смотрѣли товары, Папатоли побѣжалъ собирать новости. Онъ воротился въ необыкновенно-торжественномъ настроеніи и объявилъ намъ, что французскій посланникъ получилъ уже паспортъ и сегодня-же выѣзжаетъ изъ Константинополя.

Мы не вѣрили. Но когда я воротился въ гостинницу и сошелъ къ обѣду, оказалось, что въ утреннихъ слу-

ıхъ было много правды. Послѣ ночной дипломатической ıтвы у великаго-визиря, Диванъ въ-самомъ-дѣлѣ отвергъ ранцузскій ультиматумъ. Тувенель потребовалъ паспортъ. ь Перѣ тотчасъ-же разнесся слухъ, что французы го-ıвятся снимать флагъ съ посольскаго дома въ Тера-и. Толпы европейцевъ и грековъ отправились на Бос-ıръ смотрѣть французскій парадъ. Хозяинъ нашъ во-ıтился въ половинѣ обѣда съ разсказами: въ Терапіи ъ самомъ-дѣлѣ разыграли эффектную церемонію. Фран-ıзы подвели къ своему посольскому дворцу военный ıигъ Аjассіо и свезли на него свой трехцвѣтный флагъ ъ пушечной пальбой, привѣтственными криками и дру-ıми внушительными эффектами. Къ сожалѣнію, на каи-ıхъ, которыми покрытъ былъ въ это время Босфоръ, ıвсѣмъ не было турокъ. Лѣнивые османлисы и не по-обопытствовали взглянуть на французскую комедію.

— Говорятъ, французскій флотъ уже въ Дарданеллахъ! азалъ мнѣ пресерьозно Папатоли, когда я уходилъ на-ıрхъ.

— Такъ, пожалуйста, разбудите меня, если ночью бу-тъ бомбардировать Константинополь.

Грекъ сердито посмотрѣлъ на меня своимъ одинокимъ ıазомъ.

XXII.

Стѣны и кладбища.

Константинополь обведенъ двойнымъ поясомъ греческихъ стѣнъ и турецкихъ кладбищъ, которыя окоймляютъ городъ исполинской рамой зелени и развалинъ. Я никогда не забуду моей прогулки съ Франкуди, когда мы объѣхали верхомъ около всей старой Византіи. Это какъ-будто цѣлая поѣздка въ странѣ съ разноплеменнымъ населеніемъ, съ разнохарактерными ландшафтами, встрѣчами и легендами.

По берегу Золотаго-Рога пріѣхали мы сначала въ греческій кварталъ Фанаръ. Здѣсь все отличается уродливой смѣсью азіятскаго и европейскаго быта: старинные каменные дома облѣплены модными бельведерами, въ окнахъ видны желѣзныя рѣшетки древнихъ геникеевъ, а у подъѣздовъ стоятъ вѣнскія коляски на лежачихъ рессорахъ. Это наслѣдственное логовище потомковъ византійской аристократіи, откуда вынолзали эти драгоманы, господари и каймакамы, которые въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ сосали кровь и золото у мусульманъ и раевъ. За Фанаромъ тянется жидовскій кварталъ Балата, настоящая столица грязи, обѣтованная земля зловонія и

нищенства. Черезъ все предмѣстіе идетъ одинъ длинный клоакъ, обставленный лачугами изъ досокъ, заваленный кучами нечистотъ, между которыми бродятъ тощія собаки и шныряютъ турецкіе Шейлоки въ отвратительныхъ лохмотьяхъ. Въ Европѣ спрашиваютъ: откуда берется въ Турціи чума? Но проѣзжая по улицамъ Балаты, я удивлялся, какимъ образомъ она можетъ прекращаться на цѣлые годы въ этой зловонной ямѣ, которая затѣмъ, кажется, и устроена, чтобъ порождать и разводить всякія язвы и заразы.

Мимо дворца Велизарія проскакали мы за городъ и повернули налѣво вдоль стѣны Ѳеодосія, которая тянется отъ Золотого-Рога до Мраморнаго-моря. Дорога, вся изрытая ямами, пролегаетъ около знаменитыхъ стѣнъ, подымаясь съ холма на холмъ. Съ лѣвой стороны, за широкимъ рвомъ, кое-гдѣ заваленнымъ щебнемъ или зеленѣющимъ посѣвами кукурузы, тянется сплошная массивная стѣна, нескончаемымъ каменнымъ валомъ; за нею поднимается другая вдвое выше, унизанная круглыми башнями, а позади ея встаетъ третья высокая стѣна съ зубцами и четырехъ-угольными бастіонами. И эта колоссальная ограда опоясываетъ городъ на разстояніи пяти верстъ. Я не видалъ разрушенія болѣе картиннаго! Стѣны мѣстами обвалились, башни растрескались, и природа одѣла все это зеленью. Въ промежуткахъ ограды растутъ купы липъ и платановъ, изъ трещинъ и обваловъ подымаются вѣтвистыя рябины и фиговыя деревья, а плющъ и дикій виноградъ, взбѣгая на вершины стѣнъ и башенъ, опускаются оттуда гирляндами. Мѣстами вся стѣна кажется одной шпалерою, и только кое-гдѣ изъ-подъ зеленаго покрова виднѣется золотая греческая надпись или рельефный мраморный крестъ. А по правую

сторону дороги идетъ другой зеленый поясъ изъ нескончаемаго турецкаго кладбища. Сплошныя рощи могильныхъ кипарисовъ съ цѣлымъ лѣсомъ надгробныхъ мраморныхъ столбиковъ, примыкая одна къ другой, образуютъ величайшее поле смерти, такъ-же живописное, какъ и стѣны. Мы ѣхали между двумя зелеными оградами, и по обѣ стороны разрушеніе и смерть кажется спорили красотою.

У воротъ Топъ-Капу, черезъ которые вошелъ въ городъ Магометъ II, повернули мы на дорогу къ греческому монастырю Балукли. Посерединѣ двора, обнесеннаго оградою, стоитъ каменная церковь, а отъ нея галерея ведетъ къ подземному храму Живоноснаго-Источника.

Мы спустились по лѣстницѣ и вошли въ небольшую церковь, освѣщенную лампадами. Направо подымается иконостасъ изъ бѣлаго мрамора, подаренный султаномъ Махмудомъ; налѣво каменная балюстрада, за которой лѣстница опускается въ глубокую нишу. Въ ней видѣнъ круглый мраморный бассейнъ, до половины скрытый подъ землею. Это знаменитый источникъ, такъ уважаемый греками.

Вмѣстѣ съ какимъ-то греческимъ семействомъ мы сошли къ нишѣ. Пока старуха и двое пожилыхъ мущинъ пили святую воду, молоденькая дѣвушка, стройная, какъ древнія статуи, нагнулась надъ бассейномъ, и ея античное личико отразилось въ прозрачныхъ струяхъ. Она опустила серебряную монету, и вдругъ изъ подземной половины бассейна выплыло нѣсколько рыбокъ и закружилось надъ этимъ подаркомъ. Мнѣ не случалось видѣть такой породы: съ одного бока всѣ онѣ бѣлыя, съ другаго золотистыя. Въ это время подошелъ монахъ и мо-

этоннымъ басомъ началъ разсказывать легенду:—«Когда урки бросились на послѣдній приступъ къ Византіи переводилъ мнѣ мой товарищъ), въ Балукли одинъ старый монахъ готовилъ себѣ на завтракъ три рыбки. Онъ же поджарилъ ихъ съ одной стороны и собирался перевернуть на другую, какъ прибѣжалъ послушникъ съ извѣстіемъ, что непріятели одолѣли и ворвались въ городъ. «Я повѣрю этому тогда, когда моя рыба будетъ плавать»! сказалъ недовѣрчивый старикъ. При этихъ словахъ его полуизжаренныя рыбки прыгнули со сковороды и скрылись въ источникѣ. Съ-тѣхъ-поръ онѣ навсегда такъ и остались: одинъ бокъ у нихъ изжаренный, а другой свѣжій»!

Мы опять выѣхали на дорогу, которая все тянулась между зеленью живописныхъ стѣнъ и кипарисами нескончаемаго кладбища. И вотъ сверкнуло наконецъ Мраморное-море, и Ѳеодосіева стѣна замкнулась на берегу его темной массою Семибашеннаго-замка. Старый солдатъ предложилъ намъ осмотрѣть знатенитую тюрьму, и мы вошли на широкій дворъ, заваленный щебнемъ и заросшій травой. Турецкая бастилія, гдѣ сотни жертвъ погибли подъ петлей и кинжаломъ, и гдѣ перебывали въ заточеніи посланники всѣхъ европейскихъ націй, теперь опустѣла и разваливается. Посереди двора стоитъ деревянная мечеть, обсаженная липами, а около стѣнъ тянутся гряды съ огурцами и салатомъ. Прямо передъ входомъ подымается ветхая башня, съ узенькими окнами, загороженными желѣзной рѣшеткой: это Золотыя-ворота Ѳеодосія, гдѣ бывало разжалованные визири и сераскиры давали шелковаго снурка. Въ противоположной башнѣ заключались европейскіе посланники. Стѣна этой тюрьмы покрыта надписями, но онѣ почти всѣ искажены. Вполнѣ

уцѣлѣла только одна: Stephanus Alberti, 1697. Венеціянцы видно и здѣсь также прочно выбивали свои имена, какъ въ пьомбахъ Дожева-дворца. Остальныя башни въ развалинахъ, а по стѣнамъ начинаетъ уже раскидывать зеленую сѣть дикій виноградъ.

Черезъ греческій кварталъ Псамматію мы въѣхали опять въ турецкій городъ и по извилистымъ улицамъ его добрались до Галатскаго-моста.

Константинополь можно назвать городомъ кладбищъ. Турки, кажется, затѣмъ и поселились въ немъ, чтобъ покрыть его надгробными памятниками и кипарисами. Какъ стѣна Ѳеодосія окоймлена полемъ смерти, такъ и по другую сторону Рога и Босфора тянутся могильныя рощи. Въ самомъ городѣ при каждой мечети есть султанскія тюрбе, надгробные кіоски пашей или ограды съ могильными памятниками; даже на улицахъ, подъ окнами домовъ, встрѣчаются кипарисы и мраморные столбики съ чалмою. Здѣсь какъ-будто живутъ для того, чтобы разводить могилы.

Любимое кладбище турокъ въ Скутари. Въ послѣдній разъ я ѣздилъ туда съ Франкуди, послѣ прогулки около стѣнъ. У Галатскаго-моста мы отдали лошадей и сѣли въ базаръ-каикъ, родъ омнибуса, который ходитъ постоянно на азіятскую сторону. Онъ наполненъ былъ бородатыми турками и закутанными въ покрывала женщинами. Шестеро гребцовъ, каждый съ двумя веслами, при всякомъ взмахѣ дружно опускались и опять вставали во весь ростъ. Теченіе не позволяетъ плавать въ прямомъ направленіи черезъ Босфоръ, а потому каикъ подымается обыкновенно вверхъ по проливу, къ дворцу Дольма-Бахче, и оттуда уже спускается къ азіятскому берегу.

Скутари обстроенъ лучше Стамбула: улицы въ немъ

шире, дома красивѣе. Тутъ сохранился еще характеръ старой Турціи: передъ хане́ лежатъ, поджавъ ноги, верблюды, и между ними сидятъ на корточкахъ караванные погонщики, на улицахъ попадаются нищіе дервиши съ растрепанной бородою и дикимъ взглядомъ, передъ кофейнями видны старики въ мѣховыхъ шубахъ и огромныхъ тюрбанахъ, и даже женщины плотнѣе кутаются здѣсь въ свои яшмаки. Видно, что туркамъ на азіятскомъ берегу живется лучше, нежели въ Европѣ.

Довольно-широкая улица, подымаясь отъ набережной въ гору, ведетъ къ Большому-кладбищу. Это исполинскій кипарисный лѣсъ, перерѣзанный вдоль и поперекъ множествомъ аллей. При входѣ стоитъ фонтанъ, въ видѣ арабскаго павильона, весь въ узорчатыхъ арабескахъ и золотыхъ надписяхъ, а подлѣ него кофейня, передъ которою сидитъ толпа турокъ съ трубками и наргилэ. Рядомъ, на площадкѣ дымится рядъ жаровенъ, гдѣ на вертикальныхъ желѣзныхъ спичкахъ жарится кебабъ, и навалены груды арбузовъ, сложенныхъ въ пирамиды, какъ пушечныя ядра на Топханѣ.

По главной аллеѣ, вымощенной по краямъ обломками надгробныхъ памятниковъ, вошли мы въ большую кипарисную рощу. Вѣковыя деревья съ темной зеленью плотно тѣснятся между могилами. Подъ ихъ густой тѣнью стоятъ памятники: тюрбе визирей и пашей, въ видѣ мавританской бесѣдки, мраморные саркофаги съ высѣченной звѣздою и полумѣсяцемъ, гробницы моллъ, увѣнчанныя тюрбаномъ, и безчисленное множество стоячихъ плоскихъ столбиковъ, съ чалмою или фесомъ и золотыми арабскими надписями. Одни обсажены кустами розъ или жесминовъ, другіе окружены рѣшеткой, узорчато-сплетенной изъ золоченой проволоки.

Мѣстами подлѣ столбика валяется особаго рода чалма съ краснымъ верхомъ, очевидно отбитая нарочно.

— Это памятники янычаръ! сказалъ мнѣ Франкуди.

— Зачѣмъ-же чалмы на нихъ обломаны?

— Это послѣднее мщеніе султана Махмуда. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ истребленія янычаръ, онъ встрѣтилъ на какомъ-то кладбищѣ памятникъ съ ненавистной чалмой и срубилъ ее саблей. Послѣ того и на другихъ кладбищахъ казнили всѣ янычарскіе памятники.

Здѣсь всякій день гуляютъ толпы народа. На могильныхъ плитахъ, подъ тѣнью кипарисовъ, разостланы ковры, и на нихъ группами сидятъ женщины, окутанныя въ бѣлые яшмаки, неподвижныя и молчаливыя, какъ могильные памятники. Вокругъ ходятъ продавцы фруктовъ и разнощики холодной воды, съ серебряной чашей и перевѣшеннымъ черезъ плечо бурдюкомъ. Подъ-вечеръ Скутарійское-кладбище играетъ ту-же роль, какъ парижскій Итальянскій-бульваръ или лондонская Реджентъ-Стритъ. Въ аллеяхъ показываются молоденькія женщины въ темныхъ фередже, съ прозрачными кисейными покрывалами, изъ-подъ которыхъ видны нарумяненныя щеки и раскрашенныя брови. Придерживая покрывало рукой, раскрашенной хиною, онѣ бросаютъ вовсе недвусмысленные взгляды на турецкихъ донъ-жуановъ, которые бродятъ съ кипарисными хлыстиками.

Возвращаясь по главной аллеѣ, мы встрѣтили двѣ процессіи. Со стороны предмѣстья Гайдеръ-Паши медленно двигалась большая арба, изукрашенная фольгою, лентами и разноцвѣтными шелковыми кистями, запряженная парою дымчатыхъ быковъ, которыхъ вели за рога двое саисовъ. Въ ней сидѣло съ десятокъ молодыхъ дѣвушекъ: однѣ изъ нихъ колотили во всю мочь въ бара-

баны, похожіе на половину отрѣзаннаго арбуза, а другія визгливо напѣвали какую-то дикую пѣсню, прыгая и ломаясь, точно въ судорогахъ. Позади, въ парной таликѣ, расписанной яркими цвѣтами, въ пестрой группѣ женщинъ, сидѣла неподвижная фигура, окутанная точно мумія въ плотное бѣлое покрывало. Это была невѣста. И въ то время, какъ свадебный поѣздъ медленно подвигался въ домъ новобрачнаго, навстрѣчу ему какой-то мертвый торопливо спѣшилъ къ вырытой могилѣ. Шестеро турокъ несли на плечахъ округленный на-верху гробъ, закутанный также плотно, какъ и невѣста, въ блѣдно-зеленую шелковую матерію. Впереди бѣжалъ высокій и худой молла, въ халатѣ и бѣлой чалмѣ, позади шлепали туфлями четыре наемныя плакальщицы въ отрепанныхъ ферецже. И вся эта похоронная церемонія бѣжала, обливаясь потомъ, какъ-будто торопилась на какое-нибудь зрѣлище. Когда гробъ поровнялся съ арбою, барабанщицы принялись стучать еще сильнѣе, а плакальщицы завыли отчаяннѣе. Кажется, встрѣча съ покойникомъ не смутила свадебнаго поѣзда, а скорѣе встревожила похоронный ходъ, потому-что покойника понесли еще скорѣе. Съ десятокъ собакъ, привлеченныхъ музыкой и воплемъ, дружно выли на могилахъ.

Вечеромъ мы воротились въ городъ на пароходѣ, который всякій часъ ходитъ отъ скутарійской пристани къ Галатскому-мосту. Пароходъ былъ загруженъ народомъ: одинъ конецъ его по обыкновенію бѣлѣлъ сплошной массою женскихъ покрывалъ, на другомъ алѣли одни мужскіе тарбуши, — и точно на кладбищѣ, все молчало и не двигалось.

XXIII.

Стамбульскія бани.

Если кладбища составляютъ у турокъ любимыя гулянья, то бани замѣняютъ для нихъ клубы. Тутъ восточный человѣкъ наслаждается кейфомъ, слушаетъ новости и даже подъ-часъ занимается политикой. Поэты и туристы столько потратили красокъ, описывая эти пріюты азіятской нѣги, что я считалъ преступленіемъ прожить двѣ недѣли въ Турціи и не побывать въ восточныхъ баняхъ. Хоть я и потерялъ вѣру въ знаменитую азіятскую роскошь, но тутъ не думалъ разочароваться. Неразъ, проходя мимо зданія съ мраморными колоннами и арабскими куполами, я принималъ его за дворецъ, а потомъ оказывалось, что это бани. Какъ-же не побывать въ этихъ чертогахъ восточной нѣги! Я просилъ Папатоли свести меня въ лучшія константинопольскія бани.

Въ восемь часовъ утра мы отправились въ Топхану. На большой улицѣ стоитъ каменное зданіе, съ перистилемъ на мраморныхъ колоннахъ, унизанное маленькими куполами и покрытое скульптурными арабесками. Пройдя небольшія сѣни, мы черезъ дверь, завѣшанную ковромъ, вошли въ круглую залу, выложенную мраморомъ и освѣ-

щенную множествомъ отверстій на кругломъ сводѣ. Вокругъ тянулась галерея или хоры на деревянныхъ столбахъ, и у самаго входа съ обѣихъ сторонъ подымались туда отлогія лѣстницы. Посерединѣ стоялъ мраморный бассейнъ, обставленный горшками розъ, и тонкая струя фонтана журчала пріятнымъ шелестомъ, а въ мѣдныхъ клѣткахъ, привѣшенныхъ на проволокахъ, звонко пѣли надъ нимъ четыре канарейки. За бассейномъ — дверь въ бани, и по одну сторону печь, уставленная кофейниками, а по другую — коллекція трубокъ и наргилэ.

Мы поднялись на галерею. Здѣсь на деревянномъ, довольно грязномъ полу стояли сплошнымъ рядомъ турецкіе диваны, покрытые простынями. На нихъ лежали и сидѣли фигуры, всѣ окутанныя въ бѣлые саваны, изъ-подъ которыхъ виднѣлись только лица, да руки съ трубками и мундштуками нагрилэ. Одна изъ спеленанныхъ мумій что-то разсказывала, остальныя слушали, пуская изрѣдка тонкія струйки дыма и уставя тупые глаза въ пространство. Вотъ это-то и есть восточный послѣбанный кейфъ. Ко мнѣ подбѣжалъ мальчикъ въ курткѣ, коротенькихъ шальварахъ и тарбушѣ. Черезъ минуту костюмъ мой очутился на табуретѣ, а моя особа окутана была съ пояса до пятъ пештымалой, то-есть бѣлымъ, тонкимъ, покрываломъ. Турокъ взялъ меня подъ-руку, повелъ съ лѣстницы и на послѣдней ступени прицѣпилъ на ноги деревянныя подставки, въ родѣ какихъ-то широкихъ коньковъ съ кожаными зацѣпками. Съ перваго шага я чуть не упалъ.

— Папатоли! научите, какъ мнѣ ходить на вашихъ ходуляхъ! закричалъ я наверхъ.

— Да вы не шагайте, а только двигайте ноги!

Я попробовалъ и оказалось, что на этихъ деревян-

ныхъ бабушахъ легко скользить по мраморному полу. Въ дверяхъ бани мальчикъ передалъ меня теллаку, молодому турку, завернутому съ пояса клѣтчатымъ передникомъ. Онъ повелъ меня въ храмъ восточнаго блаженства.

Мы вошли въ четыреугольную комнату съ круглымъ арабскимъ сводомъ, пронизаннымъ маленькими окнами, изъ которыхъ лился пріятный полусвѣтъ. Посерединѣ возвышалась мраморная платформа, съ полъ-аршина вышиною, устланная египетскими рогожками. На одной изъ нихъ лежалъ съ закрытыми глазами сѣдобородый человѣкъ, окутанный также какъ и я пештымалой: не знаю, спалъ онъ или наслаждался своимъ кейфомъ. Теллакъ положилъ меня рядомъ съ нимъ на рогожку, покрывъ ее простынею. Я не понялъ сначала, для чего этотъ ранній отдыхъ, но пока разсматривалъ мраморныя стѣны и моего неподвижнго сосѣда, тонкій паръ отъ нагрѣтаго снизу пола охватилъ меня нѣжными струями. Ясно, что я вкушалъ уже начатки восточнаго блаженства.

Мнѣ это однакожъ надоѣло, и я позвалъ теллака. Онъ опять прицѣпилъ мнѣ коньки и повелъ въ другую залу. Это была ротонда изъ бѣлаго мрамора, съ пятью прелестными мавританскими куполами, усѣянными множествомъ круглыхъ отверстій, изъ которыхъ свѣтъ падалъ сквозь малиновыя стекла, бросая на все нѣжный розовый оттѣнокъ. Это настоящій храмъ кейфа. Среди залы стояли три мраморныя возвышенія, въ видѣ большихъ саркофаговъ, накрытыя тонкими египетскими цыновками. Тутъ ожидаетъ васъ вторая степень блаженства, въ теплой и благоуханной атмосферѣ. Крайніе саркофаги заняты были двумя бѣлыми фигурами, которыя неподвижно лежали на спинѣ, съ закрытыми глазами, серьозныя и ве-

личавыя, какъ статуи епископовъ на гробницахъ Майнцкаго-собора. Проводникъ привелъ меня къ середней плитѣ. Но я рѣшительно не видалъ нужды лежать въ качествѣ могильнаго памятника и потребовалъ перехода къ новымъ удовольствіямъ. Теллакъ посмотрѣлъ съ сожалѣніемъ на мою нетерпѣливость.

На противоположной сторонѣ ротонды мавританскія арки ведутъ въ три храмика, примыкающіе къ ней въ видѣ глубокихъ нишъ, съ мраморнымъ полусводомъ. Турокъ привелъ меня въ одинъ изъ этихъ кіосковъ. Къ стѣнѣ примыкаютъ два мраморные бассейна, похожіе па разрѣзанныя поперекъ чаши, и надъ каждымъ мѣдные краны. На карнизѣ разставлена серебряная посуда, въ родѣ чайныхъ блюдечекъ, исписанная золотыми надписями изъ Корана, въ которыхъ говорится о чистотѣ тѣла, о необходимости омовеній, объ утѣхахъ, ожидающихъ правовѣрныхъ въ будущей жизни. Теллакъ отперъ краны, и струи горячей и холодной воды полились въ бассейнъ. Освободя отъ пештымалы, онъ положилъ меня на разостланную рогожку, и натянувъ рукавицу изъ верблюжьей шерсти, принялся натирать меня, обливая водой изъ блюдечка. Очевидно, что я поднялся на новую степень турецкаго наслажденія.

Черезъ нѣсколько минутъ теллакъ принесъ большую чашу и гибкую кисть изъ бѣлыхъ тонкихъ мочалокъ. Съ ловкостью кондитера, взбивающаго сабайонъ, напѣнилъ онъ мыльную массу, которая, подымаясь миріадами бисерныхъ, сверкающихъ пузырьковъ, превратилась въ ароматную пѣну. Бойко обмакивая кисть, турокъ натеръ меня съ ногъ до головы этимъ горячимъ благоуханнымъ снѣгомъ, потомъ припалъ на меня колѣномъ, проводя локтями по спинной кости, принялся ломать и вывертывать

мнѣ руки и ноги. Сначала я думалъ, что отъ меня останется одинъ торсъ, но черезъ минуту почувствовалъ, какъ все тѣло начинаетъ свѣжѣть и укрѣпляться, будто его обвили новыми, желѣзными нервами. Трудно объяснить всю прелесть этой оживляющей пытки. Наконецъ я въ апогеѣ восточнаго блаженства.

Между-тѣмъ какой-то турокъ, котораго другой теллакъ ломалъ въ это время у сосѣдняго бассейна, повернулся на спину, и его начали отдѣлывать съ другой стороны. Я не считалъ себя достойнымъ, подобно правовѣрному мусульманину, испить до дна всю чашу банныхъ удовольствій, и рѣшился отказаться отъ окончательнаго блаженства выворачиванья суставовъ. Теллакъ взглянулъ на меня съ презрѣніемъ, какъ на гяура, не понимающаго истинныхъ наслажденій. Онъ проворно облилъ меня водою изъ двухъ блюдечекъ, окуталъ пештымалой, вывелъ въ ротонду и положилъ отдыхать на саркофагѣ, между бѣлыми турками, которые все еще лежали съ неподвижностью каменныхъ майнцкихъ епископовъ. Дѣло пошло къ развязкѣ, и мнѣ оставалось вкусить удовольствія успокоительныя.

Впрочемъ теллакъ мой, кажется, убѣдился, что съ франкомъ не слѣдуетъ терять времени: онъ безъ зову явился ко мнѣ черезъ пять минутъ, попросилъ встать, окуталъ сухимъ покрываломъ, обмоталъ мнѣ голову полотенцемъ въ видѣ чалмы и подсунулъ подъ ноги коньки. Въ видѣ такой правовѣрной муміи я покатился въ переднюю залу и, поддерживаемый туркомъ, поднялся на верхнюю галерею. Попатоли уложилъ меня на диванъ, на разостланный шолковый коврикъ. Прежній молодой прислужникъ поднесъ мнѣ стаканъ лимонада, поставилъ у ногъ хрустальное наргилэ и всунулъ въ руку янтарный мундштукъ.

Наконецъ я достигъ послѣдней степени наслажденія, удовольствій прославленнаго турецкаго кейфа.

— Довольны-ли вы? спросилъ Папатоли.

— Я просто на седьмомъ магометовомъ небѣ! сказалъ я шутя.

Онъ торопливо посмотрѣлъ на лежавшихъ около турокъ и оборотился ко мнѣ съ упрекомъ.

Но въ-самомъ-дѣлѣ я былъ доволенъ турецкой баней. Во всемъ тѣлѣ моемъ разливалась пріятная теплота и нѣга, но безъ всякой слабости, безъ малѣйшаго утомленія. Нельзя не похвалить эти мраморныя стѣны и бассейны, серебряныя чаши съ изящными золотыми надписями, этотъ невидимый паръ отъ горячаго пола, упоительную пытку подъ колѣномъ теллака и наконецъ отдыхъ всего тѣла, млѣющаго въ послѣднихъ ощущеніяхъ нѣжной испарины, въ струяхъ благовоннаго наргилэ.

Но вдругъ почувствовалъ я что-то нарушающее удовольствія кейфа. Я приподнялся и замѣтилъ на бѣльѣ нѣсколько черныхъ, бойко прыгающихъ точекъ.

— Чего вы смотрите? спросилъ Папатоли.

— Поглядите-ка сюда.

— Это блохи! отвѣчалъ онъ спокойно, и поймавъ одну изъ прыгающихъ точекъ, вѣжливо опустилъ ее на полъ.

Я сбросилъ свою чалму и мантію и началъ одѣваться. Между-тѣмъ сосѣди мои преспокойно лежали на диванахъ, изрѣдка втягивая струйку дыма изъ своихъ наргилэ съ такимъ наслажденіемъ, какъ-будто имъ видѣлся уже рай Магомета съ поцѣлуями его гурій. Это-ли самозабвеніе не даетъ имъ чувствовать ничего непріятнаго, или константинопольскія блохи бросаются на однихъ гяуровъ, но правовѣрные невозмутимо блаженствовали въ

своемъ кейфѣ. Банщикъ подалъ мнѣ кофе и трубку, а вслѣдъ за-тѣмъ поднесъ круглое зеркальцо съ ручкою: это для-того, чтобъ вы полюбовались свой особою и положили на него бакшишъ. Я въ одну минуту выпилъ кофе, положилъ десять піастровъ на зеркало, и мы вышли.

Вотъ лучшія константинопольскія бани: въ нихъ, какъ и во всей турецкой жизни, видна таже смѣсь богатства и нищеты, роскоши и грязи. Мраморные полы и холстинные диваны, серебряная посуда и нечистая галерея, нѣжный, ласкающій паръ и блохи, — все это вполнѣ характеризуетъ поэтическій Востокъ. Но конецъ концовъ, какъ говорятъ турки, я вышелъ изъ стамбульскихъ термъ свѣжимъ и бодрымъ, готовый на трудъ или прогулку, безъ малѣйшихъ слѣдовъ одуряющаго вліянія русской бани.

— Отчего-же это вы боялись убить турецкую блоху? спросилъ я Папатоли.

Онъ осмотрѣлся, и убѣдясь, что вблизи не было турокъ, сказалъ съ энергической злобою: «я-бы ихъ самихъ передавилъ, какъ блохъ! О, если бы намъ грекамъ дали власть»!...

Въ это время изъ переулка показался хамаль, и мой проводникъ замолчалъ, подозрѣвая его, кажется, въ знаніи французскаго языка. Но когда мы поднялись въ Перу, онъ спросилъ меня:

— Знаете-ли, о чемъ турки толковали въ банѣ?

— Разскажите, пожалуйста.

— Да говорятъ, Россія, Пруссія и Сардинія приняли сторону Франціи, и посланники готовятся къ отъѣзду.

Въ-самомъ-дѣлѣ, во время завтрака въ нашемъ триклиніумѣ, я узналъ о разрывѣ съ Портою. Утромъ еще на посольскихъ домахъ трехъ державъ, которыя протестовали по дѣлу молдавскихъ выборовъ, спустили флаги,

хотя и не съ такимъ эффектомъ, какъ у французовъ. Въ посольствахъ шли приготовленія къ отъѣзду. Bulletin de Constantinople извѣщалъ, что съ прекращеніемъ дипломатическихъ сношеній французскіе подданные переходятъ подъ покровительство Испаніи, а русскіе должны обращаться по дѣламъ къ голландскому консулу. Когда я выходилъ изъ дома послѣ завтрака, толпы перотовъ бѣжали къ русскому дворцу смотрѣть на нашъ завѣшанный гербъ. Я прошелъ туда-же. Передъ домомъ стояли густыя толпы зѣвакъ, и любуясь полотнянымъ чехломъ которымъ закрытъ былъ орелъ, толковали о будущей войнѣ. Папатоли вертѣлся тутъ-же, и перешептываясь съ греками, поминутно посматривалъ на закутанный гербъ, кажется въ ожиданіи, что вотъ-вотъ русскій деревянный орелъ сброситъ покрывало, взлетитъ надъ городомъ и крикнетъ объ изгнаніи турокъ.

— Слышали новости? сказалъ онъ, подбѣгая ко мнѣ торопливо.

— Нѣтъ... ужъ не взяли-ли французы Константинополь?

— Вы все шутите, а послушайте-ка, что разсказываютъ въ Фанарѣ.

— Что-же такое?

— Султанъ отказался отъ престола!

Я не могъ удержаться отъ смѣха, къ крайнему неудовольствію грека. Мнѣ вообще плохо вѣрилось, чтобы послѣ недавней войны изъ настоящаго fiasco могло выдти что-нибудь серьозное, и я смотрѣлъ на дипломатическую борьбу также спокойно, какъ турки. А они были совершенно равнодушны: правда, въ султанскомъ дворцѣ и въ Портѣ замѣтно было несовсѣмъ обыкновенное скопленіе экипажей, у великаго-визиря безпрестанно собира-

лись паши и члены англійской и австрійской миссій, но внѣ Сераля турки не обращали ни малѣйшаго вниманія на эту политическую игру.

Когда я воротился вечеромъ обѣдать, одинъ изъ знакомыхъ грековъ сказалъ мнѣ шопотомъ: — въ Фанарѣ сейчасъ разсказывали, что русская армія переходитъ уже въ Валахію.

— Жаль, что я уѣзжаю, отвѣчалъ я серьозно: — мнѣ и не удастся посмотрѣть парадъ русской гвардіи передъ Софійскимъ-соборомъ.

Перотъ посмотрѣлъ на меня съ сожалѣніемъ, удивляясь очевидно такому упорному невѣрію въ истину фанаріотскихъ разсказовъ.

XXIV.

Больной и врачи.

Гдѣ-же этотъ могучій и роскошный Востокъ? думалъ я всякій день, бродя по улицамъ Константинополя: гдѣ этотъ волшебный городъ съ чудесами Тысяча-и-одной Ночи, при имени котораго намъ мерещились, бывало, отважные всадники на арабскихъ лошадяхъ и справедливые, неподкупные кади, величавые визири въ золотыхъ одеждахъ и таинственныя красавицы съ языкомъ цвѣтовъ? Въ прошедшемъ, за гранью махмудовой реформы, видны только плавающія по Босфору женщины въ мѣшкахъ, купцы пригвожденные за уши къ дверямъ лавокъ, повѣшенные на воротахъ греки, паши съ шелковой петлей на шеѣ. Въ настоящемъ это грязный вертепъ, застроенный безобразными лачугами, населенный рабами и тиранами, нищими и собаками, съ хронической язвой безвыходнаго варварства и деспотизма. Что-же такое этотъ больной Константинополь съ его восточнымъ вопросомъ? Недавно еще думали, что Турція, съ каждымъ днемъ слабѣющая въ Европѣ, владѣетъ запасомъ здоровыхъ силъ въ массахъ азіятскаго населенія. Послѣдняя статистическая ревизія показала всю обманчивость этого ми-

ража: если въ Азіи много магометанъ, то настоящаго турецкаго племени осталось тамъ небольше, чѣмъ и въ Европѣ. Среди бедуиновъ и феллаховъ, курдовъ и вехабитовъ, османы также рѣдки теперь, какъ въ массѣ албанцевъ и румыновъ, грековъ и болгаръ, — и все это разноплеменное населеніе одинаково ненавидитъ турокъ, какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи. Племя грозныхъ османлисовъ, недавно еще такъ страшное, исчезаетъ незамѣтно и быстро, какъ породы американскихъ дикарей, и теперь во всей европейской и азіятской Турціи едва-ли осталось три милльона той страшной орды, которая грозила нѣкогда наводнить всю Европу. Въ то время, когда послѣ реформы Махмуда Константинополь считали городомъ почти не-турецкимъ, оказалось, что въ него-то и прилила вся кровь изъ хладѣющихъ оконечностей больной имперіи, что въ немъ-то и скопились ея послѣднія жизненныя силы.

Никогда разложеніе Турціи не было такъ очевидно, какъ въ наше время. Предсказаніе о гибели оттоманской имперіи черезъ четыре вѣка владычества въ Константинополѣ сбылось совершенно, хотя и не съ той стороны, откуда ожидали греки. Есть легенда, будто при взятіи города Магометомъ II, въ Софійскомъ-соборѣ епископъ служилъ обѣдню. Когда турки ворвались въ храмъ съ окровавленными саблями, старикъ взялъ чашу съ дарами, сталъ въ царскихъ дверяхъ, осѣнилъ народъ и сказалъ: «христіане, мы кончимъ святую службу черезъ четыре столѣтія»! Послѣ этого онъ задернулъ алтарную завѣсу и исчезъ, такъ-что турки не могли найти его. При послѣдней войнѣ греки ожидали, что старый прелатъ выйдетъ съ дарами изъ-подъ мраморнаго помоста Ая-Софіи и кончитъ обѣдню въ освобожденномъ храмѣ. Но если

это, къ крайнему огорченію ихъ, и не сбылось, то судьба имперіи все-таки рѣшилась въ срокъ, указанный пророчествомъ. Послѣдняя война, поддержавъ Турцію, добила ее окончательно. До-сихъ-поръ она кое-какъ вела еще войны съ Россіею, но теперь, когда усилія всей Европы едва могли спасти ее, въ народѣ явилось убѣжденіе, что судьба Турціи зависитъ уже не отъ собственныхъ ея силъ, а отъ одного случая. Парижскій миръ былъ для турокъ печальнѣе и оскорбительнѣе всѣхъ прежнихъ трактатовъ: онъ показалъ всю безнадежность больной Турціи. Всѣ поняли, что роль Петра не удалась Махмуду не отъ недостатка генія и энергіи, а по невозможности привить европейскую цивилизацію къ чужеядному растенію, источенному внутренней гнилью. Сами турки догадываются, что ни торжественное провозглашеніе гатти-гумаюновъ и танзиматовъ, ни пышныя прокламаціи парижскаго конгресса о принятіи ихъ въ европейскую семью не оживятъ умирающей націи. Положеніе султана теперь совершенно то-же, что и послѣднихъ византійскихъ императоровъ: при всей обширности Турціи, его значеніе замкнуто теперь въ одномъ Константинополѣ. Да и тутъ это уже не тѣнь Аллаха на землѣ, какъ величали турки своихъ повелителей, а тѣнь какого-нибудь султана Ретклифа, какъ выразился одинъ изъ моихъ константинопольскихъ знакомыхъ.

Населеніе Константинополя не имѣетъ ничего подобнаго въ мірѣ. Это исполинскій городъ, куда въ продолженіе многихъ столѣтій сливались общественные подонки изъ двухъ частей свѣта. Всякая эпоха, каждое народное движеніе выбрасывали въ него свои грязные остатки. Крестовые походы, перенося фанатическія толпы въ Азію, оставляли здѣсь все гадкое и низкое, какъ морской от-

ливъ оставляетъ соръ на мраморныхъ крыльцахъ венеціянскихъ дворцовъ. Генуя и Венеція, покидая свои восточныя колоніи, отряхали сюда всѣ отребья своего торгашескаго люда. Злодѣйства Аббасовъ и Надиръ-шаховъ наводняли городъ выходцами изъ Персіи и Арменіи; наконецъ вся Европа и Азія наполняли его жадной и безнравственной сволочью эмигрантовъ и ренегатовъ. Все это, смѣшавшись съ остатками византійскихъ грековъ и дикой ордою пришлыхъ оттомановъ, составило уродливую массу, не связанную никакимъ нравственнымъ единствомъ. Населенный такимъ-образомъ самыми враждебными племенами, переполненный тиранами и рабами, фанатиками и спекулянтами, невѣждами и людьми sans loi et foi, Константинополь представляетъ безобразную смѣсь вѣръ и народностей, костюмовъ и языковъ, между которыми не можетъ быть ничего общаго.

Среди этого пестраго населенія на первомъ планѣ стоятъ разумѣется турки. Съ перваго взгляда можно замѣтить, что это не народъ, поселившійся въ прекраснѣйшемъ уголкѣ земнаго шара для гражданской жизни и развитія, а дикая орда, которая силой раскинула таборъ на чужой землѣ и, не снимая его цѣлыя четыре столѣтія, отвыкла уже отъ выгодъ кочеваго быта и нисколько не усвоила плодовъ жизни постоянной. На каждомъ шагу видно въ нихъ варварство и невѣжество, взлелѣянныя продолжительной страстью владычества и дикимъ фанатизмомъ, который съ уничтоженіемъ янычаръ, шелковыхъ снурковъ и выставки соленыхъ ушей, не смягчился, а только одряхлѣлъ и обезсилѣлъ. Въ четыре столѣтія турки не утратили ни пошлой неприступности своихъ нравовъ, ни апатической неподвижности мысли, — и вся цивили-

зація молодаго поколѣнія ограничивается у нихъ только фесомъ да бутылкой шампанскаго.

Рядомъ съ турками вы видите стамбульскихъ грековъ. У насъ обыкновенно думаютъ, что это одно племя съ греками Мореи и Архипелага, только больше испорченное оттого-что угнетеніе его было суровѣе и продолжительнѣе. Но кто былъ въ Аѳинахъ и Константинополѣ, тотъ съ этимъ не согласится. Это два разныя племени, совсѣмъ непохожія одно на другое. Морейскіе греки — потомки того народа, который воспиталъ новыя общества плодами своей цивилизаціи и славы, завѣщалъ намъ свою науку и искусство, и самъ воспитанный вѣковыми преданіями занялъ теперь мѣсто въ ряду просвѣщенной семьи европейцевъ. Константинопольскіе греки — выкидыши византійской имперіи, памятной свѣту однимъ утонченнымъ развратомъ, послѣдніе остатки общества, которое образовалось во время нравственной порчи Рима, наслѣдовало всѣ пороки языческаго міра, не сохранивъ его доблестей, и не приняло отъ христіанства ничего, кромѣ одной мертвой схоластики. Въ обитателяхъ Фанара и Псамматіи, закаленныхъ въ деспотизмѣ и рабствѣ двухъ имперій, нѣтъ ничего общаго съ греками Аѳинъ или Спарты.

Остальные раи, уступая можетъ-быть грекамъ въ коварствѣ, не отстаютъ отъ нихъ ни въ жадности къ прибытку, ни въ отсутствіи чести и человѣческаго достоинства. Только въ Константинополѣ могутъ гнѣздиться эти армяне, у которыхъ обманъ служитъ священнымъ принципомъ, начиная съ банкира до послѣдняго продавца вареной кукурузы. Гдѣ, кромѣ Балаты, можно найти такихъ евреевъ, которые, пресмыкаясь въ невысыхающихъ flumina Babilonis грязи, прячутъ нажитое самымъ утонченнымъ плутовствомъ золото подъ лохмотьями отврати-

тельныхъ рубищъ. Къ этому примѣшивается наконецъ толпа франковъ, наводняющихъ Перу отребьями всѣхъ европейскихъ націй, жадной сволочью безстыдныхъ грабителей, для которыхъ нѣтъ ничего священнаго, кромѣ денегъ. Какъ могильные черви, привлеченные разложеніемъ трупа, всѣ эти выродки Азіи и Европы гнѣздятся въ Константинополѣ, питаясь кровью умирающей урціи.

Судьба Константинополя стоитъ загадочнымъ сфинксомъ передъ лицомъ Европы. Послѣдняя война не только не разрѣшила этой загадки, а еще больше затемнила ее новыми вопросами. Что-же въ-самомъ-дѣлѣ будетъ съ этой прекрасной страною, съ этимъ городомъ, который отъ самой природы поставленъ, кажется, на великую роль въ жизни человѣчества? Въ послѣднее время политическіе врачи внимательно наблюдали больнаго и съ самымъ похвальнымъ усердіемъ прописывали ему разные спасительные рецепты. Но чѣмъ-же рѣшилъ европейскій консиліумъ?

Дипломатическіе врачи думали сперва, что Турція можетъ переродиться въ государство просвѣщенное, не отказываясь отъ мусульманства. Теперь эта пріятная надежда начинаетъ проходить у самыхъ смѣлыхъ поклонниковъ политической медицины. Приверженцы магометанской цивилизаціи догадались, что никакіе сильные пріемы танзиматовъ и гатти-гумаюновъ не помолодятъ дряхлой, умирающей націи. Кто-то замѣтилъ, что эти политики, думавшіе ввести христіанскій элементъ греческаго населенія въ общественную жизнь Турціи, напоминаютъ тѣхъ безумцевъ, которые хотѣли продлить годы старика, впуская въ его жилы кровь молодой дѣвушки. Но въ этомъ оживленіи дряхлости посредствомъ прилива молодой крови есть еще какой-то смыслъ вѣроятія, тогда

какъ новые дипломаты думали освѣжить одно отжившее племя кровью такихъ-же дряхлыхъ и растлѣнныхъ раевъ.

Другіе знахари и лѣкарки увѣряли въ набожномъ умиленіи, что для спасенія Турціи султану слѣдуетъ принять христіанство. Мнѣніе это было въ особенномъ коду въ Ватиканѣ. Скептики однакожъ качали головами. Если вы не поможете умирающей націи, прописывая пріемы гюльханейскихъ конституцій, говорили они,—то едва-ли больше пособите ей и предсмертнымъ пріобщеніемъ Сераля къ лону католической церкви. Сомнительно, чтобъ такое политическое соборованье масломъ, при кастратскомъ пѣніи l'Univers, спасло умирающую имперію и остановило духъ въ хладѣющемъ тѣлѣ.

Мысль о возстановленіи въ Константинополѣ византійской имперіи нравится особенно врачамъ изъ грековъ. Но изъ какихъ-же началъ сложится это будущее государство? Положимъ, что въ Кандіи или Самосѣ есть племя, свѣжее, какъ и морейскіе греки, но кѣмъ заселена остальная Турція и Константинополь! Не останутся-ли въ нихъ тѣже потомки старой византійской имперіи, эти фанаріоты, которые изгибаясь и ползая, въ продолженіе четырехъ вѣковъ, высасывали кровь изъ враговъ и друзей своихъ. Не повторится-ли здѣсь новое изданіе старой Византіи, съ ея тиранами и рабами, съ ея роскошью и развратомъ! Греки указываютъ на свое молодое поколѣніе. Но посмотрите на фанаріотскихъ франтовъ, которые гуляютъ по вечерамъ на Скутарійскомъ-кладбищѣ, или еще лучше пройдите по большой Галатской-улицѣ. У дверей кофеенъ увидите вы греческихъ мальчиковъ, съ блѣдными лицами и впалыми глазами, въ шитыхъ золотомъ шальварахъ и алой фескѣ, которые сидятъ, поджавъ ноги, на коврикахъ и умильно улыбаются проходя-

щимъ туркамъ. Не въ этомъ-ли молодомъ поколѣніи будущность новой восточной имперіи!

Наконецъ есть мудрецы, которые думаютъ, что Константинополь можетъ быть вольнымъ городомъ. Но какіе-же элементы для образованія въ немъ городскаго управленія находятъ эти политическіе хакимы! Развѣ это какой-нибудь Гамбургъ, съ уважаемымъ купечествомъ, съ выработанными для торговой жизни нравами, съ биржевыми преданіями и довѣріемъ. Какая можетъ быть жизнь въ этомъ вольномъ городѣ съ милліономъ разноплеменнаго населенія, гдѣ рѣдкая ночь проходитъ безъ убійства и всякій день слышишь разсказы о какомъ-нибудь грабежѣ. Такой вольный городъ пришлось-бы вѣчно держать въ осадномъ положеніи.

Константинопольскіе раи постоянно мечтаютъ объ изгнаніи турокъ. Но развѣ сами они имѣютъ болѣе права оставаться въ этой прекрасной странѣ? Во все время своего порабощенія христіанское населеніе не обнаружило здѣсь ни малѣйшей жизненной силы, ничѣмъ не заявило протеста и не высказало правъ на свободу. Во всѣ четыре столѣтія ни въ наукѣ, ни въ государственной жизни, ни въ литературѣ не явилось ни одного имени, которое обратило бы вниманіе на стамбульскихъ раевъ, вызвало къ нимъ симпатію и участіе. Они даже ни разу не взялись за оружіе, не сдѣлали ни одной попытки къ возстанію. У грековъ отнимали вѣковыя права, церкви ихъ обращали въ мечети, патріарховъ вѣшали на воротахъ, уважаемыхъ людей сажали на колъ, — они покорно терпѣли и платили харачъ. Конечно, сила была не на ихъ сторонѣ и возстаніе кончилось бы еще большимъ угнетѣніемъ, но зато оно послужило бы знакомъ какой-нибудь жизни, одушевляющимъ залогомъ лучшей будущности.

Морейскіе греки протестовали по-крайней-мѣрѣ своими клефтами и личнымъ мщеніемъ противъ пашей и беевъ; константинопольскіе раи только лизали задавившую ихъ ногу и безотвѣтно переносили рабство. Въ четыреста лѣтъ не нашлось между ними не только Ріэнзи, но даже Орсини. За Грецію говорили постоянно Европѣ науки и памятники искусства, безпрерывные протесты и упорное кипѣніе заглушаемой жизни: но что-же даетъ право константинопольскимъ раямъ на родовое наслѣдство послѣ больной Турціи!

Загадка восточнаго сфинкса, значитъ, до-сихъ-поръ не разъяснилась. Можно сказать одно: чѣмъ-бы ни кончилась болѣзнь Турціи, Константинополь всегда останется великимъ и многолюднымъ городомъ. Онъ вызванъ къ жизни не временными интересами человѣчества, а самой природою, которая дала ему счастливѣйшее въ мірѣ положеніе, лучшій на свѣтѣ портъ и прекраснѣйшій климатъ. Его создала не жизнь одного великаго народа, какъ Лондонъ или Парижъ, не временное развитіе и направленіе торговой дѣятельности, какъ Венецію или Гамбургъ, не вѣра и духовное преобладаніе, какъ Римъ, не прихоть времени и лица, какъ Петербургъ и Мадритъ, но несравненное его положеніе, котораго не измѣнятъ ни политическіе перевороты, ни желѣзныя дороги и телеграфы, никакія перемѣщенія центровъ наукъ и гражданской жизни. Какъ-бы ни измѣнились судьбы Востока, Константинополь всегда будетъ однимъ изъ главныхъ пунктовъ человѣческой дѣятельности, связью Азіи и Европы, городомъ властителемъ—sceptred city, какъ говоритъ Байронъ.

XXV.

Босфоръ.

Черезъ недѣлю по окончаніи бэйрама я взялъ билетъ въ конторѣ русскаго пароходства для возвращенія въ Одессу. Мы должны были выдти въ пятницу вечеромъ. Утромъ я пошелъ смотрѣть парадный поѣздъ султана въ Топханскую-мечеть. Абдулъ-Медшидъ пріѣхалъ въ двадцати-весельномъ каикѣ, раззолоченномъ и убранномъ коврами, съ пурпуровымъ навѣсомъ. Отъ самой пристани до входа въ джами разостлано было красное сукно, а на немъ еще полоса шелковой матеріи. Толпа сановниковъ и хохлатыхъ пеиковъ ожидала его на пристани, а по сторонамъ стояла въ линію гвардія. Шествіе въ мечеть показалось мнѣ повторепіемъ церемоніи курбатъ-бэйрама, но только съ меньшей пышностью. На лицѣ султана выражалось еще больше усталости: видно, дунайское дѣло сильно мѣшало благополучію его кейфа. Послѣ молитвы онъ уѣхалъ въ томъ же каикѣ въ Высокую-Порту на новую дипломатическую битву.

Когда я воротился домой, Папатоли пришелъ сказать мнѣ, что русскій пароходъ сего-дня не пойдетъ и отъѣздъ мой отлагается.

— Отчего-же это? спросилъ я.

— Русскій посланникъ объявилъ войну и завтра уѣзаетъ на пароходѣ со всей свитою.

Я пошелъ въ Галату узнать, въ чемъ дѣло. Въ конорѣ пароходства мнѣ въ-самомъ-дѣлѣ сказали, что поздка отлагается до-завтра, по требованію нашего поанника, который отправляетъ съ пароходомъ депеши въ етербургъ. Я радъ былъ этой задержкѣ — и цѣлый день лялъ по городу и катался въ каикѣ по Босфору. Не отѣлось разстаться съ этимъ чуднымъ небомъ и возухомъ.

Я не знаю климата, который можно было бы сравить съ константинопольскимъ. Прославленное небо Итаи и Греціи не всегда привлекательно: въ его нѣжности любви къ вамъ бываютъ порывы, которые утомляютъ мучатъ, какъ восторги пылкой страсти. Въ Аѳинахъ ѣтніе дни дотого жарки, что самому неугомонному туисту приходится сидѣть съ закрытыми окнами или плотымъ зонтикомъ защищаться отъ язвительныхъ лучей олнца. На площади св. Марка, хоть Венеція и стоитъ о колѣна въ водѣ, бываетъ душно, какъ въ нагрѣтой ечи. На сто верстъ отъ Босфора къ сѣверу или къ гу климатъ уже незавидный: въ Адріанополѣ дуетъ сѣерный вѣтеръ съ Балканъ, въ Бруссѣ по цѣлымъ днямъ ѣетъ африканскій широкко. Въ Константинополѣ не расутъ правда ни апельсинныя рощи, ни итальянскія пальмы, о чудная свѣжесть воздуха, оживляемая вѣтрами двухъ орей, тепло никогда не переходящее въ зной, отсутвіе продолжительныхъ засухъ и частыхъ дождей и вѣчное войное теченіе въ Босфорѣ, — все представляетъ условія амаго пріятнаго и здороваго климата въ мірѣ.

Въ какомъ другомъ мѣстѣ могъ бы жить безнака-

занно милліонъ людей такъ, какъ живетъ онъ въ Константинополѣ! Человѣкъ здѣсь усердно старался создать постоянную заразу: эти груды гніющей падали, смрадные потоки никогда невысыхающей грязи, отвратительная пища простаго народа — на всякомъ шагу вызываютъ чуму или холеру. Во всякомъ другомъ климатѣ, — не говоря о болотахъ Невы или туманахъ Темзы, но въ самой Италіи или Греціи, — городъ при такихъ условіяхъ былъ бы вѣчнымъ лазаретомъ. Но здѣсь воздухъ дотого свѣжъ и здоровъ, что еслибъ на каждой улицѣ не попадались кладбища, то кажется забылъ бы о самой возможности умереть подъ этимъ благословеннымъ небомъ.

На слѣдующій день, во второмъ часу, я переѣхалъ на палубу русскаго парохода Паллады. Пассажиры, по большей части греки, отправляющіеся въ Одессу и Таганрогъ, неутомимо толковали о послѣднихъ событіяхъ. Ровно въ два часа мы снялись съ якоря и вошли въ Босфоръ.

Трудно передать красоту этого исполинскаго протока, раздѣляющаго двѣ части свѣта, обставленнаго холмистыми берегами, на которыхъ по обѣимъ сторонамъ, отъ Мраморнаго-моря до Чернаго, въ зелени виноградниковъ и кипарисныхъ рощъ, тянется на тридцать верстъ безконечный рядъ дворцовъ и кіосковъ. Я не знаю ничего величественнѣе этой водной голубой улицы, на которой Азія и Европа сошлись лицомъ къ лицу во всей красотѣ и роскоши. Ни Темза съ своими парками, фабриками и коттеджами, ни Рейнъ съ виноградниками, замками и легендами, не производятъ такого обаятельнаго впечатлѣнія, какъ Босфоръ.

Едва вышли мы изъ Золотаго-Рога и оставили на-

зади Леандрову-башню, налѣво показались султанскіе дворцы, смѣнившіе въ послѣднее время старый, покинутый Сарай-Бурну. Прежде всего видѣнъ Дольма-Бахче, любимый дворецъ Абдулъ-Медшида. Это большое зданіе изъ бѣлаго мрамора, представляющее странную, но удачную смѣсь всевозможныхъ стилей. Средній корпусъ въ венеціянскомъ вкусѣ, отдѣленный отъ Босфора золоченой рѣшеткою восточнаго узора, соединяется мавританскими галереями съ двумя боковыми флигелями, которые выдаются впередъ колоннадами греческихъ портиковъ, и все это унизано итальянскими окнами, сквозными балконами, готическими розетами и арабскими орнаментами. Кажется, видишь декорацію какого-нибудь волшебнаго балета, фантастическій рисунокъ, набросанный артистомъ въ минуту увлеченія сказками Шехеразады. За нимъ въ густой зелени бѣлѣетъ дворецъ Чираганскій, построенный султаномъ Махмудомъ.

Съ каждымъ взмахомъ пароходныхъ колесъ голубая водная улица, изгибаясь змѣею, развертываетъ передъ вами свою цвѣтущую панораму, заставляя въ одно время любоваться берегами Европы и Азіи. Съ обѣихъ сторонъ тянутся одинъ за другимъ дворцы султанскихъ сестеръ и дочерей, загородные кіоски пашей и сановниковъ, веселыя мѣстечки съ мечетями и кофейнями, всѣ потопленныя въ зеленой гущѣ кипарисовъ и виноградниковъ. Безконечная набережная пролегаетъ по обоимъ берегамъ, отъ дворца къ деревенькѣ и отъ деревни къ новому дворцу. Проливъ мѣстами съуживается тѣсной рѣкою, мѣстами разливается въ свѣтлый заливъ, и двѣ части свѣта то отступаютъ одна отъ другой, то опять сближаются, соперничая красотою видовъ. На холмахъ поднимаются гдѣ китайскій кіоскъ или полуразрушенная ге-

нуэзская башня, гдѣ узорчатый фонтанъ, осѣненный деревьями, или бѣлая игла минарета съ сверкающимъ полумѣсяцемъ. Турецкіе домики, такъ жалкіе вблизи, граціозно нагибаются впередъ верхними этажами и глядятся въ синемъ потокѣ. Набережная вездѣ оживлена народомъ: передъ кофейнями сидятъ турки съ неизбѣжными чубуками, по улицамъ селеній разъѣзжаютъ всадники; даже золоченыя рѣшетки въ окнахъ кіосковъ часто отворяются, и въ нихъ показываются женщины безъ яшмаковъ. Нигдѣ европейская цивилизація не сдѣлала между турками такихъ успѣховъ, какъ на берегахъ Босфора. Въ одномъ кіоскѣ, при нашемъ проѣздѣ, слышалось фортепьяно. Когда мы поровнялись съ нимъ, музыка умолкла, рѣшетка въ окнѣ отворилась, и молоденькая турчанка, опершись рукой на подоконникъ, проводила насъ долгимъ взглядомъ. Проливъ усѣянъ каиками, которые носятся по всѣмъ направленіямъ, съ группами мужчинъ и женщинъ; а между ними изрѣдка показывается полоса бѣлыхъ всплесковъ отъ играющихъ дельфиновъ, и надъ водою проносится стая сѣрыхъ птицъ, которыя упорно летаютъ цѣлый день между Мраморнымъ и Чернымъ-моремъ.

Черезъ часъ мы прошли въ самомъ узкомъ мѣстѣ Босфора, между замками Румели и Анатоли-Гиссари, съ зубчатыми стѣнами и башнями, которые не столько страшны укрѣпленіями, сколько привлекательны живописнымъ разрушеніемъ. На лѣвомъ берегу показалось мѣстечко Терапія съ домами англійскаго и французскаго посольствъ: на одномъ вѣялъ широкій флагъ, на другомъ торчалъ одинъ только шестъ. Напротивъ поднимается Ункіаръ-Скелесси, гдѣ въ 1833 году стоялъ лагеремъ русскій отрядъ. Мнѣ говорили, что тутъ былъ какой-то памятникъ, но турки уничтожили его въ послѣднюю войну. Отсюда Босфоръ

разливается широкимъ заливомъ, и на европейскомъ берегу раскидывается мѣстечко Буюкъ-Дере, съ изящнымъ домомъ русскаго посольства. Это одно изъ самыхъ живописныхъ мѣстъ на проливѣ. На выгнутомъ дугою берегу, по отлогости холма, тѣснятся бѣлые домики, всѣ окутанные зеленью; по набережной бродятъ гречанки и играютъ толпы дѣтей. Мы остановились передъ дворцомъ посольства, и черезъ четверть часа курьеръ съ депешами переѣхалъ на пароходъ.

Не смотря на единство картины, каждая сторона Босфора отличается особой физіономіей: на европейскомъ берегу больше дворцовъ и селеній, на азіятскомъ рощъ и садовъ; одинъ оживленнѣе, другой живописнѣе. Прославленныя поѣздки по Рейну, между Кёльномъ и Майнцемъ, далеко уступаютъ прогулкѣ на поэтическомъ Босфорѣ. Это неистощимый рядъ самыхъ восхитительныхъ видовъ, подъ прекраснѣйшимъ небомъ, въ ласкающей свѣжести и прохладѣ. Чѣмъ ближе къ выходу, тѣмъ природа кажется безъискуственнѣе, не теряя однакожъ своей прелести: загородные дома показываются рѣже, а рощи становятся гуще, и проливъ постепенно расширяется. Вотъ наконецъ показались послѣднія укрѣпленія на европейскомъ и азіятскомъ берегу, въ видѣ низенькихъ, жалкихъ батарей, дальше на оконечностяхъ пролива выросли бѣлыя башни маяковъ, а за ними необозримымъ темнымъ зеркаломъ развернулось Черное-море. Не одинъ я обернулся назадъ проститься съ Босфоромъ.

Послѣ голубыхъ водъ Архипелага и сверкающей синевы Пропонтиды, Черное-море показалось мнѣ мрачнымъ и пустыннымъ. Не даромъ древніе называли его негостепріимнымъ, не даромъ и теперь зовутъ чернымъ. Для пріѣзжающихъ съ юга въ-самомъ-дѣлѣ есть что-то

печальное и непривѣтливое въ этой грустной водяной массѣ. Я съ невольнымъ стѣснѣніемъ въ сердцѣ смотрѣлъ на его матовую, пепельно-синюю поверхность, и меня поразила его пустынность: на всей видимой дали его не замѣтно было ни одного паруса, и только вправо тянулась на горизонтѣ темная полоса дыма отъ далекаго парохода, который шелъ въ Трапезондъ, да стадо дельфиновъ, провожавшее насъ изъ Босфора, прыгало по волнамъ, разбѣгавшимся за нашей кормою.

Но Черное-море, не смотря на свою суровость и непривѣтливость, приняло Палладу очень гостепріимно. Во всѣ сорокъ-шесть часовъ плаваніе наше не возмущалось ни малѣйшимъ вѣтромъ. Говорятъ, такія тихія и спокойныя поѣздки бываютъ здѣсь очень-нечасто. Избалованный удобствами пароходовъ австрійскаго Лойда и припоминая непріятности, какія бывало случалось видѣть на пароходахъ финляндскихъ и рижскихъ, гдѣ съ пассажирами обращаются грубѣе, чѣмъ съ кладью, я сначала смотрѣлъ на родное судно съ предубѣжденіемъ. Но это было недолго. Паллада оставила во мнѣ пріятное воспоминаніе: любезность капитана, вниманіе къ путешественникамъ, порядокъ и въ то-же время отсутствіе нѣмецкаго педантизма — превосходятъ даже заграничные пароходы. Въ одной только кухнѣ Паллада отстала отъ австрійской компаніи: обѣдомъ не довольны были даже самые умѣренные греки.

Общество наше было не многолюдно, но дружно и весело. Погода постоянно баловала насъ. Ясные дни, съ зари до зари осыпавшіе море трепетнымъ золотомъ солнечныхъ лучей, смѣнялись тихими ночами, и мѣсяцъ игралъ на водѣ тѣмъ живымъ серебромъ, которое Айвазовскій такъ удачно переносилъ на свои картины. Кораблей

мы почти не встрѣчали: конецъ лѣта самое глухое время для черноморской навигаціи. Во весь переѣздъ мы видѣли только дельфиновъ, которые стаями гонялись за пароходомъ, прыгая и кувыркаясь по волнамъ. На третье утро на лѣвой сторонѣ показался низменный берегъ, съ высокой башней Аккерманскаго-маяка. Первымъ вѣстникомъ родной земли была саранча, которая за тридцать верстъ залетѣла къ намъ на пароходъ, загнанная вѣтромъ съ бессарабскаго берега.

— Что не здороваешься съ земляками? сказалъ матросъ, сажая на носъ кочегару одного изъ залетныхъ гостей.

— Увидимся еще въ Одессѣ! отвѣчалъ тотъ лѣниво.

Въ самый полдень мы подошли къ Одессѣ, которая рядомъ бѣлыхъ зданій поднималась на темномъ подножіи высокаго берега. Паллада бросила якорь въ Коммерческой-гавани. Городъ съ моря кажется очень-красивымъ и смотритъ также привѣтливо, какъ Тріестъ.

Вѣроятно для-того, чтобъ мы вполнѣ могли налюбоваться родной панорамою, насъ полчаса держали на пароходѣ. Наконецъ явился большой катеръ съ какими-то форменными, прекрасно-застегнутыми лицами, и послѣ внимательнаго пересмотра какихъ-то бумагъ намъ разрѣшили съѣхать на берегъ. Здѣсь уже не было шумной толпы лодочниковъ и коммиссіонеровъ, какими бывало наводнялся пароходъ въ средиземныхъ портахъ: никто не хватался за мой чемоданъ, не предлагалъ услугъ для осмотра города, не навязывался съ рекомендаціей квартиръ и гостинницъ. Правда, съ полдюжины лодокъ подошло къ пароходу, но гребцы ихъ ждали, пока сами пассажиры попросятъ ихъ объ услугахъ. Я съ трудомъ добился, чтобы матросъ принялъ въ лодку мой чемоданъ

достоилъ перевезти меня на берегъ. Послѣ странствія лабиринту отечественной таможни, расписавшись и заплатившись кое-гдѣ, я получилъ взятый у меня въ Константинополѣ паспортъ, потомъ отправился по мытарствамъ цензуры, для освобожденія отобранныхъ у меня гидовъ и картъ, написалъ тамъ какую-то просьбу по диктовкѣ чиновника, расписался въ какой-то шнуровой книгѣ и наконецъ добрался до гостинницы, довольно грязной, но зато лучшей въ городѣ. Отъ всей души благословилъ я уничтоженіе карантина, одна мысль о которомъ нагоняла уже печальную тѣнь на свѣтлыя воспоминанія моего путешествія.

БИБЛІОТЕКА
Новгородской
Академіи

LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

DK 450 .M5 C.1
Putevyia vpechatlieniia na Sie
Stanford University Libraries
3 6105 036 878 168

DK
450
.M5

DATE DUE